This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav 4345.8

THE SLAVIC COLLECTION

Harvard College Library

GIFT OF

W. A. Gardner

May 17, 1897.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

СОЧИНЕНІЯ

НЕСТОРА КУКОЛЬНИКА.

РОМАНЫ:

IV

Альфъ и Альдона (части III, IV, V, VI, VII, VIII и IX.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Печатано въ типографіи И. Фишона.
1852.

Slav 4345.8

MAY 17 1897
LIBRARY.
Gift of
W. A. Gardner.

АЛЬФЪ И АЛЬДОНА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ.

—

ТОМЪ ВТОРОЙ.

—

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Печатано въ типографіи И. Фишона.
1852.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 6 Марта 1852 года.

Цензоръ *А. Фрейгангъ*.

ЧАСТЬ ТРЕТЯЯ.

БАРОНЪ КРИСТОФЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

МѢДНИКИ.

— «Что это?» спросила Вундина, указывая Сперѣ на круглый большой мѣдный куполъ, возвышавшійся надъ густымъ лѣсомъ.

— «Мѣдники, дочь моя! Новый замокъ великаго князя; тутъ онъ любитъ жить лѣтомъ, охотиться на туровъ, отдыхать отъ тяжкихъ трудовъ. А что, Вундина, какъ ты себя чувствуешь?..»

— «Слава богамъ! Мы здоровы; только телѣжка твоя такая трясская; Гуго меня не узнаетъ; я такъ перемѣнилась. Какъ ты думаешь?»

— «Вундина, ты не имѣешь права печалиться и огорчаться. Ты должна помнить, что всякое движеніе твоего сердца отзывается уже въ другомъ сердцѣ; каждую минуту жизнь младенца въ опасности...»

— «Полно, полно, дядя, я тебѣ вѣрю и повинуюсь; только ты не сердись!.. Видишь, я молчу...»

И Вундина въ самомъ дѣлѣ замолчала и погрузилась въ глубокую думу. Поѣздъ двигался весь-

ма медленно; впереди ѣхали Жуки, въ черныхъ костюмахъ; за ними инфландскіе охотники, которыхъ иногда, въ своихъ замысловатыхъ путешествіяхъ, нанималъ Спера; середину поѣзда составлялъ небольшой обозъ изъ четырехъ прусскихъ телѣгъ или фуръ, съ съѣстными припасами, платьемъ и т. п.; одна изъ фуръ была наполнена подушками, покрыта коврами; на ней лежала Вундина, блѣдная, изнеможенная, безуміе стало будто потише: Спера увѣрилъ ее, что Гуго, во время приступа къ Полунгѣ, ушелъ въ Маріенбургъ. Вундина не оставляла Снеры, и въ Маріенбургѣ онъ опять долженъ былъ составлять новую сказку. Спера увѣрилъ Вундину, что Гуго посланъ къ Ольгерду съ объявленіемъ войны. Вундина опять поѣхала за Сперой, котораго великій магистръ отправилъ въ Литву въ качествѣ посла, подъ прусскимъ его именемъ: Кристофа, изъ Ревеля. По обѣимъ сторонамъ телѣжки ѣхали Спера и Филипхенъ; поѣздъ заключалося партіей наемныхъ охотниковъ.

Уже башни замка Мѣдницкаго выбѣжали изъ лѣса; уже толстыя стѣны съ мортирами протянулись поперегъ дороги, которая упиралась въ желѣзныя ворота замка; солнце тонуло на западѣ и послѣдними лучами, обливая мѣдный котелъ, въ видѣ купола, опрокинутый на великокняжескомъ дворцѣ, безчисленными звѣздами играло въ разноцвѣтныхъ стеклахъ высокихъ теремовъ, изукрашенныхъ также разноцвѣтною кудрявою рѣзьбою. Нижніе ярусы дворца были закрыты высокою стѣною.

При поворотѣ дороги къ Мѣдницкому замку стояла небольшая языческая божница, изъ камня; она была заперта; но возлѣ длинное узкое зданіе, которое тянулось почти на тридцати саженяхъ, было наполнено разнаго рода посѣтителями; множество повозокъ и лошадей покрывали всю площадку возлѣ зданія и нѣкоторые сосѣдніе холмы. То была гостинница Литовская; она носила это прозваніе для различія отъ другаго зданія, почти въ такомъ же вкусѣ построеннаго; но вмѣсто языческой божницы, за нимъ, на холмѣ, стояла часовня, съ иконою Богоматери. Какъ мы видѣли, былъ уже вечеръ; часовня пылала внутреннимъ свѣтомъ, который отъ множества свѣчъ дробился и разливался по золотымъ окладамъ главной и другихъ иконъ. Въ Гостинницѣ Русской, — такъ называлось второе зданіе, — также было много людей, а на площадкѣ много лошадей и повозокъ; нѣсколько подальше, въ виду обѣихъ гостинницъ, въ лѣсу, разставлены были татарскія кибитки въ большомъ порядкѣ и немаломъ числѣ. Пока поѣздъ нашъ дотащился до поворота дороги, смерклось. Въ теремахъ замка зажглись огни, въ двухъ или въ трехъ окнахъ.

Хозяинъ литовской гостинницы выбѣжалъ на встрѣчу нѣмецкому посольству; вынесли огни; Вундину сняли съ повозки почти сонную и внесли въ покой, отдѣльный, но низкій, сырой, грязный; изъ своихъ ковровъ и подушекъ Нѣмцы сдѣлали ей постель, уложили; она, какъ-будто очарованная, тотчасъ уснула. Спера сталъ одѣваться. При немъ

остался только одинъ Боря, а прочіе отправились въ главную залу или сарай, гдѣ свѣтлый литовскій алусъ разливался рѣкой. Спера преобразился въ бѣдняка, котораго мы уже видѣли разъ въ саду Бируты; взялъ въ рýки до-желта сѣдой парикъ и сталъ въ него тщательно укладывать разныя бумаги.

— «Куда ты, батюшка?» спросилъ Боря.

— «Одѣваюсь на всякой случай! Можетъ-быть, у главныхъ воротъ кто-нибудь изъ знакомыхъ; авось, къ великому князю пропустятъ.»

— «Да какъ же ты узнаешь?»

— «А вотъ въ общей палатѣ; тамъ вѣрно есть кто-нибудь изъ дружины; а нѣтъ—толкнусь къ Русскимъ, а нѣтъ—и въ ворота постучусь; что за бѣда... не первый разъ... Прощай, да гляди, Боря: она чужая вдова; береги сердце... Помнишь, какъ горько было отъ Нѣмки отрываться; даромъ, что ты ея норовъ зналъ; а къ такой привяжешься, такъ и у меня силы не станетъ...»

— «Да вѣдь честная вдова — вольная птица.»

— «А безуміе, а ребенокъ, а любовь къ другому, хоть и мертвому... Какъ тебя, однако, Нѣмцы испортили. Чуть увидѣлъ красавицу — самъ не свой. Что же будетъ, если я тебя къ великой княгинѣ поведу; тамъ всегда однѣхъ княженъ съ полдюжины, да надворныхъ разныхъ красавицъ безъ счета, — вотъ глаза разбѣгутся; а у меня, Боря, есть для тебя невѣста, только потерпи! Такъ гляди же, Боря, да на Вундину не засматривайся; говорю тебѣ, чужая вдова... Не отдалъ бы я ее те-

бѣ на-руки, когда бъ было на кого другаго положиться. Прощай!»

Спера вышелъ на площадку. У самого порога онъ повстрѣчалъ какого-то человѣка. Незнакомецъ столкнулся съ нимъ, отвернулся и прошелъ мимо. Спера посмотрѣлъ ему вслѣдъ и пошелъ дальше.

— «Такъ и есть!» сказалъ незнакомецъ, возвращаясь, когда Спера скрылся изъ вида: «Такъ и есть! Вундина! Чужая вдова! Я ее съ-разу узналъ, какъ съ повозки сымали. И зачѣмъ принесла нелегкая этого Гришку къ намъ на веселье; а я было всѣхъ Рагутницъ съ околодка собралъ. То-то дѣвки! Сталъ поить; Рагутницы мои разнѣжились; хотѣли мы пойти въ божницу; туда, кромѣ ихъ, да меня, никто не смѣй! А этотъ Гришка и приди! Узнаетъ! Продастъ! И надо же было и на Гришку и на Вундину наткнуться! Право, плакать приходится... Я, какъ крыса, въ знатный погребъ попалъ, — а тутъ усатый котъ въ двери... Право, мнѣ кажется, что я хочу плакать... Постой, поглядимъ, что Гришка дѣлаетъ... авось, налижется...»

И незнакомецъ подошелъ къ окну и сталъ прилежно наблюдать, что тамъ дѣлается. Сперы не было видно, потому что онъ не могъ протѣснится къ прилавку, у котораго сидѣли почетнѣйшіе гости; на серединѣ сидѣлъ Буртиникъ, билъ въ какія-то гусли палочками, подпѣвалъ и подкрикивалъ, а подъ эту музыку плясали неистово красивыя женщины; ихъ платья едва держались на пухлыхъ, бѣлыхъ плечахъ; голыя ноги ихъ были обуты въ сан-

даліи, похожія на римскія; только подошва, да носокъ, закрывавшій пальцы, а впрочемъ вся нога босая, въ переплетѣ изъ ленточекъ; волосы вились длинными кудрями, голова обвита узкимъ золотымъ обручемъ, за который заложены цвѣтки и хмѣль; въ рукахъ одни держали кувшинчики изъ разноцвѣтнаго камня, другія — бубенчики, иныя — погремушки. Словомъ, это были литовскія вакханки и жрицы поморскаго Бахуса Рагута. Движенія ихъ нельзя было назвать пляской: онѣ летали, кружились, плавали, то на одномъ мѣстѣ разводили руками, изгибаясь во всѣ стороны и всѣми членами, то какъ-то свертывались, присѣдая, и снова подымались и кружились, сплетались въ кучу и съ крикомъ разбѣгались по всей палатѣ, разгоняли зрителей, къ любымъ бросались на шею, предлагали поцѣлуи, и когда жаркія уста какого-нибудь юноши уступали, Рагутницы вырывались, и обманутый цѣловалъ воздухъ. Старыя стѣны гостинницы тряслись отъ смѣха; одобрительные крики не прерывались; Гришка Русинъ, какъ старшій и какъ христіанинъ, хотѣлъ запретить подобный содомъ, но всеобщее негодованіе Литвиновъ-язычниковъ напомнило ему волю Ольгерда — и Гришка замолчалъ. Въ это время Сперѣ удалось протѣснится къ почетному прилавку. Первый примѣтилъ его Гриша и разинулъ ротъ; хотѣлъ-было рѣчь начать, но палецъ Сперы приложился къ устамъ — и Гриша замолкъ.

— «Потрудись, пріятель,» сказалъ Спера по-Русски: «потрудись захватить чарку велико-княжескаго алуса.»

— «Выпьемъ вмѣстѣ!» отвѣчалъ Гришка, и подалъ Спере чару.

— «Выпьемъ! Кто съ кѣмъ пьетъ, тотъ съ тѣмъ и говоритъ.»

— «Пожалуй, лучше умную бесѣду вести, чѣмъ на такой развратъ глядѣть.»

— «Такъ не гляди! Выпьемъ и пойдемъ, въ рощѣ себѣ на зеленомъ коврѣ раскинемся, да и станемъ балагурить...»

— «Умно!»

Выпили. У самого порога имъ опять повстрѣчался незнакомецъ, опять отвернулся и пошелъ мимо.

— «Что за чертовщина!» сказалъ Спера: «Этотъ человѣкъ здѣсь не съ добрымъ ходитъ...»

— «Да это при какомъ ни есть обозѣ стражникъ. Ты только погляди, какихъ людей здѣсь нѣтъ! Русскихъ князей больше десяти, послы отъ татарскихъ хановъ, изъ Новагорода, изо Пскова, изъ нашихъ княжествъ люди съ дѣлами; да чего, изъ Авиньона, монахи; всѣхъ гостей не перечтешь; половина въ Вильнѣ ждетъ пріѣзда великокняжескаго, а тутъ только тѣ, что прямо сюда пріѣхали...»

Спера слушалъ Гришу, и все глядѣлъ во слѣдъ незнакомцу, который ушелъ на холмъ и исчезъ между деревъ и повозокъ.

— «Самъ не знаю, отъ чего меня этотъ человѣкъ безпокоитъ; жаль, что мы съ нимъ не завели рѣчи; ну, да дѣлать нечего... Гриша, веди меня къ великому князю, а дорогой разскажи, какъ ты успѣлъ сюда пріѣхать...»

— «Да что, Юрій Никитичъ, дѣло простое, взяли мы Полунгу, князя мы всю ночь не видали... Поутру князь вышелъ къ намъ, самъ не свой; снялся со всею дружиною; въ твердынѣ оставилъ Видымунда съ отрядомъ, а мы въ Пруссы. Альфъ говорилъ, просилъ, плакалъ, заклиналъ, чтобы его въ Полунгѣ оставить: князь не согласился, говоритъ: «Боюсь я на такое дѣло безъ Ольгерда соизволить; пойдемъ въ походъ; потомъ въ Вильну, пусть рѣшитъ старшій братъ.» Безтолковый походъ. На одномъ мѣстѣ цѣлый мѣсяцъ промаялись; то перейдемъ Нѣманъ, то опять назадъ къ Полунгѣ норовимъ; увидимъ маякъ, да будто отъ страха какого,—опять въ Пруссы; такъ было раза три, а потомъ, безъ оглядки, пошли на Ковно. Пришли въ Ковно. Князь и заперся въ замкѣ. Альфа отъ себя ни на шагъ не пускаетъ. Потомъ они какъ-то не поладили; Альфъ было куда-то ушелъ, да поймали; пошла ссора; вотъ князь и говоритъ: «Хорошо, хорошо, пусть старшій братъ насъ разсудитъ...» и послалъ меня впередъ, а завтра, я думаю, и самъ станетъ въ Вильнѣ... Великій князь поѣдетъ къ нему на встрѣчу, а мнѣ велѣлъ при себѣ быть.»

— «Ну, что́ Гриша, доволенъ ты своимъ мѣстомъ?...»

— «Еще бы! И почетъ великъ, и воля молодечеству; мѣстомъ я доволенъ, да счастье, не отъ мѣста, а моему счастью не бывать...»

— «Отъ чего же Гриша?»

— «Какъ отъ чего! Вундины я ужъ не увижу

на этомъ свѣтѣ; говорятъ, ее Нѣмцы на посадахъ въ Полунгѣ захватили, да съ собой увезли. Не знать мнѣ счастья, бояринъ, какъ не зналъ я отца моего и матери...»

Спера вздохнулъ, и отвѣчалъ тихо:

— «Богъ милостивъ, Гриша! Знаю твою кручину, и помочь постараюсь.»

— «Что ты говоришь, Юрій Никитичъ?...»

— «Тише, ворота отпираютъ. И свои не должны иного слышать...»

Ворота Мѣдницкаго замка отворились. Спера и Гришка Русинъ вошли безо всякой остановки на замокъ, а незнакомецъ, изъ лѣса наблюдавшій за ними, бросился со всѣхъ ногъ въ гостинницу, протолкался сквозь толпу, крича: «Хозяинъ пришелъ, хозяинъ пришелъ!» вытянулъ большой кувшинъ алуса разомъ, и пустился въ плясъ вмѣстѣ съ Рагутницами. «Эй ты, красавица,» говорилъ незнакомецъ каждой на ухо, приплясывая: «не забудь, что ты у меня сегодня изъ найма пляшешь. Такъ слушаться! Чуть я въ двери и ты за мной, да въ божницу.»

Вертѣлся незнакомецъ, вертѣлся, пока всѣмъ Рагутницамъ не сказалъ тайнаго слова, да потомъ мигнулъ хозяину: тотъ всѣмъ плясуньямъ по большому кувшину алуса въ руки, незнакомцу фонарь съ огнемъ, а тотъ прикрикнулъ: «За мной!» и бросился въ двери. Рагутницы съ кувшинами побѣжали за незнакомцемъ. Толпа высыпала на площадку, и глядѣла съ удивленіемъ и завистью на бодраго старика, которому такъ покорно повино-

вались веселыя жрицы. Незнакомецъ и Рагутницы вбѣжали въ божницу: двери захлопнулись, и люди разбрелись, кто къ повозкамъ, кто къ алусу. Незнакомецъ выглянулъ изъ божницы, ровно никого нѣтъ; какъ кошка подползъ онъ къ окну комнаты, гдѣ лежала Вундина; посмотрѣлъ опять сквозь щелочку ставни: Борисъ сидѣлъ опустивъ голову на грудь, и печально смотрѣлъ на Вундину, а та спала сномъ сладостнымъ, раскраснѣлась прежнимъ румянцемъ, сквозь сонъ улыбалась и... Незнакомецъ махнулъ рукой на божницу. Оттуда выбѣжала одна Рагутница, по мановенію незнакомца вбѣжала въ комнату, гдѣ спала Вундина, и пантомимой умоляла о чемъ-то юношу.

Красота Рагутницы, удвоенная нарядомъ, красноречивыя тѣлодвиженія, притворный ужасъ — все приводило въ недоумѣніе юношу; онъ не зналъ что дѣлать; она знаками умоляла за нею слѣдовать, и побѣдила. Борисъ схватилъ мечъ, шлемъ и щитъ, накинулъ мантію, и, ничего не понимая, скрылся съ прелестницей въ густотѣ лѣса. Незнакомецъ поспѣшно вошелъ въ комнатку, завязалъ ротъ Вундинѣ, и унесъ въ тотъ же лѣсъ, только въ другую сторону. Между-тѣмъ Рагутница бѣгала по лѣсу, и чего-то искала, плакала, глухо стонала, заставила юношу остановиться, а сама бросилась искать чего-то; искала, искала и скрылась. Напрасно онъ ждалъ Рагутницы, она не возвращалась. Онъ ходилъ, искалъ, окликалъ ее: ни слуху, ни духу! Вышелъ онъ на поляну: все тихо и покойно: въ комнату — нѣтъ Вундины. Въ

короткое время поднялась тревога во всѣхъ углахъ двухъ гостинницъ и татарскаго табора. Борисъ хотѣлъ броситься въ замокъ, чтобы позвать на совѣтъ и помощь отца, но вспомнилъ, что этимъ откроетъ: кто и гдѣ Спера, и не зналъ что́ начать, что́ дѣлать. Во время всеобщей тревоги, онъ наткнулся на Вингайлу.

— «Какъ, и ты здѣсь!» воскликнулъ Борисъ невольно.

— «И я здѣсь, Филипхенъ!» сказалъ Вингайло съ такою лукавою улыбкой, что въ душѣ Бори проснулось невольное сомнѣніе; оно возрасло еще болѣе, когда Боря замѣтилъ, что Вингайло вовсе не хлопочетъ, а наблюдаетъ за хозяиномъ гостинницы и Жуками, которые въ поискахъ обнаруживали наибольшее усердіе.

— «Вингайло, Вингайло, поди сюда!» крикнулъ Боря, но Вингайло притворился, будто не слышитъ,—и норовилъ къ дверямъ. Тогда сомнѣніе показалось доказанною истиною, и Боря втащилъ лукаваго трактирщика изъ Полунги къ себѣ въ комнату насильно, заперъ двери и сказалъ повелительно: «Признавайся, гдѣ Вундина? — Какъ ты попалъ сюда? Съ кѣмъ ты здѣсь?»

— «Да что!» отвѣчалъ Вингайло сухо: «Разорили въ Полунгѣ мое гнѣздышко: пришлось хозяину быть слугою въ чужой гостинницѣ. Куда мнѣ было дѣваться?»

— «Да гдѣ Вундина?»

— «Все одно: отъ кого деньги, лишь бы деньги. Я не знаю, кто это сказалъ, а сказалъ правду.»

— «Да гдѣ Вундина? Я тебѣ обрублю уши...»

— «Это плохая монета, Филипхенъ! За нее ничего не купишь. Отъ чего бабы болтливы? Отъ того, что у нихъ золотомъ уши завѣшены; поди, обруби, не полюбятъ...»

— «Да гдѣ же я тебѣ возьму золота?»

— «А клады? Помнишь?...»

— «Ну, на вотъ тебѣ послѣднее мое золото; а мой господинъ дастъ тебѣ вдесятеро; честное слово...

— «Вотъ такъ, пожалуй, скажу. Вундина въ рукахъ у попутчика.»

— «У какого попутчика?..

— «Ну, братъ, этого не знаю; какъ я изъ Полунги бѣжалъ, на дорогѣ въ Вильну нагналъ какого-то старика въ платьи Нѣмецкаго латника. Мнѣ все равно, кому ни служить; вотъ я и присталъ къ нему... Пришли мы съ нимъ сюда въ гостинницу; онъ ночью пропалъ, а я, нечего дѣлать, остался у здѣшняго хозяина. Не прошло и трехъ дней, попутчикъ явился, погулялъ, и опять исчезъ; онъ гдѣ-то близко живетъ, а ужъ гдѣ, не знаю. Тутъ, видишь, божница веселаго Рагута; Рагутницы кругомъ живутъ; часто сюда сбѣгаются, и онъ съ ними Видно, онъ у нихъ старшій, потому что Рагутницы ему, какъ своему хану, служатъ...»

Дальнѣйшее объясненіе совершенно убѣдило Борю, что прелестница сыграла съ нимъ хитрость и была жрицей веселаго бога. Въ божницѣ не нашли ни одной Рагутницы; ни даже слѣда, куда онѣ

разбѣжались. Не оставалось другаго средства, какъ ждать утра и Сперы... Боря, по невольному чувству, пошелъ къ воротамъ замка. Въ теремахъ все еще горѣли огни, въ двухъ только окнахъ. Въ небольшой комнатѣ, украшенной хитрою рѣзьбою и янтаремъ, за большимъ столомъ, заваленнымъ книгами писанными и различными свертками, сидѣлъ человѣкъ среднихъ лѣтъ; лице его хотя и было нѣсколько стянуто, но играло живымъ румянцемъ; орлиный носъ, глаза выразительные, небеснаго цвѣта, свѣтлорусая окладистая борода, высокій лобъ, откуда думы глубокія согнали золотыя кудри, осанка, выраженіе лица — все вмѣстѣ обличало мудреца; а дюжіе члены и мышцы — богатыря могущаго. Кто разъ видѣлъ Ольгерда, тотъ никогда уже не могъ истребить изъ памяти своей величественнаго его образа; ростъ его былъ нѣсколько больше обыкновеннаго средняго; но когда онъ такъ, какъ теперь, сидѣлъ въ креслахъ или на конѣ — казался гигантомъ. На столѣ предъ нимъ горѣлъ хитрый свѣтильникъ, которому всегда дивились всѣ высокородные мѣдницкіе гости; онъ былъ сдѣланъ наподобіе журавля, изгибающаго длинную свою шею; изъ устъ лилось пламя и освѣщало храмину; возлѣ свѣтильника, на столѣ лежала великокняжеская булава, покрытая золотомъ, безъ всякихъ другихъ украшеній, и огромная кружка съ водою и льдомъ. Мебели въ храминѣ было весьма мало; кресла, въ которыхъ сидѣлъ великій князь, лежанка, родъ дивана съ одною боковой стѣнкой и съ одною подушкой, двѣ

скамьи покрытыя сукномъ, — и только; но за то окна сложены были изъ цвѣтныхъ и расписныхъ стеколъ, а полъ покрытъ дорогимъ персидскимъ ковромъ. Самъ Ольгердъ сидѣлъ въ малиновой шелковой косулѣ, обшитой чернымъ снуркомъ; въ исподняхъ изъ той же матеріи и красивыхъ туфляхъ. Зной дневной еще не охладился; отворять окно было бы неблагоразумно, потому что нерѣдко въ растворенныя окна Мѣдницкаго терема влетали стрѣлы отъ враговъ съ личными упреками, отъ друзей съ просьбами, хотя дослать стрѣлу въ великокняжескій теремъ и считалось дѣломъ труднымъ. Великій князь дочитывалъ какой-то свитокъ, когда въ двери храмины кто-то постучался.

— «Что тамъ такое?» спросилъ Ольгердъ звучнымъ, пріятнымъ голосомъ.

— «Гости!» отвѣчалъ изъ-за дверей кто-то.

— «Пусть ѣдутъ въ Вильну! Завтра я буду на Виленскомъ замкѣ.»

— «Э, нѣтъ, Саша, это мѣдницкіе гости.»

— «Княгиня, что-ли?»

— «Да, выманишь ты Ульянну Александровну изъ Вильны; нѣтъ, Саша, этого мы съ тобой міру не покажемъ; а гости важные, видно зима близка, что дикіе гуси на полдень свѣта летятъ; говорятъ, они и янтарное море видѣли; смѣкаешь?..»

— «Перестань, врать, Ларчикъ! Говори: кто, братъ, что-ли?»

— «Да мало ли у тебя братьевъ? Котораго чаешь?»

— «Господи Боже мой! Извѣстно котораго! Кейстута! Тѣ въ Вильнѣ ..»

— «Ну такъ не Кейстутъ и не братъ, а будешь радъ...»

— «Да говори же!»

— «Нечего дѣлать, не догадался, такъ скажу: Егорка!»

— «Зови!..» шепотомъ сказалъ князь, и задулъ лампу.

Вошелъ Спера — одинъ; слышно было какъ Ларчикъ, шутъ Ольгерда, вышелъ изъ другой комнаты и заперъ дверь на ключъ

— «Здравствуй князь!» сказалъ Ольгердъ, протягивая руку; хотя луна не свѣтила, ночь однакоже была ясная; Спера могъ различить и узнать князя и, сжавъ могучую десницу, сказалъ съ чувствомъ: «Здравствуй Александръ Гедыминичъ, не надолго и, можетъ быть, въ послѣдній разъ...»

— «Князь, что это значитъ?»

— «Старость одолѣваетъ, и... прости, государь, твоя нерѣшимость. Ты не держишь слова... Я служилъ врагу моему, потому что онъ былъ мужемъ моей невѣсты; я служу тебѣ, потому что ты сынъ Ольги! Я не хотѣлъ отъ Гедымина обратно моего удѣла, нѣтъ! Я далъ слово служить ему, и съ какими жертвами, съ какими лишеніями сдержалъ мое слово... А ты!..»

Ольгердъ всталъ, подошелъ къ Сперѣ, взялъ его за руку, подвелъ къ окну и сказалъ съ чувствомъ:

— «Дядя! — Такъ пріучила мать моя называть тебя, князь. Дорогой дядя! Только я одинъ знаю и тайну и жертвы твои! Только ты, да жена

мнѣ упрекъ; но я ли не христіанинъ? я ли не исполняю всѣхъ обязанностей моей Церкви! Но могу ли велѣть креститься этимъ звѣрямъ? Погляди: во всѣхъ моихъ городахъ воздвигнуты христіанскіе храмы; видишь ли: на перепутьи часовня Богоматери... А много ли тамъ Литвиновъ? У меня въ Мѣдникахъ домашняя церковь; въ Вильнѣ, ты увидишь, чуть нецѣлый сорокъ церквей — и христіанство растетъ, безъ принужденія. Не хочу славы крестителя земли Литовской, потому что въ святую купель я долженъ гнать стадо звѣрей огнемъ и мечемъ; мало: самая цѣлость государства разрушится. Кейстутъ...»

— «Твой Кейстутъ — съумасшедшій, и только.»

— «Какъ, князь?..»

— «Ни съ того, ни съ сего, взялъ Полунгу!»

— «Великій подвигъ, князь, великій подвигъ!»

— «Великій подвигъ; а какія же послѣдствія? Великій магистръ прислалъ меня разузнать: гдѣ ты, гдѣ Кейстутъ, проникнутъ на Русь и возстановить на тебя Симеона Московскаго. А между-тѣмъ, всѣ силы ордена собираются въ Рагниту и, думаю, по слѣдамъ моимъ, вступили на Жмудь... Говорю тебѣ, никогда у магистра не было такого порядка въ войскѣ; никогда не было такихъ дѣльныхъ командоровъ; цѣль ихъ — Ковно. Сказано: умереть или взять Ковно...»

— «И возьмутъ, Юрій Романычъ, и возьмутъ! Да что же въ томъ толка? Всѣ богатства будутъ въ Вильнѣ, весь порохъ въ Ковнѣ... Угорятъ!

Воротится домой полъ-ордена, а Ковна не удержатъ... За этимъ ты и пріѣхалъ?»

— «За этимъ; да еще хочу просить о сынѣ. Пора ему знать: кто онъ, и какъ служилъ отецъ его, и самого пристроить... Для себя я не просилъ удѣла...»

— «А для сына — пожалуй, хоть три къ твоимъ услугамъ, Юрій Романычъ; хочешь, свое старое княжество Витебское отдамъ Борису; а онъ съ тобой?»

— «Со мной!»

— «Вели позвать его...»

— «Послѣ, послѣ! Теперь у насъ есть дѣла поважнѣе. Ты, вѣрно, слышалъ про Альфа...»

— «Ну, слышалъ, что братъ его выручилъ...»

— «Изъ чего?»

— «Изъ плѣна? — »

— «А изъ сѣтей колдуньи? Онъ влюбился въ Бируту; и ты, на зло поганщинѣ, долженъ женить его.»

— »Это дѣло моего брата!»

— «Но Кейстутъ не позволитъ, пока свѣтъ стоитъ, жениться на вайделоткѣ...»

— «А ты знаешь, какъ я люблю Кейстута, и не позволю себѣ мѣшаться въ дѣла его удѣла. Альфъ, по раздѣлу, приписанъ къ Трокамъ.»

— «Чудеса, право! Какой же ты великій князь, когда у тебя каждый братъ, что хочетъ, то и дѣлаетъ.»

— «Послушай, Юрій Романычъ! Мы съ тобою рѣдко видимся, и потому я разучился быть от-

кровеннымъ. Право, некому искренняго слова сказать. Жену люблю, больше жизни, да вѣдь она тверская княжня: замыслы мои будутъ ей въ тягость; Кейстута обожаю наравнѣ съ отцемъ· могъ бы я ему сказать, да у меня въ Вильнѣ изъ русскихъ княжествъ три свата и семь невѣстъ сидятъ; женится; пойдутъ дѣти; жаль ихъ станетъ, и мысль моя, и я самъ могу ему не полюбиться; братъ Любартъ, ты его знаешь, то и дѣло хлопочетъ о Галицкомъ королевствѣ; да нельзя помочь: силенъ будетъ; еще раздѣлъ власти, еще ступенькой назадъ; братъ Коріадъ-Святоша, радъ радехонекъ, когда его изъ Новаго-Городка въ гости не зову; противъ воли вчера въ Вильну пріѣхалъ; умный трусъ; братъ Явнутъ считаетъ себя обиженнымъ, за то, что самъ забылъ право первородства, на мой престолъ сѣлъ; хотѣлъ Гедыминово царство въ три года разрушить; прогналъ я его, какъ самъ знаешь; поѣхалъ къ Симеону, а тотъ, если правду сказать, безъ рѣчей меня понимаетъ, да на бѣду, то же, что и я, задумалъ... Сынъ Владиміръ молодъ; онъ еще отцу не совѣтчикъ. Кому же сказать мою тайную мысль?»

— «Да что-же ты задумалъ?»

— «Объявить себя христіаниномъ.»

— «Великій Боже!..»

— «Да, христіаниномъ, но вмѣстѣ и великимъ княземъ всея Руси... отъ Нѣмана до Волги, отъ Днепра до Бѣлаго моря...»

Князь Юрій Романычъ, какъ мы отнынѣ и называть его будемъ, въ благоговѣйномъ ужасѣ от-

ступилъ отъ Ольгерда; великій князь выросъ и высокою тѣнью заслонилъ все окно; примѣтно было во всѣхъ рѣчахъ его, въ движеніяхъ, какое-то вдохновеніе... мечта самовластія на него самого наводила трепетъ, лихорадочную дрожь... Молчаніе было продолжительно; казалось, разговоръ кончился; но Ольгердъ скоро пришелъ въ себя, опять сталъ какъ-то поменьше, сложился и сказалъ, дрожащимъ однако же голосомъ: «Другъ, не измѣни! Мнѣ нужна твоя помощь! Могу ли надѣяться?»

— «Можешь! Мнѣ нечего терять; у меня нѣтъ удѣловъ...»

— «Ихъ не должно быть по всему лицу земли нашей. Православная Церковь — вотъ предѣлы нашей державы; Литва въ семьѣ княжествъ русской митрополіи — клочекъ земли ничтожный: безъ русскихъ дружинъ: Полоцкихъ, Витебскихъ, Волынскихъ, Минскихъ, Гродненскихъ, Кіевскихъ, Сѣверскихъ и Смоленскихъ, могъ ли бы я, или отецъ мой, противустать съ одними Литвинами несытому латинскому полчищу: а оно, какъ трава на мирной землѣ... Скосишь, выросла. Со всѣхъ сторонъ свѣта движутся рыцари, со крестомъ на груди, обращать насъ въ христіанскую вѣру. Объявить себя христіаниномъ Восточной Церкви, не значитъ еще — обезоружить латинскихъ волковъ. Нѣтъ! Это ничему не поможетъ. Магнусъ шведскій, говорятъ, пришелъ съ войскомъ обращать въ христіанскую вѣру новгородскаго владыку. Подвигъ вѣры приписали бы слабости, подвигъ безполезный. Кейстутъ и народъ не послѣдуетъ моему примѣру. Миндовгъ по-

терялъ корону за латинскую вѣру. А русскіе князья, утопая въ междоусобной борьбѣ, не пощадили бы единовѣрца, оставленнаго своимъ народомъ. Мало моихъ дикарей, но всѣ воины — и сила Ольгерда, двойственная, не сокрушима. Но развѣ не можетъ эта сила сосредоточить всѣ русскія земли воедино и побѣдительно разлиться на Востокъ и на Западъ, на латинскихъ и волжскихъ Татаръ? Погляди, другъ! Тверское, Смоленское, Брянское и Черниговское княжества въ моихъ рукахъ; захочу — и роды княжескіе обратятся въ боярскіе. Остается Рязань и Москва; пусть себѣ величаются именами великихъ княженій... придетъ время... дойду до Владиміра и сяду на престолѣ Боголюбскаго. Тамъ только скажу: «былъ и есмь христіанинъ!» Тамъ возглашу: «я единый и великій князь всея Руси! Повинуйтеся!...» Тамъ раздастся звукъ моего рога — и Кейстутъ услышитъ, и Пруссы и Золотая Орда потрясутся въ основаніяхъ отъ соединенныхъ силъ нашихъ... Тогда, надѣюсь, и Кейстутъ уступитъ... И возстанетъ держава шире и могущественнѣе Ярославовой... Другъ! Двѣ услуги еще... и я не отпущу тебя изъ Вильны... Двѣ услуги. Уговори Ѳеогноста, когда будешь на Москвѣ, пусть заѣдетъ къ намъ въ Литву осмотрѣть паству и успѣхи христіанства. Все, что ни обѣщаешь митрополиту — утверждаю... Другая... Тяжко сердцу моему, но каждый день слышу страшныя вѣсти. Какая-то зараза разливается по свѣту Божьему. Врачей! Мнѣ нужно врачей! Рыцари ихъ не отпустятъ; ты уговори ихъ ѣхать въ Тверь или Москву; тебѣ повѣ-

ритъ самъ Книпроде; пошли ихъ черезъ псковскія земли, и они будутъ въ рукахъ моихъ.. Врачей, врачей! Боюсь за народъ мой, и вотъ уже десятый день не вѣдаю сна. Страшно! То гнѣвъ Божій! Восточная Русь ихъ заслужила междоусобіемъ... а мы... Страхъ беретъ, когда подумаю, что черная смерть стучится въ Вильно, Троки и Ковно... я одинъ... Врачей, друже!...»

— «Все исполню, милый сынъ Ольги!» сказалъ старецъ съ чувствомъ, и заключилъ въ объятіяхъ дорогаго князя: «Прощай!»

— «Куда же ты?»

— «Домой, въ гостинницу. Тамъ Боря и жуки мои; завтра явлюсь къ тебѣ посломъ отъ великаго магистра Генриха Книпроде... буду жаловаться на Кейстута и угрожать. Готовь отвѣты...»

— «Они готовы! Всѣ князья въ сборѣ, жду только Кейстута! До свиданія; но не здѣсь, князь, а въ Вильнѣ.»

Князь Юрій Романычъ ушелъ. Ларчикъ провожалъ его до воротъ. Князь повернулъ въ лѣсъ, и по опушкѣ добрался до гостинницы. Но тамъ будто всѣ вымерли; даже хозяина не осталось. На крыльцѣ русской гостинницы стояло нѣсколько человѣкъ, закутанныхъ въ широкіе охабни, потому, что ночь стала крѣпко свѣжа. Отъ нихъ узналъ таинственный князь, что не только Литвины, но даже Татаре изъ обоза бросились по Ошмянской дорогѣ, искать какую-то женщину, украденную неизвѣстнымъ человѣкомъ...

Для князя этого было слишкомъ довольно; онъ

вскочилъ на перваго коня, какой ему попался въ обозѣ литовскомъ, и рхлябь, поскакалъ по ошмянской дорогѣ. На пути онъ услышалъ шумъ на лѣвой рукѣ въ лѣсу, и пріостановился... Нельзя было разобрать рѣчей, за вѣтромъ; шумъ происходилъ не далѣе какъ въ двухъ стахъ шагахъ. Князь пустился въ лѣсъ, но густота и колючія свойства хвойнаго лѣса не позволяли ѣхать верхомъ; лошадь была привязана, и князь отправился пѣшкомъ. Шумъ приближался. Кто-то крѣпко плакалъ и кричалъ по-литовски: «Не дери косы; я и такъ все скажу.»

— «Говори же!» громовымъ голосомъ закричали Гришка Русинъ и Боря, который держалъ за косу ту самую роскошную рагутницу, ту очаровательную прелестницу, что̀ за часъ предъ тѣмъ онъ шелъ защищать мечемъ и кровію. Толпа народа окружала ихъ; откуда ни взялись, а почти у всѣхъ въ рукахъ горѣли естественные факелы, смоляные осколки еловника; на всѣхъ лицахъ было написано двойное неудовольствіе: за похищеніе Вундины, и за обхожденіе со жрицей. Богъ Рагутъ былъ любимецъ народа, утѣшитель въ скорбяхъ и бѣдности; отъ него только и веселія на литовской землѣ, а христіане такъ жестоко обходились съ главной его жрицей.

— «Говори, говори!» повторилъ Боря: «Намъ некогда...»

— «Онъ убьетъ меня!» завопила рагутница: «Онъ защекочетъ меня; ужъ мнѣ и оставаться нельзя при капищѣ... мнѣ надо бѣжать въ Ковно... а онъ найдетъ меня и тамъ! Что̀ мнѣ дѣлать?»

— «Признаться! Лишь бы только намъ найти его, разстанется онъ со свѣтомъ!»

— «Слышишь, Врубa!» закричала Рагутница.

— «Врубa!» съ изумленіемъ повторилъ Гришка. «Давай его сюда! Это уже во второй разъ мы съ нимъ за одну и ту же добычу споримъ. Бросилъ я его въ полѣ, какъ пса, когда Кейстутъ Гедыминичь на Полунгу ударилъ. Давай его сюда, рагутница! Князь говорилъ, что хочетъ Криве Кривейту на судъ Врубу отдать, и журилъ меня князь, зачѣмъ я его изъ рукъ выпустилъ...»

— «Слышишь, Врубa, уходи, если можешь...»

— «Такъ онъ здѣсь?... Рагутница! теперь уже мнѣ не нужно косы твоей, а крови! Выдавай!»

Испуганная рагутница, молча указала на кустъ можевельника: въ одно мгновенье кустъ былъ сорванъ; открылась глубокая яма, недавно вырытая; изъ ней образована была небольшая храмина съ бѣдной и нечистой постелью; на этомъ нищенскомъ одрѣ лежала Вундина, задыхаясь подъ платкомъ, крѣпко обвязаннымъ около губъ и ушей; въ углу, притаясь, черною тѣнью, стоялъ Врубa, вплотную со стѣною, какъ робкій волкъ въ западнѣ... Факелы открыли его, но въ это самое время Врубa возвратилъ присутствіе духа: онъ схватилъ съ пола двойную кривулю обыкновеннаго Криве, вѣроятно, гдѣ нибудь имъ украденную, и выступилъ впередъ изъ своихъ укрѣпленій.

— «Назадъ!» закричалъ онъ, и Литвины увидѣвъ кривулю, благоговѣйно отступили. Гришка

Русинъ, Боря и жуки бросились было къ ямѣ; но толпа ихъ не допустила.

— «Пусть скажетъ! пусть скажетъ!» кричали Литвины: «Что въ самомъ дѣлѣ, намъ теперь отъ нихъ житья нѣтъ! Пусть скажетъ, пусть говоритъ...»

И Вруба ободрился, и сталъ говорить, не выходя однако же изъ глубокой ямы.

— «Дѣти! Она преступница! Она полюбила Нѣмца, и приняла отъ него грѣшный плодъ!»

— «О горе!» кричали жалобно Литвины: «о стыдъ землѣ и роду!..»

— «Такъ!» продолжалъ Вруба: «Боги укарали ее безумiемъ; но этого мало: нуженъ примѣръ. Криве-Кривейто потребовалъ ее къ себѣ; но знаменитый Сигонота Гердань, дядя Вундины...»

— «Вундина Невяжская!» раздалось со всѣхъ сторонъ: «Дугна Невяжская! Разсказывай, разсказывай!»

— «Гердань хотѣлъ скрыть и Вундину и грѣхъ рожденiя въ подземельяхъ Атримпоса, что за невяжскимъ Ромновымъ, но Криве Кривейто узналъ обо всемъ, и не желая оскорбить старца, повелѣлъ мнѣ тайно увести ее оттуда, и доставить на Святой Рогъ. Увелъ я Вундину тайно, да вотъ этотъ звѣрь у меня ее отнялъ, посадилъ на коня, и выпустилъ, какъ птицу, на волю...»

Признаки сильнаго негодованiя толпы выразились общимъ, яркимъ, пламеннымъ взглядомъ на Гришу, и опять всѣ глаза обратились къ Врубѣ.

— «Поймалъ я ее, и теперь уже не отдамъ никому, кромѣ Криве Кривейто...»

— «Врешь, лакомка!» сказалъ князь Юрій, подходя къ ямѣ: «Врешь, для себя бережешь, да много возни; лучше, по-добру, отдай Вундину; а Криве Кривейто у тебя такую красавицу отыметъ; Гинтовтъ еще лакомѣе тебя.»

Литвины съ удивленіемъ посмотрѣли на колдуна, потому что поясъ князя Юрія, какъ мы знаемъ, былъ обвѣшанъ болванчиками и медальонами, какъ въ то время открыто ходили знаки литовскіе. Неожиданное его явленіе, странный видъ, твердая рѣчь, наводили на язычниковъ недоумѣніе, и даже ужасъ. Самъ Вруба, несвободный отъ предразсудковъ своего народа, струхнулъ и глядѣлъ на старика боязливо.

— «То-то же!» продолжалъ князь, замѣтивъ, какое приходъ его сдѣлалъ на всѣхъ впечатлѣніе; «Вѣдь я не даромъ колдунъ; давно на тебя, Вруба, изъ сосѣдней норы гляжу, какъ ты съ разгутницами женихаешься... и сегодня видѣлъ я тебя два раза подъ окнами гостинницы...»

— «Э! Такъ онъ не колдунъ...» подумалъ Вруба: «а мы съ Криве Кривейтомъ и поладимъ, и ужъ если нельзя иначе; такъ Вундиночкой подѣлимся.» Подумалъ и сказалъ громко: «Колдунъ-Колдуномъ, а Сигонота — старине Криве. Слушаться, дѣти! Зову всѣхъ на судъ Криве Кривейта!..»

— «На судъ! На судъ!» кричалъ народъ. «Утро! заря! Въ Вильно, на Святой Рогъ, на судъ!!»

— «На судъ великаго князя!» громогласно за-

кричалъ князь; толпа на мгновенье омолкла, но скоро оправилась и закричала въ свою очередь: «На судъ Криве Кривейта! Это дѣло боговъ!»

— «Да будетъ» сказалъ князь, и Вундину подняли, понесли въ гостинницу; за нею шелъ Вруба съ толпой Литвиновъ; жуки окружили Борю, и спрашивали, что тутъ случилось; онъ имъ толковалъ все дѣло по-нѣмецки. Гришка, въ отчаяніи, обратился было къ князю, но тотъ знаками приказалъ молчать, и ушелъ въ лѣсъ. Когда Гришка, Боря и жуки пришли въ гостинницу, они нашли уже Сперу въ богатой мантіи и шлемѣ. Онъ требовалъ Вундины, посланной великимъ магистромъ въ даръ великому князю, какъ плѣнницу высокаго рода.

— «Ахъ ты, Нѣмецъ нечистый!» кричала толпа: «Укралъ на дорогѣ больную, да и кричитъ плѣнница! Не дадимъ! На судъ! На судъ!..»

— «Я отъ васъ не отстану» сказалъ князь, приказалъ сѣдлать, и закладывать лошадей, и еще солнце не поднялось съ своего богатаго ложа, а уже вся мѣдницкая дорога, до новыхъ садовъ княжескихъ и звѣринца, которые на нѣсколько верстъ простирались, почти до нынѣшней Рукойны, наполнилась различнаго рода повозками, всадниками и пѣшеходами. Странная пестрота! Тамъ тащился русскій обозъ, ни дать, ни взять, какъ нынче; кибитки татарскія, запряженныя въ двѣ и въ три лошади, старались обогнать скучный обозъ; за ними, на двухъ колесахъ, катился мелкій торговецъ изъ Полоцкаго удѣла; а тамъ Нѣ-

мецъ, въ сажень ростомъ, на саженномъ конѣ изъ динабургскаго командорства съ жалобой, что охотники изъ Езеросы, командорскаго кречета застрѣлили; тутъ толпы изъ черни разной, на комъ родъ шлема, больше похожаго на желѣзную шапку, съ круглымъ и выпуклымъ донышкомъ, на комъ звѣриныя головы, обдѣланныя безъ большихъ затѣй въ покрышки для головы человѣческой; тамъ дружина мелкаго русскаго князька въ сорокъ лошадей, тамъ черный клобукъ, и черная ряса пѣшествуютъ, съ жестяной кружкой, изъ дальнихъ русскихъ городовъ къ великой княгинѣ, а на нихъ съ коня завистливо поглядываетъ францисканецъ, не въ своей одеждѣ; поверхъ темно-коричневой рясы — латы; тонсура подъ шлемомъ, а распятье въ широкихъ ножнахъ quasi меча. Не великъ переѣздъ отъ мѣдницкаго замка до Вильна; однако же и эти почти тридцать верстъ больше походятъ на волжскій большой базаръ, гдѣ Орда и Русь торгуютъ, нежели на битый путь въ пустомъ полѣ... И точно, Вруба съ многочисленными спутниками и съ Вундиной на носилкахъ, вышли въ чистое поле. Тутъ оканчивался мѣдницкій паркъ, или новые сады; глубокій ровъ былъ единственнымъ признакомъ, что этотъ дикій, угрюмый, дремучій лѣсъ, пожалованъ въ почетное званіе великокняжескаго сада, и ровъ этотъ кончался огромными дубовыми воротами, стоявшими на самой дорогѣ. Ворота были отперты. У воротъ стояла толпа лѣсничихъ, какъ будто ожидая кого-то; они поглядывали на широ-

кую просѣку, которая оканчивалась мрачнымъ видомъ трехъ башеннаго мѣдницкаго замка. Примѣтно было, что кто впереди ни шелъ, ни ѣхалъ, вдоль по дорогѣ, всѣ сворачивали на поле и останавливались. Вруба, по какому-то предчувствію хотѣлъ было ускорить походъ и своротить на Рудомины, гдѣ, какъ онъ говорилъ, не такъ опасно и безпокойно продолжать путь пѣшеходамъ, но не успѣлъ исполнить искуснаго плана: раздался въ новыхъ садахъ топотъ коней; изъ дубовыхъ воротъ выѣхалъ отрядъ великокняжеской дружины; за нимъ, на крохотномъ конкѣ, Ларчикъ, одѣтый въ полный костюмъ прусскаго великаго магистра. За нимъ бѣжали двѣ прекрасныя комнатныя собаки, одна Морвейджъ, вѣроятно англійская, а другая подъ избитымъ именемъ: Геркулеса... Почти въ одно время съ Ларчикомъ выѣхали два трубача и въ слѣдъ за ними самъ великій князь, бояринъ Монтвидъ, бояринъ Гаштольдъ, бояринъ Лучанинъ, другіе бояра, можно назвать, ближніе, съ избранными богатырями Ольгердовой дружины.

— «Гриша!» сказалъ князь Юрій, сидя на великолѣпномъ сѣдлѣ, и удерживая бодраго своего жеребца: «Проси князя: онъ выручитъ Вундину, а мнѣ не приходится.»

Гриша попался первый на глаза Ольгерду.

— «А!» сказалъ великій князь: «И ты съ нами?..»

Тотъ разсказалъ въ короткихъ словахъ свое дѣло.

Великій князь взялъ сѣкиру отъ одного изъ княжескихъ дѣтей, или пажей, и подъѣхалъ къ Врубѣ. Увидавъ знакомую сѣкиру, чернь и Врубa разбѣжались, и оставили Вундину по серединѣ дороги. Ольгердъ улыбнулся и сказалъ Гришѣ.

— «Видно, что Сигонотово племя! И слова не дали вымолвить! Трусы! А Вундины я тебѣ, Гриша, не дамъ. Знатный подарокъ Улинькѣ. Эй! Возьмите эту несчастную и отнесите въ Кривъ-городъ, къ великой княгинѣ. Ты, Гриша, можешь провожать ее! До свиданія!»

—

ГЛАВА II.

ВИЛЬНО.

Солнце вспыхнуло. Горы вставали и падали, какъ горбы на спинѣ верблюда; одна вслѣдъ за другою. Великій Князь почти вмѣстѣ со всѣми гостьми своими въѣхалъ на пространную возвышенность, гдѣ теперь лепятся каменные дома, и откуда однимъ поворотомъ глазъ можно было обозрѣть всю литовскую столицу. Но во время, нами описываемое, кругомъ по всей этой возвышенности росъ мелкій кустарникъ; по лѣвую отъ путешественника руку, въ двухъ или трехъ мѣстахъ, примѣтны были кладбища христіанъ, а по правую, могильные курганы; деревянная стѣна чернымъ поясомъ обходила кучи мелкихъ деревянныхъ домовъ и съ лѣвой стороны примыкала къ священной рощѣ, гдѣ нынѣ Лукишки, а съ правой оканчивалась Спаскими воротами, у самой Вилепки; за ними поднимались и стройной

цѣпью или къ Нерису (Вильѣ), высокія горы. Какъ будто дитя съ семьею нянъками лежало Вильно между горъ и лѣсовъ дремучихъ. Какъ звѣзды дневныя, сверкали кресты деревянныхъ церквей, блисталъ шпиль городской думы и мѣдныя широкія чашки башень на двухъ замкахъ; да въ кучахъ столпившихся хижинъ красовались просторомъ и добрымъ строеніемъ: русскій гостиный дворъ и боярскія хоромы. За то въ самомъ низу на Святомъ Рогѣ, въ Кривъ-городѣ улицы чернѣли народомъ: казалось, вся дѣятельность великаго княжества сосредоточивалась у божницы Перкуна. Медленно сходилъ ученый конь Ольгердовъ съ крутой горы. На троицкихъ воротахъ затрубили въ рогъ, и ворота, визжа, растворились. Всѣ жители русскаго конца, простиравшагося отъ самаго Кривъгорода и Виленки до этихъ воротъ высыпали на большую улицу, чтобы посмотрѣть на Великаго Князя. Ольгердъ съ боярами и дружиною, въѣхалъ на главную площадь передъ думой, только что отстроенной, и ворота затворились. Всѣ гости задержаны. Какъ звѣри, напали на повозки мытари и стали расчитываться съ торговцами, даже съ почетными гостьми. Тѣ мытари были русскіе; они держали на откупѣ троицкія и спасскія ворота, такъ какъ нѣмецкіе монетчики или мѣнялы—ворота клецкія и троцкія, на лѣвой сторонѣ города. — Невозможно было протѣсниться прежде другихъ; нельзя было пробраться и къ другимъ воротамъ, потому что строенія двухъ монастырей и другія, съ обѣихъ сторонъ, плотно примыкали къ

городской стѣнѣ. Съ лѣвой стороны, изъ-за деревянной стѣны, возвышались: по серединѣ, деревянная же церковь Св. Троицы, потомъ крыши келій, по ту и по другую стороны; обширный садъ и на углу его, обращенномъ къ мѣдницкой дорогѣ, церковь Св. Петра *). Между Троицкимъ монастыремъ и городскою стѣною плотно, какъ будто вдавленный, стоялъ просторный русскій гостинный дворъ; лавки были уже отперты; купцы торговались съ пріѣзжими, а поселяне съ удовольствіемъ сбывали имъ свои товары, избѣгая раздѣлки съ городскими мытарями. По правую руку, нѣсколько повыше, стояли два монастыря; мужской—Духовъ, и женскій—Благовѣщенскій, съ двумя деревянными церквами и такими же кельями.

Князь Юрій былъ погруженъ въ глубокую думу; онъ какъ будто прислушивался къ монастырской тишинѣ, какъ будто хотѣлъ угадать: идетъ ли тамъ служба? Размышленія его были прерваны Борисомъ.

— «Ну,» сказалъ онъ: «теперь, кажется, можно проѣхать.»

И нѣмецкій поѣздъ тронулся. Посольство, какое бы оно ни было, не подлежало мытамъ и поборамъ. На городской площади, которая тогда лежала тотчасъ за троицкими воротами, князь Юрій съ Борисомъ спѣшились; Жуки приняли и повели лошадей на Посольское подворье, построенное на самой подошвѣ замковой горы, противу Дольняго Замка.

*) Гдѣ нынѣ острая брама (ворота).

— «Это Гедыминова затѣя на нѣмецкій ладъ.» сказалъ князь Юрій, показывая на городскую думу: «Намъ до этой ратуши нѣтъ дѣла; но, признаюсь, Боря, сердце дрожитъ. Хотѣлось бы прежде въ церковь, помолиться Господу, а тогда уже къ великому князю...»

— «Да кто же намъ мѣшаетъ?..» спросилъ Боря.

— «Кто? Нашъ нѣмецкій санъ и нарядъ. Увидятъ, разнесутъ и опасное подозрѣніе можетъ добѣжать до кельи великаго магистра... Боже мой, Боже! И помолиться нельзя!.. Будь, что будетъ, а вѣра прежде всего. Пойдемъ въ церковь.»

— «Въ которую?» спросилъ Боря, и этотъ вопросъ былъ весьма естественный. Направо почти противъ думы стояла церковь Козьмы и Даміана, налѣво, наискосокъ, церковь Воскресенія Христова, немного подальше, внизъ по той же улицѣ, ведущей къ замку, сверкали кресты церквей Св. Пророка Иліи, Параскевы Пятницы, Николая и другой— перенесенія мощей Св. Николая; но князь Юрій своротилъ съ большой площади въ тѣсный переулокъ, прошли двѣ, три улицы и путникамъ представилась прекрасная, опрятно застроенная Пречистенка. Эта улица упиралась въ спасскія ворота, а на другомъ концѣ ея подымалась новая церковь Покрова Богородицы; по лѣвую руку церковь Рождества Христова и Св. Іоанна, а по правую церковь Пречистыя Божія Матери, съ небольшою пристроенною къ ней церковью Спаса; далѣе, по улицѣ уже, возвышалась церковь Св. Екатерины и многія другія.

Глубокая тишина царствовала по всей Пречистенкѣ. Только малая Спасская церковь была отперта; на паперти никого не было. Путники наши рѣшились войти. Входятъ; въ церкви также никого; только дьячекъ смирно ходилъ около иконостаса и приготовлялъ къ службѣ свѣчки.

— «Боже Великій, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй!» сказалъ князь въ полголоса и распростерся на деревянномъ помостѣ бѣднаго храма. Боря машинально послѣдовалъ его примѣру; но старецъ поднялъ голову; въ глазахъ его сверкали слезы; въ нихъ была написана та великая молитва, въ которой не бываетъ ни просьбъ, ни жалобъ, ни благодарности, ничего; только молитва, только исповѣдь безпредѣльной жаркой Вѣры, Любви и Надежды. Подобная молитва мгновенна; она изливается вмѣстѣ со слезами; князь Юрій зарыдалъ, но лице его выражало такую сладость, такое счастіе, какое не представлялось Борису даже въ юношескихъ мечтахъ.

И снова князь Юрій умилился и снова слезы, и онъ всталъ, такой покойный, такой веселый, какъ птица, пробужденная первымъ лучемъ солнца. Онъ обнялъ Борю въ первый разъ и въ первый разъ назвалъ его сыномъ.

— «Что съ тобой?» спросилъ Боря: «Что съ тобой, Юрій Никитичъ?»

— «Называя меня, любезный сынъ, отнынѣ по имени и по отцу, какъ слѣдуетъ. Называй меня княземъ Юрьемъ Романычемъ...»

— «Какъ! ты князь?»

— «Князь!»

— «Такъ и я князь?»

— «И ты князь...»

— «Ахъ какъ я радъ!..»

— «Чему?.. Ахъ! Боря, не здѣсь могила твоей матери, не здѣсь и ея могила...»

— «Чья?»

— «Ночью, ночью, Боря, на гробѣ матери, ты узнаешь все. Не забудемъ долга нашего. Великій Князь ждетъ меня. Пойдемъ!»

Шибко шелъ князь Юрій по Пречистенкѣ. Боря едва успѣвалъ бѣжать за нимъ и въ воображеніи уже княжилъ въ какомъ то неопредѣленномъ удѣлѣ; часто казалось ему, что Вильно его столица; новость предметовъ разрывала эти мечты; наконецъ совершенно ихъ подавила, когда путники вошли на главную площадь Кривъ-города. Великолѣпный видъ горняго и дольняго замковъ поразилъ не только Борю, но и самого Юрія. Оба остановились. Огромный дворецъ великой княгини вполнѣ соотвѣтствовалъ ужасающему виду трехъ башенной твердыни, которая, въ видѣ каменнаго вѣнца, рисовалась на яркой синевѣ неба. Стѣны были покрыты лучниками, мортирщиками и другаго рода военными людьми. Внизу это огромное круглое зданіе, которое называлось дольнимъ замкомъ, занимало значительную часть площади; отъ него шли два крыла, съ мелкими окнами, облѣпленныя рѣзными и разноцвѣтными украшеніями. Дальнее крыло примыкало къ высокому, узкому угловому зданьицу той же архитектуры: то были терема Великой Кня-

гини; видъ изъ оконъ теремовъ былъ и на горній замокъ, и на всю площадь, и на Вилью съ Заречьемъ; къ нимъ примыкало высокое и длинное крылице; оно простиралось по всему второму жилью теремовъ и вело въ свѣтлицу или башню значительной вышины; свѣтлица была вся въ окнахъ; по обѣимъ ея сторонамъ, по набережной Вилии, или открытыя галлереи; а какъ и эти террасы имѣли сходы, то ихъ и называли правымъ и лѣвымъ крыльцемъ. Противу свѣтлицы, на рѣкѣ, изъ камня была довольно искусно сдѣлана пристань. При ней стояли потѣшные струги Великой Княгини.

— «Чудно!» сказалъ Боря: «Да это лучше Маріенбурга и Королевца!»

— «Правду сказать,» замѣтилъ Юрій: «и я не надѣялся найдти такую большую перемѣну въ Кривъ-городѣ. Все это Ульяна Александровна! Экая затѣйница! Плута Криве Кривейто, съ его божницей и дворцемъ, и невидно.»

— «А гдѣ же онъ?» спросилъ любопытный Боря.

— «Надо зайти, видно, съ другой стороны, да не время. Пусть послѣ... Пойдемъ къ Великому Князю...»

Путники наши подошли къ воротамъ дольняго замка; съ трудомъ они могли туда протѣсниться, потому что вся площадь покрыта была безчисленнымъ народомъ. Тутъ же на площади они различили дружины многихъ русскихъ и литовскихъ князей, татарскихъ, и польскихъ пословъ, мно-

гихъ иностранцевъ, а въ самыхъ воротахъ нашли Гришку Русина съ дорогой плѣнницей.

— «Что, не пускаютъ?» спросилъ князь ласково.

— «Не пускаютъ, пока не отойдетъ обѣдня у княгини.»

— «Да развѣ и Великій Князь...»

— «У обѣдни...»

— «Странное дѣло. Да развѣ онъ выходитъ, когда читаютъ объ оглашенныхъ.»

— «Всегда выходитъ и стоитъ въ предверіи, у западныхъ воротъ; круглецы говорятъ, что въ это время онъ пуще молится, чѣмъ въ церкви...»

— «Радость моей Ольги!» прошепталъ Юрій: «Удастся ли мнѣ увидѣть исполненіе лучшаго твоего желанія и умереть?..»

— «А сегодня, нечего сказать, хотѣлось бы и мнѣ побывать у обѣдни...» сказалъ Гриша.

— «А зачѣмъ?»

— «Какъ зачѣмъ! Князей-то тамъ сколько, да пріѣзжія княжны... да и самой ненаглядной нашей княгини давно не видѣлъ...»

— «Выходятъ, выходятъ!» послышалось за воротами, и Круглецъ, родъ нынѣшняго камеръ-пажа, приказалъ именемъ Великаго Князя пускать гостей имопитыхъ. Первый вошелъ Гришка Русинъ съ Вундиной. Чудное дѣло! Вундина не обнаруживала ни малѣйшаго признака безумія и болѣзни; безпрестанно поглядывала на Гришку, краснѣла, заставляла краснѣть Кейстутовскаго богатыря. Нѣсколько словъ, которыя она проговорила съ большимъ уси-

лѣнъ, также не заключали въ себѣ ничего страннаго Гринка не могъ нарадоваться такой перемѣнѣ. онъ только съ неудовольствіемъ поглядывалъ на станъ Вундины; а впрочемъ Гринка не былъ Литвиномъ: могъ жениться и на вдовѣ, какъ онъ, въ утѣшеніе себѣ, называлъ Вундину. Вслѣдъ за ними князь Юрій и Боря вошли на главный дворъ Великой Княгини. Съ восточной стороны, какъ мы видѣли, стоялъ дольній зáмокъ съ двумя крылами и теремами; съ сѣверной стороны — отъ рѣки, свѣтлица съ двумя террасами, на западѣ возвышалась безкрышная божница Перуна; при ней, не въ равную линію, примыкая одно къ другому, лѣпились деревянныя хоромы, гдѣ жили жрецы и жрицы съ прислугой и соединяли божницу съ дворцемъ и башней Криве-Кривейто, отъ которой по южной сторонѣ тянулись двѣ, почти параллельныя стѣны: одна отдѣляла дольній зáмокъ отъ Кривъ-города, а другая служила сему послѣднему границей отъ Новаго города, и простиралась отъ башни до конюшенъ и боярскаго двора Монтвидова.

Повернувъ на широкую лѣстницу и крыльце, внутри двора, знакомцы достигли наконецъ зáмковыхъ сѣней, гдѣ стояла толпа круглецовъ. Эти придворные чины были одѣты въ длинныя охабни изъ бѣлаго сукна, съ круглымъ, небольшимъ воротникомъ изъ черной лисицы, плотно обхватывавшемъ всю шею. На головѣ бѣлыя шелковыя повязки, наподобіе чалмы; въ рукахъ небольшія сѣкиры, на коротких древкахъ: опустивъ сѣки-

ры, они стояли у оконъ и шумно бесѣдовали. Гости шли дальше. Въ первой палатѣ, съ низу до верху покрытой золотомъ и рѣзьбою, на скамьяхъ сидѣли бояре, въ шубахъ и высокихъ шапкахъ; средняя часть этихъ шапокъ возвышалась и оканчивалась кругообразно, нижняя состояла изъ мѣховаго отворота съ двумя разрѣзами, спереди и сзади. У дверей стояли два круглеца и дальше не пускали.

— «Обождите!» сказалъ круглецъ, по-русски: «пусть очередь дойдетъ до васъ: позовутъ. Княгиня въ большой палатѣ!.. Какъ уйдетъ княгиня въ терема, тогда, пожалуй...»

— «Что ты говоришь, Сеня?» сказалъ другой круглецъ: «Княгиня еще молебенъ правитъ съ женами и дѣвицами, а князья вышли...»

— «Такъ пустить ихъ, что ли?»

— «Своихъ можно, а Нѣмцевъ нельзя. Вонъ посольская скамья, гдѣ латинскіе монахи сидятъ и татарскій посолъ. Пусть и они тамъ посидятъ, а вы ступайте...»

Гриша съ Вундиной вошли во вторую палату; по серединѣ столъ, огромный, четырехугольный; вокругъ скамьи; на стѣнахъ—изъ турьихъ роговъ рамы, а въ тѣхъ рамахъ по́лки, а на тѣхъ по́лкахъ серебряная и золотая посуда; а потолокъ виситъ, бѣжитъ внизъ остріемъ, а на томъ остріѣ золотое яблоко, будто свалиться хочетъ; и въ той палатѣ трое дверей: направо на лѣстницу, а прямо—въ большую палату; и у этихъ дверей опять круглецы, только добрые, сейчасъ пустили гостей,

и Вундина, увидѣвъ *красную палату* и соборъ князей, чуть было не обомлѣла, закрыла лице руками и остановилась на порогѣ. Грипа втолкнулъ ее легонько въ палату, и Вундина, не отнимая отъ лица рукъ, прислонилась къ стѣнкѣ.

Много было гостей въ этой палатѣ. У Великокняжескаго престола, опираясь на простой костыль, стоялъ Ольгердъ, весь въ бронѣ; только шлемъ, булаву и сѣкиру его держали отроки; за нимъ большіе или ближніе бояре; одеждой они не отличались отъ прежнихъ, только въ разрѣзѣ шапочнаго отворота блестѣлъ небольшой вѣнецъ изъ золотыхъ листьевъ. Великаго Князя окружали младшіе удѣльные князья. Ближе прочихъ: князья Иванъ Александровичъ Смоленскій, Владиміръ Гедыминовичъ (Любартъ) Волынскій, Коріадъ Гедыминовичъ Новогородскій (Малаго Новагорода или Новогрудка) и Волковыскій, Иванъ (Явнутъ) Гедыминовичъ Заславскій, Михайло Александровичъ Тверской и князь Брянской. Это были главные собесѣдники Ольгерда, потому что съ ними только Великій Князь держалъ слово, а прочіе со всей Литвы и Руси, до Можайска и Тулы, стояли у оконъ особыми кружками и толковали про дѣла свои непотомъ.

— «Садись, князь!» сказалъ Ольгердъ Смоленскому: «Ты устанешь. Княгиня еще долго молиться будетъ.»

— «Я усталъ отъ жизни, князь! Я ждалъ за грѣхи наши небесной кары и дождался. Доразвратничались до того, что бичъ Божій всю Русь хле-

щетъ! Казнилъ бусурманъ и Нѣмцевъ. теперь уже въ Новгородѣ, во Псковѣ, чего добраго, до насъ доберется. Грозился на меня Семенъ Иванычъ Московскій за дружбу съ тобою, Александръ Гедыминовичъ (Ольгердъ). Я ему зла не желалъ. Самъ Богъ за меня вступился. Да, гордаго норова Московскій Князь, съ татарскаго ярлыка великимъ себя величаетъ, Рязанскій тоже Великимъ велитъ себя кликать! Вотъ и Тферинъ твой, Михайло Александровичъ (Тверской), говорятъ, какъ пріѣдетъ на Русь, такъ и самъ себя и другихъ заставляетъ Великимъ себя называть, а у Московскаго восемь городовъ, а у Рязанскаго и Тверскаго и того нѣтъ! Великіе Князья! Не хочу Бога гнѣвить, а ужъ мнѣ подавно надо бы Великимъ зваться.»

— «Да не ужели ты хочешь, Иванъ Александровичъ,» спросилъ Тверской: «чтобы я уступилъ злодѣямъ, убійцамъ отца моего? Вѣдь Семенъ — сынъ Калиты.»

— «Эхъ, Миша! Ты мнѣ внукомъ можешь быть. Слей душу съ дѣломъ, а объ лицахъ забудь. Мой толкъ такой: кто Татарамъ, али Ляхамъ рабъ, тому Русь, какъ старѣйшему, не поклонится. А вы что? Другъ друга врагамъ продаете! Побратались Галичане съ Ляхами, и гдѣ города Червенскіе, гдѣ славное королевство Даніилово? Ляхъ въ ступкѣ истолокъ, да словно знахарь какой, на порошки разбилъ, и кому съ боя, кому со страха, на сонъ роздалъ, а зерно къ своей шубѣ пришилъ...»

— «Слушайте дядю, слушайте!» закричалъ Ларчикъ, сидя на первой ступенькѣ престола: «Это онъ у меня такъ говорить учился.»

Князь Смоленскій, взволнованный глубокими размышленіями уже не стоялъ, а ходилъ взадъ и впередъ по палатѣ, размахивая руками и съ жаромъ продолжалъ рѣчь:

— «А что дѣлалъ Калита покойникъ? Какое русское сердце не заболитъ, когда вспомнитъ про смерть въ Ордѣ добраго Александра Тверскаго? А все по милости Калиты! А сколько назлодѣйствовалъ Коротополъ окаянный; а сынки-то, сынки! Семенъ Московскій услышалъ, что своякъ послалъ брата Коріада Гедыминича къ хану, и на родство не посмотрѣлъ, выманилъ у хана Коріада Гедыминича; мало это ему русскаго серебра стоило?— Нечего сказать, подвигъ! А Олегъ Рязанскій, посмотрите, дай Богъ только мнѣ не видѣть, а ужъ онъ отъ отца, отъ Коротополя, не отстанетъ въ злодѣйствѣ. Бѣдная Русь!..»

— «Да что прикажешь дѣлать?» спросилъ запальчиво князь Тверской.

— «Смириться!» повелительно сказалъ князь Смоленскій, откинувъ назадъ голову: «Сиди въ своемъ удѣлѣ смирно...»

— «Усидишь подъ Москвой!»

— «На зачинающаго Богъ! Постувай по нашему примѣру. У насъ на западѣ солнца плотна Русь, а враговъ больше вашего. И Нѣмцы, а нѣмцы хуже Орды, и Ляхи, и Татаре за Кіевскимъ удѣломъ! А у

насъ дома нѣтъ ссоры; а удѣловъ мало, что ли? Сколько лѣтъ Великій Князь съ Кейстутомъ въ мирѣ живутъ, дурнымъ словомъ не размѣнялись; а Кейстутъ словно воевода, а не князь: у него, кромѣ враговъ и войны, другаго дѣла нѣтъ. Стѣной въ глаза глядитъ и Нѣмцамъ и Ляхамъ. Володиміръ Гедыминычъ, даромъ, что королевства Галицкаго ищетъ, а брату кланяется и слушается. Походъ, такъ походъ—всѣ идемъ; а миръ, такъ миръ: судимъ, рядимъ, промыселъ людской кормимъ. А вы что? Что теперь Орда? Шатается подъ Узбекомъ, какъ старая липа. Нѣтъ того, чтобы другъ съ другомъ помириться, Александру Гедыминычу и намъ всѣмъ поклониться, да цѣликомъ на Татаръ встать! Куда! Не о томъ у васъ дума. Кто старшій? Всѣ хотятъ быть старшими!.. А у насъ всякій князь — Великій Князь, только чужаго не трогай! И знаешь ли что, Михайло Александровичъ? Ты моему другу и сосѣду шуринъ, а право мнѣ крѣпко хочется, чтобы онъ тебя въ ежевыя рукавицы принялъ, а потомъ за Олега, а потомъ пожалуй, и за свояка... Тогда бы наша сторона Кіевская съ вашей Ярославской стороной почитай сплотнилась на вѣки вѣковъ; тогда приведи Орду такую большую, что съ одного край-свѣта — до другаго, что туча небесная... ни почемъ! Русской землѣ поклонится!»

Князь пересталъ говорить, и всѣ молчали. Ольгердъ тихо толкнулъ костылемъ Ларчика. Тотъ всталъ и началъ кланяться князю Смоленскому...

— «Что ты присталъ ко мнѣ, Ларчикъ?» сказалъ

князь: «Ты знаешь, я дураковъ не жалую. Отъ нихъ вся бѣда...»

— «Отъ того-то я и кланяюсь, что ты меня добру учишь. Только понапрасно, дядя: вотъ мы съ князь Иваномъ Овручьскимъ тебя не послушаемъ. Мы хотимъ отъ Володиміра Гедыминыча Новгородъ Волынскій оттягать... Не такъ ли, Князь Иванъ?»

— «Что ты врешь, дуракъ!» сказалъ съ досадой князь Иванъ.

— «Вру? А зачѣмъ ты пришелъ въ Вильну одинъ, безъ дружины? Гдѣ твое войско?..»

— «Гдѣ твое войско?» повторилъ Великій Князь.

Иванъ, смущенный, молчалъ, а за него отвѣчалъ Ларчикъ...

— «Не сердись на насъ, государь! У насъ все войско перемерло отъ черной смерти...»

— «Какъ?» спросилъ Ольгердъ: «Развѣ черная смертъ уже въ Овручѣ?..»

— «Нѣтъ; за Днѣпромъ, въ городахъ сѣверскихъ; да вѣдь у насъ съ князь-Иваномъ нѣтъ другой отговорки. Вотъ и Луцкій князь то же скажетъ; онъ и его подговаривалъ безъ дружины ѣхать; да тотъ не послушался; говоритъ: охъ, князь Иванъ, боюсь ѣхать безъ дружины; въ Пинскомъ удѣлѣ много болотъ — увязну; некому будетъ и вытащить.»

— «Правда-ли, князь?»

— «Правда» отвѣчалъ, запинаясь, князь Луцкій.»

— «Князь Иванъ!» сказалъ Ольгердъ грозно: «Ты лишенъ удѣла! Сиди въ городахъ нашихъ

безъ мѣста. Уйдешь — будешь измѣнникомъ; а Любартъ семьѣ твоей жалованье дастъ, по роду и званію твоему.»

Всѣ князья повѣсили головы. Ларчикъ поздравлялъ всѣхъ съ великокняжескою милостью; но вдругъ замолкъ. Двери замковой церкви растворились. Оттуда вышли отроки, за ними Великая Княгиня Ульяна Александровна, въ сопровожденіи многихъ женщинъ и дѣвицъ; за ними шли сыновья Ольгердовы, отъ первой жены, уже порядочные подростки: Владиміръ, назначенный князь Кіевскій, Иванъ Подольскій, Симеонъ Мстителавскій, Андрей Трубчевскій и Полоцкій, Константинъ Черниговскій и Чарторыскій и Борисъ безудѣльный. Боярыня Ирина Андреевна шла послѣдняя; возлѣ, няня въ богатыхъ пеленахъ несла на рукахъ Ольгердова первенца отъ Ульяны Тверской, Якова или Ягайлу, которому въ тотъ день минуло годъ и шесть мѣсяцевъ.

Ольгердъ, прихрамывая на правую ногу и опираясь на костыль, подошелъ къ Великой Княгинѣ, поцѣловалъ ее въ чело и взялъ на руки Якова; прочіе князья въ очередь подходили къ Великой Княгинѣ и цѣловали ее въ уста, бояре въ руку; дошла очередь до Гришки: онъ не смѣлъ подойти къ Ульянѣ Александровнѣ.

— «Какіе это люди?» спросила Великая Княгиня.

— «Ахъ, Улинька,» сказалъ Ольгердъ: «Это тебѣ подарокъ отъ меня. Возьми дочь несчастнаго Эйраса поневѣжскаго, сестру покойнаго Калнаса.

Обрати, наставь и упокой, а о прочемъ послѣ скажу.»

— «Подойди ко мнѣ, милая!» сказала Ульяна, такимъ голосомъ, которымъ, казалось, можно звѣзды сманить съ небя, и Вундина не подошла, а подбѣжала къ Великой Княгинѣ, и къ общему изумленію, соблазну и ужасу, бросилась въ ея объятія.

— «Что это значитъ?» спросила Ульяна, смущенная неожиданнымъ привѣтствіемъ.

— «Я несчастна!» отвѣчала Вундина, почти непотомъ.

— «О, если такъ, ты будешь мнѣ дочерью...»

— «Я сама мать!»

— «Варинька!» сказала княгиня строго, обращаясь къ одной изъ сѣнныхъ дѣвушекъ. «Проведи ее ко мнѣ въ теремъ. Тутъ объ нашихъ бабскихъ дѣлахъ говорить не приходится.»

Варинька увела Вундину, а Ульяна Александровна сѣла въ высокія кресла, за нею на скамьяхъ усѣлись жены и дѣвы, а князья насупротивъ; только Ольгердъ съ Владиміромъ, да Иваномъ не садились, стоя по серединѣ. Ягайлу боярыня съ няней унесли въ терема. Гришка поклонился и ушелъ.

— «Вели, Гришка,» сказалъ Ольгердъ во слѣдъ ему: «просить гостей сюда, какіе ни есть въ посольской палатѣ.»

И первый вошелъ князь Юрій, одинъ, безъ Бори. Поклонясь Ольгерду и княгинѣ, князь Юрій сказалъ по-нѣмецки:

— «Я, баронъ Кристофъ, старшій секретарь его свѣтлости господина великаго магистра нѣмецкаго ордена, посланъ къ тебѣ, королю Литовскому и Русскому, не посломъ, а съ жалобой, на брата твоего короля Самогитскаго и Троцкаго, Кейстута. Въ противность всѣхъ условій нашихъ, онъ, ночью и обманомъ, взялъ твердыню въ Полунгѣ. Великій магистръ приказалъ готовить месть, и пойдетъ прямо на Вильно, если ты не велишь Кейстуту заплатить за убытки, какіе орденъ понесъ въ Полунгѣ и отдать твердыню.»

— «Возьмите сами!» отвѣчалъ Ольгердъ гордо: «Удѣлъ князя отъ Бреста до Веллоны и лежитъ между нами. — Разсчитывайтесь!.. А если братъ позоветъ и насъ на помощь: мы готовы; а безъ зова не ходимъ! Въ Вилно милости просимъ, но, если Богъ позволитъ, мы будемъ прежде подъ Королевцемъ, нежели вы подъ Вильной! Вотъ, баронъ, погости у насъ: сегодня пріѣдетъ Кейстутъ, онъ тебѣ и день назначитъ, когда придетъ въ Пруссы. А пока садись, мы и недругу ради. Это нашъ старый обычай... Кто тамъ?»

Вошелъ Боря; не зналъ что́ и какъ сказать; поклонился прежде Великой Княгинѣ, потомъ уже Великому Князю, и сталъ на спутницъ княгини смотрѣть. Ольгердъ не могъ не улыбнуться, и сказалъ Борису ласково:

— «Князь Борисъ Юрьичъ! Прежде возьми удѣлъ, а потомъ невѣсты ищи. Мы твоему отцу князь-Юрью Романычу многимъ добромъ должны. Возьми же на себя Овручъ, отцовскій удѣлъ и

сядь въ семью князей младшимъ нашимъ совѣтчикомъ!»

Боря слушалъ рѣчи Ольгерда будто сказку. Ольгердъ, опираясь на Владиміра, подошелъ къ Борѣ, взялъ его за руку, повелъ къ Любарту, усадилъ и сказалъ:

— «Вотъ тебѣ пестунъ, князь Борисъ; братъ мой Любартъ Волынскій смотрѣть будетъ и за моими дѣтьми, что на волынской и сѣверской землѣ возьмутъ удѣлы. Будь ему и мнѣ сыномъ, а дѣтямъ нашимъ добрымъ братомъ. Кто таимъ?»

Вошли два латинскіе монаха и татарскій посолъ князь Тавганъ.

— «Не бойся, князь,» сказалъ Ольгердъ: «я не злопамятенъ; посылалъ я брата Коріада къ хану Узбеку на вашихъ херсонскихъ султановъ жаловаться; говорилъ я черезъ брата: уйми разбойниковъ, людей твоихъ, что до самаго Переяслава, и даже до Днѣпра землю мою напаствуютъ; а не то я самъ управляться стану. Не послушалъ меня ханъ, своего покойнаго сосѣда; а послушался льстеца своего, а моего свояка, Симеона Московскаго, и Коріада въ тюрьму посадили; и Симеону, будто какого злодѣя выдали съ боярами моими, и волковысними. Вотъ братъ Коріадъ на лицо, а Херсони и трехъ султановъ не стало; степь между нами границей легла. Я управился, какъ сказалъ; и татарское зло забылъ. Такъ поди себѣ, князь Тавганъ. Не нужно мнѣ вашего союза и любви. Приходите къ намъ войною, коли хотите; а посламъ не вѣрю. А вы, Латинцы, дружбу Узбека

съ Бенедиктомъ справили? Папа зоветъ себя патріархомъ и главою Церкви, а Татаръ на Христіанъ подущаетъ? И Узбекъ, въ угодность авиньонской крамолѣ, княжій Владиміровъ родъ изводитъ! Такъ ищите себѣ, Латинцы, другаго пути, а черезъ Литву для васъ нѣтъ къ хану проѣзда. Съ Богомъ! Назадъ!»

— «Оставьте намъ,» прибавила Великая Княгиня, по-русски: «природнымъ пестунамъ народа, заботиться о спасеніи грѣшныхъ душъ. Церковь наша по всей землѣ растетъ и ширится; духовенство наше вездѣ въ уваженіи, и открыто проповѣдуетъ слово Христово. Въ столицѣ нашей болѣе тридцати святыхъ храмовъ Господнихъ; по всей землѣ, даже у дикихъ Жмудиновъ, отъ вѣка стоятъ наши обители; а латинскаго креста, сами видите, не принимаютъ Литвины, бѣгутъ отъ него, или сражаются. Неужели хотите насиловать совѣсть? Переведи, Гаштолдъ!»

Гаштолдъ, бояринъ Ольгердовъ, когда на польской границѣ былъ велико-княжескимъ намѣстникомъ, полюбилъ сосѣдку Анну Бучацкую, и сталъ ее сватать. Гаштолдъ былъ язычникомъ; но когда родители Анны сказали ему: крестись, — онъ крестился, и сталъ поборникомъ латинской вѣры, одинъ между всѣми боярами и князьями литовскими. Великія военныя и гражданскія заслуги Гаштолда, а равно и принятая Ольгердомъ система вѣротерпимости, были причиною, что Гаштолдъ выписалъ для своего двора францисканцевъ. Какъ только эти монахи завели себѣ гнѣздышко, тотчасъ

число ихъ возросло до четырнадцати. Кромѣ Гаштолда, не было католиковъ во всемъ великокняжествѣ; но, не смотря на то, безпрестанно появлялись римскіе гости. Народъ, примѣчая ихъ дѣйствія и недовольный ихъ проповѣдью, воспользовался отлучкою великаго князя и самого Гаштолда, и нещадно избилъ францисканцевъ. По просьбѣ Гаштольда, зачинщики мятежа были казнены смертію, и ненависть къ Латинцамъ усугубилась. Хотя Гаштолдъ и выписалъ новыхъ францисканцевъ, но и эти, какъ прежніе, боялись показываться народу, не смѣли строить костела, а скрываясь въ хоромахъ, построенныхъ въ садахъ Гаштольда, отдѣлили подъ алтарь одну комнату, и тамъ, въ тишинѣ и тайнѣ, совершали Богослуженіе. Теперь понятно будетъ, если скажу, что приказаніе Великой Княгини больно не понравилось Гаштолду. Онъ снялъ свою богатую шапку и, поклонясь до земли, сказалъ:

— «Ты вѣдаешь, государыня, что изволеніемъ Божіимъ я христіанинъ Западной Церкви?..»

— «Знаю,» сказала княгиня сухо: «знаю, Гаштолдъ, что ты не нашъ...»

— «Твой!» почти закричалъ Гаштолдъ съ какимъ-то восторгомъ: «Твой! клянусь святымъ престоломъ апостола Петра! Твой всею душею и помышленіемъ. Вѣра не отлучитъ души моей отъ твоего великаго супруга, отъ тебя, мудрая царица Елена! Но не понуждай говорить противу вѣры, которую носить и исповѣдывать единожды поклялся Гаштолдъ!»

Великая княгиня подала ему руку. Гаштолдъ сталъ на колѣни и, протянувъ выю, дрожащими устами коснулся бѣломраморной руки.

— «Прощаю за ослушаніе!» сказала великая княгиня съ неизмѣняемою гордостью: «Но, гляди, Гаштолдъ, за своими Латинцами. Сколько вѣковъ они врагами Литвы, сколько вѣковъ бѣдный и темный народъ лишенъ благодѣяній вѣры, по ихъ милости. Не сожжешь совѣсти огнемъ военнымъ, не вонзишь въ сердце вѣры мечемъ! Но кто же перескажетъ этимъ слугамъ папы и хана мои женскія рѣчи? Гдѣ наши толмачи?»

Всталъ съ мѣста князь Борисъ, поклонился великой княгинѣ, и пересказалъ по-нѣмецки съ особенною точностью все, что говорила Ульяна; только разъ ошибся или, лучше, запнулся въ словѣ: поправилъ самъ Ольгердъ. Когда рѣчь уже исходила, двери церкви растворились и вошелъ архимандритъ Давидъ, да инокъ Несторъ, съ причтомъ, безъ облаченія. Несторъ внимательно разсматривалъ и слушалъ юношу; и когда тотъ кончилъ, Несторъ сказалъ:

— «Прибавь, что мы не изъ вражды говоримъ правду, и всегда за нихъ молимся Господу.... Пусть не оставятъ и насъ своею молитвой...»

Борисъ исполнилъ приказаніе старца. Тогда великій князь сказалъ Борѣ ласково:

— «Такъ ужъ прибавь имъ и отъ меня, что мнѣ некогда: жду брата, и хочу ѣхать къ нему на встрѣчу... а они больше ничего отъ меня не услышатъ.»

И это исполнилъ Борисъ. Монахи, смущенные, смиренно поклонились и вышли. Тогда княгиня снова протянула руку; но Боря не подражалъ степенному Гантолду; со всѣхъ ногъ бросился на колѣни и такъ чмокнулъ въ прекрасную руку, что эхо нѣсколько разъ повторило жаркій поцѣлуй. Ольгердъ опять улыбнулся, потрепалъ юношу по плечу и сказалъ :

— «Ай да толмачъ! Молодое полымя! Дай Богъ тебѣ, на славу земли русской, горѣть и не сгорѣть?.. Ну, кто тамъ еще?»

Вошелъ Никита Юрьичъ, сынъ посадника новгородскаго, съ тремя боярами и псковской посолъ протоіерей Ѳеодоръ. У всѣхъ лица были печальны. Увидя ихъ, общая печаль разлилась во всѣхъ присутствующихъ. Великая княгиня не удержалась отъ слезъ.

Поклонясь княгинѣ и князьямъ, послы подошли къ благословенію къ архимандриту Давиду. Благословляя ихъ, старецъ воскликнулъ :

— «Общая участь, братія, во Христѣ! общій удѣлъ; и мы уже оплакали многія жертвы...»

— «Нѣтъ, святой отецъ, мы приходимъ съ кладбища двухъ великихъ городовъ,» сказалъ Никита Юрьичъ, и на многихъ глазахъ показались слезы: «Черная смерть! Во истину черная смерть! Что намъ война? Нашествіе свейскаго Магнуса намъ было въ потѣху. Врагъ святыя Софіи бѣжалъ со стыдомъ. А здѣсь ни бодрость души, ни крѣпость тѣла ни къ чему негодны. Народъ валится, словно жатва; всѣ церкви отверзты : тамъ нѣтъ прихо-

жанъ, тамъ только гробы; двадцать, тридцать мертвецовъ отпѣваетъ іерей за разъ; — отпѣваетъ и слово замретъ на устахъ, и онъ мертвецъ; и далече разбѣжится причетъ отъ страшной язвы; а родные не смѣютъ въ церковь войти, на паперти стоятъ — и паперть пуста, только болящіе на ней остались: кончаются въ мукахъ... Воры и грабители, мертвые, лежатъ на тѣлахъ ими ограбленныхъ; отецъ зоветъ сына: онъ слышитъ, и къ отцу не идетъ — боится смерти; кладбища поднялись горой. Люди посадскіе, именитые, смѣшались трупами въ одной и той же ямѣ съ грязною чернью; враги, что плевали въ глаза другъ другу, по годамъ не видались, встрѣтились въ землѣ сырой, лежатъ въ одномъ мѣстѣ лицемъ къ лицу. Нѣтъ у насъ улицъ и площадей; дома и церкви стоятъ на одномъ кладбищѣ, такъ что и глазомъ не окинешь... Не только земля... Отчаянье умирающихъ безумно: бѣгутъ въ рѣки, а черная смерть пуще злобится на бѣгущихъ. Нѣтъ спасенія! Немного осталось въ великихъ городахъ нашихъ: одни умерли, а другіе разбѣжались. А добрые сосѣди собираютъ войско: хотятъ ободрать храмы Господніе, разграбить тайники съ товарами...»

— «Не допустимъ!» грянули князья.

— «Не допустимъ!» повторилъ великій князь: «Но дождемся брата: онъ скоро будетъ. Улинька, не плачь! Поможемъ братьямъ. Но солнце высоко! Кейстутъ сегодня обѣщалъ пріѣхать изъ Кернова. Пойдемъ, въ свѣтлицу проводимъ княгиню, а сами на коней, на встрѣчу льву литовскому...»

— «Если когда-нибудь удастся уломать Кейстута,» сказалъ Смоленскій: «непремѣнно дай ему во Святомъ Крещеніи имя Льва.»

— «По шерсти кличка!» заключилъ Ларчикъ и великая княгиня съ спутницами пошла во внутреннія покои. Князья и послы проводили ее до теремовъ и вышли на главный дворъ дольняго замка. Архимандритъ съ инокомъ Несторомъ отправились за городъ, въ монастырь. Князь Юрій, грустный, разсѣянный, пошелъ въ посольскій домъ; Татаре и монахи латинскіе ушли пѣшкомъ въ разныя стороны. Князья усѣлись на коней и чудной, блистательной, стройной чередой потянулись по набережнѣ Вилiи, мимо свѣтлицы, на плавучій мостъ, устроенный на рѣкѣ возлѣ святой рощи (почти на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Зеленый Мостъ). Проѣзжая мимо божницы Перкуна, князья замѣтили большое движеніе около храма. Вайделоты бѣгали и суетились. Толпа народа, оставивъ рынокъ, окружала капище и черной рамкой покрывала берегъ рѣки. Языческая Литва ожидала своего полубога; жрецы — жертвъ и подарковъ; и въ свѣтлицѣ великой княгини были дѣвы, ожидавшія возвращенія Кейстута. Не одной дѣвушкѣ этотъ левъ казался голубкомъ. Охъ, эти горлицы! И великая княгиня любила сплетни. Что прикажешь дѣлать? Сердись, не сердись, добрая читательница, а, ей, такъ! Сплетни у женщины то же, что борода у мужчины: снимешь острой бритвой, а все растетъ. У великой княгини, окромя своихъ княгинь и княженъ, невѣстокъ и племянницъ, были въ гостяхъ

двѣ княжны смоленскія, уже невѣсты, да княгиня Брянская съ тремя также взрослыми дочерьми. Съ трудомъ помѣстились всѣ гостьи и дворъ великой княгини въ обширной свѣтлицѣ. Ульяна Александровна приказала растворить всѣ окна, чтобы милыя гостьи могли лучше любоваться великолѣпнымъ видомъ, разстилавшимся по берегамъ Виліи во всѣ стороны.

— «Какъ у тебя хорошо, невѣстушка!» сказала Марья Константиновна (*), жена Любарта: «У насъ, въ Луцкѣ, смертная скука. Володиміръ Гедыминичъ почитай весь городъ для меня перестроилъ, да толку мало. Тоже и верхній и дольній замокъ поставилъ, да все не то. И говоритъ: «Погоди, жена, вотъ мы Львовъ городъ добудемъ, такъ твоя столица и съ Вильной и съ Кіевомъ потягается...»

Великая княгиня смѣкнула тотчасъ, куда мѣтила невѣстка, и сказала ей ласково:

— «Послушай, невѣстушка! Я говорила мужу о томъ, чтобы отъ Ляховъ Галичъ назадъ отвоевать. А онъ мнѣ на это: «Нельзя, Улинька, право, не могу, да и не хочу. Не время. Пусть Любартъ отдумаетъ. А чтобы ты, Улинька, знала, что мнѣ будетъ просьба твоя непріятна, потому что отказать долженъ; такъ вѣдай, что объ Галичѣ я тебѣ сказалъ *слово послѣднее.*» Ты его нóрова не знаешь. Слово послѣднее — между нами законъ. «Не хочу тебя огорчать, а надо:» къ этому мужъ мой сказалъ: «По милости Любарта, братъ мой

(*) Ростовская.

Кейстутъ и такъ уже разъ въ плѣну у Ляховъ сидѣлъ... Я знаю брата; если захочу, онъ будетъ въ десять дней подъ Краковымъ; пепломъ слѣдъ свой посыплетъ; да что въ томъ толку? Намъ теперь сила нужна не для новой добычи, а для защиты. А Любартъ много хочетъ, а мало можетъ. Поработали за него. Пусть и для общаго дѣла поработаетъ.»

Княгиня волынская прикусила языкъ, раскраснѣлась, и не желая дальше слушать косвеннаго выговора, отвернулась и спросила съ принужденнымъ любопытствомъ:

— «Что это у васъ тамъ, невѣстушка?»

— «Гдѣ? За горнимъ замкомъ? Это у насъ предмѣстье, Антоколемъ язычники зовутъ. Какъ стала я съ мужемъ по всему городу церкви ставить, такъ ихъ поганый жрецъ и выстроилъ вонъ ту божницу въ честь всѣхъ своихъ болвановъ; а за божницей звѣринецъ дѣтскій. Пасынки, ты знаешь, всѣ съ удѣлами, да еще подростки; надо ихъ всѣхъ на своемъ дворѣ держать, а за нихъ на удѣлахъ городничіе, да намѣстники правятъ. Такъ я имъ звѣринецъ для потѣхи завела...»

— «А это какая гора за рѣкой, направо?»

— «Это мой потѣшный замокъ. Ужо поѣдемъ, коли захочешь, невѣстушка. Вотъ Зарѣчье хотѣлось бы обстроить, церковь поставить; да мужъ говоритъ: съ этой стороны Нѣмцы придутъ. Жаль денегъ.»

— «Да развѣ Нѣмцы сюда заходятъ?...»

— «Про всякой случай! Давно ли Кейстутъ

Гедыминычъ между Маріенбургомъ и Королевцемъ, будто въ шутку, три дни на одномъ мѣстѣ станомъ стоялъ? На удаль нѣтъ закона. Нѣмцы въ долгу не останутся. Того гляди, между Троками и Вильной обозъ поставятъ... Нерѣдко сижу я въ этой свѣтлицѣ, да гляжу на это распутье. Вотъ прямо идетъ дорога въ нашъ замокъ Вилкомирскій, а эта, налѣво, въ Кейстутовъ замокъ, въ старую столицу, въ Керново, и чуть кто вдали зашевелится, гляжу на башни горняго замка: не выбросили ль знамени на тревогу, не бьютъ ли въ набатъ на Нѣмцевъ. Да и не я одна...» прибавила Княгиня съ усмѣшкой, поглядывая на Альдону.

Опершись о краеугольной брусъ, Альдона глазами и душой неслась по Керновской дорогѣ. Она ничего не слыхала, даже послѣдняго намека княгини; лѣтній вѣтеръ живописно разбросалъ истинно-золотые кудри Альдоны. Тонкая рубашка ея плохо скрывала волненіе нѣжной груди; покрывало давно свалилось, и уцѣпясь за шитье сарафана, играло съ вѣтромъ.

— «И не одна она» продолжала Княгиня съ лукавой улыбкой: «Мнѣ ее жаль. А потому я моему Яшѣ (Ягайлѣ) не дамъ расти съ пріемышами дѣвочками. Только и мысли, что объ князь-богатырѣ, а ему другую невѣсту мужъ мой прочитъ.»

— «Кого же, невѣстушка?»

— «Оглянись, угадаешь!»

— «Да которая же? Всѣ княжны покраснѣли!»

— «Ну, такъ ты, невѣстушка, плохая примѣтчица! Погляди попристальнѣе...»

Въ это мгновеніе Альдона затрепетала; лицо вспыхнуто яркимъ, яркимъ румянцемъ.

— «Князь, князь ѣдетъ!» вскрикнула Альдона и ударила въ ладоши.

—

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

БРАТЬЯ.

Князь Кейстутъ съ отборной дружиной не ѣхалъ, а летѣлъ по керновской дорогѣ. Земля стонала; облака пыли высоко подымались по слѣдамъ быстрыхъ коней. Завидѣвъ цѣлый соборъ князей, Кейстутъ удержалъ коня, и вся дружина остановилась на мѣстѣ, будто вкопанная. Шагомъ пошелъ Амулатъ, и въ слѣдъ за княземъ отдѣлились отъ дружины два всадника: одинъ былъ Цвиркунъ, другой — Альфъ. Крики радости огласили берега Вильи и горы, откуда все Вильно смотрѣло на пріѣздъ князя. Ольгердъ протянулъ руку Кейстуту и сказалъ: «Братъ! съ побѣдой и добычей!»

— «Съ миромъ!» отвѣчалъ Кейстутъ. «Что, здоровъ ли ты? Слава богамъ! Румянъ и веселъ! А меня обожгло лѣтнее солнце. Вотъ тебѣ и бѣглецъ! Насильно выручилъ. Альфъ сталъ непокорнѣе татарскихъ султановъ. Возьми его въ руки, братъ; я съ нимъ не могу болыне ладить! Да объ этомъ послѣ. Мы къ тебѣ на судъ пріѣхали! Безъ шутокъ, братъ, на судъ Великокняжескій!

Но объ этомъ послѣ! Отъ чего у тебя съѣздъ князей? А! братъ Любартъ! братъ Коріадъ! братъ Явнутъ! Князья и братья! И всѣ твои подростки здѣсь... А у меня нѣтъ дѣтей! Будутъ, была бы невѣста...»

— «И невѣсты есть на замкѣ! Погляди, братъ, въ свѣтлицѣ у нашей Улиньки цѣлый цвѣтникъ!»

— «Много, много цвѣтовъ, да не тѣ. Только ландыша жалко...» Кейстутъ задумался

— «Братъ!» сказалъ изумленный Ольгердъ «такого лица я на тебѣ не видалъ; объ чемъ ты задумался?»

— «Я?... Объ моемъ морѣ... Море у меня есть... Я заключилъ торговый договоръ съ Англичанами *). Моя, моя Полунга! Не правда ли, Ольгердъ, ты даришь мнѣ Полунгу? Ты не будешь вступаться въ мой Жмудскій удѣлъ?»

— «Братъ! твоя побѣда, твоя и добыча!»

— «Знаю, Ольгердъ; но ты во всѣхъ моихъ добычахъ половинщикъ. Рыцари цѣнили Полунгу дорого; плачу тебѣ половину цѣны золотомъ изъ Троцкой казны... Не нарушу слова! Все, и жизнь, пополамъ.» И Кейстутъ крѣпко сжалъ руку брата.

— «Плохо!» подумалъ Ольгердъ. «Все это не похоже на хитраго Кейстута. Не давать ему проговориться. — Поѣдемъ къ Княгинѣ!» сказалъ Великій Князь громко, поворачивая коня.

— «А ландышъ тамъ?» спросилъ князь Кейстутъ съ жаромъ.

---

*) Acta M. Britaniæ, Rimeri.

— «Какой ландынъ? Первый разъ слышу...»

— «Я не давалъ ей слова!» сказалъ Кейстутъ тихо: «Я любилъ ее, какъ сестру... Что будетъ, то будетъ! Ѣдемъ!»

— «Охъ, будетъ плохо!» подумалъ Ольгердъ, значительно посмотрѣвъ на Цвиркуна: «Я съ тобой и не поздоровался, Бояринъ.»

— «Эхъ, Ольгердъ Гедыминовичъ!» сказалъ Цвиркунъ, съ особенно важнымъ и недовольнымъ видомъ: «То-то и есть! Великій ты Князь, а дядьки не мѣшало бы послушать. Напутали мы такихъ узловъ, что ты и зубами не развяжешь. А все отъ того, что нѣтъ старика Гедымина. Я ужъ право не знаю, какъ я буду спать сегодня: окна мои прямо на его могилу глядятъ, а его могила на мои окна. А я еще радовался сосѣдству. Право, чего добраго, ночью старикъ встанетъ, да придетъ ко мнѣ, да... да чѣмъ же я виноватъ? Я говорилъ...»

— «Разболтался старикъ, того гляди обмолвится!» подумалъ Ольгердъ и сказалъ громко: «Не люблю я этого моста! Поѣзжай шагомъ, а не то лошадь окалечишь. Поставилъ я его для купцовъ и холопій, а наше дѣло богатырское! Вспомнимъ, братъ, молодость — вплавь!

— «Вплавь!» закричалъ Кейстутъ, и всѣ князья повернули налѣво, передъ самой свѣтлицей бросились въ Вилью. Первый въѣхалъ на берегъ Кейстутъ, второй князь Борисъ, а за ними Ольгердъ и другіе князья. Встряхнулся Амулатъ, чихнулъ и кровавыми глазами посмотрѣлъ на коня Бори-

сова, а всадники, по примѣру лошадей, также обмѣнялись взорами.

— «Этого, кажется, я знаю!» сказалъ Кейстутъ, указывая на Борю.

— «Это Овручьскій князь, Борисъ Юрьевичъ, молодой витязь, проситъ пестуна, удѣла и невѣсты...»

— «Удѣлъ ты мнѣ далъ» сказалъ почтительно Борисъ: «невѣсту Богъ дастъ, а въ пестуны я взялъ бы лучше Кейстута Гедыминыча; я противу Нѣмцевъ больше годенъ, чѣмъ въ кіевскихъ городахъ.»

— «Какъ братъ, я согласенъ» сказалъ Ольгердъ.

— «Ну если такъ, помѣняемся: возьми себѣ Альфа, а князь Борисъ... ты ко мнѣ... Только одно условіе: женись прежде... а не то съ твоею молодостью...»

— «Да что вы это» прервалъ Ольгердъ: «разговорились у самой свѣтлицы! Улинька тебя ждетъ... Съ коней!»

Князья спѣшились и пошли на лѣстницу, которая вела на широкую террасу, примыкавшую къ свѣтлицѣ. По тѣснотѣ свѣтлицы, Великая Княгиня со всѣми гостьми и дворомъ также вышла на террасу. Круглецы на золотомъ блюдѣ держали два, оправленные въ золото, турьи рога съ ножками. Князь поцѣловался съ княгиней, потомъ подошли Альфъ и Цвиркунъ къ ручкѣ; тогда Княгиня подала одинъ рогъ князю, другой Цвиркуну. «А тебѣ,» прибавила княгиня, обращаясь къ Альфу: «пива пить не приходится: говорятъ, молодъ.»

— «Молодъ?» сказалъ Кейстутъ, поставивъ рогъ на подносъ: «Отъ того у него и мысли зеленыя... Чего добраго, онъ и тебя, Княгиня, полюбитъ. Берегись! Да впрочемъ,» прибавилъ князь, улыбаясь: «не будь ты мнѣ дорогой снохой, я и за себя не далъ бы поруки...»

Княгиня покраснѣла и стала въ самомъ дѣлѣ чудо, не красавица.

— «Полно, Улинька, стыдиться! У брата, ты знаешь, противу женщинъ нѣмецкій обычай! Перенялъ по сосѣдству...»

— «Такъ лучше бы такимъ обычаямъ онъ красныхъ дѣвушекъ замалъ, а не меня старуху. Вотъ, примѣрно, княжну Евдокію Ивановну...»

— «Племянницы мои,» сказалъ Смоленскій съ привычною суровостью: «отъ стараго обычая не отступятъ.»

— «Прибавь, князь, татарскаго!» замѣтилъ Кейстутъ: «Покрывало ничего не покроетъ, какъ литовскій колокольчикъ у юбки, какъ огонь ночью въ дѣвичьихъ рукахъ... Отъ любви и огонь потухнетъ, и мѣдь онѣмѣетъ. А покрывало пустая личина. Не правда ли, княжна?»

Княжна вздохнула, а Кейстутъ ударилъ по плечу Смоленскаго и сказалъ съ усмѣшкой:

— «Видишь, дядя, старость глуха, а у молодаго ухо иной разъ за глаза служитъ. Неправда ли, княжна?»

Не ожидая отвѣта, Кейстутъ окинулъ глазами всѣхъ женщинъ; онъ искалъ Альдоны и нашелъ ее за стеклянною дверью свѣтлицы. Бѣдная! она

думала, что всѣхъ видитъ, а ее никто не видитъ... Но глаза ихъ встрѣтились, и оба покраснѣли.

— «Чтожъ, сестрица?» сказалъ Кейстутъ: «Тебя я чаялъ впереди всѣхъ увидѣть! Какъ раздумаю, такъ видно брата твоего Альфа выручалъ я не ради старой дружбы, не ради дѣтской пріязни, а для тебя, а ты ни ко мнѣ, ни къ нему!... Плохо мнѣ, Литвину! Вѣдь ты на этомъ дворѣ только одна Литвинка и осталась.»

Ольгердъ взялъ брата подъ-руку и сказалъ:

— «Полно, братъ! Не такія рѣчи привыкъ я отъ тебя слышать на свиданьи...»

— «Прости братъ! Горе глупо...»

— «Полно, полно! Пойдемъ, попируемъ; и я буду сегодня хмѣленъ отъ радости, что тебя вижу.»

— «Братъ! Ты знаешь мой обычай! Позволь!..»

Ольгердъ отвѣчалъ печально:

— «Воля твоя, какъ жизнь, дорога и свята мнѣ, братъ. Принуждать не стану... Но...»

— «Ольгердъ! Я никому не упрекалъ совѣстью... Весь я твой; но оставь мнѣ совѣсть. Этотъ удѣлъ отъ него...» сказалъ Кейстутъ и указалъ на могилу Гедымина: «Простому слову не измѣнилъ я; такъ завѣщалъ родитель, а ужъ клятвенному обѣту за этого Альфа... Сердитесь, не сердитесь, я и самъ знаю, что не стóитъ, да Нѣмцы говорятъ, что на моемъ словѣ можно замокъ построить, и я за освобожденіе Альфа, далъ обѣтъ, и принесу великую жертву.»

Кейстутъ поклонился княгинямъ, пожалъ руку

брату, кивнулъ головой прочимъ князьямъ и пошелъ по набережнѣ Виліи, мимо высокой террасы.

Минувъ дворцовыя пристройки, Кейстутъ повернулъ налѣво въ храмовыя ворота. Только одинъ Альфъ пошелъ за нимъ; Кейстутъ посмотрѣлъ на него сурово.

— «Зачѣмъ ты здѣсь?» сказалъ князь. «Ты крещеный язычникъ; такъ звалъ себя ты еще недавно.»

— «Я сынъ Германады!» отвѣчалъ Альфъ: «Бирута язычница!»

— «Перестанешь ли ты говорить о Бирутѣ!»

— «Никогда, пока она не будетъ моею женою.»

— «Никогда! Пока живетъ Кейстутъ, этого не будетъ!»

— «Я наложу руки на себя!»

— «Можешь! Умирай! Мнѣ не жаль тебя: ты змѣй дурной, неблагодарный!»

— «Не за что, князь, не за что благодарить! Ты напрасно берегъ жизнь мою, ты попустому воспиталъ меня; ты хитрый мучитель! Тѣшься, сколько душѣ твоей угодно!»

— «О, ты меня потѣшилъ ножемъ въ сердце!»

— «Самъ наткнулся! Я не просилъ тебя приходить въ Полунгу... Мое право старше, а у тебя больше силы, такъ ты и правъ... по своему...»

— «Какое право? Она тебя не любитъ...»

— «Да и тебя, князь, не больше!»

Заскрежетали зубы льва литовскаго, но бѣшенство утихло въ самыхъ воротахъ, гдѣ навстрѣчу гостямъ грянула пѣснь вайделотовъ. Отъ воротъ

до божницы стояли эти меньшіе жрецы литовскіе съ дубовыми вѣтками. На широкой лѣстницѣ божницы, Кейстута ожидали зничевы дѣвы съ хлѣбомъ и алусомъ. Съ лѣвой стороны возвышалась огромная, глухая стѣна; она отдѣляла язычество отъ дворца Великой Княгини; по правую сторону кипѣлъ народомъ обширный рынокъ. Всѣ глаза были обращены на божницу; громкія восклицанія языческой черни разносились по всему этому углу Криваго-города, до Песковъ, тогда еще малозаселеннаго предмѣстья. Какъ только Кейстутъ съ Альфомъ вошли въ божницу, Вурнайты, жрецы особаго рода, ввели убранныхъ цвѣтами: одного зубра, трехъ быковъ, и болѣе трехъ десятковъ разныхъ животныхъ... Трубы, рога, бубны и флейты огласили божницу нестройными звуками, а прислужники огромнымъ хоромъ пѣли славу Кейстута. Литвины-язычники, изъ Великокняжеской дружины, изъ виленскихъ и троцкихъ бояръ и разныхъ сословій, особенно сельскіе гости не могли вмѣститься въ стѣнахъ Перкунова капища; вся площадь чернѣла отъ звѣриныхъ головъ, служившихъ шапками простому народу... Изъ внутренней храмины или главной святыни, вайделоты вынесли Гинтовта, Кривe-Кривейту, на богатыхъ носилкахъ: за ними вышли семь Кривовъ, семь старшихъ вайделотовъ, семь пріѣзжихъ Сигоновъ, семь старшихъ дѣвъ вайделотокъ, семь Вейктимовъ, одинъ Потиникъ (жрецъ бога Рагута) по семи Лингуссоновъ, Тилуссоновъ, и брачныхъ жрецовъ Свальгоновъ. Шествіе заключалось пѣвцами Буртиниками; они играли на струн-

ныхъ инструментахъ и нарядно воспѣвали славу Кейстута... Носилки поставлены на возвышеніе; шумъ и пѣніе смолкли; всѣ преклонились; настала тишина, какъ на кладбищѣ; Гинтовтъ, не поднимаясь съ своихъ переносныхъ креселъ, сказалъ, тихимъ, ласковымъ голосомъ:

— «Князь Великій, сынъ и другъ Перкуна! Колеблются основы вѣры предковъ; сѣкира чуждая лежитъ у священнаго дуба, что отъ созданія міра растетъ на Святомъ Рогѣ! Помощи, князь, и защиты! Ты у насъ послѣдній! Всѣ измѣнили; нѣтъ на всей землѣ литовской ни одного князя литовскаго; всѣ стали Русинами; божница твоя не оглашается радостными пѣснями; нѣтъ! здѣсь ты услышишь только плачъ и сѣтованье. И со слезами нашими мы должны скрываться! Мы уходимъ на молитву горькую далеко на предмѣстье, на дикій Антоколь, гдѣ живутъ Великокняжескіе звѣри; тѣ звѣри не такъ страшны намъ, какъ люди, какъ жители столицы твоего брата. Въ дни обычные мы не видимъ въ божницѣ нашей ни одного молельщика; людъ виленскій молится въ церквахъ русскихъ: всѣ покинули вѣру предковъ; а кто не покинулъ, тотъ, изъ страха, къ намъ не приходитъ, развѣ ночью, на Антокольскую божницу... Мы отворяемъ храмъ Перкуна только въ торговые дни, потому что въ эти дни есть сельскіе гости. Хочу мира. Не желаю возмущать Литвы противу сына Гедыминова, противу твоего брата; ты видишь, жезлъ мой здѣсь, я уже давно не посылаю его... жду тебя... Повели — и все возстанетъ за оскорб-

ленныхъ боговъ нашихъ! — Шестой годъ, князь, я на этихъ креслахъ и не видалъ еще въ этомъ храмѣ Ольгерда. Не христіанинъ онъ; зачѣмъ же не идетъ поклониться тѣмъ богамъ, которые, благословляя и неблагодарнаго, возвели и возвеличили его паче всѣхъ князей сего міра! Кейстутъ! Кейстутъ! Не нужно намъ жертвъ твоихъ, крови животныхъ, куреній многоцѣнныхъ... Приведи брата къ жертвеннику Перкуна! Да очистится сила боговъ нашихъ на землѣ, которую они избрали въ свои любимицы и осчастливили своимъ присутствіемъ. Кейстутъ! Дай отвѣтъ, и тогда приступимъ къ жертвѣ.»

Кейстутъ, не спуская глазъ съ Гинтовта, задумался. Передъ нимъ сидѣлъ не дряхлый, истомленный постомъ и молитвою Лиздейко — зеркало и образъ правды, воздержанія, нравственности и мудрости,—но круглый толстякъ, съ румяными щеками, съ красноватымъ носомъ, толстогубый, узкоокій, приземистый, но дюжій и плотный. Хитрость въ печальной улыбкѣ, коварство въ скорбныхъ глазахъ; казалось, не онъ говорилъ рѣчь... и Кейстутъ помолчавъ, сказалъ сухо:

— «Съ закатомъ солнца, въ домѣ пестуна и друга моего, обдумаю дѣло и скажу мою думу. Приходи за отвѣтомъ! Начинай жертвы! Время мнѣ дорого.»

— «Боги великіе!» сказалъ Гинтовтъ громко и торжественно: «Вы слышите въ душѣ вашего послѣдняго сына гордыню его братій-отступниковъ. То зараза! Напрасно казните вы міръ черной

смертью; древо, подточенное ядовитымъ червемъ, не оздоровѣетъ... Вы научили меня смиренію: смиряюсь предъ самоволіемъ человѣческимъ. Будьте сами себѣ мстителями!»

Эта дерзость не понравилась народу, не тронула князя, и. Гинтовтъ, нечего дѣлать, взялъ въ руки кривулю верховную, всталъ. Вайделоты поднесли сосудъ съ водою изъ святаго источника и кропило. Гинтовтъ окропилъ князя, весь народъ и жертвы; тогда подошли къ нему вейктимы; онъ роздалъ имъ ножи и сѣкиры; вуршайты ввели большихъ животныхъ въ станки, окованные желѣзомъ, и съ каменными столбами; на ноги наложили желѣзные путы; подставили сосуды, и страшный ревъ исполнилъ ужасомъ зрителей, и кровь полилась въ сосуды. Гинтовтъ всталъ опять съ мѣста; опять подали ему свѣжее кропило и кровь закланныхъ животныхъ. Гинтовтъ окропилъ кровію князя и весь народъ; между тѣмъ вейктимы разложили огонь, а вуршайты разсѣкли жертвы на части; нѣкоторыя были сожжены въ пищу богамъ, другія зажарены на пиръ людямъ. Отвѣдавъ жаркаго и выпивъ по кружкѣ алуса, Кейстутъ съ Альфомъ вышли изъ храма, а прочіе гости остались пировать на счетъ князя.

— «Знаю, знаю, князь, зачѣмъ ты, противу законовъ вѣры нашей, зовешь въ домъ Цвиркуна верховнаго жреца литовскаго...» сказалъ Альфъ, входя съ Кейстутомъ на большой дворъ дольняго замка. Князь молчалъ. «Ты хочешь, чтобы онъ разрѣшилъ твой бракъ съ Бирутой...»

— «Я объ этомъ не думалъ; но спасибо за совѣтъ.»

— «Не надѣйся на силу твою! Онъ не властенъ разрѣшить ея обѣтовъ; я справлялся со всѣми жрецами въ Ковнѣ, и въ Керновѣ. Я плакалъ двойными слезами — печали и радости. Не мнѣ, такъ и никому не достанется Бирута. И левъ сломаетъ зубы...»

— «Но прежде искрошитъ аспида, что вцѣпился въ львиное сердце...»

— «Такъ пора, пора, братъ, по оружію! Слышишь? Я врагъ твой; я не устану язвить твою душу упрекомъ; пока я живу, не видать тебѣ Бируты; что́ насильно держать меня на свѣтѣ: зарѣжь меня, князь...»

— «Стану я пачкать руки!»

— «Князь! Разорвемъ наше братство передъ жертвенникомъ Перкуна, воротимся въ капище, слышишь? размѣняемся словами — и мечи на-голо!»

— «Ты мой рабъ и плѣнникъ!»

— «Рабъ, плѣнникъ?... Такъ я ночью волью ядъ въ твое ухо...»

— «Ты и такъ отравляешь слухъ мой... Но скоро мы другъ друга слушать не будемъ. Пой Ольгерду свою воронью пѣсню. Онъ тебѣ по лѣтамъ и дастъ въ жены какую ни есть отроковицу безъ возраста. Играйся!...»

— «Ольгердъ намъ повелитель! Я у него такой же, какъ и ты, подданный...»

— «Такъ суди же онъ насъ сегодня...»

— «Сейчасъ!»

И оба пошли шибко къ воротамъ дольняго зам-

ка; но тамъ узнали, что Ольгердъ на верхнихъ бойницахъ, и соперники, не останавливаясь, пошли дальше. Миновавъ нѣмецкій посольскій домъ, соперники подошли къ лѣстницѣ на замковую гору; она шла не прямо вверхъ; а вилась около песчаныхъ боковъ, покрытыхъ въ немногихъ мѣстахъ травой; рѣдко, рѣдко гдѣ торчалъ колючій кустарникъ; три огромныя бойницы или башни, связанныя толстою каменною стѣною, окружали нѣсколько небольшихъ каменныхъ зданій; въ одномъ изъ нихъ помѣщался великокняжескій дворецъ, въ другихъ воевода, служилые люди, военные снаряды и большая великокняжеская казна. Дворъ былъ покрытъ гладкой плитой; на томъ дворѣ, на четырехъ кирпичныхъ столбахъ, висѣлъ набатный колоколъ; по стѣнамъ расположены были мортиры, подарокъ Кейстута, а подъ стѣнами стояли котлы, смола въ бочкахъ, разные горючіе матеріалы, каменныя ядра, дробный чугунъ кучами, и машины метальныя, изъ коихъ въ то время бросали на осаждающихъ всякую всячину. Замокъ былъ отпертъ, но никто не смѣлъ входить въ него. Кейстутъ и Альфъ нашли Великаго Князя на дворѣ. При немъ былъ Цвиркунъ, Лучанинъ, боярин городничій, бояринъ воевода замка, и Ларчикъ. — Всѣ шли за Ольгердомъ, молча, къ небольшому дворцу, или, лучше сказать, низкой башнѣ, которая своимъ наружнымъ видомъ мало отличалась отъ крѣпостныхъ бойницъ. Ольгердъ согнулся и вошелъ въ низкую дверь башни; бояре, примѣтивъ Кейстута, пріостановились. Князь про-

шелъ; Альфъ не смѣлъ идти раньше бояръ, а тѣ, угадывая, что Кейстутъ шелъ къ Ольгерду за дѣломъ, остались у входа и невольно задержали Альфа... Цвиркунъ глядѣлъ задумчиво на юношу и качалъ сѣдою головой.

— «Тамъ, до дьявола!» заворчалъ Цвиркунъ: «какъ ему зло глаза выворотило. Говорилъ я тебѣ, Альфъ, сходи въ церковь, къ отцу Давиду: у него есть и печерская святыня и все, что́ для спасенія нужно.»

Альфъ отворотился.

— «Да я же тебѣ развѣ не отецъ, негодный! Чего ты отъ меня рыло воротишь?» продолжалъ Цвиркунъ: «Или я тебѣ что худое когда въ совѣтъ подавалъ. Лучше развѣ къ жидамъ пойти? Ступай! Они у тебя карманы заколдуютъ, а плѣсни съ сердца не снимутъ...»

— «Да что́ съ нимъ прилучилось, бояринъ?» спросилъ Ларчикъ, сидя на порогѣ дверей.

— «А ты что́, знахарь, что ли?» отвѣчалъ Цвиркунъ.

— «Нѣтъ! Да ужъ если про жидовъ рѣчь зашла, такъ я тебѣ скажу, братецъ, что какая есть, за спасскими воротами на зарѣчьи, ворожея, такъ просто на-диво; старуха, а держи ухо востро; у нея такія жидовочки, что какую ни есть зазнобушку въ три-четыре раза, не то что изъ сердца, а изъ памяти выймутъ.»

— «Тьфу ты, чортовъ соблазнъ!» сказалъ Цвиркунъ, отплевываясь: «И это тебѣ, Ларчикъ, не срамъ?»

— «Да какой тутъ срамъ! Мое дѣло дурацкое; подлѣе меня на цѣломъ свѣтѣ только нѣмецкій магистръ, да собака. Видишь, я самъ въ нѣмецкомъ ошейникѣ, словно медвѣдь изъ Сморгони пляшетъ на веревкѣ, въ татарскомъ платьи; такъ и я. Правда, отъ слова краснаго (а то слово: дуракъ), такъ отъ него, братецъ, у меня на ушахъ мозоли. Совѣсть у меня, что мечъ у разслабленнаго, и притупилась и заржавѣла. Меня, чѣмъ ни попало, словомъ, взглядомъ, палкой, въ землю вколачиваютъ; потѣха языку и душѣ надъ кѣмъ-нибудь разъ въ годъ; воля — только во снѣ; торчи у колѣнокъ, или крошки по полу лбомъ собирай; гляди на красавицъ, что вокругъ. Улиньки, словно пчелы за маткой; гляди и облизывайся. Ты знаешь, дураки лѣтъ не считаютъ; да что ты будешь дѣлать; видно, вѣдьма какая на моей тростн въ Ивановъ день чинитъ нарѣзки; на, сосчитай!» Ларчикъ протянулъ къ Цвиркуну суковатую палку.

— «Да мнѣ что за дѣло?»

— «То-то же! Тебѣ нѣтъ дѣла, а мнѣ? Видишь: двадцать три; а когда у тебя оскома, что ты дѣлаешь?»

— «Да чего ты присталъ ко мнѣ, дуракъ?..»

— «То-то же! Присталъ! Гляжу на красныхъ дѣвушекъ — всего изломаетъ; глаза, будто жернова на мельницѣ, такъ и вертятся; такъ ужъ извини, братецъ; спустятъ собаку съ цѣпи, она прямо къ жидовкамъ... Чортово племя, знаю, да вѣдь дуракъ и самъ не изъ людей...»

— «Видно, мало тебя палкой взыскиваютъ.»

— «Вотъ, братецъ, смѣяться будешь, а я разъ у Ольгерда костыль и стилиснулъ, понесъ къ жидовочкамъ; тѣ послали за жидкомъ; тотъ, дрянь такая, овсяный, сухопарый, ни дать ни взять жидовская кляча, прибѣжалъ, да и давай на костыль и дуть и бормотать... ну, и съ тѣхъ поръ спина моя съ тѣмъ костылемъ не встрѣчалась... Только, пожалуйста, братцы, Сашенькѣ не сказывайте: чего добраго, онъ еще велитъ костыль расколдовать...»

— «Диво, право!» сказалъ городничій Цвиркуну: «Вѣдь и я много объ этомъ жидкѣ слышалъ, только нигдѣ не могу его поймать. Новая городская дума приговорила его сжечь.»

— «И не сожжешь, и не поймаешь! Да и что тебѣ мѣшаться въ Магдебургію? *) Вѣдай ты свой Кривъ-городъ, дума пусть за своими концами смотритъ, а на посадахъ, за стѣной, тамъ, братецъ, своя управа и получше твоей!»

— «Да отъ чего же онъ на посадахъ не живетъ; а все къ намъ ходитъ. Купцы на русскомъ концѣ почасту его видали; да и въ Кривъ-городѣ на рынкѣ, онъ у Нѣмцевъ снадобья закупалъ...»

— «Ахъ какой ты, братецъ, недогадка! Поймай, коли въ руки дается! Удиви, поймай! Видали! — Мало ли чего видали, да только не жидка. Ужъ если онъ чужую голову всякую, будто свой ларь знаетъ, ну какъ, чтобы онъ твоей не зналъ. Отворить ее труда немного.»

*) По всѣмъ соображеніямъ, магдебургское право дано было Вильну еще при Гедыминѣ.

— «Дуракъ!»

— «Да полно, бояринъ, меня по имени кликать. Я здѣсь налицо: если что нужно, можешь прямо и безъ имени сказать... А ты, старая мудрость Гедыминовская, про жидковъ не говори. Альфъ у него бы узналъ, гдѣ теперь и что̀ самъ Маргеръ дѣлаетъ... и что̀ съ Альдоной будетъ; а вѣдь всего этого простымъ умомъ не возьмешь...»

Цвиркунъ не могъ долѣе слушать такое сквернословіе, плюнулъ и пошелъ въ башню. Подходя къ Гриднѣ Великокняжеской, Цвиркунъ громко закашлялъ, чтобы князья чего худаго объ его ушахъ не подумали, и вошелъ въ небольшой покой, богато убранный. Ольгердъ сидѣлъ въ креслахъ, утопая въ глубокой думѣ; Кейстутъ ходилъ по комнатѣ, закинувъ руки назадъ.

— «Что̀, дѣти?» сказалъ Цвиркунъ, снимая шлемъ, потому что и князья были безъ шлемовъ. «Того... какъ его... не ладно... а?... худо?... будетъ хуже, коли змѣи не распутаемъ; тма кромѣшная; ничего не вижу... въ такихъ дѣлахъ всегда конецъ слѣпой... Вѣдь если двое думаютъ, да ничего не говорятъ, такъ это все одно, что два колеса въ разныя стороны катятся... Ну, постойте же, я васъ рѣчью свяжу. Видно, что ни есть про Альфа?»

— «Да вотъ» сказалъ грустно Ольгердъ: «братъ требуетъ, чтобы я его насильно женилъ. На комъ я его женю?»

— «Какъ на комъ? Мало ли у тебя боярышенъ?» остановясь по срединѣ покоя, спросилъ Кейстутъ.

— «Да какой же бояринъ за него дочь свою выдастъ; да еще когда на немъ твоей милости нѣтъ.»

— «Такъ ты ему свою подари. Тогда не отобьешься отъ сватовъ... Нельзя иначе, Ольгердъ, право нельзя. Я отъ него отступаюсь: надоѣлъ мнѣ по горло. Шаль въ головѣ. Не хочу Альфа. Завѣщалъ намъ Гедыминъ любить его какъ брата, не давать въ обиду Нѣмцамъ. Я ли не любилъ его! Я ли не выручилъ его изъ плѣна! Я ли не дѣлалъ для него всего, чтобы иному брату не подъ мочь пришлось... А онъ?.. И все это молодость безбородая. И на Нѣмцевъ онъ бросился ни съ того, ни съ сего; видишь, у насъ ему худо было. Мало ли о немъ заботились; это благодарность. Опусти возжи, этотъ жеребенокъ разобьетъ и насъ съ тобой. Надо на него узду крѣпкую; надо жену съ твердымъ нравомъ: умается, пойдетъ ровно, бодро и весело и за жизнь скажетъ спасибо!»

— «Да изъ чего у васъ размолвка?» спросилъ великій князь: «Прежде, бывало, ты Альфомъ нахвалиться не можешь, въ гости ко мнѣ не отпускаешь; только и рѣчи, что про Альфа да про Альдону... А теперь и названный братъ и названная сестра, кажется...»

— «Нѣтъ! Ольгердъ, я не перестану любить Альдону по прежнему, хотя вижу, что мы уже не дѣти; и опять просьба: выдай замужъ Альдону; вотъ, чего лучше, есть у нея и женихъ: молодой Борисъ. На крыльцѣ сегодня я ненаро-

комъ гляжу на князя, а у него глаза въ свѣтлицу ушли, глядятъ на Альдону; а, по моимъ примѣтамъ, славная пара. Не знаю, братъ, какъ ты...»

— «Не понимаю, Кейстутъ, но постараюсь успокоить тебя. Да что же на это все ничего не говоритъ дядя?»

— «Да что мнѣ съ вами говорить? Вы свое, а я свое. Кейстутъ съ просьбой и я съ просьбой. Вы уже выросли, сами управляетесь; дяди слушаться не хотите; такъ служба моя *старику* кончилась; думаю, вамъ обоимъ уговоръ мой съ старикомъ извѣстенъ? Какъ поженятся князья, Цвиркунъ на всѣ четыре стороны воленъ, хоть на край свѣта отправляйся. Я хочу такъ и сдѣлать. Кланяюсь вамъ и на самый край свѣта иду: въ Іерусалимъ, ко гробу Господню. Только двѣ остановки: одному скучно, надо попутчика отыскать; не найду волей, найму; за деньги можно сманить попутчика подъ землю; а другая остановка: надо Кейстута женить...»

— «Вотъ, дядя, что правда, то правда!» сказалъ Ольгердъ весело и всталъ съ мѣста. Кейстутъ поблѣднѣлъ и задыхался отъ внутренняго волненія... Ольгердъ подошелъ къ нему и сказалъ ласково:

— «Милый братъ! Только мнѣ и думы осталось, что о твоей холостьбѣ... Я ждалъ тебя, признаюсь, со страхомъ и трепетомъ; что, думалъ я, если ты и этотъ разъ отпѣкиваться станешь? А невѣсты, невѣсты, — чудо, не красави-

цы... Смоленская княжна Евдокія, краше всѣхъ другихъ; и сосѣда мы къ Великокняжеству этимъ союзомъ на-вѣки привяжемъ. Коли хочешь правду вѣдать, такъ есть между княжнами важная невѣста, по разсчету. Черезъ нее, мы на Рязань, какъ на свой удѣлъ, можемъ идти. Не то она, что Евдокія, но миловидная и добрая дѣвушка... Ты хочешь насильно быть Литвиномъ; Богъ съ тобой; я сердце и совѣсть твою неволить не могу: я ихъ Богу поручилъ, но если такъ, не забудь, послѣдній годъ холостьбѣ; а не то, твои же Литвины корить молодцу станутъ... Надо жениться...»

Смертная блѣдность разливалась постепенно по лицу Кейстута. Ласковая рѣчь брата убивала его. Любовь и невозможность брака, ревность, отвращеніе отъ невѣстъ, необходимость женитьбы... и левъ Литовскій крѣпко призадумался.

— «Ольгердъ!» послѣ продолжительнаго молчанія, сказалъ Кейстутъ дикимъ голосомъ и задыхаясь: «Ты меня не любишь!..»

— «Не ожидалъ я этого упрека...»

— «Да, ты меня не любишь! Женюсь, буду ли я любить тебя по прежнему; вѣдь надо же и женѣ и дѣтямъ любви, правда? И я долженъ любовью моею къ тебѣ съ ними подѣлиться. Да и къ чему? Холостьбой не попрекнетъ меня Литвинъ; холостьба, несрамное дѣло; къ чему мнѣ женщина?.. Лишняя рухлядь въ обозѣ; а дома я минутный гость... Теперь мнѣ жизнь — кружка алуса. Есть, хорошо; нѣтъ, и безъ нее обойдемъ,

ся; а женюсь, чего добраго, въ яровавой свчѣ струшу, чужой жизни станетъ жалко...»

— «Вретъ, вретъ!» закричалъ Цвиркунъ: «Не я буду, князь хитритъ. Ужъ я давно замѣтилъ, что онъ сталъ не съ души говорить, а какъ-то съ боку... Будто ужъ жена богатырю — такая важность; не путы же на ноги наложили. Лишняя рухлядь, вздоръ: рухлядь, это такъ... домашній клейнодъ, иной разъ уродъ, все такъ... да не лишняя; этого нигдѣ не написано, и ни кѣмъ не сказано. — Добрая красавица богатырю нужна, какъ крѣпкія латы, чтобы иной разъ плотно прижималась. Человѣкъ, самъ по себѣ, еще не совсѣмъ человѣкъ, нужна ему придача. Такъ ужъ свыше придумано, и вотъ объ этомъ сколько ни есть мудрецовъ, и умные и глупые, всѣ на одно говорятъ. Хмъ! Видишь, онъ обидѣлся отъ того, что его женить вздумали. Эхъ, Кейстутъ, не тебѣ на словахъ хитрить. Гридня не военное поле; тамъ ты прикидывайся лисой, откалывай хитрости, а съ нами начистоту, признавайся!..»

— «Дядя! да я боюсь самому себѣ признаться.»

— «Да ты себѣ, пожалуй, ничего не говори, а намъ правду подай.»

— «Жените прежде Альфа, выдайте Альдону!..»

— «Положимъ, Ольгердъ, пускай будетъ по его слову. Эй! Позовите Альфа!» закричалъ Цвиркунъ черезъ двери такимъ голосомъ, что, вѣроятно, на дольнемъ замкѣ было слышно... На голосъ

Цвиркуна Альфъ не вошелъ, а вбѣжалъ въ Гридню.

— «Слушай ты, молодецъ!» сказалъ Цвиркунъ, садясь на скамью: «Твой часъ приспѣлъ. Изволь жениться! Да, не хитрить, не зазнаваться, слышишь, выбирай невѣсту; я отправлюсь сватомъ. Ну! Что же ты, не поклонишься князьямъ въ ноги, негодный! Гей же, ну!»

Цвиркунъ всталъ съ мѣста и хотѣлъ было нагнуть Альфа на поклонъ, но тотъ бросился на колѣна передъ Ольгердомъ и сказалъ твердымъ, громкимъ голосомъ.

— «Суди насъ, Государь, суди насъ!»

— «Съ кѣмъ?»

— «Съ братомъ твоимъ, Кейстутомъ...»

— «Рабъ!» заревѣлъ Кейстутъ, схватился съ мѣста и, сжавъ, поднялъ кулаки: «Намъ съ тобою суда нѣтъ... Женись, когда велятъ! Связаннаго обвѣнчаютъ тебя. Слышишь! Волю брата моего я уважать заставлю!..»

— «Братъ! милый братъ!» началъ было ласково говорить Ольгердъ, но Кейстутъ схватилъ его за обѣ руки.

— «Не слушай его, онъ будетъ клеветать на меня...» кричалъ Кейстутъ: «Это змѣя злоязычная; не слушай его!..»

— «Именемъ отца нашего,» сказалъ Ольгердъ съ нѣкоторою строгостью: «вспомни братъ, намъ завѣщалъ Гедыминъ любить и беречь Альфа... Ну, говори, въ чемъ твое дѣло?..»

— «Государь!» сказалъ Альфъ: «Я люблю Бируту и не могу жениться...»

— «Ложь!» закричалъ Кейстутъ, схвативъ шлемъ: «Я люблю Бируту и не могу жениться... Никто не смѣй любить Бируту... Если головы не жалко, люби, пожалуй... но только до заката солнца... Я больше тебѣ не братъ, ни по завѣту отца, ни по оружію. Возьми назадъ свое слово! На!»

Желѣзная перчатка ударилась о грудь Альфа. Тотъ вскочилъ и, бросая Кейстуту свою, спросилъ съ восторгомъ:

— «Гдѣ и когда?»

— «Сейчасъ, за Антокольскимъ звѣринцемъ...»

Ольгердъ схватилъ Великокняжескую булаву и загремѣлъ такимъ голосомъ, какого ни родному, ни названному брату слыхать не удавалось:

— «Назадъ рукавицы!»

Оба подняли смирно каждый свою и взглянули съ бѣшенствомъ на Ольгерда. Молча, оба пошли къ дверямъ, но великій князь сказалъ тѣмъ же голосомъ: «Останьтесь!» И оба остановились у дверей, не глядя на Ольгерда, какъ будто для того только, чтобы выслушать великокняжескій приговоръ. Булава опустилась; грозный видъ смѣнился веселой улыбкой. Ольгердъ взялъ обоихъ за руки и сказалъ ласково:

— «Помиритесь!»

Кейстутъ молчалъ, но Альфъ зарыдалъ и сказалъ, съ трудомъ выговаривая слова:

— «Бирута — или смерть!»

— «Ни то, ни другое,» прервалъ Ольгердъ: «а дочь Монтвидова, Анастасья, съ удѣломъ и вѣномъ изъ моей казны!..

— «Не хочу твоего великокняжества!» закричалъ Альфъ. Тогда Цвиркунъ подошелъ къ нему, и взялъ за руку.

— «Такъ я тебѣ» сказалъ Цвиркунъ: «дамъ удѣлъ у меня въ домѣ, подъ замкомъ, пока одумаешься...»

— «У меня есть свой домъ... Не хочу видѣть твоей берлоги, гдѣ ты меня выростилъ на муку себѣ и людямъ...»

— «Хорошо, хорошо!» прервалъ Ольгердъ: «Такъ сиди себѣ въ своемъ домѣ; только отдай мнѣ прежде оружіе.»

— «И ты на меня сердишься?»

— «Жалѣю,» отвѣчалъ Ольгердъ и собственноручно снялъ съ него и ножъ и мечъ: «Прикажи, Цвиркунъ, пусть бояринъ городничій приставитъ къ дому Альфа стражу...»

— «За что, Государь?» спросилъ Альфъ, почти со слезами.

— «За молодость!»

— «Гдѣ же мое преступленіе?»

— «За преступленія я отнимаю жизнь, а не волю! Ступай!»

Цвиркунъ увелъ Альфа. Кейстутъ стоялъ посреди комнаты, какъ будто оглушенный всей этой сценой. Ольгердъ надѣлъ шлемъ, взялъ свой костыль и, проходя мимо Кейстута, сказалъ съ примѣтнымъ волненіемъ:

— «Братъ! Я былъ не правъ: для тебя! Я женю Альфа: для тебя! — Я выдамъ замужъ Альдону: — для тебя!.. Ты доволенъ!.. Но про себя я этого сказать не смѣю... Не нужно мнѣ никакихъ жертвъ... Ты усомнился въ моей любви, но, кажется, я заплатилъ тебѣ за твои сомнѣнія!»

— «Ольгердъ, Ольгердъ!» кричалъ Кейстутъ, но великій князь былъ уже на дѣтинцѣ, какъ тогда называли дворъ каждаго замка.

—

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

КНЯЗЬ ОВРУЧСКІЙ.

Суббота... Былъ канунъ какого-то праздника. Въ соборномъ храмѣ Рождества Пресвятыя Богородицы началась всенощная; церковь освѣщалась болѣе и болѣе отъ приношеній молельщиковъ. Вильно въ то время изобиловало и производило обширный торгъ воскомъ; не было такого бѣднаго мѣщанина, который бы не поставилъ передъ каждой иконой, сколько ихъ ни было въ соборѣ, по малой мѣрѣ одной свѣчи; а какъ съ самыми ничтожными исключеніями, всѣ жители Вильна сего времени были православные, то и неудивительно, что всѣ храмы, отъ Кривъ-города до Троицкихъ и Спасскихъ воротъ сіяли великимъ внутреннимъ свѣтомъ; весь народъ, подобно волнамъ, переливался по улицамъ: кто къ Троицѣ, въ монастырь, кто къ Николѣ, иные къ Пречистой Божіей Матери и къ Спасу, другіе къ Параскевѣ, къ Екатеринѣ, къ Покрову и въ другія церкви, но наи-

болѣе къ собору *), потому что сюда, кромѣ Великой Княгини и Князей, слушавшихъ Богослуженіе въ домашней церкви замка, стекался почти весь дворъ и знатнѣйшіе, именитѣйшіе люди. Во храмѣ прихожанъ было уже довольно, а передъ соборомъ на тѣсной площадкѣ стояла толпа любопытныхъ иновѣрцевъ; тутъ были и Нѣмцы, съ своего нѣмецкаго конца, и Литвины изъ Кривъ-города и посадовъ, и даже жиды изъ-за Виленки. Послѣдніе укрывались за толпой, боясь, чтобы ихъ не замѣтили Русины; а не быть имъ здѣсь нельзя: тутъ можно было поживиться нѣмецкимъ кошелькомъ, длинной полой тонкаго сукна, тѣмъ, другимъ; сумракъ и тѣснота лучшіе злу сообщники и Іоссель, приземистый жидокъ, пользуясь и сумракомъ и тѣснотою, у любопытнаго Нѣмца, который зазѣвался на входящихъ въ соборъ, отрѣзалъ кошелекъ. У жида руки за вѣсы ходятъ; Іоссель взвѣсилъ кошелекъ, улыбнулся и пошелъ

*) Хотя церковь Пресвятыя Божія Матери въ послѣдствіи и была метрополитальною, но во время Ульяны Александровны не могла быть соборною; соборная церковь Рождества Пресвятыя Богородицы, какъ явствуетъ изъ описанія поѣздки Великой Княжны Елены, была въ самомъ городѣ, а не на посадахъ: по словамъ В. К. Александра литовскаго, была весьма близко отъ замка и В. Княгиня могла удобно ходить туда на Богослуженіе. Все это заставляетъ думать, что соборная церковь Рождества Богородицы была не на Пречистенкѣ, а въ Кривъ-городѣ, по близости дольняго замка, и, вѣроятно, въ томъ мѣстѣ, гдѣ при Сигизмундѣ Августѣ стояла римско-каѳолическая церковь св. Варвары.

по узкой улицѣ къ воротамъ. На встрѣчу ему не шелъ, а бѣжалъ Ларчикъ.

— «Ахъ, это ты, Іоссель?» сказалъ Ларчикъ, одѣтый въ платье круглеца: «Пойдемъ, пойдемъ, я тебѣ покажу ее, ты погляди, посмотри, да если не заколдуешь, выдамъ.»

— «Отъ чего же и не заколдовать, да только ты, Ларчикъ, не кричи такъ громко!..»

— «Перестань болтать, время не терпитъ: она уже вышла съ боярыней Анной Трофимовной изъ своихъ хоромъ. Сейчасъ въ церковь будетъ...»

— «Въ церковь?» спросилъ жидъ и лице его исковеркалось.

— «Болванъ, мы постоимъ на паперти, когда она проходить будетъ.»

— «На паперти? Чтобы меня Русины камнями забросали, чтобы меня городничій поймалъ, да думѣ на огонь выдалъ. Нѣтъ, Ларчикъ, я готовъ тебѣ служить, да изъ этой службы толку не будетъ. Лучше посидимъ у хоромъ боярыни; такъ, можетъ быть, тамъ ловчѣй будетъ.»

— «Ступай же за мной!..»

Іоссель, ободренный обществомъ круглеца великокняжескаго, пошелъ за Ларчикомъ опять къ соборной церкви. Издали черезъ головы любопытныхъ видно было, какъ входили люди на паперть, клали земные поклоны и уходили въ церковь.

— «Вотъ она, вотъ она!» шепотомъ сказалъ Ларчикъ и прижался къ жиду... На паперти въ это время стояли двѣ женщины подъ покрывалами и низко кланялись на алтарь.

— «Да которая же?»

— «Да вотъ, что помоложе.»

— «Какъ же я разгляжу, которая моложе, когда у обѣихъ покрывала...»

— «Та, что повыше.»

— «Послушай, Ларчикъ,» сказалъ Іоссель: «Я не отказываюсь, я могу... только мнѣ надо знать ея имя и въ лице видѣть...»

Ларчикъ посмотрѣлъ на жида сомнительно и отвѣчалъ:

— «Имя ей—Альдона, а въ лице видѣть не дай тебѣ Господи: ты, Іоссель, и самъ не старъ; вѣстимо, ты жидъ, да какъ увидишь, чего добраго, заколдуешь сердце ее въ ледъ, такъ, что ни тебѣ, ни другому.»

— «Я женатъ, Ларчикъ, у меня дѣтей сколько.»

— «Колдунъ много можетъ; не то еще въ Кіевѣ случалось; княженъ простые колдуны уносили; по замкамъ прятали; такъ что, бывало, надо чудо-богатырей на весь свѣтъ разсылать.»

— «Да это Ларчикъ, сказки...»

— «Хороши сказки, когда сами князья объ этомъ говорили не разъ, не два, а почастую. Нѣтъ, братъ! Положимъ, ты себѣ небольшой колдунъ, да деньгу любишь, такъ не ровенъ часъ, князекъ какой-нибудь посулитъ тебѣ за Альдону всю свою казну, ты меня и въ сторону.»

— «Ну, а если иначе и колдовству быть нельзя?»

Ларчикъ почесался, и отвѣчалъ: «Ступай, Іоссель, посиди у стараго рынка, а я пойду въ церковь, помолюсь и подумаю.»

Ларчикъ вбѣжалъ въ церковь безъ поклоновъ; не долго онъ искалъ глазами Альдоны: она стояла на женской сторонѣ первой. Альдона не молилась; грудь ея волновалась; вздохи иной разъ можно было слышать. Много бояръ и боярынь было у всенощной; это не удивляло Ларчика; онъ зналъ, что въ домашней церкви, по случаю такого большаго съѣзда князей, княгинь и княженъ, двору негдѣ было помѣститься; но удивило Ларчика то, что новопожалованный князь Овручскій былъ у Рождества, а не на замкѣ; стоялъ впереди всѣхъ бояръ; плохо молился: глаза все на женскую половину забѣгали и, казалось, искали кого-то. Потомъ показалось Ларчику, будто эти глаза свое нашли—и Ларчикъ вспыхнулъ. Видно, у Альдоны покрывало какъ нибудь распахнулось или взгляды у молодаго князя были такіе острые... только до конца всенощной Боря глядѣлъ на Альдону, а та вся трепетала, дрожала, горѣла будто на угольяхъ... Долго Ларчикъ ревновалъ въ тихомолку; наконецъ заплакалъ со злости, да такъ громко, что люди воглядѣли на него съ умиленіемъ и сказали: «Вотъ молится Ларчикъ! Видно и за себя и за Великаго Князя!..»

Ларчикъ услышалъ замѣчаніе и распростерся на церковномъ помостѣ будто для молитвы, а совсѣмъ не для того: просто хотѣлъ скрыть душевное волненіе и быть поближе къ Альдонѣ. Она была возлѣ; онъ смотрѣлъ на галуны ея сарафана, даже однажды увидѣлъ носокъ ея ножки, такой крошечный, какъ будто кончикъ охотничьяго ножа.

— «Пусть хоть пожалѣетъ меня!» подумалъ Ларчикъ и поднялся на колѣнахъ, и билъ себя въ грудь, и опять падалъ ницъ; но каждый разъ, когда приподымался, поглядывалъ на Борю и усиливалъ свое истязаніе. Доколотилъ бы онъ себя до болѣзни, еслибы всенощная еще четверть часа продолжилась; но служба отошла. Женщины, не снимая покрывалъ, между собою разговорились, съ мужчинами ни гу-гу. Но Ларчикъ былъ исключенъ изъ списковъ человѣчества; съ нимъ разговаривать не было зазорно, и Альдона спросила:

— «Что съ тобой, Ларчикъ! Объ чемъ ты молился?..»

— «Объ тебѣ, княжна надъ княжнами!»

— «И я тоже!» сказалъ Борисъ, который неизвѣстно отъ чего очутился возлѣ. Альдона отвернулась и поспѣшила вмѣшаться въ толпу сверстницъ.

— «Зачѣмъ ты обидѣлъ словомъ боярышню?» спросилъ Ларчикъ сурово.

— «Да это такъ и тебѣ и ей показалось. Она еще всего не знаетъ. Завтра авось отъ меня отворачиваться не станетъ.»

— «Князь! говори правду!..»

— «Пожалуй, только гляди, придумай на мою свадьбу побольше шутокъ забавныхъ...»

— «Альдона — твоя невѣста?» непотомъ спросилъ Ларчикъ.

— «Невѣста!»

И Ларчикъ упалъ на помостъ, и зубами грызъ деревянный помостъ, и неистово билъ ногами объ

полъ. Толпа бояръ и круглецовъ съ участіемъ окружила Ларчика; вдругъ кто-то изъ толпы, высунувъ голову черезъ плеча впереди стоявшихъ, посмотрѣлъ на шута и сказалъ громко: «это черная смерть!..»

— «Черная смерть! черная смерть!» раздалось во всѣхъ концахъ храма, и всѣ бросились къ выходу; но когда двери церкви отворились, вся толпа ринулась назадъ: на паперти лежалъ мертвый. Никто не смѣлъ ни пойдти, ни обойти; видно было, что мертвецъ изволилъ умереть тутъ же; на площади стояла прежняя толпа и кричала выходящимъ: «Не прикасайтесь, не прикасайтесь, это черная смерть, онъ пришелъ больной; чуть на паперть влѣзъ, сталъ молиться, да бухъ о земъ — и духъ вонъ!..» Не успѣлъ этого проговорить ораторъ, какъ сильная боль подъ ложкой самого свалила съ ногъ. Онъ упалъ. Испуганный, онъ кричалъ: «Спасите! спасите!» но этого крика было довольно. Ужасъ разлился на площади и во храмѣ; смятеніе сдѣлалось общимъ; одни бросились къ сѣвернымъ, другіе къ южнымъ дверямъ, нѣкоторые въ окна; толкотня, крикъ, шумъ, вопли умирающаго. Протоіерей поспѣшилъ облачиться, и со крестомъ, со святою водою и со всѣмъ причтомъ вышелъ на площадь. Церковь опустѣла. Князь Борисъ уже видѣлся съ черною смертью въ городахъ нѣмецкихъ и съ перваго взгляда угадалъ, что у Ларчика другой недугъ. Въ общемъ смятеніи, боясь, чтобы его не растоптали бѣгущіе, онъ оттащилъ его въ сторонку и положилъ на какую-то гробницу. Не

[illegible] люди. Ларчикъ очнулся, при-
[illegible] не могъ понять, что́ съ
[illegible] Воспоминанія возвращались мед-
[illegible] сталъ горько плакать, потомъ сквозь
[illegible] какъ будто что-то замышлялъ,
[illegible] вопросы и разспросы
[illegible] ни слова. Оправясь, онъ прив-
[illegible] на князя съ бѣшенствомъ, рас-
[illegible] бѣгомъ изъ собора. На па-
[illegible] мертвецъ; Ларчикъ споткнулся,
[illegible] и хотѣлъ бѣжать дальше, но со
[illegible] раздался крикъ: стой! лови! зара-
[illegible] Ларчикъ остановился, поглядѣлъ
[illegible] но онъ примѣтилъ, что во мракѣ
[illegible] приближаются черныя тѣни.
[illegible] мѣщане: «не то застрѣлимъ!»
[illegible] грознымъ обѣщаніемъ, Ларчикъ боял-
[illegible] стоялъ. Люди подошли къ
[illegible] вилы со всѣхъ сторонъ косну-
[illegible] своими сплелись около него
[illegible] что зараженный пойманъ,
[illegible] на шею Ларчику
[illegible] сказалъ, повидимому,
[illegible] Андрюша, куда указано; да
[illegible] чтобы онъ какъ ни есть съ
[illegible] а если идти не захочетъ,
[illegible] когда ослушает-
[illegible] Ларчика. Какъ только
[illegible] съ первымъ темнымъ переулкомъ
[illegible] Ларчикъ, чувствуя, что вилы дер-
[illegible] пригнулся, сдернулъ

арканъ, отскочилъ, со всѣхъ ногъ бросился въ переулокъ—и былъ таковъ. На паперти у собора предусмотрительные горожане подняли вилами трупъ и скрылись. Церковь осталась раскрытою, свѣчекъ еще потушить не успѣли. Іоссель подошелъ къ паперти и глядѣлъ на церковную кружку, висѣвшую на замкѣ у самой паперти на небольшомъ столбикѣ, съ какимъ-то звѣрскимъ удовольствіемъ: то его что-то корчило, то онъ утиралъ рукавомъ ротъ, то чесалъ затылокъ и руки, то робко оглядывался, а ноги, сами по себѣ, не докладываясь, какъ у цапли, то одна, то другая, поднимется, на воздухѣ не удержится и выпрямится... глядишь, а ужъ шагъ впередъ, а Іоссель, какъ та же цапля, все шею вытягиваетъ, кажется, бородой того столбика коснуться хочетъ. Жидъ подвигался по неволѣ, самъ не понимая, какъ это происходило; онъ уже стоялъ возлѣ кружки; лихорадка пріударила по всѣмъ членамъ; руки тряслись; но уже одна держалась за цѣпь кружки, а другая чего-то искала въ карманѣ; вдругъ, какъ будто пудовикомъ хлопъ его что-то по рукѣ. Іоссель потерялъ всѣ чувства въ одно мгновенье, и въ одно мгновенье опомнился; за нимъ стоялъ князь Юрій Романычъ. Іоссель вскрикнулъ, опять потерялъ чувства и опять опомнился, но уже далеко на другой улицѣ на нѣмецкомъ концѣ, у какого-то новаго дома. Князь вошелъ въ соборъ и нашелъ Борю у той самой гробницы, гдѣ его такъ недавно оставилъ Ларчикъ. Боря стоялъ въ глубокой задумчивости; не видалъ, не слыхалъ приближенія отца, и только тогда

успѣли разбѣжаться люди, Ларчикъ очнулся, пришелъ въ себя, но долго не могъ понять, что̀ съ нимъ случилось. Воспоминанія возвращались медленно; онъ сталъ горько плакать, потомъ сквозь слезы улыбнулся, какъ будто что-то замышлялъ, сжималъ кулаки и на всѣ вопросы и разспросы Бориса не отвѣчалъ ни слова. Оправясь, онъ привсталъ, посмотрѣлъ на князя съ бѣшенствомъ, расхохотался и бросился бѣгомъ изъ собора. На паперти еще лежалъ мертвецъ; Ларчикъ споткнулся, упалъ, вскочилъ и хотѣлъ бѣжать дальше, но со всѣхъ сторонъ раздался крикъ: стой! лови! зараженный! держи! Ларчикъ остановился, поглядѣлъ вокругъ,—темно; но онъ примѣтилъ, что во мракѣ медленно и осторожно приближаются черныя тѣни. «Сдавайся! «кричали мѣщане: «не то застрѣлимъ!» Испуганный грознымъ обѣщаніемъ, Ларчикъ боялся шевельнуть ногою, стоялъ. Люди подошли къ нему; деревянныя вилы со всѣхъ сторонъ коснулись его тѣла и усами своими сплелись около него въ клѣтку. Убѣдясь, что зараженный пойманъ, усердные горожане набросили на шею Ларчику кожанный арканъ. «Ну,» сказалъ, повидимому, старшій: «веди его, Андрюша, куда указано; да вилами предерживай, чтобы онъ какъ ни есть съ тобой не столкнулся; а если идти не захочетъ, затяни арканъ, пускай издохнетъ, когда ослушается.» Но не далеко увели Ларчика. Какъ только поровнялись съ первымъ темнымъ переулкомъ Кривъ-города, Ларчикъ, чувствуя, что вилы держатъ его не больно крѣпко, пригнулся, сдернулъ

арканъ, отскочилъ, со всѣхъ ногъ бросился въ переулокъ—и былъ таковъ. На паперти у собора предусмотрительные горожане подняли вилами трупъ и скрылись. Церковь осталась раскрытою, свѣчекъ еще потушить не успѣли. Іоссель подошелъ къ паперти и глядѣлъ на церковную кружку, висѣвшую на замкѣ у самой паперти на небольшомъ столбикѣ, съ какимъ-то звѣрскимъ удовольствіемъ: то его что-то корчило, то онъ утиралъ рукавомъ ротъ, то чесалъ затылокъ и руки, то робко оглядывался, а ноги, сами по себѣ, не докладываясь, какъ у цапли, то одна, то другая, поднимется, на воздухѣ не удержится и выпрямится... глядишь, а ужъ шагъ впередъ, а Іоссель, какъ та же цапля, все шею вытягиваетъ, кажется, бородой того столбика коснуться хочетъ. Жидъ подвигался по неволѣ, самъ не понимая, какъ это происходило; онъ уже стоялъ возлѣ кружки; лихорадка пріударила по всѣмъ членамъ; руки тряслись; но уже одна держалась за цѣпь кружки, а другая чего-то искала въ карманѣ; вдругъ, какъ будто пудовикомъ хлопъ его что-то по рукѣ. Іоссель потерялъ всѣ чувства въ одно мгновенье, и въ одно мгновенье опомнился; за нимъ стоялъ князь Юрій Романычъ. Іоссель вскрикнулъ, опять потерялъ чувства и опять опомнился, но уже далеко на другой улицѣ на нѣмецкомъ концѣ, у какого-то новаго дома. Князь вошелъ въ соборъ и нашелъ Борю у той самой гробницы, гдѣ его такъ недавно оставилъ Ларчикъ. Боря стоялъ въ глубокой задумчивости; не видалъ, не слыхалъ приближенія отца, и только тогда

опомнился, когда Князь Юрій ударилъ его легонько по плечу и сказалъ: «Вотъ Боря, говори, случай, а странно: ты стоишь у гробницы, гдѣ я схоронилъ все мое счастіе!»

— «Какъ, здѣсь лежитъ матушка?..»

— «Нѣтъ! Твоя мать лежитъ вотъ тамъ, далеко, въ темномъ углу соборной церкви...»

— «Кто же здѣсь?»

— «Кто здѣсь?» спросилъ князь Юрій и невольныя слезы полились изъ старыхъ глазъ. Видно не всѣ чувства охлаждаетъ старость. Боря не смѣлъ спрашивать, но князь схватилъ сына за руку, сказалъ: «Не здѣсь!.. Не предъ лицемъ Господа!..» и увелъ съ собою Борю. На дворѣ церковномъ усѣлись князья на свѣжей могилѣ и князь Юрій, безъ дальнѣйшихъ предисловій, такъ началъ:

—

«Ахъ какъ это было давно! куда за сорокъ лѣтъ тому назадъ, я былъ еще моложе тебя, мнѣ тогда, почитай, осмнадцать лѣтъ исходило; отецъ умеръ, другихъ братій не было; меня бояре отвели въ главную палату Овручьскаго замка, посадили на княжеское мѣсто, потомъ въ соборную церковь, тамъ ожидалъ насъ архимандритъ; бояре и народъ мнѣ присягнули, и я сталъ, что называлось тогда, княжить, т. е. сталъ ѣздить на охоту за звѣремъ. Не великъ былъ мой удѣлъ, но городъ людный, а женщины красотой славились, особенно Ольга, дочь боярина Сокола, красавица, да молода была больно; ее еще и за невѣсту не считали, слуховъ

про нея еще не разносили свахи. Соколъ былъ покоенъ, только въ терема свои не пускалъ никого чужаго; но эта предосторожность не помогла: ночью домъ его былъ разбитъ, и Ольгу полумертвую принесли на замокъ. Чудное дѣло! Такова была привычка къ татарщинѣ. Сосѣди и всѣ горожане тѣшились несчастьемъ Сокола, хвалили меня, молодцомъ называли и разошлись покойно по домамъ, радуясь, что нажили такого князя. — Оставивъ полумертвую Ольгу въ моей опочивальнѣ, бояре пришли въ гридницу, гдѣ я допивалъ огромную стопу вина, которое въ тотъ самый день люди мои, какъ важную рѣдкость, привезли изъ Кіева. Разгоряченный ядовитымъ напиткомъ, я успѣлъ только спросить у бояръ: «Есть?» Тѣ, улыбаясь довольно, кивнули головами, и я бросился въ опочивальню. Тамъ, сидѣла Ольга. Она только что очнулась и глядѣла вокругъ себя, искала чего-то, припоминала и протирала глаза. Красота ея меня поразила; я не нашелъ въ ней ни малѣйшаго сходства ни съ одною изъ многихъ жертвъ моихъ. Это была не дѣвушка, а что-то будто чужое, какъ тебѣ сказать, легче воздуха, чище добраго дѣла, Богъ знаетъ какое созданіе. Хмѣль у меня будто рукой сняло; я только потъ отиралъ, не смѣлъ подойти къ ней: такъ мнѣ было не ловко. Между тѣмъ, какъ я терялся, Ольга совершенно опомнилась; вскочивъ съ постели, она бѣгала по комнатѣ и спрашивала только: «Гдѣ мои иконы? Гдѣ мои иконы!..» Я самъ посмотрѣлъ на углы; — ни одного образа, и кровь бросилась мнѣ

въ голову; я не зналъ куда дѣваться. Невинная! Ей и въ голову не приходило, гдѣ она, какой подвергалась опасности; она думала, что ее украли Татаре, и когда увидѣла меня, бросилась въ мои объятія.

— «Ты, что ли, мой спаситель?» спрашивала она: «А гдѣ же отецъ мой, гдѣ няня?»

Этотъ избытокъ невинности довершилъ побѣду... Я готовъ былъ заплатить всѣмъ моимъ удѣломъ, чтобы оставить ее въ этомъ заблужденіи. Но какъ это сдѣлать?

— «Такъ, милая,» сказалъ я: «такъ! Татаре напали на насъ, но, благодаря Бога, мы ихъ отогнали... Посиди здѣсь! Тебя здѣсь никто не тронетъ и не увидитъ, а я пошлю за отцемъ твоимъ...»

Послалъ я за Соколомъ. Бояре, не понимая меня, привели его съ поруганіемъ въ нижнюю палату. Старикъ дрожалъ отъ стыда и страха. Я велѣлъ всѣмъ выдти. Тогда я схватилъ старика за руки и сказалъ ему, забывшись:

— «Дочь твоя невинна, бояринъ; волей, неволей, — она будетъ моею женою. Поклянись, что ты мнѣ поперечить не станешь!»

Можешь себѣ представить радость отца; онъ повалился мнѣ въ ноги, плакалъ и кричалъ отъ радости. Я далъ ему время придти въ себя и сказалъ: «Но, Соколъ, дочь твоя не должна знать, что́ сегодня случилось. То не мои люди, а татарскій заѣздъ на твой домъ напалъ; а не то — поплотишься!..»

Въ ту же ночь насъ съ Ольгой обручили, и я сталъ готовиться къ свадьбѣ.

Этотъ мѣсяцъ неисповѣдимаго блаженства промелькнулъ, какъ день одинъ. Нарушая обычай, я частенько ходилъ къ Ольгѣ, просиживалъ у нея въ свѣтлицѣ до-поздна. Любовь моя росла; я больно измѣнился. Кромѣ Ольги, ни одна женщина мнѣ и на умъ не приходила. До свадьбы оставалось три дня. Вечеркомъ, далеко еще до заката солнца, выхожу я изъ замка, встрѣчаю какую-то женщину: она остановила меня; упала на колѣни и дикимъ голосомъ спросила: «Куда?»

— «Не твое дѣло!» сказалъ я ей съ обычною суровостью и хотѣлъ идти дальше, но она схватила меня за руку и подняла покрывало... это была первая невинная жертва моихъ шалостей.

— «Ты хочешь жениться, князь?» сказала она: «а что же будетъ съ сыномъ твоимъ.»

— «Съ какимъ сыномъ?» спросилъ я.

— «Я уже послышала его въ утробѣ...»

— «Я не оставлю ни его, ни тебя своею милостью!»

— «Милостью? Ни онъ, ни я не попросимъ милости отъ злодѣя!»

— «Ну такъ пошла прочь, глупая!..» закричалъ я и оттолкнулъ ее со злобой; несчастная упала, а я пошелъ дальше и не оглянулся даже. Пришелъ я къ Ольгѣ; на сердцѣ было такъ тяжело, такъ грустно; напрасно утѣшала и разспрашивала меня Ольга; я и самъ не понималъ моихъ предчувствій, страшнаго ожидалъ я чего-то — и сбылось ожи-

даніе: передъ самыми сумерками Гедыминъ съ Литвой застигъ Овручь; дикари литовскіе хотѣли грабить, но, по счастію, Великій Князь былъ въ первой дружинѣ. Не видя сопротивленія, да ни какого и быть не могло, встрѣчая только испугъ и подданство, онъ овладѣлъ моимъ замкомъ, не оцарапавъ ни одного воина; самъ искалъ меня и нашелъ въ свѣтлицѣ. Борисъ, стыдно разсказывать, но такъ было, я струсилъ и по молодости и по неопытности. Обнявъ Ольгу, я плакалъ, не зналъ на что рѣшиться; думалъ спрятаться, но не успѣлъ. Гедыминъ сказалъ мнѣ сурово по-русски: «Князь Юрій! Овручь мой; а ты, пожалуй, если мнѣ присягнешь, можешь быть на немъ моимъ намѣстникомъ. Хочешь!..»

Я благодарилъ Гедымина, поклялся служить ему вѣрно; повелъ богатыря на замокъ и сталъ угощать пиромъ богатымъ, который приготовлялся къ моей свадьбѣ... Ночью ушелъ Гедыминъ въ походъ дальше; и ночью я получилъ страшную вѣсть: Литвины увезли съ собой Ольгу. Тутъ только почувствовалъ я, сколько люблю мою Ольгу; тутъ совершилось со мной что-то чудное: мнѣ показалось, будто я умеръ, будто въ мірѣ нѣтъ ни домовъ, ни людей — такая пустота! А въ этой пустынѣ будто вѣтеръ поднимаетъ бурю неисходную; мысли изъ головы всѣ вышли и, передъ глазами словно мятель какая кружились... Въ этой сумятицѣ однако же одно горячее чувство жарко дышало; мести! мести! кричало сердце... И ужъ какъ, не знаю, а конь осѣданъ, я на погонѣ,

одинъ... На третій день я догналъ задніе отряды Гедымина; но его уже не было при войскѣ: онъ бросилъ станъ военной и съ молодою женой, Ольгой Петровной, уѣхалъ въ Керново любовью тѣшиться. Воротился я въ Овручь... Бояре отъ меня слова не могли добиться... Я по два, по три дня не видалъ ни кого; сталъ думать о деньгахъ. Послалъ всю мою казну, съ шубами и мѣхами, со всей посудой, въ Львовъ городъ; тамъ и по дорогѣ мелкимъ Галицкимъ князья все распродалъ, и черезъ Польшу поѣхалъ къ врагамъ Гедыминовымъ, къ рыцарямъ нѣмецкимъ. Богатъ я былъ, и Нѣмцы сейчасъ дружбу со мною затѣяли; но видя, что я къ сраженіямъ не годенъ, стали меня посломъ наряжать въ Новгородъ и во Псковъ. Скоро научился я ихъ языку и обычаю; купилъ себѣ земли и въ Пруссахъ и въ Инфлантахъ. Чуть только получше плѣнницу добудутъ рыцари, я и покупаю. Больше тридцати набралось не съ большимъ въ три года. Нѣмцы и забыли, что я Русскій, звали меня барономъ Кристофомъ изъ Ревеля, потому что послѣднее мое посольство было въ этотъ городъ. Отъ нечего дѣлать, я учился читать и писать по-нѣмецки и по-Латинѣ; торгъ завелъ, и въ короткое время слухъ объ моихъ великихъ посольскихъ и торговыхъ способностяхъ достигъ до магистерской кельи. Мы познакомились съ великимъ магистромъ Карломъ Беффартомъ Тревирскимъ довольно скоро, подружились еще скорѣе. Я вызвался доставить ордену важныхъ союзниковъ въ полуденныхъ русскихъ городахъ. Магистръ мнѣ пред-

ложилъ къ услугамъ казну ордена, и я отправился кругомъ черезъ нѣмецкія земли и Венгрію въ наши Червенскіе города. Тамъ я нашелъ Льва и Андрея Юрьевичей, внуковъ короля Даніила и легко склонилъ ихъ къ союзу съ орденомъ противу литовской погани. Хотѣлось мнѣ побывать и на родинѣ, и я поѣхалъ во Владиміръ Волынской. Тамъ я нашелъ К. Владиміра Владиміровича, который, пользуясь войною Гедымина съ орденомъ, отнялъ отъ Литвы и мой удѣлъ. Удалось мнѣ уломать и Князя Владиміра къ союзу съ Нѣмцами. Месть одушевляла меня, дѣлала меня краснорѣчивымъ, даже мудрымъ. Успѣхъ моего посольства превзошелъ ожиданія Карла, особенно, когда по дорогѣ я уговорилъ и Мазовшу пристать къ союзу галицкому. Я облилъ Гедымина врагами; съ торжествомъ глядѣлъ я на страшныя приготовленія, и желая полюбоваться страхомъ моего врага, я выпросилъ у великаго магистра позволеніе ѣхать посломъ къ Великому Князю. Карлъ Беффартъ полагалъ, что я неворочусь живой въ Пруссы; я и самъ не много надѣялся на великодушіе человѣка, который укралъ у меня невѣсту; но узнаетъ ли онъ меня? прошло семь лѣтъ, а наше свиданіе было такъ мгновенно: я возмужалъ, обросъ бородой, а тогда я былъ почти отрокъ. Имя барона Кристофа, одежда, привычка притворяться, пріобрѣтенные языки — все увѣряло меня, что я возвращусь неузнаннымъ. Беффартъ согласился; проводилъ меня до Рагниты; тамъ на четырехъ великолѣпныхъ стругахъ помѣстилось посольство. Всѣ мои плѣнницы ѣхали со

мной; я ихъ везъ въ подарокъ Ольгѣ. Снялись мои лодки, и много дней я не сводилъ глазъ съ очаровательныхъ береговъ Нѣмана и Нериса. Изъ густыхъ лѣсовъ толпами выбѣгали дикари литовскіе; но, изъ предосторожности, мы всѣ были одѣты по Русски, гребцы пѣли литовскія пѣсни и дикари, поглазѣвъ на великолѣпіе поѣзда, разбѣгались. Не рѣдко мы наѣзжали на языческія празднества и обряды. Селъ и деревень мы нигдѣ не примѣтили: по всей дорогѣ мы видѣли не болѣе десяти твердынь, въ томъ числѣ Ковно и Керново. Гедыминъ принялъ меня съ большою честью; но помѣстить насъ въ Керновѣ было негдѣ, а можетъ быть и не хотѣли. Мы жили за городомъ, въ богатыхъ шатрахъ, присланныхъ въ подарокъ отъ Великаго Князя. Назначенъ и день пріема. Мы шли пѣшкомъ въ замокъ. На одной изъ улицъ посада какая-то женщина закричала громко: «Это онъ, это князь Юрій Романовичъ!» Я оглянулся: женщина убѣгала.. Не понравилась мнѣ такая выходка, но поправить эту первую неудачу не представлялось никакой возможности. Пришли мы на замокъ, Бояре приняли подарки и повели къ Великой Княгинѣ плѣнницъ; между тѣмъ мы съ Гедыминомъ по латынѣ размѣнялись угрозами. Изъ словъ его я замѣтилъ, что онъ не весьма доволенъ галицкимъ союзомъ — и я съ трудомъ могъ скрыть отъ него, что этимъ союзомъ онъ обязанъ жениху Ольги. Какъ обыкновенно, съ Литвой всѣ наши переговоры кончались ничѣмъ. Гедыминъ, для окончательнаго и подробнаго раз-

смотрѣнія всѣхъ нашихъ притязаній, обѣщалъ прислать бояръ — и мы откланялись. Съ этихъ поръ я началъ мои превращенія: нарядился я въ платье круглеца и подъ сумерки отправился въ городъ. Я очень хорошо замѣтилъ домъ, возлѣ котораго кричала женщина. У этого дома, на прилавкѣ, я нашелъ старушку; передъ ней, на улицѣ, въ пескѣ возилось съ игрушками прекрасное дитя, лѣтъ шести, семи.

— «Что, бабушка» спросилъ я: «не слыхать, зачѣмъ къ намъ Нѣмцы пріѣхали?»

— «Не знаю, бояринъ» отвѣчала старушка: «наше дѣло холопье, за дѣтьми смотрѣть. Вотъ намъ только не по нраву, что Нѣмцовъ противу нашего посада поставили; теперь гляди за дѣтьми въ оба...»

— «Да чье же это дитя?»

— «А кто его знаетъ. Я изъ Полоцкаго, а хозяева и сосѣди, почитай по всему посаду, все люди Волынскіе, Овручане; на Великую Княгиню приписаны; переселенцы, батюшка. Да ты развѣ не здѣшній?»

— «Вотъ тебѣ разъ!» подумалъ я: «и безъ воли въ старый удѣлъ заѣхалъ...»

— «Вотъ, батюшка, идетъ изъ замка Терланъ, бояринъ: ты у него спроси, что тебѣ надо; а насъ лучше не замай; у насъ хозяева всякаго разпроса боятся.»

Изъ-за воротъ раздался какъ будто знакомый голосъ: «Что ты тамъ врешь, няня?..»

— «Такъ поди, сама отвѣчай; а чтожъ меня на улицу сажаешь...»

Калитка растворилась. Выпла прекрасная женщина, та самая, которую въ Овручѣ, передъ замкомъ, я оттолкнулъ такъ сурово. Предосторожности мои были слишкомъ велики, и она не могла узнать меня; но я уже не сомнѣвался, что кричала — она. Полагая, что воспоминанія въ ней проснутся благопріятнымъ для меня образомъ, я надѣялся узнать отъ нее что-нибудь, и не обманулся.

— «Что, молодица! Ты сегодня на Нѣмца чужимъ именемъ крикнула?..»

— «Боже меня оборони!» отвѣчала испуганная моимъ неожиданнымъ вопросомъ.

— «Полно, красавица! Только не обозналась ли ты полно?..»

— «Обозналась, батюшка, вотъ-те Христосъ обозналась.»

— «Эхъ, жаль! А мнѣ до него такая нужда смертная. А что онъ здѣсь, такъ ужъ дѣло извѣстное, только не съ Нѣмцами, а съ другой стороны пріѣхалъ. Что, ты одна, красавица?..»

— «За-мужемъ, батюшка, за-мужемъ. .»

— «Да одна ли ты дома?»

— «Одна, одинехонька; да не пущу въ домъ никого. Мужъ въ походѣ въ дѣтьми княжескими.»

— «Не пустишь, такъ я унесу ребенка,» и, поймавъ мальчика, я сдѣлалъ видъ, будто идти хочу.

— «Помилуй!» завопила несчастная мать — и я безпрепятственно вошелъ въ домъ старой зна-

комки, держа за руку ребенка. Вошли мы съ хозяйкой въ главную избу.

— «Что, у тебя одинъ ребенокъ?»

— «Одинъ, батюшка...»

— «И другаго не было!»

— «Не было.»

— «Сынъ мой!» закричалъ я, подхватилъ ребенка на руки и сталъ цѣловать его и плакать. Несчастная, поднявъ руки и разинувъ ротъ, смотрѣла на меня съ ужасомъ, оторопѣла; а я не могъ налюбоваться ребенкомъ... — Юность, это домъ для остальной жизни: какъ ее построишь, такъ и жить будешь до старости. Надо большихъ несчастій, чтобы на доброе перемѣниться. Мѣра моихъ тогда еще не исполнилась. И глядя на сына, я снова полюбилъ мать; лаская сына, я обнялъ молодицу.

— «Ну, какъ вы тутъ живете?... Какъ вы сюда попали?... Какъ тебя зовутъ, милая?...»

— «Даже имени не помнитъ!» закричала несчастная, всплеснувъ руками: «Онъ и забылъ, какъ называлъ Настеньку своей княгиней, а глупая ему вѣрила и радовалась, и улыбалась, и обняла неблагодарнаго!»

— «Полно, Настенька» сказалъ я: «сколько лѣтъ прошло? Я былъ тогда злой человѣкъ, безъ несчастій...»

— «И ты несчастенъ, Князь Юрій Романычъ?»

Я разсказалъ ей какую-то повѣсть, теперь и не вспомню. Слушая мои небывалыя несчастія, Настенька плакала на взрыдъ, и тогда только нѣ-

сколько успокоилась, когда я заключилъ мой разсказъ увѣреніемъ, что теперь, слава Богу, все пошло лучше. Бѣдная! Она утѣшала меня!... но я снова повторилъ мои первые вопросы:

— «Да какъ мы сюда попали? Какъ ты ушелъ изъ Овруча, послалъ Гедыминъ намѣстника къ намъ съ дружиной. Я одному сорванцу-лучнику приглянулась: онъ меня отъ матери силой взялъ, да и повелъ къ себѣ. На-силу, на-силу великую мать моя у намѣстника настояла, чтобы обвѣнчался со мною въ церкви, да ребенка моего позволилъ при себѣ держать; а Гришѣ тогда и году не было. Ну, а какъ Волынскій князь Овручь отъ намѣстника отобралъ, всѣхъ насъ сюда отвели, да еще изъ бояръ многіе со всей семьей на хлѣба къ Великой Княгинѣ перевхали. Она намъ этотъ посадъ выстроила, этотъ домъ мнѣ съ матерью подарила; да пьяный лучникъ скоро мать мою извелъ и побоями и бранью; а теперь за Гришу, да за меня принимается.

— «Уйму же и я его!» закричалъ я неистово. Настенька была въ странной радости. Ей казалось, что свѣтлые дни воротились; что небо примирилось съ нею; что молитвы ея воротили ей стараго друга. Она бѣгала по хозяйству, старалась угостить меня всѣмъ лучшимъ. Воспоминанія, разсказы продержали насъ до поздна. Я узналъ, что не одна Настенька въ Керновѣ, что Ольга съ особеннымъ стараніемъ изъ Овруча переселяла въ Керново тѣ семейства, въ которыхъ были жены и дочери, обиженныя покойнымъ Княземъ; такъ

называли меня не только при дворѣ Гедымина, но и въ галицкихъ и волынскихъ городахъ. — Между прочимъ напомянула Настенька объ одной овручской боярышнѣ Марьѣ Семеновнѣ. Не смотря на стыдъ, къ какому довелъ я ее, она, подобно Настенькѣ, продолжала любить меня...

— «Ахъ, Юрій Романычъ!» сказала Настенька: «Я не что, вотъ я и утѣшилась, что тебя живымъ и здоровымъ вижу; а Марья Семеновна и помоложе меня и такого знатнаго рода; говорятъ, она Цвиркуну, боярину кіевскому и Давиду Гродненскому съ-родни приходится, красавица, а поди, никто на нее смотрѣть не хочетъ, а ужъ не только, чтобы засватать: стыдъ твой на ней лежитъ; сирота: отца и мать горе убило; только и утѣхи ей, что княгиня позоветъ въ теремъ, да станутъ объ тебѣ вспоминать и плакать...»

— «Обо мнѣ?... Олинька обо мнѣ не забыла?...»

— «Ахъ Князь! Не любитъ тебя Княгиня, да за твои грѣхи молится. Все-таки ты ей свой: и князь и женихъ. Вотъ еслибы ты Марьѣ Семеновнѣ признался, то-то бы праздникъ былъ для нея.»

— «Завтра, завтра!» сказалъ я, тоскуя. Свиданія съ Марьей Семеновной я разсказывать не стану; оно было бы весьма похоже на встрѣчу съ Настенькой, только съ другой развязкой. Какой-то злой духъ воспалилъ въ сердцѣ моемъ желаніе увидѣться съ Ольгой. Марья Семеновна и это уладила. Въ тотъ же день ввечеру дали знать

Гедымину, что какой-то невиданный звѣрь показался въ окрестности: охота высыпала изъ города. Въ сумерки, въ великокняжескомъ саду, Великая Княгиня, прогуливаясь съ Марьей Семеновной, какъ будто нечаянно встрѣтила своего забытаго жениха. Я не нашелъ уже той простой, беззаботной Ольги, ребенка въ небесномъ образѣ: предо мной стояла роскошная женщина; она знойно цвѣла полною красотою могучей жизни; санъ обливалъ ее непритворнымъ величіемъ, уста хранили улыбку строгую, почти презрительную; благолѣпіе одежды, ростъ высокій и стройный—все, все вмѣстѣ вселяло благоговѣніе и я невольно преклонилъ колѣна. Ольга протянула ко мнѣ руку; изъ устъ ея полились слова... о! я никогда не забуду ихъ звука... то, да не то... Какая-то полнота сладостная въ этомъ голосѣ; уже не писк дѣвчонки, а благозвучная, упоительная игра; а играютъ будто на твоемъ сердцѣ... Слезы лились у меня, когда она этимъ голосомъ спросила меня: «Давно ли ты вернулся, Князь?...» Я молчалъ и плакалъ. Она продолжала: «Рада видѣть тебя. Богъ не судилъ намъ жить вмѣстѣ, но не въ обиду тебѣ, не ради гордости, скажу: Богъ даровалъ мнѣ супруга великаго. Я люблю его—какъ могу; и только о томъ и жалѣю, что не могу любить его больше...»

— «Вотъ тебѣ и привѣтствіе!» подумалъ я, и всѣ жилки у меня задрожали отъ злости. Я вскочилъ на ноги и стоялъ оторопѣвъ, не зная что отвѣчать на все на это.

— «Время тебя еще не исправило,» сказала княгиня съ важнымъ и строгимъ видомъ: «Не желаю тебѣ зла и горя; но видно, что ты жилъ до сей поры только местію...»

— «Не упрекай меня, Княгиня!.. Литься тебя — и не мстить...»

— «Кому же ты мстилъ...»

— «Гедымину!»

— «Такъ и есть! Ты никогда не любилъ меня! Тебѣ нравилась не душа Ольги...»

Это былъ первый упрекъ, который впился въ мое сердце и пронялъ его до живаго. Ольга продолжала: «О счастіи ея ты мало заботился; и если бы какими ни есть чарами тебѣ удалось разрушить мое настоящее блаженство, о рука бы твоя не дрогнула!...»

Въ этихъ словахъ заключалась тысяча упрековъ.

— «Ольга, Ольга, умилосердись!» сказалъ я. Нѣтъ, видно она рѣшилась на это свиданіе съ цѣлью, и продолжала безостановочно: «Ты посягнулъ бы даже и на жизнь Гедымина, отца дѣтей моихъ, чтобы возобновить свои волынскія шалости. Мало ли ты сдѣлалъ несчастныхъ? Изъ этого числа выручилъ меня случай, а я приписывала единственный добрый подвигъ твой — сердцу... Не такъ мы любимъ, Марья Семеновна, хотя бы и не слѣдовало... Еслибы онъ женился, ты, Марья Семеновна, берегла бы жену его, пуще мужа... А онъ и въ Керново пріѣхалъ не безъ злаго умысла; побожусь: за пазухой или ножъ, или от-

рава... Ты спасъ меня отъ стыда и безчестія; я хотѣла заплатить долгъ мой. Бѣги!...»

— «Нѣтъ, Княгиня!» закричалъ я, упавъ къ ногамъ Ольги: «Нѣтъ! Я хочу служить тебѣ до гроба; приказывай!»

— «Мнѣ можетъ служить только тотъ, кто хочетъ искренно служить моему мужу...»

— «Искупи мою совѣсть, Княгиня! Я готовъ, я... о Боже! Я ли не любилъ тебя?... Спроси моихъ плѣнницъ...»

— «Какихъ плѣнницъ?...»

Но раздались звуки рога и помѣшали нашему разговору. Гедыминъ воротился съ охоты. Смущенный и взволнованный, я хотѣлъ бѣжать, но Княгиня съ достоинствомъ сказала:

— «Останься! Мужъ мой больше мнѣ вѣритъ, нежели ты самому себѣ. Марья Семеновна! Поди, проси сюда князя, одного, а сама повремени маленько у меня въ теремѣ.»

Настала тишина и тягостное ожиданіе; я не смѣлъ поднять глазъ; княгиня молчала. Пришелъ Гедыминъ, образецъ богатырей и мудрецовъ-правителей, во всей бронѣ; съ коня онъ прямо поспѣшилъ на зовъ Ольги Петровны. Княгиня, протянувъ къ нему руки, сказала весело:

— «Ну, муженекъ, отыскала я пропажу: теперь ужъ ты самъ береги его...»

— «Что я вижу?» закричалъ Гедыминъ и схватился за охотничій ножъ: «Баронъ Кристофъ!...»

— «Какой баронъ Кристофъ? Князь Юрій Романовичъ...»

— «Нѣмецкій посолъ?..»

— «Старый мой женихъ...»

— «Ольга! Ты не знаешь, что надѣлалъ этотъ женишокъ: разсердился на меня за то, что ты больно хороша и русскихъ князей острамилъ, сосваталъ съ Рыцарями... Такъ ли?»

— «Такъ!» отвѣчалъ я утвердительно «Такъ! Я мстилъ тебѣ, какъ умѣлъ; пріѣхалъ потѣшиться твоей безсильной злобой; хотѣлъ увидѣть мою невѣсту; увидѣлъ ее — и вину свою. Если ужъ нельзя иначе искупить моей гнусности, пожалуй, я и умереть готовъ. Въ глаза и за глаза скажу: ты отнялъ у меня не только счастіе, но и самую жизнь. Право, я маялся и маюсь, какъ чужой на этомъ свѣтѣ; опостылю мнѣ все. За то, что у тебя въ рукахъ вся поганая сила, я долженъ былъ выпить чару горькую ревности, стыда, униженія, всего, что только можетъ уподлить человѣка. Вотъ тебѣ, Князь, правда; возьми теперь эту ветошку, что величаешь краснымъ словомъ жизни; возьми, брось ее хоть пологомъ подъ щенятъ, право, жалѣть не стану.»

Стихло бѣшенство Гедымина, и онъ призадумался... «Прости, Князь» сказалъ онъ глухо: «кромѣ Ольги, да дѣтей, все пополамъ...»

Этого я не ожидалъ. Я взглянулъ на Гедымина: на рыжихъ рѣсницахъ его висѣла слеза, но самъ онъ былъ мраченъ, какъ эта ночь. Я былъ тронутъ, но на такое предложеніе я бы не умѣлъ отвѣчать въ припадкѣ самой сильной злобы... Ольга выручила.

— «Полно вамъ считаться обидами, расплачиваться пустыми словами. Помиритесь! Вотъ и все тутъ.»

— «Поди сюда!» сказалъ Гедыминъ протянувъ ко мнѣ руки: «Поди сюда, шалунъ! Твоя шутка могла кончиться висѣлицей...»

— «Да перестаньте попрекать другъ другу!» сказала Ольга: «Старое прошло!»

Гедыминъ горячо обнялъ меня.

— «Ну, запируемъ же мы теперь!» топнувъ ногой, вскрикнулъ богатырь.

— «Нѣтъ!» сказалъ я утвердительно: «нѣтъ! Тогда великій магистръ...»

— «Да пусть его всѣ вѣдьмы сѣдлаютъ въ очередь! Ты вѣдь теперь не баронъ Кристофъ?...»

— «Напротивъ, князь! Мнѣ у тебя нѣтъ службы. Возлѣ тебя княгиня и, — сердись, не сердись, — гдѣ она, тамъ я не могу быть счастливъ. — Я ѣду назадъ въ Пруссы...»

— «Чтожъ ты тамъ будешь дѣлать?»

— «Служить мужу моей Ольги...»

— «Поцѣлуй же его за это, Олинька! Великая мысль! Онъ и самъ не знаетъ, что обѣщаетъ. Это хуже рукопашнаго боя... Оля! Поцѣлуй его, поцѣлуй. Его затѣя стоитъ рука объ руку со смертью и со всякою опасностью. Не знаю, понимаетъ ли онъ хорошо, что говоритъ...»

— «Дай Богъ только успѣха, а дѣло опасное...»

— «Такъ поцѣлуй же его, жена! Я приказываю...»

Боря!... Боря!... Полвѣка прошло... Я былъ въ

ея объятіяхъ; я слышалъ, какъ будто во снѣ, прикосновеніе ея устъ... мои не смѣли... Нѣтъ .. Я обнималъ ее сердцемъ .. Я клялся служить ей до гроба и, почти безчувственный, упалъ къ ея ногамъ...

— «Боги Прагары!» топнувъ ногою, сказалъ Гедыминъ: «Такъ она подумаетъ, что онъ ее больше моего любитъ...»

Я всталъ. Ольга плакала.

— «Ольга Петровна!» сказалъ я голосомъ недужнымъ: «Не откажись у меня быть посаженой матерью!...»

— «Съ кѣмъ?» спросилъ Гедыминъ въ недоумѣньи.

— «Съ Марьей Семеновной!»

— «Еще жертва!» вскрикнула Ольга и бросилась къ теремамъ... Мы пошли за нею молча, оба по краямъ дорожки, какъ будто мы сторонили другъ отъ друга... Но у крыльца большихъ хоромъ мы опять сошлись, и я сказалъ: «Гедыминъ Витенѣевичъ! Коли время, можно бы и объ дѣлахъ потолковать...» Онъ указалъ мнѣ рукой на нижнюю палату, куда и самъ пошелъ. Объясненіе наше было коротко. Я долженъ быть объявленъ покойникомъ; баронъ Кристофъ женится на боярышнѣ Гедыминова двора Маръѣ Семеновнѣ; въ русской Керновской церкви быть вѣнчанью, не дальше, какъ завтра. Баронъ Кристофъ будетъ служить Гедымину, какъ знаетъ. Главныя свѣдѣнія объ орденѣ, необходимыя по времени, были сообщены Гедымину. Великій Князь не моръ на-

тѣшиться мыслію, что вѣсти мои представляютъ ему возможность помѣряться своими новыми войсками со всею силою ордена; но онъ обѣщалъ ждать отъ меня подробнѣйшихъ увѣдомленій. Гримма, сынъ мой отъ Настеньки, будетъ взятъ на дворъ Великокняжескій и воспитанъ на щитѣ, а Настеньку Великая Княгиня возьметъ къ себѣ на послуги и тому злому лучнику ее не отдастъ. — Постановивъ уговоръ по всѣмъ статьямъ, мы стали оба покойно бесѣдовать о судьбахъ новаго великокняжества. Соображенія Гедымина обнаруживали такой глубокій и точный разумъ, какого мнѣ и воображать не случалось. По его мнѣнію, насиліе Нѣмцовъ было причиною, что Литва, оттѣсненная отъ береговъ моря, должна была броситься на Русь; но здѣсь, межъ двухъ враговъ, она легко могла погибнуть, какъ племя самое незначительное. Соединяя мелкихъ князей въ одно цѣлое, связуя ихъ взаимно противу татаръ, употребляя для того нерѣдко всю Литву, Гедыминъ для южной Россіи казался великимъ освободителемъ и защитникомъ. Уважая права князей, оставляя ихъ въ своихъ удѣлахъ, онъ управлялъ ихъ сердцемъ, былъ душею ихъ совѣтовъ, и Русь, которая простирается до самого Нериса, или, какъ теперь называютъ, Вилін, смѣшалась съ Литвою; вноситъ въ бытъ язычниковъ свои нравы, пролагаетъ пути къ принятію христіанства. Изъ словъ великаго завоевателя я замѣтилъ, что подвиги его не были случайныя побѣды, а разсчитанные шаги по одному пути, подчиненные одной великой мысли.

— «Вотъ» сказалъ Гедыминъ, указывая въ окошко: «вотъ, погляди тамъ, далеко за Вилiей зажигаются огоньки; то въ пустомъ полѣ стоитъ моя татарская дружина; захочу, прибѣжитъ еще столько же; да ихъ не надо держать въ большой силѣ и близко: самого одолѣютъ. Потихоньку, полегоньку, я ихъ вытѣсню не только-что изъ волынскихъ городовъ, но и за Днѣпромъ изъ городовъ сѣверскихъ, до рязанскихъ удѣловъ; изъ дальней Руси пусть гонятъ ихъ мои дѣти. Но Татаре не страшны; это стаи волковъ; иногда и одинъ смѣтливый охотникъ наведетъ на нихъ и страхъ и ужасъ. А вотъ эти рыцари... Съ твоею помощью, Кристофъ, мнѣ удастся побить ихъ разъ, два, и если не уймутся, такъ по крайней мѣрѣ будутъ поосторожнѣе и послабѣе...»

— «За послѣднее я ручаюсь...» сказалъ я и мы разстались друзьями. На другой день тайно, въ присутствiи только одного Гедымина, я былъ обвѣнчанъ съ Марьей Семеновной. Ольга не могла быть при этомъ обрядѣ; душа ея была полна горемъ; она понимала, что женитьба моя придумана только для ея спокойствiя. Окруживъ себя моими плѣнницами, она разспрашивала ихъ только обо мнѣ, и тоска росла, горе ее мучило, самоотверженiе мое ее убивало. Великiй магистръ не безъ причины удивлялся, когда въ Рагниту я пріѣхалъ съ женою. Но въ искуствѣ притворяться я тогда уже превосходилъ папскихъ людей. Карлъ Бефартъ былъ въ восторгѣ отъ свѣдѣнiй, которыя я ему доставилъ. Силу Гедымина я представилъ

въ ужасающемъ видѣ; совѣтовалъ обождать, пока онъ двинется на новыхъ союзниковъ нашихъ, на Волынь. Великій магистръ одобрилъ мой планъ; но великій маршалъ Генрихъ настаивалъ, чтобы съ первымъ праздникомъ Богородицы выступить въ походъ противу язычниковъ.... Тогда я бросился въ другую сторону. Вернеръ Орселенъ былъ тогда еще великимъ командоромъ ордена. Я поссорилъ всѣхъ трехъ... Канцелярія великаго магистра и всѣ посольскія дѣла были поручены мнѣ. Я устроилъ тайное судилищѣ, которому вскорѣ все повиновалось. Между тѣмъ ссора продолжалась... Карлъ Беффартъ, разогорченный, оскорбленный, сложилъ съ себя достоинство великаго магистра и орденъ остался безъ главы... Тогда мы подружились съ Вериемомъ. Всѣ мѣры съ моей стороны были употреблены, чтобы отклонить войну. Вернеръ былъ моего мнѣнія; Генрихъ требовалъ противнаго; чины ордена въ военномъ совѣтѣ также раздѣлились. Я между тѣмъ, съ разрѣшенія великаго командора, началъ знаменитые разъѣзды барона Кристофа изъ Ревеля. Не довѣряя рыцарямъ, я взялъ съ собою и жену. Въ Ригѣ осталась Марья Семеновна на житье. Оставивъ беременную жену въ Ригѣ, я отправился на Двину, гдѣ тогда было еще какое-то Ромново съ капищами и священными лѣсами. Тамъ мы свидѣлись съ Гедыминомъ. Мы размѣнялись нашими свѣдѣніями. Тутъ впервые я познакомился съ Цвиркуномъ, который приходится двоюроднымъ братомъ твоей матери и увидѣлъ двухъ Князей, Ольгерда и Кейстута, дѣ-

тей моей Ольги. Гедыминъ жаловался и на жену между прочимъ, говорилъ, что западать стала и не надѣялся лучшаго. «Богъ тебѣ судья!» заключилъ онъ: «а ужъ старина ваша ее испортила. Пріѣзжай въ Вильно, авось вылечишь!»

— «Побей прежде Нѣмцевъ!» сказалъ я, и мы разстались. Воротился я въ Прусы и стращалъ Генриха слухами. Но Генрихъ, на зло намъ, вывелъ огромное войско и затопилъ Жмудь своими лучниками и охотниками до самой Невяжи. Но Гедыминъ уже былъ тамъ. Великій командоръ, со всѣми чинами ордена и со мной, поневолѣ отправился на войну. Часть Жмуди, съ Пелусомъ, княземъ литовскимъ, была подъ знаменами ордена. Гедыминъ различными путями получалъ отъ меня свѣдѣнія въ то самое время, когда я будто-бы собиралъ вѣсти для Генриха. Моими усиліями и стараніями, Жмудины толпами перебѣгали къ Гедымину. Наконецъ, на берегахъ обширнаго озера Берзульскаго, передовые отряды наткнулись на окопы Гедыминовскаго стана. Я возобновилъ мои печальныя предсказанія. Орденъ, казалось, терялъ надежду на побѣду; все это подстрекало упрямство Генриха, и битва началась. Тучи татарскихъ наѣздниковъ первый разъ скрестили свои сабли съ длинными мечами Нѣмцевъ; неожиданность нападенія, быстрота и ловкость Татаръ смѣшали строй и оставили на полѣ не мало труповъ. Татаре исчезли, слились, какъ вода съ пригорка, на обѣ стороны, и въ глаза Нѣмцамъ блеснули передъ самымъ носомъ стройные ряды Гедыминовской рати.

Жмудины, которые еще оставались подъ знаменемъ ордена, ударили на Нѣмцевъ съ тыла, и тогда уже не оставалось никакого спасенія. Генрихъ былъ убитъ въ бѣгствѣ; Пелусъ пойманъ и казненъ со всѣми сообщниками. Зная лучшіе дороги, я, съ моими соглядатаями, успѣлъ скрыться и увѣдомилъ Орселена, что предсказанія мои сбылись. Тогда вѣра въ мои великія, даже военныя способности, возрасла до высшей степени и сдѣлалась общей. Всѣ чины, рыцари, духовенство, свѣтскіе требовали, чтобы я ѣхалъ къ Гедымину и старался заключить перемиріе. Я противился; наконецъ, уступилъ и пріѣхалъ въ Вильну, въ самый день кончины Ольги!.. Можешь вообразить, каково было наше свиданіе съ Гедыминомъ. Онъ чуть-было не забылъ всѣхъ нашихъ условій и не измѣнилъ тайнѣ; потащилъ меня къ умирающей. Духовникъ уже читалъ отходную. Ольга еще успѣла взглянуть на меня, еще успѣла сказать тихимъ, прерывающимся голосомъ: «Юрій! будь для нихъ тѣмъ, чѣмъ ты былъ для меня и...»

— «Для кого?» спросилъ я. Одинъ взоръ сказалъ все; тотъ взоръ упалъ на Ольгерда и Кейстута, которые съ Цвиркуномъ, на колѣнахъ, плакали у ея постели. «Клянусь Богомъ, я исполню завѣтъ твой!» сказалъ я и упалъ въ слезахъ къ ногамъ Ольги; но она уже закрыла глаза; непотомъ сказала: «Боже! Просвѣти ихъ свѣтомъ Христовымъ!» вздохнула и отошла. Тогда раздались рыданія наши. Одинъ Цвиркунъ не терялъ памяти; заперъ двери, закричалъ: «Не пускать нико-

го!» и потомъ на насъ на всѣхъ прикрикнулъ по-своему.

— «Вотъ бабы! Расхныкались! цыцъ! А ты, Нѣмецъ, не Нѣмецъ; а если бы здѣсь были наши бояре, тогда бы всѣ маріенбургскія дѣвки узнали, кто ты...»

— «Это мой вѣрный бояринъ Юрій,» сказалъ Гедыминъ, поправляя нескромность покойницы.

— «Тѣмъ лучше!» сказалъ Цвиркунъ съ недовольною улыбкою и покачивая головой: «А я больно уже на тебя сердился, что ты Машеньку мою за Нѣмца выдалъ... Оттого-то и думалъ я... Прости Господи!.. А какъ же тебя по отчеству кликать?»

— «Никитичемъ,» отвѣчалъ Гедыминъ. Я не могъ, я еще плакалъ. Цвиркунъ распоряжался всѣмъ и всѣми съ удивительнымъ хладнокровіемъ. Гедымина отвели на плачъ съ дѣтьми въ черную палату; меня выгнали. Я вышелъ вмѣстѣ съ духовникомъ Ольги. То былъ весьма молодой инокъ, именемъ Несторъ, который былъ потомъ духовникомъ у первой жены Ольгерда. Онъ остановилъ меня въ проходной палатѣ и сказалъ: «Князь, у меня есть до тебя дѣло?..»

— «Какой я князь?»

— «Овручскій!» отвѣчалъ инокъ покойно. «Сестра моя, а твоя жена Марья Семеновна — кончается...»

— «Въ Ригѣ?..»

— «Въ Вильнѣ! На новомъ посадѣ. Она уже причастилась...»

— «Гдѣ она? .»

— «Тише!.. Не измѣни себѣ! Она пріѣхала сюда крестить сына, Бориса; окрестила, занемогла и...»

— «Умираетъ?» почти вскрикнулъ я. «Гдѣ же она? гдѣ же онъ?..»

— «Иди за мной, но издали.»

Пришелъ я за инокомъ въ домъ боярина Цвиркуна; хозяина не было дома; онъ остался на замкѣ. Марьи Семеновны также не было уже на этомъ свѣтѣ. Только холодный трупъ обмывали прислужницы, да кормилица укачивала тебя, Боря. Остальное тебѣ извѣстно...

Князь Юрій смолкъ, утопая въ воспоминаніяхъ. Боря не смѣлъ нарушать его грустныхъ размышленій. Но князь скоро очнулся, всталъ и сказалъ Борису :

— «Выросъ ты у меня, Боря, на чужихъ рукахъ; на срамной службѣ у Нѣмцевъ. Ты испыталъ все; теперь на удѣлѣ ты будешь умнѣе меня. Прощай! Завтра я уѣзжаю къ Симеону Московскому, и ворочусь прямо въ Маріенбургъ чрезъ Инфланты. До гроба, сказалъ я, и до гроба не покину страшнаго моего промысла. При шести великихъ магистрахъ держался я, изумлялъ всѣхъ моими превращеніями, всезнаніемъ; болѣе нежели въ сорока случаяхъ помогъ я великимъ князьямъ нашимъ. Ты самъ дѣйствовалъ при взятіи Полунги. Предчувствіе говоритъ мнѣ, что меня ждетъ какой-то великій подвигъ; у меня на все свои примѣты; семидесятый годъ, седьмой магистръ, и проч. Прощай, Боря! Можетъ-быть, не увидимся; но если

услышишь о моей смерти, постарайся прахъ мой выручить изъ рукъ нѣмецкихъ и сложить въ соборномъ храмѣ Рождества Богородицы.... Прощай!..»

— «Батюшка, такъ ты у меня и на свадьбѣ не будешь?»

— «На какой свадьбѣ?..»

— «Какъ же, ты развѣ не слыхалъ? Я иду къ Кейстуту въ удѣлъ; да тотъ меня не принимаетъ; пока я не женюсь. У него такая прихоть, а великій князь отъ своей руки мнѣ невѣсту жалуетъ...»

— «Какую невѣсту?»

— «Альдону Пилонскую, такъ зовутъ...»

— «Язычницу?»

— «Да какая жъ она язычница, когда въ церковь ходитъ?»

— «Знаю, Боря, лучше тебя и Альфа и Альдону! Крещеные язычники. И она не любитъ и не полюбитъ тебя; будетъ то же, что съ Ольгой. Твоя невѣста будетъ женой Кейстута.»

— «Да онъ самъ на этомъ стоитъ!»

— «Тѣмъ хуже! Ты только будешь чужой грѣхъ покрывать... Нѣтъ! видно, кара Господня за грѣхи мои еще не исполнилась... Оба сына мои полюбили язычницъ!..»

— «Но развѣ Гришка живъ? Гдѣ онъ, батюшка?..»

— «Нужно ли тебѣ знать объ этомъ; но... да будетъ, не оставлю за собой ни одной тайны. Гришка — старшій въ дружинѣ князя Кейстута... Прощай!..»

— «Но, батюшка!..»

— «Не бывать этому браку, Боря! Я тебя на все благословляю; но вѣрю, что дѣтей моихъ Богъ не допуститъ до несчастій вашего отца. Теперь, прощай! Я долженъ ѣхать сегодня, сейчасъ... Черная смерть открылась, и завтра, конечно, оцѣпятъ городъ и меня не выпустятъ...»

Князь обнялъ сына, поцѣловалъ и скрылся.

Долго стоялъ Боря въ раздумьи и не зналъ, на что рѣшиться. Обдумывая похожденія своего отца, Боря вспомнилъ, что у него и въ Вильнѣ есть близкій родственникъ, и отправился искать домъ великаго конюшаго боярина Цвиркуна.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ.

—

ГЛАВА ПЯТАЯ.

СВАТОВСТВО.

Дворъ Альфа, подарокъ Ольгерда, стоялъ поблизости Кривъ-города, на предмѣстьи, которое тогда называли Песками. Самъ Альфъ былъ всегда при Кейстутѣ, а въ домѣ его жила сестра Альдона съ боярыней, родомъ изъ погибшей Пилоны, Анной Трофимовной, съ десяткомъ прислужницъ и слугами изъ Жмудиновъ... Анна Трофимовна возвращалась съ Альдоной изъ церкви въ страхѣ, ужасѣ. Черная смерть такъ напугала ее, что она не знала, что́ дѣлать, на что́ рѣшиться.

— «Варжаймасъ!» сказала она по-литовски обращаясь къ толпѣ слугъ, провожавшихъ ее изъ церкви: «Сходи-ка ты къ Гинтовту, поклонись ему черезъ знакомыхъ вайделотъ, попроси, пусть отцу отцевъ доложатъ о бѣдѣ нашей: не будетъ ли такъ добръ, не пришлетъ ли ко мнѣ какого сейтона *) съ бляшками отъ черной смерти.»

— «Государыня Гервила!» сказалъ Варжаймасъ:

*) Гадатели, умѣвшіе заговаривать болѣзни.

«Гинтовтъ тебя любитъ какъ старшую дочь свою, да сейтона не пошлетъ: у воротъ твоихъ стоитъ великокняжеская стража.»

— «У моихъ воротъ! Да что за диво! Видно, какая бѣда... Альдона! Что ты задумываешься? Слышишь, у нашего дома стража!...»

— «Слышу!»

— «Такъ отъ чего же ты не пугаешься?...»

— «Чудно, Гервила! Я какъ будто знаю, зачѣмъ тамъ стоитъ стража; мнѣ не страшно, а горько, больно... Онъ, будто плѣнницу, хочетъ меня выдать за нелюбимаго...»

— «Что это тебѣ, Альдона, на умъ взбрело?.. Да все-таки стража. Мой толкъ лучше...»

— «А какой же твой толкъ?»

— «А вотъ что. Видно, княгиня узнала, что мы христіанки съ тобой, только снаружи, такъ поприжать хочетъ.»

— «Да кого же княгиня къ своей вѣрѣ неволила? Неправда, Гервила! И сколько при ней нашей вѣры и людей и женщинъ; и намека не слыхала я... Нѣтъ, Гервила, не то...»

— «Охъ! Альдона, то. Намъ бы, знаешь, что сдѣлать? Зайти, да посидѣть у вайделотокъ замковыхъ; а пока бы Варжаймасъ на дворъ нашъ сбѣгалъ, да разузналъ...»

— «По мнѣ все равно; а если ты хочешь, изволь, зайдемъ.»

— «Ступай Варжаймасъ, а мы у вайделотокъ тебя обождемъ, а дѣти (боярскіе) пускай посидятъ у воротъ съ прислужниками.»

Сказано, сдѣлано. У воротъ Гервила размѣнялась съ прислужниками таинственными словами, и прошла съ Альдоной на дворъ вайделотокъ. Деревянные домики безпорядочно толпились на весьма тѣсной площадкѣ; почти во всѣхъ окнахъ узкихъ и мелкостекольчатыхъ, дробились огни; подъ старыми липами, тамъ и сямъ шептались тѣни людей; но кто они, разглядѣть было невозможно. Многія, примѣтивъ гостей, разбѣгались, другія не обращали вниманія и продолжали тихую бесѣду; но легкій свистъ разогналъ и эти тѣни. Въ одно мгновеніе огни погасли во всѣхъ окнахъ; только у старшей вайделотки окна были освѣщены попрежнему. Двери ея домика отворились. Гайба (такъ называлась старшая) вышла гостямъ навстрѣчу; двѣ вайделотки держали свѣтильники...

— «Что такъ поздно, Гервила!»

— «Какое поздно, Гайба! У васъ еще никто не ложился; полонъ дворъ людей!»

— «Да это все работники, дворъ чистили, лучину кололи, да разсчитывались, съ казначеемъ; а наши только-что легли. Я хотѣла вотъ пойти посмотрѣть за сестрой, что́ у знича, да и спать. Да ужъ если ты пришла, такъ, видно, дѣло не малое; для тебя всегда времени хватитъ. — А вы, дуры, пошли спать!»

— «Какія у тебя сестры-то худыя; видно, ты ихъ больно моришь...»

— «Пожалуй, знай и вѣдай свою челядь, а до нашей не касайся; и такъ у насъ теперь началь-

ства, что́ звѣздъ. Говори, что тебѣ надо, да и ступай на покой...»

— «Да развѣ на порогѣ я съ тобою стану толковать; да и что ты, Гайба, сегодня такая?...»

— «Какая? Не цѣловаться же мнѣ съ тобой. Да куда ты лѣзешь? Въ избу не пущу...»

— «Да отъ чего же не пустишь?»

— «Про то я знаю; тамъ священное дѣло сейтоны исправляютъ: изъ зничева пепла лепешки катаютъ противу черной смерти; говорятъ, лихая уже пожаловала...»

— «Вотъ ужъ видно, Гайба, къ тебѣ насъ сами боги привели; я за этимъ и пришла...»

— «Напрасно трудилась: завтра сейтоны будутъ по всему рынку сами лепешки носить; ты пошли и купи... Они отъ того у меня дѣлаютъ, что русская печь есть; а то, почитай, во всѣхъ дворахъ, что на божницу приписаны — дымники; да и тайности у меня больше... Ну, такъ прощай!»

— «Да что ты это, Гайба? Право ты сегодня, что́ волчица, только не кусаешься...»

— «Ну, если волчица, такъ сторони отъ меня подальше; да вонъ у сестры Варгодары въ окнѣ свѣтится. Видно, старушка не спитъ; ты пойди къ ней, посиди; ты знаешь, она который годъ слѣпая. Никто къ ней не ходитъ. Ты пойди, потѣшь старуху, а мнѣ некогда. Прощай, а впередъ по ночамъ не таскайся; это не женское дѣло. Добро бы за дѣломъ, а то за бесѣдой. Что мы за бесѣдницы такія?... Прощай.»

Старуха Гайба исчезла, захлопнула двери, и сму-

щенныя гостьи рѣшились пойти къ Варгодарѣ, сами не понимая зачѣмъ... Между тѣмъ слуги боярыни Гервилы, или Анны Трофимовны, отъ нечего дѣлать, также пустились въ бесѣду съ привратниками и другими людьми, которые, въ особенности ночью, сбѣгались къ Перкуновымъ воротамъ. Это было особаго рода зданіе, деревянное, неуклюжее, съ плоской крышкой. Нижнее жилье заключало широкій, но узкій проѣздъ; ворота съ калиткой были со двора, слѣдственно, вся эта пустота была свободна со стороны рынка; по обоимъ бокамъ шли широкія дубовыя скамьи; ихъ разрѣзывали каменныя лѣсенки въ двѣ ступени; эти двѣ лѣсенки вели въ нижнее жилье, гдѣ въ большихъ хоромахъ, на соломѣ и войлокахъ, валялись храмовые прислужники; съ одной стороны мужчины, съ другой женщины. Изъ этихъ хоромъ на верхнее жилье и хода не было; а большая палата, которая тамъ находилась, соединялась съ примыкавшимъ къ ней вплотную строеніемъ, гдѣ жили тилуссоны. Эти погребальные жрецы въ большой палатѣ упражнялись въ надгробномъ краснорѣчіи, и съ небольшаго и единственнаго круглаго окна, обращеннаго на рынокъ, иногда наставляли народъ посвоему. Все это было придавлено огромной крышей, совершенно плоской, съ перилами; и оттуда иногда раздавалась языческая мораль во дни торговые. Зданіе оканчивалось свѣтелкой, которую всѣ называли орѣхомъ, по ея круглому виду и мелкимъ размѣромъ. Подъ этимъ то уродомъ, на скамьяхъ и на землѣ сидѣло болѣе двадцати язычниковъ съ

разныхъ концевъ города. Тутъ узнавались политическія новости, дворцевыя и келейныя сплетни; тутъ разнаго рода обманщики и днемъ и ночью продавали лекарства, своего рода талисманы и амулеты, гадали на разные лады; и это было главное преддверіе къ жилищу литовскихъ весталокъ. Впрочемъ, кромѣ двухъ калитокъ и большихъ дверей въ божницу Перкуна, во всемъ этомъ посадѣ языческихъ жрецовъ и жрицъ другихъ воротъ не имѣлось. Передъ ними былъ раскинутъ обширный рынокъ, простиравшійся до Лукишекъ и Песковъ. Русины хотя и здѣсь торговали, но завели уже себѣ лавки на горѣ, возлѣ новой думы, которая тогда только окончилась строеніемъ. На рынкѣ царствовала глубокая тишина; только изрѣдка въ пустыхъ переулкахъ раздавался стукъ трещетки ночныхъ сторожей.

— «Смѣхъ, да и полно!» сказалъ старикъ Вуль, сидя на скамьѣ въ подворотнѣ и кутаясь въ волчій мѣхъ, потому что дѣло шло къ осени и ночь была больно свѣжа: «Право смѣхъ! Выдумаютъ себѣ черную смерть, разной шерсти и цвѣта — и пугаютъ дураковъ; а смерть, самая простая: человѣкъ возьметъ, да и умретъ. Вотъ тебѣ и черная смерть!»

— «Ну, пусть себѣ, какая она ни будетъ, а все-таки смерть.» Сказалъ кто-то въ самомъ углу; онъ сидѣлъ на скамьѣ у калитки и безпрестанно отворялъ ее и поглядывалъ на дворъ.

— «Тише, дѣти!» сказалъ Вуль тихо сосѣдамъ: «это Вруба, я его по голосу узналъ. Видно онъ тутъ отъ племянничка на сторожѣ ..»

— «Да что, Красный?» заговорилъ кто-то пискливымъ голосомъ: «говорятъ, до него людей не допускаютъ. Видно онъ не боговъ, а людей боится.»

— «Боги ему ни по чемъ!» сказалъ Ларчикъ, почти невидимый по своему малому росту и по мѣсту, потому что онъ сидѣлъ на самой серединѣ скамьи. «Онъ у нихъ свой; а вотъ жиды — такъ смерть для него; страхъ старшихъ не любитъ.»

Публика всполошилась. Не знали кого искать, кого обвинить. Въ суматохѣ, Ларчикъ перелѣзъ по скамьѣ и сѣлъ возлѣ Врубы.

— «Ну, это неладно» сказалъ Вуль: «Кажется, все свои, а кто-то дурно отозвался; и это не въ первый разъ. Я и племяннику докладывалъ, что Барстуки, тѣ злые подземные духи, подъ воротами изъ земли вылазятъ, да на него всякое говорятъ, а онъ мнѣ въ отвѣтъ: то не барстуки, а люди, только ты ихъ за языкъ поймать не можешь.»

— «Ну, а еслибъ ты и поймалъ меня, старая харя,» сказалъ Ларчикъ: «я бы и тебя въ землю за собой утащилъ, даромъ что ты старшій привратникъ и дядя Криве-Кривейто.»

Собраніе опять-было заволновалась, но Ларчикъ прикрикнулъ: «Ни съ мѣста, а то всѣхъ братцевъ вызову изъ Прагары!»

Ларчикъ стоялъ уже по серединѣ: ростъ его сталъ замѣтенъ; голосъ его грубый, хриплый, не соглашался съ природой, и общій ужасъ приковалъ всѣхъ къ скамьямъ; всѣ, даже Вруба, тряслись отъ страха.

— «Ни съ мѣста!» повторилъ Ларчикъ: «Ваше дѣло отвѣчать, а мое спрашивать. Гдѣ Красный, Криво-Кривейто?..»

— «Дома, Барстукъ!» жалобно сказалъ Вуль: «дома, читаетъ.»

— «Читаетъ! Что онъ читаетъ? Ты меня обмануть думаешь? Говори!..»

— «Миленькой мой Барстукъ, сосѣдъ мой, голубокъ, горлица, ужъ ты мой полосатый, ящерица ясная... Я тебя мясомъ кормить буду; всегда за воротами кучу сору найдешь для гнѣзда; косточки для глоданья, а купаться тебѣ въ сумерки буду ставить мису парнаго молока, только не спрашивай!..»

— «Говорю, старикъ, я давно бы все подслушалъ, да ты ни кому о Красномъ слова сказать не даешь... Не то... Вѣдь у меня есть разные братцы... Ну, что же?»

— «Барстучекъ ты мой, что мизинецъ въ золотомъ кольцѣ, разгони людей, все тебѣ скажу одному, на ушко...»

— «Вонъ всѣ!..»

Люди, казалось, только этого и ждали и будто зайцы безъ оглядки, изчезли между лавокъ. На шумъ и бѣготню проснулись собаки, застучали трещетки, пошелъ шумъ, суматоха; крикъ, народъ сбѣгался, но Ларчикъ не оставлялъ своей жертвы и настоятельно требовалъ отвѣта.

— «Барстучекъ, ты мой хорошенькой!» сказалъ Вуль, исподоволь приближаясь къ Гному: «Будто духи подземные меньше нашего знаютъ.»

— «Ближе, ближе, Вуль!» сказалъ Ларчикъ, и Вуль остановился въ нерѣшимости: «Не хочешь мнѣ добромъ сказать, такъ я тебя за бороду къ своимъ потащу. Гдѣ Криве-Кривейто?..»

— «У красныхъ дѣвушекъ, у вайделотокъ, у сестры старшей въ палатѣ, а въ которой, не вѣдаю.»

— «А гдѣ же боярыня съ Альдоной? Зачѣмъ они сюда пришли? Отвѣчай, Вуль!..»

— «Видно, что Барстукъ,» подумалъ Вуль: «какъ ему это все знать. Боярыня съ Альдоной въ гости къ сестрѣ старшей пришли...»

— «Такъ поздно, ночью, когда въ палатѣ Красный грѣхъ ведетъ...» И Ларчикъ, не ожидая отвѣта, бросился въ калитку, но оттуда выходилъ Вруба. Сигонота подслушалъ весь разговоръ и не хотѣлъ, чтобы Барстукъ это замѣтилъ. Въ самой калиткѣ они столкнулись. Вуль замѣтилъ, что не духъ, а человѣческое тѣло столкнулось съ тушей Врубы и бросился на Ларчика. Вруба, ободренный движеніемъ Вуля, сдѣлалъ тоже и Барстукъ очутился въ четырехъ дюжихъ рукахъ.

— «Здравствуй, Барстучекъ!» сказалъ Вуль съ примѣтною радостью: «теперь ты живой подъ землю не воротишься...»

— «Ой ли! Не ворочусь я, такъ завтра Великій Князь съ сѣкирой сюда придетъ, и поплетъ всѣхъ васъ и самого Краснаго за мной въ погоню...»

— «Видишь, какой важный!»

— «Важный не важный, а страшнѣе всѣхъ чертей подземныхъ...»

Четыре руки приметно затряслись, особенно руки Врубы... Ларчикъ продолжалъ:

— «Слышишь, Вуль, выручай мнѣ сейчасъ Альдону изъ грѣха, а не то Ларчикъ такъ закричитъ, что Великій Князь услышитъ.»

— «Ларчикъ!» вскрикнули оба, и руки отвалились.

— «Ларчикъ, не погуби насъ!» жалобно стоналъ Вуль, а тотъ почти кричалъ. «Альдону, Альдону!»

— «Мы здѣсь, Варжаймасъ!» раздался со двора голосъ Анны Трофимовны... «Идемъ, идемъ!..»

— «Тсъ! Вуль! Ни полслова. Скажи, что не знаешь, кто кричалъ.»

Анна Трофимовна съ Альдоной вошла въ подворотню и спросила, стараясь всмотрѣться въ темноту:

— «Мы здѣсь, Варжаймасъ! Ну, говори; зачѣмъ у нашего дома стража?.. Гдѣ ты, Варжаймасъ?»

— «Варжаймасъ не возвращался» сказалъ Вуль съ трепетомъ.

— «А кто же кричалъ?..»

— «Никто...»

— «Видишь, Анна Трофимовна!» сказала Альдона: «Это самъ Пушайтисъ, богъ подземныхъ Барстуковъ, остерегалъ меня; но все напрасно. Если ты не хочешь, я одна иду домой; пусть увидитъ, пусть узнаетъ, что если я люблю его, такъ люблю и всѣ прихоти его дикой воли...»

— «Кого ты любишь, княжна?» закричалъ Ларчикъ

чикъ: «Кого ты любишь?.. Не давайся!.. Завтра поведутъ тебя къ вѣнцу съ княземъ Борисомъ...»

— «Слышишь, слышишь, Анна Трофимовна?.. Я иду...»

— «Погоди, княжна... Боги милостивы, я отравлю его; я знаю ужей ядовитыхъ...

Женщины бросились бѣжать, Вруба и Ларчикъ за ними .. Послѣдній кричалъ: «Хочешь, заколдую, изведу болѣзнью?..»

— «Не надо, не надо!» кричала Альдона и убѣжала одна далеко впередъ. Ларчикъ не отставалъ. За нею тащилась Анна Трофимовна; Вруба шелъ возлѣ старухи и объявилъ о себѣ, какъ о славномъ Сейтонѣ. Онъ изъ-подъ липы слышалъ, разговоръ Гервилы съ Гайбой и предложилъ боярынѣ больше десятка разныхъ бляшекъ и лепешекъ противу различныхъ недуговъ и опасностей.

— «Иди за мною!» сказала Гервила: «Видишь народъ вездѣ ходитъ толпами, такъ тутъ покупать ничего не приходится...»

Ларчикъ догналъ Альдону. Въ тѣсномъ переулкѣ, отъ котораго до двора Альфа оставалось не болѣе двухъ сотъ шаговъ, Ларчикъ заступилъ дорогу...

— «Не ходи домой, княжна!» сказалъ онъ голосомъ, въ которомъ сто чувствъ отзывались на сто ладовъ: «Я еще успѣю все переиначить въ день, въ два; только теперь укройся, княжна, я тебя спрячу...»

— «Не хочу!»

— «Не хочешь? Княжна ты моя надъ княжнами!

Не доводи до крайности! Черту душу запродамъ, колдуномъ буду... а...»

— «Да чего ты отъ меня хочешь?..»

— «Чего?.. Еслибы языкъ мой умѣлъ говорить, что чуетъ сердце, а то нѣтъ; чужимъ разумомъ искололи его; онъ своего и сказать не можетъ. Вотъ жарко приходится... Изъ кожи выскочу... Знаю, безуміе... но зачѣмъ тебѣ идти за-мужъ, слышишь? зачѣмъ? Такихъ женниховъ, какъ ты невѣста, право, нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ. Будь вѣчной дѣвой, Альдона!»

— «Оставь меня, Ларчикъ. Я свое дѣло знаю.» Альдона легонько оттолкнула его и пошла своей дорогой.

— «Оставить тебя? Мнѣ тебя оставить?... Мнѣ?..»

Ларчикъ сталъ хохотать; смѣхъ его скоро превратился въ бѣшенство, и онъ, какъ молнія, бросился на Альдону; но, въ порывѣ безумія, онъ наткнулся на Бориса, который безъ малаго слышалъ почти весь разговоръ Ларчика съ Альдоной изъ-за угла переулка и на бѣгу поймалъ Ларчика за уши.

— «Ай-да рыцарь!» сказалъ со смѣхомъ Боря: «Это ты у меня невѣсту отбиваешь? Я ждалъ больше часа у воротъ Альдоны; чего я не передумалъ; а все по твоей милости. Видишь, грибокъ, отъ земли чуть отросъ, а ужъ ядомъ помазанъ....»

— «И крѣпкимъ ядомъ.»

— «Для мухъ!»

Во все это время Ларчикъ вырывался изъ рукъ Бори, билъ кулаками въ его панцырь, старался укусить за руки; но ни что не помогало. Борисъ держалъ его искусно и крѣпко.

— «Полно, Ларчикъ, успокойся, остынь, тогда пущу, да и не пущу, а отведу въ доброе мѣсто.»

Послѣдняя угроза испугала Ларчика: онъ присмирѣлъ, собралъ послѣднія силы, рванулся и скрылся въ переулкахъ, еще плохо знакомыхъ князю Борису.

Между тѣмъ Альдона одна вбѣжала на дворъ свой. Великокняжеская стража знала и пропустила Альдону; на дворѣ собралась вся челядь и толковала въ тишинѣ о странныхъ событіяхъ. Увидѣвъ Альдону, всѣ бросились къ ней и стали несвязно разсказывать о немилости Великаго Князя къ Альфу; что не велѣно ему никуда выходить изъ дома; что при немъ сидитъ приставъ отъ Лучанина, боярина городничаго; что теперь пріѣхалъ бояринъ Мондвидъ съ двумя младшими боярами, и вотъ сію только минуту поднялись по крыльцу на Альфову половину. Альдона болыне ничего не слушала и бросилась къ Альфу. Она вошла въ его комнату въ то самое время, когда Мондвидъ протягивалъ руку, а младшіе бояра кланялись Альфу. Альдона остановилась у дверей, ни кѣмъ не замѣченная, и каждое слово умножало ея удивленіе. Альфъ крѣпко сжалъ руку добродѣтельнаго Мондвида, бросился въ его объятія и заплакалъ.

— «Альфъ!» сказалъ Мондвидъ съ чувствомъ: «я не ошибся въ дружбѣ Великаго Князя. Добрый

Ольгердъ подарилъ моей любимой Анастасіи жениха достойнаго. Это его власть, это нашъ старый обычай; князья наши всегда дарили дѣтей своихъ бояръ, женихами и невѣстами, но не всегда выборъ падалъ такъ согласно съ общими желаніями.»

Альдона затрепетала отъ радости и бросилась поздравлять брата.—Но Альфъ посмотрѣлъ на нее съ сожалѣньемъ, и отчаянно сталъ рвать свои мягкія кудри. «Что съ тобой?» закричала испуганная Альдона: «что съ тобой, милый братъ? Не ты ли столько разъ говорилъ мнѣ объ Анастасіи съ такою любовью; не ты ли тосковалъ безнадежною страстію?..»

— «Я?» закричалъ Альфъ такимъ голосомъ, что Альдона невольно отъ него отступила. «Я?.. Да я и не говорилъ съ твоей Анастасіей; ты мнѣ разсказывала о красотѣ ея, о миломъ нравѣ, о разумныхъ рѣчахъ. Ты любила думать и мечтать о нашемъ супружествѣ; ты свои желанія старалась находить въ моемъ сердцѣ; и можетъ быть, я сказалъ какое неосторожное слово, не помню, я могъ сказать, потому что я такъ любилъ тогда одну Альдону! Нѣтъ, бояринъ! Я не видалъ твоей дочери; я рабъ, я плѣнникъ, я плодъ позорной и беззаконной связи; я не достоинъ твоей дочери: я брошу стыдъ на знаменитый родъ твой!»

— «По волѣ Великаго Князя, да по заслугамъ и доблести пріобрѣтаются права нетлѣнныя. Можетъ быть, дочь моя недостойна такого жениха. Я не себя любилъ, Альфъ; ты это знаешь; въ такихъ правилахъ возрасли и мои дочери. Анастасія видала

тебя, до нее доходили слухи, что и ты къ ней не равнодушенъ, что видѣлъ ее изъ дома Цвиркуна боярина черезъ плетень, когда она съ Альдоной не безъ нарока въ саду гуляла; и слухи эти впились въ ея сердце и вливали сладкую отраву; тебя князья княженъ прочили — и я молчалъ, но скорбѣлъ.»

— «Зачѣмъ же ты молчалъ, боярине?» жалобно сказалъ Альфъ: «Можетъ быть, кто знаетъ, не постигло бы меня темное безуміе; плѣнъ нѣмецкій не погрузилъ бы меня въ эту черную пропасть, откуда одинъ выходъ...

— «Богопротивныя мысли!» сказалъ Мондвидъ, снимая шапку: «Заступи и помилуй насъ, Пресвятая Богородица!»

Альфъ и Альдона, оба вздрогнули. Мондвидъ опять надѣлъ шапку и продолжалъ:

— «Не хочу принужденія! Умываю руки. Буду просить Ольгерда, пусть отмѣнитъ указъ. А дочь... да что говорить о дочери? Жалѣю, что и то сказалъ...»

— «О, не жалѣй! Прости, добродѣтельный старецъ! Обвиняй не меня, а случай! Знаю, — слово Великаго Князя твердо. Это у нихъ, не свое, отцевское. Великій Гедыминъ, ты бы не взялъ насъ на дворъ свой, если бы зналъ, какъ съ нами обращаются твои дѣти... Все знаю... Воля Ольгерда будетъ исполнена; свяжутъ мою совѣсть насильно.. Завтра? Не такъ ли, завтра? Не далеко, но за эту жертву Ольгердъ не оставитъ своею милостью моей вдовы-дѣвственницы!»

Мойдвидъ опять снялъ шапку и произнесъ съ некоторою торжественностію: «Заступи и помилуй насъ Пресвятая Богородица!» опять надѣлъ шапку и продолжалъ: «Ну, если такъ, Альфъ, такъ я скажу дочери, пусть проситъ Великую Княгиню, чтобы ее не выдавали за католика, потому что ты крещенъ по-латински. А я Ольгерду не послѣдній слуга: помилуетъ; такъ авось дѣло и уладится. Только живи, а видно у тебя невѣста получше моей Анастасіи. Дай Богъ тебѣ счастія! Ну, теперь я къ тебѣ сватомъ, красавица! И тебѣ Великій Князь жениха назначилъ. Положимъ, моя дочь не показалась, ну, а ужъ если этотъ женихъ тебѣ по вкусу не придется, такъ ужъ право не знаю, что дѣлать съ вами. Видно вы уже и родились съ такимъ норовомъ. Женихомъ тебѣ, Альдонушка, назначенъ Князь Борисъ Юрьевичъ Овручскій.»

Альдона мраморнымъ изваяніемъ сидѣла уже на скамьѣ; уста раскрылись; глаза безсмысленно смотрѣли на предстоящихъ. Настала тишина мертвая. Альфъ также сидѣлъ; голова его лежала на рукахъ; столъ подъ нимъ омочился слезами горькими... Вдругъ Альфъ какъ будто проснулся, зарыдалъ и, поднявъ руки, закричалъ неистово: «Гедыминъ; Гедыминъ! Отомсти за насъ!»

— «Умираетъ!» раздалось въ другой комнатѣ, и всѣ забыли о сватовствѣ и мести, всѣ бросились на крикъ: Анну Трофимовну вносили люди на простынѣ; она кончалась въ мукахъ; Вруба вынималъ по очереди разныя лепешки и пуговки, прикладывалъ къ головѣ, къ сердцу; — ни что не помогало.

— «Это черная смерть!» сказалъ Альфъ, хватая за руку Альдону, которая было бросилась къ боярынѣ. Люди, испуганные восклицаніемъ Альфа, уронили боярыню и вмѣстѣ съ Врубой разбѣжались.—Не успѣли уже подать помощи бѣдной Аннѣ Трофимовнѣ. Она скончалась. Альфъ схватилъ на руки полумертвую, отъ различныхъ впечатлѣній Альдону, и понесъ ее въ садъ. Приставъ забылъ про своего плѣнника и расположился, какъ оцѣпить домъ Альфа и не допускать людей до зараженной. Толпа любопытныхъ выглядывала изъ переулковъ и улицъ, сбѣгавшихся на площадку передъ дворомъ Альфа; но впередъ не подвигалась. По всему городу примѣтна была суматоха: мелькали огни, слышны стоны, изрѣдка гулъ и крики бѣгущихъ; и въ саду Альфа, и тамъ плачъ и стенанія, но отъ другой болѣзни, отъ другой заразы, которая не въ благопріятномъ своемъ ходу хуже всякой чумы и чернѣе всякой смерти.

— «Не плачь, Альдона! Жребій нашихъ родителей не былъ лучше. Казнь, ихъ постигшая, продолжается. Снесемъ все терпѣливо... Завтра, если Ольгердъ не откажется, я женюсь на Анастасіи; я покажу примѣръ смиренія; но все-таки Кейстутъ не получитъ Бируты...»

— «Какой Бируты?»

— «Ахъ, Альдона! Высоко подъ небесами, какъ будто царица звѣздъ, живетъ Бирута вайделотка въ Полунгѣ! Образъ ея побѣдилъ и меня и князя: мы соперники; ни онъ, ни я, мы не смѣемъ думать о супружескомъ счастіи. Мнѣ нравилась

Анастасія, не скрою, ты Кейстуту; но это не любовь. То было волненіе дѣтской крови, предчувствіе любви, привычка, подражаніе... Бирута! Разумъ мой потемняется, когда про нее вспомню; тогда я полнѣе ненавижу Литву и Нѣмцевъ, тогда я не знаю, кому и чему вѣрую на свѣтѣ; сердце исходитъ кровью, смерть дѣлается однимъ единственнымъ, сладостнымъ желаніемъ. Право, не хочется жить. Умремъ, Альдона! Мнѣ потерять Бируту, тебѣ Кейстута, право, я не понимаю, что́ можетъ насъ еще привязывать къ этой жизни?»

Альдона рыдала...

— «Понимаю! Ты не ожидала этого удара; ты вспомнила наши троцкія игры; взоры, слова съ пріятнымъ, но двойнымъ смысломъ; ты вѣрила намѣкамъ...»

— «Обѣтамъ!» вставъ, съ гордостью сказала Альдона.

— «О! такъ я заставлю его на тебѣ жениться.»

— «А я тебя, Альфъ, на Анастасіи! Ты говорилъ мнѣ свои мысли, я передавала ихъ несчастной, о нѣтъ, тогда счастливой, радостной подругѣ. Ты такой же измѣнникъ, какъ и Князь! Не хотимъ, ни я, ни Анастасія, такихъ мужей! Не хотимъ! Наше горе само себя питать будетъ, не хотимъ чужаго! Богъ съ вами! Обожайте всѣхъ язычницъ! Намъ васъ не нужно! Для покинутыхъ дѣвъ — Богъ отворяетъ лучшее убѣжище! Но если все это клевета, но если его самого неволятъ братъ и княгиня. Нѣтъ! Я хочу слышать правду отъ него самого. Пусть онъ скажетъ: Альдона, я люблю

другую;—тогда, о тогда мнѣ легко будетъ помириться съ страшной судьбой! Да, онъ скажетъ! Я знаю его! Ложь никогда не осквернила его богатырскихъ устъ...»

И прежде нежели Альфъ успѣлъ оглянуться, сказать слово, сдѣлать движеніе — Альдона уже скрылась.

—

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ЖИДОВСКІЙ КОНЕЦЪ.

Весь городъ былъ покрытъ безчисленными огнями; было близко полуночи; испуганный появленіемъ черной смерти, народъ не спалъ; онъ наблюдалъ за дѣйствіями городничаго и чиновныхъ горожанъ. Смертность обнаруживалась въ разныхъ частяхъ города. По случаю общаго смятенія, желая предупредить безпорядокъ, бояринъ Лучанинъ приказалъ запереть всѣ ворота, между прочимъ и Спасскія; а эти ворота вели къ Пречистенкѣ на Полоцкій посадъ. Въ самое то время, какъ запирали ворота, прибѣжалъ къ нимъ Іоссель.

— «Куда ты идешь, желтая голова?» *) спросилъ стражникъ.

— «А куда же я иду, государь стражникъ? Я иду домой къ женкѣ и дѣтямъ.»

— «Врешь! Ты вѣрно по колодцамъ черную смерть разносилъ. Вѣдь ты жидъ?»

*) Жиды въ это время, и весьма долго впослѣдствіи, по правительственному распоряженію, носили желтыя шапки.

— «Пускай и жидъ! А черная смерть отъ Бога.»

— «А зачѣмъ ты такъ поздно таскаешься?»

— «Со страха, государь стражникъ, со страха...»

— «А отъ чего ты руку-то кутаешь?»

— «Болитъ.»

— «Отъ чего болитъ?»

— «Со страха, государь стражникъ, со страха.»

— «Съ какого страха?»

— «А я хотѣлъ одну вещь взять, а тутъ какой-то разбойникъ меня по рукѣ какъ ударитъ, я и перепугался; — испугъ прошелъ, а рука разболѣлась.»

— «Нѣтъ, желтая голова, врешь! Вѣрно, ты въ той рукѣ отраву несъ, такъ она и разболѣлась.»

— «Ой, государь стражникъ, ты такой умный, а говоришь такъ забавно... Если бы я черную смерть носилъ, такъ прежде всѣхъ самъ бы умеръ.»

— «И то правда... Послушай, желтая голова, вѣдь вы всѣ колдуны?»

— «Не всѣ; а есть, спорить съ такимъ большимъ человѣкомъ не стану.. есть. И я знаю одного важнаго колдуна; вотъ какъ меня ударилъ разбойникъ, а рука заболѣла, я къ нему и бросился, онъ у Нѣмцевъ живетъ; прихожу на Нѣмецкій конецъ, а тамъ черная смерть.»

— «Уже и на Нѣмецкомъ концѣ? Вотъ тебѣ разъ!»

— «Не только на Нѣмецкомъ концѣ, въ русскомъ монастырѣ два монаха умерли; возлѣ ра-

туши, у новыхъ лавокъ, трехъ мертвецовъ люди обходятъ. Знаешь, господинъ стражникъ, я тебѣ скажу, только ты меня не выдай. Черная смертъ—женщина. Знахари ее видятъ; она имъ сказывается. Они чуютъ, когда она къ нимъ подходитъ. Какъ только зачуютъ, тотчасъ и плюютъ на всѣ четыре стороны: вотъ это самое главное, чтобы успѣть плюнуть четыре раза, потому что она ишибко бѣгаетъ. Вотъ какъ плюнуть, она и станетъ видима: низенькая такая, приземистая, толстенькая, рожа дурацкая, съ ножемъ. Вотъ она бѣжитъ, бѣжитъ, пырнетъ ножемъ, и дальше; а тотъ уже ахъ, охъ, черезъ полчаса—кончено. Ее носить нельзя, а кликать можно... Хочешь, я кликну: съ того конца прибѣжитъ...»

— «Что ты, что ты, желтая голова?. »

— «Вотъ видишь, ты трусъ, а мнѣ забава...»

— «Да провались ты къ Поклусу...»

— «Какъ хочешь, кликну...»

— «Слышь, молчи! Ротъ разинешь, топоромъ хвачу...»

— «Да что же ты моей забавѣ мѣшаешь; а домой не хочешь пустить. Позволь отъ скуки...»

— «Да иди ты себѣ хоть въ Прагару! На! Пошелъ! Только у воротъ чуръ не кликать!»

— «Ну если ты не любишь, я на зло никому нечего не дѣлаю. Прощай, государь стражникъ!..»

Калитка захлопнулась, а Іоссель, остановясь по другую сторону моста, перекинутаго черезъ Виленку, сталъ насвистывать.

— «Проклятый!» сказалъ стражникъ въ испугѣ: «Право свиститъ, зоветъ: прибѣжитъ черная, да прямо въ ворота; тутъ другой дороги нѣтъ, и воротъ никакихъ по близости; въ бродъ не пойдетъ: что ей за охота въ воду; да и рѣчка святая: не пойдетъ. Все свиститъ. Такъ и есть, бѣжитъ! Накликалъ, проклятый!» и стражникъ сталъ плевать на всѣ четыре стороны. По Пречистенкѣ что-то похожее на женщину, низкое, маленькое, не бѣжало, а стремительно катилось прямо въ Спасскія ворота... Стражникъ плевалъ безъ счета, но видя, что смерть не останавливается, не долго думая, отперъ ворота, повернулъ налѣво и соскочилъ въ Виленку. Черная смерть пробѣжала по мосту и повернула на посадъ, какъ разъ на свистъ. Стоя въ водѣ по поясъ стражникъ закричалъ въ слѣдъ своей чумѣ:

— «Пырни-ка ножемъ проклятаго жидовина. Нашелъ себѣ забаву!»

— «Ушла!» сказалъ стражникъ: «Пойти дать знать въ думу: гдѣ незванная гостья. Авось поймаютъ. А если поймаютъ, такъ ужъ кого, а ее вѣрно сожгутъ передъ думой или повѣсятъ. Оно бы лучше повѣсить; всякой бы и видѣлъ, что и за что виситъ: впередъ бы наука; а то сожгутъ, потомъ и не знаешь: сгорѣла ли она, или нѣтъ. Право лучше повѣсить, я такъ и думнымъ приставамъ скажу: повѣсить!..»

Такъ разсуждалъ стражникъ, съ трудомъ вылѣзая изъ рѣчки, тогда еще довольно глубокой и неравнаго дна; не рѣдко онъ западалъ въ ямы,

разрытыя подземными ключами; добрался онъ и до крутаго берега; но и тутъ много встрѣтилъ трудностей: крутизна береговъ и песчаное ихъ лице не позволяло ему порядочно за что нибудь уцѣпиться. Онъ обрывался нѣсколько разъ, наконецъ сыскалъ мѣсто доступное; вынелъ; поклонился дугнѣ Виленки, потомъ прибрежному духу, потомъ божку мостовъ и дорогъ, еще нѣкоторымъ, по сосѣдству ихъ въ памяти, и отправился на мостъ. Скоро разсказалось, да не скоро сдѣлалось. Все это путешествіе, со всѣми обрядами и разсужденіями, продолжалось довольно долго. Возвращеніе стражника замедлилось и наблюденіями его не катится ли черная смерть назадъ. Убѣдясь, что на посадѣ все тихо и пусто, стражникъ пошелъ по мосту на цыпочкахъ почти бѣгомъ; вбѣжалъ въ ворота, повернулся, чтобы ихъ запереть, какъ вдругъ сильная рука его оттолкнула и витязь, весь въ желѣзѣ, только безъ меча и шлема, прошелъ черезъ ворота.

— «Не ходи!» закричалъ стражникъ: «Тамъ черная смерть!»

Но витязь махнулъ рукой, не оглядываясь, и пошелъ дальше.

— «Вотъ отчаянный!» подумалъ стражникъ: «А что если онъ пошелъ черную смерть ловить, да поймаетъ, тогда мнѣ городничій и награды не выдастъ. А тамъ, — такъ и читали, кажется, — написано, кто поймаетъ, тому много, много серебра нѣмецкими деньгами. Э, нѣтъ, я духомъ сбѣгаю .. «И, положивъ ключъ въ карманъ, страж-

никъ надвинулъ волчью голову на свою, и бѣгомъ отправился на гору.

Свистъ, хотя и отдаленный, все еще продолжался. Это были различные сигналы Іосселя У виленскихъ жидовъ того времени не было не только школы и раввина, но даже подраввинка; они занимали и на полоцкомъ посадѣ только одну крайнюю улицу, примыкавшую огородами къ чистому полю, которая и называлась Жидовскимъ Концемъ на Выѣздѣ, для различія отъ Жидовскаго Конца у Новыхъ Садовъ, гдѣ жиды собственно не жили, а имѣли только лавки, примыкавшія къ Нѣмецкому посаду. Заречье Виленки было уже довольно застроено: правую его сторону занимали кожевники и другіе русскіе ремесленники, принадлежавшіе къ приходу *св. Георгія на Рось;* на лѣвой сторонѣ Полоцкаго посада жили около церкви *св. Петра на Зарѣчьи* прислужники при конюшняхъ и охотѣ. Ихъ будилъ рогъ со двора Цвиркунова, обращеннаго въ послѣдствіи въ домъ Литовскаго митрополита; тотъ же рогъ загонялъ ихъ въ низкія избы, и тогда, кромѣ жидовъ да собакъ, во всю ночь трудно было кого либо встрѣтить на всемъ посадѣ. Съ нѣкотораго времени стали ходить къ жидамъ витязи изъ дружины, богатые мѣщане изъ-подъ Рижскаго права, то есть, жившіе въ деревянныхъ стѣнахъ новаго города; а всего больше нѣмецкіе мѣнялы. Бѣдные слуги тѣмъ болѣе старались соблюдать предписанный Цвиркуномъ порядокъ, что во всякомъ гостѣ изъ города видѣли лазутчика. Крайности соприкасаются. У

слугъ ночью тишина, какъ на кладбищѣ, а днемъ шумно и людно. У жидовъ днемъ всѣ ставни заперты, все какъ будто вымерли; а смеркнется — вся улица полна народомъ; музыка, пляска, крики, до самаго утра. Разврату жидовъ способствовало и самое безначаліе. Они сбѣжались сюда изъ разныхъ городовъ, большею частію преслѣдуемые законами; по старшинству переселенія, Іоссель игралъ на своей улицѣ родъ начальника. Сначала ослушниковъ было много, но время, въ заговорѣ съ Іосселемъ, все измѣнило, особенно когда открылись за нимъ чародѣйскія способности. Какъ будто сообразуясь съ властію Іосселя, и домъ его былъ больше другихъ жидовскихъ домовъ и стоялъ онъ на улицѣ какъ-то бокомъ, загораживая часть дороги такъ, что изъ оконъ можно было наблюдать за цѣлымъ племенемъ переселенцевъ. Хотя домъ Іосселя былъ всѣмъ и всякому извѣстенъ; но гдѣ онъ проживалъ самъ, этого никто не зналъ, даже единовѣрцы. Заслыша свистъ Іосселя, вся улица пришла въ недоумѣніе. Этотъ свистъ былъ приказаніемъ утихнуть и прекратить даже разговоры. Хотя въ эту ночь изъ города гостей не было, но, по обычаю и привычкѣ, всѣ жиды были на улицахъ; жидовки, которыхъ числомъ было гораздо больше мужчинъ, были, какъ и обыкновенно, нарядно одѣты и обвѣшаны всякаго рода камнями, жемчугами и бусами. Смолкли жиды; но продолжительность свиста, медленное его приближеніе возбуждало во всѣхъ нетерпѣніе, а въ жидовкахъ даже бѣшенство. Всѣ столпились къ концу ули-

цы и ожидали скорѣйшаго разрѣшенія мучительнаго ожиданія. Явился Іоссель, лѣвую руку приложилъ къ губамъ и молча шелъ къ своему дому. Тутъ на самомъ углу стоялъ камень; Іоссель взлѣзъ на камень и сказалъ торжественно: «Братія! Черная смерть въ Вильнѣ.» Всѣ жиды повалились на земь и раздались стенанія, какихъ описать невозможно; многіе, при семъ удобномъ случаѣ, расхворались на мѣстѣ. Съ трудомъ Іоссель могъ унять шумъ.

— «Дураки!» сказалъ онъ: «кричите, кричите! Въ городѣ все слышно; это невечерняя наша музыка; услышатъ и оцѣпятъ насъ, поставятъ стражу; а гдѣ стража, тамъ есть и стражники; а гдѣ есть стражники, тамъ есть сѣкиры, мечи и мачуги: пока нѣтъ у насъ ни одной смерти, а будетъ двѣ. Вы привыкли вольничать и плутовать, безъ моего позволенія. Плутуйте, но платите за это пошлину на братство. Ну, вотъ, что мы теперь начнемъ? Говорите, что я теперь безъ денегъ сдѣлаю съ черною смертью? А вы знаете, смерть точно такъ же, какъ и жизнь, любитъ деньги! Любить золото — есть страсть природы! Смотрите книгу десятую Главнаго Разума Естества, стихъ сто третій. Тамъ же написано, въ стихѣ сорокъ-девятомъ: «Безначаліе родитъ смерти...» Въ тысячѣ десятомъ: «Нѣтъ учителя, изберите главу, платите ему пенязь ото всѣхъ вашихъ прибытковъ; потому что онъ долженъ пещись объ одрѣ и пищѣ вашей во время болѣзни...» И мало ли еще въ разныхъ книгахъ написано мудрыхъ изрѣченій.

А что я могу теперь противу черной смерти? Скажите сами, что я могу начать, какія принять мѣры? Ты, напримѣръ, Руфимъ, на русскомъ гостиномъ дворѣ укралъ мѣховъ столько, что можно бы на весь нашъ посадъ шубы сдѣлать: а я, вашъ пастырь, хожу въ шкурѣ волка, который прошедшей зимой издохъ отъ голода у плетня моего огорода! Ты, Хаимъ, на всѣхъ крутлецовъ шьешь платье, а учитель и пастырь ходитъ въ разорванной одеждѣ, а плащъ видитъ только во снѣ! И всѣ вы, грѣшники, на одинъ ладъ, всѣ! Вотъ Мархей, всей дружинѣ мечи, ножи и сѣкиры оттачиваетъ, и новые дѣлаетъ, а у пастыря нѣтъ ножа простаго для защиты отъ дерзкихъ мѣщанъ! Не только вы, но и женщины отъ васъ заразились грѣхомъ подлымъ; вотъ старая Хави дочерьми живетъ; далъ ей мужъ — шесть дочерей, шесть красавицъ; какой доходъ въ наше время; мы бы могли черезъ этихъ дѣвъ править цѣлымъ Вильномъ; приказывать боярамъ; не могу разсказать вамъ всего, что можетъ надѣлать шесть красавицъ; а она гоняется за серебряной копѣйкой, которую на полу и со свѣчой не видно. Стыдно, Хави! Дочери умнѣе тебя. Сусанна бросила тебя, укрылась въ моемъ домѣ, держитъ Ларчика въ лапахъ; съ серебромъ раззнакомилась; чистое золото бьетъ въ ея руки обильнымъ ключемъ; и знай, Хави, всѣ дочери оставятъ тебя; всѣ, если не исправишься и не подчинишься моей волѣ! Вотъ вамъ сотая доля вреда отъ вашего непослушанія. Пусть васъ исправляетъ черная смерть, а я оставляю васъ, неблагодарные! Я ѣду, бѣгу, куда

меня зоветъ воля великаго учителя всего Израиля въ нѣмецкой землѣ...»

Страшный вой былъ отвѣтомъ на трогательную рѣчь Іосселя. Виновные винились, обѣщали, умоляли; Хави обнимала нечистые ноги плута и готова была на всѣ жертвы.

— «Хорошо!» сказалъ Іоссель: «Крѣпко люблю я васъ, неблагодарные братья! Сегодня вы въ страхѣ и готовы на всякія жертвы; завтра я отклоню черную смерть — и вы попрежнему станете оскорблять меня и сынъ мой преступленіями. Если вы каетесь искренно, докажите поступками и жертвами.»

Многіе разбѣжались по домамъ, а Хави сказала жалобно:

— «Учитель! назначь самъ жертву.»

— «Отдай мнѣ младшую дочь свою Сару...»

— «Великій учитель! Она еще не на порѣ...»

— «Не твое дѣло... Сару — или...»

— «Вотъ она, возьми ее, учитель... только...»

— «Ни слова!»

Между-тѣмъ другіе жиды прибѣжали изъ домовъ своихъ: кто принесъ горсть серебренниковъ, Руфимъ красивую шубу, Хаимъ дорогой плащъ, Мархей булатный татарскій ножъ, другіе принесли разныя вещи и деньги, по состоянію своему и промыслу. Іоссель вооружился, одѣлся, всыпалъ деньги въ свою кожаную калиту, а прочія вещи приказалъ отдавать женѣ своей, Сусаннѣ и Сарѣ. Когда жертвоприношеніе кончилось, Іоссель произнесъ краткое наставленіе противу черной смерти.

По слову Іосселя жиды разошлись по домамъ, заперли ставни, улеглись въ перины, въ полномъ убѣжденіи, что, послѣ такихъ жертвъ и предосторожностей, черная смерть не осмѣлится заглянуть въ ихъ Конецъ. Засыпая, всѣ жиды и жидовки повторяли строгое запрещеніе Іосселя: не выходить на улицу ни подъ какимъ предлогомъ, ни въ какомъ случаѣ; даже, если бы услышали какой шумъ или крикъ, не трогаться съ мѣста, потому что черная смерть страхъ какъ хитра: ходитъ только ночью и умѣетъ весьма искусно выманивать свои жертвы на улицу. Къ этому жиды присовокупляли великія похвалы уму и распорядительности Іосселя; но и похвалы скоро истощились — и всѣ уснули.

Во всемъ Концѣ, только въ домѣ Іосселя никто не спалъ. Жена, Сусанна и Сара укладывали вещи въ мѣшки; двое дѣтей Іосселя, оборванные, почти нагіе мальчишки, помогали старшимъ; а самъ Іоссель переодѣвался въ костюмъ Литвина.

— «Все ничего не понимаю», сказала жена Іосселя: «какъ и куда мы поѣдемъ!»

— «Куда? — это самый глупый вопросъ; куда ни поверни, направо, налѣво, какъ хочешь, а все пріѣдешь въ какой-нибудь городъ...»

— «Только бы не въ Ригу!»

— «Само собою разумѣется. Тамъ завели преглупый обычай, подлость: какъ можно живыхъ людей жечь?.. Лихорадка, какъ вспомню ..»

— «А развѣ тебя тамъ жечь хотѣли?» спросила молодая Сара, весело укладывая разное тряпье въ походный мѣшокъ.

— «Не знаю навѣрно, шутка ли то была или заправду; только я самъ видѣлъ, какъ черноголовые дрова возили.»

— «За что́ же это?»

— «Хмъ! за что! Право, не понимаю! Деньги, говорятъ, дѣлалъ; да изъ чего же я тѣ деньги дѣлалъ? Изъ денегъ же, изъ золота, не изъ олова какого-нибудь! Имъ же лучше! Года въ два въ Ригѣ было бы вдвое больше денегъ изъ того же золота. Я не виноватъ; глупые люди, сами добра не захотѣли... Сара! помоги мнѣ завязать веревочку; не могу, рука все еще болитъ...»

— «Отъ чего?» спросила жена.

— «Самъ не знаю. Я думаю, отъ краснорѣчія: во время рѣчи, я такъ долженъ былъ вымахивать руками, что, кажется, правую повихнулъ; да ничего — стерпится, слюбится! Не правда ли, Сарочка?..»

— «Да перестаньте о пустякахъ болтать!» сказала жена Іосселя: «Все-таки я не понимаю, какъ мы поѣдемъ.»

— «Какъ? Во-первыхъ, на всѣ наши пожитки довольно трехъ лошадей, да на насъ одну... и того четыре.»

— «А у насъ ни одной!»

— «Да развѣ Сусанна и Сара не дочери Хави?»

— «Такъ что жъ?»

— «А у Хави двѣ лошади есть и не дурныя, изъ приплода великокняжескихъ конюшень; у нея есть и фура нѣмецкая; а сосѣдъ нашъ, что́ принесъ обществу на жертву, ты не видѣла, а я въ

потьмахъ замѣтилъ, что златница его по малой мѣрѣ локоть сукна золотой пылью покрыла; а торгъ у него, и пушнаго не надо. И теперь у него шесть, если не больше, краденыхъ и наплутованныхъ коней: вотъ мы съ нимъ по-сосѣдски и подѣлимся... Не жадничай! Учителя не обманывай!»

— «А какъ поймаетъ?»

— «А какъ онъ смѣетъ выйдти изъ дома? Что, я даромъ, что ли, черную смерть выдумалъ? Только проворнѣе, бабы, лошадей надо выводить въ самый крѣпкій сонъ, а ужъ и до зари не такъ-то далеко...»

Женщины примѣтно торопились. Іосселъ, совершенно одѣтый въ свой походный костюмъ, собирался уже идти за своими новоприобрѣтенными лошадьми на чужія конюшни; отворилъ двери, хотѣлъ что-то наказать женѣ, какъ вдругъ, откуда ни возьмись, вбѣжалъ Ларчикъ. Сусанна, разсудительная воспитанница Іосселя, бросилась къ Ларчику навстрѣчу, но тотъ грубо оттолкнулъ ее.

— «Мнѣ не нужно тебя!» закричалъ онъ неистово: «Іосселъ, яду! Хитрой отравы! Слышишь, сейчасъ, на мѣстѣ!.. Ты бѣжишь?.. ты уходишь?.. Не выпущу: дай яду!..»

— «А гдѣ же я тебѣ возьму ядъ? Надо его сдѣлать. И теперь не такая луна?»

— «Врешь! Ты не спасешься, ты не уйдешь, пока мнѣ не сдѣлаешь этой послѣдней услуги...»

Жидъ чесался и не зналъ какъ отдѣлаться отъ неотвязнаго Ларчика.

— «Послушай, Ларчикъ: всѣ мои вещи уложены, убѣжище мое и рабочая открыты и разграблены; городничему только черная смерть помѣшала, а завтра, если Іоссель здѣсь останется, прощай, Іоссель! А ядъ дѣлать долго. Я тебѣ пришлю изъ перваго города...»

— «Сейчасъ! Завтра свадьба!» закричалъ Ларчикъ.

— «Да не кричи! Ты моихъ сосѣдей перепугаешь; насилу уложилъ... Какая свадьба?»

— «Альдоны съ Борисомъ...»

— «Не бывать этой свадьбѣ!» сказалъ жидъ такъ утвердительно, что Ларчикъ невольно улыбнулся, вскочилъ и повисъ у Іосселя на шеѣ.

— «Іоссель ты мой! Если ты меня обманываешь, такъ, клянусь тебѣ моей тростью, на которой отмѣченъ день моего рожденія и втораго несчастія: сгоришь, жиденокъ, на новой площади, какъ солома, только косточки да зубы щелкать будутъ! Слышишь, мой милый Іоссель! Выгружай свои пожитки: я сплю на твоей постелѣ, на твоихъ ногахъ; не уйдешь; жаль, что у меня нѣтъ больше никакой клятвы...»

— «Довольно и этой!» сказалъ жидъ отворачиваясь, вынулъ свою страшную обновку — широкій ножъ и размахнулся. Сусанна и Сара успѣли схватить его за руку; но это не помогло: жидъ вырвалъ руку и бросился на Ларчика. Шутъ извивался во всѣ стороны, прятался за женщинъ и кричалъ во все горло; наконецъ уже не оставалось Ларчику никакого спасенія: жидъ уперся спиною

въ двери и тащилъ Ларчика къ себѣ за руку; несчастнаго держали крѣпко Сусанна и Сара; онъ продолжалъ кричать; вдругъ двери отворились, жидъ грянулся на порогѣ къ ногамъ Альфа и почти всѣхъ увлекъ въ своемъ паденіи. Храбрость жида смѣнилась ужасомъ; онъ выронилъ ножъ; Сара тотчасъ его подобрала.

— «Что тутъ за шумъ?» спросилъ Альфъ, безъ шлема и безъ оружія.

Всѣ молчали. Ларчикъ не хотѣлъ выдать Іосселя: жидъ-колдунъ былъ послѣднею надеждой влюбленнаго шута; другаго сообщника и вообразить ему казалось невозможнымъ. Альфъ повторилъ вопросъ свой. Ларчикъ отвѣчалъ:

— «Не твое дѣло! Зачѣмъ ты помѣшалъ намъ! Вставай, Іоссель, вставай, надо кончить; страхъ любопытно... страшно, оно, конечно, страшно, да когда же то, что будетъ, сказывается безъ ужасовъ?»

— «Вы гадали?» спросилъ Альфъ. Живое любопытство заиграло во всѣхъ чертахъ Альфа.

— «Да ужъ до самаго конца доходили, да ты помѣшалъ... Вставай, Іоссель! Не выпускай его, Альфъ, изъ избы; а то вѣщій духъ изъ него вылетитъ. Да что ты, умеръ, Іоссель, что ли?..»

— «Право не знаю,» сказалъ Іоссель, подымаясь на ноги: «Вѣщій духъ меня до смерти измучилъ. Дайте отдохнуть!..»

— «Садись, Іоссель!»

Съ помощью женщинъ, Іосселя посадили въ са-

мый уголъ за столъ; Ларчикъ заперъ двери на ключъ и сказалъ жиду повелительно:

— «Я не одинъ, Іоссель, теперь мнѣ не будетъ такъ страшно...«

— «Такъ это тотъ колдунъ, о которомъ ты мнѣ говорилъ на замкѣ; это тѣ жидовки?»

— «Тѣ, да не тѣ! Вотъ эта новая; только погляди, вѣдь во всемъ дворѣ Великой Княгини только одна лучше нашей Сары...»

— «Кто же эта одна?»

— «Сестра твоя, Альдона,» сказалъ Ларчикъ и покраснѣлъ.

— «Видно, судьба твоя страшна, Ларчикъ, когда ты такъ ужасно кричалъ; боюсь о моей спрашивать.»

— «Эхъ, Альфъ, судьба твоя княжеская; кого хочешь, того полюбишь...»

Альфъ вздохнулъ.

— «Какой городъ ни выберешь, въ удѣлъ дадутъ. Я тебя не понимаю, а прости, Альфъ, люблю, какъ брата.»

— «Спасибо, Ларчикъ!»

— «Ахъ, Альфъ! Я не шучу, мнѣ не до шутки, мнѣ хуже твоего! Тебя женить хотятъ добромъ или силой; ужъ это Ольгердъ съ Кейстутомъ, какъ самъ знаешь, рѣшили. Бояринъ Мондвидъ хотѣлъ было срока дней десять выпросить. «Не хочу!» сказалъ Великій Князь: «Завтра послѣ обѣдень!»

— «О! Такъ я очень не глупо распорядился,» сказалъ Альфъ: «Теперь они меня не поймаютъ. Жидъ, коня!.. Достань мнѣ коня! Я уйду къ Нѣм-

цамъ, я возьму Полунгу. Надежды меня не обманули; я зналъ, что у жидовъ за деньги я всегда найду помощь!..»

— «Какъ?» закричалъ Ларчикъ: «И ты оставишь Альдону на съѣденіе этому безбородому чудовищу?»

— «Нѣтъ! я знаю Альдону! Нѣтъ жениха ей на этомъ свѣтѣ; она не снесетъ измѣны и скроется въ монастырѣ, если не бросится въ Вилію... Я ея страсти не помощь такъ, какъ она моей... Но полно, Ларчикъ. Пора ѣхать! Жидъ, коня!»

Жидъ глядѣлъ безсмысленно то на Ларчика, то на Альфа, то на своихъ женщинъ, то на мѣшки; притворялся разслабленнымъ, шепталъ и бормоталъ неизвѣстныя слова... казалось ничего не слышалъ и не слушалъ.

— «Альфъ!» сказалъ ласково Ларчикъ: «теперь ты безопасенъ: ночь. До свѣта далеко; пока проснутся люди, ты будешь далеко въ полѣ; только черезъ Іосселевъ огородъ перебѣжишь—и большая Полоцкая дорога. И мой толкъ, не бѣжать сегодня: очнутся, увидятъ, что тебя нѣтъ, пошлютъ погоню. Положимъ, Іоссель достанетъ коня, но на жидовской клячѣ не далеко уѣдешь. Мой совѣтъ: обождать, пока воротится погоня, обождать здѣсь у Іосселя. Сусанна и Сара вѣрно не откажутся смотрѣть за тобою. Что, мои красавицы, не правда? А я теперь покойнѣе; ты меня разутѣшилъ; только бы ее твердость не оставила, а мнѣ ничего не нужно, право ничего... Жидъ, Медницкаго меду!»

Іоссель сидѣлъ въ томъ же положеніи; жена, не

ожидая его приказаній, ушла и принесла огромную флягу мѣдницкаго многолѣтняго меда и двѣ стопы.

— «Вотъ, Альфъ, выпьемъ! Право, противу черной смерти, говорили ученые Великому Князю, самый лучшій противень старый медъ. Мы станемъ пить, а Іоссель пусть сидитъ да гадаетъ; авось и тебѣ судьба скажется. Ну, Альфъ! что жъ ты, согласенъ?..»

— «Послѣднее крѣпко соблазняетъ... Если бы Іоссель угадалъ мнѣ что нибудь доброе, сталъ бы богатъ на всю жизнь... Пусть и дурное, только лишь бы правду...»

— «Ну, Альфъ, ужъ за правду я ручаюсь. Садись!...»

Альфъ заходилъ съ другой стороны стола и не могъ видѣть Іосселя. Жидъ дернулъ за руку Ларчика и показалъ рукой на Сару и на Альфа. Ларчикъ догадался и плюнулъ.

— «Не велика утѣха,» сказалъ Ларчикъ: «только безъ толка волнуетъ, а немочи не оттянетъ! Испыталъ и я эту скверну, да быть по твоему...»

— «О чемъ ты говоришь, Ларчикъ?» спросилъ Альфъ, садясь возлѣ Іосселя съ лѣвой стороны; Ларчикъ сѣлъ съ правой и отвѣчалъ:

— «Мое горе, Альфъ! Не разспрашивай, у тебя и своего довольно! Эй, Сусанна! Поди сюда, что жъ ты отъ мужа сторонишь?»

— «Какъ, Ларчикъ, такъ ты женатъ?...»

— «Нѣтъ, Альфъ! Это я службу вспомнилъ, да и привыкъ такъ Сусанну кликать. Дай Богъ ей всякаго добра: она у меня много кручины съ серд-

ца сняла. Ну, поди же, присядь ко мнѣ. Вотъ такъ, Сусанна! Поцѣлуй меня. А ты, Сара, что безъ мѣста стоишь? Пошла, садись возлѣ Альфа. Вотъ ужъ правду молвить, будетъ парочка. Ну, что жъ ты стоишь?...»

Сара стояла потупивъ глаза; блѣдность покрыла выразительное лице неопытной жидовки; она дрожала и не смѣла ни взглянуть, ни отвѣчать.

— «Видишь, Альфъ, она тебя боится. Ты ее и ласковымъ словомъ не манишь, ты даже не смотришь на такую красавицу; оно, правда, обидно.»

Альфъ сказалъ, не глядя на Сару:

— «Ступай, садись, я тебя обижать не стану... не бойся.»

— «Ну что, мало тебѣ этого привѣта, что ли? Пошла же садись, время дорого. Ужъ красавица, такъ и ломается.»

Сара заплакала. Альфъ посмотрѣлъ на нее; Бирута была далеко; страсть—драма; есть и антракты, а въ древности бывали еще и короткія интермедіи; это была одна изъ самыхъ чувствительныхъ интермедій драмы Альфа. Красота жидовки, какъ мушка, ослабила горячку его хронической болѣзни, произвела воспаленіе въ другомъ углу сердца, уже подогрѣтаго крѣпкимъ медомъ. Онъ всталъ, подошелъ къ Сарѣ, взялъ ее за руку и сказалъ голосомъ, въ которомъ не было замѣтно ни грусти, ни суровости: «Полно, красавица, дичиться; я право не злой человѣкъ; посиди съ нами!»

— «Да и нельзя безъ этого,» прибавилъ Лар-

чикъ: «Надо пятерыхъ; ну, а ты возьми своихъ щенятъ и убирайся, пора начинать...»

Жена Іосселя съ дѣтьми ушла въ спальню, прочіе усѣлись; наступила тишина таинственная. Альфъ глядѣлъ на Сару и улыбался, но Сара, блѣдная, испуганная, дрожала всѣмъ тѣломъ и не подымала очей.

— «Погляди на меня, красавица!» сказалъ Альфъ шепотомъ, взявъ за руку Сару; рука вспыхнула и пламя въ одно мгновеніе отразилось на всемъ лицѣ жидовки.

— «Ну» сказалъ Ларчикъ: «Іоссель начинаетъ бормотать. Надо намъ всѣмъ другъ къ другу поплотнѣе прижаться.»

Альфъ повиновался съ удовольствіемъ; Сара не выдержала. Пронзительный крикъ Сары испугалъ всѣхъ; но не возможно описать ужаса, когда въ больной открылись всѣ признаки страшной язвы... Всѣ вскочили съ мѣстъ, оставивъ Сару на скамьѣ въ мучительныхъ корчахъ. Сусанна бросилась къ дверямъ, но наружныя двери были заперты; въ торопяхъ Ларчикъ забылъ, что ключъ у него въ карманѣ. Больше всѣхъ перепугался Іоссель, поднялъ окно и сталъ выталкивать ставню. На шумъ, изъ спальни вбѣжала жена Іосселя и дѣти; всѣ послѣдовали его примѣру; почти вдругъ всѣ ставни отворились Улица была освѣщена, но не дневнымъ свѣтомъ, а заревомъ отъ факеловъ. Бояринъ городничій оцѣпилъ оба выхода Жидовскаго Конца. На полѣ стояла великокняжеская дружина и не выпускала ни кого изъ города. Іоссель все понялъ и со злобой посмотрѣлъ на Ларчика, удержавшаго его въ Виль-

нъ... Тотъ прижался къ жиду и говорилъ ему шепотомъ: «Іоссель, дай яду, а не то выдамъ...»

— «Не дамъ! Нѣтъ у меня ни капли...»

— «Такъ гори же, Іуда! Сюда, сюда!» закричалъ Ларчикъ.

— «Вотъ онъ, вотъ она!» закричалъ стражникъ отъ Спаскихъ воротъ, показывая на окна Іосселева дома. Городская стража, отлелѣявшаяся, оцѣпила домъ Іосселя. Не было спасенія. Наконецъ подошелъ Лучанинъ; по его мановенію, двери выломаны и стражникъ, указывая на Ларчика, произнесъ торжественно: «Вотъ она! берите! Я свое дѣло сдѣлалъ.»

Бояринъ городничій расхохотался. Плѣнники сами не знали что дѣлать, Альфъ отворотился; Ларчикъ раскланивался по своему Лучанину.

— «Здравствуй, Ларчикъ! Что ты здѣсь дѣлаешь?»

— «Да вотъ, про твое здоровье медъ кушаемъ!» отвѣчалъ Ларчикъ довольно покойно, потомъ повернулся къ жиду и спросилъ шепотомъ: «Далъ яду?»

— «Право нѣтъ, Ларчикъ. Неужели ты думаешь...»

— «Да, медъ кушаемъ» продолжалъ шутъ прежнимъ тономъ: «да бережемъ вотъ этого колдуна для твоего прихода... Это жидъ, Іоссель, котораго ты ищешъ...»

— «Колдунъ!» кричали горожане: «колдунъ, что черную смерть умѣетъ кликать?» и пятились. Іоссель хотѣлъ воспользоваться испугомъ горожанъ,

бросился къ дверямъ, но Лучанинъ поднялъ секиру — и жидъ обомлѣлъ. Ободренные горожане бросились на Іосселя, въ одно мгновенье свалили съ ногъ, связали и унесли.

— «А черную смерть, бояринъ?...» сказалъ неотвязный стражникъ, кивая головой на Ларчика...

— «Бери, бери ее!» отвѣчалъ Ларчикъ, указывая на Сару, которая еще мучилась на прилавкѣ: «Возьми, когда любо!»

Всѣ отступили. Самъ городничій подался къ дверямъ; но въ это время замѣтилъ Альфа, который стоялъ у окна, отвернувшись отъ горожанъ...

— «А это кто?» сказалъ Лучанинъ. «Видно Богъ не захотѣлъ безъ вины меня виноватымъ сдѣлать. Спасибо, Альфъ, что недалеко ушелъ!!...»

Альфъ вздрогнулъ.

— «Ну, а Великій Князь напрасно посылалъ погоню... Женихъ не ушелъ. А что бы слову его княжому не было помѣхи, ведите его на дольній замокъ, да скорѣй пошлите за отцомъ Трофимомъ; пусть идетъ въ соборъ. Язва язвой, а дѣло дѣломъ; обвѣнчаемъ его еще сегодня ночью. Такъ сказано, такъ указано, такъ исполнено будетъ. Ну, что же вы задумались? Берите бѣглеца!»

Горожане, поглядывая на Сару, тронулись было впередъ; но Альфъ подбѣжалъ къ Сарѣ...

— «Такъ нѣтъ уже мнѣ никакого спасенія отъ воли княжеской?»

— «Никакого!» отвѣчалъ Лучанинъ: «Такъ сказано, такъ указано...»

— «Да исполнено не будетъ!» закричалъ Альфъ.

«Смертъ! обними меня вмѣстѣ съ невинной жертвой!» И Сара, изнемогающая, съ закатившимися глазами, полуживая, очутилась на рукахъ Альфа. Онъ понесъ ее прямо въ двери; горожане съ крикомъ бросились вонъ; насильно увлекли съ собой боярина городничаго и кричали во все горло: «Черную смерть несутъ! черную смерть несутъ!»

Альфъ вынелъ съ смертельной ношей на улицу, повернулъ къ городскому выѣзду; горожане провожали его издали. На выѣздѣ дружина хотѣла было загородить ему дорогу, но крики горожанъ: «не трогайте, не трогайте, онъ черную смерть несетъ!» послужили Альфу опасной грамотой. Дружина со страхомъ отбѣжала, и Альфъ скоро исчезъ за пригоркомъ.

—

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ЖЕРТВА.

Въ домѣ Цвиркуна, во все время описанныхъ нами событій, никто и не подумалъ о черной смерти. Расположенный на живописномъ берегу Виленки, съ обширнымъ садомъ и всѣми угодьями, дворъ боярина Цвиркуна походилъ болѣе на дачу, нежели на городскую резиденцію вельможи *). Старый холостякъ былъ отмѣнно человѣколюбивъ. Обширныя хоромы стояли, правда впустѣ, но за то пристройки (а ихъ было не мало) вмѣщали въ

*) Дворъ Цвиркуна предположенъ мною на томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи, при Витольдѣ, стоялъ дворъ митрополита литовскаго восточной церкви.

себѣ бѣдныхъ жителей изъ русскихъ, больницу, богадѣльню, училище и обитель для протоіерея и священниковъ церкви Пречистыя Божія Матери и Спасской. Край весьма обширнаго сада съ лѣвой стороны примыкалъ къ садамъ Мондвидовымъ; правымъ крыломъ, гдѣ были хозяйственныя строенія, дворъ Цвиркуна, позади обѣихъ церквей, доходилъ вплотную до деревянной городской стѣны; надъ ней съ внутренней стороны былъ сдѣланъ навѣсъ, отъ двора до самыхъ спасскихъ воротъ, служившій крытымъ ходомъ и въ Спасскую церковь. Самыя хоромы стояли посереди большаго мыса, образуемаго извивомъ Вилейки; передъ ними былъ раскинутъ обширный дворъ; главныя его ворота выходили на самую Пречистенку. Въ хоромахъ всѣ окна были освѣщены. У большаго и двухъ малыхъ крылецъ стояла почетная великокняжеская стража; эта честь была пожалована боярину еще Гедыминомъ. Ольгердъ придалъ на главное крыльце двухъ, а на два малые по одному круглецу для боярской послуги. — Когда общій плачъ и ужасъ распространяла Черная по улицамъ Вильны, въ садахъ Цвиркуна царствовало веселіе и шутка: всѣ витязи дружины Кейстута, христіане, допивали бочку алуса на коврахъ, раскинутыхъ на берегу Вилейки; бесѣдовали шумно, смѣялись, шутили, даже пѣли пѣсни... Но въ хоромахъ, — тамъ царствовали грусть и уныніе. Гришка Русинъ, стоя безъ шлема, у дверей, докладывалъ князю о бѣдѣ. Цвиркунъ, лежалъ въ углу на кожахъ и читалъ житіе какого-то печерскаго угодника, писаніе со-

временника, инока той же обители, присланное въ богатомъ снимкѣ боярину игуменомъ кіевскимъ. — Князь едва слушалъ своего витязя. Ему было не до чужой бѣды и свою едва вмѣщало великое сердце; но ему жаловался первый въ дружинѣ его богатырь и волей, неволей, онъ долженъ былъ слушать.

— «Ну, такъ она родила, говоришь ты?» сказалъ князь отрывисто.

— «Родила, князь! Родила нѣмецкаго сына. Великая Княгиня и крестить его въ нашу вѣру не хочетъ; говоритъ, пусть сама Вундина рѣшитъ, когда оздоровѣетъ; а гдѣ она оздоровѣетъ; не бывать тому: она исплачетъ свои послѣднія силы; сердце ея прирастетъ къ дѣтищу, для меня и мѣста не останется. И теперь черная смерть въ Вильнѣ показалась. Говорятъ, эта зараза въ воздухѣ. Такую больную долго ли одолѣть, еще умретъ. Ахъ ты Господи, если умретъ...»

Цвиркунъ въ это время положилъ свитокъ, привсталъ, протеръ глаза и, въ благоговѣйныхъ размышленіяхъ, сталъ ходить по комнатѣ, не говоря ни слова.

— «Молчи!» сказалъ князь Гринѣ: «Молчи, дядя думаетъ.»

Въ этомъ, такъ сказать, домашнемъ видѣ, особенно въ грустномъ расположеніи духа, можно было замѣтить, какъ старъ дядя. Изъ-подъ шелковой шапочки по всему широкому и высокому челу не проглядывалъ ни единый волосъ; борода желтая, какъ осенній листъ, торчала неровными

ключицы; всѣ мускулы выдались отъ худобы и рѣзко обозначались. Хотя и много нушнаго звѣря было въ шубѣ боярской, но и она дурно скрывала тощую старость. Не смотря однакоже на ветхій вѣкъ, старецъ ходилъ по комнатѣ бодро; помимо грусти и думы глубокой, видъ его сохранялъ воинственность; костистая рука, по привычкѣ, завивала и крутила желтый усъ и огромнымъ своимъ размѣромъ говорила ясно къ чему она была создана. Походилъ, походилъ Цвиркунъ и остановился по серединѣ комнаты; остановился, да и поглядѣлъ на князя и Гришу; — поглядѣлъ и улыбнулся.

— «Ну, мои голубки-голубочки!» сказалъ Цвиркунъ: «Наворковались, пора и на покой! Вы на меня, старика, не смотрите! Я и дома сплю не больше, какъ въ полѣ. Вотъ я и думалъ о томъ, отъ чего это: когда молодъ, — почитай, сутки спишь; придетъ старость, время давай нашъ сонъ строгать, будто клинъ какой, къ концу все уже да уже. Чудно, а право такъ! Экіе вѣсы право... Такъ у него это ровно, что на, поди!.. Тамъ много жизни, много жара; не расходуйся: спи! Тутъ кровь стынетъ, близокъ покой; на тебѣ въ придачу лишній часъ! У сна отрѣжетъ, а подастъ старости. — Чудно, а право такъ!»

— «Эхъ, дядя,» сказалъ князь: «я вотъ и не старъ, а долго, долго не вѣдать мнѣ сна! Старикъ! Ты не поймешь меня, а вотъ теперь я чувствую, что безъ Бируты я навѣки испорченъ. Вотъ, Гришка меня понимаетъ.»

— «Э! А я ужъ медвѣдь, что ли?.. Пожалуй, ужъ нѣтъ у меня жара! Я похожъ на печку; вытопили, вымѣнали, да и трубу закрыли; да вѣдь духъ не выскочитъ, заперто. Такъ и у меня. Осталась память. Понимать, я понимаю...»

Какъ ни грустенъ былъ князь, а улыбнулся.

— «Много ты понимаешь, старый холостякъ!» сказалъ князь: «Тебѣ любовь и не снилась.»

— «Эхъ ты, молодость зеленая! Да отъ чего же я холостъ? Вотъ съ такого же глупаго норова, какъ и ты. Былъ я молодъ, а отецъ у меня строгой такой; я въ Кіевѣ все съ Греками возился, да и довозился до того, что Гречанку, купеческую жену, полюбилъ. Грекъ весь Кіевъ поднялъ. Отецъ меня женить, — не тутъ-то было. Поѣхалъ на охоту съ молодцами, подъ Карпатами очутился, въ Галическомъ королевствѣ; а все съ досады, съ тоски по Гречанкѣ. Вернулся въ Кіевъ, отецъ опять присталъ. Не хочу; оженись, проситъ; не проси, а то опять на охоту уйду. Перестадъ просить отецъ, да и умеръ, а я и давай жить по-варяжски, по старинному: только-что по морю не маялся, а по свѣту будетъ съ меня... Всякое видалъ; а все съ тоски по Гречанкѣ. И такого года на моей памяти нѣтъ, ужъ разъ или два, а непремѣнно каждый годъ про Гречанку вспомню...»

— «Видно очень была хороша...»

— «Хороша! Всякая хороша, которая полюбится... Это ужъ вкусъ, позывъ, какъ тамъ хо-

чемъ назови. Вотъ твоя-то баба, по мнѣ, на рыбу похожа...»

— «Бирута?»

— «На рыбу, на рыбу... На днѣпровскаго сома! Большая такая, будто ее изъ камня оболванили; ну, а для тебя хороша, когда ты ее полюбилъ. Ужъ я на твоемъ мѣстѣ никому бы въ зубы не посмотрѣлъ. Важничаетъ, это только уловка; видишь похвальбу любитъ, суетлива; вотъ хочетъ, чтобы погань литовская объ ней на рынкахъ толковала. Полунга не баба, а все таки взяли, а ее бы только съ каланчи стащить, да потомъ поприжать, да спросить. Охъ, скажетъ, спасибо, ай любо, ахъ ты роскошь какая, спасибо!..»

— «Вайделотка.»

— «Ну, вѣдь я про себя говорю, какъ бы моя милость поступила. Показалъ бы я всему Кіеву, когда бы Гречанка моя была вайделотка. Да и мало ли какихъ нѣтъ уловокъ у вашихъ жрецовъ. Я бы твоего краснаго козла за бороду, да знаешь, этакъ, напрямикъ, не для вида, а за правду, вправо, влѣво, по обычаю богатырскому; не я буду — выдумаетъ, окаянный, какую ни есть хитрость, на солнцѣ жениться позволитъ. Вѣдь у васъ же звѣзды женятся и плодятся какъ люди...»

— «Перестань, Цвиркунъ!» закричалъ князь: «Опять!»

— «Да ужъ сердись не сердись, а поганщины мнѣ хвалить не приходится. Ты и самъ видишь, что плутуютъ, да хочешь на словѣ устоять. Вотъ и сегодня, послушалъ ты моего совѣта, не по-

шелъ къ Гинтовту на пиръ; тамъ бы тебя всякимъ зельемъ опоили; позвалъ ты его къ себѣ; кажется, давно смерклось, а красный не идетъ. Видишь, куда онъ носъ деретъ: хочетъ надъ княземъ стоять. Будь я на твоемъ мѣстѣ...»

— «Вотъ, кажется, идетъ...» сказалъ тревожно князь.

— «Не смѣши, князь!.. Придетъ онъ! Какъ бы не такъ! Нѣтъ, это молодой Овручскій...»

— «Здорово, Борисъ!» сказалъ Кейстутъ: «Ну, что, былъ ты у невѣсты?..»

— «Былъ, да великокняжеская стража не пропустила. Я ее у воротъ дожидался; пейдетъ; я и пошелъ навстрѣчу; а она, мимо меня будто тѣнь порхнула, а за нею Ларчикъ бѣжитъ... Изъ-за угла я слышалъ, какъ онъ ее на всѣ лады отъ меня отговаривалъ.»

— «Ольгердъ, это негодится!» сказалъ князь и всталъ съ мѣста въ примѣтномъ волненіи: «Слово, такъ слово. Но нѣтъ, это не Ольгердова хитрость. Стыдно мнѣ объ этомъ и подумать. Цвиркунъ! Не гляди на меня съ упрекомъ. Съ-горя сорвалось...»

— «То-то же! Глупости вы можете дѣлать оба, но ужъ чего противу честности, нѣтъ, ни Ольгердъ, ни ты, я надѣюсь... Ну, эту выходку со счетовъ долой. Говори, князь Борисъ, что же Ларчику въ отвѣтъ сказала Альдона?..»

— «Оттолкнула и сказала: Поди, я свое дѣло знаю!..»

— «Молодецъ-баба! Вотъ по матери попала.

Вотъ, князь, и про красоту скажу: на рыбу не похожа. Ахъ ты, моя Альдонушка, хорошъ и пригожъ мой племянничекъ, да только не для нея онъ женихъ...»

— «Бояринъ! Да развѣ ты знаешь?..»

— «Еще бы! Ужъ будто я только по имени былъ другомъ Гедымину; ты, да Гриша — вотъ вся моя родня...»

— «Какъ?» спросили оба, и Гриша и Борисъ.

— «Ну, да, вы братья!.. Только, чуръ, чтобъ и великій князь не замѣтилъ, что вамъ извѣстна тайна. Пусть себѣ думаетъ, что онъ одинъ только знаетъ.»

— «Какъ, бояринъ, ты знаешь моего отца? Князь Борисъ мнѣ братъ, а я.. »

— «Вотъ тебѣ разъ!» сказалъ Цвиркунъ: «Далъ промаха. Теперь раздѣлывайся. Лгать не умѣю; а если я ему не солгу, такъ у него голова кругомъ пойдетъ; ты первый, старшій сынъ князя Юрія Овручскаго, да видишь, онъ тогда еще женатъ не былъ...»

— «Понимаю!» сказалъ Гришка прерывающимся голосомъ, глаза налились и кровью и слезами досадными; щеки рдѣли румянцемъ недобрымъ... «Понимаю! Я — малость княжая, я грѣшный плодъ... я...»

— «Богатырь и другъ мой!» сказалъ Кейстутъ, схвативъ его за руку... «Гриша! у меня нѣтъ брата по оружію, мы съ Альфомъ прокляли другъ

друга, мы поклялись вѣчной ненавистью... Гриша! не отвергай меня.»

Гриша хотѣлъ уже броситься въ объятія Кейстута, но Борисъ остановилъ его.

— «Братъ, эта честь моя! Какъ женихъ Альдоны, какъ замѣнъ за Альфа, какъ...»

— «Мало тебѣ, князь,» сказалъ Гриша, отталкивая Бориса: «мало тебѣ, что ты отнялъ у меня право первородства, святое титло, честное рожденіе, прародительскій удѣлъ: ничего не жалѣю; все за братство съ великимъ...»

— «Все возьми назадъ, Гриша, удѣлъ съ титломъ... все... но этой чести не отдамъ!»

— «Смирно, племянники! Смирно! Кейстутъ опять съ горяча промахнулся. Онъ еще съ Альфомъ словомъ не размѣнялся. Можетъ быть, Альфъ опомнится, женится, остепенится, тогда князю жалко станетъ, и онъ васъ разлюбитъ, за то что вы между двухъ сердецъ змѣей проползли; а воротить слово будетъ трудно. Нельзя, да и полно. А вотъ что можно,» прибавилъ Цвиркунъ и ушелъ въ образную. Всѣ смотрѣли ему во слѣдъ съ любопытствомъ и нетерпѣніемъ.

Цвиркунъ вышелъ, держа въ рукахъ Евангеліе писанное съ великою роскошью и въ золотомъ кивотѣ, да большой крестъ съ мощами. Шелковой шапочки уже не было на обнаженной головѣ старика. Видъ его былъ величественъ и грозенъ. Остановясь передъ племянниками, онъ сказалъ торжественно: «На колѣна!» и Борисъ и Гриша преклонились: «Клянитесь жить до гроба въ мирѣ

и любви! Клянитесь быть другъ другу братьями дважды: и по рожденію и по оружію. Клянитесь и цѣлуйте крестъ и слова Спасителя нашего!»

Борисъ и Гриша встали. Посмотрѣли другъ на друга, залились слезами и бросились въ объятія.

Цвиркунъ стоялъ по прежнему, покойный и невозмутимый; но Кейстутъ отвернулся, подошелъ къ окну, и украдкой отеръ богатырскую слезу. Юноши подняли головы и снова обнялись еще горячѣе; тогда подошли къ Цвиркуну и почтительно передъ нимъ остановились, какъ будто для того, чтобы повторить громко тайныя свои чувства.

— «Не нужно словъ! Богъ слышалъ ваши души. Цѣлуйте!»

Юноши поцѣловали и крестъ и Евангеліе, и повалились въ ноги дядѣ. Но Цвиркунъ ушелъ въ образную, воротился въ шапочкѣ и сказалъ прежнимъ своимъ тономъ:

— «Ну, Гриша, не быть же и тебѣ безъ рода и племени. Ты мнѣ сынъ и наслѣдникъ... Князь Юрій Романычъ, слышишь?.. Вотъ тебѣ за мою бѣдную Марью Семеновну. Эхъ, жалко!» продолжалъ Цвиркунъ, обнимая Гришу, «что старикъ насъ теперь не видитъ, не слышитъ: далеко онъ, горемыка...»

— «Гдѣ онъ?» спросили въ одинъ голосъ оба сына.

— «Гдѣ онъ?... Былъ сегодня еще въ Вильнѣ, былъ и у меня, во всемъ мнѣ повинился, сдалъ

васъ на мои руки, и уѣхалъ, съ часъ мѣста, не больше. Я ему цѣлую конюшню на дорогу подарилъ. Ну, сынокъ, такъ прошу теперь меня слушать, что отца роднаго; какую службу ни закажу, исправляй съ охотой и разумомъ. И вотъ тебѣ для начала: ступай ты на дворъ къ Криве-Кривейто и скажи Красному, что князь спать хочетъ; чтобы сейчасъ изволилъ пожаловать... а не то...»

— «Скажи, Грина, что я прошу и жду Гинтовта» прервалъ князь: «и не забудь, что онъ верховный жрецъ тѣхъ боговъ, которыхъ я исповѣдаю. Ступай!»

Грина ушелъ. Цвиркунъ, закинувъ свою шубу полу объ полу, расходился по комнатѣ живо, молодецкой походкой, богатырской поступью... Расходился, да и кличетъ круглецовъ.

— «Эй вы, безбородые! Что, тамъ молодцы въ саду еще пируютъ?»

— «Веселятся, бояринъ.»

— «Ключника!»

Прищелъ ключникъ, сгорбившись въ три погибели, покашливая и опираясь на костыль. На кожаномъ поясѣ висѣлъ у него огромный ключъ; этотъ ключъ не отворялъ ничего, былъ только вывѣской сана. Во всемъ костюмѣ ключника замѣтна была боярская роскошь. Поглядѣлъ на него Цвиркунъ — усмѣхнулся.

— «Эй ты, однолѣтка! Есть у насъ добрый медъ, а и того пуще — заморское вино?»

— «Есть бояринъ и много; чай, и въ десять лѣтъ не выпьешь...»

— «Да отъ чего же это у тебя такъ много набралось?»

— «Да ты, бояринъ, всегда въ походѣ, али въ Трокахъ; на своемъ виленскомъ дворѣ не живешь!...»

— «А гости?...»

— «Гостямъ идетъ мѣра, какъ ты указалъ, бояринъ, да и гости у насъ, ты знаешь, или больные или увѣчные, или постники: хмѣльнаго не жалуютъ. Вотъ у насъ питей всякихъ пропасть, а рыбы и грибовъ не спрашивай. Былъ разъ на твоемъ дворѣ Ольгердъ Гедыминычъ: порядкомъ любовался, съ нищими и съ больными разговаривалъ; хвалилъ тебя, подымалъ до неба, такъ что я расплакался, да и говорю: вотъ, государь, во всемъ у насъ достатокъ, только рыбы не хватаетъ; въ боярскомъ селѣ два озера, да, почитай, отъ нужды все выпрудили...»

— «Есть у меня озеро» сказалъ Ольгердъ Гедыминычъ: «пополамъ съ братомъ,— не во гнѣвъ будь сказано, Кейстутъ Гедыминычъ,— за рѣкой, а зовутъ его Малятскимъ; такъ вотъ бояринъ Лучанинъ скажетъ, чтобы ко двору Цвиркуна боярина мою половину отписали...

— «И мою также!» сказалъ князь Кейстутъ.

— «Эхъ, однолѣтка!» съ неудовольствіемъ замѣтилъ Цвиркунъ: «Нужно очень! Не могъ на деньги рыбы купить .. скажутъ еще...»

— «Это не тебѣ пожаловано, а на твоихъ больныхъ да бѣдныхъ!» прервалъ князь: «Ну, что дальше, однолѣтка?...»

— «Да какой я тебѣ однолѣтка, Кейстутъ Гедыминычъ? Вотъ съ бояриномъ, такъ мы въ одинъ день и въ одномъ селѣ родились. Видишь, ратное дѣло его выпрямило, а меня хозяйское сгорбило.»

— «Ну, разболтался, старикъ! Выдай пару боченковъ добраго нѣмецкаго вина на гостей, что въ саду, да скажи пусть пьютъ за здоровье моего сына. Сына и наслѣдника Богъ послалъ.»

— «Ну, бояринъ, хоть ты и здоровый дубъ, только такой прыти я отъ тебя не чаялъ...»

— «Перестань, однолѣтка! Ступай!...»

— «Иду; только право чудно» и старикъ, посмѣиваясь и покашливая, медленно поплелся къ погребамъ. На смѣну ему въ хоромы вбѣжалъ больничный.

— «Что, крестникъ?» спросилъ бояринъ: «Чего ты испугался? Кого Богъ отъ насъ принялъ?»

— «Не то, государь-бояринъ.»

— «А что?...»

— «Трехъ больныхъ принесли...»

— «Такъ прими!...»

— «Принять?... да какъ ихъ принять?»

— «Да отъ чего же не принять? Чѣмъ больны?»

— «Черною смертью! Никто имъ отворить и калитки не хочетъ. Да и что толку? И сами умрутъ и другихъ заразятъ.»

— «Язычники!» крикнулъ Цвиркунъ. «Во Христѣ нѣсть смерти...» и больничный едва могъ

догнать боярина, который поспѣшилъ на больничный дворъ...

— «Чудный человѣкъ!» сказалъ задумчиво князь. «Вѣра твоя...» Князь не кончилъ и посмотрѣлъ на Бориса: «Что, князь, думы твои далеко? Скажи мнѣ правду, полюбилъ ли ты Альдону? Скажи мнѣ, угадалъ ли я желаніе твоего сердца, разгадалъ ли самое сердце? Можетъ быть только молодость, минутное впечатлѣніе. Ахъ, Борисъ! Ты клялся Цвиркуну въ дѣлѣ великомъ; поклянись мнѣ... устроить счастіе Альдоны...»

— «Клянусь!»

— «Стой, не спѣши! Ты не можешь мнѣ и обѣщать того, чего я потребую!»

— «Князь, только скажи. Умру, а исполню.»

— «Ахъ! для этого и смерти мало. Нѣтъ, Борисъ, не нужно мнѣ клятвы твоей. Сдаю тебѣ на руки мою совѣсть... Не знаешь ты Альдоны. Тебя ослѣпила красота тѣлесная, увидишь душевную — и какъ ты будешь малъ передъ Альдоной... Охъ! еслибы я могъ сказать ему все... Но нѣтъ, тогда спокойствіе бѣднаго Бориса на вѣки потеряно... Признаться ли тебѣ, что я боюсь твоей свадьбы... Не услышишь ты стона, не услышишь жалобы, упрека, не увидишь случайной слезы; все будетъ спрятано въ глубокомъ сердцѣ; да... и это сердце—небывальщина, сказка!... Я его воспиталъ, я его готовилъ, безумецъ, къ судьбѣ великой; какъ червь, я точилъ тѣ думы, тѣ чувства, которыя, можетъ быть, ей теперь наиболѣе нужны... Ты видишь, не иду къ брату, котораго наравнѣ съ

отцемъ обожаю; сижу можно сказать подъ стражей моего добраго Цвиркуна... Борисъ! я не смѣю.. Тамъ Альдона!»

— «Князь!» сказалъ съ достоинствомъ Боря: «я не искалъ твоей невѣсты. Альдона мнѣ нравится; но если счастіе ея уже привязано къ другому сердцу, я отступаюсь; больно, да честно...»

— «Не женись, Борисъ! Не женись! Умоляю! Съ горяча я самъ объ этомъ просилъ Ольгерда... Но какъ раздумаю...»

— «Такъ вотъ любовь твоя!...»

— «Нѣтъ, Борисъ! Альдона — мнѣ другъ, сестра, не больше; но для нея всякое замужество — о! я ее знаю: она должна быть и будетъ вѣчной дѣвой...»

— «Это заговоръ, князь! Ларчикъ о томъ же просилъ Альдону.»

— «Ларчикъ! Ахъ, если бы этотъ совѣтъ былъ отъ Ольгерда. Нѣтъ! Слова братняго и буря небесная не разломаетъ. Сказалъ.. И завтра, васъ обвѣнчаютъ, Альфа съ Анастасіей, тебя съ Альдоной... Но тише, молчи, уходи; идетъ Гинтовтъ... Стунай въ эту комнату, сюда, куда-нибудь...»

И Борисъ вошелъ въ образную Цвиркуна, а на крыльцѣ съ разноцвѣтными фонарями показались вайделоты. Изъ окна можно было видѣть весь дворъ и всю пышность хода. Криве-Кривейто. Вайделоты съ факелами освѣщали путь носильщикамъ; за ними цила Перкунова стража съ оклика-

ми, въ шубахъ, покрытыхъ краснымъ сукномъ и въ медвѣжьихъ шапкахъ. Носилки были съ балдахиномъ и занавѣсками, обшиты бахрамой и убраны перьями; занавѣски были задернуты. Съ трудомъ втащили эти носилки на узкое крыльцо и поставили прямо противу дверей палаты, гдѣ сидѣлъ Кейстутъ. Поставивъ носилки, всѣ прислужники удалились. Вайделоты отдернули занавѣски и съ благоговѣніемъ ввели въ палату Гинтовта, поклонились, ушли и примкнули двери... Гинтовтъ былъ одѣтъ по будничному, по домашнему; на головѣ простая шапка, платье какъ у простыхъ вайделотовъ, безъ малѣйшей разницы и украшеній; только тройная кривуля обличала Криве-Кривейто.

— «Повинуюсь твоему насилію!» сказалъ Гинтовтъ у порога.

— «Какое тутъ насиліе?» сказалъ князь съ неудовольствіемъ: «Тутъ дѣло важное, трудное, великое. Мнѣ нужно счастія—счастія супружескаго; мнѣ нужна жену—я нашелъ ее: она должна быть моей вѣры и рода знатнаго... И все это такъ: и родъ, и вѣра, и красота, и умъ.... все, все есть...»

— «Зачѣмъ же дѣло стало? Веди ее къ намъ, а мы испросимъ великимъ супругамъ благословеніе боговъ. Для этого кажется, не стоило нарушать обычая великихъ предковъ; на смѣхъ и соблазнъ народу снимать Криве-Кривейто съ ночнаго ложа, на которомъ, безъ сна, онъ долженъ бесѣдовать съ безчисленной семьей свѣтилъ небесныхъ. Дворецъ мой...»

— «Тамъ у тебя сто тайныхъ глазъ, сто ушей... Тамъ нельзя торговаться...»

— «Торговаться!...»

— «Да, Гинтовтъ, торговаться! Я уважаю власть твою, но не тебя; люблю моихъ боговъ, но ненавижу вайделоту, который въ Полунгѣ хотѣлъ говорить устами Прауримы...»

Гинтовтъ поблѣднѣлъ, и, непрошенный, опустился въ первыя, ближайшія кресла. Князь продолжалъ съ жаромъ:

— «Вы жалуетесь на Ольгерда, на бояръ и даже на чернь! Но кто же виноватъ? Не вы ли сами священныя нѣкогда уединенія заражаете развратомъ; потакаете кривамъ и сигонотамъ въ ихъ соблазнительной жизни; продаете судъ и милость боговъ... И послѣ этого, какъ не торговаться? Впередъ знаю, что куплю твое согласіе; но я и не предлагаю за него платы; хочу закона, хочу воли боговъ, которымъ, можетъ быть, во всей Литвѣ я одинъ повиновался какъ слѣдуетъ. Я знаю, что законъ въ мою пользу: были примѣры. Но объявить мнѣ этотъ законъ, устроить свадьбу, согласить все и всѣхъ—это ужъ дѣло Криве-Кривейто. Не хочу, и не хотѣлъ я насилія! Со мной была большая моя дружина; Полунга была въ рукахъ моихъ; всѣ ключи, всѣ переходы въ моей власти; я бесѣдовалъ съ нею; она мнѣ разсказала всю жизнь свою; я признался въ любви моей — она меня отвергла; я грозилъ — она смѣялась: я плакалъ и молилъ, — она сожалѣла... «Не могу»

въ отвѣтъ на все сказала Бирута: «не могу: я вайделотка.»

— «Вайделотка Бирута!» съ ужасомъ вскрикнулъ Криве-Кривейто: «И ты могъ.... И она смѣла!..»

— «Гинтовтъ!» продолжалъ князь, не слушая Криве-Кривейто: «Я знаю, что ты властенъ одною своею волею разрѣшить Бируту отъ даннаго обѣта.»

— «Не могу, а желаю! Неслыханный примѣръ любви, князя и вайделотки! Я подвергну всю Полунгу слѣдствію и обыску! Безъ преступленія не обошлось! Вы хотите загладить бракомъ грѣхъ, которому нѣтъ прощенія...»

— «Ну, послушай Гинтовтъ,» сказалъ князь съ усмѣшкой: «если бы это случилось, Бирута была бы уже на Трокахъ, не твоей вайделоткой, а твоей княгиней! Полунга моя, и хотя бы ты пришелъ самъ въ Полунгу, или прислалъ задушевнаго друга съ твоею тростью, слушай, Гинтовтъ и запомни: малѣйшій вопросъ Бирутѣ о нашей бесѣдѣ, малѣйшій признакъ розыска — и простись ты, или кого пошлешь, съ жизнію...»

— «Князь! эти угрозы...»

— «Такъ искренни и такъ дѣйствительны, какъ мое княжеское слово. И такъ, Гинтовтъ, ты не вспомнишь закона...»

— «Дай подумать...»

— «Думай сколько хочешь, но знай, что ты не выйдешь отсюда, пока не вспомнишь... Опять скажешь, насиліе...»

Рѣчь князя прервалъ крикъ на дворѣ: «Пустите, пустите къ брату!..»

— «Нельзя!» отвѣчали вайделоты: «У князя Криве-Кривейто!»

— «Сватъ, скажите лучше; я имъ не помѣшаю; прощусь съ братомъ и убѣгу.»

— «Это ты, Альдонушка?» отозвался Цвиркунъ: «Эй вы, погань литовская! Пропустить! Я здѣсь хозяинъ. Пойдемъ, пойдемъ къ князю, Альдонушка! Я, признаюсь, поджидалъ тебя къ себѣ съ Анной Трофимовной...»

— «Она умерла отъ черной смерти!»

— «Анна Трофимовна! Слышь, князь!» сказалъ Цвиркунъ, входя въ палату и держа за руку Альдону: «Анна Трофимовна умерла...»

Но князь не отвѣчалъ, не могъ отвѣчать. Передъ нимъ стояла безмолвная Альдона; смертная блѣдность покрывала лице ея; двѣ слезы дрожали на длинныхъ рѣсницахъ — и Цвиркунъ, глядя на нихъ, и самъ призадумался.

— «Да!» сказалъ онъ: «не веселое свиданье, Альдонушка! А всѐ оттого, да не скажу; я хозяинъ и гостя оскорблять не годится, а право оттого.»

Криве-Кривейто глядѣлъ на Альдону въ оба; уста его сложились въ такую умильную улыбку; глаза также слезой поволокло, да слеза эта была дурной стати; а князь и Альдона молчали. Цвиркунъ опять рѣчь затѣялъ:

— «Ну, чтожъ, братъ и сестра, и поздороваться не хотите?»

— «Альдона!» сказалъ князь нетвердымъ голосомъ: «Сестрица!.»

— «Только-то? Не по прежнему?»

— «А прежде какъ бывало?» спросилъ Цвиркунъ.

— «Бывало всякое, — и любовь моя и радость; извѣстно, красныя слова. Да что объ нихъ, то старина. Князь дорогой, братъ по дѣтству! Скажи, правдивы ли слухи, говорятъ будто ты полюбилъ Биругу?»

Князь молчалъ.

— «Охъ, правда!» отвѣчалъ за него Цвиркунъ.

— «Ахъ, какъ я рада!» закричала Альдона съ такою неподдѣльною веселостью, такимъ твердымъ голосомъ, что князь не зналъ, куда дѣваться. А Цвиркунъ исполнялъ должность толмача.

— «Да чему же ты рада?»

— «Какъ чему? У меня будетъ сестрица, добрая, милая, она меня любить будетъ; а если князь будетъ счастливъ, такъ я ее полюблю всѣмъ моимъ сердцемъ... потому, что мнѣ любить некого?..»

— «Не она это говоритъ, а горе,» подумалъ Цвиркунъ и сказалъ громко: «А мужа, Альдонушка, Бориса Юрьевича, моего племянничка, по закону, и его слѣдовало бы полюбить маленько.»

— «Да мнѣ какое дѣло? Вѣдь онъ не мой мужъ, а чужой подарокъ; накинули мнѣ его на шею; пусть его тотъ и любитъ, кто его сердцемъ правитъ. Да что ты это, добрый нашъ дядя, все за него говоришь? Мнѣ бы хотѣлось изъ княжьихъ устъ что ни есть о такой великой радости слышать...»

— «Сюда, пойдемъ сюда, Альдона!» сказалъ князь Кейстутъ, схватилъ за руку дѣву и увлекая въ другую палату, потому что въ образной былъ Борисъ и могъ быть свидѣтелемъ всѣхъ тайныхъ рѣчей и чувствъ невѣсты: «Садись, Альдона! Я все скажу тебѣ;» сказалъ Кейстутъ, усадивъ Альдону на мягкія подушки скамьи въ обѣденной палатѣ Цвиркуна.

— «Вотъ такъ бы давно, князь, а меня, признаюсь, слухи опечалили. Что за дружба, подумала я, всѣ знаютъ, всѣ говорятъ громко, а сестрѣ ни слова...»

— «Альдона! Упрекъ твой...»

— «Какой упрекъ, князь? Не уже ли ты думалъ, что ужъ если я тебя любила, такъ только для того, чтобы быть твоей женою. Слышала я и объ этомъ. Да какой вздоръ! Если я любила тебя, такъ что это значитъ? Мнѣ хочется, чтобы ты былъ счастливъ, какъ боги; безсмертенъ, какъ боги, если это можно. Если я полюбила тебя, такъ вотъ какъ: я вѣрю тѣмъ богамъ, которымъ ты вѣришь; для меня дорогъ тотъ, кто тебѣ дорогъ: если ты хочешь устроить счастіе любимой жены, мое дѣло служить ей, какъ тебѣ и помогать твоимъ похвальнымъ стараніямъ. Не думай, Кейстутъ, что я говорю все это для того, чтобы наклонить твое сердце ко мнѣ. Нѣтъ, милый другъ!.. Тутъ есть упрекъ, и вотъ какой: за что ты обидѣлъ Альдону сомнѣніемъ, за что ты хотѣлъ ее выдать замужъ и связать мою любовь къ себѣ ненавистнымъ долгомъ къ другому?»

— «Альдона, пощади меня!..»

— «Ахъ, какой же ты чудакъ! Я упрекнула, ты покаялся, впередъ не будешь, вотъ и кончено. Но послушай, Кейстутъ, есть еще вопросъ. Мнѣ кажется, что въ эту Бируту ты влюбился слишкомъ скоро; одно, два свиданія—и ты сталъ будто околдованный. Ну, пройдетъ время золотое; ты насытишься ея бесѣдами, упьешься ея взорами, налюбуешся дѣтской рѣзвостью, увидишь другую дѣву, посвѣжѣе, покрасивѣе — и прощай любовь! Вѣдь это случается? Ахъ, Кейстутъ! обдумалъ ли ты свою любовь?.. Кейстутъ, Кейстутъ! мнѣ дорога твоя слава: на ней пятнышко, а на моемъ сердцѣ рана. Пожалуй, ты не бросишь жены, ты исполнишь клятву, да весело ли мнѣ будетъ глядѣть на твои нахмуренныя брови, слушать сердцемъ, какъ у тебя разрывается сердце! Вѣдь я привыкла и безъ словъ понимать тебя. Помнишь, какъ ты отцу, въ сердцахъ, хотѣлъ сказать грубое слово, да вспомнилъ, что то отецъ, и стиснулъ губы; помнишь, я угадала, я тебѣ разсказала послѣ все, что̀ ты сказать хотѣлъ, слово отъ слова; а тогда я была и глупа и ужъ черезъ чуръ неопытна. Такъ скажи, успокой меня, милый братъ: обдумалъ ли ты любовь свою, точно ли достойна тебя эта вайделотка?

Князь тяжело вздохнулъ; Альдона продолжала:

— «Вотъ видишь, какъ не упрекать тебя! Ты нехочешь признаться мнѣ, сестрѣ своей и другу; тебѣ вспала на умъ пустая мысль, ты боишься, ты не хочешь оскорбить меня признаніемъ, думаешь,

что мнѣ это непріятно будетъ. Гордый человѣкъ! Ты считаешь меня только жертвой своихъ достоинствъ и доблестей; ты жалѣешь обо мнѣ. Ошибаешься, князь,—и не въ обиду, не въ упрекъ, а сказать должна, ты не понимаешь, ты не можешь понять меня. Сердце твое бурное и кипитъ звѣрскою страстью; ты любишь кровью, а я люблю тебя, князь, душою. Заставлять тебя признаваться, значитъ мучить тебя; да и не нужно: все, какъ на ладони. Но не мучь же и ты меня; ты самъ боленъ, а перепугалъ всѣхъ, заставилъ лечить меня; весь дворъ принялся меня сватать. Знаешь, какой это имѣетъ видъ? Я думаю только о твоемъ счастіи, а всѣ думаютъ, что я твоему счастію помѣха, что, я безъ тебя въ живыхъ не останусь, что, пока я въ дѣвкахъ, ты изъ богатырскаго великодушія и жениться не хочешь. Вѣдь это все обидно, другъ мой! Я прощаю; но женись поскорѣй. Дай мнѣ слово, что ты завтра же скажешь всему двору, снохъ и брату: женюсь; а я тебѣ даю слово исполнить послѣ твоего брака всякую прихоть, даже выйти за-мужъ за ребенка, который, чай, двумя, тремя годами моложе меня. И такъ, Кейстутъ, завтра ты скажешь?»

— «Не могу, Альдона...»

— «Это почему?..»

— «Криве-Кривейто не соглашается...»

— «Гинтовтъ?» и Альдона выбѣжала въ палату пріемную, гдѣ мы оставили Цвиркуна одинъ на одинъ, съ единственнымъ человѣкомъ, котораго Цвиркунъ трижды ненавидѣлъ, какъ христіанинъ,

какъ человѣкъ и какъ пестунъ и другъ Кейстута; но какъ хозяинъ, онъ не смѣлъ показать ни малѣйшаго признака неудовольствія. Во все время тайной бесѣды князя съ Альдоной, которую можно было слышать до послѣдняго слова, потому что Альдона ни о комъ и ни о чемъ въ эти минуты не думала; во все это время Цвиркунъ велъ съ Гинтовтомъ бесѣду самую противуположную сосѣдней: тамъ слова лились пламенно и обильно; здѣсь царствовали лаконизмъ и сухость...

— «Вина, что ли?» спросилъ Цвиркунъ, глядя въ сторону.

— «Не пью!» отвѣчалъ Гинтовтъ.

— «Врешь!» подумалъ Цвиркунъ.

Молчаніе.

— «Меду мѣдницкаго или ковенскаго?»

— «Не пью неочищеннаго.»

— «Самъ ты нечисть поганая!» подумалъ Цвиркунъ.

Молчаніе.

— «Алуса съ пряностями?.. или чего ни есть?.. Откушаешь?»

— «Не охотникъ.»

Тѣмъ бесѣда и кончилась. Продолжительное молчаніе было прервано Альдоной: она вбѣжала, остановилась предъ Гинтовтомъ и сказала съ улыбкой:

— «Не ужели великій Криве-Кривейто сталъ такъ бѣденъ властью, что ужъ не можетъ подарить супружескаго счастія послѣднему литовскому князю, послѣднему защитнику своего престола...»

— «Князь!» сказалъ Гинтовтъ, опустивъ глаза и отворачиваясь отъ Альдоны: «Я вспомнилъ законъ. Есть, есть, правда, два или три примѣра, но только по преданію... Обѣтъ вайделотки нерушимъ, но съ разрѣшенія нашего одно только возможно: передать обѣтъ дѣвственности другой дѣвѣ: у насъ записаны не имена вайделотокъ, а число обѣтовъ. Бирута ли, другая ли дѣва носитъ обѣтъ тотъ, намъ все равно: служба та же, число то же, но только принятіе на себя обѣта должно быть добровольно, свободно ото всякаго насилія, не куплено за деньги или за другія сокровища...

— «Добровольно, охотно, свободно принимаю на себя обѣтъ Бируты!» сказала торжественно Альдона: «Только, Гинтовтъ, поспѣши устроить счастіе князя!»

— «Альдона, что ты дѣлаешь, Альдона?» закричали и князь, и Цвиркунъ, и Борисъ, который не выдержалъ и выскочилъ изъ образной.

— «Гинтовтъ! Не медли! Враги наши бдительны и помышляютъ...»

— «Что повелишь князь?» спросилъ Гинтовтъ, съ суетливостью, неприличною званію своему... Кейстутъ не отвѣчалъ; онъ глядѣлъ на Альдону; какъ будто удивлялся, какъ будто жалѣлъ чего-то...

— «Князь!» сказалъ Цвиркунъ тихо: «Отошли Краснаго...»

— «Князь!» сказала Альдона: «Вспомни, что отказомъ убьешь Альдону! Спѣши, спѣши Гинтовтъ!... А меня, князь, вели проводить въ терема

Великой Княгини... Тамъ я буду ждать отвѣта Бируты...»

Гинтовтъ не заблагоразсудилъ ожидать княжескаго отвѣта. Цвиркунъ одѣвался. Борисъ плакалъ. Князь держалъ за руку Альдону; она пошатнулась и приникла къ груди Кейстута.

— «Князь!» сказала она шепотомъ: «Простись со мной.»

Кейстутъ, дрожа, обнялъ Альдону.

— «Будь счастливъ, милый другъ и братъ!»

Обвивъ руки вокругъ шеи князя, Альдона прибавила, но уже дрожащимъ голосомъ:

— «Братъ! поцѣлуй меня въ первый и въ послѣдній разъ.»

Уста слились. Чувства оставили несчастную...

—

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ.

Свѣтало! Великій Князь еще не ложился; гонцы бѣгали взадъ и впередъ, отъ боярина Лучанина къ Ольгерду, отъ Ольгерда къ боярину Лучанину... Городничій былъ неутомимъ; разставивъ по всѣмъ дорогамъ отряды великокняжеской и троицкой дружины, онъ запретилъ выпускать изъ города кого бы-то ни было; стрѣлять стрѣлами, бить кистенями, кто ослушается... Одинъ только Альфъ, подъ щитомъ Сары, вышелъ изъ города невредимо. Хотя боярин скоро опомнился отъ перваго испуга и послалъ погоню; но поиски были напрасны: Альфа не нашли нигдѣ. Неутѣшный Лу-

чинить донесъ объ этомъ Великому Князю вместѣ съ просьбой, чтобы удержалъ самъ русскихъ князей на которыхъ власть его не распространялась; но и этому нельзя было помочь: князья съ дружинами разъѣхались. Тоска неисповѣдимая овладѣла сердцемъ Великаго Князя. Князья разбѣгались и понесли черную смерть по всему великокняжеству. Альфъ обнялъ заразу и ушелъ съ нею вмѣстѣ. Жена собрала весь дворъ и молилась въ домовой церкви. Братья также разъѣхались; только одинъ Кейстутъ былъ въ Вильнѣ, но и тотъ не хотѣлъ раздѣлять съ братомъ общихъ трудовъ; постигнутый любовнымъ недугомъ, чуждался Ольгерда... Только два боярина любимца, Мондвидъ и Гантолдъ оставались при князѣ; но одинъ былъ убитъ горемъ и стыдомъ своей дочери, другой читалъ латинскія молитвы; оба не для совѣта. И Великій Князь, опустивъ голову, сидѣлъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи въ черной палатѣ дольняго замка; она была въ самомъ низу; особое деревянное крыльцо вело на дворъ; на этомъ крыльцѣ толпились круглецы и гонцы. Неожиданно вошла въ палату Великая Княгиня.

— «Что слышно?» спросила она съ примѣтнымъ страхомъ и сѣла возлѣ В. Князя.

— «Все, слава Богу, будетъ хорошо» отвѣчалъ В. Князь: «Лучанинъ молодецъ; не могу понять, какъ онъ успѣваетъ.»

— «А слыхалъ ты про Альдону?..».

— «Что такое?..»

— «Давно мнѣ казалось, и вышло на мое. Язычница!»

Въ это время Ларчикъ вошелъ и кланялся Ольгерду...

— «Гдѣ ты пропадалъ, щенокъ?» спросилъ Князь сердито.

— «Я?.. Спалъ спокойно, пока солнце не толкнулось въ окна моей головы; крѣпко я закрылъ ставни, да солнышко пробуравило...»

— «Что ты врешь, Ларчикъ? Едва, едва свѣтаетъ.»

— «Свѣтаетъ? Ну, такъ это, видно, луна; и она бываетъ подъ часъ такая острая; только мнѣ кажется, что я видѣлъ солнце.»

— «Во снѣ, вѣрно...»

— «Вотъ это ты угадалъ, право угадалъ... И мало ли я что во снѣ сегодня видѣлъ...»

— «Язычница, говоришь ты?» сказалъ В. Князь, обращаясь къ Ульянѣ Александровнѣ. «Это почему?..»

— «Ахъ, другъ мой! жаль мнѣ ее; пришла сама и повинилась; идетъ въ вайделотки на мѣсто Бируты...»

— «А Бирута?»

— «Выходитъ за брата?»

— «Что ты, Улинька, что ты? Неужели Кейстутъ до такой степени забудется?.. А княжество, а союзы?... Онъ измѣняетъ мнѣ въ конецъ...»

— «И я тоже думаю. Бѣдная Альдона не перенесетъ своей жертвы; разсказала то она мнѣ все спокойно и объ Аннѣ Трофимовнѣ, и о Кейстутѣ, и о себѣ; я и пошла къ тебѣ, пошла и слышу:

разрыдалась моя Альдона; плачетъ, будто у нея молодой мужъ умеръ...»

— «Божіе наказаніе!» сказалъ Ольгердъ мрачно: «Надо сказать Гинтовту, чтобы этотъ бракъ запретилъ со всѣми клятвами и проклятіями! Надо хитростью взять, а воли противу брата никакой не покажу. Пускай будто все само собой сталось...»

— «Да это все по совѣту самого Гинтовта такъ устроилось; все это старый колдунъ. Для Кейстута онъ готовъ самъ въ вайделотки пойти; онъ за князя, что за плетень держится. Пугни-ка его, скажи, что изъ Вильны выгонишь.»

— «Пугнуть можно, да жаль, что выгнать нельзя. Кейстутъ, вижу, что правителю народа и брата должно любить и чествовать только какъ подданнаго... Попытаемся! Ларчикъ, позови Гинтовта.»

Казалось, Ларчикъ только и ожидалъ этого, бросился со всѣхъ ногъ на крыльце, растолкалъ и сбилъ съ ногъ людей и бѣгомъ пустился черезъ большой дворъ, ко дворцу Криве-Кривейто; но калитка была заперта; никто не отзывался, какъ ни стучалъ Ларчикъ. И не удивительно.

Въ высокой башнѣ, съ узкими окошечками, плотно закрытыми изнутра, былъ небольшой покой, кругомъ обитый коврами; на полу разсыпано было много подушекъ; два стола, одинъ съ яствами и напитками, другой со свитками и разными предметами языческой учености, чинно стояли въ двухъ противуположныхъ углахъ; на подушкахъ въ од-

ной косулѣ и нирокомъ исподнемъ платьи, въ красныхъ сапогахъ, покоился Гинтовтъ; передъ нимъ стоялъ Врýба, въ одеждѣ Криве.

— «Выпей, выпей на дорогу!» сказалъ Гинтовтъ: «Не бойся, хмѣль отъ этого напитка не та, что отъ литовскаго алуса. Пока придетъ Алина, пока лошадей осѣдлаютъ, пока я тебѣ сообщу всѣ нужныя наставленія, пройдетъ не мало времени; ты даже можешь сѣсть.»

— «Никогда не забуду благодѣяній твоихъ, отецъ отцевъ! Дивно великій Прамжимасъ строитъ судьбу слугъ своихъ. Изъ опальнаго, гонимаго, бѣднаго сигоноты, милостью судіи судій, я сталъ и важенъ и великъ, и уже не поневѣжскій медвѣдь, не нищій сигонота, а Криве съ тростію двойною, слуга избранный, который смѣло можетъ глядѣть въ очи владыки владыкъ...»

— «Ты всегда такъ гладко врешь?» спросилъ Гинтовтъ.

— «Я вру также гладко, какъ теперь говорю правду. И если я тебѣ полюбился, такъ чѣмъ? Скажи самъ; отецъ отцевъ? Не искренностію ли моею, не откровенностью ли моихъ желаній, надеждъ и помышленій?...»

— «Опять объ Вундинѣ! Не ужели ты на старость влюбился?...»

— «Да сохранитъ меня Мильда! Ужъ не знаю, что дальше будетъ, а Вундина мнѣ крѣпко на душу запала. Старость! Какая старость, отецъ отцевъ? Погляди какъ я старъ, когда выручишь мнѣ Вундину; надо наказать ее, отнять отъ Великаго

Князя, на казнь посадить ее въ уединенный домъ, поставить передъ нею истуканы Веллоны и Нийолы, пусть молится; а ключъ мнѣ; ужъ я буду прилежно наблюдать за нею.»

Гинтовтъ расхохотался.

— «Да ты развѣ не знаешь, что Вундина родила Нѣмца...» сказалъ Криве-Кривейто.

— «Все знаю, отецъ отцевъ, но она Литвинка; крѣпка, дородна; пока я привезу изъ Полунги Бируту, она уже на конѣ ѣздить будетъ.»

— «Просить буду, требовать не могу, настаивать не смѣю. Но, Врýба, мы тебѣ въ долгу не останемся. Только, ты съ жезломъ моимъ, поѣзжай въ Полунгу, поставь старшей сестрой вайделоткамъ мою бѣдную Алину, вези Бируту въ Ковно, тамъ есть въ саду Мильды большой стругъ, назначенный только для князей и меня. Посади въ тотъ стругъ Бируту; возьми у ковенскаго и керновскаго Кривовъ всѣхъ свадебныхъ жрецовъ и всѣхъ музыкантовъ. Пусть во всю дорогу играютъ и трубятъ, пусть все Порѣчье знаетъ и вѣдаетъ, что везутъ ко мнѣ вайделотку, Кейстуту невѣсту; говори всѣмъ и каждому, что прорицалица такъ изрекли волю боговъ — и кончено. Соблазна не будетъ.»

— «А если, отецъ отцевъ, этотъ бѣшеный Альфъ нападетъ на меня...»

— «У тебя мой жезлъ! Возьми у Видымунда отрядъ войска, возьми въ Ковнѣ два или три сорока храмовыхъ ратниковъ; да и въ Невяжскомъ Ромновѣ есть ратники: также можешь потребовать;

за моимъ жезломъ вся Литва на край свѣта пойдетъ. А! вотъ и Алина... Ступай, Врубa, погляди готовы ли ваши лошади?»

Алина смѣнила Врубу. Вайделотка Алина была среднихъ лѣтъ и красоты замѣчательной; но какое-то тайное горе осѣняло выразительное лице; странное хладнокровіе оковало красивыя уста; казалось, они забыли улыбаться; будто Алинѣ до всего свѣта нѣтъ дѣла... Алина пришла и спросила весьма сухо:

— «Что тебѣ надо, Гинтовтъ?»

— «Ничего, моя милая! Ты давно просилась куда ни есть, только подальше отъ меня. Я искренень и благодаренъ. Ты мнѣ надоѣла, Алина...»

— «А ты мнѣ опротивѣлъ.»

— «Одно другаго стоитъ. Это по части искренности; мы объяснились. Теперь о благодарности. Даю тебѣ славное мѣсто: старшей сестры въ Полунгѣ. Поѣзжай, живи и веселися! Прощай Алина! На прощаньи, пожалуй, я и поцѣлую тебя, подойди ко мнѣ...»

— «Ненужно! Искренность за искренность, благодарность за благодарность!. Спасибо за Полунгу. Только смотри, какъ надоѣстъ тебѣ Эвра, такъ ты меня долой, а ее ..»

— «Не бойся, Алина! Эвра шестью годами моложе тебя. Долго ей до старшаго чина... Ну, чтожъ, не поцѣлуешь?»

— «Спрячь свои поцѣлуи для Эвры; это, видно, у тебя запасные; не успѣлъ израсходовать,

къ князю тебя потревожили, а Эвра, чай, и теперь въ хоромахъ у Гайбы поджидаетъ...»

— «Какая ты ревнивая отгадчица! Именно такъ, только ты за ворота, я къ Эврѣ... Всякому свое...»

— «Ну, если такъ, то тебѣ виселица...»

— «Алина!..»

Вруба прервалъ ихъ разговоръ, вошелъ и сказалъ громко: «готова!»

— «Ну, такъ ступайте, да сохранитъ васъ Кѣло, богъ дорогъ! Только, Вруба, на случай, какъ минуешь мостъ, запутай псамъ дорогу; псарня, вѣрно, за тобой изъ Вильны выбѣжитъ... Вотъ тебѣ мой жезлъ; помни, кто ослушается; не забудь, кто принесетъ ему жертвы... Прощай!»

Лежа, подалъ Гинтовтъ свою кривулю Врубѣ; тотъ поцѣловалъ руку Криве-Кривейто, поднялъ жезлъ и пошелъ впередъ. Алина опустила покрывало и, не сказавъ ни слова Гинтовту, ушла за Врубой. Гинтовтъ не подымался съ мѣста, глазами провожалъ путниковъ, долго смотрѣлъ задумчиво на двери и задремалъ. Скрипъ воротъ и топотъ коней, голоса людей и стукъ въ калитку со двора замка, все это невнятно доходило до высокой башни и переливалось въ сонъ нескладный, уродливый; къ нему примѣшивались тѣни знакомыя: то Кейстутъ, то Цвиркунъ, но больше всѣхъ Альдона... Она подходила къ Гинтовту съ такою дѣтскою рѣзвостью, протянула къ нему руку, а Гинтовтъ голову; вотъ, вотъ уже поцѣлуй какъ будто самъ складывается; близко, близко,

вдругъ — щелчокъ въ носъ отъ чудной руки и — Гинтовтъ проснулся... Стукъ и крикъ у воротъ его испугали.

— «Что тамъ такое?» закричалъ Гинтовтъ.

Вошелъ очередный Вайделота и отвѣчалъ:

— «Я смотрѣлъ съ больной лѣстницы; кажется, Ларчикъ?»

— «А что наши, уѣхали?»

— «Уѣхали! Мостъ давно миновали. Вруба изъ города шибко поѣхалъ; и спутникамъ наказывалъ изъ города поскорѣе, за городомъ потише...»

— «Такъ, такъ, Вруба! Умница Вруба! Золото Вруба!.. Ну ужъ если будетъ удача, уступлю ему Эвру... Да чего онъ тамъ раскричался, разспроси!»

Вайделота пошелъ и воротился.

— «Говоритъ, что отъ самого Великаго Князя къ тебѣ посломъ за важнымъ дѣломъ.»

— «Такъ и есть! Ой, уходи, Врýба!... Пустъ постучитъ, кости молодыя, изомнетъ, а не изломаетъ... Ты, пожалуй, начни съ нимъ разговаривать, а я пока сойду въ пустую палату...»

Гинтовтъ пріодѣлся и сошелъ въ пустую палату, родъ подвала, гдѣ очередной вайделота, стражъ покоя великаго своего жреца, то и дѣло перемѣнялъ сосновыя лучины. Это бѣдное освѣщеніе вполнѣ соотвѣтствовало внутренности самой палаты: полъ былъ изъ битой земли; стѣны покрыты когда-то бѣлой краской, но лучины задымили пріемный залъ Криве-Кривейта такъ, что о прежней бѣлизнѣ стѣнъ и намека неоставалось, вмѣсто всякой мебели, каменные столбики и каменный столъ. Въ углу, на

перекладинкѣ, висѣлъ довольно большой колоколъ. Лучина догорала; Гинтовтъ самъ зажегъ и воткнулъ новую. Вбѣжалъ Ларчикъ.

— «Ступай, старикъ надъ стариками, къ Великому Князю, да ступай спѣшно; онъ тебя въ черной палатѣ больше часа ждетъ...»

— «Что тамъ случилось?» сказалъ Гинтовтъ съ притворнымъ безпокойствомъ.

— «Объ этомъ онъ у тебя спроситъ...»

— «А что же я ему скажу?»

— «Э, ужъ не тебѣ стать запинаться. Каждый день сотнѣ врешь, такъ теперь всю эту гиль одному отпусти.»

— «Дерзкій!» закричалъ Гинтовтъ...

— «Опять врешь... Проклятая привычка! Я дуракъ, да не дерзкій. Чего тебѣ нельзя, то мнѣ можно. Тебѣ платятъ за *нельзя* всѣми благами жизни, а мнѣ за *можно*, за эту проклятую волю,— костылемъ, словомъ, взглядомъ. Помѣняемся, Гинтовтъ, помѣняемся: возьми мою волю, а я спрячусь въ эту берлогу; до облаковъ выстрою стѣны, выгоню всѣхъ изъ храмовой ограды, оставлю только одну вайделотку, знаешь, Гинтовтъ, ту, новую, подставную, чуть не наемную, за которую, еслибы воля моя была совсѣмъ воля, такъ я бы...»

— «Ну, что ты?»

— «Выщипалъ бы тебѣ бороду и выкололъ глаза... Пошелъ!.. Ступай къ Великому Князю...»

И обида отпала отъ сердца Гинтовта. Онъ понялъ о комъ рѣчь; выиграть время — послѣднее

средство; сказать о посольствѣ — значило бы погубить дѣло; не сказать — можно, только не Ольгерду; скрыть движенія собственнаго сердца, показаться безкорыстнымъ, принужденнымъ участникомъ воли Кейстута — это легко, полезно и необходимо, и — Гинтовтъ разсмѣялся.

— «Чему ты обрадовался?» спросилъ Ларчикъ со злобой.

— «Да вотъ чему: думаю, не велѣть ли въ эту отроковицу влюбиться кому нибудь изъ моихъ. Тогда у нея женихи будутъ ото всѣхъ возрастовъ. Но самый забавный — ты...»

— «Я дуракъ,» закричалъ Ларчикъ: «только не для тебя. Великокняжескій костыль не твоя глупая кривуля! Къ Великому Князю!..»

— «Больной ты ребенокъ, Ларчикъ; видишь, тебя исковеркало рожденіе, взъерошила любовь, мечетъ глупость, а за ограду выбросятъ вайделоты, какъ нечистаго поросенка, что забрался не въ свой хлѣвъ!»

Ларчикъ дрожалъ, какъ будто собирался отбросить назадъ весь этотъ громъ оскорбленій, только въ другой коръ. Но Гинтовтъ продолжалъ:

— «Иду къ Великому Князю. Знаю, онъ меня не жалуетъ, и смерти тебѣ не будетъ, но за то костыль научитъ тебя разумному обычаю...»

Ларчикъ поблѣднѣлъ, онъ понялъ всю неумѣстность своей горячности; а Гинтовтъ все дальше и дальше:

— «Ты бы, Ларчикъ намъ поклонился: не такія души мы гнули къ тѣмъ, кого жаловали; подъ

нашимъ закономъ твоя зазноба; не продавать ее, а беречь; и не увидишь ты ее, рабъ нечистый; князья, бояре, даже смерды *) увидятъ ее при жертвенникѣ; а ты — извини! Псами затравлю, змѣй изъ подъ знича **) на тебя выпущу. Гей! кто тамъ! Одѣваться!..»

Вайделота долго не несъ одеждъ. Гинтовтъ ходилъ по палатѣ и перемѣнялъ покойно лучины. Ларчикъ плакалъ...

— «Гинтовтъ!» тихимъ, жалобнымъ голосомъ спросилъ Ларчикъ: «Неужели я могу быть причастенъ счастія?»

— «Какого?..»

— «О! ты понимаешь, Гинтовтъ...»

— «Понимаю!» отвѣчалъ Криве-Кривейто отрывисто и ударилъ въ колоколъ. Ларчикъ ждалъ, какія будутъ послѣдствія этого удара: сошлись вайделоты, одѣли Гинтовта, и пошли за нимъ, вмѣстѣ съ Ларчикомъ.

Увидѣвъ Гинтовта съ его свитой, Великая Княгиня отплюнулась, перекрестилась и ушла наверхъ. Гинтовтъ остановился посреди палаты. Ольгердъ какъ будто не видалъ его; опустивъ голову, онъ думалъ крѣпкую думу... Гинтовтъ сталъ покашливать, обтягивать поясъ, который обращалъ его

*) Смерды — особое сословіе феодальныхъ временъ древней Руси; состояніе вольныхъ хлѣбопашцевъ.

**) Многіе гады были посвящены богамъ. Нѣкоторые пользовались сами особеннымъ религіознымъ уваженіемъ. Ихъ обыкновенно держали въ домахъ — по угламъ, въ божницахъ — подъ жертвенниками.

фигуру въ нѣчто похожее на юлу: снизу ножка, сверху ручка, а въ серединѣ несоразмѣрная толщь; вся выгода этого костюма заключалась въ томъ, что, какъ ни упади, не разобьешься. Обтягивалъ Гинтовтъ поясъ, покашливалъ, перемѣнялъ ноги, какъ лошадь въ конюшнѣ, а все толку нѣтъ: Князь все сидитъ, будто во снѣ... Постоялъ, постоялъ Гинтовтъ, да ужъ и не выдержалъ.

— «Великій Государь!» началъ было Криве-Кривейто.

— «Молчи!» прервалъ Ольгердъ: «Твоя рѣчь впереди! Что, еще бояринъ не воротился?»

— «Нѣтъ еще,» отвѣчалъ Мондвидъ.

— «Какимъ путемъ послалъ ты посольство?» спросилъ Ольгердъ.

— «Не знаю, государь, о чемъ ты спрашиваешь.»

— «Не знаешь, Гинтовтъ? Ты не знаешь? Не бывать этому браку, или божница Перкуна упадетъ на твою голову...»

— «Государь! Защити меня! Пошли христіанъ, пусть отнимутъ у Брубы мою кривулю, Литвины не посмѣютъ... Я не могъ противиться желанію Кейстута; я долженъ былъ повиноваться. Ты одинъ можешь своею великою властію...»

— «Властію! Для этого дѣла я желалъ бы передать тебѣ не власть, а братство мое съ Кейстутомъ. Не за тѣмъ я призвалъ тебя, Гинтовтъ! Погоня послана, но далеко ли до удѣла Троцкаго? На землѣ моего брата я и своихъ людей не преслѣдую. Ты долженъ воздвигнуть всѣхъ боговъ

противу этого брака; ты долженъ предать проклятію Бируту. Поганая язычница; она не войдетъ въ семейство мое, а хочется; но ты ее собьешь съ-ногъ; она князю не невѣста. Слышишь?»

Ольгердъ вдругъ утихъ и угрюмо посмотрѣлъ на Гинтовта. Мгновеніе — и Ольгердъ улыбнулся.

— «Что это, отецъ отцевъ, ты не садишься? Бесѣда наша можетъ продолжиться; садись, садись... Дѣло съ Княземъ мы уладимъ; не позволю вайделоткѣ нарушить обѣта, котораго никто разрѣшить не можетъ! Не правда ли, Гинтовтъ?»

— «Государь! Въ дѣлахъ вѣры первосвященникъ...»

— «Я вамъ первосвященникъ?» вставъ, съ жаромъ крикнулъ Ольгердъ: «Вставай, иди во храмъ Перкуна, готовь жертвы; я, по обычаю предковъ, самъ буду священнодѣйствовать.»

Гинтовтъ совершенно смѣшался, а Ольгердъ продолжалъ ласково:

— «Да отецъ отцевъ! Не подружески поступилъ ты со мной! Право! А еще сосѣдъ! Долго ли было зайти, забѣжать, сказать слово, спросить воли и совѣта! И къ чему такая поспѣшность? Видно, сѣкира моя никогда не заходила за ограду вашу. Дурной обычай — впередъ буду ходить къ Перкуну съ оружіемъ; это его даръ; и, Гинтовтъ, новый мой обычай начну сегодня.»

То милующія, то терзающія рѣчи Великаго Князя сбили Гинтовта съ толку. Какъ ни хитеръ, ни проницателенъ былъ этотъ послѣдній Криве-Кривейто, но понять, догадаться, чего хочетъ Оль-

гердъ — не доставало ни средствъ, ни бодрости самаго покойнаго человѣка. Послѣднія слова подтверждались и движеніями. Ольгердъ бросилъ Ларчику костыль, взялъ въ руки сѣкиру и сказалъ грознымъ голосомъ: «Оставьте насъ однихъ.» Разбѣжались вайделоты, ушелъ Мондвидъ; оставался одинъ Ларчикъ, но, по мановенію князя, и тотъ вышелъ. Ольгердъ заперъ двери, и сѣлъ на свое мѣсто, не выпуская изъ рукъ сѣкиры.

— «Гинтовтъ,» сказалъ Ольгердъ опять тихимъ, покойнымъ голосомъ: «уладь дѣло, или я безъ шутокъ разобью твой черепъ, какъ вражій нѣмецкій. Ну!»

— «Государь! Бируту можно перехватить на дорогѣ, скрыть въ какомъ нибудь замкѣ, утопить даже, но...»

— «Ну!»

— «Но Альдона произнесла обѣтъ вайделотки: она должна быть отдана Зничу; она сама этого желаетъ — и, государь! молю, не умножай соблазна. Ты видишь, я молчу, потому что я безсиленъ: повинуюсь, потому что я въ западнѣ; не одобряю брака князя Кейстута: онъ противенъ правиламъ — и все уладится. Но Альдона — со вчерашняго дня дочь Знича. Какъ хочешь, государь! Ты не смотришь на насъ, хотя мы молимся съ утра до ночи о твоемъ благоденствіи. По мнѣ, пожалуй, распусти всѣхъ вайделотокъ; задуши дыханіе отца Знича, — мнѣ все равно. Хуже не будетъ. Падемъ мы, падетъ и государство!»

Въ эти печальныя времена не было такого великаго человѣка, который бы вовсе былъ свободенъ отъ предразсудковъ своего народа. Никакой разумъ не спасалъ отъ вѣрованій, внушенныхъ въ дѣтствѣ. Великіе магистры, лица духовныя — боялись и не гасили старика Знича, и ударъ Гинтовта былъ и вѣренъ и дѣйствителенъ. Грустно посмотрѣлъ Ольгердъ на икону Спасителя, передъ которой теплилась лампада; какъ будто оттуда ожидалъ онъ горькаго упрека; глаза его поникли долу.

— «Альдону?» сказалъ онъ какъ будто про себя... «Альдону?»

— «И Вундину, государь» прибавилъ Гинтовтъ.

— «А Вундину зачѣмъ?...»

— «Она великая преступница, она...»

— «Перестань, Гинтовтъ! Дочь Эйваса отдалась моей защитѣ и тутъ ужъ не совѣтую вмѣшиваться. Хорошо... Бируты не станетъ... Я даже не лишу ее свѣтлаго сана; я отошлю ее въ землю Біармскую съ Новогородскими людьми; они мнѣ преданы; и тамъ есть Зничъ, и тамъ есть вайделотки, и тамъ мои люди на сторожѣ. Все это хорошо. Кейстутъ потоскуетъ, потоскуетъ — и пойдетъ старой любви искать... Альдона лучше Бируты, но Альдона князю не невѣста; Гинтовтъ, возьми себѣ Альдону!... Но, Гинтовтъ, ты засталъ меня сегодня въ злобѣ... Ты знаешь много, я не люблю этого, забудь все, или...»

— «Государь! Я доволенъ, и благословляю твое правосудіе; до остальнаго мнѣ нѣтъ дѣла. Для

Кейстута я сдѣлалъ все; для тебя сдѣлаю вдвое; ты доканчивай, но меня отпусти, не то застанетъ меня Кейстутъ...»

Великій Князь горько улыбнулся.

— «Ступай себѣ съ Богомъ,» забывшись, въ горѣ, сказалъ Ольгердъ...

— «Въ полдень я пришлю за Альдоной...»

— «Присылай, пожалуй!» съ такимъ же унынiемъ отвѣчалъ Ольгердъ, и Гинтовтъ ушелъ.

— «Застанетъ насъ Кейстутъ!!...» повторилъ Ольгердъ: «Нѣтъ! Красные дни наши закатились; хочетъ братъ не моей любви: цѣлый день на Вильнѣ и цѣлый день со мной не видался, а послѣднему нашему свиданію передъ его отъѣздомъ вотъ скоро четыре мѣсяца... Онъ спитъ себѣ, когда я...»

Безъ доклада, съ шумомъ вбѣжалъ бояринъ городничій, блѣдный, смущенный...

— «Спасайся, государь!» закричалъ Лучанинъ, и упалъ на колѣни: «Спасай дѣтей твоихъ, родныхъ! Дѣти твои, граждане обречены на смертъ неизбѣжную! Оставь насъ, государь, умереть, какъ должно, но самъ, съ семьей, спасайся! Черная смерть одолѣла!»

— «Что ты говоришь, бояринъ?»

— «И говорить некогда! Ходитъ, да на земь жертвы кидаетъ, послѣ всенощной десятками, теперь тысячами! Кривъ-городъ запертъ! Дастъ Богъ, до полудня отстою, но въ новомъ городѣ нѣтъ ни одного дома безъ мертвеца!...»

— «Гдѣ братъ, гдѣ Кейстутъ?» кричалъ Ольгердъ, надѣвая шлемъ и рукавицы: «Коней!»

— «Кони готовы, бѣги только за Вилью...»

— «Къ брату, къ брату! Скорѣй къ брату!»

И Ольгердъ былъ уже на площадкѣ у Дольняго замка... На встрѣчу ему бѣжалъ Кейстутъ и, завидя его издали, кричалъ: «Братъ, спасай своихъ и спасайся! Черная смерть не латинское войско; это черная рать Прамжимаса, богатырь-ненавидимца. Здравствуй, братъ! Поѣдемъ ко мнѣ въ Троки! Коней!..»

Не надо было этого приказанія. Цвиркунъ, сидя на своемъ гнѣдкѣ, по обѣ стороны велъ на поводьяхъ Амулата и Гидру, великокняжескую кобылицу; за нимъ множество конюховъ вели осѣдланныхъ и вьючныхъ лошадей; вся площадь наполнилась народомъ, конями и повозками... Но братья не обращали большаго вниманья на общую суматоху; взявъ другъ друга за руку, глядѣли одинъ другому въ глаза любовно; молча, оба разговаривали душею; упреки, оправданія, новыя клятвы на жизнь и смерть, вопросы и отвѣты быстро смѣнялись въ воображеніи каждаго. Князья забылись... Вдругъ крикъ, женскій крикъ: «Спасайте Яшу, Яшу! Будите князей! Яшу, Яшу! Гдѣ ты, Александръ?..» И Великая Княгиня выбѣжала на ту же площадку... Суматоха возрастала... Люди суетились, бѣгали, вытащили какія-то фуры, запрягали лошадей... между тѣмъ Великая Княгиня принимала дѣтей Великаго Князя; не успѣвала порядочно отвѣчать на всѣ вопросы Ольгерда и Кейстута.

— «Да что же тамъ случилось?» спросилъ на-

конецъ Ольгердъ такимъ голосомъ, который никогда у Великаго Князя не оставался безъ отвѣта...»

— «Ахъ Боже мой!» отвѣчала Княгиня: «Что случилось! Черную смерть занесли въ замокъ; черную смерть! Всѣ!» закричала Ульяна Александровна и стала цѣловать и считать дѣтей Ольгерда... «Всѣ! Слава Богу! Слава Тебѣ, Пречистая Дѣва! Слава вамъ, Заступникамъ нашимъ!... Всѣ!... Сажай ихъ, няня, куда нибудь, не разбирай; лишь бы выѣхать изъ Вильны...»

— «Да кто же умираетъ?» спросилъ Великій Князь.

Ульяна Александровна посмотрѣла на Ольгерда, на Кейстута, на князя Бориса, на Цвиркуна, махнула рукой и закричала: «Садитесь, садитесь! Станете мѣшкать — всѣ умремъ...»

— «Откинь его на дворъ! подальше!» раздался голосъ Лучанина.

— «Кого?» спросилъ Ольгердъ.

— «Круглеца, государь, черная смерть на немъ показалась!»

— «Черная смерть! Спасайся!» закричали почти всѣ; съ быстротою молніи вскочили на коней, кто на какого попалъ, и въ шумномъ безпорядкѣ, толкая другъ друга, не разбирая кто князь, кто бояринъ, кто женщина, кто латникъ, всѣ тронулись въ дорогу. Великая Княгиня очутилась на своей верховой лошади, но прочія женщины на мужскихъ сѣдлахъ, а князья и бояре на женскихъ; дѣти ѣхали на коняхъ, богатыри облепили и наполнили фуры. Не смотря на общую тревогу, не смотря

на громкія приказанія Ольгерда, который хотѣлъ возстановить какой-нибудь порядокъ, — площадь опустѣла. Ольгердъ, Кейстутъ и Цвиркунъ одни только сохранили спокойствіе; хотѣли даже войти въ замокъ; но съ одной стороны Лучанинъ остановилъ ихъ отъ опаснаго подвига: съ другой стороны крики Ульяны Александровны увлекли ихъ въ общее бѣгство. Медленно поѣхали они за бѣгущими; со страхомъ смотрѣли они, какъ мостъ едва не потопился подъ бѣглецами. Отъ пыли по Керновской дорогѣ стало темно, хотя утро разгаралось; солнце, какъ будто съ умысломъ медлило, не желая смотрѣть на печальный пиръ смерти.

Встало солнце. Нѣтъ, то было не солнце; какое-то рыжеватое пятно, безъ лучей, будто деревянное, запачканное донышко; около этого пятна сбѣжались прозрачныя тонкія облака, правильнѣе сказать, какой-то дымъ; солнце коптилось въ немъ пуще и пуще, а небо было чисто, ни тучи тяжелой, ни легкаго облачка; воздухъ—сухъ въ высшей степени. Въ тотъ день и въ предыдущіе на лугахъ росы не было. Люди легковѣрные утверждали, что наканунѣ они видѣли, какъ изъ лѣсовъ по Вильѣ и Виленкѣ толпой выбѣгали нечистые ихъ жители и бросались въ воду, а Дугны всю ночь пѣли, манили къ себѣ сосѣдей; нѣкоторые же слышали какъ литовскія русалки по-дружески объясняли сосѣдямъ своимъ, что черная смерть въ волны заходить боится, что тамъ она не проживетъ и дня. Народъ самъ себя слушалъ и вѣрилъ существенности собственныхъ вымысловъ; съ каж-

дымъ новымъ случаемъ смертности, бѣжалъ толпами къ Вильѣ и усердно купался. Позднее, осеннее время, хотя еще и безъ морозовъ, значительно охладило воду; у многихъ запавшія зерна заразы развернулись — и смерть сама и убивала, сама и хоронила мертвецовъ на днѣ рѣки. Мнѣнія быстро измѣнились; народъ облѣпилъ подошву замковой горы, просилъ пріюта, и разбѣгался, какъ только на комъ появлялись признаки страшной гостьи. Замковая гора, какъ извѣстно угловая; отъ нея по Вильѣ и по Виленкѣ идутъ высокія горы. Въ короткое время почернѣли ихъ вершины отъ людей и палатокъ. Зараза принимала виды всѣхъ великихъ несчастій; теперь она казалась потопомъ; спасенія чаяли только на мѣстахъ возвышенныхъ; а между тѣмъ городъ опустѣлъ; живой да здоровый въ обширной столицѣ остался только Лучанинъ, нѣсколько смердовъ изъ его городской дружины, которые не хотѣли уступить ему одному высокой чести умереть, помогая безпомощнымъ, да думныхъ старшинъ пятеро. Послѣдніе сидѣли на площади въ своихъ креслахъ; предъ ними стоялъ Іоссель, связанный по ногамъ и рукамъ; дьякъ читалъ наизустъ длинный списокъ погибшихъ отъ черной смерти и заключилъ, что, какъ сыскалось доправа, что Іоссель кликнулъ черную смерть изъ Полоцка; что она въ полномъ его разпоряженіи, бѣгаетъ на свистъ изъ конца въ конецъ; что Іоссель наслалъ ее на всѣхъ своихъ враговъ и соперниковъ (тутъ дьякъ прочелъ поименный списокъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ гостей и жидовъ) —

то городская дума, не имѣя возможности возвратить покойникамъ жизни, изгнать черную смерть изъ Вильны и водворить прежнее здоровіе и благоденствіе, долгомъ совѣсти своей находитъ предать зачинщика заразы примѣрной казни. А какъ онъ съ одной стороны злодѣй и убійца, а съ другой колдунъ, то и слѣдовало бы его предать двумъ казнямъ; но время дорого: зараза можетъ коснуться драгоцѣнную жизнь блюстителей городскаго благоденствія; посему, и въ слѣдствіе того, дума...»

Тутъ дьякъ остановился и глядѣлъ съ безпокойствомъ на калитку ратуши, откуда и всѣ старшины не сводили глазъ; наконецъ радостная улыбка пробѣжала по лицамъ, до того выражавшимъ и страхъ и опасеніе: изъ калитки, согнувшись, выползъ огромный человѣкъ безъ шапки и босой; на немъ была красная рубашка, красное исподнее платье, и кожаный поясъ съ мѣдными бляхами; руки у него были закинуты назадъ и держали что-то тяжелое. Этотъ рыжій мужичина медленно приближался къ Іосселю сзади, такъ что жидъ его не могъ замѣтить; когда онъ подошелъ къ Іосселю на три шага, дьякъ откашлялся и продолжалъ: «Потому и въ слѣдствіе того, дума положила казнить того злодѣя, убійцу и колдуна лишеніемъ головы, безъ остальнаго обряда; а обрядъ четвертованія и прочаго исполнить надъ нимъ по отходѣ черной смерти; для чего и трупъ того колдуна и злодѣя хранить въ большомъ подвалѣ, гдѣ снимаютъ головы, безъ удовольствія народнаго... А

посему...» Дьякъ и старшины кивнули головами на рыжаго; сѣкира высоко блеснула въ воздухѣ — голова Іосселя покатилась къ ногамъ старшинъ, во весь путь мигала и болтала языкомъ безъ звука... Ужасъ поднялъ старшинъ; они ударились бѣжать въ разныя стороны; дьякъ за ними; а рыжій, бросивъ сѣкиру, покойно пошелъ гулять по городу. Но только-что успѣлъ онъ выйдти изъ ограды, изъ ближайшаго дома выбѣжалъ сумасшедшій: онъ обхватилъ рыжаго за шею и просилъ спасти его отъ черной смерти. Рыжій бросился бѣжать; но сумасшедшій повисъ на немъ, вцѣпился зубами, обвилъ ноги ему за спину, и какъ аспидъ не отваливался. Въ испугѣ, не видя хорошо дороги, рыжій споткнулся и упалъ. Глядитъ: кругомъ мертвецы, одинъ на другомъ, будто дрова сложены. Напрасно рыжій кричалъ, призывалъ на помощь. То былъ длинный Нѣмецкій Конецъ; но по всей улицѣ только кучи труповъ, и ни одной живой души; а голосовъ въ отвѣтъ ему раздалось много, но всѣ эти голоса какъ будто выходили изъ могилъ: то были послѣдніе стоны издыхающихъ. Рыжій онѣмѣлъ отъ ужаса; молчитъ; а возлѣ слышитъ разговоръ, шагахъ въ трехъ: «Прощай!» — Прощай. «Молись...» Не могу, больно... Крѣпись! Ну, что, лучше? молчишь, что, умеръ уже?..» Отвѣта не было — и ближайшій захрапѣлъ. Рыжій, нѣсколько опомнясь, хотѣлъ-было встать, не тутъ-то было: сумасшедшій, уже мертвецъ, лежалъ на немъ и никакая сила не могла бы раздвинуть стиснутыхъ челюстей... Вдругъ изъ втораго жилья

въ простынѣ что-то съ крикомъ вылетѣло и расшиблось объ голову рыжаго: то была новая жертва заразы; зарыдалъ рыжій страшно — и духъ вонъ. По всему городу ставни были заперты, ворота завалены дровами и чѣмъ попало. Какъ будто струны безчисленныя какого-то волшебнаго инструмента, на тысячу ладовъ, по всѣмъ домамъ, раздавались стоны умирающихъ; а городъ былъ пустъ, покрытъ только мертвецами. Вдругъ крикъ живаго существа: отъ Троицкихъ воротъ бѣжала дѣвушка лѣтъ-десяти, одиннадцати; сарафанчикъ на ней былъ такой богатый, башмачки съ золотымъ шитьемъ; она куталась въ мѣховую кофточку, а сама кричала: «Умерли! умерли! всѣ умерли, куда я дѣнусь?.. Я замерзну...» И опять бѣгомъ, по большой улицѣ между труповъ извивается дѣвочка; куда ни взглянетъ — мертвецъ, ворота и ставни по всѣмъ дворамъ заперты; она все дальше, да дальше; то грѣется, то кричитъ. Добѣжала она до самаго замка — никого живаго не встрѣтила; хорошо, что не опоздала. Куда бы она дѣлась, если бы Лучанинъ успѣлъ запереть ворота? «Погоди!» закричала она: «Погоди, дѣдушка! Возьми и меня съ собою!..»

— «Ступай» сказалъ Лучанинъ, полагая, что это дочь кого-нибудь изъ придворныхъ; впустилъ гостью; и приказалъ запирать ворота. Заперли. Лучанинъ взялъ ключи и пошелъ запирать всѣ выходы и калитки; за нимъ его неотлучные и дѣвочка; послѣдняя порядочно промерзла, отстала и увидавъ на большемъ крыльцѣ отворенныя двери, бро-

слась въ хоромы; прошла она весь дворецъ до теремовъ, и тутъ, какъ на улицахъ, никого не было.

— «Что за чудо!» сказала она: «Да гдѣ же хозяева? И что за хоромы такія; большія, будто не на людей дѣланы; на порогѣ Роману Сергѣичу нагибаться не нужно. Вотъ эти на людское жилье похожи...» прибавила гостья, входя въ терема великой княгини: «Тутъ все по человѣчески, и спальня, и образная, и для бесѣды есть горенки; избытка много, да видно хозяева богаты.» Проходя тѣсный корридоръ, ведущій на дѣвичью половину, дѣвочка заслышала шаги и оторопѣла.

— «Пусти, пусти» кричалъ Ларчикъ; почти бѣгомъ несъ онъ кострюлю съ отварнымъ молокомъ: «Какъ тебя зовутъ?» спросилъ онъ, проходя мимо дѣвушки.

— «Наташей.»

— «Поищи же, душенька Наташа, кого нибудь изъ постельныхъ дѣвушекъ, да скажи, чтобы принесли двѣ, три перины; только бы намъ ознобъ прогнать, будетъ все хорошо...» Ларчикъ исчезъ.

— «Что это за чучело?» сказала Наташа. «Можетъ быть, это тѣ хоромы, что въ сказкѣ, а этотъ уродъ — Черноморъ... Ну, Наташа! было не радоваться, что мачиха умерла... Нажила ты вотчима. Э, да Романъ Сергѣевичъ говорилъ, что сказки. Не изъ окна же мнѣ выпрыгнуть, да и окна видишь какія, разнымъ цвѣтомъ заполдованы... Онъ туда, а я сюда; авось тутъ я и до выхода доберусь...»

Корридоръ въ этомъ мѣстѣ расходился; прямо велъ къ гостиной половинѣ, налѣво къ постельнымъ дѣвушкамъ; но и здѣсь Наташа не нашла никого; въ нижнемъ только жильѣ она услышала, что кто-то поетъ. Голосъ, женскій, пріятный; но особенно тихій и слабый. Наташа подошла, стала слушать, но ничего не понимала; то была литовская пѣсня, веселая, торжественная. Это ободрило Наташу; не обинуясь, она вошла въ комнату нѣвицы. Каково же было ея удивленіе, когда она нашла родильницу въ постѣли; возлѣ кровати красивая колыбель, въ родѣ качель, легко колыхалась; въ колыбели спалъ чуть видный ребенокъ...

— «Тише!» сказала Вундина по-русски: «тише! Гуго мой спитъ...»

— «Пусть его спитъ!... А мнѣ можно присѣсть, отдохнуть?»

— «Садись, пожалуй! Только если мой мужъ проснется...»

— «Твой мужъ? да гдѣ же онъ?»

— «Да вотъ спитъ... мой милый Гуго, моя любовь... Въ немъ два человѣка: и мужъ и сынъ... Боги! Какъ я счастлива, какъ благодарна!... Теперь мнѣ свѣтъ опять сталъ милъ... Напрасно мнѣ не позволяютъ встать, пойти во храмъ, принести жертву Лаймѣ.»

— «Что ты говоришь! какой Лаймѣ?...»

— «Да кто же пособилъ мнѣ такъ легко родить сына; не она ли, богиня наша, Лайма добрая.»

— «Такъ! Я угадала!» подумала Наташа: «По-

лась я къ старому колдуну и вѣдьмамъ... Дай Богъ ноги...»

И Наташа очутилась на корридорѣ; дальше не было пути; двери съ этой стороны были заперты; надо было возвращаться прежней дорогой. Нечего дѣлать, пошла Наташа; но чуть только поровнялась съ корридоромъ, ведущимъ къ гостиной, Ларчикъ выбѣжалъ оттуда и кричалъ «Наташа, Наташа!...»

— «Вотъ тебѣ разъ! Не забылъ меня, проклятый!»

Ларчикъ схватилъ ее за руку, потащилъ въ комнату, втолкнулъ, сказалъ тихо и скоро: «Наташенька, посиди, мой другъ у больной, я сейчасъ ворочусь...» и скрылся. Наташа оглянулась: передъ ней лежала на красивой постели бѣдная, но прекрасная дѣвушка; она была очень слаба, но уже покойна и въ памяти; видно было только одно лице, но это лице такое доброе, милое... Наташа ободрилась, подошла къ постели, нагнулась и спросила шепотомъ: «Что, но-лучше?»

— «Лучше!» отвѣчала Альдона и закрыла глаза отъ слабости...

— «Спи себѣ!» сказала Наташа: «Я тутъ у окна сяду. Позови, когда нужно.»

Сѣла у окна. Видъ прямо на Керновскую дорогу. Солнце тонуло, а край заката раскраснѣлся такъ ярко, такъ крѣпко, что ну да два. Не могла Наташа отвести глазъ отъ этого краснаго краишка небеснаго; стало и смеркаться. Люди напрасно держались на горахъ: и оттуда согнала ихъ смерть.

Нечего дѣлать, воротились въ городъ, розошлись по церквамъ, помолились, приготовились на смерть, и пошли убирать трупы. Солнце погасло. Обрадовалась смерть и запировала; но солнце, уходя, послало съ своего краснаго краишка добрый морозъ... И вышелъ Лучанинъ съ неотлучными изъ замка, и ободрились люди; и всѣ опять повалили по церквамъ благодарить Бога за спасеніе. Оно еще было далеко. Но Лучанинъ вѣдалъ спасительныя свойства мороза противу черной смерти и спѣшилъ ободрить народъ и очистить городъ отъ труповъ... Люди еще умирали, падали по улицамъ, кончались въ домахъ; но въ душѣ здоровыхъ уже сіяла надежда, видѣнъ былъ берегъ этого моря скорбей... Заутра и солнце взошло ужъ не такое... и морозъ держалъ, а къ ночи сталъ крѣпчать... На третій день и того пуще расходился холодъ;— прошла недѣля другая, и опять у всеночной во храмѣ Рождества Богородицы народъ со слезами возсылалъ благодарныя молитвы къ Престолу Всемогущаго. Зараза оставила Вильно и, какъ будто добрая весенняя птица, пошла дальше искать мѣстечка потеплѣе.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

ЭЙВАСЪ.

—

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ПРАЗДНИКЪ ИЛЬГИ.

Зимняя вьюга шумѣла въ лѣсу. Снѣгъ кружился, и свѣтъ Божій казался на аршинъ пространствомъ; дальше ничего не увидишь; не услышишь; только вѣтеръ перекликается... Въ небольшой избушкѣ, въ глуши завѣтнаго лѣса, сидѣлъ Альфъ; на небольшой скамьѣ лежала Сара. И мутны были глаза ея, а все смотрѣли на Альфа; и сухи были уста отъ тяжкаго недуга, но улыбка освѣняла ихъ. Альфъ смотрѣлъ въ окно, если можно такъ назвать отверзтіе, прорубленное на ладонь, не больше, въ бревнѣ, и заложенное деревянной рѣшеткой со стеклышками разнаго цвѣта; изба была покрыта конической крышей, весьма простаго устройства; вверху обручъ; къ нему привязанныя жерди опирались о стѣны; между жердей переплетены были вѣтви и солома. Въ обручъ, видно было небо, и падалъ снѣгъ; на полу, посереди избы, яма; въ ямѣ огонь; дымъ несло вверхъ, но иногда онъ возвращался и, волнуясь, плавалъ вокругъ крыши

и стѣнъ; большая грязь стояла на полу отъ растаявшаго снѣга, и постоянно прибывала, такъ что по угламъ показались лужи; съ середины пламя глотало снѣгъ, и тутъ было нѣсколько посуше. Сара лежала на скамьѣ на необдѣланныхъ шкурахъ волковъ и медвѣдей; покрыта такой же шкурой; ей было тепло; тѣмъ болѣе, что Альфъ былъ съ нею. Хозяинъ, съ ногъ до головы покрытый звѣриными кожами, покойно сидѣлъ у огня и стругалъ стрѣлы.

— «Чья это земля?» спросилъ Альфъ.

— «Не знаю,» отвѣчалъ хозяинъ по литовски.

— «А какъ же зовутъ это мѣсто, гдѣ ты живешь?»

— «Извѣстно какъ зовутъ: пуща, лѣсъ. Нашей пущи въ годъ не обойдешь; и по ту сторону *старика*, и по эту, все равно. Какъ одѣнется старикъ въ зимнюю шубу, да ляжетъ спать, такъ и дороги не знаешь. Теперь пока еще Нѣманъ не замерзъ, такъ куда хочешь проведу; направо: пуща подъ самыя Троки идетъ, налѣво — подъ нѣмецкія бойницы выйдешь; прямо къ морю можно пробраться. Правда, тамъ и поляны есть, скучно, да немного. Зимой славно; на большую охоту можно ходить. Вотъ еслибъ только мороза дождаться, а то эта вьюга только грязью наши пути покроетъ... Вотъ, унимается... Видно, богъ вѣтровъ завтракать пошелъ; не хотите ли и вы, гости? У меня есть медвѣжьяго мяса довольно; соленое; спасибо Рукису, сказалъ: что обозъ съ солью идетъ; добрый мѣшокъ я взялъ себѣ. Тяжелая ноша; а то бы еще мѣшокъ, два, такъ на всю жизнь хватило-бъ.»

— «А хлѣбъ у тебя ёсть?»

— «Бываетъ!.. Когда въ монастырь изъ Вильны хлѣбъ возятъ, такъ мы достаемъ. Теперь трудно стало. При обозахъ всегда латниковъ больше, чѣмъ кулей муки на телѣгахъ.»

— «Какой же здѣсь монастырь?»

— «Не знаю. Говорятъ люди: монастырь, такъ и я говорю; а то мнѣ какъ бы и знать?..»

— «А далеко?»

— «Нѣтъ! Если утромъ, вотъ какъ теперь, встанешь, да пойдешь, такъ до полудня тихой ходьбой доплетешься... Только, латникъ, тебѣ въ этомъ желѣзѣ по нашимъ путямъ не такъ-то ловко будетъ. Ступай лучше въ Троки. Тутъ дорога видная; только у Гиристиса на болотахъ, не совсѣмъ ладно; да если уноровишь такъ, что будешь днемъ проходить, такъ и Гиристисъ не тронетъ.»

— «Да кто же этотъ Гиристисъ?»

Дикарь посмотрѣлъ на Альфа сомнительно, и почесался въ затылкѣ, приподнимая медвѣжью голову.

— «Ты, видно, Нѣмецъ,» сказалъ Литвинъ съ неудовольствіемъ: «когда Гиристиса не знаешь. Это страшилище живетъ на лѣсныхъ болотахъ; любитъ спать, такъ ночью его не тронь... Ну, да если ты Нѣмецъ, такъ лучше ступай прямо къ старику; онъ тутъ у меня по сосѣдству, и день и ночь плыветъ. Только бы онъ тебя на ту сторону перекинулъ, тамъ пуща плѣшивая, озеръ много, людей мало, да все таки дорогу укажутъ; да и рѣками дойдешь. По Шешупѣ до Рагниты,

жетъ быть, тайно, можетъ быть, и съ дозволенія Князя, въ угодность старшему брату, святыя обители возникли подъ самымъ Ковномъ, такъ сказать, въ новой столицѣ литовскаго язычества, хотя еще Криве-Кривейто и держался въ Вильнѣ. Никакія усилія Латинцевъ не могли изгладить слѣдовъ православія въ пущахъ литовскихъ. Еще и теперь остатки Сурдецкаго монастыря, между Ковномъ и Вилкомиромъ, и другія подлинныя преданія и памятники свидѣтельствуютъ о прошедшемъ... Это отступленіе было потому необходимо, чтобы отдаленный звукъ колокола, въ глуши едва проходимаго лѣса, не сдѣлалъ и на читателя такого же впечатлѣнія, какое онъ произвелъ на Альфа. Благовѣстъ прервалъ незанимательную бесѣду; Альфъ вздрогнулъ, душа его заныла; звуки священные будто стучались, тѣснились въ сердце; усыпленныя воспоминанія взволновались, и буря душевная, отдохнувъ, поднялась съ новою силою...

— «Не сидѣть же въ этомъ лѣсу...» подумалъ онъ: «На что нибудь надо рѣшиться. Вьюга стихла, разгулялась погода; до монастыря не далеко; тамъ, можетъ быть, узнаю, гдѣ мы и что остается предпринять...»

— «Хозяинъ!» сказалъ Альфъ громко: «Вѣдь это звонятъ въ монастырѣ?..»

— «Въ монастырѣ.»

— «Видишь, хозяинъ: больной бы нужно достать того, сего...»

— «Такъ сходи и достань! Тутъ только одинъ оврагъ не надеженъ, а кругомъ далеко. Пойдешь

въ желѣзѣ — убьютъ; надѣнь мою шкуру — пропустятъ. Я старъ сталъ, а молодежь на меня не похожа. А тутъ кругомъ монастыря есть жильцы, обозы сторожатъ; а лучше, знаешь, возьми съ собой и больную; я и ей шкурку дамъ, мягкую шкурку; у меня въ ней жена и мѣсяца не ходила. Я васъ не гоню, да мое жилье для меня хорошо; а подъ монастыремъ и посадъ есть, — тамъ лучше.»

— «Пойдемъ, Альфъ,» сказала Сара, откинувъ съ себя медвѣдей: «можетъ быть, дотащусь...»

Дикарь одѣлъ обоихъ гостей по своему, схватилъ лукъ, стрѣлы, и всѣ трое вышли на небольшую площадку. Солнце было уже довольно высоко, растопило осенній снѣгъ; обнаженныя деревья толпились передъ глазами безчисленною толпою скелетовъ; казалось, они выползли изъ желтыхъ могилъ: то были кучи ихъ собственныхъ листьевъ. Ни дороги, ни вида, ничего не было примѣтно, небо, да паутина сухихъ вѣтокъ. Только на краю площадки стояла раскинутая скирда сѣна; изъ-за ней видны были рога въ безпрерывномъ движеніи.

— «Видишь!» сказалъ Литвинъ: «Незванный гость! Посмотрѣть, мой ли?..»

Не успѣлъ онъ сдѣлать трехъ шаговъ, молодой зубръ выскочилъ изъ-за скирды, и понесся между деревъ легко и красиво; но дикарь узналъ чужаго; стрѣла догнала вора, и зубръ ушелъ вмѣстѣ со стрѣлой.

— «Ну, кстати!» сказалъ Литвинъ: «я его знаю. Онъ уже не первую стрѣлу уноситъ. Жаль, что я поздно спохватился. Что ему моя стрѣлка? только

и добра, что кровь его до оврага насъ проводитъ. Видишь, латникъ, теперь вьюга листъ раскинула, всѣ тропинки затянула. Вотъ я свой уголъ какъ пять пальцевъ знаю, а безъ зубра бы запутался. О! зубръ — глупый звѣрь; онъ и раненый съ тропинки не собьется; если его до смерти прохватишь, такъ ужъ вѣрно найдешь, не затеряется; а другой звѣрь, хитрый, слѣдъ спрячетъ: и не угадаешь гдѣ легъ; а этого я знаю: онъ въ самомъ оврагѣ лежитъ, намъ по пути...»

И дѣйствительно, по слѣдамъ свѣжей крови путники достигли глубокаго оврага. Съ самой его глубины росли деревья, и качали своими вершинами у ногъ путниковъ. На другой сторонѣ, сквозь сѣтку деревъ, чернѣли зданія, но сколько, и какія разобрать было трудно. Надо было спускаться въ оврагъ. Литвинъ махнулъ Альфу рукой, и пошелъ внизъ; поддерживая Сару, пошелъ и Альфъ. Чѣмъ глубже спускались путники, тѣмъ становилось темнѣе; въ самой глубинѣ оврага, надъ мертвымъ зубромъ, стояло нѣсколько человѣкъ въ такомъ же костюмѣ, какъ и нашъ новый знакомецъ. Увидѣвъ его, Литвины схватились за мачуги. Проводникъ остановился, прекинулъ лукъ, наложилъ стрѣлу, и стоялъ неподвижно.

— «Пербуттъ!» закричали Литвины: «Признавайся; ты убилъ зубра?»

— «Пускай чужаго сѣна не ѣстъ! Одна скирда была, и ту разбросилъ. У меня только два ручныхъ зубра, да и тѣхъ теперь кормить не чѣмъ... Коли вы люди добрые, такъ воротите!»

— «Что, Пербуттъ, мы бы тебѣ твое сѣно воротили; а тебѣ что̀ стрѣлой шалуна отгонять; вѣдь покойный молодъ былъ.»

— «Поди, угадывай: свойскій или дикій, сосѣдскій или изъ чужаго мѣста, а сѣна нѣтъ!..»

— «Прости, Пербуттъ, прости; сѣно отдадимъ, а ужъ убитаго вмѣстѣ съѣдимъ! И праздники какъ будто нарокомъ начнутся сегодня ночью...»

— «Ужъ будто Ильги на дворѣ... Кажется еще не такъ поздно...»

— «Эхъ Пербуттъ! Когда зубръ станетъ чужое сѣно ѣсть, видно зима уже за Нѣманомъ. Ну, Пербуттъ, такъ ты съ нами?»

— «А вы гдѣ?..»

— «Да гдѣ? До самой Ильги далеко; намъ Криве не нужно; такъ мы на Нѣманѣ, въ Пещеркахъ собираться будемъ... А ты куда теперь, Пербуттъ?..»

— «Въ монастырь!»

— «Не ходи!»

— «А за чѣмъ?..»

— «Туда сегодня Нѣмца привели. Какъ знать: за Нѣмцемъ Нѣмцы придутъ. Да еще что, отъ окружнаго Криве палку носили, чтобы сегодня вечеромъ собираться у Краснаго Дуба: служба будетъ.»

— «Какая служба?»

— «Да видишь, изъ Полунги въ Вильну будутъ украденную вайделотку везти, такъ не знаю, что̀ тамъ Криве укажетъ...»

Альфъ вздрогнулъ: сердце его отгадало о комъ рѣчь идетъ. Онъ сталъ разспрашивать Литвиновъ

о дальнѣйшихъ подробностяхъ; но они ничего не знали. Нечего дѣлать, надо было идти въ монастырь, гдѣ онъ надѣялся получить болѣе точныя извѣстія. Пошли. Дорога шла косогоромъ; болѣе часа надо было подыматься на высоты, гдѣ стоялъ, также въ лѣсу, небольшой монастырь, впослѣдствіи прозванный Кронскимъ. Пербуттъ показалъ рукою на небольшую кучу разнородныхъ зданій и сказалъ: «Вонъ тамъ! Ну, теперь прощай, гость! Если тебѣ мои шкуры не понадобятся, такъ положи ихъ у Краснаго Дуба; и если тамъ кого найдешь, накажи отдать ихъ Пербутту... Прощай!»

И Пербуттъ съ особенною быстротою пустился цѣликомъ въ оврагъ. Путники благодарили его напрасно: онъ исчезъ, и Альфъ съ Сарой пошли къ монастырю.

Небольшая деревянная церковь, около нея шесть деревянныхъ домиковъ, высокая ограда, закрывавшая всѣ зданія съ крышами — вотъ и весь монастырь. А посадъ состоялъ изъ небольшой улицы въ десять, двѣнадцать домовъ, да во столько же пепелищъ. Передъ посадомъ небольшой копаный ровъ и валъ. По бокамъ засѣки изъ огромныхъ деревъ, такъ что, не смотря на деревянную стѣну, монастырь былъ достаточно укрѣпленъ, не разъ сопротивлялся онъ и нѣмецкимъ завоеваніямъ. А когда сила непріятельская приходила въ большомъ числѣ, иноки, со всею прислугою и мірянами, какіе были въ монастырѣ, уходили въ лѣсъ, и на старомъ пепелищѣ опять строили и храмъ Божій и обитель. Въ этотъ разъ на монастырскомъ посадѣ было

много людей; всѣ стояли на улицѣ. Черезъ ровъ положены были мостки, такіе плотные, что по нимъ могли проходить и лошади. Гости были великокняжескіе латники; хозяева русскіе старцы-молельщики, которые, по обѣту, держались при монастырѣ въ самомъ опасномъ мѣстѣ. Ни кто не обратилъ никакого вниманія на нашихъ путниковъ. Когда они подошли къ собесѣдникамъ, Латникъ размахивалъ руками и разсказывалъ, какъ Великій Князь бѣжалъ отъ черной смерти изъ Вильна; какъ Великая Княгиня пріѣхала въ монастырь Евейскій и тамъ осталась на Богомольи; а Великій Князь, отъ нечего дѣлать, и чтобы не держать дружины въ одномъ мѣстѣ, отправился на охоту, на прусскія болота.

— «Потѣха потѣхой:» продолжалъ латникъ: «а тутъ и дѣло приключилось. Вернулись мы изъ-подъ самаго большаго озера; по ту сторону Нѣмана, — весна, лѣто; зимы и не слышно; подъ вечеръ достали мы языка, что Нѣмцы на нашей сторонѣ охотятся. — Что за причина? — говоритъ Князь; Подъ монастыремъ теперь наша дружина должна стоять. Давай мы держать на Кроны; переправились ночью; почуяли слѣдъ, ударили; — Нѣмцы разбѣжались, а главнаго, хоть этого, и захватили. Великій Князь поѣхалъ въ Еве, оттуда, вмѣстѣ съ Ульяной Александровной, въ Ковно отправится, а намъ велѣно одать плѣнника отцу игумену въ Кронахъ, да за нимъ въ Ковно поспѣшать. Вотъ тебѣ и охота! Славнаго звѣря поймали! Ну, прощайте, братцы! Глядите, чтобы лисица не ускользнула. Да если

что и про бѣглеца услышите, такъ давайте знать въ Троки и въ Ковно. Говорятъ, есть слѣды, будто онъ къ Нѣману норовитъ; знать, опять къ Нѣмцамъ пробирается... Ну, прощайте! прощайте! — и почти все народонаселеніе посада проводило великокняжескихъ латниковъ до мостковъ. —

— «А вамъ что нужно» спросилъ крѣпкій мужикъ, въ красной русской косулѣ, съ окладистой бородой и съ кистенемъ за поясомъ.

— «Пристанища и пищи!» отвѣчалъ Альфъ смиренно.

Мужикъ посмотрѣлъ на него сомнительно: дикари литовскіе никогда не приходили въ монастырь искать пищи и пристанища; напротивъ, они грабили монастырскіе обозы и молельщиковъ. Раза два, во время трудной зимы, когда нельзя было нигдѣ хлѣба промыслить, они бросились на монастырь толпою, и только одна бодрость иноковъ, посадскихъ жителей и укрѣпленія спасли святыню отъ конечнаго разрушенія жильцовъ отъ вѣрной смерти. Въ пущахъ литовскихъ были и пашни, и обработывались довольно хорошо, но весьма въ ничтожномъ числѣ; и тѣ, по близости къ непрерывному театру войны, рѣдко давали зрѣлый плодъ. Литовское хлѣбопашество, болѣе безопасное на мѣстахъ разчищенныхъ отъ лѣса, начиналось отъ Вилкомира и простиралось болѣе на востокъ, къ Полоцкому и Витебскому удѣламъ. Не смотря на близость крѣпостей, жители пущъ по Нѣману и по другимъ рѣкамъ промышляли звѣриною ловлею и грабежемъ. Не умѣли они просить милостыни, и

Пещерка, русскій мужикъ, сотникъ на кропскомъ посадѣ, тотчасъ смѣкнулъ, что пришельцы не дикари литовскіе, что они или бѣглецы, или соглядатаи, и тотчасъ крикнулъ на своихъ: «Чего зѣваете? Мостки долой! — А вы ступайте за мной къ игумену.»

— «Я не пойду» сказала Сара по-литовски Альфу: «Ты знаешь, мнѣ нельзя.»

— «Такъ пусть обождетъ у воротъ,» сказалъ Пещерка: «съ нашими молодицами; онѣ вонъ сюда собираются, а мы пойдемъ. Пропусти, привратникъ!»

На тѣсномъ собственно монастырскомъ дворѣ стояли небольшія деревянныя кельи. Въ одной жилъ игуменъ Варлаамъ; на крыльцѣ у него стоялъ латникъ на стражѣ; въ сѣняхъ, на скамьѣ, сидали еще три латника, а въ кельи отецъ игуменъ, инокъ Виленскаго Троицкаго монастыря Несторъ, духовный отецъ двухъ покойныхъ Великихъ Княгинь и рыцарь.

— «Вотъ, святой отецъ,» сказалъ Пещерка: «говоритъ по-русски, а одѣтъ дикаремъ. Проситъ пищи и пристанища, а по лицу его, и молодицы, которую онъ съ собой привелъ, надо быть онъ не того рода-племени... Несторъ привсталъ, осѣнилъ рукою глаза, и сказалъ тихо: «Это Альфъ, тотъ бѣглецъ, что ищутъ... Еще плѣнникъ! Садись съ нами до указа... А ты, Пещерка, прибереги молодицу: можетъ быть, и она бѣглянка, чтобы намъ не отвѣчать за нее Великому Князю. Садись, Альфъ, съ нами. Вотъ мы съ Нѣмцемъ

хотимъ поговорить; ты его языкъ вѣдаешь; скажи Нѣмцу, что ему никакого зла не будетъ; скажи, что онъ въ христіанской обители: онъ что-то не совсѣмъ веселъ...»

Рыцарь Кранихфельдъ, начальникъ конвента въ Растенбургѣ, былъ родной дядя несчастнаго Гуго, котораго Эйвасъ сжегъ живаго на радость боговъ литовскихъ. Не удивительно, что рыцарь былъ не веселъ. Ему представилась возможность подвергнуться такой же участи, и смертная блѣдность не сходила съ выразительнаго лица. Онъ примѣчалъ за всѣми движеніями иноковъ; старался вслушаться и угадать смыслъ ихъ рѣчей; безпрестанно поглядывалъ на двери, откуда ожидалъ ужасныхъ тилуссоновъ и лингуссоновъ. Положеніе Альфа было также незавидно: послѣ продолжительнаго и опаснаго путешествія съ Полоцкой, отовсюду открытой, дороги, ему удалось пробраться черезъ Ковнарскія горы, на троцкій путь; въ лѣсахъ находить пристанище у дикарей; счастливо скрываться съ больною спутницей, спасенной имъ изъ рукъ черной смерти; утонуть въ пущѣ, и ужъ видѣть мету своего путешествія, бойницы орденскія... и вдругъ — въ тихой обители иконовъ, въ глуши, куда, казалось, былъ путь только дикарю, да птицѣ — найти великокняжескихъ латниковъ и Нестора, духовника Ольги, жены Гедымина и покойной Маріи Витебской, которому были извѣстны всѣ лица и тайны виленскаго двора. — Мысль передаться рыцарямъ, съ ихъ помощью овладѣть Полунгою, и, во что бы то ни стало, Бирутой —

не оставляла Альфа ни на одно мгновеніе. Слухи въ оврачѣ кронскомъ еще болѣе заставляли его торопиться съ какимъ-то неопредѣленнымъ намѣреніемъ. Онъ и самъ не зналъ, въ чемъ это намѣренье заключается, но стремился, бѣжалъ къ своей цѣли всѣми способностями души и сердца... И вдругъ... онъ плѣнникъ двухъ дряхлыхъ иноковъ... и нѣтъ пути къ спасенію, къ бѣгству!! Мысли его волновались; онъ не слышалъ, что говорилъ ему Несторъ; глядѣлъ въ землю, заломивъ руки; только лицо выражало душевную жестокую бурю. —

Несторъ повторилъ свою просьбу, и Альфъ очнулся.

— «Мнѣ утѣшать рыцаря, когда я самъ на краю погибели?» сказалъ онъ. «Я не знаю, какія права имѣетъ Великій Князь на меня. Воспиталъ меня? Будто я объ этомъ просилъ? Говорю вамъ правду, честные отцы: бѣгу въ отчизну! Бѣгу въ городъ, гдѣ я родился. Никто не долженъ держать меня; тотъ грѣшитъ, кто останавливаетъ меня на пути къ спасенію.»

— «Не наше дѣло!» отвѣчалъ Несторъ: «не наше дѣло! Мы исполняемъ волю нашего государя, а объ остальномъ не заботимся. Не хочешь оказать христіанскаго подвига; не хочешь сказать слово утѣшенія испуганному брату, тебѣ же хуже...»

— «Не вѣрьте, рыцарь,» сказалъ Альфъ по-нѣмецки: «не вѣрьте ихъ словамъ. Васъ ждетъ, какъ и меня, тяжкая неволя. — Руки у насъ не связаны,.. постараемся уйти... Но, рыцарь, ма-

лѣйная съ вашей стороны неосторожность, оплошность — и мы погибли... Я начинаю мой подвигъ...» И Альфъ сбросилъ свои шкуры...

— «Давно бы такъ!» сказалъ Несторъ, полагая, что Альфъ сталъ располагаться на покой; но Альфъ отворилъ двери въ сѣни, и сказалъ латникамъ повелительно:

— «Войдите! Возьмите и свяжите рыцаря! Проворно!»

Латники, поставивъ къ стѣнкѣ копья, бросились, на рыцаря; Альфъ схватилъ копья. «Назадъ» закричалъ онъ. Изумленные латники остановились; легко перебросилъ Альфъ копье рыцарю, и оба плѣнника бросились на своихъ стражей. Бой не продолжался и мгновенія; одинъ латникъ палъ мертвый; другіе два хотѣли было бѣжать, но Альфъ остановилъ ихъ на порогѣ. «Отдай мечи!» кричалъ онъ и оглушенные воины повиновались... Вооруженные мечами и копьями, Альфъ и рыцарь вышли изъ кельи; ихъ провожалъ инокъ Несторъ; онъ выпрямился, выросъ и остановясь на порогѣ, сказалъ громовымъ голосомъ: «Горе осквернителямъ святой обители! Горе!»

Альфъ обернулся, и съ невольнымъ страхомъ посмотрѣлъ на грознаго старца; Несторъ повторилъ свое страшное напутствіе. Альфъ поблѣднѣлъ, но въ это время Кранихфельдъ поймалъ привратника, который заперевъ ворота, хотѣлъ скрыться. Опасность остаться въ заперти, пока не соберутся на помощь, возстановила бодрость Альфа; оба вышли на посадъ, гдѣ по всей улицѣ поднялась

суматоха; бабы во всю мочь кричали: жидовка! жидовка! Мужчины снимали съ Сары запястье дорогой цѣны; обрывали жемчугъ съ платья, отстегивали обручни. Но Альфъ и рыцарь явились— и весь посадъ разбѣжался. Некогда и опасно было отнимать назадъ клейноды ограбленной Сары; надо было спѣшить воспользоваться всеобщимъ изумленіемъ, тѣмъ болѣе, что уже изъ воротъ монастыря выходили вооруженные иноки и латники. «Мостки!» закричалъ Альфъ, но повиноваться было некому, и Альфъ самъ перебросилъ одну доску, по которой всѣ трое вышли изъ Кронъ. Продолжать путь по Кронской дорогѣ было опасно, потому что нельзя было сомнѣваться, что иноки не упустятъ преслѣдовать утраченныхъ плѣнниковъ; одно спасеніе — опять опуститься въ оврагъ; но это опасное путешествіе требовало привычки, и немалаго искуства. Опасность замѣняетъ и то и другое, и всѣ трое, какъ будто условясь, вскрикнули: въ оврагъ!.. Цѣпляясь за деревья, помогая другъ другу руками и копьями, путники, по счастію, наткнулись на явственную тропинку. Но радость и печаль сосѣдки. Не успѣли они сойти въ глубину оврага и поворотить по предполагаемому направленію къ Нѣману, солнце коснулось западныхъ горъ; еще полчаса пути — сумерки... Еще небольшой переходъ — и глубокая ночь застигла ихъ въ самой густотѣ и глуши кронской пущи... Они остановились по необходимости. Учтивый рыцарь окуталъ Сару плащемъ своимъ, и ужъ неизвѣстно почему, безпрестанно

поправлялъ его; не смотря на то, только что оздоровѣвшая Сара, отъ испуга, непомѣрныхъ трудовъ путешествія и голода, съ трудомъ могла передвигать ноги, и вся дрожала отъ холода. Положеніе путниковъ каждую минуту становилось болѣе и болѣе опаснымъ и невыносимымъ. Вдругъ не вдалекѣ послышались голоса, потомъ блеснуло между деревъ пламя; оно разгоралось болѣе и болѣе, поднялось высокимъ столбомъ, и освѣтило толпу мужчинъ и женщинъ въ разнообразныхъ одеждахъ... Приближаясь къ огню, путники услышали звуки различныхъ инструментовъ; толпа зашевелилась; почти всѣ собесѣдники стали плясать. Мѣстность была истинно живописна: небольшая поляна, съ трехъ сторонъ окруженная лѣсомъ, скатывалась къ Нѣману отлогимъ берегомъ; волны старика — Нѣмана сверкали отблесками отъ огненнаго столба; на лодкахъ, или, лучше сказать, на выдолбленныхъ бревнахъ съ той стороны прибывали гости, бо́льшею частію въ звѣриныхъ необдѣланныхъ шкурахъ; немногіе въ порядочныхъ шубахъ и русскихъ мѣховыхъ шапкахъ. — По серединѣ поляны возвышался огромный дубъ; на его вѣтвяхъ, висѣли глиняные кувшины, деревянные сосуды, кули, и цѣлые битые звѣри и птицы малаго и большаго формата. Бѣдные наши путники попали изъ огня да въ полымя. Выйти — значило погибнуть; уйти — не куда; оставаться на мѣстѣ — невыносимо.

— «Послушайте, рыцарь!» сказалъ Альфъ: «не трогайтесь съ мѣста: вы не знаете литовскихъ

обычаевъ. Нѣмецъ, свидѣтель ихъ праздника — долженъ проститься съ жизнью и костромъ своимъ освѣтить ихъ дикую радость... Дайте мнѣ вашъ шлемъ! Меня не тронутъ, я васъ выручу, а вы за то поберегите мою Сару...»

Сказано, сдѣлано. Съ крикомъ бросились Литвины на Альфа.

— «Смирно!» закричалъ онъ по литовски. «Я къ вамъ пришелъ Ильги править; гдѣ Криве?..»

Литвины не отвѣчали Альфу, подхватили на руки и понесли къ дубу. Тамъ было раскинуто нѣсколько войлоковъ, составлявшихъ почетныя мѣста для старѣйшихъ гостей. Наступила мертвая тишина.

— «Садись, князь!» сказалъ литвинъ: «я тебя знаю: видалъ я тебя съ Кейстутомъ подъ Олитой; ты славно сражался. Знаю я и это солнце, что у тебя на груди: это образъ Сотвароса. Ты Литвинъ, ты солнце знаешь и чествуешь, — все вѣдаю. Ну, садись, садись! Спасибо за то, что своимъ народомъ не брезгаешь!.. Вотъ такъ! Пива князю!..»

— «Послушай, товарищъ! У меня въ лѣсу добыча осталась» сказалъ Альфъ, возвысивъ голосъ до такой степени, чтобы спутники могли его слышать: «Рыцарь нѣмецкій. У него ни шлема, ни меча, ни коп[illegible]» Рыцарь понялъ и далеко отбросилъ свое оруж[illegible]е. Альфъ продолжалъ: «Да знаешь, товарищъ, ес[illegible] тамъ еще и молодецкая добыча, красная дѣвуш[illegible]а, да не хотѣлъ я ихъ сюда вести, чтобы в[illegible]ъ не обидѣть; хотѣлъ прежде спроситься, а то [illegible]уда мнѣ ихъ дѣвать?..»

— «Давай ихъ сюда! Когда плѣнники, такъ пусть и сидятъ у ногъ того, кто ихъ полонилъ. Гдѣ они?»

— «Погоди, товарищъ, дѣвушка у меня отъ дороги измаялась; такъ ужъ лучше я ихъ самъ приведу, когда позволите!»

— «Вольно, вольно!» кричалъ народъ, провожая Альфа. Рыцарь и Сара вышли къ нему на встрѣчу; раздались побѣдные крики Литвиновъ, при видѣ такой знатной добычи. Альфъ со своими плѣнниками усѣлся подъ дубомъ у огня. Сару опять покрыли кожами, напоили пивомъ и все предалось пѣнію и пляскѣ. Возлѣ гостей ни кого не осталось, и они спокойно могли разговаривать.

— «Какъ вы меня поняли?» спросилъ Альфъ, нагнувшись къ рыцарю.

— «Слава Богу! Не первый годъ я начальникомъ конвента въ Растенбургѣ. Я сижу въ моей крѣпостцѣ между озеръ и болотъ, какъ утка; дѣла никакого не бываетъ, да и быть не можетъ. Кто пойдетъ къ намъ? Тогда какъ повыше насъ дорога на Истербургъ и Королевецъ и суха и представляетъ больше соблазнительной добычи. Отъ скуки, хожу во всѣ стороны на охоту; языкъ дикарей понимаю, хотя и говорить не могу; но оставимъ это. Позвольте узнать, кому я обязанъ освобожденіемъ?»

— «Случаю, какъ и плѣномъ...»

— «Что правда, то правда! Пробирался я на Невяжу, хотѣлъ достать Эйваса, старика, кото-

рый сжегъ моего племянника; а наѣхалъ на всю дружину короля Ольгерда. Третій разъ я пытаюсь добраться до Эйвасова городка; я почти угадываю, въ какихъ лѣсахъ стоитъ этотъ городокъ; но каждый разъ долженъ возвращаться съ пустыми руками: то рѣки помѣшаютъ, то наткнусь на сильные отряды; неудача, да и полно... А вы какъ располагаете?»

Альфъ горько улыбнулся и отвѣчалъ: «Къ вамъ, рыцарь, къ великому магистру; вся моя печаль — эта дѣвушка. Если бы мнѣ удалось ее пристроить, оставить въ безопасномъ мѣстѣ, на хорошихъ рукахъ, тогда бы я такъ долго не задерживался въ дорогѣ... а то...»

— «Я не фанатикъ,» замѣтилъ Кранихфельдъ съ улыбкой: «оставьте ее у меня въ Растенбургѣ, я ее приберегу и упокою...»

Добрый рыцарь!... Въ это время пляска кончилась, и всѣ бросились къ дубу: срывали пищу и напитки и обширнымъ станомъ усѣлись вокругъ огня. Работа шла успѣшно: одни жарили мяса, другіе пекли лепешки; но все это производилось въ величайшей тишинѣ... Простой буртникъ, литовскій трубадуръ, взялъ какой-то инструментъ, въ родѣ гуслей: звуки сладкіе покатились, какъ волны Нѣмана; надъ буртникомъ стояли двѣ бурты съ цитрами; возлѣ нихъ усѣлись мальчишки съ погремушками и бубенчиками. Музыка усиливалась, народъ стѣснялся къ пѣвцамъ.

Тотъ же [redacted]твинъ, который привѣтствовалъ Альфа и вообще игралъ роль старшаго, всталъ съ

своего мѣста, приподнялъ свою звѣриную голову, служившую ему шапкой, и сказалъ:

— «Дѣти! наступили долгіе наши праздники; Ильги веселые, двухнедѣльные, Ильги досужные: никто не смѣй работать; пируй; сварилъ пиво — пей и подчивай; не сварилъ — пей и благодари; а все таки пей; станетъ нѣмецкаго ячменя на литовское пиво, только не лѣнись у Нѣмца изъ-подъ носа снопъ воровать; а спряталъ Нѣмецъ хлѣбъ подъ замокъ, такъ помни, что и желѣзо можно сломать; ломай!..»

— «Ай да Курко! Дядя Курко! учи, учи!» кричалъ народъ...

— «Хвались!» закричалъ Курко. Первый всталъ Пербуттъ и также, приподнявъ самодѣльную свою шапку, сказалъ: «Куль соли, сорокъ кулей муки, да немолотаго хлѣба съ товарищами два добрыя поля, весь снопъ унесли...»

— «Ай да Пербуттъ!» опять кричалъ народъ.

— «Хвались!» Всталъ буртиникъ и, напѣвая, сказалъ:

— «У великаго магистра, въ золотыхъ палатахъ, въ славномъ градѣ Маріенбургѣ, забавлялъ я Нѣмцевъ. И когда виномъ и медомъ омрачились Нѣмцы, я унесъ у нихъ три чары и мечей десятокъ!»

— «Хвались, да не ляги!» прервалъ Курко.

Буртиникъ продолжалъ:

— «Чары здѣсь, блистаютъ златомъ, хитрою насѣчкой и, сверкая, будто просятъ меда золотаго...»

И въ самомъ дѣлѣ, въ рукахъ его и двухъ буртъ блеснули нѣмецкія чарки; народъ взволно-

вался, съ любопытствомъ разсматривалъ сосуды и кричалъ:

— «Меду, меду!»

Буртиникъ продолжалъ:

— «Ой вы, мечи мои, гдѣ мнѣ рукъ набрать, по мечамъ такимъ? Пузыри мои, недоростки рыжики, вы мои прихвостники, дайте князю зрѣлище, на мечахъ на тѣхъ, что въ крови Литвы родной, — искупались въ волю...».

Мальчики, окружавшіе буртиника, бросили свои бубенчики и погремушки, вскочили и, вынувъ изъ небольшаго деревяннаго ящика, съ кожанымъ ремнемъ, десять мечей — съ трудомъ подняли ихъ вверхъ. Восторга народнаго описать невозможно; окрестность исполнилась неистовыми криками, самые дикіе подбѣгали въ бѣшенствѣ къ дубу, становились противу рыцаря и, глядя на него, дико хохотали. Буртиникъ сѣлъ на свой ящикъ вмѣстѣ съ буртами и хлѣбалъ медъ изъ нѣмецкой стопы, куда усердные то и дѣло подливали кто меду, кто пива. Заигралъ буртиникъ; волненіе стихло; мальчики воткнули мечи въ землю и такимъ образомъ сдѣлали около буртиника родъ ограды, схватили свои инструменты и усѣлись. Настала тишина, и Курко сказалъ Буртинику:

— «Какъ тебя зовутъ, гость дорогой?»

— «Разно[redacted]. Каждый день иначе!»

— «А сего[redacted]я какъ?»

— «Сегодня — старикъ Нѣманъ. Вотъ бурта, что напра[redacted], Нерисъ (Вилья), а та, что налѣво и помень[redacted] — Вельна (Вилейка), а эти на-

луны — ручейки игривые. Любо намъ на земли родной ходить богатырской поступью! Пѣсню, жены мои! пѣсню, дѣти мои!»

И всѣ инструменты загремѣли, складно, ладно, весело, будто на войну цѣлая земля идетъ; проиграли, проиграли, да и давай пѣть:

НЕРИСЪ.

Здравствуй, Велна, что весною
Птицы щебетанье.

ВЕЛНА.

Здравствуй, Нерисъ, что у дѣвы
Око голубое.

НЕРИСЪ.

Какъ приду къ тебѣ, о, Велна...
Вся повеселѣю;
Разыграюсь и разброшу
Косу голубую...

ВЕЛНА.

Какъ съ горы тебя завижу,
Говоръ твой заслышу,
Рою сердце горъ высокихъ
И тебя цѣлую...

ОБѢ.

Поцѣлуемся же, Велна,
Нерисъ голубая,
Вмѣстѣ жить намъ, выйти замужъ
За того жъ Литвина...

РУЧЬИ ХОРОМЪ.

Изъ озеръ, болотъ завѣтныхъ,
Изъ лѣсовъ дремучихъ,
Гей! на свадьбу подымайтесь,
Свадьбу рѣкъ литовскихъ!

НѢМАНЪ.

Велики мои объятья,
Безконечно ложе;
И Шешупа и Невяжа,
Юра и Дубисса...
Много женъ въ моемъ чертогѣ;
Всѣхъ милѣе Нерисъ...
Приходи скорѣй съ сестрою,
Съ быстроногой Вельной...

НЕРИСЪ.

Я того Литвина знаю...
Тихій, гладко-лицый,
Онъ давно объ насъ прослышалъ
И стоитъ подъ Ковномъ.

ВЕЛЬНА.

Ой, и я Литвина знаю,
Что насъ ждетъ подъ Ковномъ.
Онъ продастъ отчизну Нѣмцамъ —
И Литва погибнетъ.

НЕРИСЪ.

Прежде въ мать сыру зароюсь,
Вся сольюсь въ колодцы,
А косы моей хрустальной
Нѣмецъ не коснется.

ВЕЛЬНА.

Я всосусь въ твердыни Нѣмцевъ,
Загнію въ колодцахъ,
Испарюсь заразой черной —
И погибнутъ Нѣмцы...

РУЧЬИ ХОРОМЪ.

Гей вы, змѣйки водяные,
По[illegible] ногой Нѣмецкой,
Разливайтесь синимъ моремъ,
Хрустальнымъ льдомъ ломайтесь!

—

Тутъ буртиникъ сорвалъ со струнъ дикія раззвучія. Бурты сѣли; мальчишки затихли. Пѣвецъ устремилъ взоры на волны Нѣмана, отражавшія огненный столбъ въ безчисленныхъ переливахъ. Буртиникъ долго смотрѣлъ на Нѣманъ; пальцы, окостенѣвъ, стояли на гусляхъ, уста раскрылись, какъ будто пѣвецъ слушалъ, что ему говоритъ Нѣманъ. Вдругъ онъ тряхнулъ головой съ довольной улыбкой, пальцы ожили и понеслись по струнамъ; въ этихъ звукахъ будто слышалось величественное шествіе какихъ-то неопредѣленныхъ массъ. Не угадать, буря ли собирается въ этихъ звукахъ, или идутъ огромныя войска. Струны притихли, будто волны полились плавно, будто сельскія пѣсни поютъ на берегу большой рѣки; Буртиникъ остановился, посмотрѣлъ на Нѣманъ, спросилъ значительно: «Помнишь?» И началъ разсказывать нараспѣвъ, подъ легкое сопровожденіе гуслей:

«Помнитъ Нѣманъ да Невяжа, Дубисса да Юра,
Помнитъ синее море да холмы, дѣти морскіе,
Тучи земныя — лѣса, и тучи небесныя помнятъ, —
День тотъ печальный, котораго люди помнить не могутъ...
Три дни Нѣманъ по льду шелкалъ бичемъ; три дни эхо,
Варпелисъ чуткой, бѣдой по окрестнымъ лѣсамъ откликался.
Топотъ коней, и стукъ и грохотъ бойницъ переносныхъ,
Боги вѣтровъ на крылахъ, по всей по Литвѣ разносили...
Нѣмцы валились на бѣдную Жмудь несмѣтной толпою.
Дубы и сосны высокія, гдѣ какой лѣсъ ни встрѣчался,
Просѣкой падалъ, и твердымъ путемъ подъ Нѣмцевъ ложился...

Стала бѣдная Жмудь подъ нѣмецкимъ мечемъ и закономъ!!
Всѣ разошлись, и сѣли въ глуши, какъ утки въ болотахъ.
Нѣмецъ Литвина искалъ, и стрѣлялъ какъ дикую птицу;
Гнѣзда ихъ псами слѣдилъ; на женъ и дѣтей ставилъ сѣти;
Ночью пожаромъ пугалъ, или шумомъ военнаго рога...
Въ страхѣ, въ тенета бѣжали невинныя дѣти и дѣвы!
Нѣмецъ загагивалъ сѣть, и тащилъ на притонъ свой добычу;
Тамъ разбиралъ: кого для послуги, кого для забавы
Старшимъ въ подарокъ, кого на продажу на прусскіе рынки.
Встали на жмудскихъ холмахъ латинскія гнѣзда изъ камня,
Каждое съ душной темницей, мрачной, какъ память злодѣя...
Тамъ безполезныхъ старцевъ и дѣвъ непокорныхъ
Рѣзали каждую ночь, слабѣйшихъ насильно крестили...
Утромъ изъ черныхъ твердынь съ людьми подымались обозы:
Два или три сорока Литвиновъ свяжутъ веревкой,
Сзади латникъ нѣмецкій щелкаетъ длинною плетью,
Гонитъ, какъ стадо... Поодаль ѣдетъ дружина... Подъ вечеръ
Стадо загонятъ въ гнѣздо, а утромъ снова въ дорогу...
Такъ отъ гнѣзда до гнѣзда, пока до Пруссъ не догонятъ...
Холодно стало. Морозъ по утрамъ выбѣгалъ на дорогу,
Молодъ, рѣзовъ, игралъ, испытывалъ свѣжую силу.
Вышелъ онъ [illegible]ажъ и видитъ: тащится стадо Литвиновъ.
Дай поиграю съ прохожими... тихо подкрался къ Гедету
И укусилъ за босыя, но благородныя ноги...
Тотъ Гедетъ [illegible] богатырь; нѣмецкія головы въ полѣ
Отъ колотил[illegible] какъ орѣхи; но соннаго Нѣмцы поймали.
Больно стало [illegible]едету. На глинѣ замерзлой дороги

Кровь заиндѣлъ свою. Закричалъ и рванулся въ сторонку;
Три сорока за собой потащилъ. Разорвалась веревка...
Молча, другъ на друга взглянули Литвины, и съ крикомъ
Бросились въ лѣсъ и, какъ звѣри, въ чащѣ завѣтной исчезли...
Помнишь ли Нѣманъ, Гедета, помнишь ли ночь? Надъ тобою
Черною стаей засѣли Литвины, всю ночь толковали,
Утромъ уже разошлись, двѣ недѣли точили сѣкиры,
Рѣзали въ пущахъ мачуги и толстыя копья стругали.
Волчьято мѣсяца третій день наступилъ. Изъ-за тучи
Новорожденный мигнулъ на Литву серебрянымъ окомъ.
Всѣ глаза его сторожили, всѣ увидали...
Первый Гедетъ съ своими на ближнюю крѣпость ударилъ:
Сѣча завыла, будто дубы столѣтніе рубятъ,
Будто землю волнуетъ подземная сила. И ярко
Вспыхнуло пламя въ разныхъ мѣстахъ надъ кострами.
Заутра
Пепелъ нѣмецкой дружины, по всей по Литвѣ собирали...
Собрали — и командору въ Рагниту послали въ подарокъ!
Славный Гедетъ, на память подвига, праздникъ затѣялъ:
Двѣ недѣли длились веселые Ильги! — Пируйте!
Но въ каждыя Ильги пейте и пойте память Гедету.

—

— «Любо!» кричалъ народъ, «любо! Пируйте! Меду, меду гостю!»

И всѣ наперерывъ тѣснились съ своими сосудами къ буртинцику; но тотъ, какъ будто околдованный, не принималъ даровъ, какъ будто къ че-

му-то прислушивался, и схватился за одинъ изъ торчавшихъ передъ нимъ мечей. Напряженный слухъ буртинника не обманулся: далеко послышался свистокъ. Кранихфельдъ вздрогнулъ, и приподнялся. Свистъ повторился.

— «Это меня ищутъ,» сказалъ Кранихфельдъ тихо Альфу: «мнѣ надо откликнуться; помогите мнѣ одурачить этихъ звѣрей; мои люди близко.»

Явственно можно было разобрать топотъ коней. Въ одно мгновеніе Литвины залили огонь, окружили Альфа и кричали: «Князь! возьми начало!..»

Альфъ выступилъ впередъ, держа за руку рыцаря.

— «Много ли насъ?» спросилъ Альфъ.

— «Да станетъ на Нѣмца!..» отвѣчалъ Курко.

— «Ну, если такъ, я по-ихнему свисну.»

— «Свисни.»

И Кранихфельдъ, прижимаясь къ Альфу, взялъ свой свистокъ, и дружина въ пятьдесятъ съ небольшимъ лошадей показалась надъ Нѣманомъ; еще свистокъ — и Нѣмцы ударили на Литвиновъ. Дождь магучь завизжалъ надъ ушами предводителя, и привѣтствовалъ лошадей такъ сильно, такъ ловко, что нѣкоторыя попадали, другія поворотили, и понеслись съ всадниками въ разныя стороны. Литвины безъ приказанія двинулись впередъ за своимъ оружіемъ, и у[illegible]екли Альфа. Началась сѣча. Кранихфельдъ исче[illegible] вмѣстѣ съ Альфомъ. Въ темнотѣ нельзя было [illegible]амѣтить ихъ бѣгства. Свистокъ рыцаря раздалс[illegible]во стороны совершенно неожиданной.

— «Князь [illegible]ъ плѣну, князь въ плѣну!» кричали

Литвины, и одни окружили всадниковъ, другіе бросились въ ту сторону, откуда былъ слышанъ свистъ.

Вдругъ раздались гусли и пѣніе буртиника; Литвины еще болѣе одушевились, и напрасно свистокъ раздавался дальше и дальше. Всадники не воротились: до единаго избили ихъ Литвины. Опять встал огненный столбъ; освѣтилъ театръ побоища и забытую Сару. Она безъ чувствъ лежала подъ дубомъ. Какъ будто условясь, всѣ молча указали на несчастную плѣнницу, и глядѣли на Курко. Тотъ качалъ сомнительно головою.

— «Тутъ что-то не такъ, дѣти мои!» сказал Курко: «Отошлемъ ее въ Ковно; пусть велик князь разсудитъ, а намъ своихъ старшихъ ни [illegible]дить, ни слѣдовать не приходится.»

Курко махнулъ на Сару рукой, и пиръ начался снова.

—

ГЛАВА ВТОРАЯ.

РАСКАЯННИКЪ.

Кранихфельдъ и Альфъ, скакали безъ огляд[illegible]и на лошадяхъ, принадлежавшихъ разбитой нѣмецк[illegible] дружинѣ; за ними безъ сѣдока бѣжалъ конь, п[illegible]ъ нѣмецкимъ сѣдломъ; видно было что онъ, [illegible]ъ старинной дружбы, не хотѣлъ отстать отъ то[illegible]рищей, осиротѣвшихъ на долинѣ у Краснаго Ду[illegible]. Ночь становилась и чернѣе и холоднѣе; едва, е[illegible]а можно было видѣть зеркальную поверхность сп[illegible]щаго Нѣмана. Узкая дорожка однако же была д[illegible]ольно хо-

ромно утоптана и довела нашихъ всадниковъ до небольшаго укрѣпленнаго городка, на мѣстѣ котораго теперь стоитъ мѣстечко Дуршунишки. — Рыцарь держалъ коня и сказалъ съ видомъ недовѣрчивымъ: «Тутъ, рыцарь, могутъ быть непріятные вести.» Альфъ также остановился и задумавшись, чего не отвѣчалъ рыцарю.

— «Назадъ опасно,» продолжалъ Кранихфельдъ: бродъ на Нѣманѣ трудно отыскать ночью; вплавь литничьи лошади не снесутъ... Право не знаю, на что рѣшиться.»

Пока всадники думали да раздумывали, третія лошадь, которая отъ нечего дѣлать, да и отъ голода обгрызала мерзлый кустарникъ, вдругъ чего-то испугалась и, отбѣжавъ нѣсколько, остановилась и глядѣла въ ту сторону, гдѣ ее какой-то страхъ встрѣтилъ...

— «Что тамъ такое?» спросилъ Кранихфельдъ, и оба поворотили въ кустарники; на самомъ берегу Нѣмана стояла изъ сухихъ листьевъ сложенная будка. Прислонясь къ ней, спалъ стражникъ, укутанный въ невыдѣланнаго волка...

— «Кого ты тутъ сторожишь?» спросилъ Альфъ, по-литовски...

Стражникъ вскочилъ и кричалъ съ просонья по-русски: «Ѣдетъ, ѣдетъ!»

— «Кто ѣдетъ?»

— «Стругъ! Тфу ты, чертово племя!... Какъ вы меня перепугали, бояре. Я ужъ думалъ со страху, что стругъ вижу. Да вы наши, что ли, изъ

Трокъ, али Нѣмцы? Коли наши, тамъ чего тутъ таснаетесь; коли Нѣмцы, такъ я васъ рогатиной.»

— «Свои, свои, землякъ!» сказалъ Альфъ по-русски: «Да кого ты тутъ сторожишь? Нѣманъ не уйдетъ; воды для твоего городка хватитъ...»

— «Воды, да на той-то водѣ что? Видно ты въ городкѣ не былъ, такъ повѣжай; тутъ самъ Князь, тутъ и Гриша, нашъ набольшой, тутъ и Князь Борисъ Юрьевичъ. Что ни есть молодцевъ — всѣ здѣсь; да и я, землякъ, не изъ послѣднихъ... Князь было на смѣну прислалъ мнѣ Луку съ краснымъ носомъ, ты знаешь, что всегда на пиво на поединокъ выходитъ. Я мѣста ему не отдалъ, изъ листьевъ себѣ видишь какую избу сложилъ; чтобы я, Омельянъ съ Панкратьевки, Полоцкій лѣшій, какъ меня товарищи кличутъ, да чтобы я первый своей Княгини не встрѣтилъ! Вздоръ! За десять верстъ весла заслышу.»

— «Какую Княгиню!»

— «А вотъ что, помнишь, мы лѣтомъ въ Полунгѣ завоевали; ту набольшую язычницу, что на каланчѣ печку топитъ, ради кораблей морскихъ...»

— «Бируту?»

— «А кто ея кличку знаетъ? Вѣдомо только, что пожалована она въ троцкую княгиню, что съ разною поганью не сегодня, такъ завтра на Ковенскомъ стругѣ пріѣдетъ. Видишь Дуршупскій городокъ какъ разъ на Нѣманѣ противъ Трокъ стоитъ; будто выстрѣлилъ; ужъ ближе къ Трокамъ Нѣмана нигдѣ нѣтъ...»

Альфъ давно уже соскочилъ съ лошади и вни-

мательно слушалъ, что разсказывалъ Омельянъ. Казалось, онъ не могъ убѣдиться въ истинѣ разсказа; мысли и слова путались... Вдругъ онъ прервалъ рѣчь Омельяна отчаяннымъ крикомъ.

— «Что съ вами?» спросилъ встревоженный Краннхфельдъ.

— «Ничего, ничего!» задыхаясь отъ смѣха, отвѣчалъ Альфъ прерывчато: «Ничего! Все уладится... Омельянъ! Насъ послалъ Князь за языкомъ на ту сторону, да мы забыли гдѣ тутъ Конскій бродъ...»

— «Какъ гдѣ?» отвѣчалъ Омельянъ простодушно: «По ночи слѣпой найдетъ; благо, что Нѣмцы не знаютъ; вѣдь и городокъ-то Князь ради брода поставилъ; вонъ, на этой сторонѣ кусты, за однимъ кустомъ камышики сложены; только противу куста держись; да и такъ проѣдешь, бродъ на три лошади широкъ.»

— «Спасибо, Омельянъ!... Поклонись Князю!» сказалъ Альфъ, проворно садясь на лошадь. Не успѣлъ Омельянъ оглянуться, какъ уже сонъ тихаго Нѣмана былъ нарушенъ. Брызги летѣли изъподъ ногъ лошадей, и третій конь, неотлучный спутникъ, подошелъ къ броду, отвѣдалъ воды, посмотрѣлъ на всадниковъ, и видя, что они уже на серединѣ рѣки, шумными прыжками, обливаясь водою, сталъ догонять товарищей. Спѣшно переправились путники, еще быстрѣе утонули въ густотѣ ночнаго мрака... По утру, едва свѣтать стало, къ тому самому броду подъѣхалъ Альфъ, но одинъ; медленно переправился къ Дурнунскому городку,

подъѣхалъ къ воротамъ и, забывшись, долго простоялъ такъ подъ стѣною, пока сонная стража не замѣтила витязя. Поднялась тревога; отворили ворота, и съ великою радостью встрѣтили Альфа, котораго и виленскій и троцкій дворы считали навсегда потерянным. Въ лучшемъ, опрятнѣйшемъ дуршунскомъ домѣ, въ большой избѣ съ русскою печкой, собранъ былъ Кейстутовъ совѣтъ. Цвиркунъ предсѣдательствовалъ. Дѣло шло о томъ, какимъ образомъ своротить путь Бируты прямо по Нѣману въ Гродно, чтобы ей не ѣздить для свадьбы въ Вильно, гдѣ Кейстутъ подозрѣвалъ различныя препятствія со стороны Криве-Кривейто и другихъ, которыхъ онъ и называть боялся.

— «Да!» заключилъ князь мрачно: «зачѣмъ посылать Бируту водою, зачѣмъ скрывать отъ меня всѣ замыслы, зачѣмъ этотъ замѣшъ на Альдону— и наконецъ зачѣмъ мой братъ со всѣми дружинами въ Ковнѣ?... Не чисто, прости, Цвиркунъ, не чисто, моихъ посланцевъ никто не послушаетъ. Повезутъ Бируту по Вильѣ, повезутъ въ братній удѣлъ, гдѣ у меня по обѣту пять зонъ... Да, и кто поручится, что посланцы мои дойдутъ до Полунги. Мнѣ извѣстно, что за нами наблюдаютъ. Какъ хочешь, Цвиркунъ, а намъ съ твоими племянниками надо броситься прямо на Полунгу.»

— «Дѣло, дѣло!» сказалъ Цвиркунъ: «а по дорогѣ завернуть въ Ковно! Пусть князь думаетъ, что мы противъ Нѣмцевъ идемъ; мы такъ и сдѣлаемъ, будто противъ Нѣмцевъ, а сами направо, къ своему морю. А въ Ковно и за тѣмъ нужно,

что ежели Брута уже тамъ, такъ и дѣло съ концемъ: Краснаго можно мануген въ Конно вызвать; ужъ для такого великаго случая я самъ за него возьмусь.»

— «Поняли, дядя, меня!» сказалъ Гриша робко.

— «Знаю, знаю зачѣмъ: чай, Вундина оправилась, такъ ты теперь хочешь начистую любовь повести; изволь, только прежде окрести мнѣ Вундину, а не то, отваливай, не позволю... А что, Бори, про Альдону изъ Вильны ни слуху ни духу? Марко. Кажется, и въ своей землѣ, а будто въ прусскихъ болотахъ сидимъ. Право, дѣти, плохо! Вотъ почему я этой любви терпѣть не могу: богатыри — тряпьемъ стали; будто копьемъ брюхо пронили, такъ стонутъ; та туда, то сюда мечутся. Говоришь имъ, кажется, и красно и разумно, а въ толкъ ни одинъ ничего взять не можетъ. Тфу ты, эта любовь! Слава Богу, что старъ: дуракомъ быть не придется... Вотъ тебѣ разъ...» вскрикнулъ Цвиркунъ, когда растворились двери, и передъ ними явился задумчивый Альфъ... Кейстутъ вскочилъ съ мѣста, и злобная дрожь пробѣжала по угрюмому, безпокойному лицу Князя.

— «Зачѣмъ пожаловалъ?» спросилъ Цвиркунъ. «Видитъ Богъ, мы тебя не искали. Ради были, что у насъ однимъ полуумнымъ меньше стало... И этихъ взнуздать не могу, не даются; а тутъ самый бѣшеный, хуже всякаго ветрового... Ну, отвѣчай же, зачѣмъ пожаловалъ?...»

— «И это все говоритъ тотъ,» тихо и жалобно отвѣчалъ Альфъ: «кто застуналъ мнѣ родителей!!..»

Цвиркунъ покраснѣлъ, хотѣлъ что-то сказать, запнулся, и закашлялся... Князь, задыхаясь отъ злости, сталъ говорить несвязно...

— «Я знаю зачѣмъ ты пришелъ. Удалось? Тѣшься? Гдѣ захватили Бируту? А? Ты думаешь я не угадалъ?.. Я все зналъ; я очень радъ, ко всему приготовленъ, тѣмъ болѣе, что пора перестать дурачиться... Я ее разлюбилъ, и пусть только пройдетъ черная смерть, Князь Смоленскій будетъ моимъ тестемъ...»

— «Лгать!» закричалъ неистово Цвиркунъ, какъ, можетъ быть, во всю жизнь ему кричать не приходилось: «Лгать! при мнѣ! Лгать этому сорванцу, молокососу! И чтожъ ты это изъ страха, изъ хитрости лгуномъ наряжаешься?.. Не вѣрь ему, Альфъ. Дѣло рѣшеное, Князь женится на Бирутѣ!»

— «Знаю,» отвѣчалъ Альфъ такъ спокойно, какъ будто бы онъ никогда не видалъ Бируты: «Знаю. И теперь только понимаю всю глупость моихъ разрушенныхъ надеждъ, всю дерзость моихъ желаній! Я могъ увлечься, я могъ полюбить образецъ красоты земной; но быть соперникомъ Кейстута, спорить съ нимъ о добычѣ... И смѣшно и глупо! Какъ вспомню все, что со мной было, право кажется, что я былъ боленъ, слѣпъ, и хотя еще тяжело смотрѣть на правду, но по крайней мѣрѣ меня утѣшаетъ мысль, что я сталъ видѣть...»

Всѣ изумились рѣчамъ Альфа; только Цвиркунъ качалъ сомнительно головой и не спускалъ съ него испытующихъ взоровъ.

— «Ну, хорошо!» сказалъ Цвиркунъ: «Что же ты теперь видишь?...»

— «Пока не много...» продолжалъ Альфъ съ прежнимъ простодушіемъ и спокойствіемъ. «Меня погубило воспитаніе...»

— «Что? Я тебя худо, что ли, держалъ? Мало смиренію училъ, это правда, да съ такимъ отродіемъ...»

— «Не то, не то, бояринъ! Напротивъ! Судьба меня слишкомъ высоко бросила. Я выросъ съ князьями, я привыкъ считать себя имъ равнымъ; я съ ними вмѣстѣ вдохнулъ въ себя жажду власти, подвиговъ, славы и... каюсь, я былъ безумецъ! Противу приговора небеснаго пожелалъ язычницы, облеченной въ живой образъ земнаго счастія... Счастія! Именно этого я не долженъ былъ желать... Рабъ! Я долженъ былъ стоять у княжаго стремени, и если кого задумалъ любить, такъ прежде у Князя спроситься: можно ли?... Но еще не поздно... Князь, прости меня!...»

И Альфъ бросился въ ноги Кейстуту. Никто не ожидалъ этого заключенія. Всѣ встали. Альфъ зарыдалъ, и Кейстутъ поднялъ брата по оружію, и обнялъ его, но холодно, и вѣрилъ ему, да не искренно.

— «Садись Альфъ!» сказалъ Кейстутъ съ принужденнымъ привѣтомъ, но тотъ не повиновался, и нимало не измѣняясь ни въ лицѣ, ни въ тонѣ, опять сталъ говорить:

— «Здѣсь, сегодня, подъ твоимъ городкомъ, отъ Омельки Полоцкаго узналъ я обо всемъ! Я уже былъ за Нѣманомъ, спасъ какого-то плѣннаго рыцаря, котораго я добылъ изъ Кронскаго мо-

настыря преступленіемъ; хотѣлъ мстить тебѣ, Князь, но раскаянье проснулось — и я у ногъ твоихъ...»

Эти слова возбудили общее любопытство. Альфъ разсказалъ всѣ свои похожденія; судьба несчастной Сары заняла всѣхъ, и Кейстутъ тотчасъ послалъ за нею латниковъ.

— «Вотъ ужъ эта любовь!» сказалъ Цвиркунъ: «Какъ подумаешь, такъ не только язычницу наживешь себѣ въ жены, по ея милости, но даже жидовку. Тфу ты, проклятая! Коня, и три бочки пятилѣтняго алуса ставлю, если не моя правда... Вынесъ жидовочку, молоденькую, смазливую, вылечилъ, та растаяла медомъ, а онъ и прилипъ, какъ муха... Что, не правда? Тутъ Бирута изъ головы и выскочила, словно пробка изъ сосуда, гдѣ пиво бродить стало. Новое пиво заварилось. Я на томъ стою!»

— «Эй, не стой на этомъ, бояринъ; проиграешь!» сказалъ Альфъ съ легкой улыбкой: «У меня другое на умѣ; да съ тѣхъ поръ, какъ я понялъ свое ничтожество, право мнѣ объ этомъ и страшно и стыдно думать.»

— «Полно, Альфъ, разсказывать загадками. Старость смѣтку притупила. На чистоту валяй!»

— «Да что, я чай, бояринъ тутъ смѣкнуть не трудно. Мнѣ кажется, что у Бируты безъ колдовства не обошлось. Право. А любилъ-то я всю жизнь не ее, а бѣдную мою Анастасью.»

Обрадованный Кейстутъ вскочилъ, и обнялъ Альфа съ жаромъ. Цвиркунъ приметно задумался, и, помолчавъ не мало, сказалъ съ важностью:

— «Какъ принесли васъ къ старику Гедымину, и на тебѣ и на Альдонѣ висѣли латинскіе крестики. Я не снималъ ихъ... Что, крестикъ на тебѣ?»

— «На мнѣ!»

— «Выйми!»

Альфъ поблѣднѣлъ, но вынулъ крестикъ.

— «Поцѣлуй!»

Альфъ поцѣловалъ символъ крещенія.

— «Поклянись предъ крестомъ Спасителя, что ты говоришь правду!»

На лицѣ Альфа живой румянецъ быстро и нѣсколько разъ смѣнился смертельною блѣдностью, но онъ собирался произнести клятву; вдругъ двери отворились, вошелъ инокъ Несторъ и произнесъ торжественно: «Горе осквернителямъ святыни, горе!»

Альфъ побагровѣлъ, и упалъ къ ногамъ Нестора, почти безъ чувствъ. Не скоро онъ опомнился, не смотря на усердную и хлопотливую помощь всѣхъ четырехъ богатырей. Одинъ только Несторъ стоялъ на порогѣ, неподвижный, и огненными взорами, какъ будто читалъ душу несчастнаго. Когда Альфъ пришелъ въ себя, Несторъ вздохнулъ и сказалъ потрясающимъ голосомъ:

— «Волосъ съ головы твоей не упадетъ безъ воли Божіей!»

— «Кому это говоритъ честной инокъ?» спросилъ Цвиркунъ почтительно. Несторъ отвѣчалъ по прежнему: «Рука предателя умертвитъ мужа, потомъ зажжетъ его обитель и продастъ мытарямъ пепелище!!...»

Всѣ посмотрѣли на Альфа, но онъ уже улыбался и глазами искалъ къ кому бы могли относиться пророческія слова дряхлаго старца. Но инокъ какъ будто исполнилъ долгъ свой, и сказалъ обычнымъ своимъ хриплымъ и слабымъ голосомъ: «Князь! Возьми мечъ свой! Нѣмцы перешли Нѣманъ и ограбили Дьяковъ Дворъ (нынѣ Дьякишки), пошли на Жижморы; ихъ не мало, возьми всю свою дружину. А вы, дѣти моей матери, Церкви православной, примите мое благословеніе!»

Осѣнивъ знаменіемъ креста Цвиркуна и двухъ его племянниковъ, инокъ ушелъ, и никто не зналъ куда онъ направилъ свой путь. Кейстутъ оставался въ какомъ-то оцѣпенѣніи... Но Цвиркунъ не имѣлъ привычки задумываться. Бросивъ на Альфа взоръ, исполненный недовѣрчивости и презрѣнія, Цвиркунъ заговорилъ по-своему:

— «Ну! Нѣмцы, такъ Нѣмцы! Подавай ихъ сюда! Боря, Гриша, подымайте дружину! Чего добраго, еще въ-расплохъ на великаго Князя наткнутся! Того гляди Бируту захватятъ!...»

— «На коней!» закричалъ Князь.

— «Гдѣ мнѣ, Князь, быть укажешь?» спросилъ Альфъ.

— «Въ обозъ!» отвѣчалъ за князя Цвиркунъ, а Кейстутъ, какъ будто избѣгая дальнѣйшаго объясненія и въ душѣ оправдывая распоряженіе Цвиркуна, поспѣшилъ на дворъ, куда уже съѣзжалась дружина. Альфъ отыскалъ своего коня, и не говоря никому ни слова, поѣхалъ къ тому мѣсту, гдѣ собирался обозъ.

— «Кто старшій у васъ?» спросилъ Альфъ у челядниковъ.

— «Трофимъ, троцкій ключникъ!» отвѣчали ему.

— «Здравствуй, Трофимъ! Я у тебя подъ началомъ. Береги меня по старой дружбѣ...»

— «Да что ты, ранекъ, что-ли?»

— «Охъ! и больно ранекъ!»

— «Да гдѣ же рана?»

— «Далеко, Трофимъ! Благо что не видно.»

Разговоръ ихъ былъ прерванъ пріѣздомъ отряда, который отыскалъ оставленную у Краснаго Дуба Сару и представилъ ее къ Князю.

— «Некогда съ нею возиться!» сказалъ Цвирикунъ: «Отведите ее въ обозъ къ Альфу, пусть забавляется отъ скуки.»

Обрадованная Сара бросилась бѣгомъ къ Альфу, но Альфъ сказалъ ей по-нѣмецки:

— «Не радуйся! Мы попались къ самымъ злѣйшимъ врагамъ. Все разскажу дорогой... Трофимъ, нельзя ли для моей плѣнницы повозку?..»

— «Хоть три, лишь бы только сдѣлать тебѣ угодное. Я и самъ радъ, что ты у насъ. Если какая бѣда приключится, такъ все лучше съ воеводой.»

Но это желаніе Трофима не исполнилось. Князь Борисъ съ отрядомъ, которымъ въ прежніе годы предводительствовалъ Альфъ, окружилъ обозъ и приказалъ подыматься въ дорогу.

Около полудня Князь Кейстутъ съ превосходною своею дружиною миновалъ пепелище жмк-

морскаго городка, и по открытымъ слѣдамъ подвинулся далѣе къ Ковну. Къ вечеру уже увидѣли Нѣмцевъ по ту сторону Нѣмана. Они уже успѣли переправиться, но по дорогѣ сожгли русскій монастырь, который принадлежащими къ нему садами касался завѣтныхъ ковенскихъ дубравъ. Примѣтно было, что Нѣмцы не уходили, а бѣжали, потому что на дорогѣ не только растеряли всю добычу, но даже своихъ плѣнныхъ и раненныхъ. Вскорѣ, по тому же направленію къ Нѣману, показался сторожевой отрядъ нѣмецкій; его преслѣдовала цѣлая армія не латниковъ и не всадниковъ, а дикарей съ мачугами и рогатинами. Цѣлые полки этого сброда исполняли свои движенія бѣгомъ; одинъ только предводитель ихъ былъ въ бронѣ и ѣхалъ на лошади. Нѣмцы уже были близко Нѣмана, уже могли видѣть, если не рѣку, ползущую въ глубокихъ берегахъ, то по крайней мѣрѣ вѣтрила торговыхъ струговъ, но неожиданно ударилъ на нихъ отрядъ Гриши съ одной стороны, Цвиркунъ съ другой, а спереди самъ Князь и въ одно мгновеніе, почти безъ битвы, войско въ двѣсти слишкомъ коней съ рыцаремъ и многими служащими братьями, сдѣлалось военной добычей Князя. Солнце осеннее сѣло за Ковномъ. Къ ночи Князь Кейстутъ вступилъ въ городъ, и взявъ съ собою Цвиркуна съ племянниками и Альфа, отправился въ замокъ. Великій Князь не спалъ; онъ сидѣлъ съ Мондвидомъ у пылающаго камина въ залѣ, которую, по внутренней отдѣлкѣ, называли рыцарской.

— «Какъ подумаю,» говорилъ Великій Князь: «и смѣхъ беретъ, и жаль мнѣ Ларчика. Правъ Цвиркунъ, что любовь не лучше черной смерти. Ну, такъ какъ же ты нашелъ ихъ, Мондвидъ?»

— «Альдона совершенно оправилась, но еще никуда изъ своей горенки не выходитъ. При ней Наташа, что я тебѣ разсказывалъ, да моя Анастасія. Ларчикъ на послугахъ. Когда я пришелъ въ терема, у дверей Альдоны стоялъ Ларчикъ зажмурясь, а ухо приложилъ къ щелкѣ; думаю: подслушиваетъ; хотѣлъ-было пожурить; да не тутъ-то было. Ларчикъ услышалъ что-то и со всѣхъ ногъ бросился на низъ, къ постѣльнымъ. Не прошло самаго малаго времени, вошла Вундина, а на рукахъ у нея ребенокъ; поклонилась Альдонѣ и говоритъ по-литовски: «Что укажешь, Княгиня?» Тутъ Альдонушка и спрашиваетъ у моей Настинки: «Да какъ она узнала, что я ее хочу видѣть?» Я ей и говорю про Ларчика. Альдона горько усмѣхнулась, и говоритъ Вундинѣ: «Садись, молодица! Мы съ тобой однѣ въ замкѣ... Насъ покинули...»

Ольгердъ нахмурился.

— «Правду сказать,» замѣтилъ Великій Князь: «не хорошо мы обошлись съ дорогой сестрой. Никогда не прощу себѣ этого. Ну, чтожъ дальше?»

— «Да что дальше? Ларчикъ имъ кушанья носитъ, пѣснями забавляетъ, кривляется, шутки шутитъ, а ночью ложится на полу въ темномъ переходѣ, что отъ теремовъ къ сѣнным дѣвушкамъ

идетъ, и сторожитъ сонъ Альдоны. Мнѣ сказывалъ боярин Лучанинъ, что канъ смерть изъ Вильны отошла, все поуспокоилось, онъ и приставилъ и слугъ и прислужницу. Ларчикъ всѣхъ разогналъ; одинъ за десятерыхъ. И какой теперь Ларчикъ веселый, вретъ до смерти; какой сталъ чистый, по три раза въ день моется да кудри учесываетъ, все круглецомъ ходитъ, а другой шутовской одежды не носитъ...»

— «Я его за все про все костылемъ!» сказалъ Великій Князь сурово: «Нѣтъ такого урода, который послугой да лестью не возьметъ женскаго сердца! Альдона и такъ много испытала горя; недоставало дурацкой любви. Славный былъ у нея помыселъ идти въ вайделотки; ей на этомъ свѣтѣ нечего дѣлать... И напрасно ты Ларчика не взялъ съ собой... Ну, да кажется, мы съ нимъ скоро увидимся...»

Вошелъ Гантолдъ, поклонился Князю и Мондвиду и сѣлъ въ рыцарскія кресла по лѣвую руку Ольгерда.

— «Что такъ поздно?» спросилъ Ольгердъ.

— «Цѣлый день, государь, у нѣмецкаго плѣнника прусскимъ путямъ учился...»

— «Зачѣмъ?...»

— «Да вотъ хочу у тебя съ моей дружиной проситься маленько охотой позабавиться. Нѣмцы теперь въ разбродѣ. Всѣ по замкамъ сидятъ, да ждутъ морозовъ. Тутъ подъ Ковномъ, да и по всей пущѣ кругомъ, развѣ свойскаго зубра убьешь; да и что у себя дичь изводить. Хочу на

прусскія озера поѣхать; пока дойду, замерзнутъ, а тамъ, плѣнникъ мнѣ разсказывалъ, медвѣди, лисицы, всякій пушной звѣрь, какъ трава, растетъ; говоритъ, что и соболей подъ Растенбургомъ видали.. »

«Сказки,» замѣтилъ Ольгердъ: «а на охоту поѣдемъ. Не равенъ часъ, можно, обознавшись, будто невзначай, городокъ захватить. Веселѣе охотиться, какъ есть гдѣ послѣ трудовъ обогрѣться; и въ той сторонѣ на озерахъ нашихъ я давно не бывалъ. Чай, цѣлое государство тамъ Нѣмцы построили. Слышу, всѣмъ озерамъ уже и кличка другая пошла, и городковъ пять, шесть, уже по именамъ знаю. Радъ я твоей мысли, Гаштолдъ. Скука, горе! Сложа руки чего дождешься — или болѣзни или всей силы нѣмецкой, а тутъ пока Лучанинъ Вильно пообчиститъ, Кейстутъ или опомнится или женится...»

— «Женится!» сказалъ Кейстутъ входя въ рыцарскую залу, вмѣстѣ съ Цвиркуномъ, Альфомъ, Княземъ Борисомъ и Гришей: «Не сердись, братъ! Право, не въ мочь; пытался я переломать недугъ — хуже; пошла безсонница, ѣсть не хочется, рука силу теряетъ, голова смѣтку... Братъ! позволь жениться.»

— «Вотъ какъ!» сказалъ Ольгердъ съ горькой усмѣшкой: «Когда уже за Бирутой посланъ Вруба, когда войско мое освободило его изъ нѣмецкаго плѣна...»

— «Какъ?» спросилъ изумленный Кейстутъ.

— «Вруба везъ Алину, вайделотку, на смѣну

Бирутѣ. Ты слыхалъ, братъ, что Алина болѣе хороша? Врубa, по сигонотскому норову, и давай по дорогѣ приставать къ ней. Приставалъ, приставалъ: та и слушать старика не хотѣла. Врубу страсть до безумія одолѣла; со злости, онъ съ дороги своротилъ, да подъ Рагниту Алину повезъ, тамъ къ Нѣмцамъ зашелъ и говоритъ: есть у меня славный товаръ; купите. Командоръ говоритъ: хорошо, да прежде посмотримъ. Поѣхали смотрѣть. Посмотрѣлъ командоръ, да и велитъ своимъ всѣхъ въ полонъ забирать; только одинъ Перкуновъ латникъ спасся, а то всѣхъ забрали. Я тогда съ дружиной Веллону смотрѣлъ. Прибѣлъ латникъ и разсказалъ мнѣ, что случилось. Пошелъ я на Рагниту. Командоръ своихъ оповѣстить не успѣлъ, войска у него на меня не хватало; я садился станомъ не далеко отъ Рагниты. Къ вечеру передовые возвратились и привели съ собою все посольство Криве-Кривейто. Командоръ отдалъ его, какъ будто мнѣ въ подарокъ... Кейстутъ, Кейстутъ, признаюсь, больно мнѣ не хотѣлось, но счастіе твое для меня всего дороже—и я приставилъ къ посольству, для вѣрности, моихъ людей, да боярина Савву и всѣ отправились въ Полунгу за Бирутой...»

— «Братъ! братъ!» закричалъ Кейстутъ: «Я этого не ожидалъ отъ тебя... Я думалъ... Каюсь...»

— «Старое со счетовъ долой!» сказалъ Цвиркунъ: «На мое вышло. Не бывать ссоры межъ дѣтей моихъ.»

— «Ссоры!» прервалъ Ольгердъ презрительно:

«Это не княжеское чувство. Потужилъ я, погоревалъ, по милости Кейстута; сердце — невольникъ, птица въ клѣткѣ: ѣстъ и пьетъ, что дадутъ, а Кейстутъ безъ умысла маленько яду подбросилъ, да прошелъ недугъ,— и я отъ Полуяги, для безопасности сестры моей Бируты, по всей дорогѣ отряды дружины моей разставилъ. Въ Ковнѣ сорокъ струговъ приготовилъ, для проводовъ Княгини въ Вильно... Самъ возвращусь въ Ковно для встрѣчи; самъ по одному берегу пойду съ дружиной провожать Бируту, по другому пусть женихъ съ своей дружиной идетъ...»

Изумленный Кейстутъ не зналъ, что̀ сказать, какъ благодарить великодушнаго брата. Но тотъ продолжалъ:

— «Говорю тебѣ: дорого мнѣ все это стоило! Не такой пріемъ готовилъ я Бирутѣ. Далекая ссылка въ снѣжную Біармію ожидала ее въ Ковнѣ. Видишь, братъ, я искренекъ; но мысль огорчить тебя, мысль, что на огорченіи еще и не кончится, отчаянье, тоска, несчастіе твое — и всѣ мои замыслы рушились. Я пожертвовалъ моими любимыми думами, лишь бы ты былъ счастливъ!»

— «Братъ!»

— «Все снесу, Кейстутъ, кромѣ благодарности! Перестанемъ говорить объ этомъ...»

— «Но, братъ, я хотѣлъ сыграть свадьбу въ Гроднѣ...»

— «Да въ какомъ же храмѣ Кейстутъ? Въ цѣломъ городѣ много церквей, и ни одного капища. Даже твои прусскіе переселенцы всѣ кре-

стились. Тамъ по слуху только знаютъ про литовскую вѣру; не твори соблазна... Мой толкъ: свадьбу исправить въ Ковнѣ, а въ Вильно ѣхать къ намъ въ гости, а мы съ Улинькой васъ въ Троки проводимъ, и погостимъ на твоемъ замкѣ, да по озеру санный бѣгъ затѣемъ, и всякую зимнюю забаву, а дастъ Богъ врага, мы и походъ съ бабами устроимъ. Пусть поглядятъ на мужчину удаль... Впрочемъ утро вечера мудренѣе; чай вы сегодня не вечерали.»

— «Да ты, братъ, развѣ не слыхалъ про нашу встрѣчу съ Нѣмцами?..»

— «Съ какими Нѣмцами?» спросилъ удивленный Ольгердъ. «Да развѣ они не знаютъ, что я въ Ковнѣ? Можно бы ихъ догнать, Кейстутъ.»

Князь разсказалъ всѣ обстоятельства своей встрѣчи съ Нѣмцами, и наконецъ про Альфа. Веселость Великаго Князя исчезла. Нахмурился Ольгердъ, и протянувъ руку, будто звалъ къ себѣ Альфа. Тотъ повиновался и подошелъ къ Ольгерду съ совершеннымъ спокойствіемъ, сохраняя въ лице какое-то неопредѣленное выраженіе страданія и покорности.

— «Много преступленій на головѣ твоей. Несторъ правъ: ты готовишь много зла моему дому, можетъ быть, всему великокняжеству. Суди меня Богъ, и Его Пречистая Матерь. Зло съ корнемъ вонъ!»

Князь всталъ съ мѣста и схватилъ сѣкиру... Всѣ собесѣдники, не исключая Кейстута, по невольному чувству, отступили, какъ будто хотѣли дать

просторъ смертельному удару; одинъ только Цвиркунъ выступилъ впередъ, и громко закричалъ:

— «Именемъ Гедымина: не смѣй!»

Сѣкира остановилась на воздухѣ. Великій Князь какъ будто не рѣшался. Цвиркунъ воспользовался мгновеніемъ, подошелъ къ Ольгерду, взялъ у него изъ рукъ сѣкиру, и сказалъ со смѣхомъ...

— «Отдай, братъ, сѣкиру; у тебя отъ этой нѣмецкой печки, въ рыцарской твоей трущобѣ, свѣта мало; чего добраго, въ потьмахъ еще меня окалечишь... Эй, кто тамъ? Гришна! Сходи-ка ты, разбуди круглецовъ: пусть-ка они столы ставятъ; закуски несутъ, алусъ отморозятъ. Да чего добраго, если гдѣ ни есть вино заморское, въ погребахъ завалялось,—не побрезгаемъ. Нѣмцы для меня, что добрый врачъ для больнаго; послѣ нихъ, всегда ѣсть хочется. Ну, ступай Гришна!»

Ольгердъ стоялъ опершись на высокую спинку рыцарскихъ креселъ; брови его еще не разгладились; примѣтно по наморщенному челу его ходила грозная туча. Зналъ Цвиркунъ, что въ этой тучѣ молніи гнѣздятся, и продолжалъ, посмѣиваясь:

— «Жаль, что круглецы свѣта не несутъ, а отъ нѣмецкой печки только и видно, что ты губы надулъ. Ну, положимъ, ты бы и хватилъ его сѣкирой, ну, онъ бы взялъ, да и умеръ. Ну онъ бы умеръ, а ты что? Преступникъ онъ? Вели намъ, боярамъ, судить его. Вотъ насъ здѣсь трое. Мы бы и давай его судить, а онъ и говоритъ: Виноватъ, бояре, каюсь... Каешься?— Каюсь.— Каешься— каюсь... трижды. Ну, если каешься — прися-

гай.— Онъ и присягнулъ, далъ обѣтъ трижды. Ну, мы, бояре, и сказали: раскаянникъ; вотъ бояре и положили: простить Альфа, а старый грѣхъ пусть новой заслугой смоетъ...»

— «Нѣтъ! Не такъ, Цвиркунъ,» прервалъ Ольгеръ: «Судъ боярскій уважаю, и если ты простилъ его, такъ я уже казнить не смѣю. Но — прочь съ глазъ моихъ. Не хочу его видѣть. Онъ не умѣлъ мнѣ повиноваться, онъ дерзнулъ меня ослушаться, выпустилъ моего плѣнника, убилъ моего ратника, осквернилъ святыню,—прочь! не хочу его заслугъ; такіе злодѣи не способны къ раскаянью.»

— «Куда же ему дѣваться, братъ? Позволь ему остаться у меня въ дружинѣ...»

— «Лишь бы я его не видѣлъ, а ты, братъ, въ своихъ людяхъ воленъ; отдай его Цвиркуну въ конюхи.»

— «Князь!» сказалъ Альфъ дрожащимъ голосомъ: «Мнѣ легче быть твоимъ слугой, чѣмъ братомъ и другомъ. Иду!»

Ольгердъ не удостоилъ Альфа отвѣтомъ, отворотился, махнулъ рукой, и Альфъ понялъ нѣмое приказаніе: вышелъ.

Грустно стало въ палатѣ, хотя круглецы освѣтили залу, поставили столы и приготовили вечерній пиръ. Всѣ молча садились за столъ; казалось, каждый думалъ о другомъ предметѣ; никто, даже Цвиркунъ не былъ расположенъ завязать разговоръ. Никто не прикасался и къ пищѣ. Вдругъ, по узкому переходу, отдѣлявшему залу отъ главныхъ сѣней, раздались тяжелые шаги

вооруженнаго человѣка, да изрѣдка тяжелый, удушливый кашель. Круглецы почтительно отворили двери, и въ залу вошелъ, въ полной бронѣ, Эйвасъ. Всѣ встали. Эйвасъ остановился въ почтительномъ отдаленіи. Ольгердъ протянулъ къ нему руку, но Эйвасъ не трогался съ мѣста.

— «Безчестному нѣтъ великой чести!» сказалъ старецъ глухимъ голосомъ, и закашлялся.

— «Кто могъ оскорбить богатыря всей Жмуди, главу литовскаго племени?» спросилъ Ольгердъ.

— «Родная дочь, Государь, родная и единственная дочь, Вундина... Много разъ серебряный мѣсяцъ терялъ рога свои и, нараждался, пока тайна не достигла слуха моего. Честный сигонота Гердань, братъ мой, скрывалъ отъ меня позоръ Эйвасова рода, но другой великій слуга Атримпоса, Вруба, совѣтникъ владыки владыкъ, по пути въ Полунгу, открылъ мнѣ роковую тайну.»

— «Какую тайну, Эйвасъ?»

— «О, не спрашивайте! Вы знаете лучше меня! Не заставляйте повторять моего стыда. Сколько могъ, я очистилъ пятно, по крайней мѣрѣ я пріобрѣлъ личное право на почетный костеръ. Услышавъ о моемъ несчастіи, увѣдавъ, что оно уже разразилось и принесло плодъ, который долго будетъ свидѣтельствовать о позорѣ Эйвасова рода,— я поднялъ все племя отъ истока Невяжи до Нѣмана, и собрался въ гости къ моимъ оскорбителямъ. Я зналъ, я слышалъ, что Кранихфельдъ, дядя соблазнителя, хочетъ моей жизни. Я задумалъ идти на прусскія озера и помѣряться на ихъ землѣ си-

лами, но видно Прамжимасъ сжалился надъ моею ветхостью: я встрѣтилъ Нѣмцевъ за Кейданами, я погналъ ихъ на Ковно. Вѣрно, они про васъ провѣдали, своротили на Вилью; еще разъ побилъ я ихъ и погналъ къ Нѣману; но Кейстутъ отнялъ у меня побѣду. Безчестному старцу и Боги не даруютъ полной удачи.—Подъ Ковномъ узналъ я, что Крапихфельдъ въ твоихъ рукахъ. Отдай мнѣ, государь, моего злодѣя, и завтра въ садахъ Мильды — на одномъ кострѣ мы сгоримъ вмѣстѣ.»

— «Эйвасъ!» сказалъ Великій Князь съ примѣтной досадой: «Домашній измѣнникъ, Альфъ, выпустилъ на волю Крапихфельда.»

Старецъ опечалился.

— «Видно, безчестному — нигдѣ удачи!» сказалъ Эйвасъ: «Отдай мнѣ Альфа!»

Великій Князь хотѣлъ было отвѣчать, и вѣроятно не постоялъ бы за Альфа, но Цвиркунъ быстро сообразилъ всю опасность отвѣта, и сказалъ за Ольгерда:

— «Видишь, старикъ, зачѣмъ ты не пришелъ пораньше. Мы бы тебѣ Альфа съ рукъ на руки передали; а теперь нельзя: онъ уже наказанъ за измѣну, а дважды за одно не казнятъ...»

— «Нельзя?» сказалъ Эйвасъ: «Такъ и не нужно! Я сгорю и одинъ!... И правду сказать, о чемъ хлопочу? Чтобы измѣнникъ осквернилъ костеръ Эйваса!! Не надо! Я знаю, вы, отступники отъ вѣры отцевъ вашихъ, вы не проводите меня глазами и мыслію на скалу блаженства; но вы увидите Вундину, нѣкогда дочь мою... Отнесите ей мое проклятіе! Простите!»

Эйвасъ ушелъ.

— «Остановите его!» закричалъ пылкій Борисъ круглецамъ. Князья и Цвиркунъ горько улыбнулись, а Гринша, блѣдный, испуганный, сказалъ съ глубокимъ вздохомъ:

— «Скорѣе вспять отгонишь тучу небесную, чѣмъ Эйваса на одинъ шагъ отъ того, что онъ задумалъ. Вундина! Бѣдная Вундина! Я знаю его. Проклятіе — пока тайна, но съ костра онъ скажетъ его во весь народъ — и горе Вундинѣ!!.. Но, государь, если я смѣю...»

— «Говори, Гриша! Слово твое мнѣ всегда пріятно.»

— «Ты можешь властію своею запретить такое безчеловѣчное самоубійство...»

— «Не только я, но если бы, соборомъ всѣхъ князей земли русской, я приказать Эйвасу — жить: не послушается; и если я ему не дамъ сгорѣть въ Ковнѣ, онъ найдетъ почетный костеръ въ другомъ мѣстѣ. Лишить его свободы, значило бы отравить послѣдніе дни его жизни; а вся жизнь Эйваса — можетъ быть, нѣсколько часовъ, и я не могу, не смѣю отнять у него послѣднихъ утѣшеній... Чему быть, тому не миновать. Станемъ лучше вечерять. Нѣтъ-ли разговора повеселѣе? Странно, а право не сказка. Каждый разъ, когда случай, или война приведетъ меня въ Ковно, безъ непріятностей не обойдется. Въ Ковнѣ узнали мы съ Кейстутомъ о смерти отца подъ Веллоной; но самый странный, самый необыкновенный случай былъ не дальше, какъ вчера. Гриша, ты поближе, запри двери поплотнѣе.

Круглецы — дѣти, и у каждаго есть нашни съ дѣвушками, что при княгинѣ, а я не желалъ бы пугать Улиньки. Вы знаете, что эта палата, по милости брата Кейстута, зовется Нѣмецкимъ Заломъ. Онъ ее перестроилъ на маріенбургскій ладъ; и когда спросилъ я: зачѣмъ онъ это дѣлаетъ? помнишь, Кейстутъ, ты отвѣчалъ: «А гдѣ же будетъ жить великій магистръ, когда къ намъ въ плѣнъ попадется?» Этотъ отвѣтъ всегда мнѣ приходитъ на память, когда вхожу въ эту палату; но начнутся хлопоты, дѣла — и все забудется. Вчера, сижу я у нѣмецкой печки, какъ ее называетъ Цвиркунъ; думаю себѣ о Бирутѣ, о Кейстутѣ, объ Альфѣ, обо всѣхъ, обо всемъ; въ головѣ мысли затолкались; Бояре мои пріуснули; отпустилъ я ихъ, остался одинъ. Отъ рода трусомъ не былъ, но, признаюсь, какой-то страхъ закрался въ душу. Оглядываюсь. Свѣчи нагорѣли... Ни темно, ни свѣтло; сумерки; за столомъ сидитъ нѣмецкій рыцарь, и пьетъ вино; за нимъ стоитъ кастелланъ, какъ въ нѣмецкихъ замкахъ, и показываетъ въ уголъ на кого-то. Присматриваюсь: кровать, не кровать, камень не камень, а на томъ камнѣ — ты, братъ, въ цѣпяхъ. Кейстутъ, Кейстутъ! крикнулъ я, рыцарь вскочилъ, и вмѣстѣ съ кастелланомъ бросились на тебя, схватили и потащили за цѣпи на большую лѣстницу. Я едва успѣлъ захватить сѣкиру и за ними; но двери, въ которыя они вышли, были заперты съ этой стороны; ключъ былъ въ замкѣ, и также съ этой стороны... Я уже думалъ, что все это мнѣ привидѣлось. Прохожу мимо слуховаго окна, кото-

рое ты сдѣлалъ ради того, чтобы невидимкой слушать, — тамъ шорохъ, разговариваютъ шепотомъ; разобрать словъ невозможно. Само собою разумѣется, пошелъ я кругомъ, чтобы захватить лазутчиковъ... Но или они ушли, или — все это было только въ озабоченной моей головѣ... но... послушайте... Кажется...»

Не успѣлъ Великій Князь окончить, пронзительный крикъ раздался за слуховымъ окномъ; что-то повалилось со стономъ и хрипѣніемъ. Всѣ бросились въ покой, который былъ устроенъ за слуховымъ окномъ, и тамъ нашли трупъ неизвѣстнаго человѣка, въ одеждѣ великокняжескаго круглеца. Никто не зналъ его, никто не видалъ этого лица; по крайней мѣрѣ не могъ припомнить себѣ, гдѣ бы его видѣлъ. Онъ плавалъ въ теплой еще крови; но ударъ мечемъ, и сзади, прошибъ сердце. Двѣ тайны вдругъ: кто убитъ, и кто убійца?... — Но какъ изслѣдовать?—Сдѣлать это происшествіе гласнымъ, значило бы возмутить спокойствіе Великой Княгини и всего замка. Въ башнѣ было только двѣ лѣстницы, по которымъ можно пробраться въ рыцарскую палату, и къ этому слуховому окну, а какъ съ одной лѣстницы надо было непремѣнно проходить залу, то всѣ и отправились въ погоню за убійцей по малой лѣстницѣ; но, къ общему удивленію, двери на стѣну, которая примыкала въ этомъ мѣстѣ къ башнѣ, были заперты на ключъ— и ручка ключа торчала въ замкѣ.

— «Онъ еще въ башнѣ!» сказалъ Кейстутъ... Всѣ углы и переходы были тщательно обысканы,

все напрасно... Нигдѣ и никого не было... Около полуночи, когда все успокоилось въ замкѣ, когда самая стража, разсыпанная по стѣнамъ, стала дремать, опираясь на копья, съ сторожевой избы или свѣтелки раздался рогъ, вѣстникъ тревоги. Въ тоже время изъ мелкихъ кустарниковъ, наполнявшихъ остальную часть мыса, образуемаго соединеніемъ Нѣмана съ Вильей, на которомъ былъ воздвигнутъ старый Ковенскій замокъ, — изъ этихъ кустарниковъ выползъ челнокъ; два гребца дружно взмахивали веслами; но на первый звукъ рога, съ предмѣстья высыпали латники, конюхи и слуги. Напрасно бѣглецы напрягали всѣ свои силы: стрѣла съ берега полетѣла, и одинъ гребецъ опрокинулся; весла его заболтались; другая стрѣла съ того же лука — и челнокъ съ мертвецами поплылъ безъ управы по теченію; а между тѣмъ, болѣе сорока лодокъ пошли за нимъ въ погоню. Одного покойника узнали: то былъ наемный изъ далекой стороны зодчій; онъ занимался всѣми перестройками, и починками ковенскаго замка. Другой бѣглецъ не былъ никому извѣстенъ; по одеждѣ, онъ былъ также круглецъ, но никто и никогда его не видѣлъ въ замкѣ...

Съ торжествомъ возвращались поимщики въ замокъ. Послѣдній, одинъ только, шелъ въ глубокой задумчивости, опустивъ лукъ, съ котораго слетѣли двѣ смертельныя стрѣлы.

— «Ай да Альфъ!» кричали латники. «Художникъ, нечего сказать. Двѣ стрѣлы и двѣ смерти!»

—

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

КОНЮХЪ.

Альфъ не пошелъ съ товарищами въ замокъ; онъ воротился на предмѣстье. Въ тѣсномъ домикѣ, возлѣ самыхъ конюшенъ, помѣстилъ Альфъ свою Сару, которую Трофимъ, троцкій ключникъ, не зналъ куда дѣвать. Хозяева съ удовольствіемъ согласились на предложеніе Альфа, котораго знали и почитали за самаго ближняго къ князьямъ человѣка. Ужинъ, скудный, но по состоянію хозяевъ, весьма роскошный, стоялъ въ комнатѣ, гдѣ сидѣла Сара; но она какъ будто кого-то поджидала; и не ошиблась Сара. Альфъ, разстроенный, задумчивый, вошелъ съ роковымъ лукомъ. Онъ не покидалъ оружія, напротивъ, вынулъ мечъ: онъ старался очистить его отъ свѣжей крови. Испуганная Сара осыпала его вопросами. Напрасно. Окончивъ непродолжительную работу свою, Альфъ сказалъ сухо:

— «Не твое дѣло, Сара. У кого нѣтъ сокровищъ, пусть ищетъ подвиговъ: на нихъ можно иногда купить то, что дороже всякаго сокровища... Дѣла идутъ на ладъ!..»

— «Какія дѣла, Альфъ?»

— «Не твое дѣло, Сара! Я подарилъ тебѣ жизнь; больше не требуй. Но если хочешь отплатить мнѣ добрымъ платежемъ, такъ будь неблагодарна. Я люблю это чувство. Есть такіе, что любятъ играть огнемъ и отвѣдывать: горька ли отрава?»

Головка Сары поникла долу. Уничтоженная, она

не слушала черныхъ размышленій Альфа, а онъ не обращалъ на Сару никакого вниманія; онъ мечталъ, то разсуждалъ вслухъ; то улыбался такъ злобно, что лице его принимало выраженіе полнаго, закоснѣлаго злодѣя.

— «Несчастіе — надежный совѣтникъ,» опять громко заговорилъ Альфъ, поглядывая сомнительно на двери: «Благодарность должна быть примѣрная... Всю жизнь я долженъ посвятить только на то, чтобы загладить, искупить мои преступленія. Какъ вспомню, мнѣ и смѣшно и досадно... Я соперникъ Кейстута! Я мужъ Бируты! Тьфу ты, глупости!»

Альфъ плюнулъ и всталъ.

— «Спасибо Ольгерду!» продолжалъ онъ, ходя: «Давно бы такъ! Конюхъ — вотъ это мое мѣсто; начинай я съ конюха, тогда у меня все — мое; безъ подвига, что безъ лѣстницы, на стѣну не взлѣзешь... А то милости ни за что, ни про что. Ну, да спасибо Цвиркуну; избавился я отъ этихъ милостей, стану служить, у меня своя слава будетъ... Я имъ покажу, какъ надо служить; имъ и не снилось, что значитъ покорность и смиренье! Пришлось мнѣ доблесть, какъ хитрость, показывать. Да что я заумничалъ. Служить, такъ служить! На конюшню!»

И Альфъ съ особенною быстротою отворилъ двери. Кто-то проворно прислонился въ темный уголъ и затаилъ дыханіе.

— «Кто здѣсь?» спросилъ Альфъ: «Сара, посвѣти!»

Тайный гость не хотѣлъ быть открытымъ въ непріятномъ убѣжищѣ, и добровольно вышелъ изъ укрѣпленій, захлопнулъ двери и сказалъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ:

— «Альфъ! Старая привычка: и волочиться, и подслушивать. У Нѣмцевъ въ Полунгѣ ее перенялъ. Я тогда не зналъ, что я князь Овручскій и учился служить лазутчикомъ!»

— «Князь Борисъ Юрьевичъ! Прости за мою неосторожность; право, не зналъ, что у меня такой высокій гость, да еще и женихъ моей сестры.»

— «Благо свадьба не уладилась, но — зачѣмъ же ты мнѣ про сосѣдку ничего не пенпнулъ?»

Альфъ указалъ на двери и продолжалъ значительно, понизивъ голосъ:

— «Она мнѣ чужая. Нашему брату, конюху, такая красавица не подъ-стать: у нее норовъ дурацкій. Дичится. Съ разу больно не приставай; а придетъ пора — обойдется. Милости твоей не во гнѣвъ, пожалуй въ нашу избу.»

Альфъ отворилъ двери. Борисъ, не безъ смущенія, вошелъ въ комнату.

— «Послушай, Сара!» сказалъ Альфъ ласково: «прошу князя жаловать; онъ на нашемъ дворѣ и лучше и умнѣе всѣхъ... Да и за ласку ко мнѣ надо быть благодарнымъ... Займись, Сарочка, съ княземъ, а я на конюшню. Служить, такъ служить.»

И, не ожидая ни отвѣтовъ, ни вопросовъ, вышелъ на улицу. Дѣло шло къ утру; хотя по осени очень было еще темно, и на небѣ не только зари, ни одной звѣздочки не видно. Альфъ осмо-

трѣлся: нигдѣ никого, только въ большой башнѣ огни въ окнахъ горѣли. Альфъ протянулъ руки въ ту сторону, гдѣ, по его мнѣнію, находилась Полунга, и вздохнулъ глубоко... заплакалъ, отеръ слезы и пошелъ заправду на конюшню. Тамъ всѣ конюхи были уже на ногахъ. Старшій, Лазарь, ходилъ съ плетью и надсматривалъ. Альфъ подошелъ къ нему и сказалъ почтительно:

— «Лазарь Сергѣевичъ! Великій князь меня въ конюхи пожаловалъ. Укажи мѣсто и дѣло.»

Изумился и Лазарь и вся конюшня.

— «Что ты это, князь, шутить изволишь?»

Но Альфъ сталъ горько жаловаться на свою судьбу, на свои преступленія; просилъ Лазаря скорѣе назначить его къ дѣлу, для того, чтобы скорѣе имѣть случай показать князьямъ свою покорность и заслужить ихъ ласковое слово. Лазарь былъ глубоко тронутъ раскаяньемъ Альфа, и желая сколько возможно болѣе содѣйствовать ему въ такомъ добромъ намѣреніи, въ торопяхъ отдалъ ему Гидру, великокняжескую кобылицу.

— Нѣтъ,» сказалъ Альфъ: «этой не возьму. При ней есть старый, жалованный конюхъ. Дай другаго коня...»

— «Другаго! Да вотъ кстати! Онисимъ, что при Амулатѣ, въ нѣмецкой свалкѣ пришибенъ. Стань ты пока за него, а пока оздоровѣетъ, тебя князья опять за пазуху возьмутъ...»

— «Судьба!» проворчалъ Альфъ и пошелъ на троцкую конюшню; Лазарь проводилъ его. Молча, отвязалъ Альфъ Амулата, вывелъ на конюшенный

дворъ и, захвативъ весь принадлежащій къ дѣлу снарядъ, сталъ его чистить.

Лазарь поглядѣлъ на Альфа, покачалъ головой и отошелъ по службѣ. Альфъ пересталъ чистить Амулата, отступилъ на два или на три шага, сложилъ руки, и сказалъ съ невыразимою печалью:

— «Конь! Еслибъ ты могъ понимать меня!»

Альфъ растерялся въ черныхъ думахъ; приближавшійся голосъ Лазаря вывелъ его изъ забывчивости. Альфъ отвязалъ Амулата; не дочистивъ, отвелъ въ стойло, засыпалъ овса, подложилъ сѣна и, проходя мимо Лазаря, сказалъ съ дѣтскою покорностью:

— «Позволь домой сходить на часокъ, ворочусь къ свѣту...» и ушелъ, не ожидая отвѣта.

— «Постой же, дружокъ,» подумалъ Альфъ, подходя къ своему дому: «Ты меня подслушивалъ; поучимся и мы твоему ремеслу...» и въ томъ же углу Альфъ прислонился. Но что́жъ? Тамъ шелъ такой ничтожный разговоръ: ни одного важнаго слова, ни одного значительнаго намека; Борисъ хвалилъ красоту и обращеніе Нѣмокъ; разсказывалъ про разные рыцарскіе случаи и шалости, разрушалъ безъ труда всѣ ограды дѣвичьей добродѣтели — и Альфъ не выдержалъ: «Не того мнѣ нужно,» подумалъ онъ, и вошелъ въ избу.

— «Что ты это, Альфъ?» сказалъ князь Борисъ: «Неужели ты слова́ великаго князя, сказанныя въ сердцахъ, принялъ за правду!»

— «За правду, князь, и очень радъ моей правдѣ. Меня насильно важнымъ человѣкомъ сдѣлали;

я и задумалъ о себѣ по-княжески; а теперь все понялъ; и знаешь, князь, если хочешь имѣть во мнѣ вѣрнаго слугу, такъ сдѣлай княжескую мнѣ милость: не затѣвай съ князьями про меня рѣчи; они всѣхъ дворскихъ своихъ не знаютъ и про меня забудутъ. Да вотъ что еще. Ты, князь, у Кейстута теперь на моемъ мѣстѣ, такъ купи у меня и все имущество. Деньги приберегу: на старость пригодятся. Въ Вильнѣ у меня добрый дворъ, другой въ Трокахъ, третій въ Гроднѣ. Подъ Троками у меня есть городокъ Китовъ Дворъ съ волостью, да еще въ эйрагольскихъ лѣсахъ угодья и городокъ. Да тѣ еще отъ Гедымина получены, такъ я ихъ себѣ на черный день прячу. Купи, князь! Заставь о себѣ Бога вѣчно молить!..»

— «Да какъ же я, безъ княжеской воли, куплю!»

— «Да ты только боярину скажи, онъ уладитъ; пожалуй, и денегъ дастъ сколько нужно; я и не торгуюсь; какъ боринъ положитъ, такъ всему и быть... И если ради большихъ денегъ, всего разомъ и заплатить мнѣ не можетъ, такъ я его боярскому слову, сколько онъ хочетъ, вѣрю...»

— «Альфъ!» сказалъ Борисъ, приметно тронутый: «Мнѣ кажется, ты впалъ въ отчаянье; береги свой разумъ; ты близокъ къ бѣдѣ, а гнѣвъ великаго князя минетъ...»

— «Да ты только купи у меня имѣніе. Я въ русскую вѣру перейду; въ эйрагольскихъ лѣсахъ монастырь поставлю; на старость и самъ тамъ, послѣ службы, отдохну. Мнѣ, бездомному холостяку, и этого счастія больно много... Я теперь

уже на свою старость не нарадуюсь — и какъ ни говори, князь, а грѣхи мои не такъ еще велики, чтобы ихъ молитвой да добрыми дѣлами нельзя было очистить. И сказать ли тебѣ правду, князь, чѣмъ ты скорѣе все это у меня купишь, тѣмъ лучше: я и началъ бы строить обитель. Въ одинъ годъ дай Богъ рвы выкопать; хочу съ валомъ, да съ каменной стѣной; такъ, видишь, десятокъ лѣтъ платить мнѣ можешь деньги. Не заикнусь...»

— «Жаль мнѣ тебя, Альфъ! Ты много испыталъ горя, это правда; но горе исправило тебя; славные подвиги вознесутъ тебя большою честью; женишься, удѣлъ дадутъ... а ты...»

— «А я — не хочу чести. Не купишь ты, буду другихъ просить. Охотниковъ найти не трудно. Нѣмецкой добычи нынче много; — сбуду; только ужъ кто купитъ, тотъ и мою Сару бери, и береги и нестуй, и замужъ выдавай, всѣ хлопоты съ моихъ рукъ снимай!..»

Сара залилась слезами и отвернулась. Горько ей стало, но за то послѣднее предложеніе Альфа соблазнило влюбчиваго юношу, особенно въ то время, когда не только позволялось имѣть плѣнницъ, но богатые даже покупали молодыхъ дѣвицъ у бѣдныхъ родителей, и обращались съ ними, какъ съ военною добычей. Альфъ, не поднимая глазъ, продолжалъ:

— «Бѣдному конюху такая красавица — обуза. Да и соблазнъ великъ, кому теперь о раскаяньи думать надо. Пока хворала, и страха не было... А теперь погляди: кровь съ молокомъ; черныхъ

кудрей не вымѣряешь; брови, что̀ двѣ дуги небесныя, а подъ ними будто молніи, глазки бѣгаютъ... Искушеніе до недуга! И не будь я конюхъ, Альфъ безъимянный, до утра еще Сару въ эйрагольскія лѣса отправлю; пусть-ее тамъ сторожатъ старухи, пока доброму человѣку не сдамъ на руки. Я знаю себя... Глупъ и молодъ... Она — грѣхъ на дорогѣ... Благо, случай есть...»

— «Погоди до утра!» сказалъ Борисъ, вставъ съ мѣста.

— «До свѣта!» отвѣчалъ Альфъ: «Ложись спать, Сара!»

Борисъ поспѣшно ушелъ изъ избы. Сара бросилась Альфу въ ноги, но конюхъ не слушалъ ее, хохоталъ и хлопалъ въ ладоши. Нѣсколько опомнясь, онъ схватилъ Сару за руку и сказалъ нѣпотомъ, но съ страшнымъ выраженіемъ:

— «Я спасъ тебѣ жизнь: эта жизнь моя; не твое дѣло, пошла спать!»

— «Безчеловѣчный!»

— «Человѣчество, состраданіе... о! я испыталъ ихъ, Сара!.. но не твое дѣло... Спать!..»

Почти насильно бросилъ онъ Сару на бѣдную постель, потушилъ свѣтильникъ и вышелъ на улицу Чуть-чуть свѣтало. Альфъ сѣлъ на порогѣ сѣней, и опять сталъ мраченъ, и опять задумался. Только трупъ сидѣлъ на полусогнившемъ бревнѣ... а душа?.. а думы?..

—

На мысѣ, образуемомъ соединеніемъ Вильи съ Нѣманомъ, расположенъ былъ старый шестиба-

шенный ковенскій замокъ, который ни въ чемъ не уступалъ Кёнигсбергскому и лучшимъ нѣмецкимъ твердынямъ. Вокругъ высокихъ стѣнъ, съ крытыми ходами и бойничными окнами, обтекалъ глубокій каналъ, защищенный огромнымъ палисадомъ, который разбивать надо было бы какъ валъ или даже стѣну. Обширность замка была весьма значительна. Въ немъ находилось болѣе ста каменныхъ зданій; остальная оконечность мыса была покрыта крѣпостными хитростями и мелкимъ кустарникомъ. Съ восточной стороны къ самому палисаду лѣпились также каменныя зданія, простиравшіяся слишкомъ на полъверсты. Этотъ посадъ былъ собственно городъ Ковно, и такъ же обнесенъ довольно высокою стѣною съ бойничными окнами и крытымъ ходомъ. Ковно, по мѣстоположенію своему, должно бы считать столицею языческаго племени Литвы. Отсюда, какъ радіусы, разбѣгались рѣки, на которыхъ сидѣла погань литовская; она составляла небольшой удѣлъ великокняжества, главное составляла Русь, и потому великіе князья старались избирать столицу ближе къ русскимъ удѣламъ, вотъ почему заложено было и Вильно на самомъ рубежѣ языческой Литвы. Въ Ковнѣ не было въ это время ни одного христіанскаго храма. Въ случаѣ пребыванія на замкѣ великой княгини, богослуженіе отправлялось въ походной церкви. Язычество здѣсь было на полной волѣ. Большой посадъ стѣной своей примыкалъ къ священнымъ дубравамъ, къ садамъ Мильды и большому кладбищу, гдѣ возвышались бога-

тырскіе курганы. Въ дубравахъ и садахъ разсыпаны были капища, истуканы, бесѣдки; на одномъ изъ малыхъ посадовъ или собственно предмѣстій, возвышалось главное ковенское капище, богинѣ Мильдѣ посвященное. Какъ и греческая Киприда, литовская богиня любви, носила разныя имена; отъ ковенскаго ея имени, Алексота, и предмѣстіе называлось Алексотой и это предмѣстіе было сборнымъ мѣстомъ городскихъ и окрестныхъ язычниковъ. Въ Романѣ нашемъ не рѣдко представляются картины чувственныхъ наслажденій, звѣрскія понятія о любви и бракѣ; но таково было язычество и на Алексотѣ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, посвященномъ Мильдѣ, когда всѣ сады ея покроются свѣжею молодою зеленью, когда, что ни шагъ, то кустъ благоуханныхъ цвѣтовъ, что ни жрица, то красавица, когда все языческое юношество стекается сюда по обязанности торжествовать праздники своей Венеры... въ апрѣлѣ, говорю я, на Алексотѣ — Цитера... Все въ заговорѣ противу самыхъ твердыхъ сердецъ. И воздухъ дышетъ негой, и цвѣты съ сладострастнымъ благоуханіемъ, и жертвы, и пѣсни птицъ и пѣсни ковенскихъ жительницъ, эти исполненныя страсти *дайны*, гдѣ будто слышанъ шелестъ поцѣлуевъ, шопотъ тайныхъ рѣчей и коварныя игры, гдѣ невинныя дѣвы, гремятъ своими колокольчиками, а бѣгаютъ по садамъ Мильды съ мужчинами, ночью съ фонарями ходятъ гадать объ женихахъ въ глухія мѣста священныхъ дубравъ. Посмотрите на Нѣманъ и на Вилью; — цѣлыя флотиліи литовскихъ гон-

домъ, съ шумными дайнами, плывутъ далече; по ту сторону Нѣмана волнуются высокія горы, а тамъ капище бога Рагута съ бесчисленными рагутницами; тамъ Каунисъ, литовскій Адонисъ, принимаетъ гостей, отправленныхъ къ нему лукавой Мильдой, и на пространствѣ многихъ верстъ шумъ, пѣсни, веселіе, разноцвѣтныя толпы, разнообразныя жертвы, гаданія и наконецъ — супружества... Не одна дѣва въ Ковнѣ броситъ свой колокольчикъ, фонарь и отческій домъ, и въ маѣ ѣдетъ старшей женой или хозяйкой въ чужую избу... Но и не одной дѣвѣ, по возвращеніи домой, строгій отецъ самъ отрѣжетъ тотъ же колокольчикъ, при чужихъ людяхъ и предастъ стыду и посмѣянію, пока неосторожная не привыкнетъ къ позору въ обществѣ рагутницъ, гдѣ для нея — послѣднее и единственное прибѣжище. Для пріѣзжихъ въ Ковнѣ — только одинъ апрѣль, будто карнавалъ какой, предлагалъ разнообразный рядъ забавъ и наслажденій; для своихъ — круглый годъ безпрерывный праздникъ, и не смотря на позднее время года, на добрые морозы и ледъ, показавшійся у береговъ Нѣмана, на Алексотѣ то же веселіе, игры и забавы. Пребываніе въ Ковнѣ князей и многочисленныхъ дружинъ привлекло туда и окрестныхъ невѣстъ: Матушки вездѣ и всегда однѣ и тѣ же... и храмъ Мильды не запирается; жертвы смѣняются играми, пляской, пѣснями, и опять жертвы и вотъ уже утро, свѣтло; а на веселой Алексотѣ никто еще не ложился.

— «Пора, Вергунисъ, пора!» говорилъ Вуль

молодому латнику, изъ Криве-Кривейтовой стражи: «Наплясался. Чай помостъ отъ твоихъ сапоговъ какъ стекло сталъ гладокъ. Пойдемъ. Видишь, свальгоны огни гасить стали; дѣвушки взяли свои Мильдѣ отдаютъ. Пойдемъ!»

— «Эхъ Вуль! У тебя свой наказъ, а у меня свой Да неудача. Сколько ихъ тутъ ни есть дѣвушекъ, всѣ невѣсты; вдовы ни одной...»

— «Ну такъ чтожъ?»

— «Какъ что? Вдова за Литвина по обычаю замужъ идти не можетъ; христіанинъ на нашей не женится; такъ куда ей дѣваться? Вотъ мы съ Гинтовтомъ и выдумали вдовій домъ на Антоколѣ завести.»

— «Выдумаетъ онъ когда нибудь на себя такую бѣду, что и въ теплой водѣ не умоется. Да что же онъ, видно тебѣ свою кривулю далъ, чтобы вдовъ собирать?»

— «Вдовъ — много, а мнѣ надо вдовушекъ, молодыхъ да смазливыхъ. Гинтовтъ для нихъ и новаго вдовьяго бога выдумалъ и уставъ особый. Все будетъ по закону. Ты, Вуль, посланъ, чтобы за Врубой смотрѣть, да ему Гинтовтову волю пересказывать, а я дальше поѣду. Говорятъ, что за Эйраголой, отъ мелкаго жмудскаго князька осталась молодая вдова, красавица; какая она тамъ ни есть, а все добраго рода, такъ мы ее во вдовій домъ начальницей. Надо, чтобы во всякомъ дворѣ былъ добрый домъ, а впереди ворота, а кругомъ заборъ... Такъ и во всякомъ дѣлѣ... Ну, Вуль, много меня сегодня дѣвушки алусомъ

напомни за веселую пляску; всякій вздоръ горожу; ты такъ дѣлай, слушай да будто не слышалъ, а не то, Вуль, хоть ты Красному и дядя, и его радостямъ счетъ держишь, да ужъ если что ни есть примѣчу такое, если Вуль проврется, прощай дядя Вуль!.. Пойдемъ.»

Латникъ взялъ свою медвѣжью шапку, которая висѣла на ручкѣ у какого-то бога, и поклонясь Мильдѣ, вышелъ изъ капища съ Вулемъ. Толпа народа бѣжала къ воротамъ, которыя вели въ священную дубраву всѣхъ боговъ. Вуль съ латникомъ, отъ нечего дѣлать, пошли туда же; прошло не мало времени, пока они могли протѣснитъся въ лѣсъ; но и тамъ не было просторно: всѣ толкались, спѣшили къ божницѣ, возвышавшейся надъ Нѣманомъ. Противу самой божницы стоялъ костеръ, высокій, съ двумя по бокамъ сходами. Конь Эйваса уже стоялъ на кострѣ, возлѣ стулъ съ высокой спинкой, кругомъ торчали жерди; на нихъ качался шлемъ, висѣли латы; нѣсколько сосудовъ и сундуковъ стояло около стула. Тысячи дикарей черной рамой обливали театръ страшнаго обряда, который давно уже начался въ капищѣ всѣхъ боговъ — богатымъ жертвоприношеніямъ. Вуль съ латникомъ, благодаря одеждѣ послѣдняго, свободно прошли сквозь толпу и остановились возлѣ небольшаго кружка витязей великокняжеской дружины; у всѣхъ у нихъ забрала были опущены. Золотые иголки на шлемахъ и кресты на щитахъ обличали христіанъ и благорожденныхъ. Вуль тащилъ латника подальше отъ опаснаго сосѣдства,

но Вергунисъ отъ дѣвичьяго алуса сталъ упрямъ нестерпимо, и Вуль долженъ былъ тутъ же остановиться; чтобы не обратить на себя особеннаго вниманія витязей.

— «Не дохватитъ стрѣла» сказалъ глухимъ голосомъ одинъ изъ витязей... «Мы дурно распорядились.»

— «Нѣтъ!» отвѣчалъ другой: «я больно надѣюсь на силу и сноровку Омельяна... Идутъ...» —

И вышли жрецы, и за ними Эйвасъ, босой, безъ шапки, въ длинной бѣлой рубахѣ... Страшенъ былъ видъ дряхлаго старца, но не смотря на крѣпкій утренній морозъ, онъ не обнаруживалъ никакого чувства холода, бодро взошелъ на костеръ, и закричалъ громкимъ, твердымъ голосомъ: «Зажигайте!»

Въ это время на самой вершинѣ городскихъ воротъ показался вооруженный человѣкъ; стрѣла завизжала, но не могла долетѣть до костра, понизилась и зацѣпивъ шапку Вуля, благополучно стащила ее съ головы... Народъ заволновался... Ловите предателя! ловите убійцу! закричали витязи, и вся громада дикарей, оскорбленныхъ нарушеніемъ священнѣйшихъ законовъ самосозженія повалила къ воротамъ; между тѣмъ костеръ уже запылалъ. Эйвасъ началъ было свое проклятіе, но дымъ задушилъ дряхлаго старца. «Скорѣе, скорѣе!» кричали витязи на погребальныхъ жрецовъ: «Видите, какъ старикъ мучится, видите, какъ онъ упалъ... бьется, не давайте страдать долго» — и огненный столбъ поглотилъ Эйваса... Чернь,

увидавъ огонь, бросилась къ костру, но уже было поздно, она неслыхала страшной Эйвасовой тайны, и витязи довольные удачей, собрались въ обратный путь.

— «Видишь какіе проказники! Это ихъ хитрость,» сказалъ кмѣльной латникъ. Витязи оглянулись, посмотрѣли другъ на друга, окружили Вуля и Вергу́ниса, молотомъ приказали имъ повиноваться и повели съ собою на замокъ. Вуль дрожалъ какъ листъ; Вергу́нисъ бормоталъ по-литовски неизвѣстную брань; но, къ удивленію Вуля, когда витязи взошли на подъемный мостъ, остановились, поблагодарили спутниковъ за проводы и оставили ихъ на мосту, къ полному ихъ удовольствію и къ полному недоумѣнію. Поняли витязи. На улицахъ замка съ трудомъ можно было пробираться; всѣ возможные роды повозокъ выѣзжали изъ замка: то былъ обозъ Великой Княгини. Витязи поспѣшили къ небольшому нѣмецкому дворцу, гдѣ жила Ульяна Александровна съ дѣтьми и съ своими придворными дамами. Витязей впустили на дворъ, даже въ покои. Въ большой палатѣ, посрединѣ стояла Великая Княгиня въ оригинальной одеждѣ; на головѣ была зеленая по бархату золотомъ шитая шапочка, отороченная черными лисицами; двѣ застежки, чешуйчатыя, изъ золотыхъ листковъ, вившаяся въ пуховыя щечки, замкнулись, подъ круглымъ, полнымъ подбородкомъ, пряжкой, осыпанной драгоцѣнными камнями; зеленый бархатный, татарскій полушубокъ, съ мѣховою изъ черныхъ же лисицъ опушкою, плотно обхватывалъ стройный станъ

Ульяны Александровны; многоцѣнный поясъ вился змѣей въ полушубокъ; нижнее платье, изъ золотой ткани, обшитое горностаемъ, оканчивало костюмъ ея, сапоговъ не было видно, но за то можно было слышать стукъ серебряныхъ подковокъ. Весь женскій дворъ былъ одѣтъ почти въ томъ же родѣ; за каждой женщиной круглецъ держалъ покрывало. Возлѣ Великой Княгини стояли Ольгердъ и Кейстутъ, оба въ полной бронѣ. Ульяна Александровна пересказывала весь разговоръ Альфа съ Борисомъ слово отъ слова. Только объ Сарѣ ни намека; и когда витязи вошли въ палату съ поднятыми уже забралами, Ульяна Александровна посмотрѣла на нихъ, и сказала съ грустью: «Гриша, зачѣмъ нѣтъ съ тобой Альфа?!»

— «Прикажешь позвать его?» спросилъ Гриша.

— «Не надо!» сурово сказалъ Великій Князь. «Одинъ день раскаянья не искупаетъ цѣлаго года преступленій. Не надо. — Если это добро, такъ пусть же выростетъ, дастъ плодъ — тогда повѣрю. Мы, передъ пріѣздомъ Бируты, хотимъ съ Кейстутомъ поохотиться на прусскихъ озерахъ. Возьмемъ Альфа съ собой. Служба въ замкѣ, не то, что въ полѣ. Поглядимъ, посмотримъ, а теперь довольно объ этомъ...»

Великая Княгиня, опечаленная отвѣтомъ Ольгерда, подошла къ окну, посмотрѣла на дворъ и какъ будто заглушивъ свое неудовольствіе, сказала съ усмѣшкой: «Готово! все готово... Но не могу понять, отъ чего ты меня гонишь изъ Ковна?»

— «Самая обыкновенная причина... Нѣмцы не далече. Я не могу здѣсь остаться; надо отогнать ихъ далеко отсюда, а не то захватятъ Бируту и, чего добраго, и тебя потревожатъ!»

— «Можетъ быть, можетъ быть» отвѣчала Великая Княгиня задумчиво: «Но сегодня ночью, я слышала по замку былъ шумъ, бѣготня... Вы отъ меня скрываете... а я все знаю...»

— «Неудивительно, когда тебѣ извѣстны всѣ слова Альфа» сказалъ Великій Князь и посмотрѣлъ съ неудовольствіемъ на Бориса, который только что вошелъ въ палату съ Цвиркуномъ. Борисъ покраснѣлъ и посмотрѣлъ въ свою очередь на одну изъ дѣвушекъ Великой Княгини...»

— «Неудивительно,» замѣтила Великая Княгиня съ суровостью: «если молодому человѣку не нравится несправедливость.»

— «Улинька! Справедливость — мужская управа. А Борису стыдно сплетни заводить. Скажи спасибо отцу, да дядѣ, если у тебя языкъ на мѣстѣ остался. Ты, Улинька, въ Кронской монастырь не заѣзжай: тамъ не безопасно; а пожалуй въ Евейскомъ погости, пока Лучанинъ къ тебѣ дружину на встрѣчу выплетъ: а мою съ Мондвидомъ сюда въ Ковно отошли; нужна противу Нѣмцевъ... Ну, поѣзжай съ Богомъ!»

— «Страхъ, какъ ѣхать не хочется! И холодно и страшно! Ужъ если прощенія нельзя дать, такъ подари ему надъ имѣніемъ волю. Монастырь на Эйраголѣ...»

— «Я самъ поставлю!» прервалъ Ольгердъ: «а

будущей весной, когда реки разойдутся и отъ Нѣмцевъ будетъ безопасно, поѣдемъ вмѣстѣ на освященіе... а теперь, Улинька, — пора... поѣзжай!»

— «Нечего дѣлать, ѣду! Да ужъ во что бы то ни стало, а что тутъ у васъ случилось, что вы задумали — все узнаю...»

— «Самъ скажу,» сказалъ Ольгердъ съ улыбкой, взялъ княгиню за руку, и повелъ въ почетный уголъ, приговаривая: «Передъ отъѣздомъ надо присѣсть, Улинька, да Богу помолиться.»

Всѣ, гдѣ и какъ могли, присѣли. Первый всталъ Ольгердъ и всѣ поднялись. Духовникъ прочелъ краткую молитву, и Великая Княгиня поцѣловалась съ князьями, допустила къ рукѣ бояръ и Гриню, и вмѣстѣ со всѣмъ женскимъ дворомъ отправилась въ путь. Князья и бояре провожали ее. На большомъ посадѣ, проѣзжая мимо дома, нанятаго Альфомъ для Сары, Великая Княгиня увидѣла молодаго конюха; онъ все еще сидѣлъ на порогѣ въ глубокой думѣ. Услышавъ топотъ коней, онъ поднялъ голову, вскочилъ, и убѣжавъ въ домъ, захлопнулъ двери...

— «Видишь ли?» спросила Ульяна Александровна.

— «Дымъ?» прервалъ Ольгердъ. «То видно Эйвасъ отправился на скалу блаженства. Прощай, Улинька; жди насъ со снохой; вари пиво и медъ для дорогихъ гостей, а вина и дичи мы отъ Нѣмцевъ привеземъ. Прощай!»

Княгиня уѣхала. Ольгердъ съ Кейстутомъ и боярами медленно возвращался на замокъ. Молодежь

поотстала. Проходя мимо Альфова дома, Великій Князь сказалъ Цвиркуну:

— «Ну, что жъ, дядя, хорошъ новый конюхъ?»

— «Хорошъ. Да больно дорожится. Продаетъ все свое добро; хотѣлъ я было купить для племянниковъ, да куда! бредитъ; не всталъ съ порога; заломалъ свою цѣну, и слова больше я у него не вымолвилъ, такъ и ушелъ.

— «А вотъ я за тебя. Кликни-ка его ко мнѣ!»

Молодежь между тѣмъ совсѣмъ отстала отъ князей; и когда тѣ вошли на замокъ, Борисъ сказалъ витязямъ: «Пойдемъ, товарищи ко мнѣ: по милости Трофима, у меня нѣмецкое вино есть. Даромъ, что онъ троцкій ключникъ, а всѣ ковенскіе погреба на память знаетъ; гдѣ что лежитъ въ потемкахъ найдетъ. Чего ты ждешь, братъ?..»

— «Да вотъ,» отвѣчалъ Гринка: «выпустилъ я двухъ парневъ, да и самъ не радъ. Кажется, они за нами слѣдятъ...»

— «Они, они! Такъ не лучше ли ихъ прибрать, да припрятать?» сказалъ одинъ изъ витязей.

— «Конечно припрятать!» замѣтилъ Борисъ, и всѣ съ особенною скоростью отправились за Вулемъ и Вергунисомъ, и съ добычею воротились на замокъ. Тамъ въ нѣманской башнѣ, ближайшей къ рѣкѣ, молодежь наша расположилась на пиръ. Плѣнниковъ, на всякой случай, бросили въ темницу, просто, по налости, или, лучше, изъ предосторожности, чтобы происшествіе со стрѣлой не вышло наружу. Надо было придумать обвиненіе, и

это, казалось, должно было составить главный предметъ совѣщанія. Вошелъ Омельянъ.

— «Ну, Князь!» сказалъ гость: «Что могъ, то сдѣлалъ; плати! Да еще и за то заплати, что мое имя выдалъ. Погань вездѣ разсказываетъ, что пустилъ стрѣлу Омельянъ; благо, что не знаютъ: какой Омельянъ: у насъ въ дружинѣ Омельяновъ цѣлый сорокъ; да здѣсь на Ковнѣ, говорятъ есть кожевникъ и мортирщикъ, также Омельяны... Хотятъ, анаѳемы, князю Кейстуту жаловаться: такъ смотрите князья, выручать! Попросите только дядю, онъ все уладитъ!»

— «Не бойся, Омельянъ!» сказалъ добрый Гриша: «Благо старикъ отъ дыма задохся, народъ его выслушать не успѣлъ, и проклятіе не дойдетъ до Вильна; оно бы убило несчастную; а князья и бояре не скажутъ. Говорилъ мнѣ Мондвидъ, что Вундина больно похорошѣла, весела, здорова. Одного боюсь, недостерегутъ ее на виленскомъ замкѣ. Что, Борисъ, просилъ ты Княгиню?...

— «Не напоминай, Гриша! Попался и я! Что теперь Великій Князь обо мнѣ думаетъ? И жену отсюда отправилъ, старика Мондвида въ проводники далъ, — не ладно! А все эта лепетунья Лукьяновна. Я ей Альфовъ недугъ, ради простой бесѣды, разсказалъ, такъ, знаешь, сманивалъ богатствомъ, какое у меня будетъ; а она и разбарабанила все Великой Княгинѣ. Ольгерду не стать же разсказывать всѣхъ моихъ шашень, пуще достанется... и я теперь просто въ петлѣ. Да Богъ милостивъ, изворочусь; только что́ же мы съ плѣн-

никами дѣлать будемъ? Еще обуза, и еще быть за нихъ въ отвѣтѣ. Не утопить ли ихъ?...»

— «Почему и не утопить!» сказалъ Омельянъ. «Только ты лучше обожди, Князь. Пусть подъ замкомъ посидятъ. Тутъ въ городѣ есть важная новость: бояринъ, ковенскій городничій, ночью зарѣзался. Думаютъ, что онъ съ покойнымъ зодчимъ и съ тѣмъ другимъ кругленомъ, что-то злое задумывалъ; такъ, чтобы до правды не добрались, самъ себя, того, по цѣнѣ. Говорятъ, городъ Гинтолду на время сдадутъ, а запасную ковенскую дружину — тебѣ, Князь... Вотъ тогда...»

— «Нѣтъ, теперь меня Князь въ Ковнѣ не оставитъ. Тутъ думать нечего; а у меня есть средства, надо попытаться, авось и за нашими плѣнниками грѣхъ какой есть. Подай ихъ сюда!»

Такъ какъ Вуль и Вергунисъ были въ подвалѣ той же башни, то ихъ и привелъ Омельянъ довольно скоро, поставилъ передъ витязями рядышкомъ; подровнялъ имъ ноги и подбородки, чтобы прямѣе стояли, и отступилъ. Гриша и товарищи съ удивленіемъ смотрѣли, что изъ этого всего будетъ; но Борисъ поглядѣлъ на плѣнниковъ подозрительно, выбралъ для начала того, кто постарше, и подозвалъ Вуля. — Хитрый дядя хитрѣйшаго Гинтовта подошелъ къ князю съ такимъ невиннымъ и простодушнымъ видомъ, что Борисъ нѣсколько времени не рѣшался начать своего подвига.

— «Кто ты?» спросилъ Борисъ.

— «Я?» жалобно простоналъ Вуль: «я купецъ,

дровами торгую; а это мой братъ, на службѣ у Криве-Кривейто, пріѣхалъ ко мнѣ въ Ковно погостить...»

— «Такъ ты здѣшній?» спросилъ Борисъ, не зная къ чему бы привязаться, и какое выдумать обвиненіе... Вуль оглянулся, и видя, что всѣ витязи были изъ Кейстутовой дружины и его не знаютъ, сталъ покойнѣе и отвѣчалъ:

— «Здѣшній!»

Казалось, съ этимъ допросомъ все и кончилось. Борисъ былъ совершенно смущенъ, но Омельянъ выручилъ. Онъ подошелъ къ Вулю, посмотрѣлъ ему въ лице и, замахнувшись, спросилъ:

— «Такъ ты здѣшній?»

Вуль не ожидалъ этого вопроса, да еще съ прибавкой такого вопросительнаго знака, задрожалъ и, въ свою очередь, смутился. Борисъ одушевился и приказалъ обыскать плѣнниковъ... Оба повалились въ ноги Борису; но это не помогло, и сначала обыскали Вуля, нашли у него кошелекъ съ золотомъ, ядовитыя лепешки и перстень Криве-Кривейто... Обыскали стражника, нашли золота вдвое и подпись Криве-Кривейто, рунами: ее знали по всѣмъ жмудскимъ рѣкамъ, и у кого она была, тому вѣрили. — Невозможно представить себѣ удовольствія Бориса; онъ занимался своимъ слѣдствіемъ со всею инквизиторскою важностью. Сначала все это забавляло товарищей, но началась пытка. Борисъ крутилъ плѣнникамъ руки, щемилъ ноги, тайны вырывались изъ устъ Вуля, такія тайны, что ужасъ исковеркалъ веселыя лица слѣ-

дователей. Всѣ принялись добывать изъ плѣнниковъ правду, добыли и, почти полумертваго Вуля потащили въ главную башню. Но, къ удивленію, въ сѣняхъ они нашли уже тѣло ковенскаго боярина городничаго, съ кровавой на шеѣ чертой; тутъ же стояли: князь Кейстутъ, Цвиркунъ и Гаштольдъ. Когда привели Вуля, Кейстутъ примѣтно былъ тронутъ и задумчивъ. Онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и ломалъ руки.

— «А этотъ что?» спросилъ Цвиркунъ, указывая на Вуля.

Борисъ разсказалъ страшную тайну, и просился къ Великому Князю; но Ольгердъ сидѣлъ запершись съ Альфомъ въ рыцарской залѣ; слышно было какъ они куда-то уходили и возвратились... Наконецъ двери отворились. Великій Князь стоялъ посрединѣ, держа за руку Альфа. Ласка сіяла на лицѣ его; онъ позвалъ всѣхъ въ залу, и указывая на Альфа, сказалъ торжественно и медленно:

— «Вотъ кто насъ всѣхъ сегодня спасъ отъ вѣрной смерти! Теперь вѣрю его раскаянью! . А! это пятый сообщникъ? Это Вуль, дядя Гинтовта... Гаштолдъ! Повѣсить его на виленскихъ воротахъ.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

ДАЛІЯ.

—

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

КОМЕТА.

Всѣ жители Ковна стояли на улицахъ и крышахъ, на стѣнахъ и бойницахъ и съ ужасомъ глядѣли на небо. Звѣзда огромная, чуть не съ луну, съ лучистымъ огненнымъ хвостомъ, пылала надъ головами испуганныхъ, трепетныхъ зрителей. Въ сторожевой свѣтелкѣ, на главной башнѣ, Великій Князь со всѣми собесѣдниками, не безъ грустнаго чувства наблюдалъ комету. Цвиркунъ искоса поглядывалъ то на небесную гостью, то на ковенскаго Криве, котораго познали на башню толковать явленіе. Кейстутъ сидѣлъ на сторожевой скамьѣ, облокотивъ голову на руки, и мечталъ о землѣ, о земномъ блаженствѣ. Борисъ и Гриша, стояли у входа и съ любопытствомъ прислушивались къ толкованію литовскаго астролога.

— «Горе великое землѣ нашей!» говорилъ Криве.

— «Оно миновалось,» замѣтилъ Цвиркунъ: «Ты вѣрно объ этомъ слышалъ на площади; а не слышалъ, такъ я тебѣ разскажу. Зодчій, что замокъ передѣлывалъ и эту башню строилъ, былъ тайный

нѣмецкій другъ. Вуль, дядя вашего Краснаго Звѣря, виленскій привратникъ, ждалъ здѣсь Врубы съ Бирутой, да отъ нечего дѣлать, давай дурнымъ промысломъ жить. У него перстень Криве-Кривейто: ему вездѣ дорога; до самаго Гданска народъ его вездѣ пропуститъ. Вотъ и послалъ зодчій Вуля что мячемъ перекидывать. Покойный городничій былъ страшный язычникъ. Бывало съ нимъ мы на день разъ сорокъ побранимся: да къ тому и языкъ у него, что заноза, такой злой, колючій: слова спроста не спуститъ, все съ намеками. Какъ пришелъ отъ Великаго Князя указъ, церковь ставить на ковенской площади, потому что на Вильнѣ Черная Смерть, такъ Великой Княгинѣ на житье Ковно Ольгердъ назначилъ, — вотъ его будто оса за носъ укусила... Соберетъ своихъ язычниковъ, да и давай Ольгерда отдѣлывать: бранитъ, ругаетъ, пока не умается. А Вуль, какъ ни простъ, да все-таки посолъ Криве-Кривейто. Вотъ Вуль у него и первый гость; тотъ ругнетъ, а этотъ подкинетъ. До того дошли, что рѣшили Великую Княгиню со всѣмъ дворомъ Нѣмцамъ отдать. Пошелъ Вуль къ Нѣмцамъ, а на свое мѣсто зодчаго оставилъ; тотъ язычникомъ прикинулся; Боярина, пуще Вуля, настроилъ; и открылъ ему, что когда онъ строилъ большую башню, такъ себѣ, подъ рыцарской залой жилье снарядилъ; а въ томъ жильѣ подъемный потолокъ, такъ, что, коли нужно, въ подслушную избу, будто къ себѣ въ опочивальню по лѣстницѣ пройдетъ, тамъ посидитъ да послушаетъ, и, куда хочетъ, оттуда идти можетъ. Го-

родничій на всѣ эти рѣчи только облизывался; ждалъ, что̀ Вуль на все на это скажетъ. Пришелъ и Вуль, а съ нимъ два Нѣмца, тоже знахари во всякой измѣнѣ. Нарядилъ ихъ Вуль кругленцами, и у зодчаго сапиталъ. Городничій все Великую Княгиню уговаривалъ въ башню переѣхать. Видно Богъ берегъ: не захотѣла Княгиня. Ну, нечего дѣлать, отложили до Нѣмцевъ. И Нѣмцы пришли, да маленько запоздали, на самого на Великаго Князя наткнулись. Онъ ихъ по Нѣману заворотилъ, побилъ, взялъ въ полонъ Крапихфельда, бросилъ его въ кронскій монастырь, а самъ въ Ковно. У нашихъ злость пуще разгорѣлась: давай самого убьемъ, зачѣмъ христіанство разводитъ. Въ первую ночь не поспѣли; на вторую мы пришли... а тутъ случай все и открылъ. Трехъ — Альфъ убилъ; городничій зарѣзался, а Вуля повѣсили... Такъ видишь, старикъ, звѣзда — по ошибкѣ, она было думала, что заправду горе приключится, анъ тутъ удалось и княгиню выслать и заговоръ открыть...»

Криве опечалился, и сказалъ съ досадой:

— «Зачѣмъ вы повѣсили Вуля? Онъ много тайнъ унесъ съ собой...»

— «Ну, не очень-то и много! Какъ выгналъ Ольгердъ отъ себя Альфа, тотъ и пошелъ къ зодчему; онъ про заговоръ отъ Крапихфельда что-то слышалъ; пошелъ къ зодчему, а тамъ собраніе; онъ имъ и разсказалъ всякую свою печаль и злобу на князей, и прибавилъ, что Нѣмцы за рѣкой, а городничему ради мороза, надо стражу съ нѣман-

ской башни снять, чтобы Немцамъ сподручнѣе было въ Ковно по лѣстницамъ войти. Тѣ и повѣрили. Зодчій съ кругленомъ пошли околицей вокругъ всего города, да въ кусты къ лодкѣ своей, которую они тамъ ради всякаго случая держали. Городничій пошелъ съ Вулемъ на стѣны, а другой кругленъ съ Альфомъ должны были всю бесѣду княжескую подслушать, и когда князья разойдутся, Ольгердъ ляжетъ и уснетъ — пробраться въ спальню и въ двѣ сѣкиры богатыря искрошить... Въ нѣманской большой башнѣ — Кейстутъ живетъ, такъ ужъ того пусть Немцы убьютъ. Видишь, какъ они все знатно уладили; да ба! не пропало мое ученіе. Совѣсть въ Альфѣ проснулась. Онъ того подслушника сзади мечемъ и угодилъ, а самъ по лѣстницѣ спустился, половицы заперъ, да на предмѣстье, да скорѣе лукъ и стрѣлы, да за бѣглецами; а тутъ и рогъ, а тутъ Альфъ мертвыхъ и воротилъ. Вуль уйти хотѣлъ, да думаетъ: изъ чего я войду? Ему и въ голову не пришло, что одинъ Альфъ все дѣло исправилъ; а на городничаго понадѣялся, да городничій на нихъ не понадѣялся, и смылъ себя чѣмъ-то острымъ по шев... Такъ видишь, старикъ, звѣзду, чай, сейчасъ снимутъ, какъ увидятъ, что горе миновалось...»

— «Нѣтъ!» сказалъ Криве: «нѣтъ! Не вѣрьте ни Альфу, ни себѣ; вѣрьте глаголамъ небеснымъ. Быть великой бѣдѣ!»

— «Ахъ ты ворона, ворона!..» сказалъ Цвиркунъ и плюнулъ: «Зачѣмъ же я тебѣ все это разсказывалъ? Затѣмъ, что ты, хотя и язычникъ,

да честный человѣкъ и князьямъ преданъ... А ты — бѣда да бѣда!»

— «Потому что я честенъ и князьямъ преданъ,» сказалъ Криве: «лгать и обманывать не долженъ. Говорю и повторяю: великая и близкая бѣда. Будьте осторожны! Радуйтесь вашему открытію, наградите Альфа, какъ умѣете; но не утопайте въ безпечности. И знаешь ли, бояринъ, если я не ошибаюсь, то на лицѣ твоемъ написано, что вся бѣда отъ тебя прилучится!»

— «Ахъ ты, старый сычъ!» закричалъ Цвиркунъ: «Я тебѣ пророчить не стану, а просто кулакомъ въ гробъ уложу.»

— «Князья мнѣ дороже, чѣмъ все на свѣтѣ. Плюю на твои обидныя рѣчи. Я самъ боярину равенъ! И у меня есть оружіе: предамъ тебя богамъ преисподнимъ.»

— «А я ихъ мальчишкамъ на игрушки подарю. И тогда выйдетъ на твое. Будетъ бѣда, только не намъ...»

— «Великій Конюшій! Ты мнѣ отвѣчаешь за Кейстута!» закричалъ Криве, и ушелъ.

Восклицаніе Криве привело всѣхъ въ недоумѣніе; молча, опустивъ голову, всѣ пошли въ рыцарскую залу; едва переступили черезъ порогъ, знамя нѣмецкое, украшавшее стѣну, сорвалось и упало къ самымъ ногамъ Кейстута. Опять всѣ посмотрѣли на князя и покачали головами; а Кейстутъ схватилъ знамя, сорвалъ его съ древка, и топталъ съ досады ногами.

— «Отколдуюсь!» сказалъ онъ рѣшительно: «И

на твое мѣсто повѣшу десять вражьихъ знаменъ!»

Въ это самое время вошелъ Альфъ, поднялъ отброшенное древко, и держа его въ рукѣ, сказалъ съ обычнымъ ему во все это время спокойствіемъ и простодушіемъ:

— «Бояринъ конюшій! Отпусти меня на два дни въ Эйраголу.»

— «Зачѣмъ?» спросилъ Цвиркунъ. «Мы въ походъ идемъ, а ты, видно, себѣ какую ни есть забаву затѣваешь.»

— «Нѣтъ, бояринъ, ты знаешь, что у меня на рукахъ невинная дѣвушка: хочу сдать ее эйраголькимъ моимъ старухамъ; а самъ догоню васъ, только путь укажите.»

— «Мы пойдемъ на Шешуну, Альфъ!» сказалъ Великій Князь: «да и то, когда Мондвидъ вернется. Можешь ѣхать; только, право, жидовка тебѣ не пара.»

— «Изъ человѣколюбія, государь; а мнѣ хоть бы ее и на свѣтѣ не было. Спасъ отъ смерти, хочу и отъ грѣха спасти, а тутъ въ Ковнѣ, отъ развратниковъ некуда дѣваться. А коня княжаго пока старому конюху сдамъ; онъ уже оправился.»

— «Перестань, Альфъ, дурачиться! Великій Князь простилъ тебя, а я тебѣ въ конюхахъ силой служить не позволю; стань по прежнему возлѣ Кейстута, на передкахъ.»

— «Ни за что, бояринъ; я хочу пріучить себя къ смиренію, я хочу передѣлать душу мою, норовъ, даже память. Я молодъ, бояринъ, пойду шагъ за шагомъ черезъ всѣ мѣста; дойду и до

большаго. Позвольте мнѣ, князья, стать въ передовой дружинѣ простымъ всадникомъ: и это для меня большая милость...»

— «Нельзя, Альфъ!» сказалъ Великій Князь: «Нельзя! Людямъ соблазнъ. Я отдаю подъ твое начало охотниковъ, или малую мою дружину; Борису запасную; гдѣ нужда, тамъ и вы будете;— а теперь поѣзжай съ Богомъ, да возвращайся спѣшнѣе. Мондвидъ завтра къ вечеру будетъ назадъ.»

Альфъ поклонился и ушелъ, захвативъ съ собою древко. Кейстутъ пошелъ за нимъ, и догнавъ, взялъ его за руку: «Братъ!» сказалъ Князь: «Я много, много тебѣ долженъ...»

Альфъ молчалъ и поворотилъ изъ сѣней въ боковую комнату, или оружейную, гдѣ князья обыкновенно вооружались.

— «Куда же ты идешь, Альфъ?» спросилъ Князь.

— «Полежитъ это древко въ оружейную, я помню, какою дорогою цѣною мы добыли его за Королевцемъ на самомъ берегу моря; я помню, какъ ты опрокинулъ рыцаря, а я изъ замирающихъ его рукъ вырывалъ это древко.»

— «Братъ! Чудныя, богатырскія, сказочныя времена!»

— «Одного жаль: я не понялъ, что все то — было сказкой.»

— «Безъ упрековъ, Альфъ.. безъ упрековъ!»

— «Мнѣ ли упрекать тебя, Князь? Я упалъ съ такой высоты и оглушенъ паденіемъ. Мнѣ стыдно

быть между вами. Я не знаю, что говорить, не смѣю слушать. Переходы отъ злобы къ раскаянью такъ быстры во мнѣ, что не только вы, но и самъ не вѣрю моему сердцу...»

— «Ты доказалъ честность и преданность твоего сердца!»

— «Чѣмъ? Не смертію ли этихъ улитокъ, которыя могли отнять у меня послѣднее счастіе, блистательныя надежды. Нѣтъ, это подвигъ съ дурнымъ дномъ, а на томъ днѣ опасное болото. Забудь меня, Кейстутъ, удали отъ себя! Отыми всѣ поводы къ преступному соблазну! Будто я не могу жениться на вдовѣ князя Эйрагольскаго, и править тѣмъ удѣломъ... Тогда ..»

— «Да она старше тебя...»

— «Тѣмъ лучше: будетъ разуму учить! А съ вами, право, жить не могу: на кого ни взгляну, ножъ въ сердцѣ; память такъ и вскочитъ...»

— «Дорогой Альфъ! но развѣ не все забыто; развѣ мы не помирились съ тобой по-братски?.. Братъ!..»

Альфъ зарыдалъ, и сѣлъ на скамью. Князь продолжалъ:

— «Братъ, дай руку мнѣ! На жизнь и смерть...»

— «Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!» почти кричалъ Альфъ: «Не того мнѣ нужно!»

— «Чего же?»

— «Презрѣнья, ненависти! За всѣ мои преступленія ты еще не заплатилъ мнѣ этимъ чувствомъ. Луна ходитъ взадъ и впередъ, звѣзды зарождаются вечеромъ и умираютъ утромъ; а эта незаконная

звѣзда... ты ее видишь... это я... это Альфъ безъименный... И мудрецы не знаютъ ей названія, князь назови ее...»

— «Ребяческія думы, Альфъ!»

— «Конечно, у кого вокругъ сердца стѣны подняли, задушили сверху мѣднымъ котломъ, снизу затопили смраднымъ болотомъ... Оно гніетъ... оно сгніетъ... останется отрава...»

Альфъ всталъ; глаза его воспалились, ноги дрожали:

— «Видишь?» продолжалъ онъ: «Кружится снѣгъ, встаетъ буря... Медвѣдь поднялся на заднія лапы... Стрѣляй... не то онъ съѣстъ тебя...»

Альфъ засмѣялся, схватилъ Князя подъруку, и давай водить его по оружейной, приговаривая:

— «Видишь, князь, что тамъ глубоко блеститъ будто стеклышко: то глаза ея, свѣтятъ очи будто огни; ты отъ нихъ не убѣжишь. Впились, оторви, больно; пусть лучше жгутъ... Конюхъ! Прикрой попоной грудь .. Эй, въ обозѣ, что дома: покойно! Чтожъ ты, не снимешь съ кувшина узкой шеи? Тамъ вино. Глина сѣкиры не стоитъ... Растопчи... Слышишь, музыка, бубны стучатъ? Ѣдутъ... ѣдутъ! на встрѣчу!..» И Альфъ убѣжалъ.»

Кейстутъ едва могъ опомниться отъ неожиданныхъ рѣчей Альфа; онъ прочелъ въ нихъ длинную повѣсть оскорбленнаго самолюбія, и насильно заглушенной любви; онъ понялъ, что безуміе посѣтило Альфа; но напрасно, и Кейстутъ и почти полдружины искали его по всѣмъ закоулкамъ Ков-

на. Онъ увелъ вместѣ съ Сарой изъ дома; но куда? Самый слѣдъ былъ потерянъ.

Прошло и три дни, и сильные морозы пріударили по землѣ и по водѣ. Застылъ Нѣманъ, и дѣти уже бѣгали по гладкому его лицу и любовались быстрой рыбкой, которая подходила подъ самыя ихъ ноги, и прощалась съ осеннимъ солнышкомъ надолго. Ранній морозъ, неожиданная зима, — и люди дивились, и давали ей дурной толкъ, ворожили бѣду, и въ страхѣ ждали чего-то ужаснаго. Вернулся Мондвидъ съ дружиной. Князья ждали Альфа,—Альфа не было. Уже Ольгердъ думалъ было выступить безъ него въ походъ; откладывалъ съ утра до вечера, отъ вечера до утра, и никакъ не могъ изготовиться. Одинъ разъ даже выступилъ въ походъ передовой отрядъ подъ начальствомъ Гриши. Ледъ снесъ всадниковъ, да на горахъ поднялась такая вьюга, мятель, что не стало видно свѣта Божьяго, и Великій Князь воротилъ Гришу... На седьмой день уже вернулся Альфъ, и не одинъ, а съ княгиней Эйрагольской, Даліей. Веселая, рѣзвая, почти дикая Далія, не была похожа ни на одну изъ многихъ героинь нашего романа; только въ верховой ѣздѣ могла съ нею спорить Вундина. Необычайная сила, искуство метать копье и управлять мечемъ, отвага, или, лучше сказать, дерзкая рѣшимость на самые опасные подвиги и, наконецъ, нравъ упрямый, вспыльчивый, непокорный, странно противурѣчили ея молодости и нѣжному сложенію. Съ перваго взгляда Далія вовсе не была хороша; но когда она улыбалась, или

съ умысломъ хотѣла надъ кѣмъ-нибудь испытать силу черныхъ глазъ своихъ — тогда всѣ черты ея лица одушевлялись, играли дикою, соблазнительною прелестью, и рѣдкій отходилъ отъ нея безъ язвы. Пріѣздъ ея въ Ковно изумилъ князей, потому что всѣмъ было извѣстно, что Далія не любитъ ихъ. Покойный мужъ былъ ей назначенъ самимъ Ольгердомъ, потому что она была единственною дочерью послѣдняго князя на Шешувѣ и Шалтонѣ. Князь на Эйраголѣ не прожилъ съ нею и двухъ лѣтъ, умеръ бездѣтный, и Далія сама управлялась и съ двумя удѣлами и съ Нѣмцами. Изъ Биссенской твердыни еще послала она впередъ весь дворъ свой, т. е. двухъ дураковъ и дуру Мармару, да сорокъ разныхъ чиновъ людей, въ числѣ которыхъ былъ и Вергу́нисъ, стражникъ Перкуновъ, отпущенный Борисомъ, такъ-какъ за нимъ никакой государственной тайны не оказалось. При Даліи остался Альфъ, да конюшій Глазокъ, суровый, молчаливый старикъ. Подъ Ковномъ встрѣтилъ Далію самъ Кейстутъ, съ Цвиркуномъ, Борисомъ и Гриней, и отборнѣйшими витязами своей дружины. Увидѣвъ князя, Далія разсмѣялась, и давъ полную волю своему бурному коню, примчалась вскачь и остановилась на самомъ берегу Виліи. Спутники съ трудомъ могли поспѣть за нею.

— «Здравствуй, Князь!» сказала Далія, не снимаясь съ коня: «Все тихо и спокойно въ твоей землѣ по всей Дубисѣ, Шешувѣ и Шалтонѣ. Слышала я отъ твоего брата по оружію, что ты ему отдать мой удѣлъ хочешь. Вотъ я и пріѣхала те-

въ князю челомъ бить, какъ татарскому хану: не снимай съ меня своей милости!»

— «Никто объ этомъ и не думалъ!» отвѣчалъ Князь, опустивъ глаза, съ холодною учтивостью: «Гдѣ такихъ намѣстниковъ взять, какъ ты, княгиня! Твой удѣлъ въ твоей рукѣ. Кто ту руку возьметъ, тому удѣлъ сама отдашь! Не правда ли, княгиня?...»

— «Такъ моя воля? Вы не коснетесь ни моего удѣла, ни руки? Я вдова, я Литвинка! Понимаешь ли, Князь?»

— «Понимаю; но ты больно молода, тебѣ надо и мужа и совѣтчика. Земскій порядокъ, княгиня! Довольно тебѣ, если мы сами въ твой выборъ не мѣшаемся!»

— «Выборъ? Помнишь, князь, я ужъ разъ выбрала жениха, да твой хромой братъ другаго мнѣ прислалъ... Помнишь? Онъ въ Ковнѣ?...»

И не ожидая отвѣта, шагомъ тронулась въ путь. Кейстутъ ѣхалъ съ нею рядомъ; Альфъ и спутники Князя позади, конюшій Глазокъ — поодаль.

— «Какова?» спросилъ Альфъ у спутниковъ: «что, какова? Не Бирутъ чета. Возьму ее себѣ въ жены, возьму, во что бы то ни стало. Теперь она ломается еще, да злость одолѣетъ...»

— «Какая злость?» спросилъ Борисъ.

— «Да всякая вдова злится, пока мужа не пріищетъ; а у Литвы всякая вдова до срока умираетъ, отъ-того что замужъ нельзя. Не умретъ Далія, потому что честность любитъ; и любовника тайнаго не держитъ. Правда, недавно она и овдовѣла...»

— «А что твоя Сара?» спросилъ Борисъ шепотомъ.

— «Сара? Да что тебѣ, Князь, до Сары? Не купилъ, теперь самъ не продамъ; другія мысли, князь, другія мысли. Не монастырь, а крѣпкій замокъ противу Нѣмцевъ подъ Эйраголой ставлю; тамъ дичь литовская, тамъ надо по-литовски жить. Далія жена, да какая? своенравная... а жена должна быть шелковая. Ей мужней ласки не много надо; воли своей и замужемъ она не согнетъ, и съ такой женой нельзя безъ плѣнницъ!...»

Во время этого разговора всѣ въѣхали на замокъ и остановились у крыльца большой башни. Далія поглядѣла на крыльце и покраснѣла. Тамъ не было Великаго Князя. Только круглецы, и то въ самомъ маломъ числѣ ожидали гостей; съ почетомъ сняли княгиню, и повели въ рыцарскій залъ. Ольгердъ въ полномъ вооруженіи стоялъ у стола, гнулъ лукъ, и примѣривалъ стрѣлы, которыя высокой кучей лежали на столѣ и разбросаны были по полу.

— «Негодится!» сказалъ Ольгердъ, отбросивъ стрѣлу. Въ это время гости входили въ залу: «Бабоская! Легка больно; силы не захватитъ. А прусскій медвѣдь будто въ желѣзѣ.»

— «Гости пришли!» сказалъ Цвиркунъ. Онъ сидѣлъ у камина и грѣлъ старыя ноги; — Ольгердъ оглянулся и сказалъ:

— «Альфъ! Три не семь, день не седмица; поди сюда; набей мои колчаны стрѣлами, не въ службу, а въ дружбу; не хочу Цвиркуновой ста-

рости тревожить. Скоро полдень. Сегодня ни на какую вьюгу не посмотрю, а то мы до пріѣзда Бируты и воротиться не успѣемъ.»

Кейстутъ вздохнулъ, Далія вспыхнула яркимъ румянцемъ, Альфу кровь въ голову бросилась; но Великій Князь, будто ничего не замѣчая, продолжалъ:

— «Братъ! Я тебя не хочу неволить, оставайся, пожалуй, въ Ковнѣ; только Цвиркуна и молодежъ со мной отпустите. Ты нынче, какъ любовь почуялъ, совсѣмъ не тотъ сталъ: сидишь больше въ теплыхъ хоромахъ, да на свою женку въ мысляхъ любуешься; орелъ въ гнѣздѣ, а орлятъ и учить некому. Такъ пока любовь не пройдетъ, а она пройдетъ скоро, — я за тебя; а ты, братъ, оставайся въ Ковнѣ, да спи сладкимъ сномъ; тотъ сонъ тебѣ любовь уберетъ, надежда разукрасить...»

Альфъ пересталъ набивать стрѣлы, не смѣлъ смотрѣть на князей; казалось, всѣмъ существомъ ожидалъ отвѣта Кейстута, но на этотъ разъ Князь молчалъ, а заговорилъ, по обыкновенію, Цвиркунъ:

— «Оставайся! Я безъ него не поѣду, онъ безъ меня не останется. Пока еще свадьбы не сыграли — я у него жена. И на что это будетъ похоже? Жена въ полѣ, а мужъ въ теплой избѣ, у нѣмецкой печки, за стѣнами, да за палисадами между двухъ рѣкъ, подъ шестью башнями! Кротъ онъ, что ли?... Когда простые люди на чистомъ полѣ, чудо-богатырь подъ землею, что пепелъ въ курганѣ!»

— «Что же братъ, какъ ты думаешь?»

— «Правду ты говоришь, братъ!» отвѣчалъ Кей-

стутъ, садясь къ камину возлѣ Цвиркуна, въ совершенной разсѣянности: «Да! Крѣпко я обабился! Я теперь въ полѣ дороги не вижу; звѣрь скорой мой слѣдъ откроетъ, а ужъ я и зубровыхъ копытъ отъ заячьихъ лапокъ не отличу. Да и что за невидаль прусскіе медвѣди! Дикій звѣрь не богатырскій подарокъ невѣстѣ. Ольгердъ! Да и тебѣ-то какая нужда, что теперь за охота! Гололедица! Даже порошки нѣтъ! Бываетъ такъ, что мѣсяцъ, два, боги снѣгу не посѣютъ; ужъ если не дружину, такъ лошадей пожалѣй: всѣ безъ ногъ будутъ. Мало того, Нѣмцы теперь по замкамъ сидятъ всѣ на сторожѣ; они уже къ нашему норову привыкли; знаютъ Нѣмцы, ледъ гнется на рѣкѣ, а Литвины уже переправились и гдѣ нибудь приступъ снаряжаютъ. Право, братъ, теперь ни славы, ни добычи. А послѣ свадьбы, вотъ, на, возьми мое слово, всѣ какое ни есть дерево въ Королевцѣ, въ Маріенбургѣ или Гданскѣ, гдѣ хочешь, — выжгу, и живаго рыцаря привезу для послугъ моей Бирутѣ!... А теперь...»

— «Видишь, какъ его звѣзда съ хвостомъ съ толну сбила,» сказалъ Цвиркунъ, лѣниво переставляя ноги: «Говорилъ я, что звѣзду съ неба снимутъ. Вотъ уже третію ночь никто ее не видѣлъ; оно ни слова, всѣ эти дни небо будто сѣрой краской закрасило, зимними тучами заволокло. Все такъ; да ужъ если та звѣзда послана была въ острастку, если она нарочно для тебя съ такимъ хвостомъ повѣшена, такъ ее и сквозь тучи было бы видно.»

— «Не боюсь я звѣзды,» сказалъ Кейстутъ: «нѣтъ; да боюсь безвременья и распутицы. Покато мы съ прусскихъ озеръ воротимся, по малой мѣрѣ двадцать дней...»

— «Двадцать!» вскрикнулъ Ольгердъ: «шесть, семь, ужъ никакъ не больше; а посольство наше, я думаю, и до Полуночи не доползло. Я, братъ, на Врубу не понадѣялся: Савва бояринъ съ двухтысячной дружиной поѣхалъ съ Врубой...»

— «Такъ считай по пальцамъ!» замѣтилъ Цвиркунъ: «По малой мѣрѣ двадцать дней пока ее уломаютъ, пока съ мѣста снимутъ, такъ-то она безъ всякихъ обрядовъ и поѣдетъ, жертву великую отправитъ, Ильги отпразднуетъ.»

— «Правда твоя,» сказалъ Кейстутъ съ крайнимъ уныніемъ: «Бирута не нарушитъ священныхъ завѣтовъ вѣры отцевъ своихъ и не тронется въ путь, пока не отойдутъ эти безконечные Ильги; но, Ольгердъ, не скрою, вотъ главная причина, почему я не могу, не смѣю идти съ тобою въ Пруссы. Для забавы, для шалости, когда нѣтъ нигдѣ ни врага, ни опасности; вмѣсто того, чтобы идти въ храмъ, — легкомысленно, ребячески, я поѣду на дальнюю охоту... Братъ! ты принудилъ меня къ искренности.»

— «Ну, такъ останемся!» сказалъ Ольгердъ: «Я тебя не оставлю одного, пока не отвезу на Троки вмѣстѣ съ княгиней Бирутой; тогда у меня сердце на свое мѣсто ляжетъ, тогда я повѣрю, что звѣзда не объ насъ гадаетъ... Смѣйся, Цвиркунъ, а, право, неспокойно на душѣ... Останемся!»

Кейстутъ не могъ скрыть своего удовольствія; но за то Альфъ сталъ блѣденъ какъ мраморъ.

— «Спасибо, братъ!» между-тѣмъ говорилъ Кейстутъ: «Дай, женюсь; увидишь, какъ я стану изъ долга выплачиваться; вотъ тогда и длинныя Ильги не помогутъ; ну, братъ, а теперь не обижай гостьи; сколько времени она ждетъ твоего ласковаго слова...»

— «Ласковаго?» спросилъ Ольгердъ. «Да кто ей сюда пріѣхать позволилъ? Я самъ позову тебя на судъ, Далія, когда раскрою все, чего уже съ полгода напрасно добиваюсь. Что! Судить не мудрено и безъ улики, да тогда и суда нѣтъ! Найдемъ мы и улики, Далія...»

Рѣзвая, дикая Далія стала тиха, боязлива. Поблѣднѣвъ, она глазами умоляла о чемъ-то Кейстута и Альфа.

Кейстутъ тронулся положеніемъ Даліи и сказалъ:

— «Государь! Если заслуги мои имѣютъ какую-либо цѣну въ глазахъ твоихъ, не оскорбляй княгини; она невинна; по-крайней-мѣрѣ обвинить ее никто не можетъ!»

— «Хорошъ защитникъ!» вскрикнула Далія: «Что жъ ты молчишь, Альфъ? Вставай, начинай свои дворскія: *хотя да если*. Нѣтъ, Ольгердъ, сынъ Гедымина! Далія, дочь Перамона, не приплa на судъ твой, пришла мириться и мужа просить по своему выбору...»

— «Плѣнница!» сказалъ великій князь сурово: «Велика твоя дерзость, но мнѣ любопытно, кого ты выбрала себѣ въ мужья? Говори, я позволяю...»

— «Возьми назадъ свое позволенье!.. Я съ тобой и говорить больше не хочу; тебѣ моего мира видно не надо, тебѣ нуженъ удѣлъ мой; — возьми, я ѣду въ Вильно: тамъ владыка владыкъ придумалъ для насъ убѣжище и отдаетъ его въ мою власть и волю. А захочу замужъ, такъ ужъ вѣрно не за твоего наушника, котораго ты мнѣ теперь назначилъ. Твой Альфъ пусть себѣ невѣстъ ищетъ гдѣ хочетъ, а Далія ему не чета.»

Далія повернулась и хотѣла уйти, но великій князь остановилъ ее.

— «Слушай, Далія!» сказалъ Ольгердъ: «Слово послѣднее. Слушайте и вы, и объявите волю мою всѣмъ и каждому. Любилъ я, какъ сына, Товтивилла Эйрагольскаго, далъ я Даліи въ мужья моего Товтивилла; покрылъ ее великою честію; не прошло и двухъ лѣтъ, Товтивиллъ убитъ въ саду эйрагольскаго замка рукою неизвѣстною; общій голосъ говоритъ на Далію, но я не могъ открыть даже слѣдовъ этого убійства, и некогда. Но... Далія слыветъ красавицей; какъ кому, а иному можетъ нравиться. Кто раскроетъ правду и докажетъ, что она преступница, тому отдаю ее въ плѣнницы; кто очиститъ ее отъ гнуснаго пятна и откроетъ настоящаго убійцу, — тому отдамъ ее въ честныя жены; а въ удѣлѣ я не властенъ: тамъ хозяинъ — братъ Кейстутъ... Гаштольдъ! А пока, чтобы не отвѣчать Богу за то, что упустилъ изъ рукъ преступницу, ковенскія ворота для нея закрылись. Слышишь? Жить ей въ хоромахъ Давидовыхъ, что посереди замка. Въ хоромахъ воли ея

не стѣсняй, а на улицу безъ стражи не пускай; а за ворота — ни подъ какимъ видомъ, ни подъ какимъ предлогомъ. Гаштольдъ! я все сказалъ.»

— «Пойдемъ, Гаштольдъ!» со смѣхомъ сказала Далія: «Пойдемъ! Теперь онъ никогда не узнаетъ тайны Товтивилловой смерти. Насиліе? — Да у меня найдутся и средства и защитники...»

— «И предатели!» сказалъ Альфъ шепотомъ, проходя мимо Даліи. Далія поблѣднѣла и молча ушла за Гаштольдомъ. Нѣсколько шаговъ впереди шелъ Альфъ, безъ оглядки, прямо къ Давидовымъ хоромамъ. Къ удивленію Даліи, весь ея дворъ былъ уже тамъ и ожидалъ на крыльцѣ своей хозяйки. Гаштольдъ поклонился ей у порога, разставилъ стражу, далъ ей наказъ и воротился въ башню. Альфъ уже сидѣлъ въ главной палатѣ, на главномъ мѣстѣ, когда вошла туда же княгиня съ своими дураками, дурой и конюшимъ. Альфъ сказалъ ей со злобной улыбкой:

— «Княгиня, отпусти свою челядь: намъ надо побыть съ тобой наединѣ...»

Далія повиновалась, и, по знаку ея руки, челядь ушла.

— «Слушай, злая баба!» сказалъ Альфъ, едва скрывая свою дикую радость: «Не захотѣла ты быть женой наушника, такъ будешь его плѣнницей. Не хороша ты для меня, а я тебѣ отвратенъ, тѣмъ лучше, слаще будетъ для меня и позоръ твой и мученія на рабскомъ ложѣ... Далія! Въ день смерти Товтивилла былъ въ замкѣ кочующій гость, Буртникъ безъимянный, онъ видѣлъ кончину князя...»

Не такъ-то было легко смутить Далію, какъ полагалъ Альфъ. Она звѣрски улыбнулась и, спокойно усѣвшись возлѣ Альфа, сказала полушутливо, полуласково:

— «Ну, что же видѣлъ твой Буртинникъ?»

— «Князь Тортивиллъ спалъ въ саду подъ липой, которая, склонясь на крышу дома, осѣняла его старыми вѣтвями, такъ что въ узкомъ окнѣ, закрытомъ ея листьями, былъ вѣчный сумракъ...»

— «Довольно подробно; что жъ дальше?»

— «Женская рука отклонила тѣ листья бережно, другая рука держала кувшинъ, долго прицѣливалась, наконецъ кувшинъ опрокинулся надъ самой головой Тортивилла; влага темноватаго цвѣта ударилась въ голову князю; онъ вскочилъ, отеръ лице полою своего кафтана, взглянулъ вверхъ, но ничего не могъ видѣть; видно, глаза повредила та влага. Онъ теръ ихъ да теръ — хуже; потомъ схватился за ухо, застоналъ, закричалъ, сталъ реветь, но пока услышали его голосъ, пока прибѣжали на помощь, князь умеръ. Не правда ли, Далія, такъ это было?..»

— «Страшная смерть! Видно, въ томъ кувшинѣ была крѣпкая отрава...»

— «Крѣпка ли, не крѣпка, ты, Далія, и знать не можешь, потому что вѣрно побоялась отвѣдать. Буртинникъ видѣлъ и лице женщины, то была жена князя, Далія Шалтовская...»

— «Вотъ какъ! Да гдѣ же этотъ Буртинникъ?»

— «Съ тобою, Далія, на одной скамьѣ. Онъ

тогда скрывался отъ князей., пробирался въ Полунгу, но князь изъ Ковна въ шесть коней, догналъ меня, версты четыре за Эйраголой... Княгиня! сегодня же ты будешь моею плѣнницей!»

— «Зачѣмъ же ты медлилъ?» спросила Далія, блѣдная, но съ особенно важнымъ видомъ: «Зачѣмъ ты пріѣхалъ въ Эйраголу женихомъ — и солгалъ, объявилъ тайную волю князя, будто онъ мнѣ тебя въ мужья назначилъ? Зачѣмъ ты въ Эйраголѣ не сказалъ мнѣ про Буртиника... тогда бы...»

— «Тогда бы тотъ самый кувшинъ опрокинулся на мою голову; тогда бы я не узналъ, за что ты нашихъ князей ненавидишь. Ты бы ушла въ Ромново, въ священное убѣжище, а я потерялъ бы жизнь, а ужъ по крайней мѣрѣ, сообщницу!!.. Тогда бы я былъ плохой злодѣй...»

— «Что же ты хочешь дѣлать?» спросила испуганная Далія.

— «Много, очень много! Стыдомъ и безчестіемъ замкнуть уста твои, если не навсегда, такъ на долго; вымучить тайну твою, если не отдашь добровольно; взять тебя потомъ въ плѣнницы, или въ жены: это въ моихъ рукахъ; наконецъ, сдѣлать изъ тебя орудіе, котораго, кажется, только одного не достаетъ для моего замысла.»

— «Чего же ты хочешь отъ меня?»

— «Да развѣ я не высказалъ тебѣ всѣхъ моихъ желаній? — Я сниму съ тебя смерть мужа; одинъ я могу это сдѣлать. Но согласись, глупо будетъ,

если я пойду къ великому князю, не обезпечивъ себя на всякой случай такимъ союзомъ, который уже не разрывается.»

Далія встала, и хотѣла было кликнуть людей своихъ.

— «Далія!» сказалъ Альфъ, схвативъ ее за руку: «Не все ли одно, теперь — или черезъ часъ? Теперь — я обниму тебя какъ жену; черезъ часъ какъ плѣнницу... теперь, я солью твои намѣренья съ моими, ты будешь оправдана, возвеличена, свободна; можетъ быть, даже не женюсь на тебѣ, потому что красота твоя не по мнѣ; а черезъ часъ, я отошлю тебя въ эйрагольскія помѣстья мои въ подарокъ жидовкѣ Сарѣ: ты будешь дурой моей плѣнницы, которая тебя изъ ревности будетъ ненавидѣть... Никогда уже не отомстишь своей обиды; — а теперь мы можемъ еще слить наши обиды, подѣлиться местью... Похоже ли это на тебя, Далія? — Ты не боялась злодѣйства, а испугалась пустой, ничтожной шалости... Наконецъ, кто знаетъ, мы можемъ еще и понравиться другъ другу...»

Уговаривая Далію, Альфъ нечувствительно болѣе и болѣе разгорячался, обнялъ княгиню, и увелъ во внутренніе покои.

Уже и вечеръ насталъ, а Далія все еще разсказывала свою тайну. Коротка была повѣсть, да длиненъ разсказъ. Она клялась Альфу, что позабыла Кейстута; она убѣждала Альфа, что новая страсть занялась въ ея сердцѣ.

— «Ольгердъ зналъ» говорила Далія: «что

Кейстутъ — любимецъ сновъ моихъ, что я, оставшись сиротой, только о томъ и думала, какъ бы удивить льва литовскаго моими подвигами, привлечь его на Шалтону, очаровать его... И онъ былъ на Шалтонѣ, и я призналась въ любви, и онъ посмѣялся любви моей. По милости Товтивилла, Ольгердъ узналъ обо всемъ. Кейстутъ презрѣлъ меня, но сохранилъ тайну, а Товтивиллъ разнесъ ее по всему жмудскому княжеству, и даже за Вильей знали о моемъ униженіи... Два года я сносила всѣ муки отъ ненавистнаго Товтивилла; казалось, онъ мстилъ мнѣ за любовь къ Кейстуту. Долѣе я не могла сносить моего положенія; я обѣщала моему тайному другу, который былъ поуши влюбленъ въ меня — блаженство любви, даже руку — и ядъ былъ отысканъ, и Товтивиллъ погибъ. И на другой день, на дальней охотѣ, стрѣла ядовитая освободила меня и отъ страшнаго обѣта и отъ ненавистнаго сообщника... Кто же преступникъ? Развѣ я не могла остаться въ дѣвушкахъ, развѣ я просила мужа; — а желать въ мужья Кейстута я могла, я смѣла, и по роду моему и по вѣрѣ!.. Альфъ! Миновалась любовь; ты зажегъ во мнѣ новое чувство; но не могу спокойно подумать, что Кейстутъ, такъ близокъ къ восторгамъ той любви, которая была источникомъ всѣхъ моихъ несчастій, всѣхъ моихъ преступленій. Альфъ, я твоя! Но изъ дружбы къ Кейстуту, не лишай меня...»

— «Чего?» спросилъ Альфъ, примѣтивъ, что Далія будто опасается высказать свои чувства. «Мести, Далія, мести?»

— «Мести, Альфъ, мести! Но ты за что хочешь мстить князю...»

— «И со мной случилось тоже, что и съ тобой, Далія! Я любилъ Бируту, меня обсыпали обидами, насмѣшками, унизили въ собственныхъ глазахъ моихъ; широкое сердце сдавили въ тѣсную душонку злодѣя. И что же? Случай, злоба, месть... открыли мнѣ глаза. Я твой, Далія; но безъ мести мое блаженство полнымъ не будетъ... Сегодня же ты получишь свободу... но не забудь, ты должна быть моею женою; не такъ ли, Далія?»

— «Милый другъ! Теперь ты сталъ для меня полубогомъ... Жизнь и смерть пополамъ.»

— «Прибавь, Далія, и месть! Но пора, надо думать, они подойдутъ еще сегодня...»

— «Кто?..»

— «Друзья, Далія, друзья!.. Прощай!»

Альфъ нѣжно обнялъ Далію, поцѣловалъ и пошелъ къ великому князю.

Въ больной башнѣ замѣтно было сильное движеніе: круглецы бѣгали изъ башни на стѣны, другіе перебѣгали по улицамъ; на крыльцѣ стояли вооруженные князья и бояре; кони нетерпѣливо били копытами въ землю, а легкій снѣгъ безъ вѣтра струился и бѣлилъ крыпни. Хотя уже былъ вечеръ, но еще можно было различать предметы довольно явственно. Альфъ посмотрѣлъ на башни: съ больной было уже снято великокняжеское знамя, съ Нѣманской старшей — Кейстутово, съ другихъ также снимали знамена. Не было сомнѣнія,

что князья затѣваютъ ночной походъ; и когда Альфъ вошелъ на крыльце, Цвиркунъ спросилъ съ неудовольствіемъ:

— «А ты гдѣ былъ, черное зелье? Великій князь спрашивать тебя усталъ. Ступай, вооружайся; охотничья дружина вся на коняхъ, и твой конь тамъ...»

— «Пусть побудетъ!» отвѣчалъ Альфъ сухо. «Видно Нѣмцы?»

— «Да кто же съ этой стороны ходитъ? Тутъ большая дорога, вырубили просѣку, будто изъ Литвы садъ дѣлаютъ; хороши цвѣточки, вотъ мы ихъ польемъ кровью. Ступай же, Альфъ! Чего ты на меня ротъ разинулъ? Говорятъ тебѣ: Нѣмцы...»

— «Да какъ же это, дядя, не такое время...»

— «Видишь, знать у нихъ давно рѣки захватило морозомъ; на первый путь понадѣялись; пришли легко, трудно уйдутъ. Борисъ не безъ богатырской смѣтки, а первый подвигъ, что красавица; соблазнъ да и полно!»

— «Вотъ что! Такъ пойду же я къ Великому Князю...»

— «Ну, ступай, коли дѣло, а нѣтъ, такъ на мѣстѣ...»

— «Охъ, дядя!.. Дѣло, дай только Богъ успѣха.»

И Альфъ вошелъ въ оружейную, гдѣ Великаго Князя шесть круглецовъ одѣвали, на горе Нѣмцамъ.

— «Что, Альфъ?» спросилъ Великій Князь лас-

ково: «Дождались дѣла; видно судьбы не объѣдешь.»

— «Государь, счастье, что съ нами всѣ дружины; только бы обойти намъ врага, а не то, какъ нашу силу смѣкнетъ, уйдетъ безъ оглядки.»

— «Догонимъ!»

— «Государь! Время не хватаетъ, а у меня до тебя крайнее дѣло...»

Ольгердъ махнулъ рукой, кругленцы удалились.

— «Говори!»

— «Что въ томъ, если я буду несчастливъ? Не хочу жены безчестной; а Товтивиллъ погибъ по моей милости!»

— «Какъ?.. Такъ я не ошибся; Далія сама...»

— «Государь, ты обѣщалъ тому...»

— «Знаю, знаю, говори дальше...»

— «По твоему слову, Далія моя; но я не хочу взять ее въ плѣнницы, хочу взять ее въ жены. Но если злодѣйство выйдетъ наружу, тогда мнѣ уже жениться нельзя; а я за тѣмъ только и въ Эйраголу ѣздилъ, за тѣмъ семь дней пропадалъ: сманилъ ее сюда; узналъ, что она меня давно любитъ. Не люби она меня, Товтивиллъ жилъ бы до сихъ поръ. На бѣду, я ушелъ отъ Кейстута и скрылся у Далін. Товтивиллъ даромъ умеръ, потому что Кейстутъ догналъ меня, и привелъ на судъ твой въ Вильну. И какъ подумать прилежно, такъ Далія и не виновата. Что я отъ страсти надѣлалъ? Чуть головы не потерялъ; а Товтивиллъ билъ Далію нещадно; разъ хотѣлъ ей ухо отрѣзать, косу извелъ; лгалъ на нее тебѣ, будто она

Кейстута любитъ; правда, по молодости, взбрела ей на умъ однажды дурь такая. Кейстутъ ее снѣшилъ; пожурилъ; она, нечего дѣлать, принялась за меня, а у меня тогда Анастасія на умѣ была, потомъ Бирута... Но, Государь, самъ подумай, ужъ теперь мнѣ Анастасія не невѣста. Ты знаешь Мондвида; онъ за обиду мстить не будетъ; да ужъ и за меня не отдастъ; и не надо. Мнѣ любить нельзя, да и нечѣмъ: сердце у меня выгорѣло; а тутъ чета славная, честная. Я на Дубисѣ буду служить тебѣ такъ, какъ покойный Товтивиллъ служилъ; лучше, сколько силъ станетъ; только жены моей не безчесть! Прости ее! Плачетъ и кается! Мнѣ одному, да тебѣ, Государь, извѣстна ея тайна; мнѣ по любви, а тебѣ потому, что я далъ себѣ слово не скрывать отъ тебя ничего; у другихъ есть отецъ или пестунъ, а у меня...»

Альфъ отеръ слезу.

— «Послѣ похода разсудимъ!» сказалъ Ольгердъ, не рѣшаясь такъ скоро простить убійцу Товтивилла.

— «Видно, мнѣ ни въ чемъ нѣтъ удачи!» сказалъ Альфъ съ чувствомъ: «А мы съ нею и на новыхъ гостей вмѣстѣ собирались. Эйрагольская дружина здѣсь; она прислала ее съ бояриномъ по твоему наказу. Мы думали: я съ охотниками, Далія со своей дружиной; какая забава, какая предсвадебная радость! Богатырскія пострыжины *);

*) Обрядъ предсвадебный, сговоръ, общій всѣмъ Славянскимъ народамъ.

ей другихъ и держать нельзя; вдова, уже разъ постриженa... Все равно, она моя; не простишь, такъ она моя плѣнница; простишь, такъ она еще, чего добраго, отблагодаритъ тебя сама нѣмецкими плѣнниками!.. Строгость въ этомъ случаѣ никому не въ прокъ... А за милость...»

— «Альфъ скажетъ спасибо!» прервалъ Великій Князь: «Я еще въ долгу у тебя! Ну, быть по твоему!»

Альфъ преклонилъ колѣно, поцѣловалъ руку Ольгерда и побѣжалъ опрометью въ Дали. Смерилось. Четырнадцать дружинъ вышло изъ Ковна, и снялись изъ окрестныхъ деревень. Всѣ перешли въ разныхъ мѣстахъ черезъ Нѣманъ, и соединились на горахъ. Темный густой лѣсъ заслонялъ ихъ отъ Нѣмцевъ. Вьюга усиливалась. Ольгердъ старался поскорѣе окружить и разбить Нѣмцевъ, но вьюга утихла; взошелъ мѣсяцъ. Нѣмцевъ уже не было подъ Ковномъ; по всѣмъ признакамъ, они пошли на Рагниту. Кейстутъ, какъ будто проснулся отъ тяжкаго сна, богатырская кровь вскипѣла, и онъ взялся отрѣзать ихъ отъ Рагниты. Сборнымъ мѣстомъ всѣхъ дружинъ назначено пепелище знакомой намъ Пиллоны.

V.

МЛАДШІЙ БОЯРИНЪ.

Всякій разъ, когда литовскіе князья входили въ завоеванные рыцарями Пруссы, слухъ о нихъ пробѣгалъ далече въ глубокія пущи, на прусскія

озера; въ безчисленномъ множествѣ разсѣянныя по южной границѣ рыцарскихъ завоеваній. Въ глуши этой дикой страны, торчали, и то изрѣдка, новые замки, единственные свидѣтели нѣмецкаго въ томъ краѣ владычества. Дикари выползали изъ неприступныхъ лѣсовъ, изъ за-озеръ, которыя даже по именамъ не были извѣстны побѣдителямъ, и тянулись, какъ дикіе гуси, въ ту сторону, гдѣ надѣялись застать княжескія дружины. Для этого рода войны князь Кейстутъ устроивалъ обыкновенно особые отряды и разсылалъ ихъ по разнымъ направленіямъ, назначая ихъ походу срокъ и сборное мѣсто. Отряды собирали стада дикарей, раздавали имъ, по возможности, оружіе, составляли изъ нихъ пѣшіе и даже малые конные полки и вмѣстѣ съ ними возвращались на сборное мѣсто. Эта война въ разсыпную облегчала и продовольствіе войскъ. Мирные дикари, которые жили въ деревняхъ и крѣпостныхъ посадахъ, въ окрестныхъ лѣсахъ припрятывали себѣ хлѣбъ и все нужное, на случай нашествія, а немирные уносили ихъ запасы съ собою, а гдѣ не могли, туда наводили летучіе отряды Кейстута. Всѣ эти нападенія, сопровождались искусными отводами, даже иногда ложнымъ приступомъ, или осадой крѣпости.

Прахъ Пилоны неумолимое время уже втоптало въ землю, засѣяло тучной травой; теперь задернуло легкимъ снѣгомъ, но на пригоркѣ, гдѣ стоялъ замокъ, не далеко отъ Нѣмана, возвышался кирпичный столбъ, сложенный неизвѣстной рукой.

Столбъ былъ внизу весьма широкъ, въ немъ была теплая изба съ печкой и окномъ. На этой избѣ со сводомъ устроена была небольшая галерея, съ грубыми поручнями; она окружала высокій столбъ, на которомъ тайный житель пилонскаго памятника поставилъ борону для аиста; на ней осталось пустое гнѣздо, а птица улетѣла, по обычаю.

Кейстутъ исполнилъ слово; отрѣзалъ рыцарей отъ Рагниты, заставилъ ихъ отойти налѣво, по направленію къ Шешупѣ; но преслѣдовать не смѣлъ, потому что Нѣмцы не могли замѣтить незначительность его дружины, ослабленной отрядами, разосланными во всѣ стороны за Шешупу, къ Рагнитѣ, къ Инстербургу и къ лѣсамъ, покрывавшимъ берега Ниссы. При князѣ остался одинъ Гриша съ отборными витязями, которыхъ числомъ не было болѣе тысячи. Увлеченный войной, Кейстутъ взвѣсилъ быстро, какія огромныя выгоды можно извлечь изъ похода, въ которомъ участвовало четырнадцать дружинъ, составлявшихъ до сорока тысячъ превосходнаго войска — и сборнымъ мѣстомъ назначилъ небольшое озеро Гольдапъ, по ту сторону Ниссы. Оно открывало рядъ прусскихъ озеръ и было защищено лѣсомъ и горами. Какъ ни хотѣлось князю скорѣе пойдти на Гольдапъ, но во всякомъ случаѣ слѣдовало остановиться на пилонскомъ пепелищѣ и дождаться по-крайней-мѣрѣ одной дружины, которая бы могла передать его планъ слѣдующей, и такимъ образомъ продолжать задуманный походъ безостановочно. Цвиркупъ съ большимъ обозомъ пришелъ къ вечеру; раскинули

палатки, развели огни вокругъ пилонскаго столба. Въ теплой избѣ, на звѣриныхъ кожахъ, улегся Цвиркунъ. Князь не спалъ и восхищался мыслію, что быстрота и неожиданность столь ранняго похода можетъ доставить ему не только огромную добычу, но даже одну изъ первоклассныхъ твердынь нѣмецкихъ.

— «Боюсь только,» сказалъ князь: «что никто изъ нихъ не пойдетъ въ эту глушь ночью; а ночь будетъ свѣтла какъ день, ни облачка; такой ночи давно не бывало. Есть у тебя, Цвиркунъ, лѣстницы?»

— «Что ты это, князь, когда же это мы въ походъ безъ лѣстницъ ходимъ.»

— «Такъ прикажи мнѣ подать сюда лѣстницу: Я велю зажечь огонь на столбѣ; за сорокъ верстъ увидятъ.»

Гриша поспѣлъ исполнить волю Кейстута. Уже ставили лѣстницу; латникъ зажегъ факелъ; но дикарь, котораго княжескій приходъ выжилъ изъ теплой избы, вырвалъ факелъ, столкнулъ лѣстницу, окалечилъ людей и вбѣжалъ къ князю.

— «Богатырь!» кричалъ дикарь по-литовски: «Нельзя!...»

— «Чего нельзя?» спросилъ изумленный Кейстутъ.

— «Нельзя жечь аистова гнѣзда! Нельзя! Птица ушла, воротится домой по веснѣ, не найдетъ своего дома!»

— «Вотъ вздоръ какой!» сказалъ Цвиркунъ, лежа: «Видно, старикъ, ты изъ ума выжилъ. Эта

сгоритъ, ты и поставь своей птицѣ другую боро-ну; вѣдь она и такъ въ старомъ гнѣздѣ не сядетъ, раскинетъ, новое станетъ сносить... Такой у нихъ норовъ.»

— «Старый ты богатырь, а ничего не смыслишь. Ну, вотъ я недалеко ѣздилъ, кажется. Бѣльскъ не за морями. Пріѣхалъ: ни дома, ни города, ни брата, ни снохи; пепелъ; никто мнѣ новой Пилоны не построилъ; а она моя; послѣ брата, мнѣ она на удѣлъ приходилась; а у бѣдной птицы рукъ и людей нѣтъ.»

— «Такъ ты братъ Маргеру?» спросилъ Цвиркунъ, вставъ съ живостью съ своей постели.

— «А тебѣ какое дѣло? Мой удѣлъ, моя и воля... Нельзя! Умру, такъ пускай кто хочетъ беретъ, Нѣмцы, или наши, лишь бы столба моего не трогали; а то я изъ-подъ земли вылѣзу, худо будетъ...»

— «Да не въ томъ сила!» сказалъ Цвиркунъ: «Мнѣ тебя надо. Ты кто такой?»

— «Князь, былъ богатыремъ, да печаль сломала. Ужъ если бы въ прежніе годы незваные гости въ моей избѣ такъ, какъ вы теперь, хозяйничали, такъ я ихъ похоронилъ бы съ честью въ пустыхъ курганахъ, которые ваша сволочь, какъ пришла, такъ и ограбила; а тамъ отецъ нашъ спитъ.»

— «Да кто же ты, старикъ? Скажи толкомъ, и все уладимъ!»

— «Поди ты, старая харя! Я и тебя съ Гедыминомъ видѣлъ надъ пепелищемъ Пилоны; оба плакали! Богатыри, чтобъ васъ всякое зло! Плакали,

а Пилоны не поставили. И Князь Инговань—Князь на золѣ!... Да что въ томъ толку, что мы тутъ ссоримся. Не о томъ рѣчь! Аистова гнѣзда, кто бы ни былъ, не тронь!»

— «Помилуй, Князь!» сказалъ Кейстутъ почтительно: «Коли на то такая воля твоя, такъ мы сейчасъ въ походъ отсюда; сядемъ по сосѣдству станомъ, а твоей теплой избы не тронемъ...»

— «Такъ пошли же вонъ!» сказалъ Инговань и отворилъ двери будто для проводовъ; но увидавъ отблескъ пламени сверху, пришелъ въ бѣшенство, выскочилъ изъ избы, протянулъ руки къ зажженному гнѣзду и закричалъ неистово:

— «Проклятъ тотъ, кто зажегъ домъ моего друга; и кто увидитъ это пламя и придетъ на его блескъ, и тотъ проклятъ!»

Старикъ бросился на лѣстницу, которую еще отнять не успѣли; съ трудомъ дополз до гнѣзда, схватилъ его обѣими руками, хотѣлъ сдвинуть, но силъ не хватало. Въ бѣшенствѣ, онъ рванулъ изо всей мочи борону за два зуба, но, вѣроятно, они уже подгорѣли или отгнили, оторвались, и старецъ полетѣлъ внизъ, ударился головой объ уголъ галлереи, и покатился къ ногамъ Омельяна изъ Панкратьевки.

— «Проклятъ,» прошептали, замирая, старыя губы, и замкнулись на вѣки.

— «Самъ ты проклятъ!» сказалъ Омельянъ, отвернулся и, къ ужасу своему и общему, увидѣлъ надъ самой головой страшную ковенскую звѣзду съ хвостомъ.

— «Опять!» сказалъ Цвиркунъ, примѣтивъ комету: «Не я буду, если это Нѣмцы не съ нарокомъ какую ни есть хитрость на небѣ зажигаютъ, чтобы нашихъ неуковъ стращать. Ну, князь, ужъ какъ хочешь, а за такія шутки надо ихъ побить безъ шутокъ, да до правды доискаться. Ну, ребята, а этого пилонскаго сигоноту надо съ честью припрятать. Знаете ли что, подкинемъ-ка дровъ на гнѣздо, да и сожжемъ его тамъ, какъ поганина; право. И честь ему, и дружинамъ маякъ!»

Совѣтъ Цвиркуна поспѣшно привели въ исполненіе. Латники стали на лѣстницу, и перекидывали изъ рукъ въ руки дрова и сухія вѣтки. Всталъ большой огонь; изъ далекаго лѣса показалась небольшая дружина, за нею слѣдомъ другая, также небольшая. Не успѣли собрать пепла Ингованова и положить въ урну, найденную въ курганахъ, какъ обѣ дружины уже размѣнялись словами съ передовыми стражами, и Альфъ съ Далiей, сдѣлавъ наскоро распорядокъ садиться дружинамъ станомъ по обѣимъ сторонамъ главнаго обоза, подъѣхали къ столбу Пилонскому. Безъ привѣта, и Альфа и Далію встрѣтилъ князь вопросомъ:

— «А что слышно, гдѣ братъ?»

— «Не знаемъ» отвѣчала Далія: «Мы держались Нѣмана, потому что ни я, ни мой Альфъ не бывали въ Пилонѣ и боялись запутаться; а Великій Князь пошелъ на-прямки. Мы думали, что его здѣсь застанемъ.»

— «Твой Альфъ?» сказалъ Кейстутъ со смѣ-

хомъ: «Четвертая невѣста, Альфъ! Какъ ты это успѣваешь перестраивать сердце?»

— «Князь! Избавь меня отъ насмѣшекъ на гробѣ моего отца и матери...»

— «Полно, Альфъ! Я хотѣлъ шуткой разогнать черныя думы, которыя на каждаго набѣгаютъ въ этомъ мѣстѣ!»

— «Спасибо, князь!»

— «Былое было,» продолжалъ князь.

— «Посмотримъ, что будетъ!»

— «Ни лучше, ни хуже,» сказала Далія.

— «Не для всѣхъ,» со вздохомъ отвѣчалъ князь: «Жаль, что еще много дней надо работать для славы; какъ ни хочется назадъ, а стыдно... Благо, что вы пришли; передайте брату мои намѣренья...»

Кейстутъ разсказалъ обширный планъ свой со всею подробностію и заключилъ:

— «Время дорого; лошади скоро будутъ готовы; люди уже вечеряютъ; на сонъ ни часа времени! Въ путь! А вы дождитесь брата. Уступаю вамъ теплую избу брата Маргера пилонскаго; блаженствуйте, и когда придетъ Ольгердъ, спѣшите на озера... А пока прощайте! Мнѣ надо обойти людей, дать наказъ и садиться на бѣднаго Амулата.»

Князь съ Цвиркуномъ и Гришей обходили дружину. Скоро Кейстутовскіе богатыри поднялись, напоили и осѣдлали коней. Князь тронулся въ путь; за нимъ потянулся Цвиркунъ съ главнымъ обозомъ. Альфъ схватилъ за руку Далію, и глухимъ голосомъ сказалъ:

— «Можетъ-быть, мы съ нимъ уже не увидимся; но, Далія, теперь твоему подвигу время; взойдемъ въ избу Ингована, обогрѣемся — и за дѣло.»

Весь дворъ Даліи былъ съ нею въ походахъ. Дураки первые прибѣжали въ избу и стали плясать дурацкій танецъ, чтобы сколько-нибудь согрѣть озябшіе кости. Мармара, укутанная въ нѣсколько одѣялъ, почти вкатилась въ избу и улеглась у самой печки. Глазокъ вошелъ послѣдній съ походнымъ ужиномъ. Альфъ и Далія сидѣли на звѣриномъ одрѣ, отвернувшись другъ отъ друга и утопая въ размышленіяхъ. Глазокъ устроилъ на лучшій ладъ бѣдное освѣщеніе, и бросилъ въ руки Мармарѣ пукъ лучинъ.

— «На, перемѣняй!» сказалъ онъ: «А я пока закуситъ приготовлю.»

— «Видишь, Глазокъ, ты бы господъ разбудилъ. Что они, спятъ, а глаза выпучили. У нихъ, Глазокъ, я, чай, не любовь, а кошки на сердцѣ...»

— «Дура! Ты для смѣха, а не для печали! Отпусти шутку, и проснутся...»

— «Эй, ты, княгиня!» закричала Мармара: «поцѣлуй жениха!»

Далія злобно посмотрѣла на Мармару.

— «Ну, не попала!» продолжала Дура: «Эй, ты, Нѣмецъ литовскій, поцѣлуй ножку у моей княгини.»

— «Молчи, Дура!» сказалъ Альфъ и сѣлъ къ деревянному столу, куда Глазокъ поставилъ уже хлѣбъ, сухой сыръ, холодное жареное, два кувшина и двѣ стопы.

— «Вотъ и у меня такой норовъ,» продолжала Мармара: «Какъ ѣсть хочется, такъ хоть сказокъ не сказывай; а если наѣмся въ-плотную, такъ хоть всѣ молчи, смѣюсь; уши будто сами знатную какую-то сказку слушаютъ. Садись, княгиня, а не то намъ вечери придется долго ждать,, а мои сынки, какъ напляшутся, ѣсть попросятъ; въ матушку пошли. Гдѣ-то мой муженекъ теперь!»

Далія послушалась и сѣла насупротивъ Альфа.

— «Ахъ ты, затѣйница!» сказалъ Глазокъ, облокотясь на косякъ двери и не спуская глазъ съ Альфа: «Ты, Мармара, въ своемъ племени красавица, а Ларчика я видалъ, просто, пугало въ лѣсу.»

— «Да честь на немъ велика!»

— «Какъ?» спросилъ Альфъ: «Неужели она жена Ларчику?»

— «Слушай ты ее!», отвѣчала Далія: «Нечего ей дѣлать, такъ вретъ!»

Мармара весело подхватила:

«Сидитъ, сложа руки,
И вретъ отъ скуки.»

Видишь, княгиня, учись по-моему концы сводить. Выдумывать ты, просто, колдунья, а къ концу другой конецъ придумать тебя не станетъ; а надо такъ, чтобы и мысль и дѣло походили на вилы: переверни — вилы, поставь — вилы, въ землю воткни, все два конца; сломается одинъ, другой есть... Правда, княгиня?»

— «Правда!»

— «То-то же!»

— «Да развѣ я тебя не слушаю?..»

— «Да, концы, концы... Слышишь? Ну, Глазокъ, подлей-ка имъ изъ кувшиновъ, да съ оглядкой, ихъ двое, насъ четверо...»

— «Мы и сами справимся,» сказала Далія, и налила Альфу изъ большаго кувшина свѣтлаго алуса, а себѣ изъ малаго. Альфъ протянулъ къ ней свою стопу и сказалъ съ улыбкой:

— «Отвѣдай, княгиня!..»

Далія презрительно усмѣхнулась и откушала добрую половину стопы.

— «Ну, Альфъ,» сказала Далія: «для тебя надо будетъ придумывать другой конецъ. Ты еще хуже покойнаго: въ женихахъ уже невѣстѣ не вѣришь...»

— «Концы, концы, княгиня!» проворчала Мармара, подымаясь съ мѣста: «Пустите насъ теперь, а сами ступайте, погуляйте! Поглядите на диковинную звѣзду! Полюбуйтесь на новое дѣтище Сотвароса; видно, гдѣ съ чужимъ мужемъ прижило; у солнца отъ мѣсяца такой больной дочери не родиться... Ну, ступайте!..»

Княгиня повиновалась, взяла за руку Альфа; оба будто нехотя вышли. Обнявъ Далію, Альфъ повелъ ее на пепелище и повторилъ ей въ короткихъ словахъ страшную повѣсть Пилоны.

— «Знаю, слышала!» говорила Далія: «Но, кажется, мы теряемъ время, Альфъ, на этомъ очарованномъ пепелищѣ; намъ надо посовѣтоваться безъ шутокъ, разъ навсегда, условиться, договориться и утвердить наши договоры клятвами...»

— «Вотъ ужъ клятвы для насъ, я думаю, лиш-

нее. Ты должна исполнить все, что ни скажу, все, что ни придумаю. Лице у тебя отъ военныхъ трудовъ и отъ рожденія больно на мужское смахиваетъ. Красотѣ твоей не въ обиду: ты, если переодѣнешься, будешь на диво хорошенькой мальчикъ. Мнѣ самому нельзя; а ты должна круглецомъ ходить, отнести отъ меня въ Растенбургъ поклонъ и привѣтъ рыцарю и начальнику конвента растенбургскаго, и сказать ему, что въ старой подземной божницѣ Нийолы, подъ Летценбургомъ, на самомъ берегу озера Вобель, круглецъ, какъ хочешь назови себя, будетъ всегда на сторожѣ, и что у него всегда рыцарь найдетъ свѣжія вѣсти. Далія, понимаешь ли? Нѣтъ предателя во всѣхъ четырнадцати дружинахъ! Мы должны сами все дѣлать. Мнѣ нельзя отлучаться отъ дружины; иначе замѣтятъ мое отсутствіе, сношенія — и погибну прежде времени, не отомстивъ ни за тебя, ни за себя... Не хочу смерти Кейстута. Что́ смерть? Заснулъ и ничего не знаетъ, что тамъ на свѣтѣ дѣлается. Нѣтъ, пусть живетъ, да въ цѣпяхъ, пусть страдаетъ да слышитъ, какъ на Вильнѣ враги его сыграли пышную свадьбу. Ни тѣни подозрѣнія не падетъ на насъ: мы будемъ плакать о немъ, мы подымемъ за него всю Литву; напрасно! Сгніетъ въ позорѣ, а мы воротимся съ безцѣнной добычей, и будемъ жить, припѣваючи, на эйрагольскомъ замкѣ. Можно будетъ, захватимъ мы и Бируту и продадимъ Татарамъ въ плѣнницы; много за нее дадутъ золота!!.. Что́, Далія, ты готова?»

— «Дивуюсь, Альфъ, дивуюсь! Но будетъ ли она знать, что это наша месть?..»

— «Не бойся! Сердце угадаетъ, а уста не посмѣютъ сложить обвиненія. Но, Далія, надо отправить весь твой дворъ въ Эйраголу...»

— «Никогда! Всѣхъ, кромѣ конюшаго и Мармары. Нѣтъ! я притворюсь на полпути больною и ворочусь будто въ Эйраголу. Глазокъ и Мармара поѣдутъ со мной. Насъ захватятъ рыцари; ты станешь выкупать меня и торговаться. Мармары никто не знаетъ въ цѣломъ войскѣ; мы нарядимъ ее тѣмъ круглецомъ, или, еще лучше, рыцарскимъ пажемъ или шутомъ. Она говоритъ по-нѣмецки, бойко ѣздитъ на лошади, не дурна собой, хотя и карлица, сложена будто игрушка. Только дворъ мой прочь; а эйраголъскую дружину подальше. Мармара меня любитъ, Глазокъ тоже, и я спокойно проведу все время вашего похода въ пустыхъ пещерахъ Нийолы... Но пока никому ни слова! Кажется, подъ лѣскомъ шевелятся люди; надо подать знакъ; можетъ быть, то одна изъ нашихъ дружинъ; они ѣдутъ шибко и прямо на огни нашего стана. Надо спрятать Мармару!»

Далія бросилась въ избу, и пока она тамъ хозяйничала, великій князь подошелъ къ Пилонѣ со всѣми соединенными дружинами.

—

Не доходя за нѣсколько верстъ до Гольдапа (озера), на которомъ не разъ соединялись отряды Кейстута, — на отлогой полянѣ, молодой снѣгъ былъ истоптанъ, облитъ кровью, устланъ трупа-

ми. Борисъ послалъ увѣдомить о томъ великаго князя. Ольгердъ осмотрѣлъ побоище опытнымъ окомъ знающаго полководца, снялъ шлемъ, преклонилъ колѣна и слезно благодарилъ Бога за дарованную великую побѣду. Три рыцаря лежали по серединѣ поля однинъ на другомъ; надъ ними сложены были ихъ доспѣхи въ высокій трофей; онъ оканчивался тремя шлемами, которые были связаны длинной стрѣлой, продѣтой не безъ труда сквозь гребни; на стрѣлѣ висѣла перчатка Кейстута. Богатыри, окруживъ трофей и увидѣвъ, что Ольгердъ снимаетъ перчатку, почти въ одинъ голосъ кричали: «Съ которой руки?»

— «Съ правой!»

— «Побѣда!» какъ громъ пронесся крикъ. Витязи вынули мечи и стали стучать лезвее объ лезвее, и продолжали кричать въ военномъ восторгѣ. Всѣ, отдавъ честь знаменитому подвигу льва литовскаго, безъ наказа и порядка тронулись въ путь, желая скорѣе увидѣть побѣдителя и изъ устъ его услышать разсказъ о славной битвѣ. Дорога поднялась на пригорокъ; съ него чистое поле катилось къ берегамъ Гольдапа; на правомъ берегу озера изъ небольшаго лѣса валилъ дымъ огромными облаками. Земля задрожала отъ быстрой, усиленной ѣзды соединенныхъ дружинъ; далекіе крики неслись имъ навстрѣчу. По берегу показались проводники и на обширной площади, окруженной лѣсомъ, новоприбывшимъ дружинамъ представилось великолѣпное зрѣлище: дружина Кейстута и нѣсколько тысячъ дикарей тѣснились передъ

костромъ, на берегу и на озерѣ, и стукомъ мечей и громкимъ крикомъ прощались съ павшими на полѣ чести... Только Великій Князь, Борисъ, Альфъ, Далія и бояре могли пробраться къ почетному костру; прочіе толпились на берегу и на озерѣ. Ольгердъ, встрѣченный всеобщимъ крикомъ, вынулъ мечъ и стучалъ о мечъ Альфа; прочіе, сколько ихъ ни было, повторили обрядъ, и вдругъ все утихло, какъ будто все это огромное войско хотѣло услышать, что князья между собою говорить станутъ... Но Кейстутъ молча преклонилъ передъ великимъ княземъ отбитое знамя, а Цвиркунъ держалъ рѣчь:

— «Вотъ тебѣ и гостинецъ! Было ихъ десять рыцарей, да дружина въ тысячу коней. Кейстутъ давно уже былъ на Гольдапѣ; а они на меня, старика, напали. Ну, обозъ иногда за крѣпость постоитъ; я и построился, да и велѣлъ принять гостей съ крикомъ, а добраго молодца къ князю послалъ за подмогой. Нѣмцы съ разгону на сани такъ и наскочили. Обозная моя челядь какъ гаркнетъ, да мачугами какъ хлеснетъ въ глаза, не только лошадямъ, всадникамъ досталось. Много коней переломали себѣ ноги. Я было на вылазку хотѣлъ идти, а тутъ словно буря, князь съ приморка, а съ другаго Гриша; а съ боку тучи прусской погани. Нѣмцы бѣжатъ; не тутъ-то было; семь рыцарей отсѣклось, да больные на больныхъ лошадяхъ съ перваго удара ушли, а три легли на мѣстѣ, а дружина будто жатва у своихъ серповъ свалилась; вотъ тебѣ и обидѣли старика...»

— «Ну, а нашихъ сколько?» прервалъ Ольгердъ.

— «Два сорока тѣлъ сожгли мы съ почетомъ; больные не нашли на побоищѣ; за то у меня въ обозѣ больше двухъ сотенъ раненыхъ. Право, подумаешь что я ходячая больница...»

— «Да какіе-же это Нѣмцы?» опять спросилъ великій князь.

— «А! Нѣмцы важные!» сказалъ Кейстутъ: «Изъ самаго Инстербурга. Навѣрное взять насъ хотѣли, да обожглись...»

— «Пускай теперь припарки прикладываютъ!» прибавилъ Цвиркунъ: «Только и намъ теперь взять нечего. Послѣ такого дѣла, стыдно у Нѣмцевъ городка не захватить; право, негдѣ обогрѣться. Ужъ какъ хочешь, князь, за мое молодечество добудь мнѣ городокъ, на одинъ денекъ, только. Право, боюсь, что на этихъ первыхъ холодахъ и не услышу, какъ до смерти застыну...»

— «Ступай прямо на Летценбургъ съ обозомъ» сказалъ Кейстутъ на ухо Цвиркуну: «А мы обходомъ прежде тебя тамъ будемъ, и на твой пріѣздъ баню вытопимъ...»

Цвиркунъ во все время, какъ говорилъ ему князь, кивалъ головой и улыбался; какъ услышалъ про баню, осклабился пуще прежняго, и прикрикнулъ:

— «Ай да спасибо! Запрягай лошадей! Въ походъ!»

Но желаніе Цвиркуна не могло такъ скоро исполниться. Приступъ къ Летценбургской твердынѣ

былъ и труденъ и многосложенъ. Надо было согласиться въ дѣйствіяхъ съ начальниками отдѣльныхъ отрядовъ, добыть языка, узнать состояніе военной силы въ крѣпости и, наконецъ, дать отдыхъ дружинамъ, утомленнымъ быстрыми переходами и ранней стужей. Ольгердъ приказалъ кормить лошадей, а людямъ подкрѣпиться пищей; стана не ставить, чтобы къ ночи можно было выступить въ походъ. Тучи дикарей должны были тотчасъ послѣ полудня отправиться въ путь, чтобы къ утру достигнуть не только до Летценбурга, но и дальше, и прекратить всякое сообщеніе съ ближайшими твердынями. Пруссы непремѣнно хотѣли прощаться съ князьями; почти каждый изъ нихъ подходилъ къ Ольгерду, Кейстуту и боярамъ, и приложивъ руку къ сердцу, кланялся въ поясъ. Какъ ни утомительно, ни длинно было это прощаніе, да безъ того нельзя было положиться на вѣрность Пруссa. Каждому надо было и головой кивнуть, и улыбнуться, а старшему, или головѣ, которыхъ въ этомъ сбродѣ было не мало, пожать руку и сказать ласковое слово. Не нужно было и клятвы, когда исполненъ былъ обрядъ прощанія, и князья съ возможнымъ терпѣніемъ отпустили Пруссовъ. Нашлись между ними и знакомые; ихъ надѣлилъ Ольгердъ оружіемъ изъ собственныхъ рукъ, и ровно въ полдень, ни одного Пруссa не было видно по всему озеру Гольдапу и окрестностямъ. Тогда въ единственной палатѣ, передъ которой стояли знамена всѣхъ дружинъ, открылся военный совѣтъ. Ольгердъ не полагалъ нужнымъ

брать Летценбурга; онъ совѣтовалъ ограничиться пожаромъ посадовъ, идти дальше, зажечь предмѣстья Растенбурга, поворотить на Инстербургъ, тамъ потѣшить пламя и воротиться въ Ковно, чтобы заблаговременно изготовиться къ свадьбѣ и къ пріему Нѣмцевъ, которые, несомнѣнно, соберутся заплатить посѣщеніемъ за посѣщеніе. Но Цвиркунъ требовалъ города и обѣщанной бани.

— «Что это, въ самомъ дѣлѣ?» говорилъ онъ: «До чего мы это дожили: отъ Полунги, вотъ ужъ скоро полгода, какъ мы ни одного нѣмецкаго гнѣзда не потревожили. Право, скоро славу добрыхъ богатырей потеряемъ; и у васъ-то еще много городовъ впереди. Вы молоды, а мнѣ, дай Богъ, два три города нѣмецкіе осталось видѣть подъ нашимъ знаменемъ. Да и бани хочется: надо косточки распарить; отъ морозу съежились... И то, государь, возьми на умъ, что Кейстутъ изволилъ меня словомъ пожаловать; а ни онъ, ни ты слова своего отъ старика не отымали!»

— «Ахъ, дядя! Людей жалѣть надо,» сказалъ Ольгердъ: «Возьмемъ твердыню, да сколько людей потеряемъ.»

— «Не бойся, братъ! На что умъ, на что голова?» сказалъ Кейстутъ, и предложилъ взять крѣпость хитростью. Неудача не представляла никакой опасности, и всѣ согласились. Въ это время дали знать Альфу, что княгиня, оставшаяся въ своемъ обозѣ, крѣпко занемогла. Альфъ поспѣшилъ къ ней на помощь. Великій князь послалъ своихъ врачей. Рѣшили, что недугъ опасенъ, тре-

будетъ продолжительнаго леченія, и оставаться ей въ походѣ нельзя. Далія просилась въ Эйраголу, и какъ по всему пространству отъ Гольдапа до Ковна, не было нигдѣ, и не могло быть Нѣмцевъ, то Глазокъ заложилъ добрыхъ коней въ крытыя сани, сѣлъ на облучокъ, Альфъ перенесъ княгиню, люди положили ей въ ноги какое-то чучело, закутанное въ нѣсколько одѣялъ — и княгиня простилась съ Альфомъ, расплакалась, разрыдалась и уѣхала. Альфъ воротился въ палатку. Совѣтъ еще продолжался; раздавали мѣста, кому гдѣ быть, и чѣмъ начальствовать.

— «Отдай, государь» сказалъ Альфъ: кому изъ добрыхъ богатырей Эйрагольскую дружину. Далія уѣхала. Крѣпко боюсь за нее, да Богъ милостивъ.»

— «Да развѣ она не можетъ остаться у тебя подъ началомъ? Эйрагольскую дружину Товтивиллъ поставилъ на одну доску съ больною виленскою дружиною; она получше и твоихъ охотниковъ; а вмѣстѣ, да подъ твоимъ началомъ, обѣ дружины могли бы чудесъ надѣлать, лишь бы воля, да охота!»

— «Хорошо, Государь!» сказалъ Альфъ послѣ краткаго размышленія: «А послѣ подвига, подаришь мнѣ великую милость!»

— «Какую заслужишь, такую и дамъ.»

— «Теперь я одинокъ сталъ, скучно мнѣ въ полѣ; когда подвигъ Богъ подастъ, хотѣлъ бы я сѣсть въ твоей дружинѣ, возлѣ особы твоей, младшимъ боярином.»

Ольгердъ нахмурился и отвѣчалъ сурово:

— «Боярскій санъ — сѣдые волоса любитъ; старцамъ приличенъ обозный покой, когда заслуга — къ землѣ голову клонитъ. Въ твои лѣта — надо копить заслугу, какъ на старости собираютъ деньгу для внучатъ. Конечно, есть примѣры, да тѣ молодые бояре цѣлый конвентъ въ плѣнъ брали. Не такое стало у насъ богатырство. Прежде въ сорокъ тысячъ головъ не ѣздили; прежде Нѣмецъ съ двумя охотниками цѣлое село въ полонъ отгонялъ, а за нимъ въ погоню двое ходили, и двумъ отбой удавался. Шапка награда; — такъ какой подвигъ, такой шапкой его и покрою. Обиды никогда не было и не будетъ.»

Великій Князь всталъ; совѣтъ кончился. Дружины безъ наказа стали лошадей сѣдлать. Цвиркунъ безпрестанно подгонялъ обозныхъ. Рано село зимнее солнце, но уже видѣло, какъ дружины снялись съ береговъ Гольдапа и потянулись на югозападъ. Скоро зажглись и звѣзды, всталъ мѣсяцъ, вспыхнула комета; но послѣ битвы надъ Гольдапскимъ озеромъ, она потеряла для войска страшное свое значеніе; легкомысліе людское убѣждало себя, что чудная звѣзда зажглась на гибель рыцарямъ и на славу львамъ литовскимъ... Къ утру дикари встрѣтили Великаго Князя съ добрыми вѣстьми: въ Летценбургѣ никто не знаетъ о нашествіи литовскомъ; наканунѣ были гости у начальника конвента, изъ Растенбурга и Ренна, сидѣли до поздна и разъѣхались; военной силы однакоже полный конвентъ рыцарей, да три тысячи вой-

ска. Начальники дружинъ всю ночь ѣхали вмѣстѣ возлѣ Великаго Князя. Цвиркунъ разсказывалъ во всю дорогу, о какой-то знаменитой охотѣ римскаго императора, на которую изъ лести, какъ полагалъ Цвиркунъ, приглашали письмомъ и его. Но Цвиркунъ никогда съ Латинцами не якшался, и, къ особенному удовольствію Гедымина и всѣхъ русскихъ князей, отъ такой лести и чести отказался. Когда принесли Летценбургскія извѣстія, Цвиркунъ былъ на половинѣ своего разсказа; выслушавъ донесенія, Цвиркунъ сказалъ съ обычнымъ спокойствіемъ:

— «Ну, такъ теперь нельзя. Доскажу послѣ бани, въ погребахъ летценбурскаго конвента. Милости просимъ ко мнѣ въ погреба на раннюю трапезу. А теперь — пора въ обозъ.»

И поворотивъ коня, уѣхалъ. Дружины разошлись по назначенію. Кейстутъ бросился на озеро, съ котораго, казалось, ему безъ малѣйшаго препятствія можно было ворваться въ твердыню; но еще за полверсты услышалъ гулъ летценбургскаго колокола. Не оставалось другаго средства, какъ взять крѣпость приступомъ; и Кейстутъ спѣшился у самыхъ посадовъ. Цвиркунъ подошелъ къ нему поспѣшно съ лѣстницами, крючьями и обознымъ отрядомъ. Ольгердъ обложилъ сѣверный посадъ — и приступъ начался со всѣхъ сторонъ, съ равною силою, равнымъ жаромъ.

— «Чтожъ ты бани не топишь?» закричалъ Цвиркунъ Кейстуту.

— «Не надо! Станетъ свѣтло! Много видѣть

будутъ! Въ потьмахъ все кончимъ. Прикажи, дядя, притащить толчею »

— «Тащатъ! тащатъ!»

И въ самомъ дѣлѣ къ главнымъ воротамъ подвели ручную машину, которую называлъ Цвиркунъ толчеею. Это было на легкихъ колесахъ огромное бревно, которое съ раскату могло въ нѣсколько разъ выломать добрыя ворота. Съ перваго удара, ворота снизу раздались и снова сплюснулись; въ крѣпости послышались голоса: заваливай главныя ворота! Кейстутъ тотчасъ сдѣлалъ другое распоряженіе: воины отыскали на посадѣ бревна, и на рукахъ медленно, въ ладъ, стучали въ ворота, а толчея поѣхала за Княземъ къ реннскимъ воротамъ, у которыхъ приступъ производился подъ окомъ Ольгерда. Съ трехъ ударовъ ворота подались, засовы лопнули, и воины, по три въ рядъ, на копьяхъ вошли въ твердыню. Началась сѣча. Но какъ вторженіе Кейстута стянуло со всѣхъ сторонъ войска осажденныхъ въ одно мѣсто, приступъ облегчился, и Летценбургъ взятъ послѣ сопротивленія могучаго, храбраго, но слишкомъ кратковременнаго.... Крѣпостные латники сдавались безъ большаго упрямства; но конвентъ, подъ начальствомъ стариаго рыцаря Ильзебурга, отступалъ къ левентинскимъ воротамъ въ величайшемъ порядкѣ. Кейстутъ съ Цвиркуномъ, можно сказать, по пятамъ шли за конвентомъ. Не смотря на чудеса храбрости, всю хитрость нападеній Кейстута, конвентъ вошелъ въ темныя ворота левентинскія; къ удивленію рыцарей, они были отперты. Кей-

стутъ сдѣлалъ послѣднее усиліе; но въ это самое время изъ-подъ темнаго свода воротъ вылетѣло копье; примѣтно, оно было направлено въ ногу Кейстуту, разсѣкло вооруженіе, и впилось въ икру. Ужасъ овладѣлъ окружающими Князя: Цвиркунъ загородилъ ему дорогу, и бросивъ оружіе, схватилъ Князя за оба плеча.

— «Не пущу, Княже, не пущу!» закричалъ Цвиркунъ: «Чтобъ имъ на томъ свѣтѣ добра не было; они тамъ подъ воротами, можетъ быть, всякую чертовщину завели! Не пущу! Ей-же Богу, не пущу.»

Напрасно Цвиркунъ истощалъ свое краснорѣчіе: Князь и такъ не могъ тронуться съ мѣста. Слухъ, что Кейстутъ раненъ, мгновенно пробѣжалъ съ одного конца въ другой, по всей твердынѣ. Всѣ вожди, самъ Ольгердъ съ врачами и боярами спѣшили на помощь къ Князю; откуда ни взялись факелы и носилки. Копье было вынуто бережно, рана обмыта, перевязана и объявлена ничтожною. Всеобщая радость смѣнила тяжкое ожиданіе; какъ будто новую побѣду одержали Литвины, и провожали носилки Князя съ криками веселыми...

— «Въ погреба!» кричалъ Цвиркунъ: «прямо въ погреба! О! да выпью же я, за твое здоровье, цѣлую бочку! Въ погреба!»

Между тѣмъ стало свѣтать; встало и солнце. На башняхъ твердыни, развѣвались литовскія знамена. Всѣ вожди сидѣли въ богатомъ погребѣ Летценбургскаго конвента; не доставало только одного Альфа.

— «Жаль!» сказалъ Цвиркунъ, прихлебывая нѣмецкое вино: «жаль, что нельзя здѣсь остаться на двѣ, на три недѣльки: выцѣдили бы мы эти бочки; а то придется дружинамъ распить такое дорогое вино ..»

— «Э, нѣтъ, дядя!» съ улыбкой прервалъ Ольгердъ: «Обѣщалъ я Улинькѣ изъ Пруссъ вина и дичи привезти; вотъ вино уже и есть на свадьбу. Пейте пока, сколько хотите, а какъ поотдохнутъ лошади да люди, весь этотъ погребъ на сани: половину брату, въ Троки, половину мнѣ, въ Вильно; будемъ на свадьбѣ Летценбургъ поминать! Теперь только бы прусской дичи припасти!»

— «Мое дѣло, мое дѣло!» съ довольной улыбкой сказалъ Цвиркунъ: «Какъ только высплюсь — въ баню, изъ бани опять въ постель; отдохну, обогрѣюсь, а завтра, чуть свѣтъ, на медвѣдей, лосей, можетъ быть, и дикихъ козъ добудемъ; надо будетъ только у здѣшнихъ горожанъ порасспросить... Мое дѣло! — Лишь бы только Альфъ мою охотничью дружину не растерялъ.»

— «А гдѣ это Альфъ?» спросили почти всѣ вдругъ; но никто не могъ отвѣчать. Это обстоятельство прекратило пиръ; всѣ встали, даже Кейстутъ, прихрамывая пошелъ наверхъ, въ большую залу конвента; оттуда можно было видѣть всѣ окрестности Летценбурга. Далеко на Левентинскомъ озерѣ, Кейстутъ узналъ эйрагольскую и охотничью дружину. Вся эта, довольно многочисленная конница, ѣхала тихо къ крѣпости; по серединѣ шли пѣшіе ратные люди. Недоумѣніе скоро разрѣши-

лось: Альфъ привелъ плѣнниковъ; то былъ старшій и семь рыцарей летценбургскаго конвента; остальные четыре также прибыли въ твердыню, только не на своихъ ногахъ: ихъ привезли мертвыхъ, и положили въ церкви конвента. Цвиркунъ заплакалъ отъ радости, обнималъ Альфа, а рыцарей осыпалъ упреками, и все показывалъ на обвязанную ногу Князя.

— «Хорошо» заключилъ Цвиркунъ: «что гнѣвъ мой поутихъ, а ваше вино меня разжалобило, а то бы я васъ велѣлъ привязать къ тѣмъ поганымъ воротамъ, да толчей, толчей! Истолокъ бы я ваши косточки, хитрость латинская! Видишь, богатыри! Крѣпости отстоять не умѣли, а изъ-за угла камнемъ!!. Ну, Альфъ, прости, право прости! виноватъ, признаюсь! Я до-сихъ-поръ твоему раскаянью не вѣрилъ; а теперь вижу, совсѣмъ исправился. Поди сюда, шалунъ, давай, еще поцѣлую!.. Только ужъ, какъ хочешь, Альфъ, а плѣнниковъ мнѣ уступи!»

— «Какъ Государь, — его добыча!..»

— «Уступи, Государь! Потѣшь старика!»

— «Да на что тебѣ?» спросилъ Ольгердъ...

— «Какъ на что! Надо же ихъ наказать! Нельзя же имъ такъ уже совсѣмъ простить. Я добрый, ты знаешь, да не могу простить. Воли твоя, уступи!»

— «Да что же ты будешь съ ними дѣлать?»

— «Какъ что! Я имъ покажу, какъ по ногамъ копьемъ метать! Будутъ они меня знать, латинскія лисицы! Пусть, въ наказаніе, для бани Цвиркуну дрова и воду таскаютъ...»

— «Да гдѣ же здѣсь ты баню возьмешь? Вѣдь мы не дома, баня не въ нѣмецкомъ обычаѣ.»

— «Мало что не въ обычаѣ. Вотъ у этого старшаго, вѣрно, теплая келья: пусть ее нажаритъ до баннаго духа; на кухнѣ пускай двое воду грѣютъ, а въ келью три чана пусть поставятъ, двое пусть ту воду наверхъ носятъ, а трое, каждый у другаго чана, пусть стоитъ для послугъ моихъ; а старшему мочалу да мыло въ руки: пусть мои старыя кости моетъ! Ольгердъ! это будетъ послѣдняя милость!»

— «Не дай Богъ, чтобъ послѣдняя. Да изволь, быть по-твоему.»

— «Спасибо! Ну, Альфъ, гони же ты ихъ на работу!»

— «Погоди, Цвиркунъ! Безъ милости такой подвигъ мнѣ въ упрекъ перейдетъ...»

— «Правда, правда! Только жалуй да милуй поскорѣе, а то до вечера и выпариться не успѣю!»

— «Коротка моя милость! Я самъ ее еще вчера назначилъ.»

И Ольгердъ, снявъ съ ближайшаго младшаго боярина шапку, протянулъ ее къ Альфу. Альфъ снялъ шлемъ, преклонилъ колѣно, и Ольгердъ надѣлъ ему на голову шапку. Альфъ поцѣловалъ руку Ольгерда, всталъ, глаза сверкнули недоброй слезой, онъ не могъ удержаться отъ злобной улыбки и, поклонясь, пошелъ.

— «Куда же ты, Альфъ?» спросилъ изумленный Ольгердъ.

— «Отдохнуть, Государь, и сдать дружину стар-

нимъ послѣ меня, пока ты имъ новаго начальника не назначишь.»

— «Ступай, отдыхай; а кому отдать начало, подумаю.»

— «Да развѣ при Альфѣ оно остаться не можетъ?» спросилъ Кейстутъ.

— «Не хочу его неволить! Ему въ полъ скучно; хочетъ при мнѣ быть. Онъ столько оказалъ намъ услугъ, что и прихоти его можно уважить.»

— «Надѣюсь,» сказалъ Кейстутъ: «когда всѣ причины нашей ссоры миновались, Альфъ не оставитъ своего брата по оружію.»

Альфъ задумался. Кейстутъ подошелъ къ нему, взялъ его за руку и сказалъ съ чувствомъ:

— «Альфъ! Неужели мы никогда не будемъ друзьями?»

— «Никогда, никогда, Государь!» отвѣчалъ Альфъ, глотая стоны и слезы: «Я уже ни къ чему не способенъ! Я не достоинъ твоей дружбы; а всѣми этими, что́ вы называете подвигами, я покупаю себѣ искреннее твое прощеніе, и только... Но, да будетъ! Исполню волю твою: остаюсь при тебѣ, чтобы до конца испить чашу смиренія!»

— «Важно, важно, Альфъ!» прервалъ Цвиркунъ: «Смиреніе! Вотъ это по-моему. Ну, такъ теперь гони же Нѣмцевъ на работу: пусть также учатся смиренію.»

— «Бояринъ!» въ свою очередь прервалъ Альфъ почтительно: «Если бы я вѣдалъ, какая участь ожидаетъ рыцарей, никогда бы и не садился въ засаду на нихъ, и не подумалъ бы брать ихъ въ

полонъ... Баня будетъ, бояринъ, по твоему желанію, но Альфъ исполнитъ обязанность, которую ты, на стыдъ всей землѣ нашей, хочешь возложить на беззащитныхъ плѣнниковъ...»

— «Важно! важно, Альфъ! Право, какъ слышу тебя, мнѣ кажется, будто самъ говорю. Яблоко отъ яблони не далеко катится! Знатно! Ты и пьяному старику не уступилъ. Честно! Да какъ же это я на такую дурь лѣзъ? Поганое вино; видно вся эта нечисть въ винѣ сидѣла! Да ужъ какъ хочешь, Альфъ, выручай братнее слово: изъ Летценбурга не уйду безъ бани.»

— «Построимъ, бояринъ, а ужъ будетъ знатная баня. Вѣрно Государь Летценбургскому замку на этомъ свѣтѣ остаться не позволитъ. Надо камень раскинуть, землю срыть, дерево выжечь; а на это дѣло больше трехъ дней надо, такъ можно пока и банную печь на живую руку поставить. Всѣ знатно выпаримся, и Нѣмцамъ на память по себѣ баню оставимъ.»

— «Знатная выдумка, острый умъ: на память баню. Пусть говорятъ по всей нѣмецкой землѣ и по всему великокняжеству: въ Летценбургѣ задали Нѣмцамъ баню... Ай да умница! Давно ли въ бояре пожалованъ, а ужъ добрый совѣтчикъ.»

— «Пора за дѣло,» прервалъ Кейстутъ: «Если такъ, надо назначить, какимъ дружинамъ Летценбургъ разорять, какимъ съ обозомъ и плѣнниками прямо въ Литву ѣхать; а рыцари пусть съ нами останутся въ мирѣ и холѣ, какъ братья, которымъ непосчастливилось.— Почтенный Ильзебургъ!» при-

бавилъ Кейстутъ по-нѣмецки, обращаясь къ рыцарямъ: «Вы останетесь съ нами; жалѣемъ объ вашемъ несчастіи... Судьба войны!»

— «Король Кейстутъ!» отвѣчалъ Ильзебургъ: «Плѣнники не могутъ любить своихъ побѣдителей. Свѣтъ Божій имъ упрекъ. Просимъ темницъ.»

— «Не глупо сказано,» замѣтилъ Цвиркунъ: «Если бы я попался въ плѣнъ, не нужно и бани; я бы все потѣлъ отъ стыда.»

— «А главное, бояринъ, то непріятно,» сказалъ Альфъ съ непринужденною веселостью: «что рыцари сегодня обѣщали себѣ самое невинное удовольствіе: собирались на войну съ медвѣдями.»

— «На охоту? Такъ пускай ѣдутъ съ нами. Не правда ли?»

Цвиркунъ сдѣлалъ этотъ вопросъ съ какимъ-то торжествомъ; ему казалось, что сама судьба принимаетъ его характеръ и шутитъ шутки. Всѣ согласились; только одинъ Альфъ былъ противнаго мнѣнія; онъ весьма справедливо доказывалъ, что охотники утомились и требуютъ отдыха.

— «Что же намъ,» спросилъ Цвиркунъ: «сидѣть сложа руки, что ли?»

— «И намъ всѣмъ, бояринъ, отдохнуть бы не мѣшало. Сонный медвѣдя не усторожишь.»

— «Проклятое вино! Что ни скажу, все глупо! На меня не похоже; дѣтёнышь отца поправляетъ. Знаешь, Альфъ, что если ты три дни будешь такъ умёнъ какъ сегодня, такъ можно тебѣ на шапку и вѣнчикъ прикинуть, въ большіе бояре пожаловать! Спать! — Гриша, читай на сонъ грядущихъ!

Спать! Только покуда мы будемъ спать, кому городъ вѣдать?...»

— «Это уже извѣстно, кому городъ вѣдать. Мондвиду! Въ чужомъ гнѣздѣ надо сажать опытную птицу,» сказалъ Великій Князь, и всѣ расположились на покой въ рыцарскихъ кельяхъ. Плѣнники, Мондвидъ и стража, остались въ главной залѣ конвента.

—

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ПОСЛѢДНЯЯ ВЕСѢДА.

Огромный загородъ былъ поставленъ за большимъ посадомъ. Нѣсколько тысячъ плѣнныхъ латниковъ, служащихъ братій, прислужниковъ, ремесленниковъ, посадскихъ обывателей и женщинъ, безъ крова и покрова, были согнаны туда на жертву лютости и стужи и войны. Загородъ окружала несмѣтная толпа дикарей прусскихъ, которые, разложивъ огни, въ тѣсныхъ кружкахъ нещадно уничтожали запасы Летценбургскіе. Небольшой отрядъ великокняжеской дружины держалъ у загорода стражу. Внутри младшіе виленскіе и троцкіе бояре производили дѣлежъ плѣнниковъ: на Великаго Князя, на Кейстута, Цвиркуна, Бориса, Гришу, Альфа и вообще на всѣхъ вождей, сообразуясь съ подвигами и значеніемъ каждаго. Дружины, отогнавъ людей, безъ различія пола и возраста, въ загородъ, сносили все имущество жителей на одну площадь, гдѣ младшіе вожди дѣлили добычу между воинами, сообразуясь съ чис-

ломъ и дѣйствіями каждой дружины. Великокняжескіе стражники, которыхъ и былъ только одинъ сорокъ, выносили изъ твердыни всякое рыцарское добро, и укладывали ихъ въ обозъ на запасныя и на тѣ сани, которыя во время похода опорожнились отъ съѣстныхъ припасовъ. Никто во всѣхъ дружинахъ не думалъ объ отдыхѣ; каждаго занимала добыча. Были между побѣдителями и безкорыстные; они покойно пировали въ опустошенныхъ домахъ на посадахъ и совершенно полагались на честность вождей. Вся эта живая картина грабежа была ужасна, не столько отъ алчности побѣдителей, сколько отъ криковъ и рыданій женщинъ и дѣтей. Отъ нихъ надъ загородомъ, будто стоялъ одинъ цѣльный вопль, который никому въ замкѣ не давалъ покоя; одного Цвиркуна только сонъ одолѣлъ; прочіе метались на жесткихъ рыцарскихъ постеляхъ, старались насильно уснуть, и уснули, но весьма поздно, далеко за полдень... Альфъ, какъ только всѣ разошлись на отдыхъ, тихо вышелъ изъ назначенной ему кельи. Дорога, которая шла въ лѣсъ Нийолы, была запружена дикарями, лѣпившимися съ дикимъ любопытствомъ около загорода. Младшіе бояре, увидѣвъ Альфа, кликнули его.

— «Поди, товарищъ!» сказалъ одинъ изъ нихъ: «погляди, какую мы тебѣ добычу отчислили!»

Альфъ вошелъ въ загородъ, и въ самомъ дѣлѣ, не безъ удовольствія замѣтилъ, что подвигъ его высоко оцѣнили бояре. Болѣе тысячи человѣкъ приходилось на его долю; болѣе сорока однѣхъ

дѣвицъ, а между ними нѣсколько весьма пригожихъ. Между мужчинами стоялъ монахъ капелланъ замка, да казначей летценбургскаго конвента.

— «Благодарю, бояре!» сказалъ Альфъ съ довольной улыбкой: «Будетъ чѣмъ невѣсту потѣшить; а этихъ двухъ отпустите, бояре, со мною... Пойдемъ.»

Бояре поклонились Альфу въ знакъ согласія, и стали своимъ дѣломъ заниматься; а монахъ и казначей пошли за Альфомъ. Молча, прошли всѣ трое на большой посадъ; молча вошли за нимъ въ первый пустой домъ; двери заперлись. Альфъ указалъ обоимъ на скамью, плѣнники повиновались.

— «Хотите воли?» спросилъ Альфъ по-нѣмецки.

Плѣнники посмотрѣли на него и радостно и сомнительно.

— «Хотите воли?» повторилъ Альфъ.

Плѣнники, молча поклонились.

— «Такъ купите волю?» продолжалъ Альфъ.

— «Чѣмъ, славный Князь?» спросили оба.

— «Каждый по силамъ своимъ. — Мнѣ нужно денегъ; это въ твоей власти, казначей; мнѣ нужно совѣта, объ этомъ прошу отца капеллана. — Мы съ тобой одной вѣры.»

— «Возможно-ли?» воскликнулъ монахъ: «Ольгердъ и его королева преслѣдуютъ Латинцевъ...»

— «Можетъ быть, но не время намъ объ этомъ разговаривать. Отвѣчайте на вопросы.»

— «А что, господинъ фонъ Тренбергольденапъ!» сказалъ монахъ обращаясь къ казначею:

«какъ вы думаете? Желаніе славнаго князя, весьма справедливо: деньги — цѣль войны. Конечно, много дорогихъ винъ нашли великіе побѣдители въ Летценбургѣ, много рыцарской посуды, добрыхъ коней; но денегъ, тѣхъ блистательныхъ монетъ, которыя, къ огорченію, правятъ міромъ, не отыскали, я думаю, во всѣхъ тайникахъ конвента. Свобода стóитъ тайны. Я ужъ конечно не измѣню вамъ, и, признаюсь, если бы я зналъ, откуда вы привозили въ конвентъ каждой мѣсяцъ такія кучи золота и серебра, ни одной минуты не колебался бы открыть тайну такому великодушному князю, котораго открытый видъ обнаруживаетъ доброту сердца и высокій умъ. Право, господинъ фонъ Тренбергольденапъ, право не грѣхъ купить свободу на чужія деньги. Я васъ впередъ разрѣшаю. Конечно, великодушный князь дастъ намъ что нибудь и на дорогу.»

— «Конечно, конечно ..»

— «Слышите, господинъ казначей, слышите? Теперь вы должны вѣрить моей проницательности. Я тотчасъ смѣкнулъ, что герой летценбургскій, просвѣщеннѣе и добрѣе обоихъ королей и всего своего народа! Сынъ моей церкви, онъ безъ сомнѣнія, не употребитъ церковныхъ сокровищъ на пользу язычества... Слышите, господинъ казначей, если бы откровенность ваша и проникла до Маріенбурга, то мы въ состояніи будемъ оправдать себя необходимостью и пользой подобной уступки. Я удивляюсь, почему вы медлите. Если язычники успѣютъ узнать, о чемъ у насъ идетъ дѣло, тог-

да великодушіе христіанскаго князя не поможетъ, тогда пытка...»

— «Да и я не прочь отъ пытки,» сказалъ Альфъ: «если не добуду сокровищъ летценбургскихъ цѣною вашей жизни и свободы...»

— «Слышите, слышите, господинъ Тренбергольденнапъ! О! Это верхъ великодушія! Вы сами будете виноваты во всѣхъ послѣдствіяхъ. По крайней мѣрѣ, я сдѣлалъ свое: я васъ уговаривалъ— и умываю руки. Сдавайтесь и поѣдемъ...»

— «Отецъ капеллянъ, подумайте, что если узнаетъ великій магистръ... да и какое ничтожное сокровище...»

— «Перестаньте! У васъ требуютъ того, что есть; мало ли, много ли, отдайте все, и кончено. Духовный сынъ мой, вѣроятно, имѣетъ на то свои богоугодные виды. Вы не имѣете права противиться нашимъ намѣреньямъ.»

— «И конечно, отецъ капелянъ,» прибавилъ Альфъ: «Построить монастырь для достойныхъ францискановъ въ пущахъ литовскихъ — стоитъ казны десяти конвентовъ...»

— «Слышите, слышите? Я вамъ приказываю, г. казначей, именемъ святѣйшаго отца, повинуйтесь!»

— «Да вспомните, г. капелянъ, что моя сокровищница не шутка: тамъ лежитъ запасная казна на ковенскій зимній походъ... Конечно я выдамъ; необходимость и вы, отецъ, приказываете... Но...»

— «Запасная казна?» спросилъ монахъ, поблѣднѣвъ: «Отъ-чего же вы меня не предупреди-

ли? Славный Князь, конечно, жизнь и свобода дороги... Но безчестіе... Послѣ того намъ нельзя уже показаться ни въ одномъ изъ прусскихъ городовъ; мы должны спасаться въ Польшу, жить милостыней, нищенствовать и каждое мгновеніе бояться тайныхъ предателей. А безъ денегъ недалеко уйдемъ. Не правда ли г. Тренбергольденнапъ? Вы, вѣроятно, соглашаетесь на мои соображенія. Какъ вы думаете?»

— «Господа мои!» прервалъ Альфъ: «я, кажется, теряю только удобное для моего замысла время, и потому скажу вамъ послѣднее слово: угодно ли свободу и по мѣшку золота, по вашему выбору, для безопасности вашей свободы...»

— «Извольте, извольте, Князь!» сказалъ капелланъ: «я готовъ. Пойдемъ г. фонъ Тренбергольденнапъ! Не могу надивиться великодушію его свѣтлости. Что же вы, г. казначей, гдѣ ваши сокровища?»

Казначей, помолчалъ и потомъ шепотомъ, какъ будто боялся чтобы не подслушали, сказалъ: «Въ подземельяхъ Нийолы.»

Альфъ поблѣднѣлъ и дрожащимъ голосомъ спросилъ:

— «Какъ? Въ подземельяхъ Нийолы? Такъ у васъ есть тамъ и стража?»

— «И не малая» отвѣчалъ казначей: «Тамъ теперь рыцарь Белеръ, съ тысячью лошадей; всѣ южные конвенты должны собраться на озеръ Вобель, а это по сосѣдству. Можетъ быть, уже и казну сняли...»

— «Жаль,» сказалъ капелянъ.

— «Можетъ быть, и нѣтъ,» прервалъ Альфъ; «Ступайте за мной.»

— «Ваша свѣтлость, не вѣрьте казначею. Ручаюсь, что въ этихъ проклятыхъ языческихъ погребахъ не усидитъ ни одинъ честный Нѣмецъ; ручаюсь, что тамъ нога христіанская не была во все время, какъ я имѣлъ счастіе быть здѣшнимъ капеляномъ. Я наблюдалъ за тѣмъ строго, и не только въ этихъ погребахъ, но по всему озеру Вобель, даже въ окрестностяхъ ни лѣтомъ, ни зимой, наши не ѣздятъ. Это языческая заклятая трущоба; тамъ они бѣса тѣшатъ; я самъ съ ужасомъ видѣлъ не одинъ разъ чертовскія штуки; меня самого ободрали язычники надъ самымъ Вобелемъ, и вотъ недавно еще поселился тамъ колдунъ съ вѣдьмой; а у нихъ на прислугѣ гномъ литовскій... Право! Вы знаете, что я человѣкъ не суевѣрный; но я видѣлъ ихъ, ручаюсь, видѣлъ; и повѣрите ли, не дальше какъ вчера, когда я возвращался изъ Растенбурга...»

— «Тѣмъ лучше, капелянъ» прервалъ Альфъ: «тѣмъ лучше: мы поѣдемъ всѣ трое, мы изгонимъ ихъ...»

— «Какъ угодно, я не ѣду; лучше въ плѣнъ, чѣмъ на Вобель, притонъ нечистыхъ слугъ врага человѣческаго. Какъ угодно, но меня... Нѣтъ! И вы, славный князь, удостойте только издали взглянуть на Вобель. Озеро поменьше нашего, а никогда не замерзаетъ, будто его кто кипятитъ; право; а по водѣ ходятъ русалки, да людей сманиваютъ.

Вы изволите только обратить ваше снисходительное вниманіе, что во всей южной Пруссіи только въ замкахъ—христіане; чуть шагъ изъ за каменныхъ стѣнъ — язычество, страшное язычество, колдуны, вѣдьмы, волшебники, заклинатели и весь содомъ самаго гнуснаго идолопоклонства.»

— «Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше!» опять прервалъ Альфъ: «Г. фонъ Трейбергольденнапъ насъ не обманываетъ! Тамъ казна, и мы сейчасъ за нею ѣдемъ.»

— «Конечно, со всѣми дружинами вашими,» замѣтилъ казначей: «Иначе...»

— «Втроемъ, г. казначей, втроемъ, иначе — пытка!»

Оба плѣнника смолкли. Альфъ вышелъ на улицу и первому попавшемуся латнику приказалъ привести трехъ коней и сотню конныхъ латниковъ изъ дружины вилкомирской. Пріѣхали и латники, привели и коней, и Альфъ съ плѣнниками прямо съ посада поскакалъ по растенбургской дорогѣ. Уже стало смеркаться, когда путники поднялись на пригорокъ, съ котораго открылся видъ въ своемъ родѣ великолѣпный. Въ снѣжной ямѣ волновался непокойный Вобель; лѣсистые холмы окружали бурное озеро и своею хвойною темною зеленью одушевляли пустынное мѣсто; три горы, выше другихъ, отдѣлялись отъ путниковъ глубокимъ оврагомъ; тамъ шумѣли горные ключи, надъ ними стоялъ не совсѣмъ безопасный мостикъ; онъ едва цѣплялся за обрывъ, который, въ свою очередь, готовъ былъ отдѣлиться отъ горы и унести

съ собою неосторожнаго пѣшехода въ каменистый оврагъ. На лошадяхъ нельзя было и подумать пуститься на эти шаткія перекладины.

— «Это подъемный мостъ волшебнаго замка Нийолы,» сказалъ капелянъ, когда Альфъ остановился передъ нимъ въ нерѣшимости: «съ трехъ сторонъ такія же трущобы, въ четвертой самый злой сосѣдъ — бездонный Вобель.»

— «Удивительно, какъ это, не смотря на вечернюю пору, ни одной водяной красавицы по всему озеру.»

— «Ваша свѣтлость, не обольщайте себя ложными надеждами. Ручаюсь, это уловка волшебницъ; у нихъ заговоръ, помяните мое слово, у нихъ заговоръ противу вашей свѣтлости. Мой толкъ...»

— «Я объ немъ спрошу послѣ» сказалъ Альфъ, снимаясь съ коня: «Вы останетесь плѣнниками до моего возвращенія. Латники смотрите за ними въ оба, а я схожу, и пока еще не совсѣмъ стемнѣло, осмотрю мѣстность. Тогда уже распорядимся...»

Альфъ перешелъ мостикъ и скоро исчезъ въ густотѣ лѣса. Явственная тропа дѣлала Аріаднину нить вовсе безнужною въ этомъ языческомъ лабиринтѣ; тропа скоро вывела его на большую растенбургскую дорогу.

— «Вотъ тебѣ разъ!» грустно сказалъ Альфъ: «Нечего дѣлать, надо взять въ проводники этого Нѣмца! Но не хотѣлось бы мнѣ, чтобы онъ видѣлъ Далію и былъ свидѣтелемъ нашего свиданія!»

На растенбургской дорогѣ показался всадникъ; видно боялся ночи: ѣхалъ нибкою рысью. Но недоѣхавъ до того мѣста, гдѣ стоялъ Альфъ, своротилъ съ дороги и пропалъ въ лѣсу, весьма близко, такъ близко, что Альфъ слышалъ топотъ коня и пискливый, дѣтскій голосъ, понуждавшій усталое животное. Альфъ поспѣшилъ на этотъ голосъ и перервалъ всаднику дорогу въ самой густотѣ лѣса.

— «Стой!» закричалъ Альфъ.

— «Помогите! Разбойникъ! Помогите!» раздался пискливый голосъ пигмея, сидѣвшаго на длинномъ, высокомъ, рыцарскомъ конѣ. Альфъ узналъ Мармару.

— «Чего ты раскричалась, чучело?» сказалъ онъ: «Это я! Гдѣ Далія?»

— «Чудеса чудесъ!» вскрикнула Мармара: «Неужели ты здѣсь, женишекъ? Только рада же будетъ невѣста! А нечего сказать, послалъ ты насъ въ трущобу. Вотъ два дни ровно, какъ мы здѣсь; княгиня чуть не умерла отъ скуки. Ну, пойдемъ, пойдемъ! Только знаешь, женихъ, у насъ подъ землею гости.»

— «Какіе?»

— «Рыцарь Белеръ, да еще рыцарь, да еще рыцарь, а у каждаго латники, да черезъ часъ, два и Кранихфельдъ съ тремя конвентами изъ Растенбурга будетъ!...»

— «Ничего, Мармара! Я опущу забрало: ты скажешь, что своего привела. Мнѣ только бы съ Далією слова два перекинуть.»

— «Ну, такъ кутайся же въ свою рѣшетку. Пойдемъ!»

Мармара соскочила съ лошади и, повела ее за поводья, по тѣсной тропинкѣ, къ самому берегу Вобеля; вошла она по косточки въ воду и уже мокрымъ путемъ достигла съ Альфомъ и съ лошадью небольшой затопи, покрытой плотнымъ льдомъ и со всѣхъ сторонъ огражденной скалами и лѣсомъ. Невозможно было замѣтить этого искуснаго входа въ подземелья Нийолы ни съ какой стороны; въ немъ не было никакихъ дверей. Скалы и огромные куски дикихъ камней, какъ будто отъ начала вѣка стояли подъ огромнымъ сводомъ, какъ обыкновенно устапавливаютъ декораціи, выступами. Хотя въ этомъ преддверіи было очень темно, но Мармара хорошо знала дорогу; вошла съ пѣснью и на встрѣчу ей блеснулъ свѣтъ. Кто несъ свѣточъ, за декораціями нельзя было видѣть. Свѣтъ приближался; наконецъ, между огромныхъ двухъ камней, показался Глазокъ съ факеломъ. Увидѣвъ Альфа, онъ не обнаружилъ никакого удивленія, склонился предъ нимъ почтительно и сталъ свѣтить какъ будто поприлежнѣе. Скалы и камни исчезли; всѣ трое очутились въ огромной подземной конюшнѣ, гдѣ стояло весьма много лошадей и пѣмецкихъ латниковъ. Дымъ съ большаго огневища уходилъ въ трубу, продѣланную въ скалѣ; этотъ дымъ не разъ подымался съ середней горы, и всѣ окрестные жители-язычники говорили, что Нийола выходитъ изъ Прагары; а какъ изъ ада никто безъ нужды на лицѣ земномъ не появляет-

ся, то весьма естественное чувство опасенія, ожиданіе какой-то близкой бѣды, закрадывалось въ душу Пруссовъ, и они отходили подальше отъ разгнѣванной богини. Нѣмцы замѣтили это и воспользовались невѣжествомъ и языческими предразсудками. Во всѣхъ походахъ, когда предполагаемая военная дорога пролегала черезъ Растенбургъ, посылались впередъ такъ называемые дымники, изъ служащей братьи, преимущественно изъ навращенныхъ Пруссовъ и вызывали изъ Прагары грозную Нийолу Пруссы разбѣгались далече отъ Вобеля, а рыцари учреждали въ этихъ подземельяхъ запасной притонъ, который былъ безопаснѣе всѣхъ крѣпостей, во-первыхъ потому, что Кейстутъ сталъ съ нѣкотораго времени брать твердыни, по обѣщанію, какую впередъ назначитъ; во-вторыхъ, приступъ къ подземелью со всѣхъ сторонъ былъ опаснѣе крѣпостнаго; наконецъ въ случаѣ невозможности отразить непріятеля, можно было уйдти въ разныя стороны, куда сподручнѣе. И въ этотъ разъ Белеръ съ запасною казною стоялъ на Вобелѣ. Язычники, примѣтивъ дымъ, разбѣжались; извѣстіе о паденіи Летценбурга не могло сюда достигнуть, и Белеръ былъ крайне удивленъ, когда странные гости явились къ Нийолѣ, сообщили о близости князей, и еще кое о чемъ; а это кое-что могло каждому рыцарю доставить любое командорство и доступъ къ полученію первыхъ чиновъ въ орденѣ. Альфъ въ сопровожденіи Глазка и Мармары, вошелъ въ небольшой подземный покой, гдѣ сидѣлъ Белеръ съ

товарищами Рыцари сидѣли за скромной трапезой; Далiи не было съ ними.

— «Кто и куда?» спросилъ Белеръ сурово.

— «Сообщникъ къ сообщницѣ» отвѣчалъ Глазокъ и велъ гостя далѣе.

— «Подними забрало!» сказалъ Белеръ.

Альфъ не послушалъ и пошелъ дальше.

— «Ни съ мѣста!» закричалъ Белеръ и схватился за мечъ.

Альфъ остановился и сказалъ по-нѣмецки:

— «Рыцарь! Сейчасъ пріѣдетъ командоръ, тогда я открою ему: кто я, а вы посидите и продолжайте вашу бесѣду... У насъ есть о чемъ также потолковать и съ затворницей!»

И не ожидая отвѣта, вошелъ за Глазкомъ въ темную обширную палату; то была старая божница Нийолы. Истуканъ ея, съ обрубленными ушами, ободранный, разбитый, валялся въ кускахъ, подъ ногами; остальную утварь давнымъ-давно разнесли Нѣмцы; наконецъ въ четвертой, небольшой и послѣдней комнатѣ Альфъ нашелъ Далiю. Она сидѣла на мягкой пушистой постели и, казалось, дремала. Свѣтильникъ пылалъ на кускѣ камня, служившаго вмѣсто стола; оружiе и разная рухлядь были разбросаны по полу. Далiя, заслышa гостей, тотчасъ очнулась и узнала Альфа.

— «Другъ мой!» сказала она съ какимъ-то непрiятнымъ выраженiемъ: «Месть наша идетъ на ладъ, но мы сами въ западнѣ...»

— «Дождемся Кранихфельда! И все уладимъ!... Но знаютъ ли Нѣмцы кто ты?...»

— «Нѣтъ. У нихъ я только несчастная жертва Кейстута, а ты — оскорбленный женихъ мой, ближній Кейстутовъ стражникъ...»

— «Разумно... премудро...» сказалъ Альфъ. «Охота не война; двухъ третей войска завтра при насъ не будетъ. Боюсь одного, боюсь за Ольгерда. Онъ нуженъ мнѣ... Безъ него... Но боги милостивы, дождемся Кранихфельда. Глазокъ, Мармара! Оставьте насъ однихъ...»

— «О нѣтъ!» сказала встревоженная Далія: «нѣтъ, нѣтъ. Они мои друзья, отъ нихъ у меня нѣтъ тайны и, кажется, слышанъ топотъ коней, вѣрно, пріѣхалъ командоръ. Я посылала къ нему Мармару. Ну, что твое посольство?»

Далія такъ была взволнована, говорила такъ шибко, такъ было примѣтно, что она не хотѣла остаться съ Альфомъ наединѣ; все это на другаго навело бы сомнѣніе или ревность, но Альфъ презрительно улыбнулся и сказалъ спокойно:

— «Понимаю, Далія, понимаю! Это не въ Ковнѣ: тутъ ты не будешь такъ уступчива! Истинно супружеская любовь! Да я и не настаиваю; я совсѣмъ и не думалъ ничего такого, что бы могло возбудить твое отвращеніе къ ласкамъ жениха. Нѣтъ! Я съ тобой хотѣлъ посовѣтоваться, передать тебѣ нѣкоторыя тайны; ты не захотѣла. Пожалуй, подождемъ Кранихфельда...»

Въ божницѣ раздались тяжелые шаги вооруженнаго человѣка. Двери растворились, вошелъ Кранихфельдъ съ Белеромъ. Альфъ указалъ на послѣдняго и шепнулъ Кранихфельду:

— «Этого вонъ!»

По знаку Краниxфельда, Белеръ вышелъ. Альфъ поднялъ забрало. Краниxфельдъ протянулъ къ нему руку и оба, молча, поздоровались.

— «Вы сдержали слово, рыцарь» сказалъ Краниxфельдъ: «мы свидѣлись. Я не ожидалъ васъ застать здѣсь, я не подозрѣвалъ, что странное приглашеніе дамы, послужитъ поводомъ нашему свиданію! Приказывайте!»

— «Рыцарь!» отвѣчалъ Альфъ задумчиво: «Передъ вами заговорщики! Безчестный подвигъ готовимъ мы! Для васъ — онъ исполненъ громкой славы; для меня... Не спрашивайте, не говорите, выслушайте. Я хотѣлъ, я только объ томъ и мечталъ, какъ бы выманить князей изъ Ковна, изъ Литвы... Я, рыцарь, я одинъ разрушилъ ваши намѣренья — я измѣнилъ вамъ, хотя и не открылъ вашего заговора съ ковенскимъ городничимъ никому. Одинъ я преслѣдовалъ весь этотъ заговоръ; одинъ я убилъ вашихъ двухъ лазутчиковъ и предателя зодчаго. Я нуждался въ подвигахъ, достойныхъ дружбы и довѣренности Ольгерда: я достигъ моей первой цѣли. Обманчивые знаки, которые вашему рагнитскому командору подавали изъ Ковна... я зналъ ихъ, я управлялъ ими и снялъ Князей тогда, когда они уже совершенно расположились остаться на всю зиму въ Ковнѣ... Но въ ту же ночь тайная стрѣла увѣдомила командора о намѣреньи князей нашихъ; я спасъ командора со всѣмъ войскомъ. Слушайте, слушайте и не прерывайте меня. Вторая цѣль достигнута. Я увлекъ

Князей въ продолжительный далекій походъ — и всѣ русскія и литовскія дружины въ Летценбургѣ.»

— «Великій Боже! А рыцарь Фридрихъ, а братья Конвента?...» прервалъ Кранихфельдъ.

— «Въ плѣну,» спокойно продолжалъ Альфъ: «въ плѣну. И третія, главная цѣль уже видна: вы можете, вы должны взять завтра въ плѣнъ живаго Кейстута!»

— «Что вы говорите? Эти шутки, эти мечты обличаютъ только безсильную злобу, необдуманную месть.»

— «Вы не ошиблись, командоръ: и злобу и месть; но по счастію, это не мечты; подвигъ въ моихъ рукахъ. Я вамъ самъ объявляю, что я предатель...»

Рыцарь снялъ шлемъ. На лицѣ его играли разнообразныя ощущенія. На челѣ стояли крупныя капли пота; яркій румянецъ пылалъ на старыхъ щекахъ Кранихфельда. Альфъ продолжалъ:

— «Эйвасъ — сгорѣлъ, убійца вашего племянника сгинулъ! Но остался Кейстутъ, что поджигалъ вмѣстѣ съ Эйвасомъ костеръ Гуго, остался вождь, который потрясаетъ орденъ, какъ нѣжную орѣшину, беретъ города и твердыни, какъ сонныхъ медвѣдей въ берлогахъ, и я его наведу на соннаго медвѣдя: натакнется онъ на берлогу, въ которой будутъ сидѣть надежные латники. Оружіе его будетъ хрупко, конь не твердъ на ногахъ, дружина далече... отдамъ его... Но мнѣ нужны клятвы, условія, тайна.»

Кранихфельдъ молчалъ и думалъ крѣпкую думу. Взять Кейстута измѣной какого-то злаго слуги, казалось ему дѣломъ не совсѣмъ чистымъ; но месть за племянника, но соблазнъ быстраго возвышенія въ орденѣ, но европейская слава героя, который взялъ въ плѣнъ льва литовскаго... и честный рыцарь не могъ устоять противу такого искушенія. Онъ рѣшился на всѣ жертвы, и протянувъ руку къ Альфу, сказалъ съ важностью:

— «Объявите ваши требованія.»

— «Казна ордена, спрятанная въ погребахъ Нийолы — моя!»

— «Она принадлежитъ не мнѣ, а ордену... но я вижу, что къ чувствамъ злобы и мести прилстаетъ иногда и корысть. Вижу, вамъ нужны деньги! По счастію, казна на этотъ разъ ничтожна; мы стоимъ съ вами дадъ нею; она ваша... Что дальше?»

— «Вы совсѣмъ вашимъ войскомъ должны выйдти немедленно изъ подземелій Нийолы и отправиться на мѣсто, какое я вамъ назначу...»

— «Но кто поручится, что вы сдержите слово, что приведете на засаду короля Кейстута...»

— «Моя невѣста, мой конюшій и моя дура...»

— «И вы готовы?» спросилъ Кранихфельдъ Далію съ рыцарскою вѣжливостью.

— «Месть жениха — месть невѣсты!» отвѣчала Далія.

— «Никогда не должны вы узнавать» продолжалъ Альфъ: «ни кто она, ни кто я.—Она останется у васъ въ Растенбургѣ до тѣхъ поръ, пока

Кейстутъ не сядетъ въ надежную и вѣчную темницу. Но вы, рыцарь, ручаетесь мнѣ за ея честь, безопасность и выгоды...»

— «Ручаюсь...»

— «Когда Кейстутъ пріѣдетъ въ Маріенбургъ, невѣста моя съ людьми и надежными проводниками будетъ отослана въ Ковно.»

— «Исполню.»

— «Никто не долженъ знать, что Кейстутъ взятъ въ плѣнъ измѣной. Рыцарь! Это и для васъ выгодно!»

— «Поклянитесь мнѣ взаимно, что и отъ васъ никто объ этомъ не узнаетъ.»

— «Клянусь!»

— «И я тоже! Кажется, теперь все?»

— «Все! Приступайте, рыцарь, къ исполненію вашего договора. Время дорого. Мѣсто, которое должно быть поприщемъ для нашего подвига — гора Нийолы, на второмъ оврагѣ. Если вамъ удастся, нагоните сюда медвѣдя... Рыцарь, быть можетъ, вы знаете, кто я... Вы можете погубить меня, но не забудьте клятвы... простите, что я вамъ объ этомъ напоминаю... Теперь все!... Прощай другъ мой!» прибавилъ Альфъ, обращаясь къ Далія: «Безъ порукъ такимъ дѣламъ не повѣрятъ, а ты сама согласилась... и повѣрь, тебѣ гораздо будетъ покойнѣе, нежели мнѣ... Притворная скорбь — и мысль, что не съ кѣмъ подѣлиться восторгомъ мести, меня задушатъ... но боги милостивы!...»

Нѣжно простились другъ съ дружкой Альфъ и

Далія. Крамхфельдъ отправилъ ее съ двумя латниками, съ конюшимъ и съ дурою въ Растенбургъ... а самъ со всей дружиной вышелъ изъ подземелья, и въ возможной тишинѣ спустился во второй оврагъ Нийолы. Альфъ съ трудомъ добрался до своей дружины, которая стояла съ противоположной стороны, и не могла ничего ни видѣть, ни слышать, что дѣлается въ подземельяхъ и на холмахъ Нийолы.

— «Что ребята!» спросилъ онъ: «Долго ждали? Да все къ лучшему... Я открылъ измѣнниковъ! Да вы развѣ не знали, не вѣдали: кто я?» прибавилъ Альфъ грозно, обратясь къ капеляну и казначею.

— «Какъ не знать, Ваша свѣтлость, какъ не знать!» отвѣчалъ капелянъ низко кланяясь: «Кто не знаетъ, что вы пресвѣтлый Князь Альфъ, сподручникъ и братъ по оружію короля Кейстута.»

— «Ужасная необходимость!» сказалъ Альфъ шепотомъ и вздрогнувъ: «Такъ вы знали и осмѣлились!... Возьмите ихъ, спутайте, камни на шею— и въ воду!»

Ни крики, ни просьбы, ни мольбы, ни слезы, ничто не помогло. Бурный Вобель поглотилъ двѣ жертвы тайнаго опасенія, неразлучнаго съ совѣстью злодѣя...

— «Съ коней!» неистово закричалъ Альфъ, какъ будто стараясь задушить волненіе душевное. Дружина смѣшилась; одни приняли лошадей, а другіе пошли за Альфомъ. Придерживаясь берега, онъ скоро достигъ завѣтнаго входа въ храмъ Нийолы.

Съ ужасомъ входили язычники въ жилище подземной богини... Огонь въ большой палатѣ ихъ испугалъ, но смѣлость Альфа ихъ ободрила. Казна въ самомъ дѣлѣ была ничтожна; десять мѣшковъ цесарскихъ златницъ, куль рыцарскихъ крестовиковъ — и только. По всему было замѣтно, что это была только передовая дружина запасной орденской казны... Но для Альфа и этого было довольно; онъ спѣшилъ воротиться въ Летценбургъ, и засталъ всѣхъ уже за столомъ, въ шумной ночной бесѣдѣ; каждый по своему догадывался, гдѣ пропадалъ Альфъ. Въ самое то время, какъ Альфъ входилъ въ трапезную летценбургскаго конвента, Цвиркунъ диктаторски мирилъ мнѣнія и оканчивалъ длинною рѣчью засѣданіе.

— «То-то же!» заключилъ онъ: «Дамъ себѣ ухо отрѣзать, что тѣ два плѣнника, что онъ захватилъ изъ загона, сманили его женской приваой. Будь я мытарь, книжникъ и фарисей, если его гдѣ ни есть латинская длинно-полая свита *) на Нѣмцу не навела. Я сначала и самъ думалъ, что у него сердце по этой Бирутѣ, какъ у меня было по Гречанкѣ, да куда! То онъ опять къ Настенькѣ приставъ, то жидовку себѣ выкопалъ, то опять жидовку по боку, да и принялся за эту злицу, съ кошечьими глазами, что всегда будто какимъ ни есть дурнымъ зѣльемъ помазаны. Опротивѣла, чай, съ трехъ дней; а онъ вѣдь съ ней съ недѣлю безъ надзора пробылъ, такъ, я чай, безъ грѣ-

*) Верхнее платье.

ха не обопрлось, а женщина, извѣстно, крапива: и зелена и роскошна, пока не дотронешься, а обожжетъ, не наплачешься... То-то же!»

— «То, да не то, боярин!» сказалъ Альфъ, прослушавшій почти всю рѣчь Цвиркунову.

— «Какъ не то?» спросилъ обиженный Цвиркунъ. «Какъ оно можетъ быть не то? Пусть и не то, да дядьку своего ты не долженъ въ лгуны ставить. То, и кончено.»

— «Пожалуй и то, да не такъ.»

— «Вотъ это дѣло другое. Мое дѣло — то, а твое — какъ. Вотъ ты намъ и разскажешь, какъ то было? Ну, садись и бай!»

— «Правду ты говоришь, боярин, что плѣнники изъ загона меня соблазнили. Великимъ сманили посуломъ; сказали, что могу добыть всю казну великаго магистра. Увѣрилъ я, да, про запасъ, латниковъ взялъ, нашелъ казну, да плевую, такъ, что не чѣмъ и Великому Князю поклониться. Вижу, измѣнники, какъ ни есть, дали знать своимъ: тѣ и убрали клады, а мнѣ только остатки попались. Я же ихъ, измѣнниковъ, къ золотому дну большаго озера пустилъ, пусть тамъ въ золотой песокъ зароются... Вотъ кстати и казну несутъ... Кланяюсь тебѣ, господинъ Великій Князь, цесарскимъ золотомъ, въ десяти кожахъ, да кулемъ маріенбургскихъ крестовиковъ, — чѣмъ Богъ послалъ...»

— «И этого тебѣ еще мало?» сказалъ Ольгердъ весело: «И кстати, Альфъ, право спасибо, ужъ и я не зналъ, какъ ума приложить, чтобы на братнюю свадьбу казны промыслить.»

— «Полно на братнюю-ли!» подумалъ Альфъ, сѣлъ на пустое мѣсто возлѣ Кейстута, и сказалъ громко: «Хотѣлъ я и другихъ гостинцевъ съ собой притащить, да раздумье на меня нашло. Какъ звѣря возьмешь? Ни обозныхъ, ни вьючныхъ коней со мной не было, да и потѣхи не хотѣлось портить. Тутъ медвѣдей гибель. Приходилось цѣликомъ ѣхать, такъ на многія берлоги натыкался; соблазнъ, правда, да думаю, зачѣмъ я походъ на забаву переверну; не то будетъ; казна такъ казна, а охота такъ охота. И завтра поднять медвѣдей успѣемъ; а по ту сторону Вобеля, и обходчиковъ видѣлъ...»

Цвиркунъ слушалъ Альфа съ какимъ-то умиленіемъ.

— «А кто же обходилъ? Нѣмцы?» спросилъ Цвиркунъ.

— «Да откуда тутъ Нѣмцы возьмутся? До Растенбурга далеко, до Рейна не близко, до другихъ городовъ еще дальше будетъ...»

— «Правда! твоя правда! Такъ мы завтра всѣхъ медвѣдей къ озеру тому сгонимъ, и пойдетъ потѣха. Ну, нагрѣю же я завтра руки! Будь я лапотникъ, если кистенемъ не ушибу самаго ражаго мишука. Что это, право, за походъ! Просто, приволье, масляница... Ну, такъ завтра на охоту, да и во-свояси. Чай, скоро и поганыя Ильги отойдутъ: на другой праздникъ надо приготовиться... а тогда... на веревкѣ меня не удержите: потащусь въ Іерусалимъ, да тамъ и умру. Да что же, право, на охоту, такъ на охоту; псы со мной; да только чуръ не лѣниться: ни свѣтъ, ни заря — на медвѣдя!»

Цвиркунъ всталъ, Ольгердъ за нимъ, а тамъ и всѣ поднялись и разошлись по кельямъ. Только Альфъ да Кейстутъ остались въ трапезной за столомъ и бесѣдовали весьма любовно.

— «Дурные слухи, Князь!» сказалъ Альфъ, схвативъ какую-то жареную птицу...

— «Какіе слухи?»

— «Видно, у меня всѣхъ невѣстъ долженъ кто ни есть отымать...»

— «Что за вздоръ? Неужто Далія...»

— «Приказала кланяться!»

— «Какъ, умерла?»

— «Хуже.»

— «Разлюбила?»

— «Хуже.»

— «Что же съ нею сталось?»

— «Въ плѣнъ нѣмецкій попала.»

— «Какимъ образомъ?»

— «Только Ольгерду не говори, а я ее изъ плена добуду... Ты знаешь, какъ она, хворая, домой поѣхала; безъ дружины, на полозьяхъ... Нѣмцы подстерегли, да и захватили.»

— «Да какъ же ты узналъ объ этомъ?»

— «За эту пріятную новость я и утопилъ моихъ плѣнниковъ. Ну, да теперь не о томъ рѣчь. Боюсь сказать Ольгерду: взбѣсится, пойдетъ на Растенбургъ; а мнѣ этого больше не хочется. Право, пора домой. Все этотъ Цвиркунъ смущаетъ. А право, давнымъ-давно пора во-свояси. Илыги миновались; кто знаетъ, что тамъ безъ насъ напутаетъ Ульяна Александровна, да и сестра моя,

какъ ни умны, а все женщины; не то, что наша братья, мужчины, у насъ всякое зло, какъ порядкомъ сосчитаешься, такъ и со щетовъ долой; будто во снѣ причудилось, умоешься, да и забудешь... а женщина... Нѣтъ, Князь, у насъ сердце рѣшето, а у нихъ кожаный мѣшокъ: утаитъ, да не уронитъ. Право такъ! И на что намъ эти медвѣди; только оповѣсти: для княжой свадьбы надо стадо черныхъ лисицъ къ завтрему. Нигдѣ, кажется, во всемъ великокняжествѣ, черной лисицы не видали, а все къ завтрему изъ-подъ земли выроютъ, да поставятъ. И какъ нашъ добрый дядя сталъ прихотливъ! То подай ему баню, то медвѣдя; напослѣдокъ старость на ребёнка походитъ... О чемъ ты задумался, Князь?...»

— «Альеъ! И ты еще спрашиваешь! Сколько горя заставилъ я тебя выпить! Ты за все про все заплатилъ и мнѣ и брату богатырскими подвигами... Ты убилъ свое сердце. . а я съ моею дружиной, на пядь отъ Растенбурга, и не выручу твоей невѣсты, не выручу женщины, которая послѣ моей свадьбы потеряетъ послѣднюю надежду и полюбитъ тебя, Альеъ, полюбитъ. Признаюсь, любитъ ли она тебя теперь, не ручаюсь... но когда я обнимy Бируту, Далія сама бросится въ твои объятія...»

— «Гордый человѣкъ!» подумалъ Альеъ: «Собью я тебѣ спѣсь. Не нужно мнѣ твоей Дали... Полно, Князь!» продолжалъ онъ громко: «Не хочу жены отъ чужой руки. Я ее изъ дому сманилъ въ западню; я ее взялъ изъ воли Ольгерда, какъ плѣн-

ницу; я ее купилъ на знатные подарки, выручилъ отъ смерти и самъ выручу отъ Нѣмцевъ. Не будетъ ей худа! Растенбургскіе Нѣмцы доброправные. Я уже обо всемъ поразспросилъ: хотятъ за Далію окупъ. А теперь она больна, ее лечатъ; тамъ есть и врачи; пусть вылечатъ, тогда здоровую и съ Вильна выкуплю. Теперь только бы мнѣ имъ въсточку послать...»

— «Что жъ напишешь, отпустимъ плѣнника!»

— «Послѣ охоты, Князь, послѣ охоты! А то, чего добраго... Но, Князь, пора ложиться.»

Попрощался Кейстутъ и ушелъ. Альфъ отыскалъ оружіе князя, и въ-тихомолку выползъ съ нимъ изъ конвента. Въ подвалѣ, при лучинѣ, онъ расматалъ желѣзы копья, надпилилъ мечъ Князя подъ самой рукоятью, у кольца надрѣзалъ ремень кистеня, и опять отнесъ и поставилъ все на мѣстѣ. Все давно уснуло; одинъ Альфъ не спалъ... Онъ бесѣдовалъ съ Бирутой; онъ называлъ ее женою, и вдругъ краснѣлъ, оглядывался, шепталъ проклятія... и снова ему улыбалась судьба въ образѣ Бируты!!!

— «Какъ она обманется!» мечталъ онъ. «Пріѣдетъ въ Вильно на свадьбу... Всѣ будутъ величать ее княгиней Троцкой — и вдругъ великолѣпный сонъ исчезъ! Онъ не умеръ, но погибъ для нея навѣки! Безутѣшная — утѣшится! Она уже нарушила обѣтъ, и не откажется отъ мужа. Назадъ стыдно; да и что ни говори, а она, я думаю, и сама будетъ рада, когда ее постригутъ мнѣ въ жены... А Далія? гм!.. Далія... Зачѣмъ я взялъ

ей въ сообщницы такого великаго подвига? Зачѣмъ я подѣлился местью? Все бы уладилось и безъ нея; а теперь тайна у дьявола съ чертенками; и Глазовъ и Мармара... Казнь моя, можетъ быть, ужасна!..»

Альфъ побѣднѣлъ. Холодный потъ проступилъ на челѣ, глаза его стали бродить по уединенной кельѣ и остановились на высокой рыцарской чернильницѣ: въ нее было воткнуто перо; на полу валялась бумага.

— «Авось!» сказалъ Альфъ, вставъ съ соломенной рыцарской постели, присѣлъ къ каменному столу, написалъ нѣсколько словъ... Не успѣлъ онъ свернуть и спрятать свое писаніе... по корридору кто-то прошелъ. Раздались вездѣ рога, поднялся гамъ, шумъ, суматоха; все забѣгало, засуетилось. Смертная блѣдность покрыла лице Альфа... Наступилъ роковой часъ охоты...

—

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

В А Н Я.

Сѣрое утро проснулось. Ранніе сумерки едва только стали рѣдѣть, какъ всѣ дружины пришли въ движеніе. Нѣсколько тысячъ народа ломали стѣны замка, другіе хлопотали около обоза, куда изъ загона переводили связанныхъ плѣнниковъ и плѣнницъ и примѣтно собирались тронуться въ путь, какъ только разсвѣтетъ. Въ саду конвента полоцкая дружина оканчивала печку въ красивой бесѣдкѣ, которую русская смѣтка проворно обра-

тила въ знатную баню. Всю ночь тамъ шла работа. Палати были готовы, да и печку уже протопили, потому что оставалось только поднять на двѣ — три пяди трубу — и кончено. Не малое число воиновъ приготовлялись свалить конвентъ и ждали только, когда оттуда выйдутъ князья и бояре. Альфъ подошелъ къ загону, откуда переводили плѣнныхъ въ обозъ.

— «А что,» спросилъ Альфъ: «моя частичка здѣсь?»

— «Еще пока здѣсь, боярин!» отвѣчалъ стражникъ.

— «Подай мнѣ Нѣмца помоложе.»

— «Да какого тебѣ? Разные есть...»

— «Какого-нибудь, лишь-бы не ребенка...»

— «Ну, ступай ты, благо не связанъ!» закричалъ литникъ, ударивъ по затылку, почти голаго мальчика, лѣтъ шестнадцати, который, по счастію, стоялъ къ нему поближе. Мальчикъ, дрожа отъ стужи и страха, со всѣхъ ногъ бросился изъ загона, и чуть не упалъ возлѣ Альфа.

— «Ступай за мной!» сказалъ Альфъ, и отошедъ на нѣсколько шаговъ отъ загона въ поле, такъ, что никто не могъ его слышать, сказалъ тихо и ласково: «Дарю тебѣ свободу. Ты знаешь кто я?»

— «Не знаю, Князь!»

— «Все одно! Дарю тебѣ свободу, но окольцей, не прямымъ путемъ, хоть черезъ день, отдай это письмо рыцарю Кранихфельду въ Растенбургѣ... Ты знаешь дорогу въ Растенбургъ?»

— «Бывалъ!»

— «На тебѣ на дорогу. Пока у насъ сумерки и суета — уходи.»

Мальчикъ схватилъ золотую монету и бумагу изъ рукъ Альфа и, какъ теленокъ изъ хлѣва, прыгая и брыкая, убѣжалъ въ ближайшій лѣсокъ.

— «Унелъ! Отдастъ!» прошепталъ Альфъ, и поспѣшилъ на озеро, куда выѣзжала вся охотничья дружина. Разрушительный стукъ ломовъ и молотовъ, крики плѣнниковъ, обозный шумъ постепенно стихали и удалялись. Разсвѣло, а Летценбурга уже не было видно. Цвиркунъ ѣхалъ гибко впереди, князья и охотники не отставали. Взошло и солнце. Издали показался Вобель. Цвиркунъ сталъ раздѣлять дружину и псовъ на партіи. Альфъ взглянулъ на далекія горы Нийолы, торчавшія по ту сторону Вобеля, и сказалъ съ довольною улыбкою тихо Кейстуту:

— «Погляди, Князь! Надъ божницей Нийолы нѣтъ дыма. Не хотѣлось бы мнѣ, чтобы подземелья ея достались на охотничій постой кому-нибудь изъ христіанъ...»

— «Почему, Альфъ?»

— «Да мало-ли мы и дома, каждый день наслушаемся брани и насмѣшекъ? Полно будетъ; а если они заглянутъ въ эти подземелья — на годъ скверныхъ разговоровъ...»

— «Твоя правда, Альфъ. Но не бойся, я не допущу до этого... Послушай, дядя!... А кто же будетъ съ того берега обходить и загонять?...»

— «Постой, погоди!» отвѣчалъ озабоченный

Цвиркунъ: «Сначала надо раздѣлить на четыре части и дружину и псовъ, потомъ каждую часть на четыре: середину, два крыла, и запасъ... а потомъ уже кому куда придется.»

— «Ужъ мнѣ какъ хочешь, дядя, а съ той стороны...»

— «Постой, погоди! Сдѣлай дружбу... только обижаешь. Вѣдь это также война, только на этой войнѣ я воевода! А тутъ еще и теснота такая, не приведи Господи! — И просѣки порядочной не умѣютъ сдѣлать эти Нѣмцы. Нельзя ни повернуться, ни построиться, ну, да ужъ такъ и быть, на угадъ. Ольгердъ Гедыминичъ, ты ступай съ своими охотниками, а псовъ я тебѣ дамъ добрыхъ; ступай ты краемъ лѣса, да стань на-прямикъ противъ меня. Ужъ мнѣ латники, что вчера съ Альфомъ тутъ были, сказывали гдѣ лежатъ мои мишуки; ужъ не бойтесь, промаха не дамъ... Постойте, постойте! Какъ подымемъ, такъ всѣхъ къ озеру гнать, тутъ мѣсто чистое на пять верстъ, а отъ лѣса я ихъ съ моими отрѣжу. Ну, а по ту сторону, пускай себѣ Кейстутъ идетъ...»

Нетерпѣливый Амулатъ неумышленно прервалъ рѣчь Цвиркуна; злобно онъ билъ копытомъ рыхлый снѣгъ и разбрасывалъ въ разныя стороны крупныя комья. Одинъ комъ попалъ прямо въ ротъ Цвиркину, именно въ томъ самомъ мѣстѣ рѣчи, гдѣ мы остановились. Цвиркунъ и отплюнулся, да закашлялся и не вдругъ могъ продолжать свои распоряженія.

— «Чтобъ тебѣ добра не было, Амулатка,»

сказалъ онъ: «когда ты своему начальному грубіянъ и поперечникъ! Дождешься еще! Намнутъ тебѣ спину, погоди, будетъ тебѣ работа; гляди, тогда не споткнись, озорникъ! Ну, такъ Кейстутъ по ту сторону, а ужъ четвертую руку пускай держитъ Альфъ. Это ему отъ меня за всякіе подвиги въ награду!...»

Тутъ Цвиркунъ раздѣлилъ охотниковъ и псовъ на четыре части; при немъ остался Гришка. Съ Ольгердомъ пошли бояре; съ Кейстутомъ Князь Борисъ; Альфъ расположился по Растенбургской дорогѣ. Скоро всѣ исчезли изъ виду. Раздались свистки. Альфъ едва могъ усидѣть на лошади, лихорадка била его, зубы стучали... Не прошло и получаса, съ горъ Нийолы раздался призывный военный свистокъ Князя Кейстута. Цвиркунъ забылъ объ охотѣ, и со всею дружиною вскачь, примчался на растенбургскую дорогу. Завидя Цвиркуна, Альфъ также съ своими людьми поѣхалъ на рысяхъ къ подземельямъ Нийолы. Онъ посмотрѣлъ на Вобель, и довольная улыбка просіяла на лицѣ его... Ольгердъ былъ далеко и ѣхалъ по слѣдамъ Цвиркуна, который уже догналъ Альфа.

— «А ну, какъ Нѣмцы?» спросилъ Цвиркунъ едва внятно.

— «Кровь во мнѣ застыла, боярин! Вотъ твоя проклятая забава. Ну гдѣ-таки въ чужой землѣ на звѣрей тѣшиться...»

— «Ой, не кори!» простоналъ Цвиркунъ. «Мнѣ и такъ кажется, что я умеръ и ѣду на кладбище»

Откуда ни возьмись черная дикая кошка, выскочила изъ лѣсу и промелькнула почти промежъ ногъ Гнѣдка: конь рванулся назадъ, а Цвиркунъ сталъ креститься.

— «Съ нами крестная сила!» кричалъ онъ. «Омельянъ, Омельянъ! Хватика Гнѣдка сзади плетью, да добре, такъ, знаешь, ото всего серца. .»

И ударъ раздался, и опять всѣ понеслись по узкой дорогѣ, цѣпляясь шлемами за вѣтки... На полянѣ встрѣтилъ ихъ Амулатъ безъ сѣдока, обрызганный кровью.

— «Амулатка! Амулатка! гдѣ Князь?» спросилъ Цвиркунъ, рыдая, съ какимъ-то дѣтскимъ простодушіемъ. «Молчитъ!» продолжалъ онъ: «Молчитъ, а онъ мой сынъ, мой другъ...»

И Гнѣдко послышалъ въ сѣдокѣ своемъ такую силу, такія понужденія, что вытянулся вдвое противу своей длины и, казалось, обгонялъ воздухъ. Рьяность коня заразительна. Амулатъ вскинулъ задомъ, заржалъ и понесся впередъ; всѣ лошади обнаружили то же усердіе. Амулатъ свернулъ съ большой дороги, и понесся по узкой тропинкѣ; всѣ за нимъ взбѣжали на гору Нийолы. На этой высотѣ послышался вой собакъ; спустились въ оврагу, и Цвиркунъ не ошибся — онъ пріѣхалъ на кладбище. Сорокъ лучниковъ латниковъ спали сномъ вѣчнымъ — ни одинъ не хотѣлъ пережить Князя, и всѣ легли. Въ каждомъ было много ранъ; даже псари; и тѣ пали отъ немилосердой руки. Псы стояли надъ ними и страшно выли.

Цвиркунъ давно уже былъ съ Альфомъ на земл; глядѣлъ каждому трупу въ лицо, и только приговаривалъ:

— «Нѣтъ, это Разгорасъ!... Нѣтъ, это Семенъ... Боже великій!... Борисъ... Племянникъ...: Онъ дышетъ, онъ еще не умеръ! Нате же, возьмите! Мнѣ не до него...»

И опять сталъ искать и пересматривать тѣла. Не тутъ-то было! Всѣ на лицо; не доставало одного Кейстута. Въ это самое время пріѣхалъ Ольгердъ. — Цвиркунъ посмотрѣлъ на него — и оба заплакали, Альфъ упалъ безъ чувствъ, подъ ноги Гядре.

— «Я понимаю печаль его!» сказалъ Ольгердъ: «Но, дядя, бѣда безмѣрная, а медлить нечего. Оставимъ и живыхъ и покойниковъ доброму Гришѣ, а сами пойдемъ слѣду. Далеко не могли увести его...»

И Ольгердъ уже былъ по ту сторону оврага. По невольному чувству мести, всѣ уѣхали за Ольгердомъ, только, одинъ Гриша остался при братѣ, и, осматривая его раны, плакалъ горькими слезами. Истинно добрый Гриша! Сердце его было легче дѣвичьяго. Бездыханный Альфъ лежалъ у ногъ его; онъ и Альфу сталъ помогать, какъ умѣлъ. Но что могъ онъ сдѣлать одинъ съ двумя полумертвецами? Возился онъ, возился и съ братомъ и съ Альфомъ; надежда его истощалась. Вдругъ Альфъ глубоко вздохнулъ и очнулся. Долго неподвижными очами глядѣлъ онъ на гряду труповъ; горькая, презрительная улыбка сжала уста.

Едва слышно сказалъ онъ: «Боже мой, Боже! И если все это даромъ!»

— «Что даромъ?» спросилъ Гриша «Ольгердъ даромъ въ погоню не ходитъ; можно поручиться, что онъ нагонитъ Нѣмцевъ.»

— «Нагонитъ!» Альфъ отворотился и презрительно улыбнулся пуще прежняго. «Гдѣ бы мнѣ занять скорби, слезъ, упрековъ? Какъ бы скрыть, что дѣлается въ душѣ моей? Меня душитъ и страхъ и радость... А надо притворяться! Пытка! Пытка! Далія! Ты счастливѣе меня...»

Въ это мгновеніе за оврагомъ послышались голоса, и Ольгердъ съ Цвиркуномъ и всею дружиною медленно, задумчиво возвращался на побоище. Они были далеко; подъ самымъ Растенбургомъ добыли языка и узнали, что Кейстутъ взятъ живой въ плѣнъ и отведенъ въ твердыню. Съ ничтожной дружиной нельзя было и думать о приступѣ. Съ мѣста помчались гонцы, чтобы воротить дружины, которыя ушли съ добычей, съ обозомъ и съ плѣнниками.

Къ вечеру пришли всѣ въ Летценбургъ; съ трудомъ перевезли туда Бориса; но и тамъ не куда было положить больнаго. Груда камней лежала на мѣстѣ Летценбурга, посады въ пламени освѣщали свѣжія развалины; только въ саду конвента торчала Цвиркунова баня, жарко истопленная, а воины лежали около малаго обоза и вечеряли...

Великій Князь съ боярами вошелъ въ баню; но Цвиркунъ не хотѣлъ переступить и порога.

— «А чтобъ она маленькой еще сгорѣла!» кричалъ онъ съ отчаяніемъ: «Вотъ тебѣ и баня! Задали намъ баню Нѣмцы! Не имъ, а намъ въ укоръ проклятая шутка! Дьявольскій-то звѣздочетъ, поганый язычникъ, онъ ту звѣзду хорошо толковалъ, колдунъ окаянный, чтобъ ему больше ни одной звѣзды на небѣ не видать... Баня!... Поймали медвѣдя, да не мы, а латинская хитрость. Рыцари! чтобъ имъ добра не было! Притаились, какъ лисицы, Каиново племя; словно воры изъ оврага на полуночнаго гостя бросились! Вотъ тебѣ и баня!»

Напрасно Великій Князь и бояре звали Цвиркуна въ баню.

— «Не пойду! Пусть лучше замерзну; пусть волки съѣдятъ; какъ я теперь на Вильнѣ буду глазами свѣтить? Что я скажу Ульянѣ Александровнѣ? Не хочу, на коня и самъ ѣду въ плѣнъ нѣмецкій. Вмѣстѣ жили, вмѣстѣ будемъ и на цѣпи сидѣть, пожалуй вмѣстѣ и умремъ, если ты насъ не выручишь! Гей, конюхи! Гнѣдка!»

— «Послушай, бояринъ» сказалъ Ольгердъ: «еще успѣешь у Нѣмцовъ побывать; теперь, какъ только воротятся дружины, пойдемъ на приступъ.»

— «На приступъ,» кричалъ Цвиркунъ: «на приступъ! Пусть проклятое гнѣздо, какъ Летценбургъ, костьми ляжетъ; сломаемъ имъ ребра .. Чтобы на нихъ всякое зло дождемъ лилось!»

— «Ну, а для приступа дядя» опять сказалъ Ольгердъ: «надо отдохнуть; войди въ баню...»

— «Баня! А чтобъ она сквозь землю провалилась! Лукавый меня соблазнилъ! Въсь по моимъ косточкамъ гулялъ, да старость баней спасивалъ. Не хочу! На приступъ!»

Въ это самое время прибѣжало нѣсколько человѣкъ дикарей и просились къ Ольгерду...

— «Что тамъ случилось?» спросилъ Великій Князь.

— «Отецъ!» причалъ дикарь: «Снимайся съ гнѣзда! Большое знамя идетъ!»

— «Какое большое знамя?»

— «Самый набольшой Нѣмецъ! Съ нимъ меньшихъ разныхъ нѣмецкихъ королей съ десятокъ. Мы знали, что ты здѣсь; земляки знать дали, да не успѣли изъ своихъ лѣсовъ выбраться. Наши усадьбы подъ самымъ Шиппенбейлемъ, большою нѣмецкой твердыней, а тутъ глядимъ большое знамя на твердынѣ, въ полѣ шатры ставятъ, гонцы въ Растенбургъ забѣгали. Уходи, князь, мы безъ мала бѣгомъ два дня къ тебѣ бѣжали...».

— «Господи! Да будетъ воля твоя!» сказалъ Ольгердъ: «Подыму всю землю русскую, поголовно пойдетъ все, что живетъ подъ началомъ моимъ: отыму брата или лягу самъ, какъ повелишь Господи. А теперь надо покориться необходимости!»

И не смотря на проклятія Цвиркуна, войско снялось съ Летценбурскаго пепелища и пошло въ постыдный, обратный путь. Бориса повезли въ маломъ обозѣ. Альфъ взялъ мѣсто возлѣ Ольгерда. Одинъ только Цвиркунъ ѣхалъ одинъ, позади всей

дружины и осыпалъ и своихъ и нѣмцовъ бранью и проклятіями.

— «Баня!» заключилъ онъ: «Что, выпарились? Вотъ постойте, безъ Кейстута, не такъ васъ еще выпарятъ, не такая еще будетъ баня!»

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

ВЕЛИКОЕ ПОСОЛЬСТВО.

—

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ПОСОЛЪ.

Не далеко отъ большой Троцкой улицы стояли уединенно въ обширныхъ садахъ хоромы боярина Гаштольда. Высокая стѣна обходила кругомъ садовъ и была такъ высока, что за нею не было видно и самыхъ хоромъ; стѣна и хоромы были изъ камня. Зодчій этой небольшой городской крѣпостцы, Францисканецъ, отецъ Кипріанъ Тибаско, старый духовникъ и Гаштольда и его молодой супруги, Анны, урожденной Бучацкой, давно скончался; на его мѣсто, съ дозволенія Ольгерда, пріѣхалъ изъ самаго Авиньона также Францисканецъ, родомъ Полякъ, Іосифъ Полѣницкій, человѣкъ молодой и весьма пріятной наружности. И хозяйка-красавица и новый духовникъ, не смотря на то, что первый разъ свидѣлись, какъ земляки и одновѣрцы, разговаривали съ полною искренностію въ небольшой комнаткѣ, какъ будто оба были знакомы съ издѣтства.

— «Такъ вы его оставили въ Ковнѣ?» спросила хозяйка: «Долго еще онъ тамъ пробудетъ?»

— «Послѣднее зависитъ отъ короля Ольгерда, который, какъ я слышалъ отъ пана Гаштольда, собираетъ поголовное войско по всему своему государству и затѣваетъ походъ, какого еще никогда не бывало.»

— «Съ-горяча, повѣрьте, съ-горяча! Въ первыя минуты огорченія онъ готовъ поднять за Кейстута землю и горы Понарскія на Нѣмцевъ; а все кончится, я думаю, тѣмъ, что искусные духовные отцы просвѣтятъ разумъ Кейстута въ Маріенбургѣ, окрестятъ, и приплютъ князя домой безъ войны и выкупа, и тогда намъ будетъ легче... Вотъ и Гаштольдъ...»

— «Конечно, конечно...» прервалъ монахъ: «но если бы онъ не увидѣлъ панны Анны, Франциска не и до сихъ поръ не видали бы горъ литовскихъ.»

— «Шутки, Ксендзъ Полѣницкій, шуточки! Мало ли Русскихъ красавицъ! Да ужъ будто и я такъ хороша?..»

— «Вотъ это шутки, шуточки. Вы знаете, что я не долженъ увѣрять васъ, до какой степени вы хороши; что льстивыя рѣчи не приличны моему сану, вы это все знаете и находите удовольствіе меня мучить. Вы мнѣ поплатитесь, вы мнѣ признаетесь, не то еще разскажете... Но простите... Я и такъ долго задержалъ васъ моею болтовнею; пора уволить васъ отъ скучной бесѣды...»

— «Напротивъ, напротивъ! Я не могу нарадоваться, что въ духовномъ отцѣ моемъ я нашла кротнаго, любезнаго человѣка. О, вы представить не можете, какая тутъ скука! Вотъ уже семь лѣтъ,

какъ я замужемъ; кромѣ мужа, духовника моего и Великокняжескихъ повѣстниковъ, я никого не видала въ моемъ домѣ. Къ Великой Княгинѣ я ѣзжу только по наряду, разъ въ недѣлю, т. е. въ воскресенье, поздравить съ праздникомъ. Она обласкаетъ меня, т. е. велитъ меня цѣловать всѣмъ своимъ боярынямъ и дѣтямъ, накормитъ пирогомъ, разпросить о здоровьи моихъ дѣтей — и съ Богомъ. Почти гонятъ изъ теремовъ. Прежде, бывало, приглашали меня на охоту, на прогулку, въ села на лѣто; но я отучила ихъ отъ этого: нѣсколько разъ сряду отказалась — и приглашать перестали.»

— «Все, все въ васъ восхищаетъ меня. Такъ! Старайтесь быть подальше отъ этихъ сизматиковъ! Покоряйтесь необходимости; но дружба съ ними — грѣхъ; сообщество заразительно. Развѣ съ богоугоднымъ намѣреніемъ навратить отступника на путь истины... особенно молодыхъ; но всегда съ моего позволенія. Простите за предостереженія... Я долженъ беречь и хранить вашу совѣсть...»

— «Не говорите! Не говорите! Для этого я не имѣю ни какихъ средствъ. Но какъ намъ жить съ вами не два, не три дни, то я должна вамъ сказать всю правду. Мнѣ кажется, Гантольдъ жалѣетъ о своемъ поступкѣ. Онъ принялъ нашу вѣру (что отъ васъ таится) изъ любви ко мнѣ! Вы прозорливы и угадали. Но когда пылкая любовь миновалась, онъ примѣтно охладѣлъ къ святѣйшему отцу; три года на дворѣ нашемъ не было духовника, три года въ Авиньонъ онъ не посылалъ подарковъ; во

все это время ходилъ съ молодыми князьями въ русскую церковь...»

— «О ужасъ!!...»

— «Да хотѣлъ еще, чтобы и нашихъ дѣтей по праздникамъ носили къ Русскому Воскресенію, что недавно близъ думы построили; но ужъ я не позволила; стала плакать, хворать, ссориться, и поставила на своемъ. Онъ послалъ въ Авиньонъ подарки и просьбы, и вы были такъ добры, согласились раздѣлить наше уединеніе!»

— «Уединеніе, когда въ немъ обитаетъ такая высокая, великая, добродѣтельная женщина!»

— «Такъ видите, я ужъ вамъ все скажу, незачѣмъ утаивать. Случалось, что придетъ въ повѣстникахъ кто-нибудь изъ молодыхъ; я къ нему и пристану стороной... Но чуть только Гантолдъ замѣтитъ, куда я рѣчь сворачиваю — повѣстника вонъ, меня журитъ да журитъ; иной разъ по недѣлѣ дуется... И нашихъ дѣтей, когда крестить приходилось, бѣда была съ Гантолдомъ: откладываетъ, думаетъ... Разъ было даже... Кто это кольцомъ ударилъ? какъ это досадно!... намъ помѣшали; да мы съ вами не въ послѣдній разъ толкуемъ: я вамъ послѣ доскажу: да что въ самомъ дѣлѣ; будемъ, пожалуйста, друзьями; оставайтесь съ нами поужинать. Вы должны простить, я не ожидала такого гостя, на первый разъ извините. Кто бы это былъ однако?»

По темнымъ хоромамъ шелъ кто-то; двери отворились; старый слуга объявилъ тихо:

— «Отъ Великой Княгини съ повѣсткой.»

— «Проси!—Вотъ видите, это единственное мое развлеченіе. Когда кто родится, умретъ, женится—вотъ случаи, когда можно увидѣть постороннаго человѣка, а то наша жизнь уединеннѣе вашей монастырской... Вотъ и повѣстникъ.»

Вошелъ Альфъ, и не обращая вниманія ни на хозяйку, ни на Полѣницкаго, сказалъ протяжно, глухимъ однако же голосомъ:

— «Божіимъ изволеніемъ, въ Пруссахъ, на озерѣ Вобелѣ, Кейстутъ, князь на Жмуди, Трокахъ, Гроднѣ и Полѣсьѣ взятъ въ плѣнъ нѣмецкими рыцарями Кранихфельдомъ и Белеромъ. Съ Верху, отъ Великой Княгини Ульяны Александровны указано мнѣ, младшему боярину и воеводѣ, кланятся тебѣ, старшей боярынѣ, Аннѣ Осиповнѣ и просить чтобы ты, со всѣми твоими домачадцы, просила Господа Бога, по твоему закону, объ освобожденіи князя отъ плѣна латинскаго и о возвращеніи возлюбленнаго брата на родину, а завтра бы на замкѣ, когда пріѣдетъ Великій Князь на Вильно, была на Верху для скорби и совѣта!»

Альфъ хотѣлъ-было повернуться и уйдти, да Анна Осиповна, хотя уже имѣла для развлеченья одного гостя, да это развлеченіе отъ нея не могло уйти, а какъ не поговорить, не полюбезничать Полькѣ съ молодымъ героемъ, который сталъ такъ интересенъ всему великокняжеству и любовными и военными похожденіями. Такого случая не скоро дождешься.... И Анна Осиповна ласково сказала Альфу на полу-русскомъ, на полу-польскомъ языкѣ:

— «Что же это ты, боярин, такъ спѣшишь изъ нашего дома? Погости, посиди! Дай мнѣ хоть узнать, какъ все это случилось?!.»

Альфъ покраснѣлъ. Но не желая показаться страннымъ передъ Полькою, которая, при случаѣ, не скрывала своего мнѣнія о дворѣ великокняжескомъ и всѣхъ мужчинъ называла медвѣдями, Альфъ низко поклонился и сѣлъ на высокомъ стулѣ весьма близко отъ хозяйки, такъ, что она уже, а не онъ, приведена была въ смущеніе близостью такого молодаго и такого красиваго богатыря, особенно въ сравненіи съ Гаштольдомъ, котораго подвиги и лѣта украсили рубцами и легкой сѣдиной... Разговоръ съ трудомъ завязался. На вопросы Анны Осиповны Альфъ отвѣчалъ коротко и отрывисто.

— «Гдѣ Великій Князь?»

— «Сегодня еще въ Мѣдникахъ, завтра, а можетъ быть, еще и сегодня ночью будетъ въ Вильнѣ.»

— «Что Альдона?»

— «Больна.»

— «Что раненный Борисъ?»

— «У Мондвида.»

— «Отъ-чего же не у дяди?»

— «Цвиркунъ при Великомъ Князѣ.»

— «Опасенъ князь Борисъ?»

— «Оправился.»

— «Да развѣ онъ давно въ Вильнѣ?»

— «Больше двухъ недѣль.»

— «А гдѣ всѣ были такъ долго?»

— «Войско собирали.»

— «А развѣ будетъ война?»

— «Поголовная.»

— «Конечно Альфъ теперь еще болѣе удивитъ своими подвигами.»

— «Умретъ или выручитъ князя.»

— «Что же будетъ теперь съ Бирутой?»

— «Не знаю!» сказалъ Альфъ и задумался. Нѣсколько вопросовъ осталось безъ отвѣта... Наконецъ, помолчавъ не мало, Альфъ вспомнилъ и спросилъ разсѣянно: «А гдѣ же боярынъ?»

Анна Осиповна разсмѣялась.

— «Что съ тобой, батюшка?» сказала она. «Ужъ объ этомъ надо бы у тебя спросить. Ты, я думаю, недавно отъ войска?..»

— «Нѣтъ, боярыня! Горе сломало меня, я не могъ на конѣ сидѣть, государь меня и послалъ впередъ въ Вильно и для отдыха, и для того, чтобы любезныхъ сердцу его къ тяжелому свиданію приготовить...»

— «Вотъ, я думаю, бѣдная Альдона заливается...» сказала Анна съ лукавой, притворной улыбкой.

— «Ахъ, боярыня! это ужъ нашъ родъ такой! Всѣ мы глупо любимъ!»

— «А все отъ-того, что Бога своего оставили!..»

Это замѣчаніе хитрой Анны поразило Альфа; онъ какъ будто по невольѣ опять сѣлъ на прежнее мѣсто. Полѣницкій нахмурился, а боярыня разсыпалась въ назидательныхъ поученіяхъ... Полѣниц-

кій по-невѣдѣ долженъ былъ принять участіе въ подвигѣ Анны Осиповны. Альфъ увѣрялъ, что онъ никогда не оставлялъ своей вѣры; слушалъ монаха внимательно; изрѣдка только покачивалъ головой. Анна Осиповна заключила приглашеніемъ завтра въ домовую ея церковь, гдѣ уже около трехъ лѣтъ не было службы. Альфъ опомнился, всталъ, поклонился боярынѣ и, сказавъ разсѣянно: «увидимъ, посмотримъ», поспѣшно ушелъ.

— «Какое пріобрѣтеніе!» воскликнула Анна Осиповна.

— «Не думаю» замѣтилъ Полѣницкій: «По лицу видно, что онъ лазутчикъ, человѣкъ развратный, съ нечистою совѣстію.»

— «Что вы, что вы? Положимъ, что въ самомъ дѣлѣ у него есть пороки, чего впрочемъ я не думаю. Въ такомъ случаѣ наша заслуга передъ Богомъ...»

— «Не думаю. Не должно довѣрять слабыхъ зачатковъ вѣры нашей такимъ подозрительнымъ людямъ. Впрочемъ, увидимъ, посмотримъ.»

— «Конечно, увидимъ и разсмотримъ это дѣло за ужиномъ.»

— «Извините! Я такъ усталъ, мнѣ ѣсть не хочется!»

— «Ахъ Боже мой! Вы устали, а я васъ мучу бабской болтовней. Ступайте, ступайте! Въ вашей кельѣ все для васъ приготовлено! Спокойной ночи! До завтра!» и Анна Осиповна ушла.

— «Даже и не подумала удержать меня,» сказалъ Полѣницкій въ полголоса и съ примѣтнымъ

неудовольствіемъ пошелъ въ деревянныя кельи, построенныя въ третьемъ, самомъ глухомъ саду Гантолда.

Между тѣмъ Альфъ, оповѣстивъ всѣхъ старшихъ боярынь, по обычаю, возвращался домой съ грустію; безпрестанно то краснѣлъ, то блѣднѣлъ, хотя никто не смотрѣлъ ему въ глаза и даже съ нимъ не встрѣчался; да и кому было съ нимъ встрѣтиться на всемъ на этомъ пространствѣ отъ воротъ Троцкихъ до самаго Кривъ-города, пространствѣ, составившемъ впослѣдствіи самую блистательнѣйшую, шегольскую часть Вильна. Монетчики и другіе нѣмецкіе ремесленники, занимавшіе весь этотъ кварталъ, жили тихо, опасливо, и съ захожденіемъ солнца уже нельзя было никого изъ нихъ видѣть. Только лай псовъ давалъ знать, что по грязнымъ улицамъ и переулкамъ Нѣмецкаго Конца пробирается чужой пѣшеходъ и неумолчно провожалъ его до дому. Альфъ былъ уже близко воротъ своего двора, но не рѣшался войти. Ему представилась Альдона, ея печаль, ея отчаяніе, и воспоминанія наводили на него лихорадочную дрожь... Но было поздно. Надо же гдѣ нибудь голову приклонить, и Альфъ вошелъ на дворъ свой, куда съ глубокимъ вздохомъ пропустилъ его старый привратникъ.

— «Что Альдона?» спросилъ Альфъ.

— «Плохо, боярынъ, плохо! Бредитъ,» отвѣчалъ привратникъ и Альфъ поспѣшилъ къ хоромамъ. Въ уединенной комнатѣ, на широкой постелѣ, сидѣла блѣдная Вундина; нога ея опиралась на веревочку

и начала колыбель, висѣвшую у самой кровати на трехъ сошкахъ; у стола сидѣла боярыня Василиса Анисимовна, старая вдовица, приставленная Великой Княгиней къ Альдонѣ и Вундинѣ, потому что на дворѣ Альфа имъ однимъ жить не приходилось. И люди приставлены были со двора Великой Княгини. — Ларчикъ сидѣлъ по другую сторону стола и перекидывалъ на бабахъ. Альдона глядѣла за всѣми движеніями рукъ Ларчика; слезы стояли на глазахъ; смертная блѣдность въ лицѣ; уста запеклись. Альдона походила на тѣнь свою; необыкновенная худоба обличала и недавно миновавшую тяжкую болѣзнь и настоящія страданія. Во все это время, пока гадалъ Ларчикъ, Вундина пѣла въ полголоса колыбельную пѣсню; но когда ребенокъ уснулъ, Вундина встала, подошла къ столу и, обнявъ Альдону, сказала ей весело:»

— «Послушай, сестрица! Я не имѣла времени разсказать тебѣ моей радости! Гуго сегодня впервые поцѣловалъ меня! Право! Ты не вѣришь? Ветань завтра пораньше и примѣчай! Сама увидишь! Ахъ какъ я рада! ахъ какъ я рада! Сестрица! поцѣлуй меня...»

— «Завидное безуміе!» закричала Альдона неистово; «Охъ, выймите у меня разумъ, дайте мнѣ игрушку, уверьте меня, что это онъ, и я буду счастлива... Нѣтъ! Не давайте игрушки, нѣтъ, оставьте мнѣ мое отчаянье, дайте лучше слезъ, мнѣ плакать нечѣмъ!»

И Альдона упала на стулъ, съ котораго было поднялась, чтобы смотрѣть на бобы...

— «Я тебѣ говорила, няня Василиса,» сказала Вундина шепотомъ: «не бери ты этой завистницы изъ замка! Видишь, какъ ее мучитъ мое счастіе, какъ она ревнуетъ! Бестыдница! И она не скрываетъ любви къ моему Гуго!»

Поднялась голова Альдоны; глаза страшно сверкали; румянецъ, лучше сказать, багрянецъ ударилъ во всю щеку; грудь волновалась, руки сцѣпились сухими пальчиками и заломались. Альдона смотрѣла въ пустоту комнаты, будто тамъ тѣни ходили, и страшный бредъ возобновился. Ларчикъ смотрѣлъ на Альдону съ ужасомъ; напрасно кричалъ онъ ей:

— «Посмотри, погляди, Альдонушка, какъ бобы знатно перекинулись...»

Альдона ничего не слушала и продолжала свои несвязные разсказы.

— «Что вы думаете?» говорила она: «Что вы себѣ воображаете! Цѣпи, темницы, стыдъ, позоръ... Изволь, изволь, я готова, великій магистръ! Виприхъ, я готова! Не нужно насилія! Отворяй темницу! — Когда онъ будетъ за стѣною Маріенбургскаго замка... О Виприхъ! За его свободу я пойду къ тебѣ не рабыней, нѣтъ, я буду любить тебя,— и до самой смерти, я не вспомню объ немъ, нѣтъ, я твоя, твоя! Только возврати богатыря и радость землѣ литовской!»

— «Альдона!» пронзительнымъ, пискливымъ голосомъ закричалъ Ларчикъ.

Альдона протянула къ нему руку и продолжала:

— «Другъ мой! да, да, я тебя не оставлю!

Нетъ, и ты поѣдешь со мной; всѣ они на одну стать! Всѣ любятъ женщинъ и дураковъ; мы не должны разлучаться; я люблю его, какъ ты меня любишь... Скажи Небу спасибо, что ни кто тебя по нашему нелюбитъ! О, и это уже счастіе!»

Альдона стала задумчива; въ лицѣ исчезло всякое выраженіе; что въ ней осталась жизнь, это можно было замѣтить потому, что Альдона легонько перебирала изсохшими пальцами распущенныя длинные волоса свои. Ларчикъ повалился ей въ ноги.

— «Плачь, Княжна!» молилъ онъ: «лучше плачь! Не терзай себя такой холодной тоской! Заплачь, Альдона...»

Альдона ничего не слушала, ничего не понимала; а Вундина, схвативъ Ларчика за горло, сказала съ бѣшенствомъ: «Уймешься ли ты, щенокъ! Что вы тутъ разнумѣлись полуночники, когда мой Гуго спитъ! Вонъ!..»

— «Полно, Вундиночка, полно!» сказала боярыня, стараясь выручить Ларчика изъ рукъ Вундины. Въ это самое время вошелъ Альфъ; Альдона вздрогнула и вскочила со стула; Ларчикъ вырвался; Вундина оторопѣла. Альфъ не смѣлъ поднять глазъ, но смущеніе его еще болѣе возросло, когда Альдона сказала ему сухо, отрывисто: «Братъ! есть небесный судъ и на этомъ свѣтѣ!» и ушла въ другіе покои. Василиса съ трудомъ потащилась за нею; Ларчикъ тоже хотѣлъ пойти за Альдоной, но Альфъ схватилъ его за руку, удержалъ, и не зналъ что сказать.

Мертвая тишина была прервана отголоскомъ далекого рога, возвѣщавшаго всей столицѣ съ высотъ горняго замка о пріѣздѣ Ольгерда. Альфъ опомнился.

— «Пойдемъ къ Великому Князю!» сказалъ онъ и Ларчикъ, дрожа, повиновался.

На дорогѣ къ Дольнему замку, Альфъ остановился и спросилъ Ларчика ласково:

— «Бѣдный Ларчикъ! Ты крѣпко любишь Альдону?»

Ларчикъ молчалъ.

— «Отъ чего же и не любить Альдоны?» продолжалъ Альфъ: «Я на нее не сержусь за то, что она на меня выдумала, будто, по моей милости, онъ въ плѣнъ попался... «Зачѣмъ, говоритъ, ты ослушался стараго Цвиркуна; зачѣмъ пустилъ князя одного на засаду. Если бы ты, Альфъ, былъ тамъ, онъ бы не попался въ плѣнъ; поплатились бы Нѣмцы за хитрость...» Вотъ что ей на умъ взбрело — и коритъ меня, и говоритъ со мной не хочетъ! Богъ ей судья... Но, Ларчикъ, ты, и чай, ее больше моего любишь — и это мнѣ не нравится. И знаешь ли, Ларчикъ, жаль мнѣ тебя, да ужъ если нога твоя на моемъ дворѣ будетъ, отсѣку ногу...»

Ларчикъ молчалъ; сердце у него будто раздавили; онъ не смѣлъ пошевельнуться. Альфъ продолжалъ:

— «Бѣдный Кейстутъ! Теперь его Нѣмцы ни за полвеликокняжества не отдадутъ! Ни какая война не поможетъ! Если въ Маріенбургѣ станетъ

небезопасно, чего добраго, отошлютъ Кейстута къ самому папѣ. Горе намъ, горе! Не видать намъ Кейстута! Не правда ли, Ларчикъ?»

— «Да, бояринъ, можно было въ первый разъ отъ Нѣмцевъ улепетнуть, а во второй.... Нѣтъ ужъ, что и говорить, потеряли мы его на вѣки!»

— «То то и есть! Что будетъ теперь съ Бирутой!»

— «Правда твоя, Альфъ, что съ нею будетъ?»

— «Охъ, если бы я смѣлъ... Да самому неловко... Взялась за меня похлопотать и Ульяна Александровна; и ей не хочется, чтобы Бирута княгиней сѣла на Трокахъ, да если бы еще ты, будто съ-проста, да шуткой.... Такъ пожалуй не теперь, а тогда, какъ Ольгердъ увѣрится, что назадъ брата достать нельзя, тогда, по своей ко мнѣ милости, можетъ быть, наградилъ бы меня любимой женой...»

— «Какъ, Альфъ? Такъ ты еще до сихъ поръ?..»

— «А ты, Ларчикъ, разлюбилъ, что ли, Альдону? Какъ я тебя теперь пугнулъ, ты вѣрно прикинешься, что и въ памяти не осталась; а въ сердцѣ, Ларчикъ?.. Такъ видишь ли, если бы ты шуткой великой Княгинѣ помогъ...»

— «Что же будетъ съ Альдоной? За тебя она не пойдетъ въ вайделотки...»

— «Такъ пойдетъ въ монастырь христіанскій! Знаю я ее! Она безъ Кейстута на бѣломъ свѣтѣ не останется! А впрочемъ, Ларчикъ, мы бы съ тобой объ этомъ потолковали да подумали. Такъ

ступай же, Ларчикъ къ Князю; пора; я буду все знать, какъ ты велъ себя; ступай, Ларчикъ, ступай, да береги ноги...»

Безъ отвѣта Ларчикъ пошелъ къ главнымъ воротамъ Дольняго Замка, противъ котораго, у нѣмецкаго посольскаго дома стояло не мало лошадей и повозокъ. Весь домъ былъ освѣщенъ. Въ теремахъ Великой Княгини также всѣ окна горѣли жаромъ; особенное движеніе замѣтно было по всему замку. Великій Князь былъ въ Нижней палатѣ и принималъ отъ бояръ изъявленія глубокой печали о постигшемъ великокняжество несчастіи; на верху, т. е. въ теремахъ, въ малой палатѣ сидѣла Ульяна Александровна въ богатыхъ креслахъ; ноги ея покоились на мягкихъ подушкахъ; возлѣ, за небольшимъ столомъ, сидѣли двѣ дѣвушки однолѣтки; одна была падчерица Ульяны Александровны, дочь первой жены Ольгерда, Маріи Витебской, Княжна Агрипинина, другая Наташа, наша старая знакомая. Обѣ занимались весьма интереснымъ разговоромъ съ куклами, которыя покрывали весь столъ; обѣ были одѣты въ одинакіе сарафанчики и рубашки; казалось онѣ давно породнились. У Великой Княгини не было еще ни одной дочери и она полюбила Наташу не меньше княжны Агрипины. Но въ это время Ульяна Александровна не обращала никакого вниманія на дѣтей и, облокотивъ свою многодумную голову на мраморную руку, утопала въ печальныхъ размышленіяхъ; няня княгини, Нимфадора Власьевна, глядѣла на нее печально и по временамъ тяжко вздыхала.

— «Радость-Княгиня» сказала наконецъ няня, непривыкшая къ такому продолжительному молчанію? «Что это, право, государь и господинъ нашъ надъ нами творитъ. Мало, что ли, мы не видались съ нимъ, а онъ, будетъ больше часа на замкѣ, ни самъ къ тебѣ нейдетъ, ни тебя къ себѣ не зоветъ. Что, право! Вѣдь Троцкому не впервые къ Нѣмцамъ въ лапки попадаться. Языческая удаль, матушка, отъ того на нее и Божьяго благословенія нѣтъ. Не бойся, нашего хозяина—нѣмцы только что въ послахъ въ глаза видали: а онъ самъ къ нимъ въ глаза полѣзъ; ну, и умѣтили. Вернется Ему во всѣхъ хитростяхъ нечистый помогаетъ, тѣмъ и сердце у него въ сѣткѣ держитъ. Куда имъ противу нашего хитреца справиться. Уйдетъ! Такъ о чемъ тужить, да жену забывать, не въ укоръ будь сказано.»

Великая Княгиня вздохнула и сказала печально:

— «Правда твоя, Власьевна, правда; вижу, что онъ Кейстута больше меня любитъ...»

— «И не то, матушка! Ну, куда ужъ-таки кого ни есть противу жены любить...»

— «Такъ почему же нейдетъ ко мнѣ?...»

— «Идетъ, матушка, идетъ...»

— «Убери же дѣтей, няня...»

— «Пойдемъ, мои куколки, пойдемъ!» сказала няня, убрала куколъ со стола и ушла съ дѣвушками въ другіе покои. Въ то же время вошелъ Ольгердъ, одинъ; грустно было смотрѣть на него: по лицу можно было видѣть, какъ тоска грызла великое сердце. Великая Княгиня бросилась къ не-

му навстрѣчу; онъ обнялъ ее и Ульяна Александровна заплакала, залилась слезами...»

— «Полно, Улинька! Слезами не поможешь! Не кручиниться, а надо принимать добрыя, надежныя мѣры. Садись, мой другъ, я и пришелъ къ тебѣ за совѣтомъ. Ты у меня ангелъ-хранитель, ты у меня счастіе дома и Божія порука за благоденствіе земли; ты у меня самый разумный совѣтчикъ... ты у меня... Ахъ Улинька, ты у меня — все!..»

Сѣли. Ульяна Александровна отъ полноты чувствъ не могла начать рѣчи. Ольгердъ продолжалъ:

— «Такъ-то, Улинька! Богъ посѣтилъ насъ великою скорбію. Не послушалъ я Ковенскаго Криве, не послушалъ я самого Кейстута, и, кажется, надолго потерялъ брата. Я на дворъ, и Нѣмцы ко мнѣ съ посольствомъ. Уступи имъ за Кейстута все Жмудское княжество до самаго Ковна, вдоль по рѣкамъ Невяжѣ и Лавешѣ! Уступи имъ полъ-Литвы съ полу-людьми, уступи имъ несчастныя жертвы на закланіе и созженіе! Иначе я уже никогда не увижу Кейстута! Какъ будто я властенъ?..»

— «И ты отказалъ?»

— «Отказалъ, Улинька!»

— «Чтожъ ты будешь дѣлать?»

— «А вотъ собираются полки съ далекихъ странъ; пусть лучше своякъ потревожитъ Смоленскій и Витебскій удѣлы; пусть лучше Татаре потѣшатъ огонь подъ Кіевомъ и на Волынѣ, все легче; но Кейстутъ въ плѣну, и орденъ впервые увидитъ до ста тысячъ строеваго войска у твердынь своихъ; а поголовнымъ, чай не найду и счета; слышу, и Ляхи на

насъ идти задумали! Обрадовались; да не порадуются; я пойду на Остерроде по пепелищамъ и трупамъ Ляховъ. Одна бѣда: долго дружинъ дожидаться! Надо занять нѣмцевъ переговорами, и сегодня еще Цвиркунъ ѣдетъ въ Маріенбургъ съ большимъ посольствомъ. Что будетъ, то будетъ. Какъ Господу угодно. Ну, а что ты, Улинька, подѣлываешь? Что дѣти наши?»

— «Слава Богу, другъ мой! Всѣ здоровы и веселы. Яшка уже болтать начинаетъ; ждалъ онъ долго тебя, да соскучился; спать отпустила. Да у меня теперь семья пріумножилась; дочки у меня нѣтъ; Агриппинушкѣ одной скучно, а тутъ Богъ послалъ Наташу: такая малая дѣвочка... Приняла я ее, коли позволишь...»

— «Охъ, Улинька! Тяжко намъ отъ этихъ пріемышей!»

— «На Альфа и Альдону, кажется, нельзя пожаловаться...»

— «Не люблю добра, когда оно за прошедшее зло уплата... А! И ты меня вспомнилъ!» сказалъ Ольгердъ сурово, когда въ дверяхъ показалась фигура Ларчика: «Поди сюда! Пора намъ за службу разсчитаться... Ужъ кто другой, а ты долженъ былъ помнить, что я за такія шутки вѣшаю...»

— «Одолжи!» отвѣчалъ Ларчикъ съ горькою улыбкою: «Утянь! Повѣсь! Только сегодня!»

— «Не отовремься, дуракъ, не отовремься! Какъ ты смѣлъ остаться здѣсь, когда мы уѣхали?»

— «Я не остался Князь, а меня оставили. Бѣгомъ за лошадьми не угонишься, а тутъ стали

замокъ запирать, ни живой души не выпускали... По неволѣ остался.»

— «А какъ въ твою дурацкую голову влѣзла мысль такая, чтобы къ Альдонѣ ластиться...»

— «Я не ластился къ ней, государь, на всѣхъ пошлюсь, я только служилъ...»

— «Не твое дѣло...»

— «Такъ чье же, когда вы всѣ бросили ее на съѣденіе черной смерти? Я спасъ ее и сталъ служить по привычкѣ...»

— «Не отовремься, дуракъ, не отовремься! Ламъ я тебѣ любовь, уродъ!»

— «Некого и любить, если правду сказать. Приберегли ее для горькой участи: словно щепка высохла отъ болѣзни; а тутъ и свои вернулись; видно мало показалось, такъ на самое сердце ей волчка и спустили. Ай да вѣсточка! Кричитъ, да такъ кричитъ, будто ее ломомъ въ голову угодили...»

— «Что съ нею?» спросили и Великій Князь и Великая Княгиня.

— «Что́ съ нею теперь? Страсти такія, только во снѣ развѣ увидишь, а разсказать не разскажешь! Что́ съ нею будетъ? Такъ о томъ только и думаю, по какому обычаю хоронить ее стану...»

Ларчикъ заплакалъ. Великій Князь нахмурился; Великая Княгиня отерла слезу и сказала Ольгерду:

— «Успокойся, мой другъ! Это Ларчику съ горя такъ сдается. Онъ ее, а она князя больно любитъ. Мнѣ Василиса Анисимовна во всякую пору объ Аль-

довъ и объ Вундинѣ доносятъ. Пройдетъ! Выплачется, остынетъ — и поправится.»

— «А что жъ Вундина?»

— «Да я и ее на руки Василисѣ отдала. Гдѣ съ безумною на замкѣ жить; неравенъ часъ; да и мѣста нѣтъ; надо было для Бируты цѣлое крыло очистить; да теперь, я думаю, и съ Бирутой ужъ не то будетъ...»

— «Какъ не то?...»

— «Да что же, другъ мой! Какъ знать, воротится ли еще братъ изъ плѣна; какъ то его еще выпустятъ изъ темницы; вѣдь его держать будутъ тебѣ на страхъ. Нѣтъ, Ольгердъ, не видать намъ Кейстута...»

— «Да, признаться,» сказалъ Ларчикъ: «ужъ если они выпустятъ князя добромъ или силой, такъ ужъ послѣ этого пускай дядя Цвиркунъ никогда не говоритъ: латинская хитрость...»

— «Я не вѣдаю вашихъ посольскихъ выдумокъ, вашихъ военныхъ подвиговъ,» продолжала княгиня: «Не знаю, что можно, чего нельзя, да ужъ за то поручусь, что Нѣмцы его у себя держать не станутъ, а пошлютъ къ своему папѣ въ гостинецъ. Изъ Авиньона не вернуться ему...»

— «Да, признаться,» прибавилъ Ларчикъ: «ужъ если онъ и прикинется теперь латинцемъ, не повѣрятъ, обожглись и на отцѣ и на сынѣ; онъ ихъ за носъ чуть въ морѣ не затащилъ. А если повѣрятъ, такъ сдѣлаютъ то, что задумали: поставятъ его на всю Литву епископомъ, а епархіей велятъ управлять изъ авиньонскаго города. Чего добраго,

въ красный кафтанъ нарядятъ; хорошъ онъ будетъ въ кардинальской рясѣ!»

— «Чай, теперь Кранихфельда въ великіе командиры ставятъ,» продолжала Ульяна Александровна: «А великій командоръ убережетъ плѣнника! Кейстутъ ему на весь міръ, что похвальная грамота... Такъ видишь ли, мой другъ, Бируту съ мѣста сняли, знатной женитьбой сманили, опозорили имя славной язычницы; ужъ ей теперь къ зничу къ этому нельзя назадъ. Чѣмъ она виновата, что Господь ее красотой такой диковинной надѣлилъ? Да и правду сказать, она прежде Альфу приглянулась; Кейстутъ у него невѣсту отбилъ. И, какъ хочешь, не богатырское дѣло слову измѣнять, а слово онъ далъ Альфа женить. Цвиркунъ свидѣтель, Цвиркунъ налицо; спроси у Цвиркуна...»

— «Да, признаться,» прибавилъ Ларчикъ: «эта язычница князю не чета. Ужъ если выпустятъ его Нѣмцы, такъ, вѣрно, не скоро; наединѣ съ самимъ собой, добрый молодецъ умнѣе. Самъ поразсудитъ, что ему не слѣдъ на Бирутѣ жениться. Пусть его Цвиркунъ въ Рязань на сватовство везетъ, а по нуждѣ, пожалуй, и въ Москву...»

— «Да если бы и не одумался,» прервала Великая Княгиня: «такъ наше дѣло волю младшаго брата къ добру направлять. Вотъ, пожалуй, онъ и пріѣдетъ, да дѣло уже кончено: Бирута замужемъ; можетъ быть, къ тому времени и дѣти пойдутъ; самъ себя пустой любовью стремить не захочетъ...»

— «А что, говорятъ,» началъ-было Ларчикъ: «у Альфа теперь есть другая невѣста...»

— «Да и та въ плѣну...» прервала Ульяна Александровна: «Такая плѣнница каждому рыцарю награда. Чай, всѣ за нее передерутся. И на такой невѣстѣ, что у Нѣмцевъ въ плѣну была, Альфъ не женится .. Такъ не правда ли, мой другъ, нѣтъ худа безъ добра. Видно, нарочно все такъ сложилось, чтобы язычница изъ простаго, даже не княжескаго рода, въ свѣтлый домъ нашъ не входила... Не правда ли?»

Ольгердъ не успѣлъ отвѣчать, потому что вошелъ въ теремъ Цвиркунъ съ Гришей. Веселость его исчезла; онъ вдругъ постарѣлъ; всѣ лѣта, которыя такъ искусно, такъ непринужденно скрывала врожденная веселость и добрая жизнь, какъ будто вырвались изъ тайника, выступили на одряхлѣвшемъ лицѣ, на опухшихъ глазахъ и расчатали навсегда богатырскую поступь. Вооруженіе было уже въ тягость дряхлому старцу. Онъ вошелъ въ красивой собольей шубѣ съ стоячимъ небольшимъ воротникомъ и съ золотыми петлицами; на темени, вискахъ и бородѣ торчали желтыя клочья рѣдкихъ волосъ. Онъ держалъ боярскую свою шапку съ золотымъ вѣнцомъ въ обѣихъ рукахъ. Ольгердъ всталъ ему навстрѣчу и, обнявъ, сказалъ съ чувствомъ:

— «Пестунъ и другъ! Да благословитъ Господь Богъ твое посольство! Умѣй владѣть обѣщаніями и угрозами, какъ ты умѣлъ владѣть мечемъ, мудрымъ словомъ и нашимъ сердцемъ! Коротокъ мой наказъ! Война — такъ война вѣчная, поголовная, до послѣдняго человѣка моихъ удѣловъ, до послѣдняго пенязя казны моей. Полюбовно... Будь

осторожень въ уступкахъ, но ужъ если нельзя иначе, уступаю Жмудь...»

— «Кейстутъ стóитъ трехъ такихъ удѣловъ!» прервалъ Цвиркунъ съ жаромъ, котораго, по его наружности, уже нельзя было и подозрѣвать въ немъ: «Помяни мое слово, государь! Ненасытные рыцари не будутъ довольны и этимъ окупомъ: недѣли не простоять нашему договору: рыцари нарушатъ условія, и тогда Кейстутъ въ одинъ, а много въ два похода воротитъ все, чѣмъ мы теперь за него пожертвовали...»

— «Воистинну такъ!» сказалъ Ольгердъ радостно: «Та же дума заставила меня рѣшиться на такую великую жертву... Любезный другъ! Если тебя допустятъ увидѣться съ братомъ...»

— «Допустятъ, допустятъ!» прервалъ Цвиркунъ: «Я выплачу эту милость, я куплю ее на весь обозъ мой; а тамъ не мало, тамъ все мое богатство, даже иконы!»

— «Не хвалю и не удивляюсь» продолжалъ Великій Князь: «Я въ этомъ и не сомнѣвался. Такъ если тебѣ удастся повидаться съ княземъ, утѣшь его, обрадуй, скажи ему, что какъ только пріѣдетъ Бирута, посажу на моемъ замкѣ братней невѣстой, угощу ее какъ сноху дорогую, не стѣсню вѣры ея; и когда минуетъ время пировъ, отвезу ее и поставлю княгиней на троцкой любимой столицѣ брата!»

Великая Княгиня и Ларчикъ хотѣли было сказать что-то; но Ольгердъ, возвыся голосъ, произнесъ торжественно:

— «Слово послѣднее! Прощай, пестунъ и другъ! Да будетъ съ тобою благословеніе Господнее! Дай Богъ увидѣться не такъ, какъ прощаемся, а на великой радости, на большой встрѣчѣ! Когда же ты ѣдешь, бояринъ?»

— «А вотъ благословлю больнаго племянника, да со двора Мондвидова прямо въ дорогу. Чай, обозъ мой уже подымается на Понары.»

— «Дай же, Цвиркунъ, провожу я тебя и навѣщу Бориса! Я передъ нимъ виноватъ еще: не благодарилъ за раны! — Пойдемъ! — Ларчикъ за мной! — Улинька, прости на часокъ и на меня не сѣтуй: не могъ я сдѣлать по вашему. Я дальше твоего вижу. Было бы оно и по твоему хорошо, да по моему будетъ лучше. Прости!.. Пойдемъ.»—

Природа хороша, крѣпка, могуча во всѣхъ тѣхъ образахъ, которые представляютъ ея молодость. Посмотрите на весну, на молодое дерево, на молодое животное; посмотрите на юношу: какъ будто природа играетъ избыткомъ силъ, тѣшится обиліемъ своихъ средствъ, смѣется надъ тѣмъ, на что уже печально глядитъ зима, предъ чѣмъ желтѣетъ листъ растенія, и клонитъ голову старецъ... Юношѣ страшна только ошибка смерти: когда замахнется на старца, коса блеснетъ мимо, и уноситъ юношу, что̀ возлѣ стоялъ. Конечно, жизнь старца продлилась до перваго взмаха, да юноши нѣтъ: онъ умеръ по ошибкѣ... А не удалось убить, такъ молодости все ни по чемъ, и скорби и болѣзни и раны. Давно ли мы видѣли Бориса на грудѣ труповъ въ оврагѣ Нийолы; не прошло и трехъ

недѣль съ того ужаснаго дня, а уже Борисъ сидѣлъ въ большой палатѣ Мондвидовыхъ хоромъ, учесанный, щегольски одѣтый въ красивый охабень; правая рука только подвязана, да блѣдность и худоба обличали, что Борисъ былъ близокъ къ смерти, и вырвался изъ ея рукъ не безъ усилій; противу него сидѣлъ Мондвидъ и разсказывалъ Борису, какъ принималъ Ольгердъ нѣмецкое посольство, и виленскихъ бояръ. —

— «Жаль,» заключилъ бояринъ: «что Цвиркунъ сегодня пріѣхалъ въ Вильно, и сегодня же долженъ ѣхать въ Маріенбургъ.»

— «Отъ чего жаль? Какъ знать, бояринъ, они съ отцемъ моимъ, выручать князя! У меня сердце добрый вѣщунъ!»

— «Съ какимъ отцемъ?» спросилъ изумленный Мондвидъ.

— «Да видишь, бояринъ,» спѣшно прервалъ князь: «Случай меня въ нѣмецкую землю забросилъ...»

— «Слышалъ я объ этомъ; но отецъ твой...»

— «Послалъ мнѣ Богъ добраго Нѣмца и въ пестуны и въ друзья. Онъ меня и сберегъ, и научилъ чему нужно, такъ я его, изъ благодарности, отцемъ прозвалъ.»

— «Похвально, князь, весьма похвально...»

— «Только знаешь, бояринъ, безъ роднаго скучно. Мнѣ хоть бы по невѣстѣ добраго себѣ тестя припасти: все бы легче стало...»

— «Объ этомъ, князь, не думай: высоко стоишь; не только за князей, да и за нашу братью Оль-

гордъ думаетъ; кого назначитъ, тотъ тебѣ и тестемъ будетъ.»

— «А если я у него самъ себѣ тестя попрошу...»

— «Отъ чего же? попроси; можетъ быть, и не откажетъ. А видно, про красавицу гдѣ ни есть провѣдалъ. Только какъ погляжу да посмотрю, у насъ теперь неурожай на красоту. Какъ разъѣхались передъ черною смертью наши княжны изъ русскихъ удѣловъ, да сосѣдки, такъ и трехъ невѣстъ не насчитаешь...»

— «Для меня одной довольно, боярине! Ты самъ говоришь, что благодарность похвальна; а тутъ и любовь, какъ нарочно, подошла въ подмогу; безъ того не остаться бы мнѣ въ живыхъ?..»

— «Что ты это, князь? Видно, у тебя давно зазнобушка...»

— «И недѣли нѣтъ!..»

— «Что ты, что ты! Христосъ съ тобой! Кажется, ты у меня никого изъ женскаго рода не видѣлъ...»

— «Ну, что, боярине, таиться: слетали съ верху ангелы земные, когда мнѣ было очень дурно, на самомъ исходѣ горячки; и дай Богъ имъ всякое благо! Сквозь жаръ, сквозь бредъ, я сталъ любить кого то, и темный былъ тотъ призракъ, да цѣлебнѣе врачей великокняжескихъ; и проснулась во мнѣ любовь къ жизни: мнѣ жалко стало умирать, я выздоровѣлъ...»

— «Грезы, князь, грезы...»

— «Я и самъ такъ думалъ, боярине; да вчера,

когда я ушелъ въ мою опочивальню, и вотъ въ той комнатѣ остановился, да на Божій мѣсяцъ засмотрѣлся, грезы мои опять сверху сбѣжали, да къ тебѣ въ палату, да обвились вокругъ головы твоей такими чудными руками; да уста про меня спрашивали съ такимъ участіемъ... Я видѣлъ, слышалъ все въ эти двери.»

Князь Борисъ замолчалъ, и не умѣлъ продолжать, потому что голова Мондвида упала на грудь, заломались боярскія руки и глубокая печаль изобразилась на добромъ лицѣ боярина. Борисъ смутился... Въ это самое время дали знать, что пришелъ Великій Князь съ Цвиркуномъ.

— «Кстати!» сказалъ Мондвидъ сухо, всталъ, и взявъ со стола свѣтильникъ, хотѣлъ было идти Великому Князю навстрѣчу; но Ольгердъ былъ уже въ дверяхъ.

— «Здравствуй, сосѣдушка,» сказалъ Ольгердъ, поклонясь иконамъ: «Здравствуй, князь Борисъ Юрьевичъ! Что, каково твое здоровье?..»

— «Плохо еще, государь...» началъ было Борисъ, но Мондвидъ перебилъ ему рѣчь...

— «Благодаренье Господу!» сказалъ Мондвидъ: «совсѣмъ оправился. Волю твою я исполнилъ, князь. Помѣстилъ его въ домѣ своемъ, присмотрѣлъ, и передаю тебѣ съ рукъ на руки того же Бориса; только маленько подрумянится, такъ будто и въ крайнемъ случаѣ не былъ...»

— «Спасибо тебѣ, сосѣдушка,» говорилъ Цвиркунъ, обнимая то Мондвида, то племянника: «ужъ мнѣ, право, не чѣмъ; пусть Богъ тебя наградитъ...»

— «Что за счеты! Только, сосѣдъ, не осердись, пора и честь знать. Прожилъ онъ у меня двѣ недѣли съ однимъ днемъ, теперь можетъ и на твоемъ дворѣ жить. Слава Богу, зло миновалось, можетъ и самъ за собой присмотрѣть.»

— «Что ты, что ты, Боярине!» вскрикнулъ Цвиркунъ, испуганный словами Мондвида...

— «За что ты меня гонишь, боярине?» прибавилъ Борисъ жалобно.

— «Что у васъ за размолвка?» спросилъ Ольгердъ: «Мондвидъ! гдѣ твоя правда?»

— «Правда моя, Государь, всегда передъ тобою; но на дочери моей, на бѣдной Настенькѣ и такъ уже довольно стыда: она князю не невѣста!»

— «Вотъ что!» сказалъ, улыбаясь, Ольгердъ. «Это, Мондвидъ, не твое дѣло. Что ты во власть мою мѣшаешься. Я общій сватъ на всѣхъ нашихъ князей и бояръ. Давай вечерять, да пошли за невѣстой!»

— «Государь!»

— «Сосѣдъ!» сказалъ Цвиркунъ, и прежнее веселіе оживило бѣднаго старца: «Не поперечить! Ужъ если не удастся у племянника попировать на свадьбѣ, такъ хоть на сговорѣ... Поворачивайся, сосѣдушка! Гдѣ у тебя терема? Ступай, не то я пойду...»

— «Да...»

— «Вотъ задакалъ, Господи прости! Вѣдь у Ольгерда крѣпка рука: не перетянешь...»

— «Но если дочь боярина не будетъ согласна?» спросилъ Ольгердъ.

— «А вотъ какъ придетъ, такъ спросимъ. Стыда нѣтъ: мы не чужіе, сора изъ избы не вынесемъ. Ступай ка сосѣдушка; такъ я и до утра не догоню моего обоза. — Чтожъ ты молчишь, Боря?..»

— «Не смѣю...»

— «А полюбить смѣлъ, безъ моего позволенія? Вотъ я тебя, пусть только Настенька скажетъ: — нѣтъ, такъ я тебя приму въ руки; ты знаешь что безчестить чужаго дома даромъ нельзя.»

— «Да чѣмъ же я обезчестилъ?..»

— «Цыцъ! Настенька идетъ!..»

И привелъ Мондвидъ Анастасію, и Анастасія сказала: «да!» — и великій сватъ посадилъ ее съ Борисомъ рядкомъ за вечерю, и Цвиркунъ какъ то странно развеселился и забуянилъ, и палъ не въ свою старость...

— «Слышь ты, Боря, свадьбы безъ меня не справлять!» кричалъ онъ: «Надо еще кой у кого спроситься; отцевское благословеніе, послѣ Божьяго, первое; если самъ не ворочусь, такъ пришлю его тебѣ съ Гришей... Не ворочусь! Вздоръ! Вотъ, право, чудно, распнись, не поврю. Вотъ гляжу на васъ, а мнѣ все сдается, будто кто то мнѣ шепчетъ: исполать, Цвиркунъ, быть успѣху твоему посольству, когда у него такое знатное начало! Тфу ты! Право кто-то говоритъ: вставай Цвиркунъ!»

И Цвиркунъ всталъ, не слушая никакихъ убѣжденій, и уѣхалъ. Ольгердъ и Мондвидъ на коняхъ проводили его до большой долины, что стелется у

подножія Понарскихъ горъ; а Борисъ съ Анастасіей долго еще пробалагурили, хотя няня на разные лады гнала наверхъ боярышню. Напрасно. Но заскрипѣли ворота; воротился съ проводовъ Мондвидъ, и Анастасія, не простясь, убѣжала въ свой теремъ...

ГЛАВА ВТОРАЯ.

НОВОСТЬ.

Небольшая толпа виленскихъ язычниковъ возвращалась съ Антоколя въ городъ. Всѣ были отмѣнно на-веселѣ и разсуждали, что послѣ такой огромной жертвы, какая въ тотъ вечеръ принесена была всѣмъ богамъ въ загородномъ капищѣ, невозможно Кейстуту оставаться въ латинскомъ плѣну больше семи дней; что сами боги пойдутъ выручать его изъ темницы. Приближаясь къ городу, не смотря на алусъ и крѣпкій медъ, возліянный богамъ и себѣ, толпа присмирѣла и старалась мировать оба замка въ возможной тишинѣ и молчаніи; но въ самомъ капищѣ шумъ еще продолжался; вайделоты съ трудомъ выживали самыхъ буйныхъ и самыхъ усердныхъ молельщиковъ: въ припадкѣ огорченія и разгоряченія, они требовали еще алуса, и платили за него съ пьяныхъ глазъ, сколько ни требовали вайделоты. Наконецъ уже и вайделоты не могли умножить болѣе своего стяжанія. Весь загородный запасъ алуса, кромѣ завѣтныхъ боченковъ, истощился; жертвы и мольбы поздняя отвергнуты; именемъ Криве-Кривейто храмъ

и обширный дворъ были очищены отъ усердствующихъ; всѣ ворота и входы заперты; огни въ капищѣ погашены, зато освѣтилась большая палата, которая была пристроена къ самой божницѣ; она служила для трапезы всѣмъ жрецамъ и жрицамъ и переходомъ изъ всѣхъ другихъ жилыхъ строеній въ божницу. Между жрецами она называлась веселою палатою, и весьма справедливо. Въ ней хозяйничалъ Потиникъ, жрецъ бога Рагута; прислуживали рагутницы. Такъ какъ божница была посвящена всѣмъ богамъ, то и въ веселую палату имѣли доступъ жрецы и жрицы всѣхъ боговъ, богинь и божковъ. За тремя длинными столами, расположенными покоемъ, сидѣла разнообразная толпа: вайделотовъ, пріѣзжихъ Кривовъ, Сигонотъ, Вуршайтовъ, Тилуссоновъ, Лингуссоновъ, Свальгоновъ, Сейтоновъ, и разнаго рода знахарей, которые принадлежали къ духовнымъ лицамъ низшаго разряда Литовскаго язычества, находились подъ строгимъ надзоромъ и вмѣстѣ покровительствомъ вайделотъ и самого Криве-Кривейта, служили ему лазутчиками, часто исполняли тайные его замыслы, и допускались къ столу Криве-Кривейто, только послѣ великихъ жертвъ. Вайделотки подъ предсѣдательствомъ Гайбы, занимали середній столъ, такъ, что лицами были обращены къ почетному небольшому столу, находившемуся на возвышеніи; возлѣ Гайбы, сидѣла Эвра и неумолчно лепетала съ хозяиномъ, Потиникомъ; другія вайделотки, также перемигивались съ мужчинами; рагутницы надъ ними подшучивали, но въ

веселой палатѣ — все позволялось и никакое нескромное слово не имѣло послѣдствій. На правомъ крылѣ сидѣли жрецы первой статн, на лѣвомъ — меньшіе жрецы и прислужники. Буртинники и знахари питались укрухами пирующихъ и потому толпились во всѣхъ углахъ залы. Но пиръ еще не начинался; Криве-Кривейто не выходилъ изъ внутреннихъ покоевъ; у него былъ важный гость изъ Нѣманской крѣпости Веллоны. Такъ называлась твердыня, по имени знаменитой литовской богини Вѣчности. Храмъ ея не уступалъ важностью ни Святому Рогу, ни садамъ Мильды. Криве Веллоны, Бойтоноръ, славился хитростью противу Нѣмцевъ, былъ другомъ Даліи Эйрагольской, съ тѣхъ еще поръ, когда она была невѣстой съ вѣномъ на Шешувѣ и Шалтонѣ, ненавидѣлъ Ольгерда со всею его семьей и обожалъ, боготворилъ Кейстута. Въ капищѣ Веллоны онъ уже было поставилъ ему и алтарь, возлѣ алтарей Геллона, Палемона, Альциса и другихъ полубоговъ, принесъ ему двѣ, три жертвы; но Кейстутъ собственноручно погасилъ огонь на своемъ жертвенникѣ и разломалъ алтарь, ему посвященный, сжегъ его на славу богини Веллоны. Бойтоноръ не унимался въ упорной привязанности, и поставилъ въ храмѣ Веллоны мѣдный истуканъ, представлявшій льва, попирающаго ногами щитъ съ эмблемами нѣмецкаго ордена. Неудивительно, что узнавъ о несчастіи Кейстута и Даліи, онъ дѣятельно помогалъ Ольгерду собирать поголовное ополченіе по всѣмъ областямъ, близкимъ къ Веллонѣ, и устроивъ нѣ-

сколько дружинъ изъ дикарей, всего тысячъ въ двадцать, заперъ ихъ въ Веллонѣ и ближайшихъ городкахъ и бойницахъ, а самъ явился въ Вильно о успѣхахъ своихъ донести Великому Князю. Поздно пріѣхалъ Ольгердъ; пока отошла великая жертва, наступила ночь, и Бойтоноръ остался у Гинтовта, въ его отшельнической палатѣ, которая, по тогдашнему образу внутреннихъ комнатныхъ украшеній, могла смѣло спорить въ роскоши съ палатами Карла IV, Кесаря и короля Чешскаго. Вся комната убрана была шелковыми тканями, курильницами, дорогими коврами и мягкими софами, сложенными изъ однѣхъ пуховыхъ подушекъ. Свѣтильникъ о тринадцати свѣточахъ, обливалъ всѣ углы покоя яркимъ свѣтомъ, и стоялъ на синей мраморной доскѣ, которая покоилась на четырехъ золоченыхъ львахъ. Грубость работы не препятствовала великолѣпію, потому что эта грубость казалась тогда изяществомъ. Гостъ, утопая въ подушкахъ, не смотрѣлъ ни на Гинтовта, ни на убранство его загороднаго дома. Зависть грызла Бойтонора, но общая цѣль, общія выгоды легко заглушили ее, и Бойтоноръ кое какъ разговорился... Примѣтно было, что бесѣда давно уже завязалась, потому что рѣчь шла не о привѣтствіяхъ и обыкновенныхъ разспросахъ, а о дѣлѣ.

— «Такъ ты неможешь мнѣ объяснить, что тамъ случилось въ Ковнѣ?» спросилъ Гинтовтъ...

— «Не могу, владыка владыкъ! Знаю только, что Вуля пытали...»

— «Пытали? И онъ не проговорился?»

— «Нѣтъ! Онъ сказалъ, что было уже всѣмъ извѣстно; не зерно унесъ съ собой на тотъ свѣтъ и передастъ его Волконъ.»

— «Другъ мой! И неудача, и потеря, очень чувствительны! Знаешь-ли ты, что Ольгердъ былъ уже у нихъ въ рукахъ, что они вошли тайною дверью въ залу, и, — глупцы, — не хватило духа!»

— «Но можетъ быть, Ольгердъ былъ не одинъ....»

— «Одинехонекъ! . Да, друже! Убрать бы намъ Ольгерда, тогда Кейстутъ и по старшинству и по всему — Великимъ Княземъ; не удалось въ Ковнѣ, такъ попытаемся въ Мѣдникахъ... Иначе эта баба насъ одолѣетъ; только бы Бирута пріѣхала: я на нее больше надѣюсь. Холостой крѣпко за женатаго брата держится; а женятся, такъ ужъ помня мое слово, бабы не поладятъ и увлекутъ мужей въ свою ссору.»

— «А разве Великая Княгиня крѣпко тѣснитъ нашихъ?..»

— «Тѣснить не тѣснитъ; а только и воли не даетъ. Въ городѣ былъ пустой оврашекъ; Русины кругомъ улицы съ переулками поставили; а оврашекъ такъ и остался незастроенный; я и подумалъ: пущу я между Русиновъ нашихъ. Да кого пустить? Надо, чтобы божница повеселѣе была, чтобы тѣмъ, другимъ льстила и ласкала. Я и послалъ за мѣдницкими рогутницами; да какъ черная смерть пошла, всѣ уѣхали, я и построилъ Рагуту красивую божницу... Воротилась Княгиня.

Мондвидъ отъ ея имени намылъ мнѣ голову; божницу сломали, да на ея мѣстѣ не съ большимъ въ двѣ недѣли подняли и освятили по своему новый храмъ, по моему счету, двадцать седьмой при Ульянѣ, а съ прежними теперь всѣхъ русскихъ божницъ чуть не сорокъ... И вотъ что я еще слышалъ, друже: въ Гаштолдовыхъ садахъ Латинцы кроются; говорятъ, Великая Княгиня знаетъ, да говоритъ; пускай себѣ, моя вѣра никому не помѣха, да и никого не боится...»

— «Горе, великое горе!..»

— «Полно, полно, Бойтоноръ! Слезами не усластишь такой горечи! Надо только за ходомъ дѣлъ смотрѣть; случай иногда умнѣе мудраго; да и перестанемъ говорить объ этомъ. Если уже пришло послѣднее время, такъ нечего и спорить; лучше напослѣдяхъ повеселится. Я тебѣ моихъ женъ покажу; у тебя, чай, не хуже.»

— «Хороши, да мало, Гинтовтъ...»

Гинтовтъ было поднялся чтобы идти въ веселую палату; но послѣ отвѣта Бойтонора опять усѣлся.

— «Ахъ друже!» сказалъ онъ печально: «Всѣхъ подарю, всѣхъ уступлю по твоему выбору, какъ захочешь, если удастся тайное дѣло.»

— «Скажи, Гинтовтъ, можетъ быть, и я пригожусь.»

— «Да и какъ еще! Помнишь, я смѣялся надъ тобою, что ты въ Далію втюрился, помнишь, говорилъ я: нѣтъ, намъ почеловѣчески любить не приходится, да и что за нужда? Наше мѣсто, что сыръ въ маслѣ... Поди! Старость, кажется, близ-

ко, а зазноба въ сердце, да какая! Не могу спать покойно; развѣ черезъ край, и то съ досады, крѣпкаго меду хлебну... Уладилъ совсѣмъ. Слухъ идетъ, что боярина Савву съ войскомъ не далече отъ Вильна видѣли. Знать Врубa, съ Бирутой сухимъ путемъ ѣдутъ. Такъ ты, Бойтонорь, прогости у меня денька два лишнихъ. Я будто въ сторонѣ, а ты, Альдону въ вайделотки и поставишь, а тогда бери себѣ всѣхъ; только старицъ для счета и службы оставь. Никого мнѣ не нужно.»

— «Эхъ Гинтовтъ, попался же ты! Альдона еще хуже Даліи! Тутъ у нея и братъ богатырь, тутъ и Кейстутъ, не дастъ въ обиду, да и Ольгердъ, да...»

— «Не бойся, не бойся! Только бы она Перкуновъ порогъ переступила, — справимся. Ты только помогай! Видишь, я для тебя вдовій домъ затѣвалъ.»

— «Для меня?»

— «А то для кого же? А почему въ Вильнѣ, такъ потому, чтобы чего не смѣкнули... А я бы и велѣлъ тебѣ въ Вильно для счетовъ пріѣхать, а тамъ бы все и уладилось...»

— «Слуга слугъ твоихъ!..» вскрикнулъ Бойтонорь: «Но...»

— «Что но! Плѣнъ? Выкупимъ, не бойся, чужой казны на Далію хватитъ...»

— «Вели, куда хочешь теперь...»

— «Въ веселую палату, въ веселую палату!»

И собесѣдники встали и пошли на пиръ. Хоръ встрѣтилъ Киве-Кривейто. Усѣлись. Гинтовтъ съ

Бойтонором на возвышеніи. Буртянники по очереди играли, бурты пѣли, рагутницы во все время стола плисали, вертѣлись и съ страстными тѣлодвиженіями разливали алусъ. Вдругъ, въ самомъ разгарѣ пира, по всему двору, раздались сторожевыя трещотки: все смолкло, все будто окаменѣли... Вошелъ Вергунисъ, латникъ и другъ Гинтовта и сказалъ, ему на ухо:

— «Врубa пришелъ; къ тебѣ просится...»

И Гинтовтъ забылъ и важность сана, и присутствіе посторонныхъ, и гостей; съ быстротою юноши, мимо ступенекъ, спрыгнулъ съ возвышенія и пошелъ во внутренніе покои, повторяя Вергунису: «Зови, зови моего добраго подручника, зови моего посла великаго, зови, зови!»

Уже свѣтало, когда Вергунисъ повѣстилъ о прибытіи Врубы. — Дружина боярина Саввы переходила медленно черезъ рѣку по льду. Бояринъ послалъ сподручника на замокъ провѣдать: тутъ ли Великій Князь? и если въ Вильнѣ, такъ когда прикажетъ ему, боярину, быть къ себѣ, а самъ поѣхалъ прямо на дворъ свой... Воротился и сподручникъ и сказалъ, что на замкѣ, какъ солнце встанетъ, предъ обѣднями будетъ съѣздъ большой, такъ и боярину тогда видѣть Ольгерда можно. Встало и солнце, а бояринъ прiуснулъ маленько, и тогда уже пришелъ на замокъ въ знакомую намъ Красную Палату, когда Великая Княгиня со всѣми дѣтьми, Наташей, всѣми боярынями и боярышнями пришла туда. Мондвидъ, Лучанинъ, Ларчикъ, да еще два Князя изъ Русскихъ удѣловъ окружали Ольгерда.

Семейный былъ этотъ выходъ, да и не веселый. У всѣхъ глаза заплаканы, у всѣхъ головы на грудь опустились. Альфъ стоялъ у окна за огромной спинкой престола, отворотясь; онъ пуще всѣхъ страдалъ больною душею. О! еслибъ онъ могъ вообразить картину семейной скорби Великаго Князя, еслибы онъ могъ предвидѣть муки, которыя невольно каждый возбуждалъ въ его сердцѣ своимъ неотвязнымъ участіемъ, своею противной похвалой его подвигамъ... Нѣтъ! не видать бы тогда Кейстуту Маріенбургской темницы... Но страсть неразсуждаетъ да и не кается, а только мучится, страждетъ безысходнымъ стыдомъ и досадой... Самое молчаніе, господствовавшее въ Красной Палатѣ, наводило на него ужасъ. Онъ не смѣлъ оглянуться: ему казалось, что всѣ только на него и смотрятъ, только и ждутъ, чтобы онъ измѣнилъ себѣ вглядомъ, словомъ; и не разъ онъ вздрагивалъ, и не разъ, затаивъ дыханіе, прислушивался къ чужимъ думамъ, потому что губокое безмолвіе продолжалось. Отказъ Великаго Князя на предложеніе Великой Княгини и Ларчика былъ уже ему извѣстенъ, но онъ показался ему ничтожнымъ препятствіемъ, лишь бы только Бирута сняла покрывало вайделотки, лишь бы обѣтъ былъ единожды нарушенъ; пусть себѣ сядетъ на Трокахъ Княгиней, Альфъ будетъ служить ей, Кейстутъ не снесетъ неволи; одинъ плѣнъ — для него смертельная рана... И путь къ сердцу Бируты слался въ воображеніи Альфа свободной, очаровательной мечтой, и онъ забылся. Но приходъ Саввы нарушилъ общую тишину...

— «Савва!» воскликнулъ Ольгердъ: «И одинъ, безъ Бируты! Когда же она пріѣдетъ?»

— «Никогда!» отвѣчалъ боярынъ, и всѣ изумились, окружили боярина, забыли о присутствіи Великаго Князя и осыпали его разнообразными вопросами.

— «Что же она, умерла, что ли?» спросилъ Великій Князь.

— «И жива и здорова.»

— «Какъ же она смѣетъ?..»

— «Да мы больше мѣсяца ей объ этомъ толковали, уговаривали, сманивали... да все понапрасно!»

— «Что же она говоритъ?»

— «Что она говоритъ? Мало, да будто ее кто этому отвѣту, что сороку, выучилъ: «Обѣтъ,» говоритъ она: «данный богамъ, могутъ разрѣшить только сами боги; не устами безумныхъ истукановъ, какъ дѣлаютъ жрецы литовскіе, но душевнымъ убѣжденіемъ, совѣтомъ совѣсти. Поклонитесь Государю моему, многодѣтному Ольгерду и супругѣ его, Ульянѣ Александровнѣ, поклонитесь любимцу боговъ нашихъ Кейстуту, передайте имъ благодарность мою за великую честь, которая можетъ осчастливить каждую дочь королей и кесарей! Я равна имъ, не спорю, пока я вайделотка. Но если на мгновеніе забуду обѣтъ мой, унижу санъ мой, о! тогда я буду подлѣе послѣдней ихъ рабыни. Никогда! Просите, молите князей нашихъ, пусть не насилуютъ совѣсти. Ни угрозы, ни ласки, ни муки — ничто не отторгнетъ меня отъ алтаря моей прародительницы Прауримы!» Вотъ что она

шесть, Государь, да каждый день; рѣдко рѣдко слово перемѣнитъ. Я еще такой твердой язычницы и во снѣ не видалъ. Всегда она была съ нами ласкова, съ почетомъ насъ слушала, стоя; отвѣчала, стоя, княземъ глядитъ, княземъ обычай держитъ... Видно, что не ломается, а за правду не хочетъ замужества. Вруба было вздумалъ на хитрость поднятся, кривулей пугнулъ, проклятіемъ Криве-Кривейто — да грибъ съѣлъ: она его такъ отдѣлала, что не зналъ куда дѣваться. «Скажи ты, коварный рабъ, своему Гинтовту,» вотъ какъ она съ нимъ рѣчь повела: «что я уважаю только санъ и власть его! Не имѣетъ онъ права разрѣшать обѣтовъ, данныхъ не ему, а богамъ великимъ; скажи, что и санъ его я уважаю не въ немъ, потому что я сама прогнала его отъ истукана богини, когда онъ вздумалъ за нее говорить по найму и заговору. Скажи ему, что у меня первосвященница Праурима.» Словомъ, Государь, ты меня знаешь, я на первую неудачу не смотрю; какъ пристану, такъ трудно отъ меня отвязаться... Да куда! Бирута, пусть она и язычница, а право чудо не женщина, выслушаетъ меня ласково и такъ отвѣситъ свое *мнѣ*, что я на новый приступъ цѣлыя сутки собираюсь.»

— «И она язычница!» воскликнула Ульяна Александровна.»

— «Я самъ на походъ зайду къ ней въ гости! Авось, боярина, мнѣ удастся...»

— «Больному кораблю болыное и плаванье, говорятъ въ Новѣ-городѣ, только на врядъ ли?»

— «Неужели ты хочешь,» прервала боярина

Ульяна Александровна: «лишить спокойствія, и счастія, Бируту?..»

— «Я и самъ не надѣюсь, да для брата попытаюсь. Перестанемъ говорить объ этомъ. Что, Лучанинъ, не слыхалъ ли гостей?»

— «Вотъ, Государь, какъ идти къ тебѣ, гонцы ко мнѣ изъ Мѣдникъ пріѣхали: Ольшанская, Романовская и Минская большія дружины, мимо Вильна къ Нѣману потянулись. Такъ, говорятъ, указалъ ты, Государь... а объ другихъ ничего пока не слышно... Да Буйтоноръ, Криве Велюнскій, на крыльцѣ ждетъ указа...»

— «Позови!»

Великая Княгиня подняла руку, и двери въ церковь отворились, и, за исключеніемъ Ольгерда съ Ларчикомъ и Альфа, всѣ ушли къ обѣднѣ. Ольгердъ стоялъ посреднѣ задумавшись. Альфъ безъ чувствъ лежалъ на помостѣ у самаго окна; но ни Ольгердъ, ни Ларчикъ не могли его видѣть, потому что онъ совершенно былъ закрытъ отъ зрителей спинкой великокняжескаго престола. Между тѣмъ Лучанинъ ввелъ Буйтонора, поклонился, кивнулъ на Ларчика и съ нимъ вмѣстѣ также пошелъ въ церковь.

Низко согнувшись, Буйтоноръ въ красныхъ словахъ донесъ Великому Князю о своихъ подвигахъ.

— «Спасибо!» отвѣчалъ Великій Князь: «Любовь твоя къ Кейстуту мнѣ вполнѣ извѣстна, и я не знаю, чѣмъ наградить тебя за усердіе. Казны у тебя много, а у меня недостача, да и походъ будетъ долгій и трудный; чести на тебѣ много, и я

ничего могу прибавить; а вотъ что, дорогой гость: въ послѣдней войнѣ, да будетъ проклята ея память, захватили мы много живаго товара. Двадцать тысячъ, говоришь ты, собралъ войска, — дарю тебѣ двадцать плѣнницъ изъ моей части, по твоему выбору...»

— «Государь!»

— «Полно, Криве! Всѣ мы люди, крови не затаишь; я и не запрещаю. Ты же не Криве-Кривейто, женатъ, думаю такъ, и плѣнницъ держать можешь...»

— «Нѣтъ, не женатъ, Государь...»

— Тѣмъ лучше! Можетъ быть, изъ нихъ которая по сердцу придется, такъ и въ законныя пожалуешь. Я противу обычая никогда нейду. Хороша, простоита; дурной, сама повалится. Спасибо! Да зайди къ Саввѣ боярину, отъ моего имени разспроси, мнѣ некогда, а онъ тебѣ про Гинтовта забавныя шалости разскажетъ. Хорошъ главный жрецъ!..»

— «Если не выдашь меня, Государь, такъ я, пожалуй, тебѣ еще не то разскажу...»

— «Какъ тебѣ не стыдно, Буйтоноръ! У меня на тебя только и надежда.»

Буйтоноръ разсказалъ Ольгерду про Альдону все, что зналъ, упомянулъ стороной и о заговорѣ, но такъ искусно, такъ ловко, что себя и своихъ устранилъ совершенно, а на молчаніе сообщниковъ онъ крѣпко надѣялся. Въ случаѣ бѣды, Буйтоноръ одинъ оставался Гинтовту, какъ надежда на месть вѣрную и неминучую.

Ольгердъ нахмурился, слушая объ Альдонѣ; проз зрительно улыбнулся, когда мелькали намеки о заговорѣ и, поблагодаривъ за приверженность и от кровенность, отпустилъ Буйтопора съ лаской.. Тогда Великій Князь подошелъ къ дверямъ церкви не входя, преклонилъ колѣна, сталъ горячо мо литься, къ концу молитвы распростерся предъ дверями храма и пробылъ въ нѣмой молит вѣ нѣсколько мгновеній. Вставъ, онъ легонько отворилъ двери, и вошелъ тихо, не слышно, ни кѣмъ не замѣченный... Въ залѣ наступила глубокая тишина; только согласное пѣніе клироса, исполняемое въ полголоса, какъ чудное какое то жужжаніе откликалось въ сводахъ красной Палаты. Альфъ выходилъ изъ безпамятства. Долго, долго онъ не могъ понять, что съ нимъ, гдѣ онъ? Вспомнилъ — и потокъ горчайшихъ слезъ пролился изъ воспаленныхъ очей. Заслышавъ пѣніе церковное, онъ всталъ поспѣшно и указавъ на двери, сказалъ съ отчаяніемъ: «Тамъ молятся за него! Та молитва — мнѣ проклятіе...» и безъ оглядки бросился изъ замка. Не было на немъ шапки; синій кафтанъ покрытъ былъ пылью, волоса взъерошились. Онъ бѣжалъ по крыльцу, по двору, по улицамъ. И кто бы взглянулъ въ это время на Альфа, повѣрилъ бы Евменидамъ греческой трагедіи! Онъ кричалъ, разговаривалъ съ самимъ собой, бросался въ сторону, останавливался и размахивалъ руками... Но то не было безуміе, нѣтъ. Буря совѣсти и только... «И за что, зачѣмъ я продалъ его?» кричала душа Альфа: «Зачѣмъ этотъ рядъ злодѣйствъ,

хитростей, обмановъ, подлостей — и храбрыхъ подвиговъ! Зачѣмъ, когда, и безъ меня, Бирута уничтожила и его и мои надежды? Никогда! Никогда! Я будто услышалъ голосъ Бируты, я будто прочелъ въ этомъ безстрастномъ лицѣ: никогда! никогда! Что я надѣлалъ!» Съ этими словами онъ вбѣжалъ въ комнату Альдоны въ самое то время, когда безумная Вундина на колѣнахъ умоляла задумчивую сестру Альфа отказаться отъ Гуго и угрожала дикою страшною местію ненавистной соперницѣ... При послѣднихъ словахъ Альфа, Альдона вздрогнула...

— «Что ты надѣлалъ?» вскричала Альдона. Альфъ опомнился... Вундина на колѣнахъ внимательно глядѣла на нихъ. «Что ты надѣлалъ? говори, признавайся! Можетъ быть, еще есть время...»

— «Оно наступитъ, страшное время... Казнь будетъ ужасна... И за что, за что Альдона, Кейстутъ въ плѣну?..»

— «Кейстутъ въ плѣну!» вскричала Вундина съ какою-то неопредѣленною радостью, подымаясь съ колѣнъ...

— «За что цѣпи на рукахъ полубога?»

— «Не знаю...» тихо прошептала Альдона, и залилась слезами.

— «Онъ пойманъ, волкъ литовскій? Его спутали, убійцу Гуго?» съ восторгомъ кричала Вундина: «Разсказывай, разсказывай!»

— «Боже Великій!» продолжалъ Альфъ съ отчаяньемъ: «Удержи въ устахъ моихъ молнію, ко-

торая сожжетъ меня самого... Прости меня, Альдона, умоляю, прости меня! Ты одна угадываешь сердцемъ, чего не добудешь пыткой...»

— «Альфъ! за что я должна простить тебя?»

— «Милый ангелъ, только прости... тогда, о тогда останется еще надежда?..

— «Надежда, Альфъ, какая надежда! Я прощаю, я благословляю. Говори, говори! Гдѣ твоя надежда?..»

— «Альдона! Небо улыбнулось мнѣ твоими устами: я спасу, я выручу Кейстута?»

— «Братъ! другъ! говори, разсказывай!»

— «Бирута отвергла предложеніе Кейстута...»

— «Отвергла? — Альфъ!.. Такъ зачѣмъ ему воля? — Онъ счастливъ не будетъ...»

— «Не будетъ счастливъ!» опять закричала Вундина: «Волкъ литовскій, гадъ ядовитый! ага! И ты будешь несчастливъ.. Дальше, дальше, Альдона, я слушаю...»

И въ самомъ дѣлѣ Вундина напрягла всѣ умственныя силы, и внимательно слушала весь разговоръ Альфа съ Альдоной. Альфъ, какъ могъ, разсказалъ, что отвѣчала Бирута. Выходки глубокаго отчаянья прерывали и такъ уже несвязный разсказъ. Альдона и Вундина, обѣ покачивали головою, но каждая по своему.... Когда Альфъ, въ жару раскаянья, клялся, что онъ выручитъ Князя, другую клятву принесла Альдона въ глубинѣ души своей — и эта клятва была цѣлебна. Скорбь ея утихла; она стала покойна, разсудительна, точь-въ точь прежняя Альдона, только худоба да бо-

лѣзненный румянецъ показывали, что она перенесла въ короткое время.

— «Чтожъ ты, Альфъ, намѣренъ дѣлать?» спросила Альдона такъ покойно, какъ прежде, бывало, спрашивала няню объ рукодѣліи.

— «Ѣду къ Нѣмцамъ! За Жмудь, которую Великій Князь предлагаетъ имъ за Кейстута, Рыцари еще... не согласятся.»

— «Ты думаешь?» спросила Альдона съ лукавою улыбкою, и лице ея просіяло великою радостью: «Это средство надежнѣе твоихъ!»

— «Посмотримъ! Будь, что будетъ, я рѣшился.»

— «И я тоже.»

— «На что?»

— «Ѣхать въ Полунгу и послѣдовать примѣру матери... Быть вайделоткой, жрицей... Не правда ли, Альфъ?... И ты будешь пріѣзжать къ сестрѣ своей... ты будешь видѣться съ Бирутой... и я, вѣрно, не разъ увижу Кейстута... и это вѣдь счастье... Не правда ли? — И явится уголокъ на этомъ свѣтѣ, гдѣ будутъ собираться истинные друзья, безъ грязныхъ желаній, съ чистой любовью... Не правда ли?...»

— «Сестра! Ты не шутишь?»

— «Возьми меня съ собою, ты увидишь... да и отъ Бируты, можетъ быть, отвезешь дружескій привѣтъ Князю!...»

— «Но знаешь ли ты, что я хочу ѣхать сейчасъ?»

— «Тѣмъ лучше! Сборы мои коротки: шуба, да теплая шапка, да сапоги мѣховые... А казны у тебя довольно ли?...»

— «Станетъ свѣтъ кругомъ объѣхать!»

— «Такъ собирайся же! Отойдутъ обѣдни, воротится Василиса, прибѣжитъ Ларчикъ... тогда будетъ трудно... Да и врядъ ли тайну сохранитъ безумная Вундина...»

— «Безумная!» вставъ, съ достоинствомъ, сказала Вундина, къ общему изумленію: «Нѣтъ, Альдона, каждому свое! Я отомщена! Онъ попался въ плѣнъ, какъ ничтожный латникъ... Любимая женщина отвергла его... О! эта месть великихъ боговъ возвратила мнѣ разумъ. Мнѣ нуженъ разумъ: иначе какъ бы мнѣ и понять мое счастіе... Бѣгите! Я не измѣню вамъ: я вамъ должна за гостепріимство. Но напрасно потрудитесь! Боги казнятъ, люди не помогутъ. И я иду и принесу имъ жертву, и боги вонмутъ голосу несчастной!»

Вундина ушла. Изумленные и Альфъ и Альдона долго еще не могли придти въ себя; но раздался колокольный звонъ на Достойную — и оба вздрогнули.

На всемъ дворѣ Альфъ не отыскалъ живой души. Послѣдній былъ привратникъ, да и тотъ, когда Альфъ воротился домой, побѣжалъ къ обѣдни въ соборъ, гдѣ уже давно была вся дворовая челядь. Нечего дѣлать; заложилъ Альфъ самъ крытыя сани, уложилъ въ нихъ добрую казну, усадилъ закутанную въ мѣха Альдону и уѣхалъ по Ковенской дорогѣ, гдѣ никто не могъ его въ такое время встрѣтить, потому что всѣ горожане, отъ мала до велика, молились въ храмахъ Господнихъ за язычника! И неудивительно! Все Вильно

любило его, какъ героя, и хранило твердую надежду, что не сегодня такъ завтра увидитъ княжескія крестины Льва Гедыминовича! Были и такіе, которые иначе и не называли Кейстута!! — Язычники также собрались къ Перкуну и напрасно ожидали выхода Криве-Кривейто.—Вруба, пожалованный за усердіе, хотя и безполезное, въ санъ виленскаго Криве, приготовлялъ съ вайделотами жертвы обычныя. Уже собирался онъ говорить рѣчь о болѣзни первосвященника, котораго убило горе о участи Кейстута; уже онъ выпрямился, забросилъ живописно конецъ ручника за плечо, и началъ откашливаться; небольшой кружокъ язычниковъ стѣснился и впередъ уже слушалъ, что скажетъ новый Криве, — вдругъ двери божницы отворились: вошла Вундина... Вруба остолбенѣлъ отъ удивленія, покраснѣлъ и не зналъ, какъ поступить въ такомъ затруднительномъ случаѣ. Какъ извѣстно, Вруба терялъ присутствіе духа только въ первое мгновеніе, и пока Вундина успѣла отъ дверей подойдти къ кружку молельщиковъ, Вруба не только опомнился, но уже составилъ планъ своихъ военныхъ дѣйствій. Злобная улыбка мелькнула на лицѣ Врубы; онъ отворотился, чтобы успокоить радость свою, не измѣнить важности сана и укрѣпиться на все время, пока притворство будетъ необходимо...

— «Братія!» сказалъ онъ ласково вайделотамъ: «Заприте большія и малыя врата храма ночными засовами.»

Вайделоты исполнили приказаніе Криве, и онъ сталъ комически-мраченъ, протянулъ руку къ Вун-

динъ, закинулъ бороду вверхъ и сказалъ торжественно:

— «Схватите эту преступницу! Она осквернитъ храмъ своимъ присутствіемъ: страшный грѣхъ облилъ ея душу; тяжкое проклятіе лежитъ на главѣ ея...»

Вайделоты не поняли и медлили... Тогда Вруба самъ сошелъ съ возвышенія, взялъ за руку Вундину и сказалъ съ возрастающимъ жаромъ:

— «Вотъ она! Вундина, дочь Эйваса, сестра Калпаса, племянница мудраго Гердана! Вотъ она, наложница рыцаря Гуго, сосженнаго въ невяжскомъ ромновѣ на славу боговъ нашихъ!»

— «Не тебѣ судить меня, Криве!» сказала Вундина голосомъ твердымъ, стараясь напрасно освободить руку: «Домашній грѣхъ наказываетъ отецъ, а не Криве!»

— «По волѣ Эйваса, окончившаго страдальческую жизнь въ Ковнѣ на кострѣ, который онъ самъ себѣ воздвигъ...»

— «Эйвасъ! мой отецъ! умеръ!»

— «Сгорѣлъ! Онъ не могъ снести позора, которымъ покрыла его Вундина. Сгорѣлъ, но оставилъ страшное проклятіе!»

— «Проклятіе!»

— «Онъ подарилъ тебя на жертву Поклусу и Нийолѣ, — богамъ преисподнимъ!...»

Вундина безъ чувствъ упала на земь! Вруба опустилъ ея руку. Толпа взволновалась и бросилась къ дверямъ...

— «Отворите большія врата!» сказалъ Вруба

найделотамъ: «Бѣгите вѣрные, да не прилипнетъ къ вамъ проклятіе и проказа отъ такой преступницы... Жертву отнесите въ темницу Перкуна.»

Божница опустѣла. Молельщики, выбѣжавъ, отрихали прахъ съ ногъ своихъ и отплевывались; иные безъ оглядки бѣжали въ дома; нѣкоторымъ путь лежалъ мимо двора Альфова, гдѣ поднялась уже суматоха. Ларчикъ бѣгалъ изъ комнаты въ комнату, за нимъ Василиса и вся челядь. Поиски были напрасны. Ларчикъ то и дѣло кричалъ: «гдѣ Альдона?» а Василиса прибавляла: «и Вундина?» Не отыскавъ нигдѣ дорогой пропажи, Ларчикъ съ тѣмъ же крикомъ выбѣжалъ на дворъ, потомъ и на улицу; Василиса съ челядью отъ него не отставала. У воротъ, въ медвѣжьей головѣ, съ огромнымъ лукомъ въ рукахъ, стоялъ дикарь, виленскій гость, который изъ ближняго лѣса пришелъ купить себѣ на стрѣлы желѣза. Онъ остановился у раскрытыхъ воротъ и, казалось, съ большимъ любопытствомъ глядѣлъ на суматоху. Онъ тоже былъ въ божницѣ; онъ также слышалъ имя Вундины и на крикъ Василисы, сталъ хохотать во все горло: смѣхъ его обратилъ вниманіе Ларчика; онъ вцѣпился въ волчью шубу дикаря и кричалъ:

— «Говори, признавайся, гдѣ она?... кто ее укралъ?... кто ее увезъ?»

— «Сама пришла, сама попалась,» отвѣчалъ дикарь, помирая со смѣха: «и по дѣломъ! Видишь, послѣ дюжаго нѣмца — этакого барстучка себѣ подцѣпила! Проказница!»

— «Да гдѣ она?»

уже въ Перкуновой подворотнѣ. Перепуганные привратники скрылись въ боковыхъ своихъ хлѣвахъ; Ольгердъ со спутниками вошелъ на дворъ вайделотокъ. Поставили у калитки пристава съ латникомъ; послали тотчасъ приставовъ съ латниками къ другимъ выходамъ, а Великій Князь шелъ съ Ларчикомъ прямо къ башнѣ Криве-Кривейто. Тамъ было все пусто; заперто. Напрасно переломали болѣе десятка дверей: нигдѣ живой души. Изъ башни, по особому входу, прошелъ Великій Князь въ Перкуновы ворота: тамъ жрецы, утомленные дневными работами и жертвеннымъ алусомъ, крѣпко спали. Прошелъ онъ и дальше: тишина, порядокъ, спокойствіе господствовали, какъ на зло, во всѣхъ отдѣленіяхъ; изъ Перкуновой божницы Ольгердъ вышелъ опять на дворъ, гдѣ держали животныхъ для жертвъ, и тамъ та-же тишина и тотъ-же порядокъ; осмотрѣли и келы вайделотокъ; всѣ поиски были напрасны: никто ничего не видѣлъ и не слышалъ, и Ольгердъ сомнительно поглядывалъ на Ларчика, но тотъ увѣрялъ Князя и Ольгердъ, пошелъ въ небольшой садъ, который былъ загроможденъ снѣгомъ. Примѣтная однакоже тропинка сохраняла недавніе слѣды человѣческіе и была изцарапана, какъ будто кого по ней тащили. Она вела къ небольшой бесѣдкѣ и Ларчикъ безпрестанно дергалъ Великаго Князя за руку, а другою рукою указывалъ на бесѣдку. Оконъ въ ней не было; освѣщалась она сверху. Ольгердъ попытался отворить дверь рукою: нельзя; онъ хвать ее сѣкирой: полетѣла старая дверь

и Ольгердъ отступилъ съ отвращеніемъ. Вундина, по рукамъ и ногамъ связанная, лежала на широкой постелѣ, Врубa стоялъ надъ нею съ ножемъ, и, вѣроятно, ударъ сѣкиры въ дверь прервалъ его краснорѣчивую рѣчь. Увидѣвъ Великаго Князя, онъ уронилъ ножъ и, дрожа, упалъ на землю.

— «Позови Лучанина съ двумя латниками!» сказалъ Ольгердъ.

— «Но гдѣ Альдона, Альдона?» кричалъ Ларчикъ во все горло; на крикъ его Лучанинъ уже бѣжалъ съ латниками къ бесѣдкѣ. Ольгердъ ударилъ Ларчика костылемъ и прикрикнулъ:

— «Уймешься ли ты, уродъ! Научу я тебя уважать честную дѣвушку. Не дамъ позорить дурацкою любовью названной сестры моей. Выбью костылемъ дурь изъ головы, гадъ нечистый!»

И костыль еще разъ подтвердилъ слова Ольгерда; но Ларчикъ не унимался:

— «Убей!» кричалъ онъ съежившись: «Убей, но добудь, спаси Альдону; пока мы тутъ возимся съ этой поганью, моя бѣдная Альдона!..»

— «Уже далеко!» сказала Вундина, которую люди Лучанина уже распутали, и принимались путать Врубу...

— «Какъ далеко?» спросили и Ольгердъ и Ларчикъ и Лучанинъ.

Вундина подумала и отвѣчала:

— «Далеко, далеко, чай, уже за Мѣдниками.»

— «Куда же она поѣхала?..»

— «И Альфъ и Альдона уѣхали въ Москву...

По крайней мѣрѣ мнѣ они такъ сказали, когда садились въ сани.»

— «Альдона, моя Альдона уѣхала!» застоналъ Ларчикъ; но костыль поднялся, Ларчикъ съежился, отворотился и сталъ тихо про себя плакать...

— «Что ты ее слушаешь, Государь!» сказалъ Лучанинъ: «Ты знаешь, что она безумная!»

— «Безумная! нѣтъ, Государь!» и Вундина, проливая горькія слезы, разсказала свое горе Ольгерду: «Проклятіе!» заключила она: «Проклятіе! И ты напрасно спасъ меня, Государь! Этотъ ножъ былъ бы въ груди моей... Но все къ лучшему... Мнѣ нужна жизнь, мнѣ нужна свобода... Прости! Государь!»

— «Ступай себѣ домой, Вундина; мы о тебѣ озаботимся...» И латникъ проводилъ Вундину.

Дрожа всѣмъ тѣломъ, Вруба изрѣдка поглядывалъ то на Великаго Князя и Лучанина, то на латниковъ, которые немилосердо его путали.

— «Улика на лицѣ!» сказалъ Ольгердъ: «Не суди его, бояринъ, на площади, а прежде пусть скажетъ, куда дѣвался Гинтовтъ...»

— «Все скажу, что знаю, только помилуй...»

— «Говори же!» —

— «Гинтовтъ? — Нѣтъ Гинтовта въ Вильнѣ.— Какъ сказалъ я ему про Бируту, онъ такъ разозлился, что и себя и меня кусать сталъ, да потомъ, какъ опомнился, и говоритъ: «Вруба! Нѣтъ у меня на Вильнѣ сподручника, будь ты здѣшнимъ Криве, слышь; а я боленъ, умираю... Вотъ онъ это сказалъ на Антоколѣ, и всѣхъ, всѣхъ въ

городъ отправилъ, всѣхъ, даже дѣвушекъ; только я, да латникъ одинъ при немъ остались... Какъ ты пріѣхалъ? спрашиваетъ. — «Въ саняхъ» говорю я: «Гдѣ намъ по-богатырски ѣздить?» — А гдѣ твои сани? — «Да гдѣ же имъ быть; тутъ за оградой; тамъ и человѣкъ есть, что при лошадяхъ.» — Вергунисъ! сказалъ онъ тому латнику: поди того человѣка сюда кликни; а самъ его шубу надѣнь, да и сиди на саняхъ смирно... — Пока принелъ мой Литвинъ, Гинтовтъ самъ шубу, шапку и сапоги теплые надѣлъ; съ два сорока соболей на себя навьючилъ, да ларецъ кованый изъ другой комнаты вынесъ подъ-мышкой, а въ другой рукѣ кривулю. «Прощай, Вруба! Хозяйничай пока, я скоро вернусь; да помни, что я боленъ, умираю; кромѣ тебя никого видѣть не хочу; вотъ тебѣ на власть перстень мой. Прощай!» — Сказалъ онъ прощай, и пошелъ; я его до саней проводилъ; онъ сѣлъ въ сани, да мимо замка въ улицу, — да и пропалъ. Что будешь дѣлать! Я воротился въ городъ, показалъ перстень, объявилъ, что сказано, да и давай хозяйничать.»

— «Только ты и знаешь?» спросилъ Ольгердъ: «Лучанинъ! Допроси его на верхнемъ замкѣ поплотнѣе, да на висѣлицу!»

Ольгердъ ушелъ, указавъ костылемъ Ларчику идти впередъ. Ларчикъ шелъ, да плакалъ, а Ольгердъ все приговаривалъ:

— «Видишь, дуракъ! Ты мнѣ Альдону отъ Вильна отстращалъ! Да пусть бѣгутъ, куда хо-

тять; отъ нихъ все зло; гоняться за ними не стану...»

— «Право не станешь?» спросилъ Ларчикъ жалобно.»

— «Не стану.»

— «Ну, такъ и я уйду...»

— «Нѣтъ, Ларчикъ, шутишь! Изъ подъ костыля трудно уйти; а не уйменься, такъ можно цѣпочку, что́ на сокола, надѣть.»

— «Такъ я утоплюсь...»

— «А я неводомъ изловлю.»

— «Такъ я ѣсть не буду.»

— «Засажу въ клѣтку и стану кормить какъ индѣйку.»

— «Что́-жъ ты хочешь, чтобы я на этомъ свѣтѣ безъ Альдоны жилъ?»

— «Эй, Ларчикъ! Помни, что я отъ тебя въ послѣдній разъ слышу имя Альдоны...»

И оба, молча, воротились въ трапезную Великой Княгини.

—

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

КОНЦЫ ВЪ ВОДУ.

По большой Ковенской дорогѣ, добрые Прусскіе кони, не безъ усталости однакоже, шагомъ, тащили крытыя сани. Не было видно, кто управлялъ ими, потому что Альфъ сидѣлъ внутри саней, подъ крышей, и разговаривалъ съ Альдоной. Зимнее солнце уже заходило; но, къ утѣшенію путниковъ, на горизонтѣ, въ лучахъ заходящаго солнца, сіяли

кресты Евейскаго монастыря *) и черпали довольно обширные посады, обнесенные высокою деревянною стѣною. По лѣвую руку, на обширномъ озерѣ рыбаки подо льдомъ гнали канатъ отъ невода, а толпа народа окружала прорубь, и терпѣливо ожидала послѣдствій первой вечерней тони. За работой надзиралъ монахъ, потому, что рыбная ловля съ этого озера составляла значительную часть монастырскаго дохода. Онъ только что прекратилъ разговоръ съ другимъ чернецомъ, и получивъ отъ него благословеніе, занялся своимъ хозяйственнымъ дѣломъ, а чернецъ выѣхалъ на дорогу въ самое то время, когда съ нимъ поравнялись Альоовы сани. Увидѣвъ чернеца, Альоъ поблѣднѣлъ и отвернулся. Но Альдона также узнала его, чуть не выскочила изъ саней, и схвативъ возжи удержала коней...»

— «Куда, отецъ святой?» спросила она.

— «Домой!» отвѣчалъ Несторъ: «Къ Троцкъ, подъ Вильно. А ты куда, дочь моя, милостынинка?..»

— «Богъ вѣдаетъ!... Ѣдемъ съ братомъ къ Немецкимъ князя выручать.»

*) Полагаю, что урочище Еве, получило свое названіе отъ бывшаго тамъ монастыря, одного изъ древнѣйшихъ въ Литвѣ и, можетъ быть, построеннаго Ёвою, третьею женою Гедымина, русскою княжною. Евейскій монастырь такимъ образомъ находился между Вильной, Троками и Кернавымъ, въ центрѣ, и по близости трехъ любимѣйшихъ городовъ Гедымина. Что онъ существовалъ во время дѣйствія романа, въ томъ нѣтъ сомнѣнія. Догадка заключается только въ происхожденіи названія этого урочища. Въ послѣднемъ случаѣ слѣдовало бы называть Ёвинскимъ монастыремъ.

— «Съ братомъ? Господи! ты разбудилъ въ немъ стыдъ, не смѣетъ бо взглянуть мнѣ въ очи! Да, ночи, Боже, и сокруши гордыню его и да раскается. Но не обманъ ли опять? Благословенъ путь твой, дочь моя, милостынница... Но помни ты и, Альфъ: горе осквернителю святыни! Пора, Альфъ, пора! Церковь ждетъ твоего покаянія...»

Альфъ плакалъ. Альдона знала на что намекаетъ Несторъ и старалась замять разговоръ...

— «Какъ же ты, святой отецъ, къ ночи изъ монастыря уходишь?..»

— «Не далекъ мой путь. Вотъ за тѣмъ лѣсомъ сверну съ дороги, къ отцу Лукѣ схимнику зайду, въ пещерѣ съ нимъ вмѣстѣ сотворю вечернія молитвы; а завтра утромъ пойду въ Вильно; все будетъ поближе... Да какъ же вы надѣетесь князя выручить? Вы двое? Не гордость ли одна искусила васъ славою земнаго подвига? Много монастырей обошелъ я; вездѣ собираются рати; вся земля головой идетъ — а надежды мало...»

— «На Бога надежда наша,» скромно произнесла Альдона.

— «Дочь моя, милостынница! и только эта надежда не обманетъ. Съ Богомъ!...»

— «Молись за насъ, отецъ святой...»

Альфъ вздернулъ возжи, лошади тронулись. Несторъ напутствовалъ Альдону громкимъ благословеніемъ и знаменіемъ креста.

— «А меня онъ не благословилъ, Альдона?» спросилъ Альфъ едва внятно. Альдона молчала, и кони остановились у воротъ Евейскихъ.

— «Гдѣ у васъ пристаютъ?» спросилъ Альфъ привратника.

— «Въ монастырской гостинницѣ, или на новомъ постояломъ дворѣ, за оградой; да туда не близко, будетъ добрыя полверсты съ хвостикомъ. Да теперь и тамъ много народа, а въ монастырской гостинницѣ воевода Керновскій, Боярынъ Котъ съ котятами.»

— «Спасибо, старикъ» сказалъ Альфъ, проѣхалъ рысцой оба посада, и пустилъ вскачь добрыхъ коней къ новому постоялому двору. Привратникъ не обманулъ Альфа, и тамъ было много гостей, да, по счастію ли, или потому, что всѣ гости, кромѣ одной, были мужчины и люди ратные, двѣ комнаты съ особыми выходами были не заняты, и одна изъ нихъ поступила въ полное распоряженіе Альфа... Новый постоялый дворъ былъ поставленъ въ густомъ лѣсу. И снаружи и снутра можно было замѣтить, что онъ недавно отстроенъ. Въ конопаткѣ бревенъ мохъ былъ еще совсѣмъ свѣжъ; обтесанныя бревна и доски еще не успѣли почернѣть; отъ печки несло паромъ, и комната сохраняла банный запахъ. Хозяинъ, по тогдашнему времени, былъ одѣтъ щегольски: кафтанъ на немъ былъ отороченъ песцами; красная рубашка выглядывала изъ-подъ стоячаго воротника и блистала мѣдной, яркой запонкой, узорчатой работы; волоса подстрижены по обычаю, но въ рѣчахъ можно было весьма легко замѣтить, что хозяинъ не былъ Русской. Тѣлодвиженія обнаруживали въ немъ униженную подлость; привычка кланяться

изогнула его какъ-то наподобіе латинскаго S, а физіономія пріобрѣла такую подвижность, что могла изображать съ ничтожными промежутками самые разнообразные характеры. Онъ стоялъ согнувшись у дверей душной комнаты и ожидалъ приказаній. Альфъ уложилъ Альдону на походную постель. Она примѣтно была слаба, задумчива; да и не удивительно: морозъ былъ крѣпкой, дорога окольцами утомительна, а на большую дорогу Альфъ выбрался только подъ самымъ монастыремъ; встрѣча съ Несторомъ, опасность переѣзда черезъ монастырь, гдѣ собиралась Керновская дружина и—они могли быть открыты, задержаны; наконецъ другая буря, которая то и дѣло подымалась съ глубины сердца... и ничтожный переѣздъ показался продолжительнымъ путешествіемъ. Уложивъ Альдону, Альфъ посмотрѣлъ сомнительно на хозяина и спросилъ сухо:

— «А что, любезный, у васъ хорошаго слышно?»

— «Много, бояринъ, много! Вотъ Керновцы въ большой палатѣ такія страсти разсказываютъ, что волоса встаютъ дыбомъ!»

— «А что такое?»

— «Да будто князя у насъ Нѣмцы купили за деньги...»

Альфъ вздрогнулъ и далѣе уже не разспрашивалъ, но усердный хозяинъ былъ радъ, что его зацѣпили и пошелъ разсказывать:

— «Надо быть, Криве-Кривейто тутъ замѣшанъ, потому что вчера онъ у насъ и перекусить не хотѣлъ; только обогрѣлся въ этой самой избѣ; во-

лълъ вынести своему человѣку добрый пай алуса, да ни на ночь, ни на мятель не поглядѣлъ, опять въ дорогу. Видно, или за нимъ гнались, или онъ куда ни есть спѣшитъ. Хотѣлось мнѣ съ нимъ разговориться, да про одного человѣка поразспросить! Куда, онъ такъ проворно перемѣнялъ свои рѣчи, что ужъ я никакъ не могъ между нихъ за мое дѣло зацѣпиться... «Чей домъ?» спросилъ. — Я ему: Вишгайлы, владыка владыкъ, то есть по найму Вишгайлы, отецъ отцовъ, а домъ смерду русскому надлежитъ, Кириллъ, что отъ монастыря по малому озеру ловлю, а землю эту отъ руки Альфа боярина и воеводы держитъ...

— «Да развѣ это Альфова земля?»

— «То-то и есть, бояринъ, тутъ на всей дорогѣ, отъ монастыря до жижморскаго городка, только и есть эта перемычка, отъ этого двора до рѣчки Стравы, вотъ это Альфово; а тамъ все идутъ угодья жижморскаго городка и тамошніе смерды нашего Кириллу изъ зависти къ себѣ не пускали; а на монастырской землѣ онъ строиться не хотѣлъ; вотъ мы съ нимъ и разузнали, что тутъ есть земля Китовская; мы на Китовъ дворъ (старые Китовишки)...»

— «Китовская!» прервалъ Альфъ: «А хочешь, Вишгайло, эта земля будетъ твоя!...»

— «А какъ она будетъ моя, бояринъ?»

— «А вотъ какъ! На Китовомъ дворѣ есть старый Гаврило, ратникъ, да у него конныхъ объѣзжихъ людей два сорока...»

— «Всѣ здѣсь, бояринъ, всѣ у меня; какъ при-

несли имъ повѣстку, чтобы выходить на большія дороги и приставать къ тѣмъ боярамъ и воеводамъ что поближе, вотъ они про Керновцевъ прослышали, да и пришли сюда. Такъ прикажешь кликнуть Гаврилу?»

Альфъ кивнулъ головой, Вишгайло исчезъ, но скоро воротился одинъ:

— «Не идетъ, бояринъ, алусь лижетъ, да проклятую карлицу слушаетъ, что сегодня на ночлегъ пожаловала. Мала, какъ барстукъ, а смазливая такая плутовка, всѣхъ ратниковъ тѣшитъ росказнями: смѣхомъ полна палата. Только и слышно: ай да Мармара! разсказывай, разсказывай!...»

— «Мармара!» и Альфъ вскочилъ съ мѣста, лице его исковеркалось. Вишгайло отъ ужаса сталъ не больше Мармары; Альдона приподнялась съ мѣста... Послѣ продолжительнаго, тяжкаго молчанія, Альфъ сказалъ Вишгайлѣ глухимъ голосомъ:

— «Вишгайло! Я — бояринъ твой и воевода, Альфъ.»

Вишгайло растянулся на полу, какъ убитый медвѣдь, и безмолвствовалъ.

— «Много ли здѣсь Керновцевъ?..»

— «Кто ихъ сосчитаетъ?» отвѣчалъ Вишгайло, медленно поднимаясь съ помоста...

— «Земля твоя, но мнѣ нужно много услугъ...»

— «Государь бояринъ! Не знаешь ты Вишгайлы; испытай — узнаешь!»

— «Прежде всего, Гаврилу сюда!»

Вишгайло исчезъ и не прошло мгновенія, Га-

врило, шатаясь, вошелъ съ бранью въ комнату Альфа, а Вишгайло притаился за дверьми.

— «Тише, Гаврило! Полно сквернословить! Видно тебя Богъ къ намъ послалъ.»

Старый ратникъ разинулъ ротъ и глядѣлъ на Альфа, какъ будто на волшебную башню, которая съ неба свалилась передъ его носомъ. Но увидѣвъ Альдону, вообразилъ, что вся нечистая сила тѣшится надъ его нетрезвостію, и хотѣлъ наострить лыжи. Альфъ ударилъ его по плечу, и Гаврило отрезвѣлъ, сталъ вглядываться и креститься:

— «Боярина, боярыння! Что, видно съ нами выручать Китовскаго сосѣда отъ Нѣмцевъ! Ну это, пожалуй, богатырское дѣло. Да ты, матушка боярыння, зачѣмъ туда же?.. Вонъ, послушала бы ты, что Мармара баитъ про такую же боярыню, что въ юбкѣ на богатырство пошла...»

— «А что же она разсказываетъ?»

— «Что? Да вотъ что она разсказываетъ, какъ того... чертъ ее вспомнитъ; у нее, знаешь, слова будто ручей съ горы; нѣтъ... постой, не подъмочь, лучше я ее сюда...»

— «Лучше, лучше, Гаврило, только не говори, что я здѣсь. Смани чѣмъ нибудь, и одну... слышишь одну...»

— «Смѣкаю, смѣкаю... тайность... Ухъ, я на тайности чертъ!..»

— «Да приставь, Гаврило, къ повозкѣ надежныхъ людей...»

— «Цѣлый сорокъ пусть стоитъ, а прозябнутъ, другой сорокъ, а потомъ опять первый; поняли

наши вплоть до зари. На одного не понадѣюсь. Больно хмѣльны...»

— «А Мармару сюда! И смотри, чтобы, кромъ тебя да Вишгайлы, никто не зналъ, кто я...»

— «Вишгайло знаетъ?»

— «Знаетъ!..»

— «Ну далъ ты промаха, боярине. Вѣдь онъ ни Русскій, ни Литвинъ, а Жидъ, какимъ хочешь прикинется... Да постой...»

И Гаврило ушелъ, покачиваясь.

— «Эй ребята!» закричалъ онъ на дворѣ: «Эй! китовская моя дружина! сюда всѣ до единаго!»

Китовская дружина Гаврилы выползла изъ огромнаго сарая, гдѣ уже было умостилась на отдыхъ. Хотя и не въ полномъ комплектѣ, однакоже было головъ за пятьдесятъ... Гаврило, какъ только собралъ своихъ, именемъ Великаго Князя, схватилъ Вишгайлу, посадилъ въ темницу, т. е. въ Альфовы сани, и закрылъ его полостью, такъ, что въ саняхъ плѣннику стало темнѣе ночи; тогда учредилъ стражу около саней, составилъ отрядцы изъ своихъ и Керновцевъ въ обиходъ вокругъ гостинницы.

— «Что такое случилось?» спрашивали Керновцы.

— «Молчите!» шепталъ Гаврило: «Тамъ сидитъ посолъ отъ Великаго Князя! Тутъ такія хитрости открылись, что не приведи Господи! Кому ходить на стражѣ, тотъ ходи, а кому очереди ждать, тотъ ступай ложись, ни гугу!»

— «Да что же ты плошаешь, Гаврило? Дать бы знать въ монастырь боярину...»

— «Боярынь уже все знаетъ. Посолъ съ нимъ на монастырѣ переговорилъ. Ненадо. Сказано, что бы не пугать пустяками честныхъ иноковъ... Но мѣстамъ! А вы, красавица, подитка,» сказалъ Гавриле, поймавъ за ручеику Мармару; «его посольскую милость побасенками потѣшь.» И учиня такой мудрый распорядокъ, втолкнулъ Мармару въ Альфову комнату, заперъ двери, и возлѣ нихъ самъ сталъ на стражѣ, наблюдая вмѣстѣ и за своими и за корновскими людьми.

— «Гдѣ Далія?» спросилъ Альфъ, когда двери захлопнулись.

— «Бѣдный, бѣдный!» закричала Мармара... «И ты еще спрашиваешь?»

— «Тсъ! Мармара, мы не одни...»

Мармара оглянулась и, увидавъ Альдону, закусила губы...

— «Ну, говори же, гдѣ Далія?»

— «Узнаешь, узнаешь, и заплящешь какъ живая рыба на горячихъ угольяхъ! Такъ приходилось и намъ плясать!.. Оттуда, ты знаешь, ты помнишь, повезли насъ въ твердыню... Отвели намъ домъ, цѣлый домъ, да кругомъ саженные латники. — Тамъ все было хорошо: и постелька, и тепленько, и сыты, и покрыты; заснули мы съ Глазкомъ по дурацки. Наше дѣло сторона. А княгиню цѣлую ночь метало: видно сердце чуяло. — Утромъ насъ нѣмецкіе колокола и шумъ на улицахъ разбудили... Мы всѣ къ окнамъ. Колокола гудятъ: люди къ воротамъ бѣгутъ... Привели его безъ шлема, бѣднягу, безъ меча и копья, на чужомъ данномъ

конъ... привели и на площади въ позоръ поставили; а колокола пуще и пуще, а народъ ратный ревётъ, такъ что небу жарко. Мы съ Глазкомъ заплакали, жалко стало; а княгиня насъ кулаками, кулаками тузитъ, да кричитъ: «Радуйтесь, радуйтесь! Вотъ ему нѣмецкая невѣста!..»

Мармара остановилась; Альфъ упалъ на колѣна передъ Альдоной; голова его поникла на ноги сестры; слезы лились обильно. Но Альдона затаивъ дыханіе, оторопѣла и безумными глазами недвижно глядѣла на Альфа... Онъ опомнился, поднялъ голову и сказалъ съ отчаяньемъ:

— «Альдона, Альдона! такъ привели Нѣмцы Кейстута въ Растенбургъ!»

И Альдона вскрикнула и упала безъ чувствъ на походную свою постель.... Не скоро опомнилась Альдона; очнулась; но, истомленная, стала дремать, дремота усилилась; крѣпкій благодатный сонъ одолѣлъ несчастною; и Мармара немотомъ продолжала свой разсказъ:

— «Прошелъ день, насъ забыли на общей радости; прошла ночь, въ твердынѣ будто всѣ вымерли. Мы слышали только, какъ смѣняли у дома нашего латниковъ. Поутру уже пришелъ приставъ и объявилъ, что все крестовое войско изволитъ тѣшиться нашимъ подаркомъ, что самъ набольшой тутъ, гдѣ-то, по сосѣдству; что Кранихфельдъ съ Белеромъ у него въ гостяхъ, а главнымъ на твердыню назначенъ старый рыцарь Бернгардъ Трюмъ... Мы и говоримъ приставу, что условіе исполнено: пора насъ отпустить. Не тутъ-то было. Говоритъ

приставъ: «не знаю, да не знаю. Какъ рыцарь. Онъ къ вамъ сегодня будетъ, да и писаніе ему какое то принесли; а тамъ написано: «Краних-фельдъ! Не отпускай плѣнныхъ по условію, я самъ за ними приду.» Далія крѣпко на тебя за это разгнѣвалась, да мы съ Глазкомъ твою руку держали; говоримъ: «Видно, тайна пошатнулась, а тутъ у Нѣмцевъ намъ безопаснѣе.» Поуспокоилась княгиня, да не надолго. Приходитъ подъ-вечеръ рыцарь Бернгардъ, гадкой такой, будто борона по лицу проѣхала, осень на головѣ, и хромъ и присѣповатъ; тфу ты какой... страшно вспомнить. Какъ бы еще молодой, Далія бы его опутала, а то грибъ грибомъ, да и полно. Пришелъ, сѣлъ, да какъ будто изъ трубы какой заговорилъ медвѣжьимъ голосомъ: «Знаю кто вы! Краних-фельдъ на радости, что волка поймалъ, лису, да малаго звѣря ни во что ставитъ. Такъ нельзя! Мы въ плѣнникахъ своихъ не властны! У нихъ судьба простая: купель Христова или смерть! Гнусно мнѣ съ вами язычниками и говорить, да велитъ долгъ и рыцарскій обѣтъ. Коротко скажу вамъ: креститесь, или, не будетъ пощады.» — Не хотимъ креститься! закричали мы всѣ трое разомъ. — «Такъ умрете!» сказалъ рыцарь и ушелъ, будто бойница какая; весь домъ дрожалъ отъ старой поступи. Не успѣли мы и переговорить между собою, пришли стражники, кандалы на насъ надѣли и повели въ темный холодный подвалъ. Пошли морить насъ холодомъ и голодомъ. Я было заикнулась и говорю: «Что будешь противу силы дѣлать?» Какъ озлится на меня старый

Глазокъ; не будь онъ къ стѣнкѣ прикованъ, онъ бы мнѣ голову истолокъ: и червь я у него негодный, гусеница хворая, и еще хуже лаялся Глазокъ, такъ, что отъ однихъ рѣчей его стало страшно. Княгиня, видно, тогда не больно проголодалась, да не промерзла, туда же за Глазкомъ, стала меня впередъ проклинать, если я на страхъ подамся. Охъ! плохо стало: голодъ, холодъ срамъ да страхъ, такъ и вижу, что конецъ приходитъ; въ подвалѣ темно, а въ глазахъ зеленѣетъ. Къ ночи будетъ, слышимъ: идутъ; свѣтъ въ щелку пробирается: всѣмъ намъ полегче стало. И заправду дровъ принесли, огонь на полу разложили, да желѣзныя клинья стали поджаривать до-красна: а рыцарь, словно пугало почное, опять своимъ страшнымъ голосомъ и заговорилъ: «Ну! Въ послѣдній разъ язычники! Креститесь!» — Мы молчимъ; — онъ опять; — молчимъ; — онъ въ третій разъ; — молчимъ. «Хорошо!» говоритъ, да такъ покойно, будто хлѣбъ съ масломъ ѣстъ: «Хорошо! Такъ попытаемся сердце ваше убѣдить огнемъ и желѣзомъ. Эй ты, Жаровня,» (видно кличка такая) «поднеси-ка красненькаго вотъ этому; видно онъ у нихъ тайный жрецъ, бабью совѣсть мутитъ...» Тотъ Жаровня и поднесъ раскаленный желѣзный клинъ къ Глазку, а Глазокъ и грудь настежъ. Жаровня на рыцаря оглянулся, а тотъ по своему рычитъ: «Шутитъ, шутитъ!..» Вотъ Жаровня близко къ старику подошелъ, норовитъ ему желѣзомъ въ грудь; Глазокъ хвать его за обѣ руки, да клинъ въ грудь себѣ и вдавилъ: только зашипѣло; а онъ

хотьбы ротъ раскрылъ, упалъ на камень — и духъ вонъ...

— «Что же Нѣмцы!» спросилъ Альфъ тревожно.

— «Да что Нѣмцы! Видно имъ такіе подвиги въ привычку. Рыцарь кричитъ: «Туда ему и дорога! Принимайся за бабъ...» Да ужъ не за кого было приниматься. Княгиня какъ увидѣла, что сдѣлалъ Глазокъ, на цѣпи будто бѣшеная и заходила; и зубы стучатъ, и вся трясется; стала она руками будто отъ смерти отмахиваться, а Жаровня съ нарокомъ тихо къ ней подходитъ... Княгиня пятится... Къ самой стѣнкѣ въ плотную прилипла, да разомъ какъ-то снерялась: бухъ объ полъ. Жаровня взялъ ее за руку, потомъ голову пощупалъ, да сердца послушалъ, говоритъ, умерла, и давай гостинецъ для меня поджаривать; я на всѣ четыре повалилась и кричу: «Помилуйте! Крещусь, только помилуйте!» Тутъ и присталъ ко мнѣ рыцарь: Полно такъ ли, говоритъ, это ты отъ страха. «Нѣтъ, нѣтъ!» — Охотно? спрашиваетъ.— «Охотно.» — Добровольно? — Я ему: «добровольно, давно желала, да не смѣла...» Вотъ они меня и окрестили, и такъ еще крещеная на силу ушла. Нелучше мнѣ было у нихъ и на волѣ... Да что же ты не слушаешь?..»

Альфъ дѣйствительно давно уже не слушалъ Мармары! Смерть Даліи и Глазка казалась ему помощію сверхъестественною, таинственною къ закрытію страшнаго дѣла. Примѣтно было, что онъ надъ чѣмъ-то ломалъ голову. Вдругъ по лицу его блес-

нула радостно злобная улыбка; онъ взглянулъ на спящую Альдону, потомъ на Мармару и сказалъ тихо, такъ что дура должна была къ нему нагнуться: «Ну, а тайна?»

— «Умерла, Альфъ...»

— «А ты?»

— «У меня не спрашивали. Умерла, умерла.»

— «Ну не совсѣмъ;» подумалъ Альфъ и позвалъ Гаврилу.

— «Надо ѣхать, старикъ!» сказалъ Альфъ. «Китовская дружина съ нами; а Керновцы пусть остаются и ждутъ насъ до вечера. Съ тобой Касьянъ?»

— «Со мной, бояринъ!»

— «Ну такъ пусть садится на облучекъ и лошадьми правитъ, а на его конѣ поѣдетъ Мармара.»

— «А куда же я дѣну Вишгайлу?...»

— «Куда хочешь, только поскорѣе готовься къ отъѣзду...»

Подошелъ Гаврило къ санямъ, въ раздумьи, соображая, какъ поступить съ Вишгайлой; но съ Вишгайлой случилось необыкновенное происшествіе; оно обличило восточное происхожденіе этого ресторатора XIV вѣка и доказало справедливость догадки распорядительнаго Гаврилы, что Вишгайло — жидъ. Какъ только посадили Вишгайлу въ сани и покрыли полостью, онъ весьма благоразумно разрѣшилъ, что это — мѣра предосторожности и что лучше всего въ такомъ случаѣ безмолвно повиноваться. Улегся Вишгайло въ саняхъ, но скоро холодъ сталъ докучать ему; онъ началъ рыться въ саняхъ, чтобы найдти себѣ какую покрышку; одѣло

отыскать было не трудно, потому что подъ нимъ лежала медвѣжья шкура; надо было только вытащить ее изъ-подъ себя — и кончено. Вытащилъ онъ медвѣдя, да на сидѣньи лежать было твердо и не ровно; онъ щупъ рукой — мѣшокъ съ монетой. Вишгайло обомлѣлъ; развязываетъ и дрожитъ; осязаніе докладываетъ, что въ мѣшкѣ золото: пошла ходить рука, что маятникъ, изъ мѣшка въ карманъ и обратно; а дрожь пуще, а страхъ... чтобы не брякнуло, чтобы не уронить въ сѣно; да и зачѣмъ въ сѣно, когда можно въ карманъ; много ли въ дрянномъ мѣшкѣ золота? Нѣсколько добрыхъ горстей, а у Вишгайлы карманъ что прорубь, да еще и не одинъ. На то и хозяйскія исподни, чтобы въ нихъ цѣлый домъ таскать. Не стало мѣшка... Вишгайло щупъ — возлѣ покойника, другой стоитъ, да туго завязанъ. Пошли и зубы на работу, а дрожь пуще; переѣхалъ и этотъ на другую квартиру... Вишгайло пробуетъ, а сосѣди кругомъ, по всему сидѣнью, и большаго разбора и мелкаго. Пошла лихорадка; то онъ изъ одного захватитъ, то изъ другаго. Мечетъ и трясетъ его недугъ, да нельзя души отвести оханьемъ, да жаль не украсть всего — и вдругъ Гаврило отдернулъ полость. «Вставай Вишгайло» кричитъ Гаврило.... Вишгайло не встаетъ. «Проснись!» Вишгайло не спитъ... Что онъ, замерзъ, что ли? И, не замерзъ, а умеръ, право, умеръ!... Съ трудомъ вытащили, такой сталъ тяжелый. Осмотрѣли: въ карманахъ деньги, за пазухой и за спиной кругомъ пояса — деньги, въ сапогахъ — деньги... и во рту деньги, а око-

стенѣвшія руки впились въ два мѣшка, да такъ и застыли. Такъ умеръ Вишгайло, и оригинальною смертью значительно замедлилъ отъѣздъ Альфа почти до разсвѣта. Китовскіе объѣзжіе люди бывали и въ походахъ и по нарядамъ ѣздили отъ Гавриды подъ Эйраголу, гдѣ у Альфа земли были, и знали всѣ пути; неудивительно, что къ ночи путники наши на Эйрагольской землѣ остановились въ небольшомъ городкѣ, въ опрятномъ господскомъ домѣ. Ихъ встрѣтила красивая дѣвушка. Увидѣвъ Альфа, она потеряла память, бѣгала, хлопала въ ладоши, бросалась обнимать его ноги, и не знала куда дѣваться со своею радостью. То была наша знакомая Сара; тотъ городокъ былъ Альфовъ лѣнъ, отъ руки Гедымина. Старый слуга также обрадовался и поднялъ на ноги довольно многочисленную дворню... Альдона обласкала Сару, какъ могла и умѣла. Эту ночь всѣ отдохнули весьма покойно и удобно; но когда встали и стали собираться въ дорогу, нигдѣ не могли отыскать Мармары. Только Альфъ да Гаврило какъ-то объ ней не безпокоились. «Что ее ждать!» сказалъ Альфъ. «Прощай Сара, до свиданія! Береги мой домъ! Послѣдній подвигъ! Тогда къ тебѣ на покой пріѣду...»

Сара, молча, со слезами проводила гостей. Альдона въ саняхъ поѣхала одна съ Касьяномъ. Альфу подали добраго коня. Когда онъ садился, старый слуга спросилъ почтительно:

— «А если, боярынъ, дура воротится?»

Альфъ махнулъ рукой и поѣхалъ рядомъ съ Гаврилой....

— «Воротится!» сказалъ Гаврило. «Какъ бы не такъ! Но, бояринъ, правду сказать, руки тряслись, когда я ее несъ на рѣку; думаю себѣ, какъ отколдуется, такъ вѣрно меня въ лошадь, или въ собаку пожалуетъ Да куда! Трепеталась, трепеталась... я ее держу что есть мочи; въ прорубь спустилъ бережно; какъ пошла ко дну, тогда только я вздохнулъ повольнѣе... Право, чудно, бояринъ, кажется со всѣмъ на вѣдьму не похожа, а гляди на что пустилась: и тебя и боярышню заколдовала... Какъ ты мнѣ сталъ разсказывать...»

— «Перестань, Гаврило,» прервалъ Альфъ; «Ты развѣ не знаешь, что не надо вѣдьмъ поминать; а то, пожалуй, подумаетъ, что кличутъ: того гляди воротится. Хорошо, что и такъ концы свели, да въ воду бросили...»

За Дубиссою, которую наши путники переѣхали подъ Эйраголой, край становился постоянно, болѣе и болѣе дикимъ; изрѣдка встрѣчались развалины божницъ и значительныхъ твердынь, свидѣтели, что рыцари когда-то господствовали въ этихъ пущахъ. Свѣжія пепелища напоминали, что въ эту дикую глушь орденъ еще недавно приходилъ войною и обратный путь свой посыпалъ пепломъ. Встрѣчались и городки, и сельскія уединенныя избы, но почти вездѣ находили только дѣтей и женщинъ. Мужчины одни потянулись подъ Веллону, другіе скоплялись въ лѣсахъ, прилежащихъ къ истокамъ Нѣмана, и ждали для похода только воеводъ, обѣщанныхъ Великимъ Княземъ. Хотя во всей сѣверной Жмуди пути были весьма сбивчивы и за-

трудительны, особенно въ зимнее время, но, благодаря многолѣтней опытности и географическимъ знаніямъ Гаврилы, наши путешественники, безъ особенныхъ происшествій, добрались до Полунги. За нѣсколько верстъ Зничь съ каланчи Прауримы встрѣтилъ гостей яркимъ свѣтомъ—и сердце Альфа забилось. Когда они пріѣхали къ передовому посаду, давно уже смерклось; твердыня была заперта; но въ Нѣмецкихъ конвентахъ горѣли огни во всѣхъ окнахъ. Видно было, что у Видымунда, по старому обычаю, гости. Можетъ быть, подумалъ Альфъ, онъ недавно воротился съ охоты, а Бирута молится предъ истуканомъ Прауримы объ освобожденіи Кейстута. Альфъ не сводилъ очей съ каланчи; но въ хитрой храминѣ, къ удивленію его, ходилъ со щипцами латникъ и подбрасывалъ дрова безъ всякой граціи.—Наконецъ Гаврило не безъ труда отыскалъ чистый посадскій домъ, помѣстилъ въ опрятныхъ комнатахъ Альфа и Альдону, и учиня трапезу и на дворѣ между стражей благоразумный распорядокъ, опочилъ сномъ сладкимъ на лаврахъ.

— «И такъ, Альдона!» сказалъ Альфъ непокойно и мрачно: «мы въ Полунгѣ!...»

— «Да!» почти шепотомъ отвѣчала Альдона.

— «Завтра я увижу Бируту...»

— «И я...»

— «Я буду счастливъ счастіемъ плѣнника, которому на одно мгновеніе позволяютъ положить тяжкую ношу, будто для отдыха,—и я... О! судьба, судьба! и я не могу здѣсь остаться! Не могу

простымъ рабомъ служить Бируте! Выслужить только одну улыбку...»

— «Я за тебя, Альфъ, я за тебя! Я буду младшей вайделоткой и рабыней Бируты!»

— «Ты за меня! Ахъ, Альдона! И она тебя полюбитъ...»

— «Богъ знаетъ! Можетъ быть... А я — ее обожаю...»

— «Что же, Альдона, когда ты ее увидишь!... Бирута...»

— «Тише: идутъ...»

И въ самомъ дѣлѣ вошла хозяйка съ ужиномъ, и устанавливая на столъ опрятную посуду, спросила съ примѣтнымъ удовольствіемъ: «Бируту? А вы знаете нашу Бируту?»

Гости молчали.

— «Да кто, правда, и не знаетъ ее, когда Кейстутъ вздумалъ самъ на ней жениться? Да недоросъ князекъ: руки коротки; нынче на богиняхъ люди не женятся. Сядьте, дорогіе, прикушайте. Ужь не взыщите, что скудно. На посадахъ гостей много: поголовный походъ объявленъ, такъ со всѣхъ мѣстъ гости. Да и почетные. Ну, не во гнѣвъ вамъ будь сказано, мы почетныхъ не жалуемъ; эти гости всегда нашу ненаглядную сватовствомъ огорчаютъ. Теперь поотстали, какъ она Кейстута отдѣлала. Да другая бѣда... Видымундъ плоховать сталъ: горе и старость его сломали; а все такъ же добръ, какъ и прежде. Кто хочетъ, иди къ нему на замокъ: Вѣть и теперь у него пиръ горой...»

— «Пойду я къ нему, Альдона» сказалъ Альфъ, вставъ съ мѣста.

— «Зачѣмъ?»

— «Такъ! Я у него въ городѣ и не зашелъ, неловко...»

— «Сходи, пожалуй...»

И Альфъ не пошелъ, а побѣжалъ на замокъ.

У Видымунда точно были гости, да не тѣ. На богатомъ стулѣ съ высокою рѣзною спинкою, съ бархатною подушкою, обшитою широкою золотою бахрамой и украшенною такими же кистями, сидѣла Бирута, въ бѣломъ какъ снѣгъ платьи, съ золотымъ поясомъ; черная коса волновалась на полуобнаженныхъ плечахъ, золотая повязка сіяла камнями многоцѣнными, покрывало струилось по лицу и было такъ густо, что сквозь него нельзя было распознать, кто сидѣлъ на стулѣ. Позади стояли вайделотки въ такихъ же костюмахъ, съ покрытыми лицами. Передъ Бирутой сидѣли: Криве-Кривейто и Видымундъ на богатой скамьѣ.

— «Я исполнила волю владыки владыкъ, какъ тебя называетъ язычество,» сказала Бирута съ важностью, истинно царственною: «Напрасно, великій грѣшникъ, изъ святыни, осквернённой твоими преступленіями, пришелъ ты на берегъ моря, которое видѣло и первый обманъ твой и постыдное бѣгство. Мечта о власти твоей соблазнила тебя, Гинтовтъ. Ты думалъ: придешь, повелишь и я паду къ стопамъ твоимъ, какъ подлая сообщница твоихъ замысловъ и злодѣйства... Ты ошибся, Гинтовтъ. Я не признаю ни власти твоей, ни тво-

ихъ боговъ. Ты язычникъ — я нѣтъ. У меня одно божество, которому поклонялась чистая дѣва, Праурима. То божество — добродѣтель. Нашъ зничъ, наши правила — только пути къ высокому очищенію духа. Нашъ обѣтъ — торжество, когда исполненъ; гнусная личина, привада — когда нарушенъ. Ты не понимаешь меня, Гинтовтъ! Здѣсь ты только — Гинтовтъ, а первосвященница — я! Знаю, зачѣмъ ты пришелъ. Я объявила отказъ мой великому князю. Его единаго признаю надъ собою. А если согласилась выйдти къ тебѣ, такъ для того только, чтобы ты слышалъ изъ собственныхъ устъ моихъ слово послѣднее, равное слову Ольгерда. И великій государь мой и господинъ Ольгердъ властенъ только надъ жизнію моею, но не надъ совѣстью; а ее — я и на жизнь не промѣняю. Я не допустила тебя въ божницу Праурымы, потому что не хотѣла оскорбить ея великой памяти присутствіемъ въ ея храмѣ человѣка, который такъ дерзко хотѣлъ посмѣяться надъ добродѣтелью въ обители добродѣтели; еще и потому, что у алтаря Праурымы я устроила убѣжище для несчастныхъ жертвъ вашихъ предразсудковъ и обмановъ. Тамъ Алина оплакиваетъ горькими слезами свою участь; тамъ Гаугисъ лечится отъ ранъ, полученныхъ имъ отъ храмовой веллонской стражи, когда Буйтоноръ отнималъ у него жену любимую; тамъ Герта: она лишилась разума отъ того, что Криве хотѣлъ отмстить ей за презрѣніе и обвинилъ въ воровствѣ; тамъ... но довольно. Благодари Видымунда за мою снисходительность...

Я вышла къ тебѣ, чтобы не огорчить великаго отца! Прости! Ты больше меня не увидишь...»

Важность Бируты исчезла; она вскочила со стула, ушла въ боковыя комнаты съ вайделотками и всѣ полунагскія весталки съ дѣтскою рѣзвостью побѣжали по коридорамъ нѣмецкихъ конвентовъ къ свои кельи.

Видымундъ всталъ и глядѣлъ съ улыбкой на уничтоженнаго Криве-Кривейта.

— «Я тебѣ говорилъ, Гинтовтъ!» сказалъ Видымундъ, покашливая: «что у дочери моей сила воли и нравъ нашей Прауримы. Ты непремѣнно хотѣлъ ее видѣть, такъ теперь не пеняй. Больно мнѣ, признаюсь! Какой ты тамъ ни есть, а мы съ издѣтства привыкли уважать Криве-Кривейта; да и посуди самъ, за тобой псари мои гонялись съ собаками, и ужъ какъ тебя не поймали, право, не понимаю. Тогда еще и мой старый Вѣтерь былъ живъ; не нажить мнѣ уже такой собаки, Гинтовтъ; на охотѣ — левъ, на дворѣ — стражи не нужно, а какъ приду, бывало, на псарню, такъ ласкамъ конца нѣтъ, всегда оборветъ, грязью забрызгаетъ, а все отъ радости, такъ что и унимать жаль.»

— «Охъ, Видымундъ!» сказалъ Гинтовтъ, весьма обрадованный, что разговоръ нечувствительно перемѣняется: «Жаль мнѣ разставаться, да ужъ мнѣ теперь не до охоты: велика и управа, и дѣла, какъ самъ видишь, такія запутанныя, а у меня, на городкѣ, что старому Лиздейкѣ подарилъ благочестивый Гедыминъ, есть уродъ, не собака.

Кто псовое дѣло знаетъ, говоритъ: невидаль, да и полно; ростомъ доброму молодцу въ поясъ...»

— «Что ты, что ты это, Гинтовтъ?» спросилъ Видымундъ и закашлялся отъ удивленія.

— «То ли ты еще услышалъ бы, да долго разсказывать...»

— «Постой, Гинтовтъ, постой! Ваши дѣла съ дочерью кончены, а намъ отчего не побалагурить за доброй трапезой. Эй! столъ, закуски, меду!.. Вотъ, скажу тебѣ и про медъ нашъ, такого и не пивалъ и въ Ковнѣ и въ Мѣдникахъ; только и берегу для первостатейныхъ гостей!»

— «Постой же, Видымундъ, такъ я тебя угощу: пришлю тебѣ летценбургскаго вина. По раздѣлу, князья мнѣ только бочку прислали, а по закону слѣдовало десять; да нынче никто на законъ не глядитъ; всякая дѣвчонка по-своему боговъ толкуетъ... Ну, да нельзя же и сердиться на бабью злость...»

— «И заправду, Гинтовтъ! Скажу тебѣ, по совѣсти, что вотъ у меня жена прежде, а теперь Бирута, все по своему, да по своему дѣлаютъ. Бабы! Стану я сердиться! Ужъ какъ бы только такъ-сякъ вѣкъ дожить повеселѣе. Вотъ, если бы ты былъ не Криве-Кривейто, а завзжій богатырь, ужъ мы бы завтра съ тобою дернули подъ Мемель на охоту...»

— «Да отчего же и нельзя? Не знаешь ты, вижу, законовъ. Тотъ звѣрь, что убьетъ Криве-Кривейто, богамъ въ пищу цѣликомъ жарится.»

— «Ой ли? Гей! Позовите ловчаго!..»

И за веселой трапезой уже была заказана охота, уже много кувшиновъ приморскаго меда стояло впустъ, уже Гинтовтъ почти оканчивалъ дивную повѣсть о дивной собакѣ, какъ пришелъ старшій латникъ изъ ночной стражи и объявилъ, что бояринъ и воевода Альфъ проситъ позволенія войдти Вошелъ Альфъ; усадилъ его Видымундъ, разспросилъ о здоровьи великаго князя, великой княгини, всѣхъ князей, бояръ, боярынь и боярышень, и заключилъ вопросомъ: «Зачѣмъ, Альфъ, ты къ Полунгу пожаловалъ?»

Альфъ смѣшался, слова путались, Видымундъ нахмурился, да и сказалъ весьма нелюбовно:

— «Понимаю, Альфъ, понимаю! Когда вы оставите бѣдную дочь мою въ покоѣ? Право, жаль смотрѣть на нее, какъ она то и дѣло должна защищаться отъ этой любовной болѣзни. На охоту, Гинтовтъ, на охоту нельзя поѣхать: только изъ дома, гонецъ изъ замка: сватъ пріѣхалъ. И всякая дрянь туда же лѣзетъ. Вотъ какъ Кейстуту послали мы слово послѣднее, такъ женихи унялись; мы ужъ съ Бирутою и говорили: ну, теперь, авось, кончено... анъ вотъ гости на дворъ! Такъ видишь ли, Альфъ! Я угадалъ, зачѣмъ ты пріѣхалъ; только ты Бируты не увидишь, развѣ меня не станетъ. Допей свою стопу и ступай изъ твердыни и больше не стучись въ мои ворота...»

— «Я хотѣлъ съ нею проститься...»

— «Вздоръ! Слово, Альфъ, ни ты не увидишь ее, ни она не узнаетъ, что ты былъ здѣсь. И

такъ ей бѣдной удалось испытать всякую напасть... Что́, допилъ? Ну, прощай!»

— «Бояринъ... Одно слово!»

Видымундъ топнулъ ногой и закричалъ:

— «Альфъ! Не доводи до насилія! Пора, время ночное...»

— «Такъ до завтра, бояринъ, я надѣюсь...»

— «Что я пьянъ, что ли? Гей!»

Вошли латники, и Альфъ, поклонясь, оставилъ трапезную.

— «Проводите его до воротъ!» кричалъ Видымундъ на латниковъ: «и смерть вамъ, если онъ останется въ твердынѣ! Ну, Гинтовтъ, а ты, кажется, былъ такъ добръ, и это песье сокровище...»

— «Подарилъ тебѣ, моему гостепріимцу, съ приплодомъ.»

— «Съ приплодомъ? Гей! меду!.. Вотъ другъ!.. Не отпѣкивайся, Гинтовтъ, не отпѣкивайся; что за бѣда, скамья у стѣнки, подушки добрыя, говорить есть о чемъ; а умаемся, такъ и вздремнуть не бѣда; завтра въ чистомъ полѣ, на веселомъ ловѣ, опохмѣлимся...»

И сбылось изреченіе мудраго: одолѣлъ медъ ноги, — и умаялись языки и крѣпкій сонъ свелъ тяжелыя головы къ столу; а слуги покойно убрали кувшины, потушили огонь и поутру уже, первый проснулся Видымундъ. Передъ нимъ стоялъ ловчій, и храмовый стражникъ.

— «Ты зачѣмъ?» спросилъ Видымундъ стражника.

— «А пришла какая-то боярышня къ прауримскому конвенту,» такъ называлъ стражникъ рыцарскій монастырь, въ которомъ Бирута возстановила божницу Прауримы, а въ рыцарскихъ кельяхъ жила сама съ вайделотками: «Пришла, да къ великой дочери твоей просится. Такъ, чтобы не было обмана, я къ тебѣ...»

— «Подай, подай ее сюда! Ну, а ты что?»

— «Да наказалъ ты вчера лову быть. Пора...»

— «Пора; да постой, вотъ эту гостью отправлю, тогда за гостя примемся; какъ-то мы еще его разбудимъ. Медъ мой у него до-сихъ-поръ въ головѣ ходитъ. Вотъ и гостья...»

И точно, вошла Альдона. Не зналъ ее Видымундъ въ лицо, да она же и пришла простою Литвинкою, колокольчикъ на юбочкѣ болтался. И вся она какъ-то попросту сложилась, ни дать ни взять изъ сосѣдняго лѣса.

— «Зачѣмъ ты къ Бирутѣ просишься?» спросилъ Видымундъ.

— «Отъ напасти, отъ злаго недуга!» говоритъ Альдона.

Посмотрѣлъ на нее Видымундъ и повѣрилъ; но въ это мгновеніе проснулся Гинтовтъ, взглянулъ на Альдону пьяными глазами — и похмѣлья будто не бывало: вдругъ отрезвѣлъ, сталъ бодръ и поднялся съ мѣста съ особенною живостью, такъ что огромнаго трапезнаго стола чуть не опрокинулъ. Видымундъ съ изумленіемъ смотрѣлъ то на Гинтовта, то на Альдону; но когда Гинтовтъ, дрожа отъ злобы и страсти, назвалъ гостью по имени,

Видымундъ вскочилъ и заревѣлъ охрипшимъ голосомъ :

— «Альдона! сестра Альфа! Что это, заговоръ?»

— «Заговоръ, заговоръ!» утвердительно повторилъ Гинтовтъ; «Преступленіе, бѣгство! Она испугалась своего обѣта, она бѣжитъ отъ слова своего!» и, дурно скрывая радость свою, онъ выбѣжалъ изъ-за стола и прибавилъ съ неистовымъ восторгомъ: «Она моя добыча!»

Альдона, не понимая дикихъ движеній звѣрскаго сердца, ни этого восторга, котораго нельзя было согласить ни съ саномъ, ни съ фигурой Криве-Кривейта, бросилась къ Видымунду и просила защиты; но тотъ оттолкнулъ ее съ досадой.

— «Прочь!» закричалъ онъ: «Прочь! Ты искала не гостепріимства, не помощи; ты змѣя, подосланная Поклусомъ на стыдъ моего дома, ты ползла подъ алтарь Прауримы, и хотѣла влить ядъ лести и разврата въ послѣднюю отрасль богини.»

— «Такъ, такъ!» повторялъ Гинтовтъ, медленно приближаясь къ Альдонѣ и пожирая ее глазами: «Такъ, такъ! Попалась, Альдонушка, да небойся! Мы тебя вознесемъ выше Бируты; выше самой Прауримы! Мы тебѣ сохранимъ бѣлолицему мѣсяцу въ невѣсты. Онъ какъ увидитъ тебя, солнце разлюбитъ, сюда, сюда, ко мнѣ, Альдона!»

И страстный старикъ уже былъ близко испуганной, оторопѣвшей дѣвы, уже протянулъ руку, вдругъ растворились двери — и Бирута вошла въ залу съ своими вайделотками. Альдона опомнилась и бросилась къ жрицамъ.

— «Кто изъ васъ Бирута? Заступи, спаси меня отъ напасти... Вотъ этотъ волкъ посягаетъ на мою... я думаю, я догадываюсь! Обѣтъ мой условный: я обѣщала быть вайделоткой, но тогда только, когда Бирута согласится быть женою Кейстута...»

— «Альдона?» почтительно, но не безъ удивленія спросила Бирута.

— «Все равно, все одно!» кричалъ Гинтовтъ: «Ты произнесла обѣтъ, и я возьму тебя, во что бы то ни стало...»

— «Слышишь, слышишь Бирута?»

— «Слышу,» отвѣчала Бирута покойно и обняла Альдону: «слышу и смѣюсь надъ безсиліемъ сластолюбца во дворцѣ Прауримы! Хотя бы злой преступникъ просилъ именемъ богини у меня защиты; никто не прикоснется къ преступнику. Сестры дорогія! Отведите великую гостью въ священное убѣжище, и проклятъ, кто бы онъ ни былъ, если осмѣлится...»

— «Проклятъ тотъ,» прервалъ Гинтовтъ: «кто у боговъ похищаетъ послѣднихъ слугъ...» и поднявъ кривулю, воскликнулъ торжественно: «Дѣвы Зничи! Отдайте мнѣ Альдону!...»

— «Сказки!» весьма простодушно отвѣчала Бирута, взяла Альдону за руку, увлекла за собой и опять по тому же корридору, съ тою же дѣтскою рѣзвостью побѣжали вайделотки съ новой сестрицей... Гинтовтъ бросился за ними; но Видымундъ загородилъ ему дорогу и сказалъ тихо, едва слышно: «Гинтовтъ! нельзя! Такъ хочетъ Бирута, такъ

хочетъ Праурима, а въ придачу тамъ три сорока собственныхъ ея латниковъ.»

Заскрежеталъ зубами Гинтовтъ, билъ себя въ грудь, сорвалъ священную повязку и растопталъ ногами; волоса его взъерошились; онъ ревѣлъ какъ раненый волкъ. Видымундъ былъ также въ отчаяньи, не потому, что и Гинтовтъ былъ въ отчаяньи, а потому, что, во первыхъ, охота могла не состояться, во вторыхъ, потому, что онъ могъ потерять песье диво. Но скоро лукавое, коварное чувство, на время оглушенное страстью, стало подыматься въ сердцѣ Гинтовта; отчаянье его становилось тише; предположенія и замыслы затолпились въ головѣ его, и хитрая, злобная улыбка замелькала на толстыхъ губахъ... Видымундъ приписалъ счастливую перемѣну въ Гинтовтѣ своему краснорѣчію, и выпивъ по стопѣ самаго смертельнаго меду, Видымундъ и Гинтовтъ отправились на медвѣдя, который, по донесенію ловчаго, лежалъ какъ разъ на полпути до Мемеля.—Вергунисъ тоже хотѣлъ ѣхать на охоту, но непредвидѣнное распоряженіе Гинтовта тому воспрепятствовало. Онъ получилъ кривулю и наказъ, который заставилъ его тотчасъ пуститься въ путь въ ближайшіе жмудскіе городки и усадьбы... Выѣхала охота за ворота твердыни. Видымундъ удержалъ своего коня. Онъ увидѣлъ Альфа, который сидѣлъ у воротъ на камнѣ, въ глубокой думѣ и, вѣроятно, поджидалъ Альдоны. Но Видымунду пришло на мысль, что Альфъ не упуститъ воспользоваться его отсутствіемъ, какъ нибудь проберется въ прауримовской конвентъ и

ужъ по крайней мѣрѣ напугаетъ Бируту. Въ слѣдствіе столь справедливыхъ соображеній, позванъ былъ самый надежный латникъ изъ храмовой стражи и на все время отсутствія Видымунда получилъ начальство надъ всѣми входами и приказаніе не пускать Альфа въ твердыню. Но не успѣли охотники повернуть съ посада на мемельскую дорогу, какъ завизжала въ воротахъ калитка, и тотъ же самый испытанный надежный латникъ позвалъ Альфа.

— «Князь,» сказалъ онъ: «ступай! Бирута спрашивать тебя изволитъ.»

— «Что?»

Латникъ повторилъ зовъ, и Альфъ, не слыша земли подъ собою, стрѣлой добѣжалъ до праурямовскаго конвента и, вездѣ пропущенной стражей, остановился у дверей старой рыцарской трапезы. Латникъ не хотѣлъ пустить его и приказалъ сѣсть у окна и смирно ждать когда позовутъ. — Альфъ слышалъ, что за дверьми разговариваютъ, узналъ голоса — и трепетъ въ груди, и слезы въ глазахъ, и чувства какъ то онѣмѣли, и ноги стали не тверды; онъ сѣлъ. Альфъ не ошибся: то была Бирута. Она увела Альдону въ трапезную, усадила ее у окна и бесѣдовала съ нею такъ откровенно, такъ непринужденно, какъ будто вѣкъ была съ нею и знакома и дружна. Первые вопросы были очень обыкновенны; одно послѣдствіе отъ нихъ: позвали Альфа; но за то потомъ разговоръ сталъ такъ занимателенъ, исполненъ тончайшихъ оттѣнковъ разнообразныхъ чувствъ, такъ, что и передать его вполнѣ невозможно. Бирута не безъ зави-

сти глядѣла на Альдону: зачѣмъ она можетъ такъ любить Кейстута? Альдона смотрѣла на Бируту, изрѣдка, украдкою, и ревность кипѣла и захватывала дыханіе: за чѣмъ она не такъ хороша, какъ Бирута; да и не то, а зачѣмъ она сама — не Бирута...»

— «Милая сестра!» сказала наконецъ Бирута не безъ чувства, а проявленіе чувства теплаго было диковинкой въ нравѣ Бируты: «Великъ твой подвигъ! Мой — похожъ на прихотливое самолюбіе, а ты.. ты изъ любви къ нему, забываешь себя, жертвуешь всѣмъ, берешь щипцы языческія и хочешь для его счастія служить богамъ, которыхъ ты презираешь! .. Слава богамъ моимъ, слава Праурримъ! Можетъ быть, твердость, которую они во мнѣ поселили — навратить сердце Кейстута къ чудной Альдонѣ...»

— «Ой нѣтъ! Не хочу, Бирута, не хочу, теперь именно не хочу: поздно. Я прежде и не знала, что такъ люблю его; прежде я его любила, какъ всѣ дѣвушки любятъ, а теперь нѣтъ, теперь мнѣ онъ будто сынъ, будто я въ немъ души не слышу; совсѣмъ не любовь, Бирута! О! это чувство куда лучше любви. Тамъ злобы много, досады, ревности, а тутъ ровно ничего, только одна любовь. Теперь и заревнуешь, такъ стыдно станетъ... Да, да, Бирута... И прости, моя слава-красавица, вѣдь я затѣмъ же пріѣхала, зачѣмъ и этотъ Гинтовтъ пожаловалъ...»

— «Я догадывалась; иначе твоя диковинная любовь была бы не полна! Но ты довершила свой

а я окончу мой подвигъ. Послушай, милый другъ, послѣ моего отказа, если бы я позволила себя уговорить, если бы не то, что согласилась, но подала видъ, тѣнь, что, можетъ быть, я поспѣшила, что сказала противъ сердца, изъ гордости—тогда бы... тогда бы Альдона, ты первая презрѣла меня и убѣжала отсюда далече...»

— «Да неужели онъ тебѣ не нравится?...»

— «Ахъ Альдона!... Какъ тебѣ не стыдно?... Что́ я могу отвѣчать тебѣ на такой вопросъ?—И хорошо ли, другъ мой, подкапываться подъ чужое сердце?...»

— «Право безъ умысла. Я считала это невозможнымъ и мое сомнѣніе простительно. Но въ такомъ случаѣ за что же ты его не любишь?...»

— «Это та же сѣть, только съ другой стороны...»

— «О! да какая ты подозрительная! Богъ съ тобой, Бирута! Я о немъ съ тобой и говорить не стану; хотя, признаюсь, твоя раздражительность говоритъ въ пользу моихъ догадокъ.»

— «Это что еще?»

— «Такъ... Ничего... Мы заперли сердце со всѣхъ сторонъ, боимся, чтобы за слабую сторону не поймали. Охъ, любимъ, больно любимъ, да надо такъ любовь спрятать, чтобы она и во снѣ какъ нибудь не выползла...»

Бирута вспыхнула, вскочила и зажала ротъ Альдонѣ.

— «Ласкай, ласкай себя догадками» сказала Бирута, нѣсколько успокоясь и садясь на прежнее мѣсто.

— «Я уже догадалась...»

— «Ахъ, какъ это скучно!»

— «Напротивъ! Какъ намъ съ тобой будетъ весело; мы каждый день будемъ о немъ говорить съ тобой...»

— «Альдона! Я не люблю его.»

— «Неправда! Побожись, не повѣрю... И теперь все на ладъ пойдетъ; если сердце занялось, такъ это такой пожаръ, что ни чѣмъ не потушишь... И страсть свое возьметъ...»

— «Что?.. Я не люблю его и любить не буду...»

— «А будешь его женою и по доброй волѣ...»

— «Ты шутишь, Альдона.»

— «А не пойдешь по доброй волѣ, — кто можетъ за моего дикаря поручиться, — поведетъ тебя силой...»

— «А ножъ?»

— «Ножъ отымутъ, украдутъ...»

Бирута вздрогнула; но Альфъ на корридорѣ заспорилъ съ латникомъ. Прежнее холодное выраженіе пролилось по лицу Бируты; она подняла голову, опустила покрывало и сказала довольно громко; «Впустите! кто тамъ!»

Вошелъ Альфъ, и дерзкіе глаза искали Бируты; онъ весь пылалъ, дрожалъ, но неумолимое покрывало не подымалось.

— «Альфъ,» сказала Бирута, такъ сухо, такъ холодно, будто говорилъ мраморъ: «Я хотѣла тебя видѣть, чтобы сказать тебѣ, можетъ быть, непріятное слово: Альдона остается у меня, въ священномъ прибѣжищѣ. Я слышала о твоемъ похвальномъ на-

мѣреньи: ты хочешь попытаться нельзя ли выручить князя Кейстута изъ нѣмецкаго плѣна,—мы будемъ молиться и за него и за тебя...»

— «Нѣтъ!... У меня въ глазахъ потемнѣло... я не вижу устъ благозвучныхъ... я не знаю кто говоритъ... Не обманъ ли?»

— «Какъ тебѣ не стыдно!» сказала Бирута и подняла покрывало. Глаза Альфа впились въ Бируту; онъ сложилъ руки, медленно приближался къ ней, задыхался отъ упоенія; безъ словъ въ устахъ его дрожали звуки; онъ упалъ передъ Бирутой на колѣни и зарыдалъ. Альдона со слезами отвернулась отъ него. Бирута встала; покрывало опустилось, и она сказала, по своему обычаю, будто изъ-за жертвенника:

— «Альфъ! если ты меня любишь, такъ не нарушай моего спокойствія; если ты меня любишь—спѣши въ Маріенбургъ, и когда можешь, спаси князя... Ни онъ, ни ты, ни кто! — но наша бѣдная отчизна нуждается въ Кейстутѣ... Альфъ! тогда я повѣрю любви твоей, тогда...»

— «О! что тогда?...»

— «Тогда я умру спокойно...»

— «И я поставлю костеръ мой возлѣ могилы твоей!» закричалъ Альфъ... «Не оскорблю тебя, Бирута, моею любовью... но поклянись, ты не будешь... ты не сойдешь... ты... о Боже!... ты.. ни мнѣ, ни ему!...»

— «Ни кому! Я поклялась моей богинѣ, и люди надъ совѣстью моей не властны...»

— «Прости, Бирута! Мнѣ больше ничего не нужно... Прости!»

Альфъ ушелъ, какъ полуумный, размахивая руками, потупивъ голову и нашептывая невнятныя слова... Бирута бросилась въ объятія Альдоны и, какъ будто въ отвѣтъ на рыданія взволнованной сестры Альфа, въ большихъ глазахъ вайделотки сверкнули двѣ крупныя слезы.

IV.

СОВОРЪ.

Какъ ни спѣшилъ Цвиркунъ съ великимъ посольствомъ въ далекій Маріенбургъ, но путешествіе его весьма замедлилось: дурная дорога въ пущахъ Галиндіи не позволяла дряхлому старцу держать путь день и ночь; тутъ уже и подставныхъ лошадей нельзя было имѣть; да и случалось въ этихъ непроходимыхъ лѣсахъ блуждать со всѣмъ обозомъ цѣлыя сутки и не встрѣтить живой души. Воля Великаго Князя проникла въ прусскія провинціи и собрала почти всѣхъ дикарей недалеко отъ Іоганисбурга, твердыни сосѣдней къ Рейну и Растенбургу; послѣдній въ думѣ Великаго Князя рѣшенно было изгладить съ лица земли. Мазовецкіе князья воспользовались досадой Ольгерда и заключили съ его пограничными боярами наступательный союзъ противу рыцарей. Цвиркунъ, по всѣмъ этимъ поводамъ не могъ имѣть проводниковъ, и послѣ мучительныхъ переѣздовъ натянулся на огромный станъ соединенныхъ Пруссовъ, около

Гольдапа, намъ уже нѣсколько знакомаго. И полъ дня не пожертвовалъ Цвиркунъ для отдыха; чуть стало свѣтать, великое посольство отправилось въ Инстербургъ. Тамъ новая бѣда. Три командора изъ окрестныхъ городовъ, по волѣ великаго магистра, оставили свои твердыни и спѣшили въ Маріенбургъ на великое торжество.... Винрихъ Книпроде приказалъ всему ордену собраться въ Маріенбургъ, къ празднику Благовѣщенія Пресвятыя Дѣвы Маріи, какъ для торжествованія великаго дня, посвященнаго Заступницѣ и Главѣ нѣмецкаго ордена, такъ и для принесенія двадесятъ перваго благодарственнаго молебствія Богу Силъ за взятіе въ плѣнъ Кейстута. Командоръ принялъ посольство со всякою честію, но не дозволилъ ѣхать въ Маріенбургъ раньше себя.... Около недѣли собирался командоръ, забавляясь охотой и другими наслажденіями; потому что въ Маріенбургѣ ожидалъ всѣхъ рыцарей строгій постъ и мучительный порядокъ. Вскорѣ гонецъ изъ Кёнигсберга отъ великаго маршала Геннинга Шиндекопфа понудилъ всѣхъ къ скорѣйшему отъѣзду... На пути, къ командорамъ пристали еще два или три начальника конвентовъ; въ Кёнигсбергѣ, однихъ командоровъ, правительствующихъ капелановъ и начальныхъ оказалось болѣе полусотни, а съ рыцарями до четырехъ сотъ человѣкъ. Шиндекопфъ принялъ посольство со всевозможною честію; цѣлый день стрѣлялъ изъ орудій, само собою разумѣется, съ полными боевыми зарядами. Тогда еще и не воображали, что могутъ быть холостые вы-

стрѣлы; отъ этой торжественной канонады родилась и естественная иллюминація. Пьяный мортирщикъ, изъ злости на одного посадскаго хозяина, который отказалъ ему дать денегъ въ займы и въ добавокъ нескромно выразился на счетъ его багроваго носа, направилъ мортиру на то мѣсто, гдѣ, по его соображеніямъ, былъ домъ дерзновеннаго, раздробилъ черепичную крышу и учинилъ пожаръ. Тихій, почти весенній день и усердіе жителей, спасли посадъ, но продерзкій поплатился цѣлымъ своимъ домомъ. Хотя уже было начало марта, хотя строгій постъ и молитва царствовали въ обоихъ кенигсбергскихъ конвентахъ, но не менѣе того роскошь и великолѣпіе во всемъ разливались съ избыткомъ; процессіи и военныя упражненія совершенно измучили рыцарей, а еще болѣе истощили нетерпѣніе посольства. Но не было средства вырваться изъ объятій Шиндекопфа; надо было дожидаться и дождались наконецъ 10-го марта. Цѣлое войско выступило съ великимъ маршаломъ изъ Кёнигсберга и нашло почти такое же войско въ Эльбингѣ, въ гостяхъ у великаго шпитальника ордена. Этотъ сановникъ намъ знакомъ. Гейнрихъ фонъ-Брезе былъ командоромъ трехконвентной Полунги. Гейнрихъ принялъ Цвиркуна по своему, со слезами, и въ этотъ разъ не чинился, подалъ Цвиркуну и руку и сотворилъ съ нимъ братское цѣлованіе, и даже сказалъ, что еслибы онъ былъ великимъ магистромъ, то отпустилъ бы Кейстута съ поля, въ уплату за долгъ свой... Но слова такія не утѣшали Цвиркуна, потому что великій шпи-

тальникъ не великій магистръ; да сверхъ того, по церемоніалу, и въ Эльбингѣ надо было пробыть болѣе недѣли, потому что неловко было пріѣхать къ Книпроде съ такимъ множествомъ гостей, раньше Благовѣщенскаго кануна. Но за то Брезе всѣми мѣрами старался разсѣять неутѣшнаго старца и каждый день водилъ Цвиркуна по всѣмъ госпиталямъ, занимавшимъ почти половину замка. Хотя въ нихъ не оказалось ни одного больнаго, но все-таки въ нихъ было что видѣть: устройство, чистота, порядокъ... а лучше всего понравилась Цвиркуну больная ипитальная кухня. Брезе даже угощалъ боярина и все посольство въ этой кухнѣ обѣдомъ, котораго однако же ни кто не могъ ѣсть, потому, что кушанья были изготовлены съ рыбой...

24-го марта крестовые рыцари съ двумя великими сановниками ордена выступили въ походъ. Несмотря на близость разстоянія, болѣе шести часовъ продолжалась эта рыцарская процессія; весенній вечеръ во всей красѣ пылалъ за Маріенбургомъ; снѣгъ во многихъ мѣстахъ уже сползъ, и зелень пробивалась на свѣтъ Божій; по рукавъ Вислы, широкій Ногатъ еще былъ покрытъ льдомъ, продырявленнымъ весеннею погодою, грязныя дороги, уже оставленныя и небезопасныя, черными извивами переплетались и тянулись далеко и внизъ и вверхъ Ногата. Кругомъ твердыни, по ту сторону рѣки, раскинуты были палатки, для рыцарской прислуги и лошадей; у плохаго рыцаря не было десяти верховыхъ коней., несмотря на по-

слѣдній приказъ Книпроде не держать простому рыцарю болѣе нести. По сю сторону твердыни множество и каменныхъ и деревянныхъ домовъ толпились около огромнаго военнаго укрѣпленія, которое тогда оканчивалось подъ надзоромъ великаго командора и защищало широкій ловучій мостъ, соединявшій твердыню съ большимъ посадомъ или, правильнѣе сказать, городомъ. Но все очарованіе разливалось по всей этой мѣстности, отъ маріенбургскаго замка, въ своемъ родѣ превосходнаго памятника древнегерманскаго зодчества; легко бѣжала въ небеса восьмиугольная башня; строенія верхняго замка какъ-будто гнались за нею и увлекали за собой зданія средняго города. Внизу дюжія стѣны, обшитыя гранитомъ, уходили въ глубокіе рвы и тонули въ волнахъ широкихъ каналовъ, освобожденныхъ уже отъ льда. Величественъ, поразителенъ видъ маріенбургскаго замка; но онъ не понравился Цвиркуну: сердце у него ёкнуло, когда передъ глазами взбѣжала черная восьмиугольная башня. «Тамъ, тамъ!» стонало сердце и обливалось кровью. Цвиркунъ зажмурился, но раздались крики народа. Съ посада выѣхало войско не меньше того, что пришло въ гости изъ Эльбинга. Впереди на бѣломъ конѣ ѣхалъ великій магистръ Винрихъ Книпроде, по правую руку великій командоръ Бальдерсгеймъ, Варѳоломей, епископъ самландскій, орденскій цейгмейстеръ (Trappier), казначей (Treßler) и командоры изъ Торна, Кульма, Бранденбурга и другихъ городовъ. По лѣвую руку именитые гости; между ними было два графа Гогенлое, графъ

Герардъ Вирнебургъ, графъ Шпонгеймъ и другія владѣтельныя особы. За поѣздомъ великаго магистра ѣхали разныхъ разрядовъ рыцари, каждый съ своимъ войскомъ. Эта крестовая, весьма значительная рать расположилась на полѣ по обѣ стороны дороги, для принятія двухъ великихъ сановниковъ, знаменитыхъ не только важностью сана, но и личными добродѣтелями.

Какъ только Брезе завидѣлъ почетную встрѣчу, тотчасъ сказалъ Цвиркуну, что онъ долженъ остановиться съ посольствомъ и ждать пока рыцари не въѣдутъ въ твердыню. Нечего дѣлать. Литовское посольство съѣхало на поле и не безъ удивленія глядѣло на великолѣпную встрѣчу. Великій магистръ, принявъ краткіе, изустные доклады отъ великаго маршала о состояніи военномъ на границѣ, а отъ великаго шпитальника о состояніи здоровья во всемъ орденѣ, поворотилъ коня, и процессія прежнимъ порядкомъ отправилась въ городъ, и какъ только литаврщики и трубачи великаго магистра въѣхали на мостъ, ворота твердыни растворились; при колокольномъ звонѣ и далекихъ крикахъ народа орденъ вступилъ въ твердыню, а наше посольство тронулось въ дальнѣйшій путь У воротъ города, обнесеннаго высокимъ землянымъ валомъ, посольство принято было четырьмя трубачами, двумя литаврщиками, двумя ратманами, однимъ рыцаремъ и младшимъ городскимъ фохтомъ или подгородничимъ, также въ орденской одеждѣ. На вопросы Цвиркуна фохтъ и рыцарь только помахивали головами и продолжали чинно

ѣхать по большой улицѣ. Въ этой улицѣ всѣ дома были каменные, высокіе, но узкіе; окна, несмотря на раннее время, раскрыты и обвѣшаны коврами и цвѣтными тканями; у оконъ почти вездѣ толпились дамы, свѣтскіе рыцари и дворяне; во многихъ мѣстахъ раздавались звуки арфъ и флейтъ; по улицамъ также народъ переливался разноцвѣтною толпою. Во всемъ вездѣ примѣтно было особенное движеніе и веселость. Посольство выѣхало на большую площадь, расположенную полукругомъ около новаго укрѣпленія. Дома площади были и больше и красивѣе другихъ городскихъ зданій; у многихъ были нарядныя террассы, балконы, даже висячіе и внутренніе сады; вездѣ много зрителей, шумъ; у многихъ крылецъ стояли пажи въ снуркахъ и лентахъ; нарядные конюхи держали за шелковыя поводья дорогихъ коней, въ многоцѣнныхъ сѣдлахъ и чепракахъ. Словомъ, маріенбургскій посадъ больше походилъ на императорскую столицу, нежели на пригородъ главнаго монастыря нѣмецкихъ рыцарей.

Посольство остановилось на этой полукруглой площади, у небольшаго дворца странной архитектуры. Казалось, что это зданіе опрокинуто и поставлено вверхъ своимъ основаніемъ; мелкія неуклюжія колонны занимали весь низъ зданія, а на нихъ покоилась тяжкая сплошная масса съ рѣдкими, небольшими окнами, которыя больше были похожи на отдушины въ подвалахъ. За низкими колоннами показались люди; два брата служащіе и приставъ отъ генеральнаго фохта приняли посоль-

ство и проводили въ назначенные имъ покои; слуги увели лошадей и повозки также подъ эти колонны и по лѣвой галлереѣ вошли на дворъ, отъ тесноты и вечерняго времени совершенно темный; а почетные проводники, молча, кивнули другъ другу головой и разъѣхались.

Смеркалось. Въ мрачной галлереѣ дома, гдѣ остановилось посольство, давно уже, какъ маятникъ, то взадъ, то впередъ бродила тѣнь высокаго человѣка; изрѣдка, уцѣпясь за колонну, она перевѣшивалась и смотрѣла на блистательно-освѣщенныя окна небольшаго, но изящнаго домика съ террассой, который въ полукругѣ зданій стоялъ не очень далеко, и потому тѣнь должна была перевѣшиваться, чтобы взглянуть на его освѣщенныя окна. Нѣсколько разъ она выдвигалась изъ чернаго мрака своего убѣжища; напрасно. Наконецъ она увидѣла цѣль своего ожиданія, вынула платокъ и звала какую-то странную фигуру, которая тайно выползла изъ красиваго домика съ террассой, оглянулась и пустилась бѣгомъ къ опрокинутому дворцу. Тѣнь схватила фигуру за руку и потащила, какъ алчный звѣрь слабую жертву въ свое глубокое гнѣздо. И точно, это было глубокое гнѣздо Въ такой же темной и глухой галлереѣ, расположенной съ правой стороны зданія, тѣнь отыскала небольшую дверь, отперла и вошла туда вмѣстѣ съ фигурой. Заперевъ двери засовомъ, тѣнь въ темнотѣ нашла фонарь, отвернула его и освѣтила небольшія сѣни; въ глубинѣ шла лѣстница и упиралась въ глухой потолокъ, а внизъ она

вела въ подвальные покои, куда тѣнь и фигура немедленно и отправились. При свѣтѣ фонаря можно было замѣтить, что тѣнь была не тѣнь, а высокій старикъ въ черномъ плащѣ и въ круглой шляпѣ безъ перьевъ; на груди у него сіялъ золотой крестъ, украшенный драгоцѣнными камнями; золотая пряга также блистала алмазами и финифтью; пряжка на шляпѣ, пряжки на башмакахъ и пуговицы на кафтанахъ — вездѣ, гдѣ было можно, играли камни и золото. Совершенную противуположность старику представляла фигура молодаго человѣка: красивая голова его была въ грубой шапкѣ; ловкій станъ въ толстой суконной куртцѣ; на груди цѣлая рѣшетка изъ пестрыхъ гарусныхъ снурковъ и кутасовъ; лосинные исподни, огромные ботфорты съ длинными стальными шпорами и короткая плеть оканчивали незавидный костюмъ его. Старикъ и молодой человѣкъ сошли въ небольшую комнату, гдѣ, на богатомъ черномъ мраморномъ столѣ, горѣла цѣлая дюжина восковыхъ свѣчъ. Этотъ столъ былъ въ срединѣ; кругомъ, около стѣнъ, въ красивыхъ шкафахъ, чинно лежало множество бумажныхъ свитковъ. У стола и у камина стояли кресла. Старикъ, какъ только вошелъ и заперъ двери, тотчасъ бросился къ камину, зажегъ сухія щепки и сѣлъ въ кресла.

— «Ну, Альфъ!» сказалъ старикъ: «слава Богу, дождались! Насилу пріѣхалъ. Я думалъ, что его гдѣ-нибудь медвѣди задержали... Но сегодня мы не пойдемъ къ нему, пусть отдохнетъ... Чего добраго: еще перепугается, надѣлаетъ шуму...

Богъ съ нимъ! Пусть спитъ!.. Ну, а какова идутъ дѣла твои?..»

— «Какъ нельзя лучше, баронъ, какъ нельзя лучше! Вотъ ужъ третья недѣля пошла, какъ я въ Маріенбургѣ... Добрая баронесса Гертруда, кажется, полюбила меня; по твоему совѣту, довѣряла мнѣ лошадей своихъ. Были мы съ нею и на соколиной охотѣ, и молодая баронесса училась кречета держать; а вчера Гертруда говоритъ мнѣ: Готлибъ, надо мнѣ въ комнаты довѣреннаго слугу: есть у меня не одно дѣло, которое требуетъ тайны...»

— «Ну, ужъ, конечно, только одно, но это одно стоитъ многихъ! Ты не знаешь, Альфъ, кто Гертруда; а надо знать, чтобы ненарокомъ не обмолвиться. Есть у насъ подъ Куявской землей небольшой удѣлъ. Хозяинъ умеръ, а опекуномъ женѣ и дочери, великаго магистра назначилъ; жену магистръ схоронилъ, землю къ ордену приписалъ, а отъ той дочери Гертруды родилась другая дочь, Матильда. Кажется, такого дѣла и не утаишь, а никто, кромѣ насъ двухъ, объ этомъ и не знаетъ. Не напиши Книпроде стиховъ къ своей дочери Матильдѣ, не забудь онъ ихъ между бумагами, не отдай мнѣ ихъ въ приказъ, — и я ничего бы не зналъ... Ну, такъ ты въ комнатные?»

— «Охъ, баронъ, въ комнатные мнѣ крѣпко не хочется!»

— «А почему?»

— «А потому, что я за Гертрудой не простую ко мнѣ любовь замѣчаю. А я того хуже; пойду

на посылки. Надо будетъ на замкѣ бывать, а тамъ есть знакомые...»

— «Кто?»

— «Да мало ли! Великой шпитальникъ Гейнрихъ фонъ-Брезе, Кранихфельдъ, да еще могутъ случиться... Впрочемъ, я только этихъ двухъ боюсь...»

Князь Юрій Романычъ, котораго вы, безъ сомнѣнія, узнали въ таинственномъ баронѣ, подумалъ и отвѣчалъ:

— «Ну, хорошо, я это улажу. Брезе послѣзавтра отправится въ Эльбингъ, а Кранихфельда я пошлю въ Римъ.»

— «Въ Римъ?»

— «Да, въ Римъ; а ты ступай въ комнатные. На Цвиркуна у меня мало надежды. Я сдѣлалъ, что могъ: помѣстилъ его въ моемъ домѣ, гдѣ могу съ нимъ видѣться во всякое время, безъ малѣйшей опасности. Къ Кейстуту приставилъ самыхъ плохихъ рыцарей, потому что оба старше меня; поселилъ въ головѣ Кинпроде дурацкую мысль!..»

Князь улыбнулся и продолжалъ:

— «Какъ тебѣ понравится, Альфъ, хороша выдумка: женить Кейстута на Матильдѣ... а?..»

— «Баронъ! что ты надѣлалъ?.. А если онъ въ самомъ дѣлѣ полюбитъ Матильду, женится.»

Князь сжалъ губы, прищурился, тряхнулъ головой и продолжалъ:

— «Никогда! А между-тѣмъ женихъ, не то что плѣнникъ, возжи ослабятъ, захотятъ ихъ свести,

познакомить, ты тамъ, я здѣсь на сторожѣ: не промахнемся... Господи благослови!.. Ступай, ступай въ комнатные; да и пора тебѣ, Альфъ, неравно спросятъ...»

— «Куда? Тамъ всѣ четыре графа сидятъ, да въ запуски передъ Матильдой ломаются, а она только на одного смотритъ...»

— «На котораго?»

— «На графа Герарда...»

— «Видно, что Матильда въ молодцахъ толкъ разумѣетъ. И знаешь ли, Альфъ, если тебя Гертруда зачѣмъ ни есть на замокъ пошлетъ, ты прямо такъ и скажи Книпроде: Государь! Матильда хочетъ замужъ за Герарда, я не смѣлъ тебѣ не сказать объ этомъ: ты здѣсь хозяинъ. А главное, Альфъ, говори съ Книпроде какъ можно проще; пастушкомъ, овечкой, если умѣешь. Онъ это любитъ; — это прямая дорога къ его доброму сердцу. Онъ на тебя нѣмецкіе стихи напишетъ и велитъ вырѣзать гдѣ-нибудь въ корридорѣ золотыми буквами; скажетъ: мнѣ эти стихи прислали изъ Кипра. И то случается... Такъ помни, Альфъ!.. Не плошай!.. До завтра. Надо и съ Цвиркуномъ тебѣ увидѣться и работать сообща. Прощай!»

Баронъ задулъ свѣчки, проводилъ Альфа съ фонаремъ; отворяя дверь въ галерею, задулъ и фонарь, и фигура отправилась къ дому съ террассой, а тѣнь прокралась мимо трехъ, или четырехъ домовъ полукруга, и пропала въ домѣ генеральнаго фохта.

Встало солнце. Съ маріенбургской восьмиуголь-

ней башни загудѣлъ праздничный колоколъ, и гулъ его далеко разостлался по всей окрестности. Со всѣхъ сторонъ на добрыхъ коняхъ, пѣшкомъ и въ носилкахъ стремились люди къ мосту; женщины провожали многихъ до мостоваго укрѣпленія и съ берегу нетерпѣливо глядѣли на галлерею съ остроконечными сводами, по которой долженъ былъ идти въ церковь великій магистръ, со всѣмъ орденомъ и гостьми. Любопытные болѣе и болѣе прибывали изъ внутреннихъ частей города. На терасу изящнаго домика вышла баронесса Гертруда, Матильда и Альфъ, въ новомъ костюмѣ: на немъ былъ алый шелковый камзолъ, зеленый бархатный кафтанъ, шитый шелками, одинъ чулокъ алый, другой зеленый; шляпа подъ мышкой. Гертруда не безъ тайнаго удовольствія поглядывала на него, но за то Матильда не обращала никакого вниманія. Грустная, разсѣянная, она глазами кого-то искала въ толпѣ, но примѣтно не находила и безпокойство удвояло красоту одушевленнаго ея лица.

— «Этотъ плѣнникъ,» сказала Гертруда: «весьма меня занимаетъ. Вотъ уже двадцать-первый Te Deum! Видно, эта добыча слишкомъ великой важности.»

— «Я увѣренъ,» сказалъ Альфъ: «что многіе рыцари безъ шутокъ боятся, чтобы литовскому льву не пришло на умъ разсердиться и свалить съ себя эту восьмиугольную башню.»

— «Да какъ ты знаешь, что онъ именно въ этой башнѣ?»

— «Проврался, надо поправиться!» подумалъ

Альфъ, и отвѣчалъ очень покойно: «Да это развѣ тайна, баронесса? Мнѣ сказывалъ незнакомый конюхъ на охотѣ, что онъ это слышалъ отъ комнатнаго его свѣтлости!»

— «Э, Киріанъ, такъ ты сталъ болтать...» сказала Гертруда: «Постой же! Что, Матильда, на кого ты это такъ пристально смотришь?»

— «А вотъ, матушка, взгляни на эти нарядные носилки, что мимо насъ несутъ. Какія перья по угламъ, носильщики въ красномъ; а какой старикъ тамъ сидитъ!..»

— «Неужели ты не узнала, Матильда? Да это генеральный фохтъ здѣшній, другъ великаго магистра и нашъ, баронъ Кристофъ.»

— «Баронъ Кристофъ!» и обѣ стали махать ему платкомъ; но баронъ будто не видѣлъ ихъ, и носилки повернули на мостъ... Не прошло и десяти минутъ; снова загудѣлъ колоколъ и на галлереѣ показались пажи и знаменоносцы; за ними попарно прошли девяносто восемь братьевъ-рыбарей, предшествуя брату казначею; шестьдесятъ пять братьевъ при погребахъ и сорокъ при кухнѣ, за ними цейгмейстеръ; передъ великимъ шпитальникомъ шло шестьдесятъ семь братій, ходящихъ за больными, и восемьдесятъ шпитальниковъ; за ними тридцать пять начальниковъ конвентовъ, сорокъ шесть домовыхъ командоровъ, двадцать восемь полныхъ командоровъ; великій маршалъ по лѣвую, а по правую великій командоръ; опять пажи, потомъ, въ полномъ облаченіи, прелаты, каноники и наконецъ великій магистръ съ двумя епископами. Ко-

локолъ загудѣлъ пуще; въ крѣпости и по всему противоположному берегу Ногата раздались радостные клики. За магистромъ больше получаса тянулся бѣлый рядъ рыцарей; за ними уже служащая братія несла на бархатныхъ носилкахъ трофей, составленный изъ доспѣховъ Кейстута. Новый восторгъ народа: громовые крики. Но процессія не кончилась: сто шестьдесятъ два брата при хорѣ прошли по галлереѣ, и тогда уже появился баронъ Кристофъ, генаральный фохтъ маріенбургскаго посада, окруженный восемнадцатью провинціальными фохтами и множествомъ пріѣзжихъ графовъ, бароновъ и свѣтскихъ рыцарей. Изъ этого исчисленія можно замѣтить, что почти весь орденъ въ этотъ день былъ въ сборѣ; во ста городахъ нѣмецкаго ордена осталось только необходимое число рыцарей для защиты отъ нападенія непріятельскаго, чего нельзя было ожидать по раннему весеннему времени. Опасно было бы пускаться въ походъ, когда снѣга сливались въ рѣки и озера и производили повсемѣстные разливы, весьма значительные въ топкой, многоводной Пруссіи. Не смотря на обширность главной церкви, орденъ не могъ весь помѣститься въ ея стѣнахъ: нѣкоторыя младшія отдѣленія процессіи переходили по церемоніалу въ ближайшіе притворы, при всемъ томъ въ главной церкви было весьма тѣсно. Генеральный фохтъ и почетнѣйшіе гости стояли поблизости главныхъ чиновъ ордена, возлѣ колоссальнаго изваянія Божія Матери со Христомъ-Младенцемъ. (*) Ниша, въ

*) Фигура Богородицы 26 фут. Фигура Христа 6 фут.

которой помѣщалось это рельефное изображеніе Богородицы, вся украшена была блестящей мозаикой; платье на Дѣвѣ Маріи было золотое; широкая епанча, яркаго краснаго цвѣта съ золотыми птичками и цвѣтами, не смотря на огромность изваянія, была драпирована художникомъ весьма искусно. — Богослуженіе продолжалось болѣе двухъ часовъ, но тишина и молчаніе не прерывались малѣйшимъ шепотомъ. Всѣ слушали литургію, стоя; одному только генеральному фохту поднесенъ былъ стулъ, ради великой его старости, и когда онъ садился, прислужникъ объявилъ ему волю Книпроде, чтобы передъ соборомъ генеральный фохтъ зашелъ къ великому магистру для совѣта. Генеральный фохтъ кивнулъ головой и улыбнулся... Послѣ молебствія, орденъ тѣмъ же порядкомъ воротился въ большую рыцарскую залу, гдѣ великій магистръ, отпустивъ всѣхъ, непринадлежавшихъ къ верховному рыцарскому совѣту, ушелъ отдохнуть во внутреннія покои. Въ кельѣ великаго магистра, Кипріанъ уже кланялся барону Кристофу и жаловался, что давно его не видѣлъ; вошелъ Книпроде и приказалъ Кипріану выйдти:

— «Что ты смотришь на него такъ сомнительно?» спросилъ великій магистръ барона, когда Кипріанъ уже вышелъ: «Кажется на него можно положиться: мы съ нимъ выросли вмѣстѣ.»

— «То-то и бѣда, Виприхъ! Отъ привычки теряется уваженіе...»

— «Полно, полно, Кристофъ, ты такъ привыкъ къ подозрѣніямъ, что, я думаю, и мнѣ не вѣришь...»

— «Не совсѣмъ!»

— «Какъ не совсѣмъ!»

— «Въ тебѣ много свѣтскаго, суетливаго. Прилично ли тебѣ, великому магистру, безпрестанно заботиться о красотѣ дома твоего: куда ни пойдешь, вездѣ золото; карнизы, стѣны, потолоки, какъ у нечестивыхъ Мавровъ испанскихъ, облѣплены украшеніями; вездѣ надписи, вездѣ мусія, вездѣ помосты хитрые, затѣйливыя лѣстницы; ты сталъ слабъ и снисходителенъ къ братьямъ, а въ особенности къ старшимъ чинамъ. Какъ это можно было позволить рыцарю на походѣ держать шесть лошадей, а командору сто?!. Такъ приходится великому командору держать тысячу, а тебѣ мильонъ! Разъ уступилъ, пойдутъ теперь безчисленныя, безконечныя требованія; и ты уступишь, ты сталъ слабъ...»

— «Ну, Кристофъ, раскричался! Я хочу, чтобы меня любили...»

— «Не въ наши лѣта, Виприхъ, не въ наши лѣта. — Я уже никого не люблю.»

— «Потому, что ты крѣпко постарше меня.»

— «Положимъ! Ищи себѣ этой неблагодарной любви; но зачѣмъ ты небрежешь дѣлами, зачѣмъ до сихъ поръ не послалъ ты посольства къ святѣйшему отцу...»

— «Кого послать? Могутъ обидѣться, потому что всѣ этой чести ищутъ!»

— «Не чести, а свободы, случая повольничать; а кого послать? Само дѣло говоритъ кого послать: того, кто подвиръ одѣлалъ.»

— «Кранихфельда! Превосходная мысль! Сегодня же на Соборъ ..»

— «Нѣтъ, Виприхъ не ручайся! Не устоишь противу Бальдерсгейма и Шиддекопфа! Они тебя переговорятъ и уговорятъ...»

— «Полно, полно Кристофъ! Кажется, сколько лѣтъ мы друзьями, а ты меня не знаешь. Но все это пустыя, посторонніе дѣла; я тебя не за тѣмъ позвалъ. Что, не узналъ ли ты, въ чемъ заключается посольство великаго конюшаго? Какое *слово, послѣднее* сказалъ мой славный сосѣдъ? Какія намъ должно назначить условія, которыхъ бы не принялъ Ольгердъ? Потому что ты знаешь, какія у меня на счетъ Кейстута намѣренія»

— «Ольгердъ за Кейстута предлагаетъ Жмудь по Дубиссу; но это еще не послѣднее слово; уступитъ весь удѣлъ. Говори: У насъ князь, отдайте намъ и его владѣнія! А иначе не стоило служить тридцать молебновъ; радоваться, что двѣ сажени земли за плинника оттягали; а про твои намѣренія ты знаешь мои мысли. Суетливость, любовь къ блеску, къ подвигамъ неожидаемымъ... И, полно, хорошо ли мѣшаться въ сердечныя дѣла дѣвушки, совершенно тебѣ чуждой, которую ты видѣлъ мимоѣздомъ на террасѣ...»

— «Правда,» сказалъ Книпроде: «Но я опекунъ Матильды, по волѣ ея дѣда. Надо ее пристроить...»

— «Зачѣмъ же ты не пристроилъ Гертруды? Молодоя вдова, ей и теперь не съ большимъ тридцать лѣтъ; а какъ давно она вдовствуетъ!»

Книпроде былъ совершенно смущенъ неожидан-

нымъ оборотомъ разговора. Неумолимый баронъ продолжалъ:

— «Не знаю, кто внушилъ тебѣ странную затѣю женить Кейстута, но увѣренъ, что Матильда не понравится плѣннику...»

— «Матильда!» воскликнулъ Книпроде съ удивленіемъ.

— «Небольшая она красавица...»

— «Кто, Матильда не красавица? Старикъ, въ тебѣ замерзла кровь, глаза прислѣпли...»

— «Нѣтъ, Виприхъ, ты ее не видалъ; а я, какъ сподручникъ твой по дѣламъ гражданской управы, воспиталъ Матильду, люблю ее какъ дочь, и завѣщалъ ей мои богатства.»

— «Христофъ, Христофъ!» почти со слезами, сказалъ Виприхъ: «Богъ наградитъ тебя!.. Я не могу, я не смѣю для нея ничего сдѣлать... Ты, Христофъ, заступилъ ей отца! Отъ чего же ты противишься ея счастію?!.»

— «Плохо ты меня понялъ, Виприхъ. Какъ не желать мнѣ подобнаго союза? Но возможно ли надѣяться? Скажи самъ, неужели ты думаешь тягостью плѣна принудить Кейстута къ сватовству. Не знаешь ты и Кейстута. Надо бы ихъ познакомить; но какъ это сдѣлать? Что скажутъ твои чины, которыхъ ты, какъ нарочно, сюда созвалъ... Разошли ихъ, потомъ придумаемъ...

— «Придумаемъ, другъ, придумаемъ! Но какъ бы мнѣ хотѣлось прежде узнать на этотъ счетъ мысли Гертруды...»

— «Слушай, Виприхъ! Сегодня подъ вечеръ я

приведу къ тебѣ гонца отъ Кесаря! Онъ совершенно твоего роста; никто не удивится, не въ первый разъ мнѣ приводить къ тебѣ гонцевъ... Уведу отъ тебя тебя самого, а гонецъ мой просидитъ запершись въ твоей кельѣ... Потомъ приведу къ тебѣ жука, будто для наказа, и уйду съ гонцемъ моимъ въ новомъ платьи, а ты останешься...»

— «А если Великій Командоръ, или Шиндекопфъ!»

— «На то люди! На то Кипріянъ! Нельзя! Послы... государственная тайна...»

— «Но гонецъ твой?»

— «О, на этого гонца можешь все одно что на меня положиться. Онъ любимый слуга Гертруды, онъ стражъ, приставленный смотрѣть за Матильдой: онъ жукъ мой изъ перекрещенныхъ Литвиновъ, овечка сердцемъ, лисица умомъ... И такъ Винрихъ...»

— «Не знаю... право не знаю... Давно я не видалъ ихъ... всегда издали!.. И этотъ соборъ и это посольство... Я думаю, они сердятся...»

— «Пусть обождутъ. Первый еще урокъ. Пускай привыкаютъ думать, что добродѣтельный Винрихъ Книпроде—строгій глава ордена! И такъ...»

— «Приходи ввечеру... посмотримъ... Пора на соборъ...» и Винрихъ ушелъ.

Соборъ открылся блистательною рѣчью великаго магистра, гдѣ Винрихъ Книпроде обнаружилъ великія ораторскія способности и оправдалъ славу хорошаго ученаго. Главнымъ предметомъ было принятіе великаго литовскаго и русскаго посольства. Гейнрихъ фонъ Врезе ужаснулся, когда услы-

налъ предложенія Книпроде, на которыхъ онъ соглашался выдать Кейстута. Мысль его однако же понравилась другимъ сановникамъ и утверждена Соборомъ. Послали за Цвиркуномъ; а между тѣмъ одобрили и положили отправить къ папѣ Краних-фельда, какъ рыцаря, взявшаго въ плѣнъ Кейстута, Ганке эккерсберскаго, потому что онъ сшибъ князя съ лошади, и Альбрехта, графа саксонскаго, нѣмецкаго рыцаря, участвовавшаго въ походѣ. Затѣмъ соборъ слушалъ донесеніе двухъ ветхихъ лѣтами рыцарей, приставленныхъ къ Кейстуту. Одинъ изъ нихъ, Лука фонъ Тримеръ, подробно описывалъ, что́ король Кейстутъ дѣлаетъ въ темницѣ: бо́льшею частію спитъ, а когда проснется, то говоритъ, что ему очень скучно въ такой клѣткѣ, что если бы при немъ былъ хотя кто нибудь изъ своихъ, онъ бы и не безпокоился о своемъ положеніи, совершенно полагаясь на брата Ольгерда и поганыхъ своихъ боговъ; но теперь ему и поговорить не съ кѣмъ, и почитать нечего. Рыцари ему и говорятъ: отъ чего же ты не читаешь? Мало ли принесли тебѣ книгъ, писанныхъ лучшими писцами барона Кристофа? Зачѣмъ ты не бесѣдуешь съ нами? — И ваша бесѣда и ваши книги не по мнѣ. Мнѣ нужно Литвина, который бы зналъ мой край и мой языкъ; а съ вами о любви говорить не приходится. Книпроде нахмурился, прочіе также приняли строгое выраженіе, полагая, что Виприха оскорбило слово: любовь... Герольды отворили обѣ половинки дверей и воскликнули въ одинъ голосъ:

— «Графъ фонъ Цвейеркундъ, великій посолъ короля литовскаго и русскаго!»

Младшіе чины всѣ встали. Вошелъ Цвиркунъ, одинъ, поклонился съ важностью и подалъ двумъ рыцарямъ грамоту великокняжескую. Рыцари, преклонивъ колѣна, подали ее великому магистру. Книпроде передалъ ее великому командору. Бальдерсгеймъ всталъ и прочелъ грамоту вслухъ. Она была написана на дурномъ латинскомъ языкѣ съ русскимъ переводомъ въ противень и заключала просьбу Великаго Князя: вѣрить всему, что скажетъ Цвиркунъ и считать слова его, какъ слова самого Ольгерда.

— «Вѣримъ и слушаемъ!» сказалъ Книпроде.

Тогда Цвиркунъ, поклонясь, сталъ говорить на томъ же дурномъ латинскомъ языкѣ:

— «Свѣтлѣйшій господинъ магистръ и великіе чины ордена! Поздравляю васъ съ праздникомъ!.»

Всѣ улыбнулись, но отвѣчали ему легкими поклонами.

— «Удалось вамъ,» продолжалъ посолъ: «а ужъ какъ, только Богу извѣстно, на охотѣ, предательски захватить раненнаго Кейстута. Нечего дѣлать. То гнѣвъ и воля Божія! Удалось. Но ни Ольгердъ, ни я, ни другіе бояре и люди думные и умные не полагаютъ, чтобы вы имѣли намѣреніе удерживать князя въ Маріенбургѣ, если вамъ предложатъ честной выкупъ. Что хотите за Кейстута, не постоимъ.»

Латынь Цвиркунова ни мало не удивляла рыцарей, хотя онъ переводилъ русскія свои мысли слиш-

комъ буквально, напримѣръ: viri dumosi et spirituosi, означало: „люди думные и умные"; не удивляла потому, что и сами они говорили не лучше; но имъ полюбилась простота и искренность, съ какими изъяснялся бояринъ; и великій командоръ, поклонясь магистру, отвѣчалъ Цвиркуну:

Magnus Bojarus et Comes Magni Regis Lituaniae Russiaeque! (Будемъ продолжать въ переводѣ) На краткое слово твое краткій отвѣтъ: пусть уступитъ Ольгердъ весь удѣлъ Кейстута, а ему дастъ другой на Руси! Тогда христіанскія царства сольются и будетъ вѣчный миръ, а споры церковные да рѣшатъ епископы...»

Цвиркунъ почесался въ затылкѣ, не выдержалъ и тихо про себя сказалъ по-русски: «Заломали! Чтобъ имъ добра не было! Вотъ жадные! Если бы удалось имъ ноймать Ольгерда, не я буду, запросили бы Москву и Рязань... Что я имъ скажу? Плюну я лучше, да и пойду себѣ. Эге, а Кейстутъ останется? Попытаюсь торговаться.... Bene!» сказалъ Цвиркунъ громко, «А если вамъ, чего просите, не дадутъ? Вотъ если бы вы запросили городъ, два, — hoc fuerit sic sibi, т. е. это было бы такъ себѣ, ни дорого, не дешево, а то цѣлое королевство. — Возьмите городъ!»

Опять всѣ улыбнулись. Великій магистръ всталъ и сказалъ съ важностью:

— «А ты, графъ и бояринъ, подумай, если хочешь, пошли къ королю своему гонца и дай намъ отвѣтъ — до Свѣтлаго Христова Воскресенія!»

— «Что я, птица, что ли?» воскликнулъ Цвир-

кунъ по-русски и тотчасъ же перевелъ на латинскій языкъ, по своему: «На крыльяхъ не слетаешь. Сегодня Благовѣщенье.»

— «Конечно!» замѣтилъ Брезе: «Дайте срокъ до Вознесенія: лучшая пора и для мира и для похода...»

— «До Вознесенія!» воскликнули всѣ чины, не ожидая, что скажетъ великій магистръ; но и онъ повторилъ: «До Вознесенія!» и Соборъ отправился въ глубокомъ молчаніи въ большую трапезу.

— «Будетъ вамъ до Вознесенія!» сказалъ Цвиркунъ съ досадой въ слѣдъ уходящимъ: «Бѣлые павлины; давно били; удалось, измѣной, на охотѣ въ расплохъ, изъ-за угла.... а гляди какъ уже спѣсь отросла... Вотъ только свисну, такъ сто тысячъ полюются на золотую вашу трущобу. И гляди! Какъ чужимъ золотомъ хоромы разукрасили! — Печки топить не надо, такъ горитъ, что жарко. А откуда доходы? Съ грабежа! — Тфу ты хитрость латинская! Далъ же Богъ въ наказаніе такихъ сосѣдей: снизу Татаре, сверху Нѣмцы! — Не хочу! Что съ ними, не столкуешься. — И говорятъ, будто утопленники какіе, про себя слова два промурлыкаютъ, — вотъ тебѣ тутъ и вся ихъ мудрость... Раскусывай! Нѣтъ, не хочу! Вотъ такъ самому себя побить хочется, зачѣмъ повхалъ! Тутъ ясно. Надо прежде спѣсь съ носа сбить, а потомъ съ ними толковать.... А теперь, Цвиркунъ, — не они, а ты въ дуракахъ!.. Нечего дѣлать, Цвиркунъ, поворачивай оглобли!..»

ЧАСТЬ ОСЬМАЯ.

ПЛѢНЪ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ДОМИКЪ СЪ ТЕРРАСОЙ И ОПРОКИНУТЫЙ ДВОРЕЦЪ.

По всему маріенбургскому замку горѣли огни во всѣхъ окнахъ. Великій Магистръ разрѣшилъ на этотъ разъ всѣ классы рыцарей на бесѣду. Во всѣхъ залахъ разносили въ небольшихъ серебряныхъ и даже золотыхъ стопахъ вино и закуски; рыцари поспѣшили воспользоваться разрѣшеніемъ и старались одинъ передъ другимъ наговориться. Одинъ только великій щитальникъ не прикасался къ стопѣ, и продолжалъ молчать по обѣту. Онъ отвѣчалъ только на вопросы или дѣлалъ ихъ самъ, но всегда вслѣдствіе заботливости о пользахъ ордена и всегда въ самыхъ краткихъ словахъ. Какъ въ Подунгѣ, онъ дивился жаждѣ и алчности братій, такъ здѣсь ихъ радости, что можно свободно пустословить; но всѣхъ болѣе удивлялъ его самъ Книпроде, который старался предъ пріѣзжими гостями, и особенно передъ двумя епископами, блеснуть ученостію и краснорѣчіемъ. Къ большему соблазну Брезе, онъ сталъ защищать необходимость заведе-

нія, въ Кульмѣ, или въ Бранденбургѣ, высшаго училища для свѣтскихъ людей. Шиндекопфъ рѣшительно оспоривалъ мнѣніе магистра, а Бальдерсгеймъ согласился, но съ тѣмъ, чтобы тамъ обучать новому военному крѣпостному и осадному ремеслу, съ которымъ онъ самъ недавно имѣлъ случай познакомиться въ Баваріи и принести плоды новаго искуства къ услугамъ ордена. Вино болѣе и болѣе одушевляло бесѣду, но ударилъ колоколъ, пробилъ урочный часъ, и Книпроде сдалъ гостей и начальство великому командору и великому маршалу, а самъ ушелъ во внутреннія покои, по случаю прибытія гонцевъ и по другимъ важнымъ государственнымъ причинамъ... Баронъ Кристофъ и гонецъ давно уже ожидали Винриха въ кельѣ. Кипріанъ получилъ строгій наказъ и ушелъ на свое мѣсто; черезъ нѣсколько минутъ баронъ съ гонцемъ ушли изъ завѣтной кельи; кто-то заперъ ее извнутри — и все утихло... На мосту уже Винрихъ спросилъ шепотомъ у генеральнаго фохта: «Другъ! она ничего не знаетъ?»

— «Винрихъ! Ты напрасно передо мной таишся...» и Кристофъ прочелъ ему наизустъ роковые стихи. Винрихъ остолбенѣлъ и не могъ идти дальше, а Кристофъ продолжалъ: «Молчи, Винрихъ, не признавайся, я не хочу тебя слушать... Сохрани обѣтъ свой! Всякому позволено догадываться, но ты чистъ, ты исполнилъ слово, данное покойному Дуссмеру *), который открылъ твою связь съ Гер-

*) Великій магистръ.

трудой, и любя не тебя, а твои великія достоинства, не предалъ тебя верховному суду.—Винрихъ, ты не разговаривалъ съ Гертрудой семь лѣтъ: довольно этого ужаснаго раскаянія. Теперь ты идешь не на любовное свиданіе... нѣтъ!... идетъ отецъ къ дочери, чтобы устроить ея судьбу. Винрихъ! Винрихъ!... я завидую тебѣ... сыновей моихъ извела поганая Литва!»

— «Да, помню, ты мнѣ разсказывалъ!» глухимъ голосомъ сказалъ Винрихъ: «Но ты зналъ тайну... и хранилъ...»

— «До нужнаго случая...»

— «И этотъ случай...»

— «Представился!... Винрихъ, я могу умереть неожиданно: я уже потерялъ счетъ лѣтамъ; но Матильда мнѣ замѣнила всю семью; я хочу видѣть начало ея жизни...»

— «Кристофъ, дай руку! На жизнь и смерть!... Но, Бога ты не боишься, Кристофъ, какъ тебѣ могло на умъ придти приставить къ Матильдѣ въ полномъ смыслѣ красавца; она могла...»

— «Что? Дочь Винриха могла полюбить литовскаго раба... Не удивительно, ты не знаешь своей дочери...»

— «Но молодость, глазъ не завяжешь... да и сама Гертруда... Какъ хочешь, а его я оставлю у себя... Постой, еще лучше, и тамъ онъ мнѣ гораздо нужнѣе... Что это, Кристофъ, ты видишь?»

— «Я думалъ,» сказалъ Кристофъ взглянувъ на окно домика съ террасой, къ которому они уже по-

дошли весьма близко: «Я думалъ, что ты пригласилъ всѣхъ иностранныхъ гостей на пиръ.»

— «Тамъ и теперь всѣ; не доставало только одного графа Герарда...»

— «Это именно онъ и есть!» сказалъ Кристофъ, всматриваясь въ окно, гдѣ сидѣли двѣ тѣни и о чемъ-то весьма любовно разговаривали: «Готлибъ правъ. Вчера еще онъ донесъ мнѣ объ этомъ графѣ, но пріемъ посольства, соборъ, то, другое... Слава Богу, что еще не опоздали; въ два дни трудно влюбиться... Но, Винрихъ, останавливаться намъ нечего. Повремени здѣсь у террасы; я тебя кликну громкимъ смѣхомъ, тогда ступай смѣло наверхъ: лишняго не будетъ!»

Кристофъ отправился на террасу. Гертруда сидѣла также у окна, но въ другой темной комнатѣ; она глядѣла на освѣщенныя окна верхняго замка и мечтала, что дѣлаетъ Винрихъ, какъ онъ теперь бесѣдуетъ о дѣлахъ Европы. Ему и на умъ не приходитъ, что несчастная, безмужняя вдовица какъ будто слушаетъ его медовыя рѣчи, упивается его величіемъ, проклинаетъ великій санъ да изрѣдка, краснѣя, задумывается о другомъ... а Матильда безмолвно слушаетъ точно такія же рѣчи, какія нѣкогда такъ изящно, такъ обильно лились изъ краснорѣчивыхъ устъ мужественнаго Винриха... Давно... давно... а все такъ свѣжо въ страстной душѣ, какъ будто все это случилось не дальше какъ вчера.

— «Перестаньте, графъ,» тихо шептала Матильда: «перестаньте! Я не знаю, но мнѣ кажется, что

не бываетъ нашему счастію. Судьба моей матери загадка. Нашъ добрый опекунъ Христофъ намекалъ недавно, что орденъ имѣетъ на меня виды. Эти неумолимые законники не будутъ совѣтоваться съ моимъ сердцемъ. Вся надежда на Христофа; но онъ за меня не захочетъ ссориться съ цѣлымъ орденомъ.»

— «Какъ хотите, Матильда! Завтра я буду просить Магистра.»

— «О! не такъ скоро, молю васъ, не спѣшите! Я знаю, я помню его, хотя мнѣ было тогда лѣтъ десять, не больше. О, какъ онъ былъ мраченъ и суровъ; онъ былъ у насъ по дѣламъ. Правда, онъ поцѣловалъ меня и заплакалъ.»

— «Винрихъ Книпроде? И онъ смѣлъ, и люди видѣли?»

— «Кромѣ Гертруды, никто и не зналъ, что онъ въ нашемъ домѣ... И до сей поры, кромѣ васъ, графъ, никто объ этомъ не знаетъ... Надѣюсь...»

— «Можете ли вы сомнѣваться?.. И не правда ли, Винрихъ дорогъ вамъ?...»

— «Графъ! Не знаю, привычка ли, слова ли матери, санъ Винриха, слава, добродѣтели... не знаю, говорю вамъ, но я готова умереть за Винриха!»

— «Счастливый старикъ! Онъ достоинъ своего счастія. И если судьба откажетъ мнѣ въ блаженствѣ, Матильда, клянусь вамъ, я приму одежду нѣмецкаго рыцаря изъ рукъ Винриха и буду искать его счастія...»

Смолкли, и графъ и Матильда грустно задума-

лись. Шорохъ на террасѣ разбудилъ ихъ: они вскочили и разбѣжались; Гертруда также очнулась и вышла въ гостиную, гдѣ Матильда уже сидѣла за арфой, а графъ Герардъ наигрывалъ флейту, собираясь вторить Матильдѣ. Собственный миннестреель графа сложилъ пѣсню; самъ графъ научилъ Матильду пѣть ее, а миннестреель показалъ какъ надо играть подъ эту пѣсню на арфѣ; какъ будто условясь, и Матильда и графъ заиграли вмѣстѣ; но воинелъ Кристофъ — и дуэтъ кончился.

— «Продолжайте, продолжайте!» сказалъ баронъ съ улыбкой: «Я люблю музыку; и если бы я зналъ, что вы будете играть и пѣть, я остался бы на террасѣ. Безъ свидѣтелей душа изливается полнѣе; звуки вѣрно разсказываютъ сердце; а при чужомъ и звукъ притворствуетъ. Но, какъ увлекло меня желаніе васъ слушать! Я и забылъ, зачѣмъ пришелъ. Васъ, графъ, искалъ я. Вы сами портите все дѣло. Конечно, вы не обязаны брать меня въ свои наперсники, но Матильдѣ право стыдно...»

— «Что такое, баронъ? Я васъ не понимаю...» сказала Гертруда.

— «Гертруда, Гертруда! Когда я закрывалъ глаза вашему мужу, помните, что онъ говорилъ вамъ? Береги Матильду отъ тайной страсти!»

Гертруда, безъ отвѣта, поблѣднѣвъ, сѣла въ ближайшія кресла.

— «А вы графъ, вы должны помнить, что въ Маріенбургѣ — хозяинъ Книпроде... Онъ полюбилъ васъ душевно, это я знаю, а вы такъ публично, такъ ребячески, обижаете великаго магистра: свя-

стите соловьемъ надъ страстной дѣвушкой, когда у Книпроде пиръ горой, когда онъ ходитъ по залamъ и считаетъ всѣ ли гости на лицо, и краснѣетъ отъ справедливаго огорченія, что графъ Герардъ Вирнебургъ не удостоилъ принять его личнаго приглашенія. Я самъ слышалъ, какъ онъ васъ звалъ въ соборной залъ. Книпроде не скрылъ передо мной своего неудовольствія, и я выпросился у него, притворился больнымъ, чтобы только отыскать васъ...»

— «Ахъ, какъ я вамъ благодаренъ! Я еще успѣю...»

— «О! пиръ только-что начинается; спѣшите, бѣгите: вы обрадуете, развеселите Виниха, а то онъ ходитъ такой надутый...»

— «Вотъ ваша шляпа, графъ!» сказала Матильда, подавая ее Герарду и оправляя перья: «бѣгите! Постарайтесь извиниться; онъ проститъ васъ: вы слышали? онъ полюбилъ васъ... Но... помните, что надо прежде утвердить эту любовь въ сердцѣ... Не все вдругъ... Ступайте, ступайте!..»

— «До свиданія!..» и графъ ушелъ.

— «Матильда! Намъ надо поговорить съ Гертрудой о дѣлахъ: потрудись запереть двери отъ слугъ, и скажи имъ, чтобы насъ не безпокоили съ часъ времени.»

— «А мнѣ можно съ вами остаться?..»

— «Приходи. Ты всегда участвуешь въ нашихъ совѣтахъ.»

Матильда исчезла.

— «Не понимаю, Гертруда,» продолжалъ Кри-

стофъ: «отчего вы не приказываете затворять ставни, когда это такъ удобно съ террасы?»

— «Я забыла, баронъ, надо приказать...»

— «О, нѣтъ, обойдется безъ слугъ; я не жалую этихъ лазутчиковъ; хотя и забавно,» продолжалъ Кристофъ уже на террасѣ, запирая ставни: «что опекунъ самъ запираетъ ставни у своихъ питомицъ. Какъ-будто въ пѣснѣ...»

Кристофъ захохоталъ во все горло. Раздались по террасѣ тяжелые чьи-то шаги, и Кристофъ вошелъ въ комнату самъ-другъ съ Винрихомъ. Невозможно представить радости, смѣшанной съ какимъ-то ужасомъ и волненія Гертруды. Она онѣмѣла; глухой крикъ вырывался изъ устъ ея; и если бы эти звуки могли освободиться изъ стѣсненной груди, то вѣрно бы ихъ услышали въ самыхъ отдаленныхъ комнатахъ домика съ террасой.

— «Ради Бога, будьте осторожны!» сказалъ Кристофъ шепотомъ: «Умѣйте цѣнить жертву, которую для васъ дѣлаетъ не простой рыцарь, а великій магистръ; вспомните, что, если эта тайна выйдетъ наружу, тогда великіе сановники не разъѣдутся по городамъ своимъ, а откроютъ новый соборъ, на судъ своему начальнику... Дуссмеръ могъ простить рыцаря, но орденъ не проститъ великому магистру: мѣсто его соблазнительно. А вотъ и Матильда!»

Матильда вбѣжала и оторопѣла, увидавъ великаго магистра, котораго она не могла не узнать. Кристофъ продолжалъ:

— «Чтобы тайна наша была надежна, крѣпка, неизмѣнна, Матильда, ты должна знать, что ты дочь Винриха.»

Женщины залились слезами и бросились въ объятія Винриха. Книпроде и самъ не удержался отъ слезъ и, обнявъ Гертруду и дочь, сталъ громко молиться. Не скоро могло успокоиться волненіе сердецъ, но холодныя рѣчи Кристофа, какъ охлаждающія капли вливались въ ихъ души. Началась тихая бесѣда: всѣ усѣлись. Невозможно описать счастія женщинъ. Матильда безпрестанно цѣловала руку Винриха, не выпускала ее и прижимала то къ устамъ, то къ сердцу. Но скоро, скоро это счастіе рушилось. Книпроде объявилъ о великомъ своемъ намѣреньи — крестить и женить Кейстута. Матильда выронила руку Винриха и съ трепетомъ, съ ужасомъ смотрѣла на отца, котораго она за минуту такъ много любила. Гертруда также молчала и съ стѣсненнымъ сердцемъ поглядывала то на дочь, то на Кристофа, отъ котораго надѣялась послѣдней помощи; но, увы! Кристофъ заговорилъ — и разрушилъ надежды женщинъ.

— «Винрихъ!» сказалъ баронъ: «Всѣ твои предположенія кончатся предположеніями. Если уже ты рѣшилъ судьбу Матильды, такъ надо принять мѣры противу плѣннаго князя. Ты съ нимъ, думаю, видался только разъ, когда его привели въ Маріенбургъ. Надо облегчить его неволю, надо выдумать изобрѣсти средство, чтобы они увидались, и тогда побѣда Матильды несомнѣнна; но помни, Винрихъ, должно дѣйствовать такъ, чтобы Кей-

стуть не замѣтилъ нашего намѣренія; иначе все погибло!..»

— «Сегодня еще,» отвѣчалъ Винрихъ: «я навѣщу Кейстута съ великимъ командоромъ, съ великимъ маршаломъ и съ великимъ шпитальникомъ; сегодня еще я сдѣлаю ему пріятное: скажу, что, по желанію его, отыскалъ я слугу, Литвина; завтра пошлю къ нему Готлиба. Ты его научи, Кристофъ, что онъ долженъ говорить князю; пусть постарается возбудить любопытство на счетъ Матильды; пусть намеками, стороною, вложитъ наши мысли и желанія въ сердце князя. Но довольно ли уменъ Готлибъ?»

— «Положись на меня, Винрихъ: я выучу его какъ птицу: лишняго не скажетъ. Но пора, Винрихъ, пора! Твое отсутствіе слишкомъ продолжительно. Горько мнѣ, что я долженъ тебѣ объ этомъ напомнить, но...»

— «Благодарю, Кристофъ! Конечно, если бы не долгъ, я не вышелъ бы отсюда; но я довольно долго, слишкомъ долго былъ счастливъ! Послѣ семи лѣтъ... И когда она такъ близко, когда каждый день съ вершины замка по цѣлымъ часамъ я гляжу на ея окна, вижу ее на террасѣ, когда проѣзжаю мимо или иду на прогулку... О!.. я увѣренъ, Богъ проститъ моему прегрѣшенію.... Прости, Гертруда, мы скоро, скоро увидимся...»

— «Винрихъ, Винрихъ! еще мгновенье, еще два слова...»

— «О чемъ?..»

— «Ни о чемъ, Винрихъ... такъ... продол-

жи бесѣду... мнѣ и грустно и сладко тебя слушать...»

— «Нельзя!» сказалъ Кристофъ, вставъ: «нельзя! Завтра, послѣ-завтра, черезъ недѣлю, когда представится случай. Пойдемъ!»

— «Простите, дорогія!» сказалъ Винрихъ, обнявъ Гертруду и Матильду: «Простите и молитесь обо мнѣ!»

Прощаніе, несмотря на понужденія Кристофа, было и трогательно и продолжительно. Когда друзья ушли, и мать и дочь бросились одна другой въ объятія и рыдали.

— «Онъ хочетъ погубить меня!» сказала Матильда, нѣсколько успокоясь: «Но я не знаю, кто шепчетъ мнѣ, что Кейстутъ никогда не согласится на это насиліе. Не правда ли, Гертруда?»

— «Нѣтъ, Матильда, я боюсь совсѣмъ другаго несчастія. Чтобы избѣгнуть плѣна, онъ согласится на все, крестится, женится, и какъ только воротится къ своимъ язычникамъ, запретъ жену въ такую же башню, въ какой его держатъ здѣсь.»

— «Что же намъ дѣлать?» спросила перепуганная Матильда.

— «Освободить Кейстута, дать ему возможность убѣжать. Тогда это сватовство само собой рушится...»

— «Но какъ?..»

— «Готлибъ намъ поможетъ, Готлибъ — малый добрый, Готлибъ... Ты увидишь; но Матильда... Ты видишь, для счастія дочери я жертвую славой Книпроде... и если ты откроешь графу...»

— «Никогда, никогда! Тогда я буду недостойна и отца и матери...»

— «Готлибъ, я думаю, скоро вернется... Какъ онъ попалъ къ великому магистру... Верно, Кристофъ познакомилъ ихъ; боюсь, ревность можетъ закрасться и въ великую душу. Нѣтъ, нѣтъ!.. Готлибъ вернется, онъ обѣщалъ мнѣ... Если у него останется тѣнь воли, онъ найдетъ удобное мгновеніе... Я прочитала въ глазахъ его привязанность ко мнѣ, и пора. Пойдемъ, Матильда, посмотримъ, можетъ-быть, онъ идетъ уже...»

Обѣ вышли на террасу. Несмотря на холодную ночь, не мало времени простояли онѣ на чистомъ воздухѣ и глядѣли на укрѣпленіе, лежавшее черною полосою передъ мостомъ.

Въ замкѣ, въ главномъ дворцѣ, попрежнему всѣ окна были освѣщены, но тишина мертвая наполняла и замокъ и окрестность; вдругъ изъ-за укрѣпленій показались двѣ тѣни.

— «Готлибъ, Готлибъ!» тихо сказала Гертруда: «Готлибъ съ Кристофомъ!» но тѣни шли прямо къ опрокинутому дворцу и пропали въ низкой его колоннадѣ. Вслѣдъ затѣмъ окна замка одно за другимъ стали темнѣть, и скоро во всемъ замкѣ только въ угловомъ окнѣ дворца горѣла ночная лампада, которую такъ хорошо знала Гертруда.

— «Онъ уже не придетъ сегодня,» сказала она печально. И мать и дочь улеглись въ теплыя постели и долго, долго еще бесѣдовали шепотомъ. Но въ опрокинутомъ дворцѣ было не до сна. Въ опочивальнѣ горѣли огни, которые можно было

видѣть только со двора. Цвиркунъ, печальный, лежалъ на богатой постели; передъ нимъ, въ креслахъ, сидѣлъ Гринь. Гонецъ великаго князя стоялъ у дверей, молча.

— «Ступай, Омельянъ!» сказалъ Цвиркунъ не своимъ голосомъ. «Завтра поѣдемъ. Грибъ съѣли, чтобъ имъ добра не было. Авось уступятъ, когда подойдутъ наши! Ступай, ступай, завтра чуть свѣтъ — и въ дорогу. Скажи моему конюшему, чтобы у него все было готово къ отъѣзду. Не хочу разбойникамъ кланяться... Добраго слова не скажу, такъ и уѣду. Ступай!»

Омельянъ ушелъ, а Цвиркунъ всталъ и сказалъ Гриню:

— «Ну, сыночъ, давай Богу молиться, да и спать! Ничего не придумаешь. И отецъ твой, право, стыдно, хоть бы глаза показалъ.»

— «Охъ, дядя! Это больно мучитъ меня! Онъ все знаетъ, ты самъ говоришь, какъ же ему не знать, что я съ тобою...»

— «Старъ сталъ, князь Юрій Романовичъ! Видно, надоѣло за дѣтей Ольги Петровны распинаться; о себѣ думаетъ... Богъ съ нимъ, довольно онъ добра для нихъ дѣлалъ... У меня на сердцѣ другое горе. Тутъ надо ѣхать, а мнѣ не удалось съ княземъ повидаться. Какъ я Ольгерду глаза покажу. Да и самому-то неловко будетъ. Видно, это мнѣ все такъ передъ смертью пошло; видно, мнѣ ужъ не бывать въ Іерусалимѣ; знать приходится на языческой или нѣмецкой землѣ косточки сложить. Не дай Господи! Еще, чего добраго, въ

дорогѣ, и схимы принять не успѣю... «Охъ, горько, горько!»

— «Полно, дядя, противу Бога говорить!»

— «Кто? Я противу Бога? Нѣтъ, сынокъ, это я такъ, противу людей расходился; они меня съ толку сбили. Ужъ какъ онъ хочетъ себѣ, богатырь мой, а когда мы его отъ Нѣмцевъ отобьемъ или выкупимъ, я за него по-своему примусь, съ ножемъ къ горлу пристану: женись на Альдонѣ, кончено; женись! — Не хочу. — Долженъ. На цѣломъ свѣтѣ нѣтъ такой невѣсты... — Я другую люблю. — Врешь, полюбишь и эту. — Туда, сюда, какъ вьюнъ будетъ вертѣться... Молодъ, скрючу и женю... А то вѣдь за правду и до Аѳонской горы не дотащуся... Гришка, а Гришка! видно, это крысы подъ поломъ бѣгаютъ... Что за диво! гляди, половицы расходятся... Воры, разбойники!..»

Цвиркунъ онѣмѣлъ. Изъ-подъ пола вынелъ князь Юрій Романычъ, въ извѣстномъ намъ костюмѣ генеральнаго фохта, за нимъ кесарскій гонецъ, Готлибъ-Альфъ.

— «Тише, тише!» говорилъ князь: «Неужели ты неожидалъ насъ?»

— «Да этотъ какъ попалъ сюда?» спросилъ Цвиркунъ, показывая на Альфа.

— «Въ немъ-то вся и тайность,» отвѣчалъ князь: «Здравствуй, братъ, здравствуй, сынъ!»

И князь переходилъ изъ объятій Цвиркуна въ объятія сына. Объ Альфѣ будто всѣ забыли. Но онъ самъ о себѣ напомнилъ и обнялъ своего не-

стуна такъ горячо, что тотъ и расплакался и расчувствовался.

— «Тише, тише!» кричалъ Цвиркунъ: «Что я медвѣдь летценбургскій, что ли?..»

Альфъ покраснѣлъ, Цвиркунъ продолжалъ:

— «Ну, чѣмъ-то вы меня потѣшите, а у меня былъ Омелька изъ Панкратьевки, отъ Ольгерда съ наказомъ: коли Нѣмцы ломаются, плюнуть и уѣхать. Какъ разъ сегодня въ Благовѣщенье придутъ русскіе князья и съ Смоленска, и съ Волыни, и съ Северской земли; говоритъ Омелька, что многія дружины безъ князей уже пришли, что шуринъ нашъ Тверской прислалъ большую свою дружину; говоритъ Омелька, что такой никогда на Вильнѣ толкотни не было; да и по всему Нѣману, говоритъ Омелька, чуть гдѣ городокъ или монастырь съ посадомъ стоитъ, такъ видимо-невидимо ратныхъ людей; ни дать ни взять, улей съ пчелами; на сто твердынь, говоритъ Омелька, разнаго войска, по его счету, а по нашему за сто тысячъ будетъ.»

— «И все это напрасно,» сказалъ князь съ горькой улыбкой.

— «Какъ напрасно?»

— «Съ боя Кейстута не возьмешь. Надо хитростью...»

— «Да, схитришь ты съ Нѣмцами.»

— «Попытаемся... авось!..»

— «Ну, такъ я не ѣду. Обожду...»

— «Напротивъ, братъ, напротивъ! Поѣзжай себѣ съ Богомъ, и какъ можно скорѣе, потому что

если удастся украсть Кейстута, тогда никто васъ не спасетъ отъ народнаго бѣшенства. Да и дѣлу-то нашему вы помѣха А вотъ что нужно, бояринъ: какъ пріѣдешь на рубежъ, закажи, чтобы всѣ войска въ Пруссы тронулись, пусть твердынь не трогаютъ, пусть идутъ дальше да дальше; крѣпость обходи, только моремъ разливайся, чтобы намъ сподручно было, если Богъ благословитъ, съ Кейстутомъ поскорѣе на какую ни есть, хотя малую дружинку, наткнуться. Тогда всѣ домой, потому что весна на дворѣ, разольются рѣки, половину людей даромъ растеряете. А гдѣ можно, готовь мосты для переправы; чуть гдѣ тронулась рѣка, ставь мостъ... Не походъ, а диво будетъ; на колдовство похоже...»

— «И знаешь, князь, того, по лѣсамъ закажу, пока еще время стоитъ, обозы ставить съ засѣками про случай. Нельзя, такъ мы въ лѣсъ; и чтобъ тѣ притоны были каждому вождю вѣдомы.»

— «И ѣхать тебѣ, бояринъ, въ Литву налегкѣ; я тебѣ опасную грамоту отъ великаго магистра выдамъ; поѣзжай, самъ-другъ, съ Гриней..»

— «А обозъ?»

— «А обозъ твой пусть себѣ ѣдетъ на покоѣ. Пока будутъ спорить и разсуждать, какъ и куда ты уѣхалъ, обозъ дотащится до Истербурга. Если можно, вышли къ нему на встрѣчу добрый отрядъ; теперь пока на дорогѣ его не обезпокоятъ, всѣ рыцари въ сборѣ, самая малость по городамъ, да завтра, чай, всѣ разбредутся...»

— «Такъ чего звать, князь! Сейчасъ въ путь... До разсвѣта мы уже далеко будемъ...»

— «Правду ты говоришь, боярине, только ужъ захвати съ собою и мою казну; не мнѣ, такъ дѣтямъ достанется. Ну, Гриша, привелъ Богъ намъ увидѣться. Знаю, въ сердцѣ твоемъ есть на меня горе. Да кто не грѣшенъ? Прости отцу; безъ того я не умру спокойно, да возьми отъ меня благословеніе на все, что ни задумаешь. Прости меня, Гриша.»

Отецъ и сынъ обнялись, а Цвиркунъ пристадъ къ Альфу:

— «Слушай ты, зѣлье, какъ хочешь, а разскажи, какъ это тебя угораздило сюда пожаловать; что вы тутъ съ княземъ затѣваете, что сказать про тебя Ольгерду?..»

Альфъ глядѣлъ на князя и какъ-будто спрашивалъ: что отвѣчать Цвиркуну? Князь взялъ боярина за руку и сказалъ съ какимъ-то пророческимъ выраженіемъ:

— «Пока ты станешь на рубежѣ родномъ, по пятамъ твоимъ примчится вѣсть о славномъ подвигѣ нашемъ; дастъ Богъ, Кейстутъ тебѣ самъ все разскажетъ... А теперь не разспрашивай: бери мою казну; вотъ она, въ этой комнатѣ, вотъ тебѣ ключи — и съ Богомъ. А намъ еще сегодня много дѣла. Прощайте!»

Молча распрощались собесѣдники. Князь и Альфъ спустились по лѣстницѣ подъ полъ; половицы сбѣжались. Цвиркунъ послалъ Гришу будить людей и снаряжаться въ путь. Далеко до разсвѣта, изъ

опрокинутаго дворца выѣхало великое посольство; никто не провожалъ его; только, при поворотѣ въ улицу, Омелька подошелъ къ боярину, подалъ ему свитокъ съ висячею печатью, а Гришѣ небольшой бархатный ящикъ и скрылся въ переулкахъ.

— «Опасная грамота!» сказалъ Цвиркунъ, развертывая свитокъ.

— «Икона Спасителя!» прошепталъ Гриша и посольство тронулось въ дальнѣйшій путь. Весь посадъ спалъ сномъ крѣпкимъ; кое-гдѣ отозвались псы, и замолкли; да по опаснымъ дорогамъ Ногата подкрадывался Князь Юрій Романовичъ съ своимъ гонцемъ къ осмиугольной башнѣ, которой тяжелая, широкая подошва уходила съ одной стороны въ Ногатъ, а съ другой въ глубокій ровъ, еще покрытый льдомъ у самой башни. Не безъ труда осмотрѣли они положеніе дорогой башни; и отошли отъ нея съ грустнымъ чувствомъ. На серединѣ уже рѣки Князь Юрій остановился и сказалъ тихо Альфу:

— «Съ этой стороны нѣтъ приступу. Даже дырочки простой нѣтъ, не только окна. Какъ на бѣду, я никогда не бывалъ въ этой башнѣ; говорятъ, что ее не возьметъ ни одна стѣноломня. Нечего дѣлать, Альфъ, надо приняться за женщинъ. Вѣрю, что Гертруда къ тебѣ не равнодушна, но сегодня еще я видѣлъ несомнительные признаки пылкой, великой любви къ Виниху. Конечно, больно еще молода Гертруда; не разъ ихъ съ дочерью называли сестрами; трудно въ такой порѣ жить голодной любовью, да ты знаешь, Виниахъ.

не хочетъ, чтобы нога твоя была у сосѣдокъ! А то, говоритъ, чего добраго, и самъ полюбишь и ей полюбишься. Правъ Виприхъ; Гертруда уже занялась, а Матильдѣ только графъ помѣшалъ... Все такъ...»

— «Князь, да развѣ нельзя тайкомъ?»

— «О томъ-то я и думаю. Виприхъ теперь у меня въ рукахъ, какъ червь въ шелку; ты всегда просился ко мнѣ, а ужъ со мной—куда захочешь, всюду пройдешь. Скоро тебѣ придется на замокъ идти... Помни, если увидишь Кейстута, какъ съумѣешь, тотчасъ передай нашу затѣю; пусть поломается, а спустя денька два, пусть невѣсту пожелаетъ видѣть; бабъ пугай тѣмъ, что Кейстутъ идетъ на женитьбу; а магистру говори, что уломалъ Кейстута ты, да моимъ и своимъ умомъ; говори, что у тебя сердце прыгаетъ отъ радости за Кейстута и за Матильду; скажи такъ: благо, что у меня невѣста есть и невѣста моя краше Матильды, а то бы я полюбилъ ее пуще всякаго графа. Такія рѣчи сердцу отцевскому льстятъ и вливаютъ въ него довѣріе. Погляди, магистръ въ окнѣ; видно, ему не спится, глядитъ на окна Гертруды; бѣда если онъ насъ увидитъ. Отошелъ; ну, старость въ карманъ, бѣгомъ...»

И оба съ большою опасностью провалиться добѣжали до опрокинутаго дворца. Но изъ колоннады они увидѣли, что въ третьемъ окнѣ горѣла свѣча.

— «Вѣстовой огонь!» сказалъ Кристофъ. «Пойдемъ, Готлибъ. Я далъ слово Виприху, что ни на шагъ не отпущу тебя... Пойдемъ!...»

Стража вездѣ пропустила ночныхъ гостей; магистръ принялъ ихъ съ веселою улыбкой.

— «Не сердитесь, друзья, что я такъ рано васъ потревожилъ: не спится мнѣ, суета мучитъ. Чего не удалось ни одному магистру, можетъ исполниться такъ легко, съ такимъ блескомъ, въ день, въ два... О! какъ онъ обрадовался моему посѣщенію! Этотъ звѣрь Бальдерсгеймъ ужасно мучилъ плѣнника. Представь себѣ, Кристофъ: онъ помѣстилъ князя въ подвалахъ восточной башни; и сыро и темно; рыцари и день и ночь сидятъ передъ Кейстутомъ и читаютъ въ слухъ молитвы, ни заснуть ему не даютъ, ни говорить, ни думать. Спасибо Брезе! Онъ поддержалъ меня, онъ потребовалъ, чтобы я все измѣнилъ, какъ прилично важности королевской особы и значенію ордена. Я только этого и ожидалъ, и вотъ цѣлую ночь не спалъ, да думалъ какъ бы все получше устроить. Помоги Кристофъ!...»

— «Что же ты хочешь дѣлать?»

— «А вотъ что: съ вечера еще я велѣлъ убрать коврами и тканями верхній покой въ той же башнѣ, гдѣ жилъ Дуссмеръ, когда оканчивалъ строеніе маріенбургскаго замка; на ночь перевели туда Кейстута. Рыцарямъ я приказалъ съ закатомъ солнца оставлять Князя одного; поутру приходить къ нему послѣ раннихъ обѣдень, и сидѣть у него не для бесѣды, а для почетной стражи. Шиндекопфъ увѣрялъ, что это ужъ такъ въ орденѣ изстари ведется, когда есть почетный плѣнникъ. Я не хотѣлъ спорить; для послуги я объ-

щалъ прислать моего Готлиба: Поутру, Готлибъ, ты убирай комнату, поболтай съ Княземъ, а потомъ оставь его, пусть надумывается! Когда отнесешь ему обѣдъ, можешь оставаться, но не долго, поболтай и приходи ко мнѣ. Что въ цѣлый день услышишь или замѣтишь, послѣ вечерни разскажешь мнѣ или Кристофу... Ну, что Готлибъ, нравится ли тебѣ служба у насъ?...»

— «Рай земной, Государь! Я привыкъ служить, да признаюсь не бабамъ; измучатъ посылками: то сходи къ графу съ ленточкой, то принеси продажнаго русскаго кречета посмотрѣть, то на прогулку повзжай съ ними, да еще куда, на островки, что на Вислѣ. Разъ было подъ Маріенвердеръ забрались; а кажется, всего-то я у нихъ двѣ недѣли пробылъ. Не попади я въ замокъ, пришлось бы опять ѣхать съ ними Богъ знаетъ куда...»

— «Куда же это?»

— «Да не знаю куда-то онѣ на соколиную охоту собираются...»

— «Узнай, Кристофъ!» сказалъ великій магистръ по-латинѣ: «Можетъ быть, тамъ можно и мнѣ потѣшиться, по крайней мѣрѣ увидѣться, поговорить...»

— «Устроимъ, устроимъ, Винрихъ!»

Колоколъ позвалъ великаго магистра на утреннюю молитву.

— «Ну, друзья мои, по мѣстамъ! Ты, Альфъ, ступай въ восточную башню, тамъ спроси въ нижней палатѣ брата Тримера и скажи ему на ухо: Virtute duce. Что, ты съумѣешь сказать это?»

Альфъ умышленно повторялъ латинскія слова съ ошибкой. Книпроде поправлялъ. Альфъ еще разъ повторилъ и сталъ заучивать: Virtute duce, Virtute duce!

— «Жаль,» сказалъ онъ, «что у меня матушка была Нѣмка, а не Латинка... Вотъ теперь языка и не надо было бы ломать, Virtute duce...»

— «Довольно, довольно!» сказалъ Книпроде. «Повторяй про себя, а не то цѣлый замокъ завѣтное слово заучитъ. Ну, Кристофъ, ты вѣрно къ нашимъ...».

— «Да надо навѣдаться...»

— «Такъ прощай! Врядъ ли мы сегодня увидимся. Прямо изъ собора отправляется Кранихфельдъ къ святѣйшему отцу въ Авиньонъ; ты, безъ сомнѣнія, грамоту уже изготовилъ...»

— «Вчера еще отослалъ къ великому командору...»

— «Очень благодаренъ, Кристофъ; мы и такъ этимъ дѣломъ запоздали. Отпустивъ Кранихфельда, надо проводить великаго маршала и великаго шпитальника. Знаешь ли, и Бальдерсгеймъ просится съ ними. Онъ теперь только и бредитъ стѣнами, рвами и башнями; всѣ твердыни хочетъ перестроить.»

— «Куда же онъ просится?»

— «Въ Эльбингъ, потомъ на нѣманскую линію...»

— «И весьма справедливо... Съ Литвы войною вѣетъ...»

— «Богъ милостивъ... Кончится свадьбой! Прощайте, друзья мои! Прощай Готлибъ.»

Великій магистръ протянулъ руку; Альфъ, пригнувъ колѣно, поцѣловалъ ее и поклонился... Книпроде ушелъ. Альфъ хотѣлъ что-то спросить, но Кристофъ приложилъ палецъ къ губамъ и ушелъ съ Винрихомъ. Альфъ еще медлилъ; страшная буря поднялась въ сердцѣ... Онъ долженъ былъ идти къ плѣннику, который страдалъ по его милости, глоталъ стыдъ, униженіе, сидѣлъ въ клѣткѣ, куда посадилъ его Альфъ съ такою хитростью, преступленіями, и такъ напрасно. Конечно, — будущность готовила ему неувядаемую славу; всѣ обстоятельства какъ будто сами спѣшили къ нему на помощь... Но какими глазами будетъ смотрѣть онъ на опозореннаго мужа? Что онъ ему скажетъ? Неужели рыцари не замѣтятъ его смущенія?... И въ подобныхъ размышленіяхъ онъ дошелъ по стѣнѣ до восточной башни. Появленіе его взволновало всю стражу; болѣе тридцати латниковъ выбѣжало изъ нижнихъ сѣней башни.

— «Что тебѣ надо? — Уходи! — Лови! — Зачѣмъ?» и множество вопросовъ посыпалось ему навстрѣчу.

— «Гдѣ рыцарь Тримеръ? Я присланъ къ нему отъ его свѣтлости...» отвѣчалъ Альфъ покойно, и латники по узкой, темной лѣстницѣ, повели его въ небольшой покой безъ дверей, потому что черезъ него лѣстница шла дальше вверхъ.

Тримеръ сидѣлъ у небольшаго окна съ четками, и читалъ молитвы. Альфъ подошелъ къ нему и шепотомъ сказалъ: Virtute duce. Тримеръ, продолжая шептать молитву, рукой велѣлъ Альфу

за нимъ слѣдовать и пошелъ вверхъ по лѣстницѣ. Огромный ключъ, висѣвшій у пояса рыцарскаго, отворилъ небольшую желѣзную дверь. Amen, сказалъ Тримеръ; видно, какъ разъ въ это время онъ кончилъ молитву, и вмѣстѣ съ Альфомъ вошелъ въ довольно обширную круглую комнату съ однимъ окномъ, слабо освѣщенную разсвѣтомъ.

— «Вотъ тебѣ слуга. Приказывай, что нужно!» сказалъ Тримеръ, заперъ опять двери на ключъ и сѣлъ на стулъ возлѣ самыхъ дверей.

— «Птицы проснулись, князь» сказалъ Альфъ по-литовски дрожащимъ голосомъ: «а ты еще спишь.»

— «Онѣ на волѣ» отвѣчалъ князь тихо, не поворачиваясь: «Ты плѣнникъ или измѣнникъ?»

Будто ножемъ въ сердце, этотъ вопросъ уязвилъ Альфа; но онъ кое-какъ собрался съ духомъ и отвѣчалъ: «Ни то, ни другое... И еслибъ два, а не три, ты бы и самъ догадался.»

— «Третій глухъ, и я испыталъ его: онъ по-литовски не знаетъ.»

— «Но, Кейстутъ, скрѣпи свое сердце, не допускай въ него удивленія; вели устамъ своимъ молчать, ногамъ не двигаться; видишь, ты уже безпокоенъ. . Лежи смирно... Ну, что же? Готовъ ты слушать?...»

— «Готовъ! Говори, не мучь!»

— «Къ тебѣ пришелъ Готлибъ! Затверди мое имя: Готлибъ! Этотъ Готлибъ выросъ съ тобою на виленскомъ замкѣ; этотъ Готлибъ несчастный-

ній человѣкъ въ цѣломъ мірѣ.... несчастнѣе тебя...»

— «Братъ!» тихо сказалъ Кейстутъ; въ голосѣ можно было замѣтить, какая буря поднялась въ въ груди Князя, и какъ ему трудно было удержать ея порывы... «Братъ, уйди... если можешь воротиться... Я не могу, душа кричитъ, я не умѣю притворяться...»

Альфъ сталъ шарить по комнатѣ, приводить въ порядокъ мебель и убирать разбросанную по стульямъ одежду. Тримеръ выпустилъ его впередъ изъ комнаты, заперъ двери на ключъ, молча сошелъ въ свою сторожевую избу, указалъ Альфу на лѣстницу внизъ, усѣлся у окна и опять принялся за четки и молитвы.

Кейстутъ во все время плѣна своего, который уже продолжался болѣе трехъ мѣсяцевъ, сохранилъ совершенное спокойствіе: ни досады, ни унынія, ни угрозъ, ни жалобъ никто отъ него не видѣлъ; Все время или спалъ или притворялся спящимъ. Рѣдко раздѣвался, хотя данныя ему богатыя одежды изъ великокняжеской казны не совсѣмъ были впору. Но за то каждое утро, полдень и вечеръ Кейстутъ любилъ умываться; въ этомъ занятіи заключалась почти вся физическая его дѣятельность. Съ пленіемъ Альфа въ темницѣ, спокойствіе Кейстута исчезло; мысли о Бирутѣ: какъ ее приняли на Вильнѣ, какъ она разсталась съ отцемъ, зничемъ и сестрами, зажглась ли въ ней любовь къ будущему супругу, огорчаетъ ли ее плѣнъ жениха —и какъ этотъ Альфъ попалъ сюда?

И чего онъ хочетъ? Можетъ быть, пришелъ выманить у него Бируту, воспользоваться плѣномъ, который долженъ быть вѣченъ, потому что Кейстутъ не приметъ креста, особенно въ неволѣ... мысли толпились. Кейстутъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ. Каменный полъ, покрытый коврами и плотность башни не допускали гула шаговъ до сторожевой избы Тримера; а то—бы Лука бросилъ четки и непремѣнно пожаловалъ бы въ гости... Утомилась голова Кейстута; онъ поглядѣлъ въ окно, затканное толстою желѣзною рѣшеткою. Внизу чернѣлъ покрытый грязнымъ льдомъ Ногатъ, а на томъ берегу чистое поле, по мѣстамъ покрытое еще снѣгомъ; налѣво съ трудомъ можно было видѣть край большаго посада. Примѣтно было, что башня стояла въ самомъ уединенномъ углу твердыни, и совершенно была удалена отъ жилыхъ частей и замка и города. Кейстутъ не могъ долго смотрѣть на этотъ пустынный, грустный видъ и, отворотясь, сталъ разсматривать новое свое помѣщеніе. Вся комната снизу до верху обвѣшана была коврами; поднявъ одинъ коверъ, онъ замѣтилъ, что его темница, когда-то была украшена великолѣпными мозаиками и раскрашена со вкусомъ. Поднимая одинъ коверъ за другимъ онъ дошелъ до своей постели. Надъ нею висѣлъ не коверъ, а тканая картина, изображавшая въѣздъ какого-то великаго магистра въ Маріенвердеръ. Поднявъ эту картину, Кейстутъ былъ изумленъ неожиданной противуположностью: въ стѣнѣ за картиной онъ нашелъ не мозаику, а

старую простую штукатурку; по виду пятна легко было догадаться, что это высокое окно, давно задѣланное; весьма глубокій уступъ окна или, лучше сказать, этой длинной впадины заставлялъ думать, что она и въ четвертую долю не имѣетъ толщины стѣнъ. Ударъ руки отозвался довольно звонко, чего отъ плотной толстой стѣны не бываетъ. На этотъ звукъ Кейстутъ вздрогнулъ, опустилъ картину и поспѣшно вышелъ на середину комнаты, какъ будто онъ опасался чего-то, и чего-то надѣялся. Глядя на картину, плѣнникъ сталъ соображать куда бы могло имѣть это окно видъ, и вспомнилъ, что за этой башней глубокій ровъ, за рвомъ чистое поле.

Раздался колокольный звонъ. Кейстутъ подошелъ къ окну и видѣлъ, какъ по тому берегу Ногата, по дорогѣ въ Маріенвердеръ потянулось сильное крестовое войско: впереди было нѣсколько командоровъ; толпа народа и значительный обозъ миновали башню и скрылись съ извивомъ дороги. На лѣстницѣ раздались знакомые шаги и въ темницу вошли Лука фонъ Тримеръ и Саулъ Бальхъ. Рыцари молча поклонились Кейстуту, сѣли на свои мѣста у дверей, и опять заходили у нихъ въ рукахъ четки, въ устахъ зазжужалъ шепотъ молитвы; не много спустя пришелъ и Альфъ. На золотомъ подносѣ, который едва могъ пройдти въ двери, онъ принесъ Кейстуту богатый завтракъ съ бутылкой добраго вина. Кейстутъ глядѣлъ въ окно, опасаясь, чтобы рыцари не замѣтили его волненія.

— «Готлибъ!» спросилъ Кейстутъ по нѣмецки: «Куда это поѣхали рыцари?»

— «По домамъ, господинъ король, по домамъ!»

— «Зачѣмъ ты здѣсь, братъ по оружію?» спросилъ Кейстутъ по-русски, потому что Саулъ Бальхъ зналъ нѣсколько литовскихъ словъ и могъ вывести опасныя заключенія.»

— «Пришелъ выручать тебя, Князь.»

— «Разсказывай!»

Альфъ склонился такъ почтительно, какъ клерикъ передъ папой, и продолжалъ говорить по-русски, а Кейстутъ перебивалъ рѣчь его по-нѣмецки.

— «Я зналъ, я кое-что слышалъ и отъ тебя и отъ твоего брата о посланникѣ нѣмецкомъ, что былъ у насъ недавно. Старикъ узналъ меня и обрадовался. Добиться до милостей здѣшняго хозяина прямымъ путемъ трудно; онъ впустилъ меня искусно въ дѣла хозяйской любовницы и дочери, и посолъ тотъ, и я, мы оба насторожѣ; а представится случай, не оплошаемъ.»

— «Такъ полагаютъ, что сегодня завтра Негатъ разойдется, корабли придутъ, поля позеленѣютъ, будетъ повеселѣе. Какъ ты думаешь?»

— «Придетъ весна; но хозяинъ задумалъ дивное дѣло; хочетъ и крестить и женить тебя на своей дочери... Мнѣ велѣно хитро мудро, намеками, стороною, взманить тебя... Денька два три спусти, а тамъ пожалуй покажи видъ, что тебѣ крѣпко хочется эту диковинную дочку увидать.»

— «Не хочу я, Готлибъ, сладкихъ яствъ тво-

ихъ, не хочу твоего вина нѣмецкаго. Достань мнѣ нашего алуса, пусть напомнитъ мнѣ, какъ я пилъ каждое утро, полдень и вечеръ за здоровье моей невѣсты. Вотъ этого алуса принеси мнѣ.»

Альфъ понялъ вопросъ, и всѣ чувства, злобныя, ревнивыя чувства въ немъ воскресли; онъ схватилъ подносъ и хотѣлъ выйти.

— «Погоди, Готлибъ!» сказалъ князь по русски: «Ухитрись! За моей постелью, есть окно, задѣланное кажется въ одинъ, а много въ два кирпича. Я его выскребу простымъ долотомъ... Понимаешь! Скажи старику! Спроси: можно ли? На мой толкъ можно. Долото, веревку и лодку, если къ тому времени пройдетъ сосѣдъ...»

— «Слушаю!» отвѣчалъ Альфъ по нѣмецки: «Конечно, для вашего здоровья необходимо нужны какія нибудь ручныя работы... Можетъ быть, вы любите точить.»

— «Нѣтъ, Готлибъ, я всегда любилъ строить деревянныя башни. Если можно мнѣ доставить столярный станокъ, я выстрою великому магистру здѣсь, въ моей темницѣ, другой Маріенбургъ, по лучше настоящаго.»

— «Я доложу его свѣтлости,» и Альфъ, передавъ золотой подносъ латнику, который былъ приставленъ къ нему въ помощь, стремглавъ бросился къ великому магистру.

— «Ну, ну, что? Разсказывай!» торопливо говорилъ великій магистръ, запирая свою келью.

— «О, да это кролинъ! Меня напугали напрас-

но! Богъ знаетъ, что разсказывали про его звѣрскій характеръ...»

— «О неправда, неправда,» перебилъ Книпроде: «Во всемъ, всегда онъ обнаруживалъ высокую душу и умъ глубокій. Я гордился такимъ врагомъ! Что же онъ?»

— «Ничего! На первый случай распрашивалъ: скоро ли рѣка разойдется, куда рыцари уѣхали; жаловался на скуку, а пуще всего, что у него нѣтъ никакого движенія. Я ему предлагалъ: не хочетъ ли точить? я слышалъ, что многіе короли любили это занятіе. Нѣтъ, говоритъ, ужъ если милость великаго магистра будетъ такъ велика, пусть пожалуетъ мнѣ столярный снарядъ: я ему на память тутъ, въ темницѣ, Маріенбургъ построю...»

— «Прекрасная мысль! И въ Маріенбургѣ останется на-вѣки память о его плѣнѣ. Сходи же ты къ Кристофу, потолкуй съ нимъ, скажи, что я позволяю; какъ онъ...»

Великій магистръ подошелъ къ окну, и смотрѣлъ куда побѣжитъ Готлибъ; но догадливый Альфъ, безъ оглядки пошелъ въ домъ генеральнаго фохта. Великій магистръ видѣлъ какъ дамы съ своей террасы платками звали къ себѣ Готлиба, но, къ особенному удовольствію Книпроде, Готлибъ почтительно поклонился дамамъ и продолжалъ свой путь прямо къ барону Кристофу. Не прошло и часа, нарядные слуги пронесли по той же площади столярный станокъ со всѣми принадлежностями, и скрылись въ замкѣ. Солнце между тѣмъ поднялось

высоко; прямые лучи топили послѣдній снѣгъ на открытой окрестности. Въ полдень заломало грязныя льдины Ногата; мостъ былъ отпущенъ; къ двумъ часамъ рѣка тронулась, вода постепенно прибывала, сообщеніе съ замкомъ совершенно прекратилось. Наступилъ и вечеръ: нигдѣ не было еще перевоза. Смерклось. Изъ оконъ замка уже вовсе нельзя было различать, что дѣлается на площади посада.

Изъ дома генеральнаго фохта Альфъ, закутанный въ широкую епанчу, съ большою осторожностью пробирался къ домику съ террасой; видно знали, видно ждали. Когда онъ былъ ужъ возлѣ дома и проходилъ къ террасѣ по мощеной мелкими камнями панели, окно въ нижнемъ жильѣ распахнулось:

— «Сюда, Готлибъ! сюда!» шепталъ кто-то изъ темной комнаты. Альфъ не зналъ какъ поступить въ такомъ затруднительномъ случаѣ; но женская рука схватила его за епанчу. «Сюда, говорятъ тебѣ, скорѣе! Одно мгновеніе — и ты меня и себя погубишь!! Тутъ ужъ всякое сопротивленіе было бы напрасно. Альфъ не безъ труда и не безъ помощи влѣзъ въ темную комнату — и окно захлопнулось.

—

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

МАРІЕНТАЛЬ.

Конечно, читатель догадался, что таинственная женщина, похитившая Альфа въ нижнее жилье

домика съ террасой — была Гертруда. Право, нельзя ее обвинять такъ строго. Альфъ былъ красавецъ въ полномъ смыслѣ и въ полномъ цвѣтѣ. Гертруда—молодая женщина, по невольѣ оставлена любимцемъ сердца, когда единогласный выборъ ордена возвелъ его на степень великаго магистра. И до того времени любовь ихъ была непроницаемой тайной, а теперь — и подумать было страшно о продолженіи за семь лѣтъ оставленной любви. А между тѣмъ Гертруда не разлучалась съ молодымъ слугой. Графъ околдовалъ Матильду, и отнялъ у Гертруды послѣднюю бесѣду; а Готлибъ такъ хорошо говорилъ, такъ мило улыбался, такъ пламенно смотрѣлъ на Гертруду... и только продолжительное его отсутствіе открыло Гертрудѣ, въ какомъ ужасномъ состояніи ея сердце. Вскипѣла молодая вдовица и тогда потокъ страсти сталъ неукротимѣе порывовъ широководной и бурной Вислы, которая противъ оконъ Гертруды злилась и бросала льдины на льдины и разрывала ихъ, то забѣгала съ берега и съ пѣной бѣшенства отрывала приросшія къ нему глыбы, крошила ихъ и съ побѣдной радостью, шумя и волнуясь, несла ихъ въ близкое море.

— «Какая буря подымается!» сказала Гертруда, когда Альфъ былъ уже въ комнатѣ... «Неужели въ этомъ вое, въ этомъ смѣшеніи свистовъ и воплей природы, есть голосъ и ко мнѣ?.. Но нѣтъ; во чтобы-то ни стало, Готлибъ, ты не увидишь моей краски, ты не замѣтишь волненія груди моей, ужаса на лицѣ... Ночь! Благодарю

тебя! Онъ не увидитъ моего стыда. Готлибъ! Неужели взоры твои, вздохи, даже слова были не ко мнѣ?.. Готлибъ!.. Почти два дня я не видала тебя... Ты промѣнялъ несчастную старуху на блескъ дворца... Ты могъ быть другомъ, больше, ты могъ быть... О Боже мой! Боже мой! И я должна все это пересказывать сама, въ комнатѣ моей служанки, которую я прогнала изъ дома за то только, что мнѣ былъ нуженъ грязный и тёмный ея уголъ... Я должна скрываться отъ дочери, и чтобы сохранить въ тайнѣ, можетъ быть, преступленіе, я согласилась, я рѣшилась допустить тайную бесѣду между дочерью и, можетъ быть такимъ же соблазнителемъ, обманщикомъ, какъ... Здѣсь, можетъ быть, я встрѣчу одно презрѣніе... Тамъ, кто знаетъ, ожидаетъ меня стыдъ... Готлибъ, Готлибъ! Я глупа, я несчастна, я люблю тебя!..»

— «Гертруда! подумай...»

— «Я угадала... я предчувствовала... Готлибъ, бѣги... нѣтъ! постой, скажи: я не могу любить тебя, Гертруда!..»

— «Нѣтъ, Гертруда! Я не достоинъ такого счастія...»

— «О! пусть разрушится міръ, пусть бурный Ногатъ затопитъ насъ вмѣстѣ! Я не услышу смерти...» И Гертруда, какъ львица жертву, обняла юношу.

Альфъ напомнилъ о Матильдѣ. Гертруда исчезла. Альфъ слышалъ, какъ кто-то сошелъ съ террасы; видѣлъ, какъ заперли ставни. Онъ остался

въ совершенной темнотѣ, и только ждалъ чѣмъ кончится неожиданное похожденіе... Гертруда воротилась со свѣчей; заперла двери съ лѣстницы и изъ сѣней; съ довольной улыбкой вошла она въ комнату, поставила поспѣшно свѣчу на столъ и еще поспѣшнѣе бросилась на свою жертву.

— «Готлибъ! ты не оставишь меня, ты поможешь счастію моему и счастію дочери... Мы богаты: Кристофъ устроилъ дѣла наши, какъ нельзя лучше. Мы рѣшились, Готлибъ, и должны спѣшить... Ты не измѣнишь мнѣ, правда, ты останешься моимъ другомъ, мужемъ, если хочешь; графомъ, барономъ сдѣлаю тебя... только не измѣни... Прости, я не могу еще вѣрить моему счастію... Ты уступилъ мнѣ, можетъ быть, изъ состраданія... Готлибъ! Обманывай меня... мнѣ будетъ легче...»

— «Гертруда! Ты ошибаешься! Въ твоихъ объятіяхъ былъ не рабъ, а можетъ быть равный тебѣ.»

Гертруда побѣднѣла. Альфъ продолжалъ:

— «Нѣтъ, Гертруда, ты моя, ты въ рукахъ моихъ, ты въ моей власти. Съ перваго взгляда на тебя я затаилъ къ тебѣ страсть. Но, не скрывай отъ меня твоихъ намѣреній; помѣняемся: я скажу о моихъ...»

— «Готлибъ! Я разрѣшила Матильду на бракъ съ графомъ. И если нельзя будетъ выхлопотать позволенія, — мы убѣжимъ. Не такъ ли, Готлибъ: ты поѣдешь со мной?..»

— «На край свѣта! Но къ чему спѣшить? Я

видѣлъ Кейстута. Плѣнъ надоѣлъ ему: онъ уже слышалъ о намѣреніи Виприха, и почти согласенъ...»

— «Великій Боже!»

— «Согласенъ, говорю тебѣ, потому что не можетъ переносить плѣна. Освободите только Кейстута,—и все уладится...»

— «Да какъ же я это сдѣлаю? У насъ нѣтъ никакихъ средствъ. Виприхъ съ нами видѣлся вчера и, вѣроятно, въ душѣ своей боязливой, робкой, отложилъ свиданіе опять на семь лѣтъ. О, Готлибъ, Готлибъ! Если бы навсегда, это отъ тебя зависитъ!»

— «Я все устрою, милая Гертруда, все. Но надо выманить Виприха изъ замка со всѣми рыцарями на одинъ день и на одну ночь...»

— «Это невозможно!»

— «Весьма легко. Въ двухъ съ небольшимъ миляхъ отсюда, есть небольшой потѣшный замокъ Виприха, гдѣ устроена его соколиная охота; тамъ есть башня...»

— «Знаю, знаю... Семь лѣтъ тому назадъ, я тамъ не разъ видѣлась съ Виприхомъ...»

— «Постарайся увидѣться съ нимъ тамъ же въ послѣдній...»

— «Но какъ?»

— «Напиши нѣжное письмо! Отдай Кристофу—и дѣло уладится.»

— «Нѣтъ, онъ не согласится: не разъ я его просила объ этомъ...»

— «Позволь! Этого мало. Вотъ какъ надо сдѣ-

лать...Пусть графъ на этомъ замкѣ сдѣлаетъ праздникъ на второй день Свѣтлаго Христова Воскресенія. Въ эти дни рыцарямъ позволяется разговаривать и шутить. Поѣздка Виприха со всѣми чинами и рыцарями не можетъ ни въ комъ возбудить подозрѣнія; а ты просись съ Матильдой въ тайную башню; ты уѣдешь туда ночью. Въ башню проведетъ тебя Кристофъ; никто, даже птица не увидитъ васъ!..»

— «Ахъ, Готлибъ! Теперь мнѣ страшно будетъ видѣться съ Виприхомъ!..»

— «Послѣдняя жертва, Гертруда, необходимая жертва; за остальное я отвѣчаю.»

— «Да будетъ!»

Сильный порывъ вѣтра застучалъ во всѣ ставни. На площади и улицахъ поднялась суматоха. Гертруда задула свѣчку — и очень кстати: новый ударъ вѣтра сорвалъ ставни и разбилъ нѣсколько оконъ. На порогѣ по всему берегу горѣли фонари и смоляныя бочки; Нетатъ выступилъ изъ береговъ и затопилъ площадь; генеральный фохтъ на огромномъ городскомъ катерѣ, въ двадцать четыре весла, съ фонарями, плавалъ не безъ труда по разливу, для того, чтобы, въ случаѣ если наводненіе увеличится, подать, кому нужно, руку помощи...

— «До завтра!» сказалъ Альфъ, отворяя окно: «Ты видишь, Гертруда, намъ здѣсь нельзя оставаться: вода можетъ измѣнить нашей тайнѣ. Беги наверхъ, а я еще успѣю добѣжать до дворца барона Кристофа ..»

— «До завтра!» сказала со вздохомъ Гертруда,

и Альфъ едва-едва успѣлъ добраться до низкой колонады; вода гналась за нимъ, хватала за ноги и съ шумомъ рвалась въ опрокинутый дворецъ. Но злобныя волны какъ будто съ умысломъ разогнали тайную чету. Едва только Альфъ вскочилъ на лѣстницу дворца, вѣтеръ легъ; хотя вода и не думала убывать, но волненіе стихло; по всему Новгату и площади, покрытой водою до самыхъ домовъ, не было видно ни одной льдины. Огромный катеръ ходилъ по разнымъ направленіямъ, но вездѣ стало тихо, ни одного несчастнаго случая, и баронъ Кристофъ воротился домой, приказавъ гребцамъ держаться по близости, про всякой случай.

Съ разсвѣтомъ баронъ отвезъ Альфа въ замокъ. Во все время переѣзда и тотъ и другой, молча, улыбались.

Альфъ засталъ Тримера на колѣнахъ передъ распятіемъ; долго дожидался онъ, пока старикъ окончилъ длинную молитву, сочиненную какимъ-то магистромъ, противу наводненій и морскихъ бурь. Триммеръ впустилъ его въ темницу; заперъ двери, а самъ возвратился къ распятію, желая повторить свою молитву въ сорокъ восьмой разъ...

Кейстутъ строгалъ длинную доску, когда вошелъ Альфъ. Пропасть стружекъ валялось по полу. Альфъ зналъ, что онъ найдетъ эти спасительныя стружки и запасся мѣшкомъ... Когда они остались одни, Кейстутъ пересталъ работать и, со стругомъ въ рукѣ, сказалъ весело по-русски:

— «Спасибо бурѣ и тебѣ, Альфъ. Въ два кирпича проклятое, да на счастье буря оборвала на

крышѣ желѣзный листъ, и всю ночь страшно имъ хлопала; я измучился, признаюсь, да и не отсталъ отъ бури; въ ладъ, то долотомъ, то колотушкой: вынулъ десять кирпичей. Теперь съ натугой рукой можно вынимать; и если не пошлютъ боги еще бури, такъ придется порядкомъ намозолить руки; на мое счастіе и на мою бѣду, штукатурка съ той стороны совсѣмъ отстала; бережно надо вынимать кирпичи, не то обрушится — и все пропало: сейчасъ увидятъ. Надо спѣшить Альфъ! Вынеси ты соръ поскорѣе, а стружками закрой; да завтра утромъ приходи опять съ мѣшкомъ. Съ помощью великаго властителя судебъ, въ недѣлю вся работа готова будетъ... Альфъ! Не сиди у меня долго... Не хочу ничего ни знать, ни слышать; мнѣ нужно воли, только одной воли, а тамъ — все мое!»

И Кейстутъ опять пошелъ строгать. Альфъ убралъ и каменный и деревянный соръ. Тримеръ, окончивъ молитву, пришелъ и засталъ Альфа, когда онъ набивалъ мѣшокъ стружками. Выпустилъ онъ Альфа и опять пошелъ къ распятію... Между тѣмъ наступила и Страстная недѣля... Винрихъ не принималъ ни кого, даже Кристофа; всѣ дѣла были отложены. Альфъ наслаждался на волѣ и любовью Гертруды и упоительною бесѣдою Кристофа, который совершенно преобразился: глаза его блистали яркимъ пламенемъ, улыбка не сходила съ стиснутыхъ старостью губъ; въ лицѣ его всегда былъ замѣтенъ жаръ и душевное волненіе. Торжественная минута приближалась: освобожденіе сына Оль-

ги было такъ близко; мало того, онъ считалъ себя въ правѣ заключить продолжительную службу свою такимъ блистательнымъ подвигомъ и отдохнуть поблизости отъ гроба Ольги... Каждую ночь катеръ генеральнаго фохта ходилъ по Ногату то съ фонарями, то безъ фонарей. Всѣ хвалили предосторожность генеральнаго фохта. Великій магистръ, весь орденъ заняты покаяніемъ, такъ кому же наблюдать за бдительностью крѣпостной стражи, когда въ твердынѣ такой важный плѣнникъ? Въ окнѣ великаго магистра во все это время не появлялся ни завѣтный, ни обычный свѣтъ. Онъ на четыре первые дни Страстной седмицы переселился на другую сторону дворца, чтобы житейскія, грѣшныя думы не возмущали благочестивыхъ размышленій, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимало обращеніе Кейстута; а Кейстутъ по ночамъ вынималъ и выкрашивалъ кирпичи, а днемъ строгалъ доски. Альфъ каждое утро приходилъ съ пустымъ мѣшкомъ, и показавъ Тримеру мѣшокъ, сапоги, шляпу и карманы, забиралъ свой грузъ въ самое короткое время; и часто, не сказавъ князю слова, выносилъ дорогія щепки и въ удобномъ мѣстѣ бросалъ въ Ногатъ; камень уходилъ ко дну, а щепки плавали, и люди дивились недостойной забавѣ короля язычника. Наступилъ и Великій Четвергъ. Великій магистръ въ залѣ, и нынѣ извѣстной подъ старымъ ея именемъ Refectorium, принималъ поздравленія ордена послѣ Святаго Причастія. Почетные гости и сановники находились тамъ же. Графъ Герардъ, по окончаніи торжественнаго по-

здравленія, — просилъ великаго магистра дозволить ему угостить его свѣтлость съ братьею во второй день праздника въ Маріенталѣ, загородномъ замкѣ, приписанномъ къ городскому вѣдомству Маріенбурга. — Книпроде согласился, хотя ему не нравилось это приглашеніе, и обѣщалъ быть со всею свободною братьею. Почему не понравилось Виниріху это предложеніе, объяснить не трудно. Онъ видѣлъ графа въ окнѣ съ Матильдой, — и этого было довольно, чтобы питать къ Герарду, если не полную ненависть, то ужъ по крайней мѣрѣ неудовольствіе. Виниріхъ согласился, но досадовалъ на себя зачѣмъ согласился, и когда вошелъ въ свою келью, гдѣ его ожидали баронъ Христофъ и Альфъ, — не могъ даже скрыть своей досады и сказалъ громко:

— «Христофъ! какъ хочешь, надо разрушить затѣю графа Герарда...»

— «Отпусти Готлиба, тогда поговоримъ.»

— «Ну, Готлибъ, что нашъ плѣнникъ?»

— «Я принесъ тебѣ, государь, пріятныя вѣсти.»

— «Въ самомъ дѣлѣ? Разсказывай, Готлибъ! Четыре дня я мучился въ тяжкой неизвѣстности. Пора принять награду за терпѣніе.»

— «Уединеніе и сосѣдство Тримера произвели сильное впечатлѣніе на язычника. — Во время наводненія, рыцарь Лука поразилъ Кейстута и вѣрою своею и теплотою молитвы... Онъ начинаетъ говорить съ уваженіемъ о Латинцахъ. И нѣтъ сомнѣнія, государь, любовь къ женщинѣ, христіанкѣ, довершила бы великое дѣло.. Пора бы имъ увидѣться.»

— «Хорошо тебѣ говорить, Готлибъ,» прервалъ баронъ: «да какъ это сдѣлать? Великій магистръ и никто изъ братіи не могутъ быть въ сообществѣ съ женщиной; это разъ, а другое, весьма важное обстоятельство... но ступай, Готлибъ, на свое мѣсто!»

— «Ступай! ступай!» сказалъ великій магистръ, и Готлибъ, поклонясь, вышелъ: «Какое же это обстоятельство, Кристофъ?»

— «Ни Гертруда, ни Матильда не рѣшаются на свиданіе съ королемъ-варваромъ.»

— «Это почему?»

— «Упрямство, женская прихоть! Я придумалъ средство: въ первое послѣ праздника воскресенье во дворцѣ моемъ я дамъ пиръ для свѣтскихъ гостей и для почетнѣйшихъ обывателей маріенбургскихъ; король Кейстутъ можетъ участвовать и въ трапезѣ и въ забавахъ на безопасномъ дворѣ моемъ. Городская стража будетъ окружать домъ мой, по обычаю. Но эти женщины... какъ хочешь, Виприхъ; ты долженъ уговорить ихъ, приказать.... Ахъ, да! Я и забылъ вотъ письмо къ тебѣ отъ Гертруды.»

— «Зачѣмъ она пишетъ?» сказалъ великій магистръ, принимая письмо дрожащею рукою: «Развѣ она не вѣритъ тебѣ?.. Боже великій! Она зоветъ меня въ Маріенталь, молитъ, заклинаетъ... Что мнѣ дѣлать?.. Вчера еще я приносилъ въ душѣ моей клятву, вчера еще я далъ самому себѣ торжественный обѣтъ... Кристофъ! Я не могу. Богъ не отпуститъ мнѣ грѣховъ моихъ... Кристофъ... Не

правда-ли, я не могу ей сказать, на что я рѣшился: это убьетъ ее, не правда ли?»

— «Винрихъ, Винрихъ! Вся жизнь твоя — крайности! Ты испугался послѣдняго свиданія, и правду сказать, оно было опасно; но въ Маріенталѣ, вспомни, можетъ ли тайна обнаружиться; можетъ ли малѣйшее сомнѣніе закрасться кому нибудь въ голову, когда кастеланомъ этого замка — я! Они и пріѣдутъ со мной, и пройдутъ въ замокъ черезъ лѣсную калитку... Вспомни, и безъ моей помощи, сколько свиданій было въ тайной башнѣ, а я узналъ о нихъ только теперь и отъ Гертруды. Пиръ будетъ роскошный, шумный; я знаю графа, я знаю его намѣренья; ты будешь имѣть всю возможность уклониться отъ шумнаго разгула въ тишинѣ отдаленной глухой башни, въ которую глядитъ только небо...»

Книпроде вздрогнулъ. Кристофъ продолжалъ:

— «Тамъ, на покоѣ, ты объяснишь Гертрудѣ огромный свой замыслъ: убѣжденія нельзя передать чужими устами, а можетъ ли твоимъ не повѣрить Гертруда? Этотъ глупый страхъ, это женское отвращеніе къ варвару, котораго онѣ видали мелькомъ, съ террасы, — разсѣются, уничтожатся, когда ихъ будетъ разрушать краснорѣчивый Винрихъ, витія всего христіанскаго міра, любимый другъ сердца, обожаемый отецъ. Другаго средства я невижу. Лучше оставить замыселъ, нежели блѣднѣть передъ самыми невинными средствами.»

— «О, я очень хорошо понимаю тебя, Кристофъ; ты правъ; но я точно слабъ, я боюсь за себя, за

свою чувствительность; довольно одного грѣха; и этого не могу оплакать, и за этотъ не могу усыпить, успокоить взволнованную совѣсть.»

— «Не смѣю спорить съ тобою, Винрихъ; но кто разъ въ жизни не былъ человѣкомъ? Сбылось — и ты отецъ; тутъ, кажется, есть уже и долгъ и обязанности. Дѣйствовать, такъ дѣйствовать — или сегодня же бросимъ замыслъ, который намъ не по силамъ...»

— «Не по силамъ! Я буду, Кристофъ, въ Маріенталѣ, я жду ихъ! Ты отвѣчаешь за все?..»

— «За все, за все, Винрихъ, и бѣгу устроить для тебя еще нѣсколько блаженныхъ человѣческихъ мгновеній.»

Три безконечные дня тянулись, тянулись — и прошли наконецъ; наступилъ второй день праздника. Ночью еще Альфъ простился съ Гертрудой и Матильдой, когда онѣ садились на красивыхъ коней, приведенныхъ имъ со двора барона Кристофа. Баронъ встрѣтилъ дамъ у выѣзда и къ утру онѣ уже были въ Маріенталѣ. Въ тайной башнѣ все было приготовлено для ихъ принятія, въ верхнемъ покоѣ, освѣщенномъ сверху небольшимъ куполомъ. Баронъ былъ внимателенъ ко всѣмъ дамскимъ прихотямъ: въ среднемъ ярусѣ башни была и уборная и комната для отдохновенія и крытая съ большими разноцвѣтными окнами галлерея, построенная наскоро въ два дня, съ которой невидимками, дамы могли смотрѣть и на турниръ и на соколиную забаву. Гертруда съ дѣтскою рѣзвостью бѣгала по этимъ комнатамъ и съ трудомъ могла узнавать

ихъ; такъ ихъ измѣнилъ баронъ Кристофъ! Онъ показалъ дамамъ какъ должно ходить изъ комнаты въ комнату, особенно вечеромъ, при свѣчахъ, какъ запирать хитрыя внутреннія ставни, какимъ образомъ добыть огня; и когда гости совершенно ознакомились съ своимъ хозяйствомъ, Кристофъ, безъ церемоніи, горячо обнялъ и Гертруду и Матильду.

— «Дѣти мои!» сказалъ онъ: «я любилъ васъ, какъ любилъ добраго и достойнаго Винриха. Не вѣкъ жить вмѣстѣ. Можетъ быть, намъ надо будетъ разъѣхаться послѣ сегодняшняго еще вечера. Настаивайте и просите! Винрихъ добръ. Но если онъ крѣпко заупрямится, ну, тогда вы меня уже больше не увидите, но будете счастливы! Я за это ручаюсь. На рабочемъ столѣ твоемъ, Матильда ты найдешь и совѣтъ отъ меня и помощь... Простите, дѣти мои! Ахъ, Матильда! Я всегда буду сожалѣть, что сынъ мой Григорій не графъ Герардъ! Простите!»

Баронъ еще разъ обнялъ своихъ питомицъ и отирая слезы, ушелъ въ тайныя двери, которыя, черезъ длинный, темный, также освѣщенный только сверху коридоръ, вели въ главное отдѣленіе замка.

— «Что съ нимъ дѣлается?» спросили дамы одна другую.

— «Надо молчать, Матильда. Онъ точно любитъ насъ, и мы должны ему вѣрить...»

Раздались звуки роговъ и дамы выбѣжали на цвѣтную галлерею. Множество всадниковъ въѣхало на мощеный дворъ замка. То былъ графъ Гер-

ардъ съ своими людьми; за ними втащился на дворъ обозъ и обозная прислуга. Въ одно мгновеніе повозки опростались и очистили дворъ. Не успѣла утихнуть эта суматоха, какъ рога возвѣстили о прибытіи гостей и великаго магистра. Какъ въ калейдоскопѣ, перемѣнялись картины въ цвѣтныхъ окнахъ воздушной галлереи. Кристофъ увелъ Книпроде и вручилъ ему попути таинственный ключъ. Виприхъ переодѣлся въ нижней палатѣ, и начался турниръ. Графъ Герардъ остался побѣдителемъ, и Матильда, не будь матери, непремѣнно бы разбила красивыя стекла и, можетъ быть, разрушила бы весь романъ мой. Начался пиръ, и дамамъ стало очень скучно: онѣ могли видѣть только бѣготню слугъ, роскошь и разнообразіе блюдъ, а сами должны были довольствоваться весьма скуднымъ, сравнительно, обѣдомъ. Но впрочемъ имъ вовсе было не до ѣды: онѣ ждали неизвѣстной, таинственной развязки этого роковаго праздника.

Стало и вечеретъ. Видно, пиръ былъ слишкомъ занимателенъ и веселъ: всѣ забыли про соколиную забаву. По двору стали носить уже не бутылки, а боченки и стеклянныя фигуры, изображавшія рыцарей, башни, звѣрей, и все это было наполнено дорогимъ виномъ.

Смеркалось. Осторожная Гертруда заперла хитрыя ставни, зажгла свѣчи, а сама дрожала и прислушивалась. Но еще не мало времени прошло въ напрасномъ ожиданіи. Наконецъ послышались шаги по длинному корридору. Гертруда не могла устоять на мѣстѣ: сердце сильно забилось, духъ занимался...

Гертруда упала на софу и закрыла глаза руками... Шаги приближались... Ключъ щелкнулъ — вошелъ Книпроде... Въ концѣ длиннаго перехода, съ другой стороны, стоялъ Кристофъ, протянувъ руки къ великому магистру, который уже не могъ его видѣть.

— «Прости, мой добрый Виприхъ! прости! Жаль мнѣ тебя; я пожертвовалъ дружбой и счастіемъ твоимъ для дѣтей моей Ольги... Прости!»

Слезы выступили изъ глазъ старца; онъ тяжело вздохнулъ, посмотрѣлъ на небо: тамъ сіяла вечерняя звѣзда, и улыбка умиленія, тихая, безмятежная, оживила старыя уста. Неслышно онъ вошелъ въ спальню великаго магистра, по небольшой лѣсенкѣ спустился внизъ; ни кѣмъ незамѣченный вышелъ въ свою завѣтную калитку, прошелъ лѣсомъ шаговъ триста; тамъ ожидалъ его жукъ съ лошадьми — и оба всадника во всю скачь понеслись въ Маріенбургъ окольной дорогой.

—

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ПОЖАРЪ.

У самаго городскаго выѣзда, по дорогѣ въ Маріенвердеръ, за мостикомъ черезъ небольшую рѣчку, стояла корчма или гостинница, или постоялый дворъ, какъ угодно назовите, потому что это зданіе не похоже было ни на то, ни на другое, ни на третіе. Справедливѣе было бы назвать его набачкомъ, шинкомъ. Въ низкой и единственной избѣ, перегороженной на двѣ неравныя части, гнез-

дилось цѣлое племя жидовъ, жидовокъ и жиденятъ. Шинокъ этотъ однимъ бокомъ стоялъ на дорогу, а другимъ на Ногатъ. Послѣднее наводненіе разломало и унесло заборъ, или плетень, окружавшій небольшой огородъ, и шинокъ стоялъ на пригоркѣ, какъ сиротка, безъ родства и знакомства. Не смотря на позднее время, потому что уже было близко полуночи, народонаселеніе этого оазиса не спало, и въ трехъ небольшихъ узкихъ окошкахъ, торчало многое множество грязныхъ и нечесанныхъ дѣтскихъ головъ. Комическій страхъ царствовалъ въ шинкѣ; потому что къ послѣднимъ останкамъ плетня, привязаны были три добрыя лошади. Жидовская смѣтка тотчасъ по чепракамъ и збруѣ догадалась, что эти кони съ конюшни великаго магистра. Рыцарь привелъ этихъ лошадей, а самъ изъ тѣхъ же остатковъ забора выдернулъ колъ и подперъ двери, такъ что жиды не могли никакою хитростью и силою выходить изъ шинка. Это распоряженіе не предвѣщало ничего добраго; но страхъ между жидами достигъ до высочайшей степени, когда на рѣкѣ показался катеръ генеральнаго фохта и остановился у самаго шинка. Не оставалось сомнѣнія, что баронъ затѣваетъ ночной обыскъ или другое какое-нибудь зло. Рыцарь ходилъ взадъ и впередъ, потиралъ руки и безпрестанно оглядывался на дорогу въ Маріенвердеръ. Наконецъ прискакали давноожиданные гости. Лошади сданы на руки жуку, а баронъ съ рыцаремъ пошли къ катеру...»

— «Господи благослови!» сказалъ баронъ, подходя къ катеру: «Все ли готово, дѣти мои?»

— «Все, какъ приказано,» отвѣчалъ жукъ. Весла взмахнули и генеральный фохтъ объѣхавъ Маріенбургъ, черезъ широкіе каналы возвратился въ Ногатъ. Почти весь городъ въ этотъ день переселился въ Маріенталь, и остался тамъ, въ надеждѣ, что завтра будетъ еще турниръ, а ужъ по малой мѣрѣ соколиная охота. И тѣ, которые остались, отъ скуки и зависти улеглись заблаговременно спать, такъ что по всей площади торчала только одна фигура, и то каменная. То была статуя на монументѣ, воздвигнутомъ Дусмеромъ строителю Маріенбурга. Катеръ спокойно легъ въ тростникѣ, обильно покрывавшемъ пустой берегъ противу башни, гдѣ содержался Кейстутъ. Весенній туманъ стлался надъ рѣкою и разливался по всей отлогости берега, на которомъ былъ расположенъ новый посадъ. Ни вѣтру, ни волны, ни звѣздочки; только въ тростникѣ можно было услышать легкій шепотъ и стукъ. Баронъ Кристофъ надѣвалъ вооруженіе нѣмецкаго рыцаря и объяснялъ своимъ гребцамъ какъ должно поступать въ предстоящемъ подвигѣ:

— «Богъ дастъ, онъ въ десять минутъ будетъ на лодкѣ; съ полчаса, я думаю, придется намъ подыматься вверхъ; боюсь, Омелька оплибется, обочтется и зажжетъ рано.»

— «Не бось, бояринъ,» сказалъ гребецъ по русски: «Омелька сегодня съ утра ничего въ ротъ не бралъ. Ему что-то сегодня не доброе во снѣ причудилось. Ночью его съ постели будто рукой вытолкнуло; спалъ онъ у меня въ сборной избѣ, гдѣ работники; тѣ товаръ всю ночь нагружали на

суда, чтобы сегодня къ утру изготовиться, а онъ одинъ спалъ; слышу, вскочилъ Омелька, да и бормочетъ про себя разную чертовщину. Я ему и говорю: что ты, Омелька, ради свѣтлаго праздника такую скверну говоришь? А онъ мнѣ на это: «Полно, Артемьичъ, и самъ знаю, что грѣхъ, да съ испугу не то еще оболтнешь. Ну ни дать, ни взять, на яву чертовъ старикъ, что за анста вступился, да оступился, съ каланчи упалъ, да духъ вонъ, вотъ тотъ самый, что я разсказывалъ, пришелъ, да и будитъ меня: Вставай! говоритъ, я за тобой пришелъ, зажегъ ты гнѣздо моего друга, я тебя, зажигателя!—Ну самъ скажи, Артемьичъ, будто это сонъ?» — Больно струхнулъ Омелька, цѣлый день ни хмѣльнаго, ни съѣстнаго въ ротъ не бралъ. Когда русскіе наши купцы поутру отмолились, да на суда сѣли, чтобы, чуть огонь на посадѣ покажется, захватить Омельку, да и въ путь по теченію. Омелька разъ десять къ намъ приходилъ; да каждый разъ и говоритъ: «Послушайте, сосѣди, боюсь я воды; не то буря, не то диво морское, не то болѣзнь меня одолѣетъ; дайте лучше денегъ, я и по сухому пути уйду; конь у меня добрый, на конюшнѣ у того боярина откормился, духомъ уйду; а то еще чего добраго, какъ спохватятся, такъ и за васъ примутся; такъ лучше дайте денегъ, да и отчаливайте. Подумали мы, потолковали, понравился намъ толкъ Омельки: дали ему денегъ, а суда съ якорей — да и съ Богомъ! Чай, теперь ужъ близко залива.»

— «Ахъ ты Господи! Ну, а вы какъ?»

— «А мы какъ? — Да по милости Господней, пройдемъ и на стругѣ до залива; а не найдемъ ихъ тамъ, такъ подъ Пилавой обождутъ. Вѣдь мы тебѣ давно говорили, что хоть умереть, а ужъ братца нашему милостивцу Ольгерду Гедыминичу воротимъ. Вотъ какъ у насъ черная смерть въ Новѣгородѣ была; дай ему Господи многія лѣта, съ послами много казны прислалъ, и Нѣмцамъ Инфландскимъ послалъ сказать, что за насъ вступится. Полоцкая дружина съ бояриномъ, чай, и теперь на Двинѣ стоитъ; такъ и Омелька говорилъ, что когда сталъ нашъ сосѣдъ за брата ополчатся, такъ въ Полоцкъ не велѣлъ ѣздить съ наказомъ, говоритъ: «и тамъ де нужно...» Такъ ужъ намъ, что-ли, на чужой землѣ своего выдать?—И торги тутъ плевые; пусть другіе, а мы порѣшили: товаръ въ Гданьскъ возить. Пока еще ты тутъ жилъ, туда сюда, а чай, и ты теперь не останешься?...»

— «Охъ, Артемьичъ! Дай-то Богъ только это дѣло счастливо...»

— «Э, спустимъ, бояринъ! Въ товарищахъ у меня на стругѣ два хозяина, да двадцать одинъ работникъ; такъ по жеребію пришлось... Не выдадимъ. Только, что твои жуки теперь себѣ думаютъ, когда на твоемъ стругѣ чужихъ въ своей кожѣ видятъ?...»

— «Какъ бы не такъ! Видятъ они теперь пьяныхъ рыцарей или оскребыши облизываютъ.»

— «Такъ ты и ихъ туда упряталъ?»

— «За одно, пускай веселятся.»

— «Да, чай, до завтраго никто и не спохва-

тится; а тутъ еще съ-пьяна, да на пожарѣ умаются, до обѣденъ проспятъ; а мы, бояринъ, пойдемъ на веслахъ въ очередь, безъ устали, по теченію; да и грузъ-то плевый: только съѣстное про случай... Догонимъ своихъ. А стругъ, бояринъ, хотимъ затопить.»

— «Какъ хотите, а любо было бы сосѣду, да хоть и самому Троцкому князю, на озерѣ у себя тотъ стругъ поставить.»

— «А что ты думаешь, бояринъ, право не глупо выдумано. Мы по пути блянки снимемъ, подушки въ одно мѣсто сбросимъ, львиную голову съ носа отвинтимъ, такъ и ты своей байдары не узнаешь...»

Загудѣлъ колоколъ на полночь — и всѣ вздрогнули. Князь снялъ шлемъ, всѣ послѣдовали его примѣру, и молча стали молиться. Только одинъ Альфъ стоялъ безъ молитвы; въ глубокой задумчивости, онъ безмолвно смотрѣлъ недвижными глазами на измятый катеромъ тростникъ, съ которымъ играло теченіе. Сердцу было больно, тѣсно въ груди; и стыдно, а все-таки досада кусала Альфа: зачѣмъ отнесъ онъ Кейстуту роковую веревку съ надежной петлей; и зачѣмъ не обыскалъ его Тримеръ, и зачѣмъ онъ не смотрѣлъ на Альфа, когда пропускалъ его съ мѣшкомъ? Альфъ былъ вдвое толще противъ обыкновеннаго; веревка обвивала его, какъ поясъ Криве-Кривейто не сорокъ разъ, а безъ счета. Какъ глупъ этотъ Тримеръ!..—Можетъ быть, Бирута отказалась отъ почетнаго брака потому только, что знала про плѣнъ Кейстута... Нѣтъ! нѣтъ!

Она сама сказала Альфу... Клятва ея велика, свята; она не измѣнитъ клятвѣ... И въ это мгновеніе загудѣлъ колоколъ; неизъяснимая горечь пролилась по сердцу Альфа. На шестомъ ударѣ, съ башни въ близлежащую канаву что-то упало съ плескомъ; поднялась рука Кристофа и катеръ выплылъ изъ тайнаго убѣжища. Альфъ не могъ устоять на ногахъ, сѣлъ, голова кружилась, сердце стучало...

— «Не бойся, Альфъ!» сказалъ Кристофъ: «Еще полчаса бодрости — и дѣло уладится.»

Тихо захватывали воду осторожныя весла; не успѣли они поворотить въ канаву, обливавшую подошву башни, какъ изъ чернаго пятна, темнѣвшаго на самой ея вершинѣ, вылетѣлъ свертокъ доброй веревки и распутываясь катился внизъ. Артемычъ на-лету поймалъ конецъ веревки; нѣсколько человѣкъ гребцовъ схватились за него и стали тянуть, что было силы.

— «Тише, черти!» сказалъ Артемычъ «этакъ пожалуй оборвете, тогда все дѣло въ воду... Тише... Вотъ онъ!»

И въ самомъ дѣлѣ подъ самымъ проломомъ, которое на башнѣ казалось черным пятномъ, повисъ Кейстутъ; быстро ногами онъ уцѣпился за веревку, и какъ соколъ на добычу, упалъ съ такой силою на руки русскихъ гребцовъ, что катеръ пригнулся и хлѣбнулъ воды. На рукахъ добрые молодцы передали князя на корму, и онъ съ растрепанными кудрями, съ оборванными локтями и коленками, окровавленный и по рукамъ и по ногамъ отъ соколинаго полета, легъ на коврѣ, разостлан-

номъ на днѣ катера, и не могъ сказать слова отъ усталости и волненія. Весла опять пошли работать осторожно, и уже на половинѣ Ногата князь пришелъ въ себя и нѣсколько успокоился. Всталъ Кейстутъ.

— «Поздравляемъ княжую милость твою! Слава Господу!» грянули, забывшись, гребцы.

— «Безумцы!» закричалъ баронъ Кристофъ, и весла пошли шибче. Тогда только Кейстутъ бросился обнимать Альфа и боярина. Гребцы безпрестанно вставали и кланялись.

— «Довольно, довольно!» шепталъ Кристофъ. «Еще успѣемъ натѣшиться. Вотъ тебѣ, князь, и шлемъ и броня, и мечъ и щитъ и копье, и плащъ — одѣвайся! Альфъ, помоги князю!»

Но руки Альфа дрожали; съ трудомъ могъ онъ застегивать наручники и наколѣнники.

— «Что съ тобой, Альфъ?» не разъ спрашивалъ князь; тотъ молчалъ и лихорадка возрастала. Наконецъ достигли они до знакомаго намъ шинка; молча сѣли на коней великаго магистра; молча всѣ трое тронулись въ путь. Кристофъ оглянулся: въ туманѣ вставало, на сѣверной сторонѣ маріенбургскаго посада, на самомъ краю, пожарное зарево.

— «Ай да Омелька!» воскликнулъ Кристофъ: «Ну, теперь давай Богъ ноги!»

И всѣ трое шибкой рысью понеслись по большей дорогѣ. Нѣсколько мгновеній еще бѣлѣли три рыцарскіе плаща, и тѣ утонули въ туманѣ.

— «Ну, жаль мнѣ васъ, добрые кони!» сказалъ

жукъ по-русски къ лошадямъ, на которыхъ онъ пріѣхалъ съ барономъ изъ Маріенталя: «Кому-то вы достанетесь! Взялъ бы я и васъ съ собой, да не помѣститесь! Прощайте, спасибо!»

Жукъ соскочилъ въ катеръ, смѣнилъ Артемьича, а тотъ сѣлъ на руль, и катеръ съ усиленною быстротою полетѣлъ внизъ по Ногату, и также утонулъ въ туманѣ. А пожаръ все пуще, да пуще, такъ что цѣлый огненный столбъ поднялся у эльбингскаго выѣзда; далече можно было видѣть зарево — и его увидѣли въ Маріенталѣ.

Напрасно отецъ-казначей съ братіей стучался въ спальню великаго магистра: тамъ было и темно и тихо, никакого признака жизни. Между тѣмъ поскакали гонцы, чтобы провѣдать, что горитъ и почему; бросились искать Кристофа; но Кристофа нигдѣ не было. Волненіе, суматоха, бѣготня достигли до слуха Матильды. Отецъ и мать, благословивъ ее на покой, отпустили въ нижнія комнаты, а сами продолжали свою бесѣду; но Матильда не могла успокоиться: Виприхъ на-отрѣзъ отказалъ ей въ душевной просьбѣ. Завтра положено было выпросить графа изъ Маріенбурга, и бѣдная Матильда въ грустныхъ размышленіяхъ, будто безчувственная, лежала на мягкой софѣ въ уединенной комнаткѣ отдохновенія. Въ ней еще теплилась надежда; слова Кристофа глубоко запали ей въ душу. Ей показалось, будто въ шумѣ на дворѣ она слышитъ голосъ Кристофа. Трепетно встала Матильда, задула свѣчи, осторожно отворила ставни и громко завричала: «Пожаръ, пожаръ въ Ма-

ріенбургъ!..» На голосъ Матильды прибѣжала Гертруда и вмѣстѣ съ дочерью стала кричать: «Пожаръ, пожаръ!» Вслѣдъ за нею сошелъ и Винрихъ, закутанный въ широкій свой плащъ и ужаснулся.

— «Боже великій! Тамъ нѣтъ никого! Безъ Кристофа тамъ некому и распорядиться: всѣ рыцари здѣсь. Ни ума, ни помощи! Гертруда, Гертруда! Ты видишь, Богу не угодно было это свиданіе!.. За нарушеніе еще свѣжаго обѣта казнь идетъ по пятамъ! Умилосердись, Господи!..»

И, не прощаясь, Винрихъ ушелъ наверхъ. Скоро раздались шаги въ темномъ корридорѣ, весь орденъ и всѣ гости сѣли на коней, и маріенбургская дорога покрылась всадниками. Гонецъ за гонцемъ попадались навстрѣчу Винриху и умножали его безпокойство. На полпути онъ встрѣтилъ трехъ рыцарей. Въ темнотѣ можно было узнать ихъ только по плащамъ, и уже никакъ по лицамъ, покрытымъ густою рѣшеткою забраль. Винрихъ остановилъ коня и спросилъ:

— «Откуда?»

— «Изъ Маріенбурга!» отвѣчалъ, повидимому, старшій.

— «Что пожаръ?»

— «Баронъ Кристофъ тушитъ!»

— «Кристофъ тамъ! Ну, я теперь спокойнѣе! А вы куда?»

— «Въ Маріенвердеръ. Командоръ прислалъ за нами брата Іеремію; командоръ на одрѣ смерти!»

— «Спѣшите, спѣшите, и дайте мнѣ знать, чѣмъ Богъ разрѣшитъ земную судьбу любимаго брата.»

— «Благослови, государь!»

Виприхъ осѣнилъ рыцарей знаменьемъ креста и поспѣшилъ въ Маріенбургъ; а три наши маріенвердерскіе рыцари покойно, безъ особенной поспѣшности, поѣхали дальше; по всей дорогѣ встрѣчались съ ними рыцарей и мѣнялись братскимъ привѣтомъ.

— «Ну,» сказалъ Кристофъ, когда миновали поворотъ въ маріентальскій замокъ: «Теперь, я думаю, мы не встрѣтимъ до самыхъ рубежей нашихъ ни одного рыцаря...»

— «Но, дядя,» замѣтилъ князь: «я люблю такія шутки; да все не могу отгадать, отчего мы поѣхали прямо навстрѣчу великому магистру. Они могли...»

— «Что они могли? Узнать насъ! Нѣтъ, князь, у нихъ пожаръ на умѣ! У каждаго изъ нихъ на посадѣ есть теплое мѣстечко или живой кладъ, или животворное вино: не объ насъ имъ забота. А ужъ за то по этой дорогѣ за нами погони не будетъ. Они пошлютъ людей на Остерроде да на Эльбингъ, и то развѣ завтра къ вечеру, а мы вотъ сейчасъ тутъ за лѣскомъ проселкомъ на Либштадтъ поворотимъ. Альфъ выбралъ добрыхъ коней у Книпроде; день пронесутъ насъ безъ усталости, а въ Либштадтѣ другихъ найдемъ; а подъ Растенбургомъ еще стоитъ смѣна.»

— «Подъ Растенбургомъ?» спросилъ Кейстутъ, примѣтно взволнованный: «Тамъ Кранихфельдъ...»

— «Онъ въ Римѣ. Будетъ докладывать папѣ, какъ онъ взялъ тебя въ плѣнъ, когда...»

— «Когда я буду жечь его растенбургское гнѣздо! О, я ему никогда не забуду западни у Нийолы!..»

— «Если старая моя голова небольно поглупѣла, такъ, я думаю, около Растенбурга и своихъ найдемъ... А вотъ и нашъ путь; князь, поѣзжай осторожнѣе: тутъ дурная дорога, а теперь вся наша мудрость въ конскихъ ногахъ... Прощай, Виприхъ! Бѣдный Виприхъ! Много зла за свободу одного человѣка! Прощай, Гертруда! Прощай, Матильда, дочь моего сердца. И каково же, князь, одна Матильда, которую я люблю больше всѣхъ женщинъ, она одна обрадуется нашему отъѣзду!..»

Кристофъ былъ правъ: едва къ утру потушили пожаръ. Но проклятіе Ингована сбылось самымъ страннымъ образомъ. Когда русскіе купцы съѣхали съ вольныхъ квартиръ своихъ, расположенныхъ у самаго альбингскаго выѣзда, Омельянъ съ Панкратьевки, полоцкій лѣшій, получилъ отъ нихъ деньги и отправился прямо въ питейный домъ, гдѣ на этотъ разъ не было посѣтителей, по случаю турнира и большаго празднества въ Маріенталѣ. Плохой день для откупщика, даромъ что праздничный, и Омельянъ, къ удивленію своему, нашелъ, что всѣ напитки въ этотъ день подешевѣли. Какъ не воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ, да еще на чужія деньги? Чуть не весь погребъ выпилъ Омельянъ, чуть не всѣ деньги истратилъ въ нѣмецкомъ кабачкѣ, и едва не на четверинкахъ дошелъ до сборной избы. Тамъ уже никого не было, только хозяйская дочка выметала соръ и мыла окна послѣ постояльцевъ.

— «Что, ты не увидалъ?» спросила она Омельяна по-нѣмецки.

— «Болтай, болтай себѣ на чертовъ ладъ!» отвѣчалъ Омельянъ, и повалился на скамью: «Гм! Подожги! Заплачу. Иначе ты сирого князя не увидишь! Изволь, намъ ни почемъ Нѣмцевъ поджаривать. А ужъ за князя, хочешь, весь замокъ подожгу! Надо же было боярину Цвиркуну догадаться, что Омельянъ, когда не пьянъ, на все горазденъ. Голова, голова, нечего сказать, большая голова этотъ Цвиркунъ, да и у того, у русскаго Нѣмца не меньше! Говоритъ боярину: всѣмъ у меня хорошо, да только ни одного Русскаго при мнѣ нѣтъ, а надо бы. Небось, Цвиркунъ изъ своихъ никого не оставилъ... дрянь... На что они годны, кашевары?.. Омелька за себя постоитъ... Ужъ чего, кажется, великій князь... Вѣдь то же голова... одинъ лобъ словно башня... А нужно гонца... Подай сюда Омельку... Ужъ, нечего сказать, можно понадѣяться...»

И надежный человѣкъ заснулъ богатырскимъ сномъ. Стало смеркаться. Аккуратный хозяинъ заперъ ворота своего опустѣвшаго двора, принесъ Омельяну охапку соломы, постлалъ на полу и сталъ будить, чтобы перенести его съ твердой скамьи на мягкую постель. Куда! Омелька такъ лягнулъ ногой, что Нѣмецъ, не отъ удара, а отъ одного богатырскаго движенія, отскочилъ въ противуположный уголъ сборной избы, и, не рѣшась болѣе тревожить спящаго, пошелъ къ себѣ, зажегъ небольшой ночникъ или лампу и поставилъ въ сборной

избѣ на лежанкѣ, ради безопасности. Уходя, Нѣмецъ заперъ двери на ключъ, чтобы Омельянъ не ушелъ ночью со двора безъ его вѣдома, и улегся въ постель со множествомъ перинъ.

Передъ самой полуночью, Омелька и спитъ и видитъ: идетъ проклятый старикъ прямо къ нему, беретъ его за руку и говоритъ ту же рѣчь, что и въ прошлую ночь: «Вставай! Я за тобой пришелъ, зажегъ ты гнѣздо моего друга. Я тебя, зажигателя! Вставай!..» Омелька вскочилъ, но не могъ перекреститься, не могъ вымолвить слова: старикъ стоялъ передъ нимъ; глаза какъ у волка, волоса свиной щетиной торчатъ на немъ; ноги у него какъ у аиста; и стоитъ на одной ногѣ. Омельянъ скатился со скамьи на солому, а старикъ замахалъ надъ нимъ крыльями; схватилъ Омельянъ въ обѣ руки по пучку соломы, да и давай отъ старика отмахиваться, наткнулась солома на ночникъ, занялась, разлилась большимъ огнемъ и звуки далекаго колокола застонали; ударила полночь; старикъ исчезъ. Омельянъ уронилъ горящіе пучки соломы на полъ, и сталъ креститься. Пламя побѣжало по полу, по сухой постели; задымилась стѣна и вспыхнула. Омельянъ бросился къ дверямъ, — заперто, а пламя пуще. Нѣмецъ услышалъ и стукъ и крикъ, но какъ человѣкъ аккуратный, сталъ одѣваться, и когда отворилъ двери, и пламя и дымъ ударили ему навстрѣчу; вся изба и мертвый Омельянъ, простертый на полу, были въ огнѣ. Сосѣди стучались на дворъ. По улицамъ били въ набатъ; съ твердыни раздались колокола

на тревогу, пламя росло, бросилось къ сосѣдямъ, и поутру рано еще, на довольно большомъ пепелищѣ, обыватели ходили съ ведрами, и топорами, и тушили огонь, гдѣ онъ еще подъ пепломъ таился.

Напрасно въ завѣтномъ окнѣ у великаго магистра во всю ночь горѣла свѣча; напрасно жуки и рыцари искали Кристофа, даже слѣда не могли отыскать, пропалъ безъ вѣсти. Пріѣхали домой и наши дамы, и графъ Герардъ съ ними, и всѣ трое бросились въ комнату Матильды. Кристофъ не обманулъ: на столѣ лежалъ обѣщанный свитокъ, обвязанный зеленой лентой, съ большою печатью. Развернули свитокъ, читаютъ и не могутъ понять ничего. Это не отъ Кристофа. Какой-то князь Юрій Романычъ пишетъ къ нимъ; совѣтуетъ ложиться спать, потому что завтра въ Маріенбургѣ будетъ такая тревога, какой еще не бывало. «Милая Матильда!» такъ пишетъ этотъ князь дальше: «Я въ свою жизнь умѣлъ любить, и понимаю твою любовь. Завтра же ты увидишь утѣшительный блескъ той волшебной звѣзды, которую называютъ надеждой. Но сидите смирно; графъ пусть молчитъ, не требуетъ руки твоей, пока не стихнетъ бѣшенство Кииproде; оно пройдетъ черезъ три, четыре дня. Если будутъ васъ обвинять, говорите на меня, на вашего злобнаго, коварнаго друга, барона Кристофа, да на Альфа, котораго вы называли Готлибомъ...»

— «Альфъ!» вскрикнула Гертруда, и упала безъ чувствъ на руки графа.

— «Что съ нею?.. Что съ нею?..» спросила испуганная Матильда, и чтеніе было прервано въ самомъ занимательномъ мѣстѣ. Не скоро очнулась Гертруда. Ее уложили въ постель. Слабымъ, дрожащимъ голосомъ она безпрестанно повторяла: «Читайте, читайте!» И Матильда сѣла у изголовья матери, а графъ у ногъ, и опять стали читать:

«Богъ далъ мнѣ,» такъ писалъ Кристофъ: «двухъ сыновей и ни одной дочери. Я полюбилъ тебя, Матильда, и назвалъ въ сердцѣ моею дочерью. Я обѣщалъ Винриху завѣщать тебѣ мои богатства; но у меня, кромѣ Матильды, есть дѣти: я никого не обидѣлъ, раздѣлилъ васъ, какъ добрый отецъ. Казну мою я отослалъ уже сыновьямъ, а помѣстье подъ Данцигомъ, дворецъ мой въ Маріенбургѣ и шесть мызъ въ Инфлантахъ и Пруссахъ — твои, Матильда!.. Завѣщанье найдете въ городской ратушѣ. Когда вы читаете мое посланіе, меня уже нѣтъ на этомъ свѣтѣ!»

Чтеніе опять остановилось. И мать и дочь, обѣ заплакали. Графъ взялъ свитокъ изъ рукъ Матильды, и продолжалъ читать:

«Обнимите Винриха отъ меня, если вамъ это удастся, но скройте отъ него мое преступленіе. Молю васъ и заклинаю! Я его любилъ, какъ друга, и продалъ, какъ измѣнникъ. Пусть лучше думаетъ, что Альфъ одинъ освободилъ Кейстута...»

— «Кейстута!» воскликнули всѣ дамы въ то самое мгновеніе, когда слуги уже отворяли ставни. Солнце весеннее ликовало на ясномъ небѣ; на широкомъ Ногатѣ чернѣло множество лодокъ, осо-

венно около башни. Стѣна, по которой былъ ходъ въ башню, покрыта была рыцарями. Въ самой башнѣ великій магистръ разспрашивалъ набожнаго Тримера, какъ все это могло случиться. Тримеръ, молча, указывалъ одною рукою на проломъ, а другою на столярный станокъ и орудія.

Между тѣмъ изъ замка два отряда, каждый во сто коней, выѣхали на площадь, передъ самымъ домикомъ съ террасой размѣнялись братскимъ привѣтомъ и разъѣхались; одинъ отрядъ поѣхалъ по дорогѣ на Остерроде, другой — на Эльбингъ.

Прошло нѣсколько дней; въ домикъ съ террасой собралось много гостей. Поздравляли Матильду съ достойнымъ женихомъ; но она, ко всеобщему удивленію, не была весела; примѣтно, не хотѣла говорить о своемъ счастіи и съ грустію поглядывала на Гертруду. И было о чемъ грустить. Гертруда уже на себя не походила; тайная глубокая тоска страшно измѣнила красивую, роскошную женщину; глаза впали и сверкали болѣзненнымъ, какимъ-то непріятнымъ блескомъ. Она задумывалась такъ глубоко, что не отвѣчала на вопросы, сколько-бы разъ ихъ не повторяли... Она не могла слушать, когда разговаривали о бѣгствѣ Кейстута; и если рѣшалась сама сказать слово, то оно всегда относилось къ графу Герарду. Она торопила его поскорѣй сыграть свадьбу и уѣхать изъ Маріенбурга. Не только гости, но и сама дочь не могли понять причины ея скорби и тайной болѣзни... Напрасно всѣ старались сколько нибудь ее разсѣять... нѣтъ, она не могла под-

нять глазъ. Зеркальная поверхность Ногата, мрачная башня съ проломомъ, котораго еще не успѣли задѣлать, веревка, которую забыли снять, и вѣтеръ игралъ съ нею какъ съ торжественнымъ знаменемъ; окна великаго магистра, съ гордой высоты своей, будто съ презрѣніемъ и упрекомъ глядѣли на домикъ съ террасой, и этотъ домикъ, и эта терраса, свидѣтели печальныхъ тайнъ... Бѣдная Гертруда! она бы хотѣла уйти на край свѣта, спрятаться въ пустынѣ, не встрѣчать человѣческихъ взоровъ, а тутъ какъ нарочно, гости, да гости, несносные, странные гости. Они хотятъ утѣшить неутѣшную; они могутъ знать тайну. Кто поручится за такихъ измѣнниковъ, какъ Кристофъ и Готлибъ?.. и каждое слово ей кажется намѣкомъ, каждый любопытный взоръ—насмѣшкой... Гертруда утомилась отъ тягостныхъ мукъ, и впала въ эту странную задумчивость, въ которой душа будто отлетала, а передъ изумленными гостьми сидѣла восковая Гертруда.

— «Что это?» сказалъ бургомистръ, подходя къ окну: «Великій Боже! Это тѣ самыя лошади, которыя пропали съ конюшни его свѣтлости, въ ночь на третій день праздниковъ!» Всѣ бросились къ окну: Гертруда задрожала всѣмъ тѣломъ и шепотомъ спросила:

— «Матильда, такъ ихъ поймали?...»

— «Кого, матушка?»

— «Этого... какъ его... тише... послѣ... узнай.. спроси...»

Некого было спросить. Латникъ, сидѣвшій на

середней лошади, не отвѣчалъ на вопросы и проѣхалъ шажкомъ прямо въ замокъ.

— «Письмо къ великому магистру!» сказалъ латникъ, когда конюхи окружили его и осыпали вопросами.

— «Приказано въ руки отдать!» И латника повели въ келью Книпроде.

Виприхъ сидѣлъ у окна, облокотивъ голову на косякъ и не сводя глазъ съ домика съ террасой. Ввели латника. Тотъ преклонивъ колѣно, подалъ письмо.

— «Отъ кого?» спросилъ великій магистръ сухо.

Латникъ молчалъ, а Книпроде прочелъ громко по-латинѣ:

«Либштатъ, 12 апрѣля. Отсылаю лошадей твоихъ, благородный Виприхъ и благодарю за гостепріимство. Если по волѣ боговъ, ты или кто изъ первыхъ твоихъ сановниковъ, попадется ко мнѣ въ плѣнъ, обѣщаю дать безопаснѣйшее помѣщеніе.

Кейстутъ.»

—

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

КРИВЕ-КРИВЕЙТО.

На леценбургскомъ пепелищѣ тянулся довольно большой станъ князя Бориса Юрьевича съ Троцкой, Гродненской, Бѣльской и Брянской дружинами. Бояринъ Мондвидъ былъ при нареченномъ зятѣ для порядка и совѣта. Въ княжеской палаткѣ, хотя уже было довольно поздно, за походнымъ пиромъ сидѣлъ Цвиркунъ съ обоими племянника-

ми, Мондвидъ и еще нѣсколько человѣкъ меньшихъ бояръ и воеводъ. Не веселъ былъ пиръ. Надежды, привезенныя Цвиркуномъ были такого рода, что имъ никто, даже самъ Цвиркунъ, не вѣрилъ. Надежды на счастливый походъ были также плохи. Апрѣль былъ въ половинѣ. Съ особеннымъ трудомъ можно было исполнять военныя движенія въ болотномъ краѣ: рѣки разошлись, земля растворялась; показывалась вездѣ зелень и только постоянная, ясная и теплая погода нѣсколько утѣшала людей ратныхъ. Всѣхъ грустнѣе, всѣхъ угрюмѣе былъ Цвиркунъ. Передъ нимъ стояла непочатая чара стараго алуса; глядя на него никто не смѣлъ, да и не могъ пить.

— «Встанемъ!» сказалъ Цвиркунъ: «Утро вечера мудренѣе. Да только я не засну на этомъ проклятомъ мѣстѣ. И что за охота пришла вамъ станъ у чертовой бани поставить. Если бы не такъ поздно, право, не мѣшало бы подняться съ этого заколдованнаго пепелища. Жаль людей, а то бы эту баню къ нечистому... Чтобъ ей добра не было... Вотъ право, съ того дня я и въ своей банѣ не былъ, ни въ Вильнѣ, ни въ Трокахъ!... Видно, такъ на поганой землѣ придется и умереть не умытымъ...»

— «Полно, сватъ,» сказалъ Мондвидъ, снимая шапку: «Заступи и помилуй насъ Пресвятая Богородица! Богъ милостивъ, красные и черные дни идутъ въ перемежку. А станешь унывать, такъ недалеко и до ропота, а станешь роптать, такъ — и Богъ не помилуетъ; хуже будетъ.»

— «Вотъ до чего дожилъ я,» сказалъ Цвиркунъ: «Прежде я другихъ Богу училъ, теперь самого учатъ. Спасибо, боярин! Великъ Богъ, и помилуетъ ны!»

— «Плохой пиръ у насъ,» замѣтилъ Мондвидъ, желая сколько-нибудь развеселить Цвиркуна: «чай, и по одной стопѣ не пропили!»

— «Нѣтъ радости, нѣтъ и веселія...»

Но рѣчь Цвиркуна была прервана криками: передовая стража дала знать, что ѣдутъ рыцари. Собесѣдники вышли изъ палатки и съ пригорка завидѣли, не вдалекѣ уже отъ стана, трехъ рыцарей. Вечерній сумракъ не позволялъ хорошо разсмотрѣть гостей; но каково же было удивленіе воеводъ, когда три рыцаря покойно проѣхали мимо сторожевыхъ ратниковъ, а ратники стучали мечами о мечи; и не успѣли рыцари подъѣхать къ самому пепелищу, какъ громкіе, неистовые крики радости потрясли воздухъ... «Кейстутъ, Кейстутъ!» разносилось по всѣмъ холмамъ и долинамъ. «Кейстутъ!» гремѣло съ неба, и не успѣли опомниться воеводы, а три рыцаря уже остановились передъ княжеской палаткой. Первый, легко и бодро соскочилъ Кейстутъ и заключилъ въ объятіяхъ дорогаго дядю... Цвиркунъ не понималъ, что съ нимъ дѣлается; какъ безчувственное бревно переворачивалъ его въ рукахъ Кейстутъ. Только по обильнымъ слезамъ можно было заключить, что дядя живъ; хотя бы и захотѣлъ Кейстутъ, не могъ бы его оставить; не разгибаясь, онъ такъ и валился на князя... Наконецъ, когда силы стали

возвращаться, Цвиркунъ схватилъ обими руками Кейстута, посмотрѣлъ на него пристально и спросилъ не своимъ голосомъ:

— «Ты ли? — Боже Великій!»

И Цвиркунъ распростерся на пепелъ летценбургскаго замка; и всѣ сняли шлемы и преклонили колѣна: «Милый Боже!» сказалъ Цвиркунъ, водымаясь на колѣнахъ: «цѣлую прахъ твоего созданія! Возьми у меня все за эту милость, все... все!»

И Цвиркунъ опять повалился на земь и опять поднялся и запѣлъ хриплымъ, дрожащимъ голосомъ: «Тебѣ Бога хвалимъ.»

Напрасно подымалъ его Кейстутъ съ земли:

— «Не встану!» кричалъ старецъ «не встану! Пусть Господь Богъ меня увидитъ!... Не хочу я такого счастья черезъ край, хоть бы горе пришли на подмогу. Дѣти, поднимите меня, не могу встать...»

Всѣ бросились къ Цвиркуну, и кстати, онъ бы не всталъ безъ чужой помощи: у него отнялись ноги.

— «Въ баню! Несите меня въ баню! Вотъ вамъ, Нѣмцы! Что взяли? Какъ стану на рубежъ, пошлю великому магистру горсть литовскаго песочку. Не хотѣлъ цѣлаго княжества, на тебѣ за Кейстута горсть нѣманскаго жвиру: посыпь себѣ имъ голову и павлиновъ хвостъ! На, на, на здоровье!»

Но пока уносили Цвиркуна, пока освѣтили баню и приготовляли ему постель, у палатки дру-

гой старикъ возбудилъ общее участіе: князь Юрій переходилъ изъ рукъ въ руки отъ одного сына къ другому... Безъ словъ, онъ цѣловалъ дѣтей и плакалъ; но труды и безпокойства опаснаго пути, холодныя ночи, удушливые туманы, лишенія, и наконецъ буря чувствъ, возбужденная свободой, свиданіемъ съ дѣтьми и воспоминаніями сломали многолѣтняго старца; силы его оставили. Сыновья понесли отца въ ту же баню, и уложили на другой скамьѣ возлѣ Цвиркуна.

— «Вотъ, князь,» сказалъ Цвиркунъ: «намъ уже и не подъ мочь приходится... У меня ноги, у тебя языкъ отняло... а все-таки усмѣшка на губахъ... Сладко!...»

— «Нѣтъ,» сказалъ князь Юрій слабо, едва слышно: «нѣтъ, Борисъ... не забудь завѣта!... Простите... Мой часъ ударилъ...»

Дѣти бросились передъ княземъ на колѣна. По невольному чувству и Кейстутъ послѣдовалъ ихъ примѣру. Старецъ клалъ руки на голову, то одному, то другому, и поднявъ глаза вверхъ, молча молился... Вдругъ лице его преобразилось, холодныя руки свалились, онъ сталъ шепотомъ съ кѣмъ то разговаривать: «Ты довольна, ты благодарна Ольга?... Неужели?... Мнѣ, мнѣ можно въ этотъ рай, въ это сіяніе... И я уже не разстанусь съ тобой... О, какъ легко летѣть къ тебѣ, Ольга!... Дай руку! Вотъ такъ! — Ольга!» и князь Юрій закрылъ глаза... а всѣ еще слушали, еще надѣялись, что онъ проснется. Вдругъ сыновья, какъ будто поняли, какъ будто догадались о своей по-

терь, бросились другъ другу въ объятія и залились слезами...

Рано поутру дружины выступили въ обратный путь. Передъ обозомъ, на повозкѣ, убранной коврами, въ гробѣ, сколоченномъ наскоро, и покрытомъ парчею, изъ казны Цвиркуновой, которая съ нимъ вмѣстѣ ѣздила въ посольствѣ, везли бренные останки князя Юрія Романовича. По правую руку, на коняхъ, ѣхали князь Кейстутъ и Гинна; по лѣвую князь Борисъ, Мондвидъ и Альфъ; сзади въ повозкѣ везли Цвиркуна. Хотя отдохнувъ черезъ ночь, онъ могъ уже владѣть ногами, но, по общему приговору, верхомъ ѣхать ему не позволили. Избѣгая рѣкъ и большихъ городовъ, дружины порядочно колесили, но послѣ продолжительнаго пути благополучно, безъ особенныхъ приключеній, увидѣли башни Веллоны. Съ пол-пути еще, Альфъ съ отборной дружиной былъ отправленъ съ великою вѣстію къ Ольгерду; но огни литовскіе его предупредили: три ночи сряду по всей Литвѣ отъ Веллоны до Вильна и Полунги во всѣмъ горамъ, холмамъ и пригоркамъ горѣли огни вѣстовые. Въ первую ночь ихъ сочли вѣстниками крестоваго похода; во вторую думали, что пала отъ руки рыцарей какая-нибудь знатная нѣмецкая твердыня, но въ третью ночь въ Вильнѣ все заликовало: всѣ догадались, что эти огни возвѣщаютъ великую народную радость... Между тѣмъ въ Веллонѣ князь Кейстутъ распустилъ на покой дружины, объщавъ великій лѣтній походъ. Изъ Ковна привелъ торжественный стругъ, принялъ

пробъ князя Юрія и понесъ его въ Вильно вмѣстѣ съ Мондвидомъ, князь Борисомъ и Гришей... Въ Веллонѣ остался только князь Кейстутъ да Цвиркунъ.

— «Когда же мы поѣдемъ въ Вильно?» спросилъ Цвиркунъ, возвращаясь съ проводовъ князя Юрія Романовича.

— «Въ Вильно? Нѣтъ, дядя, я только того и ждалъ, чтобы всѣ разъѣхались. Надо въ удѣлѣ осмотрѣться, взглянуть на море...»

— «Смѣкаю, смѣкаю!»

— «Дядя, повѣримъ ли, всѣ эти слухи и разсказы, отвѣтъ Бируты, бѣгство Альдоны въ Полунгу, поѣздка туда Криве-Кривейто... все это, какъ будто ворожитъ мнѣ что-то доброе. Поѣдемъ въ Полунгу?...»

Цвиркунъ почесался въ затылкѣ и отвѣчалъ: — «Нѣтъ! Тутъ добра не будетъ, а только больше запутаешься; чего добраго, разумъ повредишь. Ольгерду куда будетъ больно, что прежде въ Полунгу, а послѣ съ носомъ въ Вильно. Опять возись съ тобой.»

— «Въ послѣдній разъ, Цвиркунъ, въ послѣдній разъ! Неудастся, слово даю, не услышишь слова про Бируту!»

— «Идетъ! Да ужъ если такъ, то поѣдемъ налегкѣ, коней во сто; а гдѣ всю дружину таскать по лѣсамъ и по весямъ. Право не знаю, какъ я ихъ прокормилъ до Веллоны. Ну, ѣхать, такъ ѣхать!»

Сборы были непродолжительны, и я очень

радъ, что мы еще разъ увидимъ Полунгу, тѣмъ болѣе, что пока мы занимались съ Нѣмцами, въ Полунгѣ произошло много событій и перемѣнъ. Мы оставили новыхъ сестеръ, когда Видымундъ съ Гинтовтомъ отправились на охоту, а вѣрный другъ и латникъ Криве-Кривейта, Вергунисъ исчезъ съ наказомъ. Скоро оказались послѣдствія тайнаго наказа; изо всѣхъ ближайшихъ капищъ и Невяжскаго Ромнова пришла храмовая стража въ Полунгу. Вся вмѣстѣ она далеко превышала отрядъ Видымунда; но значительность ея не была примѣтна, потому что всѣ храмовые латники были размѣщены на посадахъ. Эти латники тщательно скрывали оружіе и каждый день ходили на работу въ новое капище, которое Гинтовтъ началъ строить на свой счетъ, во славу Атримпоса, на самомъ берегу моря. Построеніе новаго капища и желаніе открыть его самому, служило Гинтовту весьма благовиднымъ предлогомъ оставаться въ Полунгѣ такъ долго. Простодушный Видымундъ вѣрилъ Гинтовту; но Бирута подозрѣвала тайный замыслъ, и не ошиблась. Осторожная Бирута умножила непримѣтно стражу при священномъ убѣжищѣ; самое убѣжище перевела въ башню, гдѣ прежде была рыцарская темница, и помѣстила тамъ Альдону и другихъ, искавшихъ защиты противу Краснаго злодѣя. Наступилъ и торжественный день открытія Атримпосова храма, народъ валилъ къ новому капищу; но оно было уже съ избыткомъ наполнено латниками Гинтовта. Только Видымундъ, и то съ трудомъ, пробрался въ капищъ, да впустили вайделотокъ. Не

было одной Бируты: она осталась при зничѣ, во храмѣ Прауримы... Медленно совершались обряды. Вайделоты разносили освященный алусъ и части жертвъ народу, но большие латникамъ. Отъ множества гостей и отъ обилія пива, этотъ обрядъ продолжался слишкомъ долго. Гинтовтъ приказалъ на дворъ храма выкатить цѣлыя бочки алуса; и когда хмѣль началъ дѣйствовать, изъ капища повалилъ дымъ и далеко разнесъ янтарный запахъ. Истуканъ Атримпоса поколебался; уста литовскаго Нептуна разверзлись, и люди, павъ ницъ, во прахѣ и страхѣ, услышали волю боговъ:

— «Дѣти! Не поможетъ вамъ созданіе храма сего, ни жертвы обильныя, ни мольбы усердныя! Я удержалъ гнѣвъ мой, и послушное море сидитъ смирно на крѣпкихъ браздахъ моихъ! Вы не исполняете обѣтовъ своихъ, смѣетесь надъ богами и—горе вамъ! Я спущу бурное море—и Полунга будетъ на днѣ его! Отдайте Альдону, дщерь великой Германады, отдайте владыкѣ владыкъ, да отведетъ во храмъ Нийолы, гдѣ съ такою славою Германада была послушною жрицей мстительной сестры моей и сосѣдки! Спѣшите! До вечера!...»

И дымъ сталъ гуще, истуканъ Атримпоса опять поколебался; уста сомкнулись...

— «Альдону! Альдону!» заревѣла чернь и крики ея достигли до Бируты. Она сорвала со стѣны священную сѣкиру, зажгла свѣточъ и вышла навстрѣчу взволнованному народу, который толпами стремился къ каменнымъ оградамъ. Завидѣвъ Бируту, чернь, какъ будто условясь, стих-

ла и смолкла. «За мной!» говорила она, и толпы бѣгомъ бѣжали за ней, стараясь наперерывъ цѣловать край ея одежды. Бирута вошла во храмъ, когда Криве-Кривейто съ почетныхъ носилокъ приказывалъ латникамъ исполнить волю боговъ и привести предъ лице Атримпоса Альдону. Увидѣвъ очаровательную жрицу во всей торжественной красотѣ, латники невольно раступились. Гинтовтъ смѣшался и спутался въ словахъ, а Бирута покойно подошла къ истукану Атримпоса, ударила обухомъ сѣкиры прямо въ голову: пронзительный крикъ раздался въ храмѣ, черепки разлетѣлись далече, а на огромномъ туловищѣ бога сидѣла несоразмѣрно малая голова Вергуниса и кричала во все горло отъ боли. Невозможно описать бѣшенства Криве-Кривейта. Вайделоты давно уронили носилки вмѣстѣ съ ношей, и старались уйти изъ храма. Гинтовтъ съ пѣною у рта, кричалъ на латниковъ и приказывалъ схватить Бируту, но никто не повиновался: все трепетало и отъ обнаруженнаго обмана и отъ величественнаго, вдохновеннаго взора Бируты.

— «Я самъ накажу и казню безумную!» заревѣлъ Гинтовтъ. Ножъ сверкнулъ въ его рукахъ; онъ бросился на Бируту; но Видымундъ поспѣшилъ ему навстрѣчу, хотѣлъ схватить его за руку... Въ бѣшенствѣ Гинтовтъ ударилъ его ножемъ въ самое сердце; старецъ застоналъ и упалъ къ ногамъ дочери. На стонъ его и крикъ Бируты сто голосовъ отвѣчало неистовымъ крикомъ, сто стрѣлъ слетѣло съ луковъ — и Гинтовтъ, какъ

ежъ въ иглахъ, упалъ на шаткое подножіе истукана; Атримпосъ зашатался и грянулся на мертвый трупъ послѣдняго Криве-Кривейта. Никто не заботился уже ни о владыкѣ владыкъ, ни о Вергунисѣ, который на разные лады просилъ, чтобы поскорѣе отворили туловище Антримпа. Всѣ окружили несчастнаго Видымунда и бездыханную Бируту; положили ее на священныя носилки и понесли съ плачемъ и воемъ въ замокъ. За нею отправили и трупъ Видымунда, покрывъ его мантіей Криве-Кривейта, которая свалилась съ носилокъ. Сколько ни было въ Полунгѣ народа, даже чужеземцы, тѣснились въ замокъ и на площади, передъ тремя конвентами проливали горькія слезы... Бирута скоро пришла въ себя; опомнилась, созвала всѣхъ вайделотокъ и затворниковъ священнаго убѣжища и съ неожиданною твердостью, спокойствіемъ, хотя и не безъ грусти, попла проститься съ отцемъ. Мертвый, онъ уже сидѣлъ въ бѣлой рубахѣ на почетномъ стулѣ. Слуги, проливая слезы, снимали съ него сапоги. Бирута напрасно крѣпилась, не выдержала и, рыдая, упала отцу въ ноги; но и этотъ порывъ горести смѣнился какимъ-то мудрымъ, величественнымъ спокойствіемъ: она, отирая послѣднія слезы, раздавала подробныя приказанія насчетъ похоронъ—и на другой день рано поутру Видымундъ, съ любимымъ конемъ, псомъ и сосудами сгорѣлъ на кострѣ и легъ въ курганѣ, высоко насыпанный на берегу моря. Скоро опустѣла Полунга. Люди разошлись по домамъ, пріѣзжіе разъѣхались; ворота

твердыни замкнулись, и рѣдко, рѣдко, разъ или два въ день, слышанъ былъ дикій скрыпъ желѣзныхъ калитокъ, когда латникъ ходилъ на посадъ къ знакомымъ, или приводили больныхъ къ Бируте. Въ обширной ея больницѣ лежало много больныхъ; но больше всѣхъ Бирута пеклась о страждущемъ латникѣ съ разбитою головою. Вергунисъ точно былъ опасенъ; но прошла недѣля, и Вергунисъ, отъ скуки, ходилъ уже на стражу. Бирута хотѣла отпустить его, но онъ просилъ оставить его въ Полунгѣ, потому, что на землѣ литовской ему и глазъ показать нельзя, а къ Нѣмцамъ онъ никакъ не хотѣлъ. Тихо стало въ Полунгѣ, но за то въ душѣ Бируты поселилась тайная боязнь; нерѣдко ей казалось, что кто-то ловитъ ея руку; ходитъ въ покояхъ Видымунда съ ночнымъ свѣтильникомъ. То задремлетъ Бирута и вскочитъ: ей послышится собственный ея крикъ. И у Прауримы ей теперь стало скучно, думы не похожи на думы; будто мятель въ головѣ. Бирута ни на шагъ не отпускала отъ себя Альдоны, и часто утро заставало ихъ еще во вчерашней бесѣдѣ.

— «Что съ тобою сдѣлалось, Бирута?» спрашивала не разъ Альдона, и всегда одинъ и тотъ же отвѣтъ:

— «Скучно, Альдона, безъ отца, скучно: я одна, сирота кругомъ; ни матери, ни сестры, ни брата. Чувствую пустоту, грусть... безсонница... И друга послали мнѣ боги, но этотъ другъ отъ меня несчастенъ: невольно я отняла у него любимца сердца и счастіе жизни...»

— «Ошибешься, Бирута, ты не отняла у меня счастія, потому что онъ тебя любитъ. Я не другъ тебѣ, потому что я не могу любить тебя за то упрямство, которое составляетъ и его и мое несчастіе... Сами боги твои говорятъ въ твоемъ сердцѣ, ситуютъ на твое одиночество, но ты не хочешь, ты не можешь понимать ихъ... Какъ ясно они велятъ тебѣ идти въ замужество!..»

— «Боги!» и Бирута бросилась въ божницу, упала предъ Праурймой и молила освободить ея сердце отъ недостойнаго волненія... Напрасно... Та же тайная боязнь, то же грустное предчувствіе; къ этому иногда примѣшивался какой-то стыдъ. Взглянувъ на Альдону или на Праурйму, Бирута вдругъ покраснѣетъ, смѣшается и потомъ по два, по три часа разсуждаетъ: отъ чего бы это могло случиться? И бесѣда Альдоны наконецъ надоѣла Бирутѣ. Все про Кейстута, да про Кейстута; другаго нѣтъ разговора у этой безумно-любящей Альдоны. Если бы Бирута никогда не видала Кейстута, и тутъ бы въ воображеніи ея создался идеальный образъ его съ полнымъ сходствомъ. Она знала наизустъ всѣ подробности его характера: могла бы, не хуже Альдоны, говорить рѣчью Кейстута, потому что какъ почеркъ, такъ и рѣчь, у каждаго своя; да и рѣчи Кейстута, чай съ издѣтства, Бирута знала наизустъ. Это все, право, несносно, и Бирута стала чуждаться Альдоны... Но не всегда было возможно оставлять по цѣлымъ днямъ одну, скучную подругу: вотъ Бирута подъ вечеръ и присѣла къ окну.

— «Полно, Альдона, работать. Какое теперь

рукодѣлье. Чудный вечеръ, а темно, глаза испортишь. Пойдемъ лучше, погуляемъ...»

— «Нѣтъ, сестрица, мнѣ здѣсь такъ хорошо; я гляжу на эту дорогу и Богъ знаетъ чего не передумаю...»

— «И вѣрно опять объ Кейстутѣ.»

— «Да о комъ же?»

— «Неужели на цѣломъ свѣтѣ нѣтъ больше никого, о комъ бы стоило подумать...»

— «Право не знаю... Да, неправду я говорю, есть, есть... да тѣ женщины; объ нихъ вспомнишь, а память все на Кейстута свернетъ. Да и какъ не думать; что-то онъ бѣдный подѣлываетъ; про Альфа ни вѣсточки. Пусть безъ него и не возвращается! Пусть лучше умретъ, если съ княземъ нельзя воротиться...»

— «Вотъ какъ! И это про брата!»

— «Бирута, Бирута! Сердце мнѣ о страшномъ дѣлѣ говоритъ. По милости Альфа и Бируты—Кейстутъ въ плѣну...»

— «Какъ?»

— «Какъ? Объ этомъ сердце молчитъ...»

— «Неужели, Альфъ... за меня?..»

— «Кажется... погляди, что это?.. Огни... Сюда, сюда бѣгутъ... Нѣмцы...»

Бирута испугалась и, схвативъ за руку Альдону, спросила съ трепетомъ: «Видишь, ѣдутъ... видишь!»

— «Кто, гдѣ?»

— «Показалось, Альдона, показалось. Это вѣтеръ пыль по дорогѣ поднимаетъ...»

И объ молча и не безъ волненія глядѣли на ли-

товскіе потѣшные огни. — На другую ночь — огни; на третью обѣ стоятъ и ждутъ огней. Вдругъ на дорогѣ въ вечернемъ сумракѣ показалась толпа всадниковъ; не смотря на темноту Альдона узнала, кто ѣдетъ.

— «Кейстутъ! Боже Великій! Кейстутъ! Глядите, смотрите, не ошибаюсь ли я?.. Нѣтъ, это онъ, а возлѣ Цвиркунъ, а тамъ дружина... Кейстутъ!»

И Альдона бѣгала по тѣсной кельѣ, въ дикой радости подскакивала и прищелкивала пальчиками; но Бирута, неустрашимая, твердая, каменная Бирута, побѣднѣла, какъ полотно; протянувъ руки къ Альдонѣ, она молча слѣдовала за всѣми ея движеніями...

— «Чтожъ ты стоишь, Бирута? Бѣги! Вѣдь ты хозяйка и воевода теперь въ Полунгѣ; Вели зажигать огни, готовить богатую трапезу. Чего добраго, безъ тебя его и на замокъ еще не пустятъ...

— «Не пускайте! не пускайте!» закричала Бирута и бросилась изъ кельи. Альдона за нею. «Я одна теперь въ замкѣ! Не пускайте! Нельзя мнѣ принимать такихъ гостей! Не пускайте!»

И обѣ выбѣжали на главное крыльце, въ то самое время, когда рога звучали по всей твердынѣ, латники съ криками радости бѣжали на стѣны и навстрѣчу князю. Всѣ трое воротъ, какъ будто сами собой, распахнулись и на мощеную главную площадь замка быстрые кони принесли льва литовскаго съ Цвиркуномъ и отборной дружиной... Не успѣла опомниться Бирута, какъ Кейстутъ уже былъ передъ

нею и, безъ обиняковъ, обнялъ названную сестру свою, которая, отъ полноты чувствъ, не могли вымолвить слова.

— «Вотъ и мы здѣсь!» сказалъ Цвиркунъ, медленно и съ помощію латниковъ слѣзая съ лошади, облитой снѣжною пѣною: «Трофимъ! Надо добре проводить лошадокъ, часъ мѣста и побольше: чай три сорока верстъ и духу не перевели. Видно, чуяли, кого и куда несутъ: хоть бы одна споткнулась или норовъ дурной показала. Золото, не кони! Трофимъ, гляди же! Такой конь каждый трехъ латниковъ стоитъ! Ну, здравствуй Альдонушка! Какъ тебя Богъ милуетъ? А ты матушка Бирута Видымундовна, чай, князю не рада? Вотъ мы каніе, прежде къ вамъ, а потомъ уже къ брату. Ну, что же ты, матушка, гостя ласковымъ словомъ не встрѣтишь? Пока еще мы тебя ни чѣмъ не обидѣли. Про дѣло я послѣ начну говорить, какъ за доброй трапезой наберусь молодецкой удали... А теперь мы только гости, а ты хозяйка...»

— «Государь! ты слышалъ о нашемъ несчастіи... Я потеряла отца, Полунга — намѣстника и воеводу: назначь новаго: я сдамъ ему твердыню, посады и удѣлъ...»

— «Бирута! Возьми всѣ мои города и удѣлы; я останусь простымъ латникомъ на стражѣ у дворца твоего...»

— «Не такъ, не такъ, Бируточка,» прервалъ Цвиркунъ: «возьми всѣ наши города и удѣлы и сядь на Трокахъ, Жмуди и Полѣсьи нашей Государынней-княгиней...»

Бирута, не сказавъ слова, повернулась, и побѣжала прямо къ алтарю Прауримы. Тамъ уже собрались всѣ вайделотки въ вѣнкахъ со свѣтильниками.

— «Мы только и ждали тебя, Бирута,» сказала Алина: «Надо идти на-встрѣчу князю съ пѣснями и поздравленіемъ. Надѣнь торжественный поясъ, Бирута; ты старшая: возьми свой вѣнецъ...»

Молча повиновалась Бирута. Смертная блѣдность пролилась по лицу ея; она не понимала, что ей говорили, что съ нею дѣлали, куда вели... Видно Алина наложила вѣнокъ на голову Бируты слишкомъ усердно: не прошли и десяти шаговъ, вѣнокъ распустился, упалъ и потушилъ свѣтильникъ въ рукахъ Бируты... Подали ей другой вѣнокъ, зажгли свѣтильникъ, и тронулись въ путь съ пѣснями. Но Бирута не пѣла: уста ея сковало невыразимое чувство; свѣтильникъ дрожалъ въ рукахъ ея, грудь волновалась, она шла, какъ ходятъ лунатики, не зная, куда, зачѣмъ и какъ. Капли крови небыло примѣтно въ очаровательномъ, довольно полномъ и обыкновенно румяномъ лицѣ. Въ корридорахъ съ острыми сводами, освѣщенныхъ таинственнымъ отблескомъ свѣтильниковъ, звуки пѣсень приняли какое-то величественное, но ужасающее выраженіе, и на челѣ, на чудномъ челѣ, какихъ, можетъ быть, въ цѣломъ свѣтѣ на перечетъ и десятка не было, — холодный потъ выступилъ крупными каплями. Задрожалъ и Кейстутъ, когда услышалъ пѣніе вайделотокъ... Онъ стоялъ у окна съ Альдоной. Цвиркуна не было. Старикъ, видя, что

никто и не думаетъ озаботиться о гостяхъ, отправился самъ по хозяйству и сталъ распоряжаться, какъ дома. — Кейстутъ едва успѣвалъ отвѣчать на безчисленные вопросы Альдоны: все ее утѣшало, радовало; даже страданія князя въ плѣну, его черныя мысли, его несчастная любовь, — все это не ужасало, а занимало, увлекало Альдону; но услышавъ пѣніе вайделотокъ, она схватила князя за обѣ руки и съ особенною поспѣшностью сказала ему:

— «Князь, Князь! не упусти времени! Бирута теперь какъ не своя: отлетѣла ея твердость съ жизнію Видымунда! Проси, моли, настаивай — и Бирута твоя!..»

— «Милый другъ мой, Альдона, помоги мнѣ... я такъ робокъ передъ нею...»

— «Не бойся, не бойся... Только рѣшительно... Вспомни, что она твоя подданная...»

Альдона не успѣла кончить, двери отворились, и въ дверяхъ показался живой мертвецъ ослѣпительной красоты. — Вошли вайделотки и смолкли. Бирутѣ слѣдовало произнести привѣтственную рѣчь, по обычаю краткую и пустую по содержанію, по нашему: здравствуйте, милостивый государь, — и кончено; но Бирута молчала, и князь самъ началъ:

— «Благодарю за честь, вѣчныя дѣвы вѣчнаго Знича! Но одна должна подарить счастіе своему князю и всей землѣ литовской...»

Краска показалась въ лицѣ Бируты, жизнь возвратилась; уста, негодуя, сложились въ презри-

тельную улыбку. Князь не смѣлъ взглянуть на дѣву, и продолжалъ.

— «Должна сложить обѣтъ свой и быть моею женою! Бирута! Не убей меня отказомъ... Молю тебя... пощади... я не снесу твоего презрѣнія...»

Альдона съ любопытствомъ слѣдовала за всѣми движеніями лица Бируты, и къ ужасу своему, впередъ прочла, что скажетъ гордая вайделотка. Все достоинство, все величіе высокой и твердой души выступило на лицѣ Бируты; длинныя черныя ресницы поднялись и гнѣвные взоры сверкнули и загремѣли рѣчи, слаще весенняго пѣнія птицъ и страшнѣе лѣтней грозы...

— «Кейстутъ!» сказала она: «Никогда Бирута не будетъ женою человѣка! Не мучь меня просьбой, не стращай угрозой! Напрасно! Молю, не возмущай моего покоя! Прости — на-вѣки!»

Сказала и ушла съ вайделотками тихо, покойно, какъ будто попрощалась съ прислужницей до завтра...

— «Все погибло!» сказалъ Кейстутъ и схватилъ себя за волосы; но Альдона не допустила его предаться отчаянью.

— «Братъ, дорогой братъ! успокойся: еще есть средство ..»

— «Не дурачь меня, Альдона!»

— «Можешь говорить и думать все, что хочешь, но слушать ты долженъ... Есть средство, есть!.. Я не знаю, какъ сказать тебѣ... Боюсь только ножа... Онъ виситъ у нея на поясѣ съ правой стороны и закрытъ легкой привѣской съ

золотою бахрамой; вотъ только этого ножа боюсь я....»

— «Что ты говоришь, Альдона?..»

— «Да, отнять этотъ ножъ... По доброй волѣ она никогда не согласится... Надо ее заставить, принудить... Боже! и думать страшно... Но если во-время ты не успѣешь вырвать ножа... Тише, тише, Кейстутъ, я его украду... Стыдно, братъ; но Альдона тебѣ теперь матерью: она должна, она можетъ знать все, какъ вдовица; скромность рѣчей теперь не у мѣста... Тамъ, тамъ, возлѣ самой божницы, есть тайная келья, тамъ стоитъ одинокая постель Бируты... Кейстутъ, будь возлѣ дверей, а я украду тотъ ножъ, я подамъ знакъ. — Пойдемъ, пойдемъ... Я знаю ее; она теперь сидитъ одна у Знича; она не отойдетъ отъ алтаря сегодня, и, правду сказать, нечего откладывать. Чего добраго, завтра она запасется другимъ ножемъ, достанетъ ядъ .. Нѣтъ ей безчестія... Не правда ли? Она не измѣнила обѣту, а противъ богатырской силы кто устоитъ?..»

Кейстутъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на распаленную дѣву; глаза ея странно бѣгали и сверкали; грудь волновалась. Чистѣйшая дѣва совѣтовала насиліе и все — изъ любви къ человѣку, который не ее любитъ.

— «Ну, чтожъ? Ты боишься, Кейстутъ, ты трепещешь? Говорю тебѣ, другаго средства не остается, а завтра и это будетъ напрасно... Пойдемъ, пойдемъ!»

И Альдона почти насильно увела Кейстута въ

темный переходъ. Странные сообщники тихо подкрались къ дверямъ. Альдона вошла — и что же увидѣла? Бирута, блѣдная, изнеможенная, спала сномъ сладкимъ передъ потухшимъ Зничемъ; головня въ рукахъ Праурымы слабо освѣщала божницу... Трепетно, едва касаясь помоста, легкой тѣнью приблизилась Альдона къ спящей вайделоткѣ; затаивъ дыханіе, присѣла и дрожащими руками вынула изъ богатыхъ ноженъ тайное оружіе...

Вынула, вскочила и захохотала Бирута проснулась и въ ужасѣ стала кричать: Зничь! Зничь!

— «Слышишь? Кейстутъ, слышишь?» сказала Альдона: «Самъ Зничь не хочетъ, чтобы она оставалась вайделоткой...»

— «Кейстутъ?» спросила испуганная Бирута; но уже было поздно: спасенія не было. Кейстутъ схватилъ ее уже за руку; Бирута искала ножа....

— «Вотъ онъ! вотъ онъ!» закричала Альдона съ торжествомъ размахивая ножемъ — и убѣжала.

—

ГЛАВА IX и ПОСЛѢДНЯЯ.

ТРОКИ.

Вѣчная память гремѣла въ соборной церкви Рождества Богородицы князю Юрію Романовичу. Самъ Великій Князь, два сына и нѣсколько русскихъ князей, пришедшихъ съ дружинами въ Вильно, опустили гробъ князя въ склепъ; пріѣзжій епископъ, съ двумя архимандритами и многочисленнымъ духовенствомъ, благословилъ крещеный міръ и от-

пустилъ изъ храма. Великолѣпный майскій день сіялъ на чистомъ небѣ во всей весенней красотѣ своей, и гости, проводившіе князя на послѣднее жилище, пошли пѣшкомъ къ боярину Мондвиду, нареченному тестю князя Бориса на похоронный пиръ. Уже они были на площади, когда къ дольнему замку, въ сопровожденіи трехъ слугъ, подходила какая-то женщина. Всѣ узнали гостью и почти въ одинъ голосъ закричали: Альдона! Альдона!

Альдона остановилась и не подымая покрывала, почтительно преклонилась:

— «Откуда?» спросилъ Великій Князь, обнимая дорогую сестрицу.

— «Съ Трокъ, государь. Пріѣхала къ Ульянѣ Александровнѣ въ повѣствицахъ... Проситъ васъ всѣхъ, съ женами и дочерьми, другъ и братъ мой Кейстутъ, на свадьбу, съ постриженною невѣстою своей Бирутой изъ Полунги!»

Общее изумленіе...

— «А какъ, можетъ быть» продолжала Альдона: «вамъ не любо будетъ присутствовать при языческихъ и поганыхъ обрядахъ, такъ проситъ князь пожаловать на большой вечерній пиръ завтра, въ пятницу, день святой по закону молодыхъ. Да отъ князя къ вамъ другой повѣстникъ будетъ; а мое дѣло женское. Простите!» — И Альдона ушла на дворъ замка.

Нѣсколько мгновеній всѣ молчали.

— «Какъ это могло случиться?» сказалъ наконецъ Великій Князь: «Дѣло дивное. Что-то не вѣрится...»

Но Альдона не обманула; изъ-за угла краснаго крыльца показался на старомъ своемъ гнѣдкѣ Цвиркунъ съ Троцкими боярами. Великій Князь махнулъ рукой и поспѣшилъ со всѣми въ красную палату для принятія торжественнаго посольства.... Цвиркунъ вошелъ гоголемъ, посмѣиваясь и закручивая дрянные усы.

— «Наша взяла!» сказалъ онъ весело въ самыхъ дверяхъ: «Съ праздникомъ и со свадьбой!»

— «Вѣрить ли всему этому?» спросилъ Ольгердъ...

— «Кажется, можно, а лучше не вѣрь, а самъ съ Ульяной въ Троки подымайся. Сегодня, какъ только изъ Полунги пріѣхали, тотчасъ послали за Троцкимъ Криве и другими язычниками, созвали своихъ бояръ, да боярышень, и ну подсмаливать невѣсту, по-ихнему постригать. — Матушка наша Бируточка, бѣдная, что мокрая курица, только плачетъ, а ей безъ мала на пострижинахъ всѣ виски обожгли. За отца я стоялъ, а за мать няня княжая; а въ дѣвкахъ только одна Альдона свѣчку держала... Пришлось круто Бирутѣ, не то, что въ Полунгѣ.»

— «А чтожъ въ Полунгѣ?..»

— «Ну, въ Полунгѣ — бѣда была. Князь къ ней приставъ, а она его огорошила, нѣтъ, да нѣтъ, прости навсегда и ушла. Князь въ тупикъ сталъ, да спасибо Альдонѣ, выручила: ножъ у Бируты утащила, а князь — шасть въ божницу. Ни крикъ, ни плачь, ни что не помогло; разомъ круто дѣло повернулъ. Вотъ тебѣ и вайделотка. Да вотъ ка-

кая она! Ужъ кажется чего тутъ просить, дѣло конченно, назадъ нельзя, такъ нѣтъ; всю ночь мы отъ нея отойти не могли; въ такую отчаянность пришла, что не приведи Господи, чуть не задушила Альдоны; на меня всякую языческую хулу изрыгала. Хорошо, что этихъ поганыхъ боговъ за правду на свѣтѣ нѣтъ, а то бы мнѣ отъ нихъ досталось. А что чудно, насъ съ Альдоной хлещетъ, а князю хоть бы слово дурное; только будто его не видитъ. Къ утру выплакалась, пріутихла, да и просится прогуляться. Мы не спохватились; обрадовались съ-дуру, да и руки врозь. Она пошла. Видитъ окно открыто: прыгъ на окно.... опять спасибо Альдонѣ: успѣла захватить за платье; не удалось птицей полетать. Что съ нею дѣлать! Посадили мы ее насильно на коня, да и увезли. Въ дорогѣ измучила она всѣхъ насъ, даже латниковъ. Разъ было чуть рыбой въ озеро не ушла, да опять Альдона ее удержала... Съ большой бѣдой добрались мы вчера до Трокъ, да и давай постригать. Какъ постригли, видно она почуяла, что княгиней дѣлается, бухъ князю въ ноги и поклялась служить ему по гробъ доброй и вѣрной женой. «Только ужъ какъ хочешь, князь, отошли Альдону!» сказала она въ придачу: «Она тебя больше моего любитъ.» — А ты меня любишь? — И любила, да обѣтъ, да Праурима, — и пошла съ-высока городить: и опять своротила на свое: «отошли Альдону...» — Да я и сама не останусь, говоритъ Альдона. Благо князь мой теперь счастливъ. Я умерла для всѣхъ и навсегда. Прощусь только съ Лар-

чикомъ, онъ меня за правду любилъ, да и прощай свѣтъ Божій... — Тутъ такое пошло, что не приведи Господи: всѣ трое разревѣлись, да и я подхныкивалъ. Князь упрашивать; Бирута было и отъ своихъ рѣчей назадъ. Альдона, моя голубушка, на нихъ ангеломъ глядитъ и усмѣхается будто майское утро.... Батюшки свѣты, какъ она была хороша!..»

Цвиркунъ отеръ слезу... Всѣ слушали съ напряженнымъ любопытствомъ и не замѣтили, что Ульяна Александровна отворила двери и также слушала разсказъ Цвиркуна изъ другой комнаты. Ларчикъ схватился за поясь боярина, приподнялся на цыпочки, и брови и уши вытянулъ. Одинъ Альфъ едва ли могъ понимать о чемъ говорятъ. Стиснувъ губы, глотая слезы и стоны, онъ сидѣлъ на нижней ступенькѣ престола и самъ не зналъ, что онъ думалъ... Цвиркунъ, отдохнувъ, продолжалъ.

— «Да, хороша, небесно-хороша! Поглядѣла она на нихъ, поглядѣла, — тѣ разрыдались, а она имъ, будто дѣтямъ говоритъ: счастье, любимцы сердца моего, счастье только отъ нашего Бога! Кто же за васъ будетъ молиться?.. Кто же выпроситъ вамъ это счастье? Вѣра моя, вѣра твоей матери, вѣра Улиньки, сестры моей. Простите!» Вотъ ужъ, правду сказать, печальная свадьба.... Проводили насъ съ Альдоной постриженные....»

— «Мой другъ!» сказала Ульяна Александровна, входя въ красную палату.... «Я не позволю Альдонѣ...»

— «А какъ ты смѣешь не позволить?» закри-

чалъ неистово Ларчикъ: «Что ты, старше совѣсти; что ли?»

— «Вонъ нечистый гадъ!» сказалъ Ольгердъ и ударилъ костылемъ дурака: «вонъ! прочь съ глазъ моихъ!»

— «Ты не шутишь, Саша, ты не шутишь?»

— «Выбросьте этого щенка изъ замка.»

— «Самъ уйду!»

— «Выбросить! выбросить!»

— «Постойте, постойте!» раздался женскій крикъ въ дальнемъ покоѣ, и въ красную палату вбѣжала Альдона, вся въ слезахъ, безъ покрывала...

— «Гдѣ онъ? Прости, Ларчикъ! Прости! Спасибо за любовь! Ты одинъ понялъ меня, Ларчикъ, ты одинъ хочешь моего счастія! Спасибо, мой избавитель, мой врачъ, мой другъ и пестунъ! Прости!»

Альдона пригнулась и поцѣловала безобразнаго урода.

— «Князь, Князь!» закричалъ какимъ-то неестественнымъ голосомъ Ларчикъ: «Теперь вели меня посадить въ мортиру и выпалить.... Прощай!..»

Ларчикъ ушелъ; за нимъ побѣжала Альдона, за нею и всѣ оставили красную палату. Одинъ только Альфъ, сидя на послѣдней ступенькѣ престола, не подымался, да Ульяна Александровна стояла по срединѣ палаты и глядѣла на него съ состраданіемъ.

— «Альфъ, горе не поможетъ!»

— «А вотъ увидимъ,» сказалъ Альфъ, всталъ,

сухо поклонился княгинѣ и ушелъ. Удивилась Ульяна Александровна странному отвѣту; хотѣла было остановить Альфа, но вошелъ Ольгердъ.

— «Что Альдона!» спросила Великая Княгиня.

— «Богъ съ нею! Я велѣлъ дать ей волю! Ты знаешь мой законъ: пусть каждый будетъ воленъ въ своей совѣсти! Тѣмъ и государство мое держится. Не покажу дурнаго примѣра на ближнихъ. Забудемъ обо всемъ: все кончилось. Глупо поперечить. Пойдемъ, Улинька, потолкуемъ о подаркахъ и какъ намъ ѣхать.»

Сборы были непродолжительны, да и времени оставалось немного. На другой день послѣ полудня, почти все Вильно тронулось въ путь по Троцкой дорогѣ...

На пространномъ озерѣ, на острову, возвышался огромный замокъ князя Кейстута; кругомъ по берегамъ озера толпились посады; въ нихъ жили переселенцы, друзья и подданные Кейстута. Въ татарской слободѣ татаре веселились по своему, въ жидовской простодушные Караимы собрались въ синагогу и слушали простое поученіе о томъ, какъ должно просить Бога, да не зря на язычество князя и княгини, благословитъ ихъ домашнимъ счастіемъ и великимъ потомствомъ. На русскомъ посадѣ отошли уже обѣдни и молебствіе въ небольшой приходской церкви, и люди, одѣтые попраздничному, стояли большой толпой у озера, потому что на русскомъ посадѣ былъ главный перевозъ и жители перевозничали. Кромѣ обывательскихъ ялковъ, у пристани стояло шесть большихъ кня-

жескихъ струговъ, да множество малыхъ лодокъ. Ждали люди гостей изъ Вильна, а увидѣли диво: по болыной дорогѣ, на тройкѣ, катился невиданный огромный экипажъ; его подвезли къ берегу полемъ. То былъ двадцати-четырехъ весельный стругъ, на колесахъ. Ямщикъ и еще какой-то человѣкъ раздѣлись, ввели не безъ труда лошадей въ воду, отвязали колеса, и стругъ сѣлъ на мели. Но между тѣмъ подбѣжали съ посада люди; Артемьичъ пріодѣлся, сѣлъ въ стругъ; кое-какъ любопытные сдвинули его съ мели, и стругъ медленно, на двухъ веслахъ, потащился къ замку. Артемьичъ ни думалъ, ни гадалъ, а попалъ на свадьбу. Доложили боярину Цвиркуну.

— «Что такое?»

— «Стругъ привезли.»

— «Какой стругъ?»

— «А кто его знаетъ. Стругъ изъ Дурнунскаго городка!»

— «Чудно, право! Трофимъ, кажется и старый, а такой дурень, что Господи прости. Какой стругъ!»

— «Такъ посмотри же, боринъ, на озеро: что это, развѣ не стругъ?.»

— «Что за диво!» сказалъ Цвиркунъ, сошелъ къ Артемьичу, объяснился и воротился въ главную палату съ довольною улыбкою въ самое то время, когда, въ присутствіи весьма малаго числа бояръ, боярынь и боярышень, совершался языческій свадебный обрядъ. По серединѣ стояло огневище, на немъ горѣла какая-то влага, распространявшая благоуханіе по всей палатѣ; вокругъ огневища

свальговы обводили Бируту, а женихъ сидѣлъ за столомъ на почетномъ мѣстѣ. Шутъ, одѣтый въ разноцвѣтное платье, кривляясь, принесъ стулъ безъ спинки, или табуретъ, покрылъ его парчей и пригласилъ сѣсть Бируту. Въ серебряной чашѣ принесли воду и умыли невѣстѣ ноги; этой же водой свальгоны окропили всѣхъ предстоявшихъ. Подали свальгону дорогую попязку, украшенную жемчугомъ и камнями: свальгонъ повязалъ ею глаза невѣсты, къ губамъ ея поднесъ чару съ медомъ и повелъ по всѣмъ комнатамъ замка, толкуя громко значеніе всѣхъ этихъ обрядовъ.

— «Видишь, княгиня, надо беречь домашній огонь и хозяйство; любить и нестонать опрятность. Болтливость и любопытство — два зла въ женѣ. Не смотри на то, что тебя не касается; а если станешь говорить, такъ пусть рѣчь твоя будетъ медовая. Толкни ножкой впередъ.» И невѣста толкнула легонько одну дверь, другую и т. д. Молодежь провожала ее съ пѣснями по всему замку. Въ каждыхъ дверяхъ свальгонъ осыпалъ невѣсту макомъ, пшеницей и хмѣлемъ. Наконецъ всѣ возвратились въ большую палату. Подошелъ и женихъ. Свальгону подали огромную чару пива: свальгонъ отвѣдалъ, подалъ молодымъ, гостямъ, опять налилъ ее до полна и бросилъ чару въ ноги новобрачнымъ. Кейстутъ истопталъ ее въ комъ серебра.

— «Любовь, постоянная и взаимная, да будетъ отнынѣ вашимъ удѣломъ!» сказалъ свальгонъ, и не только въ палатѣ, но по всему замку, по все-

му берегу озера раздались рукоплесканія; всѣ повторили благословеніе свальгона.—Жрецъ тогда перемѣнилъ у новобрачныхъ кольца и отвелъ ихъ на почетное мѣсто.

— «Ну, на-силу кончили!» сказалъ Цвиркунъ, кланяясь князю и княгинѣ: «И кстати: ѣдутъ наши виленскіе гости!... Не выѣхать ли и намъ къ нимъ навстрѣчу, на маріенбургскомъ стругѣ?»

— «Гдѣ онъ, гдѣ онъ? Поѣдемъ, княгиня!» И тотъ самый стругъ, который унесъ Кейстута изъ завѣтной башни, во второй разъ принялъ князя въ блескѣ, въ радости, съ женой-красавицей, съ любимыми друзьями, на чужомъ озерѣ. За гребцовъ сѣли бояре, а на рулѣ тотъ же Артемьичъ. Только, пока садились, круглецы притащили дорогую шубу: князь самъ надѣлъ ее на Артемьича; по мановенію Цвиркуна, подали Артемьичу ковшъ золотой, а въ томъ ковшѣ нѣмецкія златницы.

— «Кормчій ты мой!» сказалъ князь: «Черпай золото золотымъ ковшемъ, на честномъ торгу. Ѣдемъ!»

Струги встрѣтились на серединѣ озера. Два отдѣлились отъ флотиліи и пошли съ маріенбургскимъ рядышкомъ. По правую руку шелъ стругъ Великой Княгини, съ боярынями и боярышнями; тамъ не было Альдоны; по лѣвую — стругъ Великаго Князя съ князьями и боярами; тамъ не было Альфа. Тяжело было Великой Княгинѣ на мощеной пристани, при стеченіи безчисленнаго народа, цѣловать язычницу изъ простаго рода; но разумъ Троцкой княгини, ея умная почтительность къ Уль-

нѣ Александровнѣ, величіе и красота, непринужденность въ обращеніи — скоро очаровали и мужчинъ и женщинъ, такъ что за пиръ двѣ княгини, — сестры и сосѣдки, сѣли добрыми друзьями.

Открылся блистательный пиръ. — Буртинникъ пѣлъ длинную балладу или сказаніе обо всѣхъ событіяхъ, сопровождавшихъ плѣнъ Кейстута и его женитьбу. При имени Альфа всѣ оглянулись: Альфа не было.

— «Гдѣ же это Альфъ?» спросилъ Ольгердъ: «Я его видѣлъ еще сегодня у Троцкихъ воротъ; онъ говорилъ: къ пиру непремѣнно буду на Трокахъ,— а теперь, слава Богу, скоро и полночь.»

— «Кажется, ѣдетъ» сказалъ сторожевой круглецъ, глядя въ окошко: «лодка идетъ съ Русскаго посада.»

— «Погоди же, Буртинникъ!» сказалъ Кейстутъ: «Хвалить, такъ въ глаза!»

Наступило безмолвное ожиданіе; но оно было непродолжительно: въ трапезную палату вбѣжала Вундина; на рукахъ у ней плакалъ Гуго.

— «Гдѣ они?» закричала Вундина: «гдѣ волкъ литовскій, гдѣ его волчица? О, не обманули, зачѣмъ не обманули?... Онъ на волѣ... Онъ женатъ... Онъ счастливъ... На, на, возьми моего Гуго, съѣшь его, растерзай, а не то онъ отомститъ и за отца и за несчастную Вундину... Онъ счастливъ! — И гдѣ мой разумъ... Тамъ, тамъ, на глубокомъ днѣ... Не даромъ я Вундина... Прощайте!»

Вундина положила передъ новобрачными ребенка, который ревѣлъ во все горло, а сама побѣжала безъ

оглядки.—Гриша вскочилъ изъ-за стола и бросился за нею, но Вундина, какъ тѣнь, пронеслась на стѣну замка; межъ двухъ зубцовъ спрыгнула и бухъ въ воду. Крикъ отчаяннаго Гриши достигъ до палаты, гдѣ устроенъ былъ пиръ; всѣ бросились къ окнамъ и легко поняли, что́ сталось съ Вундиной. Гриша стоялъ на томъ мѣстѣ, откуда спрыгнула Вундина, и, заломавъ руки, вопилъ самымъ отчаяннымъ образомъ. Всеобщее веселіе было нарушено. Правъ Цвиркунъ: печальная свадьба, грустный пиръ... Но на другой день все было забыто. Очаровательная хозяйка и великая гостья умѣли сдѣлать свадебныя забавы и разнообразными и неутомительными, такъ, что мѣсяцъ прошелъ, а пиры и веселіе еще не копчились. На пятой однако же недѣлѣ, въ пятницу, за пиромъ, всталъ съ чашей Цвиркунъ, поклонился гостямъ и рекъ:

— «Дѣти мои! Прощайте!»

И осушилъ стопу, какъ будто была въ тотъ день первая.

— «Ѣду въ Іерусалимъ, по обѣту. А какъ я не люблю проводовъ и проволочекъ, то и ѣду завтра. Добраго пути, дядя Цвиркунъ!»

Хлопъ вторую стопу, и налилъ третью.

— «Кто со мной? — За него — эта третья!»

— «Я съ тобой, я съ тобой, дядя!» закричалъ Гриша.

— «Пью за тебя дорогой сынъ! Добраго пути, Григорій Юрьичъ.»

— «Добраго пути!» сказали всѣ, но такъ глухо, такъ мрачно, какъ будто пили память покойника;

и грустно отошелъ послѣдній пиръ на свадьбѣ Кейтута и Бируты. Завтра гости уѣхали; послѣдніе— Цвиркунъ съ Гришей.

Подъѣзжая подъ Вильно, путешественники услышали громкій благовѣстъ ко всѣмъ церквамъ.

— «А гдѣ мы, дядя, отслужимъ молебенъ въ путь грядущимъ?» спросилъ Гриша...

— «Въ монастырѣ, Гриша, въ монастырѣ, у сестры Ксенін.»

Гриша вздохнулъ и Цвиркунъ тоже. Съ грустію въѣхали они въ Троцкія ворота и молча, шагомъ, потащились мимо хоромъ.

— «Что это Анна Осиповна не была на свадьбѣ?» спросилъ Гриша.

— «Да какъ же ей быть тамъ, когда и мѣсяца не прошло послѣ смерти Гаштолда?...»

Угадалъ Цвиркунъ, да не совсѣмъ. Смерть Гаштолда служила предлогомъ, почему Анна Осиповна не поѣхала въ Троки, а причина была другая: тому назадъ недѣли три, въ садахъ Гаштолдовыхъ поселился новый латинскій гость, монахъ францискаскаго ордена. Онъ жилъ въ уединенной кельѣ. Никого Анна Осиповна не приказала пускать къ нему, ходила въ келью одна и каждое утро. Полѣницкій давно уже выписалъ себѣ въ помощь еще двухъ старыхъ францисканцевъ, но этотъ былъ молодъ. Полѣницкій справедливо сталъ подозрѣвать и допытываться; но это довело его до такой ссоры съ Анной Осиповной, что Полѣницкій въ одинъ день лишился всѣхъ своихъ надеждъ и прибыльнаго мѣста, и въ ту же ночь повезли его на боярскихъ

лошадяхъ въ обратный путь, на Гродно. Съ отъ-ѣздомъ Полѣницкаго выполз ъ изъ тайной кельи и затворникъ; то былъ Альфъ Безъименный. На горѣ, въ красивой бесѣдкѣ, два старца наставляли его латинскому закону; онъ не слушалъ ихъ, онъ глядѣлъ на Троцкую дорогу. На смѣну францискан-цамъ приходила Анна Осиповна утѣшать молодаго монаха... И онъ утѣшился скоро, но съ лица его не сходила злобная улыбка. Никогда не выходилъ онъ не только на улицу, но даже на дворъ боярской; всегда сидѣлъ въ своемъ саду, отдѣленномъ отъ другихъ высокою оградою и расположенномъ на вершинѣ горы. Въ это утро, когда возвращались гости Троцкіе въ Вильно, въ красивой бесѣдкѣ Альфъ, или, какъ его называли тогда, отецъ Феликсъ, стоялъ сложа руки и задумчиво глядѣлъ на Троцкую дорогу.

— «Полно, Феликсъ» сказала Анна Осиповна: «полно смотрѣть; давай лучше учиться по-нѣмецки; я уже затвердила вчерашній урокъ; и что ты тамъ высмотришь? Благо Ольгердъ позволилъ твоему довѣренному продать все твое имущество и отослать деньги гдѣ ты проживать будешь. И такъ все останется въ тайнѣ... И жалко, Альфъ, что ты поспѣшилъ монашествомъ.»

— «Нѣтъ, Анна! Не хочу знать этого міра и его грязныхъ страстей! Не хочу ничего! Я остался въ Вильнѣ, я не могъ не остаться... Но если-бы они узнали, что я здѣсь, не дали бы мнѣ покоя, какъ не даютъ покоя сестрѣ моей... Умру здѣсь въ постѣ и молитвѣ, и тогда, Анна, я уже

не прошу никакой тайны... Вотъ и опять къ Альдонѣ гости... Уйдемъ, Анна, уйдемъ!. На этомъ пригоркѣ много воспоминаній; мірская суета еще не заглохла въ глубокомъ сердцѣ. Анна, уйдемъ отсюда!»

Альфъ былъ правъ: у дѣвичьяго Благовѣщенскаго монастыря какой-то карликъ, одѣтый пономаремъ, принялъ лошадей отъ боярина и Гриши.

— «Что сестра Ксенія?» спросилъ Цвиркунъ: «Можно видѣть?»

— «А ты уже знаешь обо всемъ, братецъ?»

— «Какъ же не знать! Великому Князю Лучанинъ каждый день гонцевъ присылалъ. Все знаемъ. Ну, такъ что сестрица?»

— «Слава Господу,» отвѣчалъ маленькой пономарь: «говорятъ, здорова.»

— «Да ты развѣ ее не видишь?..»

— «Рѣдко, бояринъ, да и на что мнѣ? Лишь бы моя княжна надъ княжнами здорова была. Да и по голосу смѣкаю; вотъ голосокъ, бояринъ, ангельскій!»

— «Ну а ты изъ шутки, что ли, пономаремъ нарядился?»

— «Нѣтъ, бояринъ; служу въ причтѣ Благовѣщенскомъ, а живу на Троицкомъ монастырѣ съ послушниками. Ты вѣрно хочешь сестру Ксенію видѣть, такъ ступай поскорѣй; у насъ сейчасъ благовѣстить станутъ, такъ тогда ее не увидишь. Благо монастырь отпертъ. Ступай, а я лошадокъ подержу.»

— «Спасибо, Ларчикъ!»

Бояринъ съ Гришей вошелъ въ монастырь и какъ нарочно встрѣтилъ Ксенію; она возвращалась изъ сада съ порядочной корзиной спѣлой малины.

— «Здравствуй дядя, здравствуй Гриша! Какъ васъ Богъ сюда привелъ?» сказала Ксенія, поставивъ корзину на деревянныя балясы.

— «Пришелъ проститься съ тобою: ѣду въ Іерусалимъ съ Гришей!»

— «Благослови васъ Господь Богъ и Пречистая! Жаль, далеко, а то бы и я съ вами. Ну, спасибо, что вспомнили; простите! Мнѣ, признаться, и некогда...»

— «А что?»

— «Да хотѣлось бы до обѣдень малинку для Ульяны Александровны отобрать, да отослать. Слышно, сегодня воротилась.»

— «Почитай вмѣстѣ!»

— «Вотъ видите! Такъ, простите же, добрые люди, и помолитесь за Князя и Княгиню, да и за всѣхъ передъ Гробомъ Господнимъ. Простите! Да, ужъ не осердитесь, а право не грѣхъ спросить про брата. Что про него слышно?»

— «Былъ у Великаго Князя на Трокахъ Гаврило съ Китова двора; приносилъ отъ Альфа писаніе. Скромно написано. Проситъ простить ему всѣ вины; говоритъ, что послѣ такого удара, тяжело ему будетъ жить на Вильнѣ, а и того пуще на Трокахъ. Ѣдетъ на Москву. Проситъ дозволить Гаврилѣ продать и городки и дворы, да деньги ему, на Москву, отвезти. Ольгердъ съ Кейстутомъ, да съ нами подумали, да и рѣшили. Велики по-

двиги Альфа, велика и любовь. Богъ съ нимъ! Что его на дареномъ добръ обижать. Пусть себѣ все продаетъ и ѣдетъ куда хочетъ...»

— «Дай ему Господи счастія... Простите!»

Сестра Ксенія ушла. Цвиркунъ отслужилъ молебень и отправился въ путь-дороженьку на Кіевъ. Тамъ онъ нашелъ одного только стараго знакомца, Грека Ерменеса. Разговорились старики Цвиркунъ и разскажи ему всѣ эти похожденія, а тотъ отъ скуки больше, какъ уѣхалъ Цвиркунъ, взялъ, да и записалъ. Попадись его рукопись мнѣ въ руки. Не знаю какъ кому, а мнѣ подарочекъ. Я немного слогъ старинный подновилъ, отъ себя кое-что подкинулъ, да, безъ большихъ поправокъ, такъ, цѣликомъ, и тиснулъ. Читайте на здоровье, да не поминайте лихомъ. Право не за что; я вамъ худаго не желалъ и читать никого не неволю. Говорилъ мнѣ одинъ знакомый, большой знахарь всякихъ бусурманскихъ языковъ, будто въ Царѣградѣ, у турскаго султана, подъ замкомъ, въ шестомъ ларѣ съ правой стороны, есть еще одно писаніе Грека Ерменеса. Да о чемъ оно, не вѣдомо.